178 99
г3

В. Соколовъ

РОДНАЯ РѢЧЬ

178 / 99

Гидулянов.

Р. Гидулянов.

Р. Гидулянов 1915 г.

У. У. У.

Р. Гидуляновъ 3 кл. 1911 г.

291
П

РОДНАЯ РѢЧЬ.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Часть III.

ПРОЗА.

(для старшихъ классовъ).

СОСТАВИЛЪ

Инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища и Александро-Маріинскаго кавалерственной дамы Чертовой института

В. Соколовъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою: «Наслѣдники бр. Салаевыхъ».
1906.

Р. Гидулянов уч. 3 кл. 1921.

РОДНАЯ РѢЧЬ

178/99

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Часть III.

ПРОЗА.

(для старшихъ классовъ).

СОСТАВИЛЪ

Инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища и Александро-Маріинскаго кавалерственной дамы Чертовой института:

В. Соколовъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

МОСКВА.

Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою: «Наслѣдники бр. Салаевыхъ».

1905.

Кб

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
913835

Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

Отъ составителя.

Третьею частью „Родной Рѣчи“ оканчивается задуманное мною пособіе для изученія современнаго отечественнаго языка, теоріи сочиненія и литературныхъ видовъ; но я надѣсь, что эта хрестоматія, по обилію, разнообразію и доброкачественности собраннаго въ ней матеріала, можетъ еще оказать значительную услугу и такъ называемому общему развитію учащихся, а также—подготовить хорошую почву для усвоенія исторіи словесности, въ особенности XIX вѣка.

Въ виду обширности третьей части и ради удобства при пользованіи ею, она раздѣлена на двѣ книги: въ одной помѣщена проза, въ другой поэзія.

Первая книга имѣетъ пять отдѣловъ, въ которыхъ образцы различныхъ видовъ прозы представлены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ I-мъ—путешествія, во II-мъ—записки, воспоминанія, статьи біографическаго и автобіографическаго характера; въ III-мъ—статьи научно-историческаго содержанія; въ IV-мъ—разсужденія, литературная критика и публицистика; въ V-мъ—ораторская рѣчь, сначала духовная (№№ 1—19), а потомъ свѣтская (№№ 20—25).

Вторая книга, соотвѣтственно общепринятому дѣленію поэтическихъ произведеній, заключаетъ въ себѣ три отдѣла: I-й—эпосъ, II-й—лирика и III-й—драма.

Статьи каждаго отдѣла размѣщены по алфавиту авторовъ.

Оглавленіе.

ОТДѢЛЪ I.

И. С. Аксаковъ.

Стр.

1. Изъ путевыхъ писемъ.
   - I. На Волгѣ за Саратовомъ .. 1
   - II. Севастополь 2
   - III. Кіевъ 5

акад. Θ. И. Буслаевъ.

2. Изъ путевыхъ записокъ.
   - I. Мечты и настроеніе 6
   - II. Сорренто 8
   - III. Римъ 10

И. А. Гончаровъ.

3. „Фрегатъ Паллада".
   - I. Сборы, мечты и сомнѣнія.. 11
   - II. Первыя впечатлѣнія 17
   - III. Буря 20
   - IV. Матросскій обѣдъ и развлеченія 21
   - V. Лондонъ 22
   - VI. Англійская практичность... 29
   - VII. Силуэтъ англичанина и русскаго 31
   - VIII. Качка 37
   - IX. Вечеръ и ночь подъ тропиками 43
   - X. Поимка акулы 46
   - XI. Русскіе миссіонеры и чиновники въ Якутской области. 48
   - XII. Сибирскіе туземцы 52

Е. Л. Марковъ.

4. Изъ книги: «Россія въ Средней Азіи».
   - I. Общій видъ Кавказа со стороны Чернаго моря 55
   - II. Спасеніе утопавшей 56
   - III. Кавказскій музей въ Тифлисѣ 58
   - IV. Асхабадъ 61
   - V. Камеланскія ворота въ Ташкентѣ 63

5. Изъ «Путешествія по Святой Землѣ».
   - I. У гроба Господня 65
   - II. Мертвое море 71

А. С. Пушкинъ.

6. Изъ «Путешествія въ Эрзерумъ». 74

С. А. Рачинскій.

7. Школьный походъ въ Нилову пустынь.
   - I. Рѣшеніе итти на богомолье.. 82
   - II. Выступленіе 83
   - III. Въ дорогѣ 84
   - IV. Нилова пустынь 87

ОТДѢЛЪ II.

С. Т. Аксаковъ.

1. Начало моего знакомства съ Гоголемъ 92

проф. Н. И. Барсовъ.

2. Изъ воспоминаній объ И. А. Гончаровѣ 100

В. Г. Бѣлинскій.

3. Эпизоды изъ жизни Кольцова.
   - I. Дѣтство и юность 106
   - II. Начало литературной дѣятельности и новыя связи. 111
   - III. Житейскій разладъ и перемѣна въ душевномъ настроеніи 114
   - IV. Послѣдніе годы жизни 118

акад. Θ. И. Буслаевъ.

4. Мои воспоминанія.
   - I. Студенческое общежитіе... 121

Стр.

II. Послѣднее свиданіе съ матерью 125
III. Изъ жизни Гоголя въ Римѣ. 128

проф. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.
5. Майскія рекреаціи..... 130

И. А. Гончаровъ.
6. Изъ статьи: «Въ университетѣ».
I. Студенчество въ тридцатыхъ годахъ XIX ст..... 133
II. Пушкинъ въ аудиторіи.... 134

Д. В. Григоровичъ.
7. Литературныя воспоминанія.
I. Знакомство съ Достоевскимъ и Некрасовымъ..... 135
II. Появленіе первой повѣсти Достоевскаго: «Бѣдные люди»..... 138
III. Въ имѣніи Тургенева «Спасское»..... 139

Ѳ. М. Достоевскій.
8. Дневникъ писателя.
I. Первый шагъ на литературномъ поприщѣ..... 142
II. Смерть Некрасова..... 146

проф. С. В. Ешевскій.
9. Профессоръ П. Н. Кудрявцевъ... 148

В. А. Жуковскій.
10. Послѣднія минуты Пушкина... 152

акад. В. О. Ключевскій.
11. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель..... 162

акад. А. Ѳ. Кони.
12. И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ... 168
13. Послѣдніе годы жизни доктора Гааза..... 169

проф. Н. А. Котляревскій.
14. Юность Гоголя 176

проф. П. Н. Кудрявцевъ.
15. Дѣтство Т. Н. Грановскаго..... 182

П. А. Кулишъ.
16. Сожженіе второго тома «Мертвыхъ душъ»..... 190

М. Н. Лонгиновъ.
17. Изъ воспоминаній о С. Т. Аксаковѣ 192

И. И. Панаевъ.
18. Изъ литературныхъ воспоминаній.
I. М. Ю. Лермонтовъ 194
II. Гоголь у С. Т. Аксакова .. 197

Стр.

проф. П. А. Плетневъ.
19. Жизнь И. А. Крылова 201

графъ А. К. Толстой.
20. Автобіографическій очеркъ 214

И. С. Тургеневъ.
21. Встрѣча съ Пушкинымъ и Кольцовымъ 217
22. Изъ «Литературныхъ воспоминаній»..... 219
23. Изъ воспоминаній о Н. В. Гоголѣ.
I. Первое знакомство 222
II. Чтеніе «Ревизора»..... 224
24. По поводу кончины Гоголя..... 226
25. Профессоръ П. А. Плетневъ..... 227

ОТДѢЛЪ III.

К. С. Аксаковъ.
1. Іоаннъ IV 230

проф. И. К. Бабстъ.
2. Битва при Мантинеѣ и смерть Эпаминонда..... 231

проф. Т. Н. Грановскій.
3. Лудовикъ IX..... 234

проф. С. В. Ешевскій.
4. Значеніе христіанства въ исторіи русской народности..... 246

И. Е. Забѣлинъ.
5. День царя Алексѣя 548

акад. В. О. Ключевскій.
6. Типы русскаго боярина 252
7. Періоды русской исторіи, какъ главные моменты колонизаціи страны 253

проф. П. Н. Кудрявцевъ.
8. Смерть философа Сенеки 256

акад. графъ Д. А. Милютинъ.
9. Суворовъ 259

проф. М. Н. Петровъ.
10. Петръ I — чисто великорусская натура..... 264
11. Римскій міръ и христіанство..... 266

проф. С. Ѳ. Платоновъ.
12. Царь Алексѣй Михайловичъ ... 272

акад. С. М. Соловьевъ.
13. Различіе южной и сѣверной Руси. 281
14. Владиміръ Святой..... 282
15. Владиміръ Мономахъ..... 283
16. Историческое значеніе Іоанна III. 285
17. Значеніе взятія Казани..... 287

Стр.

18. Іоаннъ Грозный..... 288
19. Образованіе московскаго государства..... 291
20. Юность Петра I..... 296

ОТДѢЛЪ IV.

И. С. Аксаковъ.
1. Дѣло Ломоносова..... 301
2. Заслуга Жуковскаго..... 303
3. Скобелевъ..... 304

П. В. Анненковъ.
4. Лиза Калитина, какъ самобытный нравственный характеръ. 309

А. Н. Аѳанасьевъ.
5. Русскія народныя сказки..... 312

акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
6. Патріотизмъ Карамзина..... 317

проф. А. К. Бороздинъ.
7. Печоринъ и Максимъ Максимовичъ..... 318

В. Г. Бѣлинскій.
8. Поэтическое изображеніе дѣйствительности..... 320
9. Поэзія—высшій родъ искусства. 320
10. Искусство и ремесло..... 321
11. Дѣленіе поэзіи..... 322
12. Значеніе драматическаго театра. 323
13. «Мертвыя души»..... 325

проф. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.
14. С. М. Соловьевъ..... 328

И. А. Гончаровъ.
15. Чацкій..... 330

проф. Т. Н. Грановскій.
16. Облагораживающее вліяніе исторіи..... 334
17. Великіе люди..... 334
18. Взглядъ грековъ и римлянъ на исторію..... 336

Д. В. Григоровичъ.
19. Творчество и трудъ писателя... 339

А. А. Григорьевъ.
20. Общій ходъ творчества Гоголя. 340

Ѳ. М. Достоевскій.
21. Народность Пушкина..... 342
22. Татьяна..... 344

проф. М. И. Драгомировъ.
23. Знамя—символъ духовнаго единенія солдатъ..... 348
24. Замѣтка о русскомъ солдатѣ... 349

Стр.

25. Князь Андрей Болконскій..... 354
26. Изъ статьи: «Война и миръ графа Толстого съ военной точки зрѣнія»..... 356

Н. М. Карамзинъ.
27. О любви къ отечеству..... 365

проф. М. Н. Катковъ.
28. Заслуга Пушкина..... 367

акад. В. О. Ключевскій.
29. Человѣческое общежитіе, его основы и развитіе..... 372
30. Лѣсъ, степь и рѣки..... 374

акад. А. Ѳ. Кони.
31. Судьба артиста..... 377
32. Два рода дѣятелей..... 378
33. Вымыселъ и дѣйствительность.. 378

М. Ю. Лермонтовъ.
34. Предисловіе къ роману «Герой нашего времени»..... 381

проф. Н. В. Муравьевъ.
35. Правда и милость, какъ основы суда..... 382
36. Коренныя начала русскаго новаго суда..... 383

акад. А. В. Никитенко.
37. Необходимость самовоспитанія.. 385
38. Тацитъ и Плутархъ..... 385
39. Роль писателей въ развитіи литературнаго языка..... 386

акад. К. П. Побѣдоносцевъ.
40. Русское церковное пѣніе..... 387
41. Прямой и двоедушный человѣкъ. 389
42. Воспоминанія..... 390

А. С. Пушкинъ.
43. «Горе отъ ума»..... 391
44. Барклай-де-Толли и Кутузовъ.. 392

акад. С. М. Соловьевъ.
45. Сила науки..... 393
46. Вліяніе природы на характеръ народный..... 394
47. Взаимодѣйствіе между природой страны и ея обитателями.... 394
48. Значеніе великаго человѣка.... 395
49. Важность и трудность изученія исторіи..... 397
50. Христіанство въ древней Руси.. 399

В. Я. Стоюнинъ.
51. Истинное просвѣщеніе..... 401

Стр.

Н. Н. Страховъ.

52. Романъ «Война и миръ».
I. Общая характеристика..... 402
II. Основная идея..... 407

И. С. Тургеневъ.

53. Значеніе искусства..... 412
54. Графъ А. К. Толстой..... 413
55. Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева..... 414

Митрополитъ Филаретъ.

56. Общественные памятники..... 416
57. Истинная благотворительность.. 417

А. С. Хомяковъ.

58. С. Т. Аксаковъ..... 418

Епископъ Хрисанѳъ.

59. Значеніе религій древняго міра. 423

проф. С. П. Шевыревъ.

60. Слово и его высоко-просвѣтительное значеніе..... 424

ОТДѢЛЪ V.

Митрополитъ Антоній.

1. Рѣчь при поминовеніи Суворова. 427
2. Слово на панихидѣ о Суворовѣ. 428

Архіепископъ Иннокентій.

3. Рѣчь при встрѣчѣ московскаго ополченія..... 429
4. Слово въ Великій пятокъ 431

Митрополитъ Макарій.

5. Слово о любви къ ближнимъ, какъ новой заповѣди и великомъ благѣ..... 434
6. Слово въ день столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина..... 437

Стр.

7. Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова 440
8. Слово при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину..... 443

прот. Р. Путятинъ.

9. Поученіе въ Новый годъ..... 444
10. Поученіе передъ св. Причастіемъ. 445
11. Поученіе въ день Благовѣщенія и Великую субботу 446
12. Поученіе о любви..... 448
13. Поученіе о помощи нуждающимся. 449
14. Поученіе о жизни по совѣсти и Закону Божію 450
15. Поученіе о любви къ врагамъ.. 451
16. Поученіе о гордости и смиреніи. 453

Митрополитъ Филаретъ.

17. Изъ слова о царствіи Божіемъ. 454
18. Изъ слова на текстъ: «Побѣждай благимъ злое»..... 456
19. Религія — главное утѣшеніе въ несчастіи... 458

акад. Я. К. Гротъ.

20. О самостоятельномъ жизненномъ пути 461

В. А. Жуковскій.

21. Рѣчь на юбилеѣ И. А. Крылова. 471

проф. М. Н. Катковъ.

22. Застольная рѣчь..... 472

акад. В. Ѳ. Ключевскій.

23. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго..... 474

акад. А. Ѳ. Кони.

24. Заслуга Достоевскаго..... 484

проф. Н. В. Муравьевъ.

25. Прощальное слово..... 488

Замѣчены слѣдующія опечатки:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
235	6 снизу	XII	XIII
390	1 сверху	Сила Воспоминанія	Воспоминанія.

ОТДѢЛЪ I.

1. Изъ путевыхъ писемъ.

I. На Волгѣ, за Саратовомъ, 17-го іюня 1865 г.

Какая ночь, какая ночь,—если-бъ вы знали, какая ночь! Можетъ, и у васъ тамъ хорошая ночь, и вы не спите, а любуетесь ею въ окно—но не такая она, какъ здѣсь—теплая, мягкая, ласковая... Красота совершенная, ничего ей недостаетъ. Пароходъ присталъ на ночь къ пристани у села Золотого. Тишина полная. Волга, и безъ того здѣсь необъятно широкая, сливается съ небомъ въ безмѣрной дали; мѣсяцъ, круторогій, золотой, виситъ прямо надъ водою и переливается въ ней золотымъ столбомъ; за нимъ, въ отдаленіи, въ облакахъ, осѣвшихъ книзу, безпрерывно трепещетъ зарница, трепещетъ на небѣ и въ водѣ. Направо крутой берегъ, кишатъ бабы, таскаютъ дрова; два-три дерева цѣпляются корнями за крутизну,—и какъ хороши они теперь тутъ, на этомъ безлѣсномъ пространствѣ! Горы и тучи на небосклонѣ ложатся темною тѣнью на одномъ краю Волги, и эта сизая темь еще привлекательнѣе, еще сильнѣе притягиваетъ меня къ себѣ, чѣмъ свѣтлый край востока... Такая „всенощная“ совершается теперь въ природѣ, такое богослуженіе, что весь невольно безъ словъ сливаешься съ этою бесѣдою Бога съ человѣкомъ. Не ушелъ бы съ палубы!.. И долго, долго стоялъ я на ней молча, потому что только молчаніемъ можетъ почтить человѣкъ святыню такой ночи, потому что невольно смолкаетъ жалкая, ограниченная звукомъ и словомъ рѣчь человѣческая, и вся обуздывается душа человѣка...

И потомъ подумалъ я невольно: эта красота ночи точно такъ же свѣтила и тысячи лѣтъ тому назадъ, для другихъ людей и народовъ, и точно такъ же будетъ сіять въ вѣка грядущіе неизмѣнно, а милліоны людей, благоговѣйно созерцавшихъ эту красоту, одни за другими легли въ могилу, еще болѣе холодную, чѣмъ эта вода, и утучнили собою эти берега. Красота эта неизмѣнна и равнодушна; мѣняется, подвиженъ, смертенъ тотъ, кто одинъ постигаетъ эту красоту... И

страшно было бы остановиться на этой мысли, если бъ не носить въ душѣ несомнѣнной вѣры, что вознесенъ человѣкъ превыше этой внѣшней красоты Божьяго міра, что вся вселенная не стоитъ единой души человѣческой...

Смотря на эту чудную ночь, я думалъ также: о, не всегда же душа можетъ быть въ такомъ настроеніи! За этою ночью послѣдуютъ пошлые дни, жизнь мелочная вступитъ опять въ полныя свои права... О, не дай Богъ погрязнуть въ мелочахъ расчета, въ суетѣ, какого бы качества она ни была, къ какой бы категоріи ни принадлежала—къ категоріи ли внѣшней, или умственной дѣятельности; не дай Богъ опошлиться и чувствовать сердце свое заплывшимъ жиромъ пошлаго довольства, пошлыхъ благъ, пошлаго счастья! И развѣ можетъ опошлить человѣка ежедневная будничная жизнь, когда есть молитва, когда есть возможность читать евангеліе? Если только человѣкъ будетъ святиться молитвой, то и въ ежедневности онъ будетъ стоять надъ нею и не утратитъ во всѣхъ отправленіяхъ, во всѣхъ злобахъ дня—идеи вѣчнаго, общаго,—Бога, наконецъ.

II. Севастополь, 3-го іюля 11 часовъ вечера, 1865 г.

Въ девятомъ часу вечера пріѣхали мы въ Севастополь, переправились черезъ бухту съ Сѣверной стороны на Южную, гдѣ и остановились въ гостиницѣ. Здѣсь такъ тяжело, такъ обидно, такъ ноетъ здѣсь русское сердце, что ни о чемъ иномъ ни говорить, ни думать нельзя. Я впрочемъ уже не въ первый разъ въ Севастополѣ: я его подробно разсматривалъ на другой годъ послѣ войны, въ 1856 году. Тогда эти развалины были еще свѣжи, раны, такъ сказать, еще зіяли и сочились кровью, событіе историческое еще не отодвинулось вдаль, а было животрепещущимъ настоящимъ.

Мы пріѣхали вечеромъ, и, какъ здѣсь сумерекъ нѣтъ, а темнота ниспадаетъ внезапно, то видъ разрушенія былъ скрытъ отъ насъ. Но довольно знать, что я въ Севастополѣ... И какъ не идетъ къ Севастополю эта превосходная гостиница, въ которой мы помѣстились, и кое-гдѣ, мѣстами, какіе-то лоскутья живой жизни. Очень мало—но все же нѣсколько домовъ обстроилось, по бульвару гуляютъ дамы, слышны разговоры, хохотъ, кое-гдѣ бренчанье музыки... Что-нибудь одно: или Севастополь долженъ быть отстроенъ заново, со всѣми своими укрѣпленіями, воскреснуть такою же грозною твердынею, какъ прежде, или же остаться памятникомъ великой борьбы народовъ, громадною усыпальницею, каменнымъ эпическимъ сказаніемъ,—потому что севастопольскій эпизодъ въ современной исторіи—это какой-то отрывокъ изъ героическаго періода, это эпосъ. Но, какъ ни быстро уходитъ Севастополь въ прошлое, все же долго, долго пройдетъ, пока онъ станетъ въ такой исторической перспективѣ, что русскій способенъ будетъ от-

нестись къ нему—если не равнодушно, то только поэтически, и что эти развалины покроются для него почтеннымъ мхомъ исторіи, перестануть вопіять объ оскорбленіи народной чести, о сотняхъ тысячъ падшихъ братій, а будутъ служить поводомъ къ назидательнымъ размышленіямъ. Теперь, вѣроятно, уже уничтожились слѣды хозяйничанья чужеземцевъ, ихъ надписи на домахъ, названія улицъ, дороги, ими проложенныя; но, когда я былъ въ 56-мъ году, все это еще существовало, и отъ всего этого краска стыда и негодованія бросалась въ лицо. И какъ мы легко перенесли этотъ позоръ! Правда, добыто столько славы при томъ, и такъ сильно было сознаніе своихъ грѣховъ, что мы смиренно признали себя заслужившими казнь,—но тѣмъ болѣе должны бы мы были почтить тѣхъ, кто палъ искупительною жертвой. Древняя Русь непремѣнно бы установила въ день сдачи Севастополя панихидное служеніе по всей русской землѣ. Знаете ли вы Димитріевскую поминальную субботу въ половинѣ октября? Ее знаетъ каждый мужикъ, хотя и не знаетъ, почему она установлена. Она установлена Димитріемъ Донскимъ послѣ Куликовской битвы, въ память всѣхъ погибшихъ въ этой битвѣ. Не „торжество“, не „кавалерійскій праздникъ“, какіе установляются у насъ съ Петра—хоть бы въ честь Полтавской побѣды или взятія Парижа,—а смиренное поминаніе.

Посмотрю завтра и иностранныя кладбища. Это послѣднее меня не возмущаетъ. Какъ будто всѣ народы, участвовавшіе въ кровавой борьбѣ, по окончаніи борьбы пришли въ ужасъ сами отъ совершившагося истребленія человѣковъ,—борцы ушли, оставивъ по себѣ безмолвныя кладбища и ангеловъ смерти, ихъ сторожащихъ. Станы воюющихъ враговъ превратились въ станы мертвыхъ. Здѣсь и теперь, какъ прежде, есть и французы, и англичане, и сардинцы, и турки, и русскіе—но не живые, а мертвые. Будь русскій человѣкъ менѣе христіанинъ православный, онъ непремѣнно сложилъ бы легенду, что по ночамъ, въ 12 часовъ, встаютъ изъ гробовъ павшіе представители народовъ, и начинается снова жаркая сѣча, и палятъ невидимыя орудія и пр. и пр. Но русскій человѣкъ простой, вѣритъ, что за гробомъ вражды нѣтъ, и враждовавшіе *тамъ* помирились...

Когда мы пріѣхали, вечеръ былъ великолѣпный. Правда, сверкала вдали не то молнія, не то зарница, но было необыкновенно тихо, и огни на судахъ отражались спокойно въ бухтѣ. А теперь вдругъ поднялась буря, вѣтеръ такъ и рветъ окна, дождь, молнія. Не удивляйтесь, если письмо будетъ нѣсколько испачкано. До начала бури окна у меня были открыты, и на огонь налетѣла цѣлая туча москитовъ,—теперь они такъ и облипаютъ бумагу, и несносно кусаются, хотя и не опасно...

Я не могу здѣсь не думать о простомъ солдатѣ, о „нижнемъ чинѣ“, какъ его у насъ оффиціально называютъ. Въ реляціяхъ о битвахъ офицеры обыкновенно называются по именамъ, а о солдатахъ пи-

шется: „нижняго чина убито столько-то“. Нижній чинъ безличенъ и, погибая, не удостоивается собственнаго личнаго имени, а только нарицательнаго, опредѣляющаго родъ, espèce. Между тѣмъ всѣ единицы этого рода, всѣ—отдѣльныя личности, пережившія каждая личную свою драму передъ смертью, съ личною отвѣтственностью передъ Богомъ. Засыпаютъ ихъ въ общую могилу... Я давно собирался написать стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Нижній чинъ“, гдѣ говорю объ утѣшительной мысли, что вся эта толпа для насъ—для Бога человѣческія души, и что каждая изъ нихъ, затерянная здѣсь во „множествѣ многомъ“,

„Отыщется въ день судный передъ Богомъ“.

Нравится ли вамъ это?

Я писалъ это письмо, выжидая, пока стихнетъ страшный вѣтеръ, мѣшающій нашей переправѣ съ Южной стороны на Сѣверную, чтобъ осмотрѣть кладбище русское и новую церковь. Не дождавшись тихой погоды, мы рѣшились отправиться въ объѣздъ: это цѣлыхъ 15 верстъ, и мы доѣхали до кладбища уже въ 8 часовъ вечера. Какое сильное, глубокое производитъ оно впечатлѣніе! Тутъ и Горчаковъ *), и генералы, и солдаты: послѣдніе—въ общихъ могилахъ, крытыхъ одной плитой въ видѣ пирамидальной крыши. И много ихъ, этихъ бѣлыхъ плитъ. Это кладбище павшихъ или умершихъ—не за себя, а за нѣчто высшее себя, не съ заботами о своемъ личномъ духовномъ спасеніи, а съ заботами о спасеніи отечества, родной земли, повергая участь своей души милосердію Божію. Всѣ они, эти храбрые и благородные, послужили идеѣ общаго, поглотившей въ нихъ эгоизмъ личности. Въ виду разрушеннаго Севастополя краснорѣчиво это нѣмое кладбище, и почти оттуда же виднѣются кладбища иностранныя—каждая нація въ своей оградѣ. Не брань, не битва, не звукъ сѣчи, копій, сабель, пушекъ раздается въ тишинѣ, а ведутъ эти кладбища будто бесѣду нѣмую между собою. И легли они, эти борцы, а разрѣшеніе вопроса таитъ про себя исторія...

Церковь мнѣ понравилась; она устроена вся въ видѣ памятника.

Полонъ всякихъ и патріотическихъ и религіозныхъ и философскихъ думъ, поѣхалъ я, когда уже стемнѣло, въ Балаклаву. Ѣхали все по „французскому (т. е. французами устроенному) шоссе“! Доплелись до Балаклавы въ первомъ часу ночи на понедѣльникъ (5-го іюля). Заснуть не было никакой возможности отъ множества насѣкомыхъ; въ четвертомъ часу утра отправились мы въ Георгіевскій монастырь, гдѣ отстояли заутреню; возвратившись въ Балаклаву, продолжали путь на почтовыхъ и чрезъ Байдарскія ворота, часу въ пятомъ, пріѣхали въ Мисхоръ, гдѣ и остановились. Я довольно усталъ отъ объѣзда по Кры-

*) Князь М. Д. Горчаковъ, бывшій одно время главнокомандующимъ подъ Севастополемъ.

му: мы ѣздили ровно недѣлю въ экипажѣ открытомъ и довольно неспокойномъ, съ разными дорожными приключеніями. Пріѣхавши, я выкупался въ морѣ, погулялъ по саду, поужиналъ и пришелъ въ свою комнату, чтобы докончить это письмо. Но усталость беретъ свое, сонъ сильно клонитъ—поэтому прощайте!

Ш. Кіевъ, 16 іюля 1865 г.

Кланяется вамъ Кіевъ. Я пріѣхалъ вчера утромъ, прямо къ торжеству, бывающему здѣсь 15 іюля, въ день св. князя Владиміра, и былъ на этомъ торжествѣ. У меня брызнули слезы изъ глазъ, когда горы кіевскія, Днѣпръ, Крещатикъ, гдѣ совершилось крещеніе Руси, и вся окрестность огласились пѣніемъ тысячи голосовъ: „Святый равноапостольный великій княже Владиміре, моли Бога о насъ!...“ На самомъ мѣстѣ дѣла Владимірова, на самомъ мѣстѣ крещенія Руси, въ присутствіи хоругвей и образовъ, высланныхъ къ памятнику Владиміра отъ каждой святыни кіевской, въ присутствіи сотни тысячъ крещеннаго Владиміромъ русскаго народа, эта благодарная пѣснь православной Руси, послѣ тысячелѣтняго вкушенія благъ отъ неоскудѣвающаго источника открытой ей Истины,—слышать эти возгласы въ Кіевѣ—производитъ такое сильное впечатлѣніе, которое никакимъ воображеніемъ не можетъ быть возсоздано. Это торжество впрочемъ установлено недавно.

Въ этотъ день митрополитъ служитъ обѣдню въ Десятинной церкви, гдѣ находятся мощи св. Ольги и гробница Владиміра. Потомъ отъ лавры, отъ всѣхъ монастырей и церквей сходятся хоругви, кресты, иконы, духовенство къ памятнику св. Владиміра (мнѣ очень нравится эта колоссальная фигура съ крестомъ на горѣ).

Тутъ служится молебенъ, и, ставъ на подножіи чугунной статуи, митрополитъ осѣняетъ Кіевъ, а съ нимъ и всю Русь съ четырехъ сторонъ... Вся родная исторія ожила во мнѣ въ ея непрерывной связи историческихъ мгновеній, въ ея живой, неумирающей связи, при ощущеніи которой утрачивается ощущеніе лѣтъ и временъ. Что значитъ тысячелѣтіе?! Дѣло Владиміра будто вчерашнее дѣло, и переживаешь лично, въ данную минуту,—повидимому, ограниченную условіями мѣста и времени,—мгновеніе всемірно-историческое, касающееся временъ и народовъ, милліона милліоновъ лицъ, преемственно смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе тысячелѣтія.

Далѣе, отъ памятника Владиміра, который на горѣ, церковная процессія сходитъ извилистыми дорогами, которыя всѣ по краямъ окаймлены народомъ,—внизъ, къ колодцу Іоанна Предтечи, и тамъ совершается водосвятіе. Затѣмъ процессія уходитъ, хоругви и иконы разносятъ по церквамъ, а народъ запружаетъ собою всю долину около колодца, стараясь достать и испить освященной воды. Прибавьте къ

этому великолѣпнѣйшій день, безоблачное небо, голубой Днѣпръ, зелень этихъ горъ, на которыхъ толпятся, по всѣмъ изгибамъ и извивамъ, люди въ праздничныхъ одеждахъ,—и вы поймете, почему я такъ благодаренъ былъ себѣ, что поспѣлъ именно къ этому дню...

Крещеніе Руси! Какое чудесное историческое мгновеніе! Какъ просто, безъ борьбы, напоялась эта земля Живой Воды, какъ родной, давно жданной,—и какъ мгновенно зацвѣло въ ней православіе могучею жизнью... Читали ли вы, въ подлинникѣ, въ лѣтописи Нестора—описаніе этого событія, а потомъ молитвенный, благодарственный дивирамбъ этого спокойнаго и безстрастнаго монаха-лѣтописца—по поводу этого перваго возблистанія лучей истины православія на Русь?.. Не прошло вѣка—Русь называется „Святою Русью“!...

Всякій, знакомый съ исторіей, испытываетъ особенное историческое чувство при видѣ Кіева. На васъ вѣетъ весною Руси, тою вешнею Русью, до-татарскою, которая была хороша, какъ ясное утро, со своими Владимірами, Изяславами, Мстиславами, съ дѣятельною мѣстною жизнью, съ своими князьями и вѣчами. Это не единодержавное величіе Москвы, царственное, могучее, воплотившее въ себѣ идею единства и цѣльности Руси,—красота Москвы и красота Кіева выражаютъ собою два момента въ русской исторіи. Въ Москвѣ Русь является государствомъ и государственный элементъ—преобладающимъ; въ Кіевѣ же идея единства только носилась надъ русскою землею, жила въ общемъ сознаніи, но не воплощалась въ рѣзко-осязательномъ фактѣ единодержавія... А потомъ эти горы, полныя пещеръ, и пещеры, полныя этихъ „молитвенниковъ за русскую землю“,—этой первой жатвы христіанскаго посѣва! Тутъ и Несторъ-лѣтописецъ, тутъ и Илья Муромецъ, миѳическій богатырь временъ Владиміра Краснаго-Солнышка, богатырь изъ народа, пировавшій на пирахъ Владиміра; вы знаете, что большая часть народныхъ пѣсенъ пріурочивается къ свѣтлому времени Владиміра... Но, право, я бы не окончилъ, если бы пустился въ разсужденія о значеніи пещеръ и по поводу пещеръ и Кіева...

И. С. Аксаковъ.

---

2. Изъ путевыхъ записокъ.

I. Мечты и настроеніе.

Не удивляйтесь, если скажу вамъ, что съ самаго прибытія въ Любекъ въ продолженіе всего двухлѣтняго пребыванія моего за-границею насталъ для меня безпрерывный свѣтлый праздникъ, въ которомъ часы, дни, недѣли и мѣсяцы—представляются мнѣ теперь нескончаемою вереницею все новыхъ и новыхъ, какихъ-то радужныхъ впечатлѣ-

ній, нечаянныхъ радостей, никогда прежде не испытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ. Я тогда былъ еще очень юнъ и лѣтами, и душою,—въ возрастѣ нынѣшнихъ гимназистовъ, которые вступаютъ въ университетъ: мнѣ только что минулъ двадцать одинъ годъ. Я не зналъ ни людей, ни свѣта, и кромѣ своего Керенска, гдѣ родился, кромѣ пензенской гимназіи и казенно-коштнаго общежитія въ университетѣ,—я ничего другого не видалъ и не помнилъ. И вдругъ передо мною открылась необъятная и манящая вдаль перспектива отъ Балтійскаго моря по всей Германіи, черезъ Альпійскія горы—въ широкую Ломбардію, къ Адріатическому морю въ Венецію, а оттуда черезъ Альпы во Флоренцію, Римъ и наконецъ на берега Средиземнаго моря, съ Неаполемъ и Везувіемъ, съ Геркуланомъ и Помпеею. У меня духъ занимало, голова кружилась, я ногъ подъ собой не чуялъ въ стремительномъ ожиданіи все это видѣть, перечувствовать и пережить, усвоить уму и воображенію. Я заранѣе мечталъ пересоздать себя и преобразовать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденъ, что не мечтаемая мною, а настоящая дѣйствительность своимъ чарующимъ обаяніемъ превзойдетъ самыя смѣлыя фантастическія мои ожиданія, потому что въ этихъ романтическихъ грезахъ мнѣ недоставало тогда ни очерковъ, ни красокъ, чтобы воплотить неясныя и пылкія мои стремленія—dahin, dahin, wo die Citronen blühen!..

Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во все возможное и невозможное, съ выспренними полетами въ невѣдомыя, таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искусства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго,—будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи. Меня заманивалъ и уносилъ романтическій потокъ времени, и я строилъ себѣ воздушные замки и вѣровалъ въ возможность ихъ осуществленія тамъ — далеко, куда направлялись мои задушевныя идеи, помыслы и думы, и гдѣ я надѣялся привести въ исполненіе предначертанные мною планы.

Чтобы вы вполнѣ уяснили себѣ это свѣтлое и торжествующее настроеніе моего духа, я долженъ обратить ваше вниманіе на мое личное положеніе и на внѣшнія условія, опредѣляемыя тогдашнимъ порядкомъ вещей. Въ то время еще не было дешевой переправы вдаль по желѣзнымъ дорогамъ, возможной теперь и для людей съ ограниченными средствами; но кое-гдѣ, какъ новинку, начинали уже проводить ихъ на малыхъ разстояніяхъ. Ѣхать на лошадяхъ изъ Россіи не только въ Италію, но даже и въ Берлинъ или Дрезденъ, возможно было тогда для людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, обезпеченныхъ. Сверхъ того, отъѣзжающихъ за-границу облагали у насъ тяжелымъ

налогомъ—съ каждаго лица по пятисотъ рублей. Мнѣ, бѣдняку, разумѣется, и во снѣ не снилось очутиться въ Италіи. Моимъ радостямъ не было конца, когда на яву выпало на мою долю такое великое счастіе*)...

II. Сорренто.

28-го іюля 1840 г. Съ Искіи переѣхали мы въ Сорренто, и вотъ уже два дня, какъ наслаждаюсь я благорастворенным воздухомъ родины Тассовой, ежедневно нѣсколько разъ проходя мимо его дома. Думаю, что здѣшняя природа всего ближе можетъ объяснить страны, воспѣваемыя Гомеромъ. Синѣющая даль моря, усѣянная цвѣтущими островами, далеко вьющійся берегъ съ высокими горами, лазоревое небо съ дымящимся Везувіемъ, плескъ волнъ, дробимыхъ о высокій берегъ, и шумъ освѣжающаго вѣтерка между густыми садами оранжей, подъ палящимъ солнцемъ и жаркимъ небомъ,—неужели какая другая страна въ мірѣ можетъ превзойти красотою и роскошью ту, которою я теперь наслаждаюсь? Охотно перенесу я теперь суровую природу своей родины, населяя ея пустынныя степи и дремучіе лѣса незабвенными мечтами своего воображенія, которыя такъ заманчиво теперь увлекаютъ мою душу восхитительной дѣйствительностью. Еще новый даръ благого Провидѣнія!

29-го іюля. Читая сегодня „Рай“ Данта, вдругъ изъ своего окна, изъ-за оливъ и оранжей, услышалъ я отдаленные звуки органа, согласованнаго съ пѣніемъ, заманчиво теряющимся вдали. Я оставилъ книгу, и по звукамъ отправился во францисканскій монастырь, гдѣ тогда служили обѣдню, и просидѣлъ въ церкви нѣсколько минутъ, погруженный въ тихое благоговѣніе: случайно, но какъ нарочно, пришлось мнѣ у Данта читать жизнь св. Франциска. Только тогда понимаешь поэта, когда его стихи вдыхаешь вмѣстѣ съ воздухомъ и растворяешь ихъ высокими звуками молитвы... Вчера и сегодня восхищался я здѣшней природой: удивляешься, какъ всякая ничтожная вещь—ручеекъ, камешекъ, мостикъ—будто нарочно брошены для того, чтобы восхищать воображеніе своею живописностью.

2-го августа. Вчера изъ Сорренто переселились мы сюда къ сторонѣ M. S. Angelo. Сначала я жалѣлъ оставленную мною комнату, окно которой осѣнялось густыми оранжами и прозрачными оливами, изъ-за которыхъ такъ поэтически неслись ко мнѣ звуки утренней и вечерней молитвы францисканскаго монастыря; а теперь своимъ новымъ жилищемъ я удовлетворенъ совершенно: окна мои глядятъ на востокъ, и на югъ, и на западъ, такъ что я по теченію солнца постоянно принужденъ затворять ставнемъ которое-нибудь изъ нихъ. Съ одной стороны я вижу

*) Авторъ былъ приглашенъ ѣхать съ семействомъ графа С. Г. Строгонова въ качествѣ домашняго учителя его дѣтей.

горы, амфитеатромъ окружающія равнину соррентскую; съ другой—Сорренто, съ его берегомъ и уходящимъ въ море мысомъ, оканчивающимся полуразвалившеюся башнею; съ третьей—широкое море съ неаполитанскимъ берегомъ и островами Прочидою и Искіею. Сколько людей многимъ бы пожертвовали, чтобы видѣть то, что такъ изобильно пресыщаетъ мои взоры!

12-го августа. Вчера былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дней моей жизни: я кончилъ Данта. Такимъ образомъ, онъ будетъ навсегда напоминать мнѣ своею возвышенною поэзіею тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями моихъ восторговъ, имъ возбужденныхъ: въ Неаполѣ я читалъ „Адъ“, въ Искіи—„Чистилище“, въ Сорренто—„Рай“... Эти возвышенные восторги, переполнявшіе душу поэта, эти возвышенныя бесѣды со святыми мужами читалъ я здѣсь, въ тѣни оранжей и оливъ, среди природы, неба, моря и земли, и воздуха, которые для насъ, жителей суровой природы, должны казаться райскими. Чтобы понимать Дантово наслажденіе раемъ, надобно самому просвѣтить свою душу высокимъ наслажденіемъ природы—и гдѣ же, какъ не здѣсь? Никогда и нигдѣ поэзія не являлась мнѣ столь высока и величава, какъ у Данта: у него она идетъ рука объ руку съ религіей, на тронѣ правосудія, съ очами, просвѣтленными для высшей мудрости, до которой не достигаютъ мудрецы въ своей философіи. Вся поэма—это шествіе поэта отъ преисподняго ада къ жилищу Божію, которое есть высшая ступень и послѣдняя строка поэта. Вотъ ощутительный образъ того, какъ поэзія стремится къ выраженію божественнаго!

14-го августа. Вчера, подъ густыми оранжами, при закатѣ золотистаго здѣшняго солнца, на крутомъ берегу моря, волнистаго и насупившагося, читалъ я Тасса. Не знаю, оттого ли, что теперь его болѣе понимаю, или оттого, что свое впечатлѣніе отъ чтенія растворяю соотвѣтственными прекраснымъ стихамъ—прекрасными образами природы,—только теперь я наслаждаюсь Тассомъ далеко больше прежняго, когда я читалъ его въ Москвѣ...

Сейчасъ пришелъ я съ купанья: море волнуется ужасно. Цѣлую минуту, я думаю, меня покрывала собою огромная волна; когда я вздумалъ было ее переплыть, соленая вода натекла мнѣ и въ уши, и въ носъ; я поминутно сваливался отъ новаго напора волны, приближеніе которой стремительною стѣною невольно приводитъ душу въ какое-то опасеніе.

27-го августа. Прошлое воскресенье ѣздилъ я на островъ Капри и былъ въ знаменитомъ лазоревомъ гротѣ.

Если воспоминаніе всегда болѣе или менѣе украшаетъ предметы поэтическими грезами, то какова должна быть память о предметахъ, которые и на самомъ дѣлѣ кажутся поэтическими образами мечты несбыточной?.. О, никогда не забуду эту очаровательную пещеру, дно которой голубѣе и блистательнѣе неба, освѣщаемаго лучами заходя-

щаго солнца! Будто какой подземный свѣтъ изъ морскихъ чертоговъ Ѳетиды ярко струится изъ-подъ величественно висящихъ надъ морскою бездною скалъ; рыбки мелькаютъ въ сіяніи ясно и осязательно, будто птички летаютъ по голубому поднебесью; а вотъ и живая фигура человѣческая плещется въ этомъ голубомъ сіяніи; не такъ ли блаженныя души у Данта въ раю купаются въ таинственномъ сіяніи небесныхъ лучей? Неужели самые греки могли вообразить поэтичнѣе и очаровательнѣе купанье стыдливой Діаны съ ея непорочными нимфами? Отъ игриваго движенія членовъ летитъ и разсыпается серебро, яркое, бѣлое, какъ снѣгъ по синему полю: не изъ такой ли сіяющей влаги родилась божественная Венера? Именно теперь только я понимаю, почему богиня красоты и любви избрала море своею родиною: эта яркая, то блестяще-лазурная, то темно-яхонтовая влага — не само ли небо во всей своей роскошной ощутительной вещественности?! О, страна, благословенная небомъ! Пусть всегдашняя любовь моя къ тебѣ будетъ вѣчною моею признательностью за тѣ блаженныя минуты, которыми я насладился въ тебѣ!

III. Римъ.

Въ маѣ 1840 г. ѣздилъ я изъ Неаполя въ Римъ на двѣ недѣли, чтобы навсегда съ нимъ проститься. Въ этотъ короткій срокъ я столько исходилъ по всему Риму и его ближайшимъ окрестностямъ, по церквамъ, дворцамъ и вилламъ, по галлереямъ и музеямъ, по развалинамъ и всякимъ другимъ урочищамъ, столько насмотрѣлся всего и перечувствовалъ, столькому научился, что иному не поспѣть бы за мною и въ два мѣсяца. Заранѣе составилъ я себѣ планъ съ обдуманно-строгимъ выборомъ, что надобно мнѣ въ Римѣ осмотрѣть и гдѣ быть, и не ограничивался бѣглымъ обзоромъ, даже по нѣскольку разъ побывалъ тамъ и внимательно изучалъ то, что особенно меня интересовало, и что казалось мнѣ самымъ важнымъ и необходимымъ. Въ головѣ моей крѣпко засѣла всего меня охватившая мысль, что этихъ сокровищъ знанія и образованія я уже потомъ никогда не увижу. Двѣ майскія недѣли слились для меня въ одинъ торжественный праздникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мое ликованіе растворялось унылымъ ожиданіемъ разлуки.

Чтобы дать вамъ наглядное понятіе о тогдашнемъ расположеніи моего духа, привожу изъ моихъ путевыхъ записокъ двѣ выдержки.

16-го мая 1840 г. „Есть на землѣ счастье! Возвышеннѣе и блаженнѣе того, какое я вкушалъ сегодня, не могу себѣ и представить! Я опять въ Римѣ... Городъ городовъ, столица столицъ, городъ, освященный и исторіей, и искусствами, и судьбою, и религіею!

Въ три часа пополудни, за 15 миль, показался намъ на отдаленномъ горизонтѣ этотъ чудесный городъ. Я сидѣлъ въ передней колясскѣ дилижанса и потому могъ наслаждаться вполнѣ необъятною па-

норамою, которая открылась намъ съ послѣдняго спуска на огромную равнину, на которой лежитъ Римъ. Вправо, въ солнечномъ туманѣ, волновались граціозными линіями горы, оканчиваясь пригорками, за которыми вновь поднимались въ туманной дали другія горы; передъ ними разстилалось изгибающееся холмами широкое поле; Рима еще не видать было за большимъ холмомъ влѣво; когда же мы обогнули его, вдали, на концѣ горизонта, открылась темноватая полоса, которою раскинулся вдали Римъ: зданія сливались въ одну сплошную массу, и только одинъ св. Петръ своимъ куполомъ возносился надъ этой полосой, подобно вѣщей головѣ сказочнаго исполина, лежащей на костяхъ всемірнаго побоища народовъ, и высоко рисовался по синему небу; все исчезало въ пространствѣ и сливалось съ землею, отъ которой величаво поднимался куполъ великаго храма храмовъ... Такъ вѣрою возносится человѣческая душа надъ сутолокою житейскихъ заботъ".

31-го мая. „Послѣдній день прекраснаго мая моей жизни! Какъ подумаю, что, можетъ быть, послѣдній разъ въ жизни пишу въ Римѣ,— сердце такъ и обливается кровью и жмется съ невыразимою тоскою! Какъ велики, какъ священны для сердца человѣческаго первый и послѣдній разъ! Такъ всегда сладко первое свиданіе—и такъ горька разлука!.. Разстаться съ Римомъ? Легко сказать! Это одно и то же, что навсегда уже отказаться отъ всего великаго и прекраснаго въ мірѣ и жить только воспоминаніями прошедшаго. Какъ сумасшедшій, какъ страстный любитель, прощался я сегодня съ св. Петромъ, Сикстинскою капеллою, ложами Рафаэля"... и такъ далѣе, въ томъ же выспреннемъ стилѣ восторженныхъ диѳирамбовъ въ перемежку съ трогательными элегіями.

Акад. Ѳ. И. Буслаевъ.

---

3. „Фрегатъ Паллада".

I. Сборы, мечты и сомнѣнія.

Вы спрашиваете подробностей моего знакомства съ моремъ и моряками, съ берегами Даніи и Швеціи, съ Англіей? Вамъ хочется знать, какъ я вдругъ, изъ своей покойной комнаты, которую оставлялъ только въ случаѣ крайней надобности и всегда съ сожалѣніемъ, перешелъ на зыбкое лоно морей,—какъ, избалованнѣйшій изъ всѣхъ васъ городскою жизнію, обычною суетой дня и мирнымъ спокойствіемъ ночи, я вдругъ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, долженъ былъ ниспровергнуть этотъ порядокъ и ринуться въ безпорядокъ жизни моряка? Бывало, не заснешь, если въ комнату ворвется большая муха и съ буйнымъ жужжаньемъ носится, толкаясь въ потолокъ и въ окна, или заскребетъ мышонокъ въ углу; бѣжишь отъ окна, если отъ него дуетъ, бранишь до-

рогу, когда въ ней есть ухабы, откажешься ѣхать на вечеръ въ конецъ города подъ предлогомъ „далеко ѣхать“, боишься пропустить урочный часъ лечь спать; жалуешься, если отъ супа пахнетъ дымомъ, или жаркое перегорѣло, или вода не блеститъ, какъ хрусталь. И вдругъ — на морѣ!..

— „Да какъ вы тамъ будете ходить — качаетъ?“ спрашивали люди, которые находятъ, что если заказать карету не у такого-то каретника, такъ ужъ въ ней качаетъ.—„Какъ ляжете спать, что будете ѣсть? Какъ уживетесь съ новыми людьми?“ сыпались вопросы, и на меня смотрѣли съ болѣзненнымъ любопытствомъ, какъ на жертву, обреченную пыткѣ. Изъ этого видно, что у всѣхъ, кто не бывалъ на морѣ, были еще въ памяти старые романы Купера или разсказы Марріета о морѣ и морякахъ, о капитанахъ, которые чуть не сажали на цѣпь пассажировъ, могли жечь и вѣшать подчиненныхъ, о кораблекрушеніяхъ, землетрясеніяхъ.

— „Тамъ васъ капитанъ на самый верхъ посадитъ“, говорили мнѣ друзья и знакомые, — „ѣсть не велитъ давать, на пустой берегъ высадитъ“.

— „За что?“ спрашивалъ я.

— „Чуть не такъ сядете, не такъ пойдете, закурите сигару, гдѣ не велѣно“.

— „Я все буду дѣлать, какъ дѣлаютъ тамъ“, кротко отвѣчалъ я.

— „Вотъ вы привыкли по ночамъ сидѣть, а тамъ, какъ солнце сѣло, такъ затушатъ всѣ огни“, говорили другіе: „а шумъ, стукотня какая, запахъ, крикъ!“

— „Сопьетесь вы тамъ съ кругу“, пугали нѣкоторые. „Прѣсная вода тамъ въ рѣдкость, все больше ромъ пьютъ“.

— „Ковшами — я самъ видѣлъ, я былъ на кораблѣ“, прибавилъ кто-то.

Одна старушка все грустно качала головой, глядя на меня, и упрашивала ѣхать „лучше сухимъ путемъ кругомъ свѣта“... Еще барыня, умная, милая, заплакала, когда я пріѣхалъ къ ней прощаться.

— „О чемъ вы плачете?“ спросилъ я.

— „Мнѣ жаль васъ“, сказала она, отирая слезы.

— „Жаль потому, что лишній человѣкъ все-таки развлеченіе?“ замѣтилъ я.

— „А вы много сдѣлали для моего развлеченія?“ сказала она.

Я сталъ въ тупикъ: о чемъ же она плачетъ?

— „Мнѣ просто жаль, что вы ѣдете, Богъ знаетъ куда“.

Меня зло взяло: вотъ какъ смотрятъ у насъ на завидную участь путешественника!

— „Я понялъ бы ваши слезы, если-бъ это были слезы зависти“, сказалъ я; „если-бъ вамъ было жаль, что на мою, а не на вашу долю выпадаетъ быть тамъ, гдѣ изъ насъ почти никто не бываетъ, видѣть

чудеса, о которыхъ здѣсь и мечтать трудно,—что мнѣ открывается вся великая книга, изъ которой едва кое-кому удается прочесть первую страницу“... Я говорилъ ей хорошимъ слогомъ.

— „Полноте“, сказала она печально: „я знаю все; но какою цѣною достанется вамъ читать эту книгу? Подумайте, что ожидаетъ васъ, чего вы натерпитесь, сколько шансовъ не воротиться!.. Мнѣ жаль васъ, вашей участи, — оттого я и плачу. Впрочемъ, вы не вѣрите слезамъ“, прибавила она: „но я плачу не для васъ: мнѣ просто плачется“.

Мысль ѣхать, какъ хмѣль, туманила голову, и я безпечно и шутливо отвѣчалъ на всѣ предсказанія и предостереженія, пока еще событіе было далеко. Я все мечталъ — и давно мечталъ — объ этомъ вояжѣ, — можетъ быть, съ той минуты, когда учитель сказалъ мнѣ, что если ѣхать отъ какой-нибудь точки безостановочно, то воротишься къ ней съ другой стороны: мнѣ захотѣлось поѣхать съ праваго берега Волги, на которомъ я родился, и воротиться съ лѣваго; хотѣлось самому туда, гдѣ учитель указываетъ пальцемъ быть экватору, полюсамъ, тропикамъ. Но когда потомъ, отъ карты и учительской указки, я перешелъ къ подвигамъ и приключеніямъ Куковъ, Ванкуверовъ, я опечалился: что передъ ихъ подвигами Гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и самъ Геркулесъ? Дѣти!.. Робкій умъ мальчика, родившагося среди материка и не видавшаго никогда моря, цѣпенѣлъ передъ ужасами и бѣдами, которыми наполненъ путь пловцовъ. Но съ лѣтами ужасы изглаживались изъ памяти, и въ воображеніи жили, и пережили молодость, только картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотого, радужнаго неба.

— „Нѣтъ, не въ Парижъ хочу“, помните—твердилъ я вамъ, „не въ Лондонъ, даже не въ Италію,—хочу въ Бразилію, въ Индію, хочу туда, гдѣ солнце изъ камня вызываетъ жизнь и тутъ же рядомъ превращаетъ въ камень все, чего коснется своимъ огнемъ; гдѣ человѣкъ, какъ праотецъ нашъ, рветъ несѣянный плодъ, гдѣ рыщетъ левъ, гдѣ пресмыкается змѣй, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто — туда, въ свѣтлые чертоги Божьяго міра, гдѣ природа дышитъ сладострастіемъ, гдѣ душно, страшно и обаятельно жить, гдѣ обезсиленная фантазія нѣмѣетъ передъ готовымъ созданіемъ, гдѣ глаза не устанутъ смотрѣть, а сердце биться...

Все было загадочно и фантастически прекрасно въ волшебной дали: счастливцы ходили и возвращались съ заманчивою, но глухою повѣстью о чудесахъ, съ дѣтскимъ толкованіемъ тайнъ міра. Но вотъ явился человѣкъ, мудрецъ и поэтъ, и озарилъ таинственные углы. Онъ пошелъ туда съ компасомъ, заступомъ, циркулемъ и кистью, съ сердцемъ, полнымъ вѣры въ Творца и любви къ Его мірозданію. Онъ внесъ жизнь, разумъ и опытъ въ каменныя пустыни, въ глушь лѣсовъ и силою свѣтлаго разумѣнія, указалъ путь тысячамъ за собою...

„Космосъ“!.. Еще мучительнѣе прежняго хотѣлось взглянуть живыми глазами на живой космосъ: „подалъ бы я“, думалось мнѣ, „довѣрчиво мудрецу руку, какъ дитя взрослому, сталъ бы внимательно слушать, и, если понялъ бы настолько, насколько ребенокъ понимаетъ толкованія дядьки, я былъ бы богатъ и этимъ скуднымъ разумѣніемъ“... Но и эта мечта улеглась въ воображеніи, вслѣдъ многимъ другимъ. Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!..

И вдругъ неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминанія, вспомнить давно забытыхъ мною кругосвѣтныхъ героевъ. Вдругъ и я вслѣдъ за ними иду вокругъ свѣта! Я радостно содрогнулся при мысли: я буду въ Китаѣ, въ Индіи, переплыву океаны, ступлю ногою на тѣ острова, гдѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь, посмотрю на эти чудеса—и жизнь моя не будетъ празднымъ отраженіемъ мелкихъ, надоѣвшихъ явленій. Я обновился; всѣ мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мнѣ. Скорѣй, скорѣй въ путь!..

Странное, однако, чувство одолѣло меня, когда рѣшено было, что я ѣду: тогда только сознаніе громадности предпріятія заговорило полно и отчетливо. Радужныя мечты поблѣднѣли надолго; подвигъ подавлялъ воображеніе, силы ослабѣвали, нервы падали по мѣрѣ того, какъ наступалъ часъ отъѣзда. Я началъ завидовать участи остающихся, радовался, когда являлось препятствіе, и самъ раздувалъ затрудненія, искалъ предлоговъ остаться. Но судьба, по большей части мѣшающая нашимъ намѣреніямъ, тутъ какъ будто задала себѣ задачу помогать. И люди тоже, даже незнакомые, въ другое время недоступные, хуже судьбы, какъ будто сговорились уладить дѣло. Я былъ жертвой внутренней борьбы, волненій, почти изнемогалъ. „Куда это? Что я затѣялъ?“.. И на лицахъ другихъ мнѣ страшно было читать эти вопросы. Участіе пугало меня. Я съ тоской смотрѣлъ, какъ пустѣла моя квартира, какъ изъ нея понесли мебель, письменный столъ, покойное кресло, диванъ. Покинуть все это, промѣнять—на что?

Жизнь моя какъ-то раздвоилась, или какъ будто мнѣ дали вдругъ двѣ жизни, отвели квартиру въ двухъ мірахъ. Въ одномъ я—скромный чиновникъ, въ форменномъ фракѣ, робѣющій передъ начальническимъ взглядомъ, боящійся простуды, заключенный въ четырехъ стѣнахъ, съ нѣсколькими десятками похожихъ другъ на друга лицъ, виць-мундировъ. Въ другомъ я — новый аргонавтъ, въ соломенной шляпѣ, въ бѣлой льняной курткѣ, можетъ быть, съ табачной жвачкой во рту, стремя-

щійся по безднамъ за золотымъ руномъ въ недоступную Колхиду, мѣняющій ежемѣсячно климаты, небеса, моря, государства. Тамъ я редакторъ докладовъ, отношеній и предписаній; здѣсь — пѣвецъ, хотя ex officio, похода. Какъ пережить эту другую жизнь, сдѣлаться гражданиномъ другого міра? Какъ замѣнить робость чиновника и апатію русскаго литератора энергіею мореходца, изнѣженность горожанина—загрубѣлостью матроса? Мнѣ не дано ни другихъ костей, ни новыхъ нервовъ. А тутъ вдругъ, отъ прогулокъ въ Петергофъ и Парголово, шагнуть къ экватору, оттуда къ предѣламъ южнаго полюса, отъ южнаго къ сѣверному, переплыть четыре океана, окружить пять материковъ и мечтать воротиться... Дѣйствительность, какъ туча, приближалась все грознѣй и грознѣй; душу посѣщалъ и мелочной страхъ, когда я углублялся въ подробный анализъ предстоящаго вояжа. Морская болѣзнь, перемѣны климата, тропическій зной, злокачественныя лихорадки, звѣри, дикари, бури — все приходило на умъ, особенно бури. Хотя я и безпечно отвѣчалъ на всѣ частію трогательныя, частію смѣшныя предостереженія друзей, но страхъ нерѣдко и днемъ и ночью рисовалъ мнѣ призраки бѣдъ. То представлялась скала, у подножія которой лежитъ наше разбитое судно, и утопающіе напрасно хватаются усталыми руками за гладкіе камни; то снилось, что я на пустомъ островѣ, выброшенный съ обломкомъ корабля, умираю съ голода... Я просыпался съ трепетомъ, съ каплями пота на лбу. Вѣдь корабль, какъ онъ ни проченъ, какъ ни приспособленъ къ морю — что онъ такое? — щепка, корзинка, эпиграмма на человѣческую силу! Я боялся, выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ, этотъ крутой поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячаго быта. Да, наконецъ, хватитъ ли души вмѣстить вдругъ, неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобъ воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости,—не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?

Я справлялся, какъ могъ, съ сомнѣніями: одни удалось побѣдить, другія оставались нерѣшенными до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до нихъ очередь, и я мало-по-малу ободрился. Я вспомнилъ, что путь этотъ уже не Магеллановъ путь, что съ загадками и страхами справились люди. Не величавый образъ Колумба и Васко-де-Гама гадательно смотритъ съ палубы въ даль, въ неизвѣстное будущее: англійскій лоцманъ, въ синей курткѣ, въ кожаныхъ панталонахъ, съ краснымъ лицомъ, да русскій штурманъ, съ знакомъ отличія безпорочной службы, указываютъ пальцемъ путь кораблю и безошибочно назначаютъ день и часъ его прибытія. Между моряками, зѣвая апатически, лѣниво смотритъ „въ безбрежную даль“ океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостинницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи? — „Гостинницы отличныя“, отвѣчаютъ

ему, — „на Сандвичевыхъ островахъ найдете все: нѣмецкую колонію, французскіе отели, англійскій портеръ—все, кромѣ дикихъ. Въ Австраліи есть кареты и коляски, китайцы начали носить ирландское полотно, въ Остъ-Индіи говорятъ всѣ по-англійски; американскіе дикари изъ лѣса порываются въ Парижъ и въ Лондонъ, просятся въ университетъ; въ Африкѣ черные начинаютъ стыдиться своего цвѣта лица и понемногу привыкаютъ носить бѣлыя перчатки. Лишь съ большимъ трудомъ и издержками можно попасть въ кольца удава или въ когти тигра и льва. Китай долго крѣпился, но и этотъ сундукъ со старою рухлядью вскрылся—крышка слетѣла съ петель, подорванная порохомъ. Европеецъ роется въ ветоши, достаетъ, что придется ему въ пору, обновляетъ, хозяйничаетъ"... Пройдетъ еще немного времени, и не станетъ ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперь воды морской нѣтъ—ее дѣлаютъ прѣсною, за пять тысячъ верстъ отъ берега является блюдо свѣжей зелени и дичи; подъ экваторомъ можно поѣсть русской капусты и щей. Части свѣта быстро сближаются между собою: изъ Европы въ Америку—рукой подать; поговариваютъ, что будутъ ѣздить туда въ сорокъ восемь часовъ—пуфъ, шутка, конечно, но современный пуфъ, намекающій на будущіе гигантскіе успѣхи мореплаванія.

Скорѣй же, скорѣй въ путь! Поэзія дальнихъ странствій исчезаетъ не по днямъ, а по часамъ. Мы, можетъ быть, послѣдніе путешественники въ смыслѣ аргонавтовъ: на насъ еще, по возвращеніи, взглянутъ съ участіемъ и завистью.

Казалось, всѣ страхи, какъ мечты, улеглись: впередъ манилъ просторъ и рядъ неиспытанныхъ наслажденій. Грудь дышала свободно, навстрѣчу вѣяло уже югомъ, манили голубыя небеса и воды... Но вдругъ за этою перспективой возникало опять грозное привидѣніе и росло по мѣрѣ того, какъ я вдавался въ путь.

Это привидѣніе была мысль: какая обязанность лежитъ на грамотномъ путешественникѣ передъ соотечественниками, передъ обществомъ, которое слѣдитъ за плавателями? Экспедиція въ Японію—не иголка: ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съѣздить и въ Италію безъ вѣдома публики, тому, кто разъ брался за перо. А тутъ предстоитъ объѣхать весь міръ и разсказать объ этомъ такъ, чтобы слушали разсказъ безъ скуки, безъ нетерпѣнія. Но какъ и что разсказывать и описывать? Это одно и то же, что спросить, съ какою физіономіей явиться въ общество?

Нѣтъ науки о путешествіяхъ: авторитеты, начиная отъ Аристотеля до Ломоносова включительно, молчатъ; путешествія не попали подъ ферулу реторики, и писатель свободенъ пробираться въ нѣдра горъ или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостью или, по-

жалуй, на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ, на бумагу, ихъ образы; описывать страны и народы исторически или только посмотрѣть, каковы трактиры — словомъ, никому не отведено столько простора, и никому отъ этого такъ не тѣсно писать, какъ путешественнику.

Говорить ли о теоріи вѣтровъ, о направленіи и курсахъ корабля, о широтахъ и долготахъ, или докладывать, что такая-то страна была когда-то подъ водою, а вотъ это дно было наружу; этотъ островъ произошелъ отъ огня, а тотъ отъ сырости; начало этой страны относится къ такому времени, народъ произошелъ оттуда, — и при этомъ старательно выписать изъ ученыхъ авторитетовъ, откуда, что и какъ? Но вы спрашиваете чего-нибудь позанимательнѣе. Все, что я говорю, очень важно; путешественнику стыдно заниматься будничнымъ дѣломъ: онъ долженъ посвящать себя преимущественно тому, чего ужъ нѣтъ давно, или тому, что, можетъ быть, было, а можетъ быть—и нѣтъ.

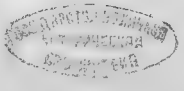
— „Отошлите это въ ученое общество, въ академію“, говорите вы, „а бесѣдуя съ людьми всякаго образованія, пишите иначе. Давайте намъ чудесъ, поэзіи, огня, жизни и красокъ!“

II. Первыя впечатлѣнія.

Я съ перваго шага на корабль сталъ осматриваться. И теперь еще, при концѣ плаванія, я помню то тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго сжалось сердце, когда я въ первый разъ вглядывался въ принадлежности судна, заглянулъ въ трюмъ, въ темные закоулки, какъ мышиныя норки, куда едва доходитъ блѣдный лучъ свѣта чрезъ толстое въ ладонь стекло. Съ перваго раза невыгодно дѣйствуетъ на воображеніе все, что потомъ привычному глазу кажется удобствомъ: недостатокъ свѣта, простора, люки, куда люди какъ будто проваливаются, пригвожденные къ стѣнамъ комоды и диваны, привязанные къ полу столы и стулья, тяжелыя орудія, ядра и картечи, правильными кучами на кранцахъ, какъ на подносахъ, разставленныя у орудій; груды снастей—висящихъ, лежащихъ, двигающихся и неподвижныхъ, койки вмѣсто постелей, отсутствіе всего лишняго; порядокъ и стройность вмѣсто красиваго безпорядка и некрасивой распущенности — какъ въ людяхъ, такъ и въ убранствѣ этого плавучаго жилища.

Робко ходитъ въ первый разъ человѣкъ на кораблѣ: каюта ему кажется гробомъ,—а между тѣмъ едва ли онъ безопаснѣе въ многолюдномъ городѣ, на шумной улицѣ, чѣмъ на крѣпкомъ парусномъ суднѣ, въ океанѣ. Но къ этой истинѣ я пришелъ не скоро.

Пріѣхавъ на фрегатъ, еще съ багажомъ, я не зналъ, куда ступить, и въ незнакомой толпѣ остался совершеннымъ сиротой. Я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя и на свои сложенныя въ кучу вещи.



Не прошло минуты,—ко мнѣ подошли три офицера: Б. Ш., мичманы Б. и К.—мои будущіе спутники и отличные пріятели. Съ ними подошла куча матросовъ. Они разомъ схватили все, что было со мной, чуть не меня самого, и понесли въ назначенную мнѣ каюту. Пока Б. Ш. водворялъ меня въ ней, Б. привелъ молодого, коренастаго, гладко остриженнаго матроса.

— „Вотъ этотъ матросъ вамъ назначенъ въ вѣстовые“, сказалъ онъ.

Это былъ Ѳаддеевъ.—„Честь имѣю явиться“, сказалъ онъ, вытянувшись и оборотившись ко мнѣ не лицомъ, а грудью: лицо у него всегда было обращено нѣсколько стороной къ предмету, на который онъ смотрѣлъ.

Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину. Съ этой минуты мы уже съ нимъ неразлучны до сихъ поръ. Я изучилъ его недѣли въ три окончательно, т.-е. пока шли до Англіи; онъ меня, я думаю, въ три дня. Смѣтливость и „себѣ на умѣ“ были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординаціей матроса.

— „Помоги моему человѣку установить вещи въ каютѣ“, отдалъ я ему первое приказаніе. И то, что моему слугѣ стало бы на два утра работы, Ѳаддеевъ сдѣлалъ въ три пріема—не спрашивайте, какъ: такой ловкости и цѣпкости, какою обладаетъ матросъ вообще, а Ѳаддеевъ въ особенности, встрѣтишь развѣ въ кошкѣ. Черезъ полчаса все было на своемъ мѣстѣ, между прочимъ и книги, которыя онъ расположилъ на коммодѣ въ углу полукружіемъ и перевязалъ, на случай качки, веревками такъ, что нельзя было вынуть ни одной безъ его же чудовищной силы и ловкости, и я до Англіи пользовался книгами изъ чужихъ библіотекъ.

— „Вы, вѣрно, не обѣдали“, сказалъ Б.: „а мы ужъ кончили свой обѣдъ; не угодно ли закусить?“

Онъ привелъ меня въ каютъ-компанію, просторную комнату внизу, на кубрикѣ, безъ оконъ, но съ люкомъ наверху, черезъ который падаетъ обильный свѣтъ. Кругомъ помѣщались маленькія каюты офицеровъ, а посрединѣ насквозь проходила бизань-мачта, замаскированная круглымъ диваномъ. Въ каютъ-компаніи стоялъ длинный столъ, какіе бываютъ въ классахъ, со скамьями. На немъ офицеры обѣдаютъ и занимаются. Была еще кушетка и больше ничего. Какъ ни массивенъ этотъ столъ, но, при сильной качкѣ, и его бросало изъ стороны въ сторону, и чуть-было однажды не задавило нашего миньятюрнаго, добраго, услужливаго распорядителя офицерскаго стола, П. А. Т.

Офицеровъ никого не было въ каютъ-компаніи: всѣ были наверху,—вѣроятно, на „авральной“ (общей) работѣ. Подали холодную закуску. Б. угощалъ меня.

— „Извините, горячаго у насъ ничего нѣтъ“, сказалъ онъ: „всѣ огни потушены. Порохъ принимаемъ“.

— „Порохъ? А много его здѣсь?“ освѣдомился я съ большимъ участіемъ.

— „Пудовъ пятьсотъ приняли: остается еще принять пудовъ триста“.

— „А гдѣ онъ у васъ лежитъ?“ еще съ большимъ участіемъ спросилъ я.

— „Да вотъ здѣсь“, сказалъ онъ, указывая на полъ: „подъ вами“.

Я немного пріостановился жевать при мысли, что подо мной уже лежитъ 500 пудовъ пороху, и что въ эту минуту вся „авральная работа“ сосредоточена на томъ, чтобы подложить еще пудовъ триста.

— „Это хорошо, что огни потушены“, похвалилъ я за предусмотрительность.

— „Помилуйте, что за хорошо: курить нельзя“, сказалъ другой, входя въ каюту.

— „Вотъ какое различіе бываетъ во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ!“ подумалъ я въ ту минуту,—а черезъ мѣсяцъ, когда, во время починки фрегата въ Портсмутѣ, сдавали порохъ на сбереженіе въ англійское адмиралтейство, ужасно роптали, что огня не даютъ, и что покурить нельзя.

Къ вечеру собрались всѣ: камбузъ (печь) запылалъ; подали чай, ужинъ — и задымились сигары. Я перезнакомился со всѣми, и вотъ съ тѣхъ поръ до сей минуты — какъ дома. Я думалъ, судя по прежнимъ слухамъ, что слово „чай“ у моряковъ есть только аллегорія, подъ которою надо разумѣть пуншъ, и ожидалъ, что когда офицеры соберутся къ столу, то начнется „авральная“ работа за пуншемъ, загорится живой разговоръ, а съ нимъ и носы, потомъ кончится дѣло объясненіями въ дружбѣ, даже объятіями, — словомъ, исполнится вся программа оргіи. Я уже придумалъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ участія въ ней. Но, къ удивленію и удовольствію моему, на длинномъ столѣ стоялъ всего одинъ графинъ хереса, изъ котораго человѣка два выпили по рюмкѣ, другіе и не замѣтили его. Послѣ, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужиномъ, всѣ единодушно согласились. Рѣшили излишекъ въ экономіи отъ вина приложить къ суммѣ, опредѣленной на библіотеку. О ней былъ длинный разговоръ за ужиномъ, а объ водкѣ ни полслова!... Не то разсказывалъ мнѣ одинъ старый морякъ о прежнихъ временахъ!—„Бывало, смѣнишься съ вахты иззябшій и перемокшій — да какъ хватишь стакановъ шесть пунша!“ говорилъ онъ...

Ѳаддеевъ устроилъ мнѣ койку, и я, несмотря на октябрь, на дождь, на лежавшіе подъ ногами восемьсотъ пудовъ пороха, заснулъ, какъ рѣдко спалъ на берегу, утомленный хлопотами переѣзда, убаюканный свѣжимъ воздухомъ и новыми, не непріятными впечатлѣніями...

III. Буря.

Началась сильная качка. Но эта первая буря мало подѣйствовала на меня: не бывши никогда на морѣ, я думалъ, что это такъ должно быть, что иначе не бываетъ, т.-е., что корабль всегда раскачивается на обѣ стороны, палуба вырывается изъ-подъ ногъ, и море какъ будто опрокидывается на голову.

Я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, прислушиваясь въ недоумѣніи къ свисту вѣтра между снастей и къ ударамъ волнъ въ бока судна. Наверху было холодно; косой мерзлый дождь хлесталъ въ лицо.

Офицеры беззаботно разговаривали между собой, какъ въ комнатѣ, на берегу; иные читали... Вдругъ раздался пронзительный свистъ, но не вѣтра, а боцманскихъ свистковъ, и вслѣдъ затѣмъ разнесся по всѣмъ палубамъ крикъ десяти голосовъ: „Пошелъ всѣ наверхъ!“ Мгновенно все народонаселеніе фрегата бросилось снизу вверхъ; отсталыхъ матросовъ побуждали боцмана. Офицеры бросили книги, карты (географическія: другихъ тамъ нѣтъ), разговоры—и стремительно побѣжали туда же. Непривычному человѣку покажется, что случилось какое-нибудь бѣдствіе, какъ будто что-нибудь сломалось, оборвалось, и корабль сейчасъ пойдетъ на дно.

— „Зачѣмъ это зовутъ всѣхъ наверхъ?“ спросилъ я бѣжавшаго мимо меня мичмана.

— „Свистятъ всѣхъ наверхъ, когда есть авральная работа“, сказалъ онъ второпяхъ и исчезъ.

Цѣпляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и сталъ въ уголокъ. Все суетилось.

— „Что это такое авральная работа?“ спросилъ я другого офицера.

— „Это—когда свистятъ всѣхъ наверхъ“, отвѣчалъ онъ—и занялся авральною работою.

Я старался составить себѣ идею о томъ, что это за работа, глядя, что дѣлаютъ, но ничего не уразумѣлъ: дѣлали все то же, что вчера, что, вѣроятно, будутъ дѣлать завтра: тянутъ снасти, поворачиваютъ реи, подбираютъ паруса. Офицеры объяснили мнѣ сущую истину; мнѣ бы слѣдовало такъ и понять просто, какъ оно было сказано — и вся тайна была тутъ: авральная работа значитъ общая работа, когда одной вахты мало, нужны всѣ руки, оттого всѣхъ и „свистятъ наверхъ“!

По-англійски, если не ошибаюсь, и командуютъ: „Всѣ руки вверхъ!“ (All hands up!).

Черезъ пять минутъ, сдѣлавъ, что нужно, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Б. К. въ трехъ шагахъ отъ меня насвистывалъ подъ шумъ бури мотивъ изъ оперы. Напрасно я силился подойти къ нему; ноги не повиновались, и онъ смѣялся моимъ усиліямъ.

— „Морскихъ ногъ нѣтъ у васъ“, сказалъ онъ.

— „А скоро будутъ?“ спросилъ я.

— „Мѣсяца черезъ два, вѣроятно“.

Я вздохнулъ: только это и оставалось мнѣ сдѣлать при мысли, что я еще два мѣсяца буду ходить, какъ ребенокъ, держась за юбку няньки. Вскорѣ обнаружилась морская болѣзнь у молодыхъ и подверженныхъ ей или не бывшихъ давно въ походѣ моряковъ. Я ждалъ, когда начну и я отдавать эту скучную дань морю, а ждалъ непремѣнно. Между тѣмъ наблюдалъ за другими: вотъ молодой человѣкъ, гардемаринъ, блѣднѣетъ, опускается на стулъ; глаза у него тускнѣютъ, голова клонится на сторону. Вотъ смѣнили часового, и онъ, отдавъ ружье, бѣжитъ опрометью на бакъ. Офицеръ хотѣлъ что-то закричать матросамъ, но вдругъ отвернулся лицомъ къ морю и оперся на бортъ.

— „Что это, васъ, кажется, травитъ?“ говоритъ ему другой („травить“, „вытравливать“—значитъ выпускать понемногу канатъ).

Едва успѣваешь отскакивать то отъ того, то отъ другого.

— „Выпейте водки“, говорятъ мнѣ одни.—„Нѣтъ, лучше лимоннаго соку“, совѣтуютъ другіе; третьи предлагаютъ луку или рѣдьки.

Я не зналъ, на что рѣшиться, чтобы предупредить болѣзнь, и закурилъ сигару. Болѣзнь все не приходила, и я тревожно похаживалъ между больными, ожидая—вотъ-вотъ начнется.

— „Вы курите въ качку сигару и ожидаете послѣ этого, что васъ укачаетъ: напрасно!“ сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, напрасно: во все время плаванія я ни разу не почувствовалъ ни малѣйшей дурноты и возбуждалъ зависть даже въ морякахъ.

IV. Матросскій обѣдъ и развлеченія.

Дни шли своимъ чередомъ, и жизнь на кораблѣ тоже. Отправляли службу, обѣдали, ужинали—все по свистку, и даже по свистку веселились.

Обѣдъ—это тоже своего рода авральная работа. Въ батарейной палубѣ привѣшиваются большія чашки, называемыя „баками“, куда накладывается кушанье изъ одного общаго, или „братскаго“, котла. Даютъ одно блюдо: щи съ солониной, съ рыбой, съ говядиной или кашицу; на ужинъ тоже, иногда кашу.

Я подошелъ однажды попробовать.—„Хлѣбъ да соль!“ сказалъ я.

Одинъ изъ матросовъ, изъ учтивости, чисто облизалъ свою деревянную ложку и подалъ мнѣ. Щи превкусныя, съ сильною приправой луку. Конечно, нужно имѣть матросскій желудокъ, т. е. нуженъ моціонъ матроса, чтобы переварить эти куски солонины и лукъ съ вареною капустой—любимое матросами и полезное на морѣ блюдо. Но одно блюдо за обѣдомъ—этого мало, думалось мнѣ: матросы, пожалуй, голодны будутъ.

— „А много-ли вы ѣдите?“ спросилъ я.

— „До отвалу, ваше высокоблагородіе“, въ пять голосовъ отвѣчали обѣдающіе. Въ самомъ дѣлѣ, то отъ одной, то отъ другой группы опрометью бѣжалъ матросъ съ пустой чашкой къ братскому котлу—и возвращался осторожно, неся полную до краевъ чашку.

Веселились по свистку, сказалъ я: да, тамъ, гдѣ собрано въ тѣсную кучу четыреста человѣкъ, и самое веселье подчинено общему порядку. Послѣ обѣда, по окончаніи работы, особенно въ воскресенье, обыкновенно раздается команда: „Свистать пѣсенниковъ наверхъ!..“ И начинается веселье.

Особенно я помню, какъ это странно поразило меня въ одно воскресенье. Холодный туманъ покрывалъ небо и море, шелъ мелкій дождь. Въ такую погоду хочется уйти въ себя, сосредоточиться, а матросы пѣли и плясали. Но они странно плясали: усиленныя движенія ясно разногласили съ этою сосредоточенностью. Пляшущіе были молчаливы, выраженія лицъ хранили важность, даже угрюмость, но тѣмъ, кажется, усерднѣе они работали ногами. Зрители вокругъ, съ тою же угрюмою важностью, пристально смотрѣли на нихъ. Пляска имѣла видъ напряженнаго труда. Плясали, кажется, лишь по сознанію, что сегодня праздникъ,—слѣдовательно, надъ веселиться. Но, если бы отмѣнили удовольствіе, они были бы недовольны.

V. Лондонъ.

Долго не изгладятся изъ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя кладетъ на человѣка новое мѣсто. На эти случаи, кажется, есть особые глаза и уши, зорче и острѣе обыкновенныхъ, или какъ будто человѣкъ не только глазами и ушами, но легкими и порами вбираетъ въ себя впечатлѣнія, напитывается ими, какъ воздухомъ. Отъ этого до сихъ поръ памятна мнѣ эта тѣсная кучка красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ домиковъ, стоящихъ будто въ водѣ, когда мы „втягивались“ въ портсмутскую гавань. Отъ этого такъ глубоко легла въ памяти картина разрѣзанныхъ нивами полей, точно разлиневанныхъ страницъ, когда ѣхалъ я изъ Портсмута въ Лондонъ. Жаль только (на этотъ разъ), что везутъ съ неимовѣрною быстротою: хижины, фермы, города, замки мелькаютъ, какъ писанные. Погода странная—декабрь, а тепло: вчера была гроза; тамъ вдругъ пахнетъ холодомъ. даже послышится запахъ мороза, а на другой день въ пальто нельзя ходить. Дождей вдоволь; но на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, скорѣе обращаютъ его, когда проглянетъ солнце. Зелень очень зелена, даже зеленѣе, говорятъ, нежели лѣтомъ: тогда она желтая. Нужды нѣтъ, что декабрь, а въ поляхъ работаютъ, собираютъ овощи,—нельзя разсмотрѣть съ дороги—какіе. Туманы бываютъ, если не каждый день, то черезъ день непре-

мѣнно: можно бы, пожалуй, нажить сплинъ; но они не русскіе, а я не англичанинъ: что же мнѣ терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье? Довольно и того, что я, по милости ихъ, два раза ходилъ смотрѣть Темзу и оба раза видѣлъ только непроницаемый паръ. Я отчаялся уже и видѣть рѣку, но дохнулъ вѣтерокъ, и Темза явилась во всемъ своемъ некрасивомъ нарядѣ, обстроенная кирпичными неопрятными зданіями, задавленная судами. Зато какая жизнь и дѣятельность кипитъ на этой зыбкой улицѣ, управляемая меркуріевымъ жезломъ!

Не забуду также картины пылающаго въ газовомъ пламени необъятнаго города, представляющейся путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ нему вечеромъ. Паровозъ вторгается въ этотъ океанъ блеска и мчитъ по крышамъ домовъ, надъ изящными пропастями, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, между расписанныхъ, облитыхъ яркимъ блескомъ огня и красокъ улицъ, движется муравейникъ...

Но вотъ я, наконецъ, озадаченный впечатлѣніями и утомленный трехчасовою неподвижностью въ вагонѣ и получасовою ѣздою въ „кебѣ“ по городу, водворенъ въ домѣ, въ квартирѣ.

На другой день, когда я вышелъ на улицу, я былъ въ большомъ недоумѣніи: надо было начать путешествовать въ чужой сторонѣ, а я еще не рѣшилъ, какъ. Мнѣ хотѣлось путешествовать не оффиціально, не пріѣхать и „осматривать“, а жить и смотрѣть на все, не насилуя наблюдательности, не задавая себѣ утомительныхъ уроковъ—осматривать ежедневно, съ „гидомъ“ въ рукахъ, по стольку-то улицъ, музеевъ, зданій, церквей. Отъ такого путешествія остается въ головѣ хаосъ улицъ, памятниковъ, да и то не надолго.

Вообще большая ошибка—стараться собирать впечатлѣнія; соберешь, чего не надо, а что надо—то ускользнетъ. Если путешествуешь не для спеціальной цѣли, нужно, чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу; а къ кому они такъ не ходятъ, тотъ лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ—по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія. Мы цѣлое утро осматривали ниневійскія древности, этрусскія, египетскія и другія залы, потомъ змѣй, рыбъ, насѣкомыхъ—почти все то, что есть и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ. А между тѣмъ времени было лишь столько, чтобы взглянуть на Англію и на англичанъ. Оттого меня тянуло все на улицу: хотѣлось побродить не между муміями, а среди живыхъ людей.

Я съ неиспытаннымъ наслажденіемъ вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ дома, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и на каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ

освѣдомятся взаимно о здоровьи и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; смотрѣть ихъ походку или какую-то иноходь и эту важность до комизма въ лицѣ, выраженіе глубокаго уваженія къ самому себѣ, нѣкотораго презрѣнія или, по крайней мѣрѣ, холодности къ другому, но благоговѣнія къ толпѣ, т. е. къ обществу. Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ,—какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку.

Въ тавернахъ, въ театрахъ—вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ; слѣжу за мимикой, ловлю эти неуловимые звуки языка, которымъ, волей-неволей, долженъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе—хоть не заглядывай въ Англію. Здѣсь, какъ о рѣдкости, возвѣщаютъ крупными буквами на окнахъ магазиновъ: „ici on parle français“... Да, путешествовать съ наслажденіемъ и съ пользой значитъ пожить въ странѣ и хоть немного слить свою жизнь съ жизнью народа, который хочешь узнать: тутъ непремѣнно проведешь параллель, которая и есть искомый результатъ путешествія. Это вглядыванье, вдумыванье въ чужую жизнь—въ жизнь ли цѣлаго народа, или одного человѣка, отдѣльно, — даетъ наблюдателю такой общечеловѣческій и частный урокъ, какого ни въ книгахъ, ни въ какихъ школахъ не отыщешь. Не даромъ еще у древнихъ необходимымъ условіемъ усовершенствованнаго воспитанія считалось путешествіе. У насъ оно сдѣлалось роскошью и забавою. Пожалуй, безъ приготовленія, да еще безъ воображенія, безъ наблюдательности, безъ идеи—путешествіе, конечно, только забава. Но счастливъ, кто можетъ и забавляться такою благородною забавой, въ которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вотъ Regentstreet, Oxfordstreet, Trafalgarplace—не живыя ли это черты чужой физіономіи, на которой движется современная жизнь, и не звучитъ ли въ именахъ память прошедшаго, повѣствуя на каждомъ шагу, какъ слагалась эта жизнь? Что въ этой жизни схожаго и что несхожаго съ нашей?.. Воля ваша, какъ кто ни расположенъ только забавляться, а бродя въ чужомъ городѣ и народѣ—не сможетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ и закрыть глаза на то, чего не видалъ у себя...

Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочимъ, наткнулся на великолѣпное прошедшее—на Вестминстерское аббатство, и былъ счастливѣе въ это утро. Такіе народные памятники—тѣ же страницы исторіи, но тѣсно связанныя съ текущею жизнію. Ихъ, конечно, надо учить наизусть, да они и сами такъ властительно ложатся въ память. Впрочемъ, глядя на это аббатство, я даже забылъ исторію,—оно произвело на меня впечатлѣніе чисто эстетическое. Меня

поразилъ готическій стиль въ этихъ колоссальныхъ размѣрахъ, я же былъ во время службы съ пѣвчими, при звукахъ великолѣпнаго органа. Фантастическое освѣщеніе цвѣтныхъ стеколъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, полумракъ по угламъ, бѣлыя статуи великихъ людей въ нишахъ и безмолвная, почти недышащая толпа молящихся—все это образуетъ одно общее грандіозное впечатлѣніе, отъ котораго долго слышится какая-то музыка въ нервахъ...

Благодаря настойчивымъ указаніямъ живыхъ и печатныхъ гидовъ, я въ первые пять-шесть дней успѣлъ осмотрѣть большую часть оффиціальныхъ зданій, музеевъ и памятниковъ и, между прочимъ, національную картинную галлерею, которая величиною будетъ съ прихожую нашего „Эрмитажа“. Тамъ сотни картинъ, изъ которыхъ запомнишь развѣ „Снятіе со Креста“ Рембрандта да два-три пейзажа Клодта. Осмотрѣвъ тщательно дворцы, парки, скверы, биржу, заплативъ эту дань оффиціальному любопытству, я уже все остальное время жилъ по-своему.

Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, т. е. нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ—не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю; ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же въ залѣ есть замѣчательный географическій музей, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ аравитянъ, римлянъ, грековъ, карты отъ Марка Поло до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

Самый британскій музеумъ—о которомъ я такъ неблагосклонно отозвался за то, что онъ поглотилъ меня на цѣлое утро въ своихъ громадныхъ сумрачныхъ залахъ, когда мнѣ хотѣлось на свѣтъ Божій, смотрѣть все живое—онъ развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой не только ученый, художникъ,—даже просто фланеръ, зѣвака, почерпаетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей обогатить память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ—и почти даромъ!

Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣ-

лое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не мумiи и не чучела животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состоянiи; это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями,—и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ „царь творенія"—и все это за шиллингъ.

Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеи—товаровъ. Обиліе, роскошь, вкусъ и раскладка товаровъ поражаютъ до унынія. Богатство подавляетъ воображеніе. Кто и гдѣ покупатели? спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти въ эти мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги, передъ которыми вся шехерезада покажется дѣтской сказкой. Передъ четырехаршинными зеркальными стеклами можно стоять по цѣлымъ часамъ и вглядываться въ эти кучи тканей, драгоцѣнныхъ камней, фарфора, серебра. На большей части товаровъ выставлены цѣны; и если увидишь цѣну, доступную карману, то нѣтъ средства не войти и не купить чего-нибудь. Я послѣ каждой прогулки возвращаюсь домой съ набитыми всякой всячиной карманами и потомъ, выкладывая каждую вещь на столъ, принужденъ сознаваться, что вотъ это вовсе не нужно, это у меня есть и т. д. Купишь книгу, которой не прочтешь, пару пистолетовъ—безъ надежды стрѣлять изъ нихъ, фарфору, который на морѣ и не нуженъ, и неудобенъ въ употребленіи, сигарочницу, палку съ кинжаломъ и т. п. Но прошу защититься отъ этого соблазна на каждомъ шагу, при этой дешевизнѣ!..

Къ этому еще прибавьте, что всякую покупку, которую нельзя положить въ карманъ, вамъ принесутъ на домъ, и почти всегда прежде, нежели вы сами воротитесь. Но при этомъ не забудьте взять отъ купца счетъ съ распиской въ полученіи денегъ—такъ мнѣ совѣтовали дѣлать; да и купцы, не дожидаясь требованія, сами торопятся дать счетъ. Случается иногда, безъ этой предосторожности, заплатить вторично. Я бы, въ добавокъ къ этому, посовѣтовалъ еще узнать до покупки цѣну вещи въ двухъ-трехъ магазинахъ, потому что нигдѣ нѣтъ такого произвола, какой царствуетъ здѣсь въ назначеніи цѣны вещамъ. Купецъ назначаетъ, кажется, цѣну, смотря по физіономіи покупателя. Въ одномъ магазинѣ женщина спросила съ меня за какую-то бездѣлку два шиллинга, а мужъ пришелъ и потребовалъ пять. Узнавъ, что вещь продана за два шиллинга, онъ исподтишка шипѣлъ на жену все время, пока я былъ въ магазинѣ. Въ одномъ магазинѣ за пальто спросятъ четыре фунта, а рядомъ, изъ той же матеріи—семь.

Лондонъ—поучительный и занимательный городъ, повторю я, но

занимательный только утромъ. Вечеромъ онъ для иностранца—тюрьма, особенно въ такой сезонъ, когда нѣтъ спектаклей и другихъ публичныхъ увеселеній, т.-е. осенью и зимой. Пожалуй, кому охота,—изучай по вечерамъ внутреннюю сторону народа—нравы; но для этого надо слиться и съ домашнею жизнью англичанъ, а это не легко. Съ шести часовъ Лондонъ начинаетъ обѣдать и обѣдаетъ до 10, до 11, до 12 часовъ, смотря по состоянію и образу жизни, потомъ спитъ. Словомъ „обѣдаетъ“ я хотѣлъ только обозначить, чѣмъ наполняется извѣстный часъ сутокъ. А собственно англичане не обѣдаютъ, они ѣдятъ. Кромѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ или у лордъ-мера и другихъ, на сто, двѣсти и болѣе человѣкъ, т.-е. на весь міръ, въ обыкновенные дни подаютъ на столъ двѣ-три перемѣны, куда входитъ почти все, что ѣдятъ люди повсюду,—всѣ мяса, живность, дичь и овощи—все это безъ распредѣленій по днямъ, безъ соображеній о соотношеніи блюдъ между собой.

Всѣ мяса, рыба—отличнаго качества и всѣ почти подаются au naturel, съ приправой только овощей. Тяжеловато, грубовато, а впрочемъ—очень хорошо и дешево: былъ бы здоровый желудокъ; но англичане на это пожаловаться не могутъ. Еще они могли бы тоже принять въ свой языкъ нашу пословицу: „не красна изба углами, а красна пирогами“,—если бы у нихъ были пироги, а то нѣтъ; пирожное они подаютъ, кажется, въ подражаніе другимъ: это стереотипный яблочный пирогъ да яичница съ вареньемъ и кремъ безъ сахара, или что-то въ этомъ родѣ. Да, не красны углами ихъ таверны: голыя, подъ дубъ сдѣланныя или дубовыя стѣны и простые столы; но опрятность доведена до роскоши: она превышаетъ необходимость, особенно въ бѣльѣ: скатерти ослѣпительной бѣлизны, а салфетки были бы тоже, если бы онѣ были, но ихъ нѣтъ, и вамъ подадутъ салфетку только по настойчивому требованію—и то не вездѣ. И это можетъ служить доказательствомъ опрятности.

— „Зачѣмъ салфетка?“ говорятъ англичане: „руки вытирать? Да онѣ не должны быть выпачканы“,—такъ же, какъ и ротъ, особенно у англичанъ, которые не носятъ ни усовъ, ни бородъ.

Итакъ, изъ храма въ храмъ, изъ музея въ музей,—время проходило непримѣтно. И вездѣ, во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, волнуется толпа зрителей; подумаешь, что англичанамъ нечего больше дѣлать, какъ ходить и смотрѣть достопримѣчательности. Они въ этомъ отношеніи и у себя дома похожи на иностранцевъ, а иностранцы смотрятъ хозяевами. Такой пристальной внимательности, почти до страданія, нигдѣ не встрѣтишь. Въ другихъ мѣстахъ достало бы не меньше средствъ завести все это, да вездѣ ли придутъ зрители и слушатели толпами поддержать мысль учредителя? Но если много зрителей умныхъ и любознательныхъ, то и нѣтъ нигдѣ столько простыхъ зѣвакъ, какъ въ Англіи: о какой глупости ни объявите, какую цѣну ни за-

просите, посѣтители явятся и, по обыкновенію, толпой. Мнѣ казалось, что любопытство у нихъ не рождается отъ досуга, какъ, напр., у насъ; оно не есть тоже живая черта характера, какъ у французовъ, не выражаетъ жажды знанія, а просто—холодное сознаніе, что то или другое полезно, а потому и должно быть осмотрѣно. Не видать, чтобъ они наслаждались тѣмъ, что пришли смотрѣть; они осматриваютъ, какъ будто принимаютъ движимое имущество по описи: взглянутъ, тамъ ли повѣшено, такой ли величины, какъ напечатано или сказано имъ,—и идутъ далѣе.

Общее впечатлѣніе, какое производитъ наружный видъ Лондона съ циркуляціею народонаселенія, странно: тамъ до двухъ милліоновъ жителей, центръ всемірной торговли, а чего бы вы думали не замѣтно?—жизни, т.-е. ея бурнаго броженія. Торговля видна, а жизни нѣтъ: или вы должны заключить, что здѣсь торговля есть жизнь, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Послѣдняя не бросается здѣсь въ глаза. Только по итогамъ сдѣлаешь выводъ, что Лондонъ первая столица въ мірѣ, когда сочтешь, сколько громадныхъ капиталовъ обращается въ день или годъ, какой страшный совершается приливъ и отливъ иностранцевъ въ этомъ океанѣ народонаселенія, какъ здѣсь сходятся покрывающія всю Англію желѣзныя дороги, какъ по улицамъ изъ конца въ конецъ снуютъ десятки тысячъ экипажей. Ахнешь отъ изумленія, но не замѣтишь всего этого глазами,—такая господствуетъ, относительно, тишина, такъ всѣ физіологическія отправленія общественной массы совершаются стройно, чинно. Кромѣ неизбѣжнаго шума отъ лошадей и колесъ, другого почти не услышишь. Городъ, какъ живое существо, кажется, сдерживаетъ свое дыханіе и біеніе пульса. Нѣтъ ни напраснаго крика, ни лишняго движенія, а ужъ о пѣніи, о прыжкѣ, о шалости и между дѣтьми мало слышно. Кажется, все разсчитано, взвѣшено и оцѣнено, какъ будто и съ голоса, и съ мимики берутъ тоже пошлину, какъ съ оконъ, съ колесныхъ шинъ. Экипажи мчатся во всю прыть, но кучера не кричатъ, да и прохожій никогда не зазѣвается. Пѣшеходы не толкаются, въ народѣ не видать ни ссоръ, ни дракъ, ни пьяныхъ на улицѣ, между тѣмъ почти каждый англичанинъ напивается за обѣдомъ. Всѣ спѣшатъ, бѣгутъ: беззаботныхъ и лѣнивыхъ фигуръ, кромѣ моей, нѣтъ.

Дурно одѣтыхъ людей тоже не видать: они, должно быть, какъ тараканы, прячутся гдѣ-нибудь въ щеляхъ отдаленныхъ кварталовъ; большая часть одѣты со вкусомъ и нарядно; остальные чисто, всѣ причесаны, приглажены и особенно обриты. Улицы похожи на великолѣпныя гостиныя, наполненныя одними господами. Такъ называемаго простого, или, еще хуже, „чернаго“ народа не видать, потому что онъ здѣсь—не черный: мужикъ въ плисовой курткѣ и панталонахъ, въ бѣлой рубашкѣ, вовсе не покажется мужикомъ. Даже иная рабочая лошадь такъ тихо и важно выступаетъ, какъ баринъ.

Извѣстно, какъ англичане уважаютъ общественныя приличія. Это уваженіе къ общему спокойствію, безопасности, устраненіе всѣхъ непріятностей и неудобствъ—простираются даже до нѣкоторой скуки. Ѣдешь въ вагонѣ, народу биткомъ набито, а тишина—какъ будто „въ гробѣ тьмы людей", по выраженію Пушкина. Англичане учтивы до чувства гуманности, т.-е. учтивы на столько, на сколько въ этомъ дѣйствительно настоитъ надобность, но не суетливы.

VI. Англійская практичность.

Про природу Англіи я ничего не говорю: какая тамъ природа! ея нѣтъ, она воздѣлана до того, что все растетъ и живетъ по программѣ. Люди овладѣли ею и сглаживаютъ ея вольные слѣды. Поля здѣсь—расписные паркеты. Съ деревьями, съ травой сдѣлано то же, что съ лошадьми и съ быками. Травѣ дается видъ, цвѣтъ и мягкость бархата. Въ полѣ не найдешь празднаго клочка земли; въ паркѣ нѣтъ самороднаго куста. И животныя испытываютъ ту же участь. Все породисто здѣсь: овцы, лошади, быки, собаки, какъ мужчины и женщины. Все крупно, красиво, бодро. Животнымъ такъ внушаютъ правила поведенія, что быкъ какъ будто бы понимаетъ, зачѣмъ онъ жирѣетъ, а человѣкъ, напротивъ, старается забывать, зачѣмъ онъ круглый Божій день и годъ, и всю жизнь, только и дѣлаетъ, что подкладываетъ въ печь уголь или открываетъ и закрываетъ какой-то клапанъ. Въ человѣкѣ подавляется его уклоненіе отъ прямой цѣли; отъ этого, можетъ быть, такъ много встрѣчается людей, которые съ перваго взгляда покажутся ограниченными, а они только спеціальные. И въ этой спеціальности—причина успѣховъ на всѣхъ путяхъ. Здѣсь кузнецъ не займется слесарнымъ дѣломъ,—оттого онъ первый кузнецъ въ мірѣ. И всѣ такъ. Механикъ, инженеръ не побоится упрека въ незнаніи политической экономіи: онъ никогда не прочелъ ни одной книги по этой части; не заговаривайте съ нимъ и объ естественныхъ наукахъ, ни о чемъ, кромѣ инженерной части—онъ покажется такъ жалко ограниченъ... А между тѣмъ подъ этой ограниченностью кроется иногда огромный талантъ и всегда сильный умъ, но умъ, весь ушедшій въ механику. Скучно покажется „универсально" образованному человѣку разговаривать съ нимъ въ гостиной; но, имѣя заводъ, пожелаешь выписать къ себѣ его самого или его произведеніе.

Все бы это было очень хорошо, т.-е. эта практичность, но, къ сожалѣнію, тутъ есть своя непріятная сторона: не только общественная дѣятельность, но и вся жизнь всѣхъ и каждаго сложилась и дѣйствуетъ очень практически, какъ машина. Незамѣтно, чтобы общественныя и частныя добродѣтели свободно истекали изъ свѣтлаго человѣческаго начала, безусловную прелесть котораго общество должно чув-

ствовать непрестанно—и непрестанно чувствовать тоже и потребность наслаждаться имъ. Здѣсь, напротивъ, видно, что это все есть потому, что оно нужно зачѣмъ-то, для какой-то цѣли. Кажется, честность, справедливость, состраданіе добываются, какъ каменный уголь, такъ что въ статистическихъ таблицахъ можно, рядомъ съ итогомъ стальныхъ вещей, бумажныхъ тканей, показывать, что вотъ такимъ-то закономъ, для той провинціи или колоніи, добыто столько-то правосудія, или для такого дѣла подбавлено въ общественную массу матеріала для выработки тишины, смягченія нравовъ и т. п. Эти добродѣтели приложены тамъ, гдѣ ихъ нужно, и вертятся, какъ колеса,—оттого онѣ лишены теплоты и прелести. На лицахъ, на движеніяхъ, поступкахъ—рѣзко написано практическое сознаніе о добрѣ и злѣ, какъ неизбѣжная обязанность, а не какъ жизнь, наслажденіе, прелесть. Добродѣтель лишена своихъ лучей; она принадлежитъ обществу, націи, а не человѣку, не сердцу. Оттого, правда, вся машина общественной дѣятельности движется непогрѣшительно—на это употреблена тьма чести, правосудія; вездѣ строгость права, законъ, вездѣ ограда имъ. Общество благоденствуетъ: независимость и собственность его неприкосновенны... Но зато есть щели, куда не всегда протѣснится сила закона, гдѣ безсильно и общественное мнѣніе, гдѣ люди находятъ способъ обойтись безъ этихъ важныхъ посредниковъ и вѣдаются сами собой: вотъ тамъ-то машина общаго движенія оказывается неприложимою къ мелкимъ, индивидуальнымъ размѣрамъ, и колеса ея вертятся на воздухѣ. Вся англійская торговля прочна, кредитъ непоколебимъ, а между тѣмъ покупателю въ каждой лавкѣ надо брать расписку въ полученіи денегъ. Законы противъ воровъ многи и строги, а Лондонъ считается, между прочимъ, образцовою школою мошенничества, и воровъ числится тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ; даже ими, какъ товарами, снабжается континентъ, и искусство запирать замки споритъ съ искусствомъ отпирать ихъ. Прибавьте, что нигдѣ нѣтъ такого количества контрабандистовъ. Вездѣ рогатки, машинки для провѣрки совѣстей: вотъ какіе двигатели поддерживаютъ добродѣтель въ обществѣ, а кассы въ банкахъ и купеческихъ конторахъ дѣлаются частенько добычей воровъ. Филантропія возведена въ степень общественной обязанности,—а отъ бѣдности гибнутъ не только отдѣльныя лица, семейства, но цѣлыя страны подъ англійскимъ управленіемъ!... Между тѣмъ, этотъ нравственный народъ по воскресеньямъ ѣстъ черствый хлѣбъ, не позволяетъ вамъ въ вашей комнатѣ заиграть на фортепьяно или засвистать на улицѣ. Призадумаешься надъ репутаціей умнаго, дѣлового, религіознаго, нравственнаго и свободнаго народа!

Но, можетъ быть, это все равно для блага цѣлаго человѣчества: любить добро за его безусловное изящество и быть честнымъ, добрымъ и справедливымъ даромъ, безъ всякой цѣли, и не умѣть нигдѣ и никогда не быть такимъ—или быть добродѣтельнымъ по машинѣ, по

таблицамъ, по востребованію? Казалось бы, все равно: но отчего же это противно? Не все ли равно, что статую изваялъ Фидій, Канова или машина? можно бы спросить...

VII. Силуэтъ англичанина и русскаго.

Въ Англіи все стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортабельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить! Если обстановить этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человѣка, то можно, въ pendant къ вопросу о томъ, „достовѣрнѣе ли стала исторія съ тѣхъ поръ, какъ размножились ея источники“,—поставить вопросъ: „Удобнѣе ли стало жить на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ размножились удобства?“..

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ, еще хуже, если его будитъ слуга: это варварство, отсталость, и притомъ слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощію пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету и запиваетъ чаемъ; потомъ принимается за газету. Это тоже удобство — одолѣть листъ „Times“ или „Herald“: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется, что дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ.... Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, обритый, остриженный, съ удобствомъ, т.-е. съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кеба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ по музеуму, скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе-нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ знаменитаго дюка; мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ—свой голосъ, онъ садится обѣдать и, вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкафу и

бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ...

Облако англійскаго тумана, пропитанное паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Онъ проносится, и я вижу другое... Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ просторной комнатѣ, на трехъ перинахъ, глубоко спящаго человѣка: онъ и обѣими руками, и одѣяломъ закрылъ себѣ голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не тревожится этимъ. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы: они каждый часъ свистѣньемъ, хрипѣньемъ и всхлипываньемъ пробуютъ нарушить этотъ сонъ—и все напрасно... Хозяинъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся, когда посланная отъ барыни Парашка будить къ чаю, послѣ троекратнаго тщетнаго зова, потолкала спящаго хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга, въ деревенскихъ сапогахъ, на солидныхъ подошвахъ съ гвоздями, трижды входилъ и выходилъ, потрясая половицы. И солнце обжигало сначала темя, потомъ високъ спящаго—и все почивалъ онъ. Неизвѣстно, когда проснулся бы онъ самъ собою,—развѣ когда не стало бы уже человѣческой мочи спать, когда нервы и мускулы настойчиво потребовали бы дѣятельности. Онъ пробудился оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ—и баринъ проснулся, обливаясь потомъ. Онъ побранилъ было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и не вѣритъ, что его будили, что солнце ужъ высоко, что приказчикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды перекипѣлъ.

— „Что вы не идете сюда?“ ласково говоритъ ему голосъ изъ другой комнаты.

— „Да вотъ одного сапога не найду“, отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью, — „и панталоны куда-то запропастились. Гдѣ Егорка?“

Справляются насчетъ Егорки и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, баринъ мается, сидя на постели, съ однимъ сапогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другого. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затащила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а панталоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзину карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барчонку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазилъ по горло въ воду на средину пруда.

Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса со сметаной, сковородку грибовъ или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ—всякому найдутъ что-нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святого въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго... Пора по работамъ; пришелъ приказчикъ—въ третій разъ.

— „Что скажешь, Прохоръ?“ говоритъ баринъ небрежно.

Но Прохоръ ничего не говоритъ; онъ еще небрежнѣе достаетъ со стѣны машинку, т.-е. счеты, и подаетъ барину, а самъ, выставивъ одну ногу впередъ, а руки заложивъ назадъ, становится поодаль.

— „Сколько чего?“ спрашиваетъ баринъ, готовясь класть на счетахъ.

— „Овса въ городъ отпущено на прошлой недѣлѣ семьдесятъ“... хочется сказать: „пять четвертей“.

— „Семьдесятъ девять“, договариваетъ баринъ и кладетъ на счетахъ.

— „Семьдесятъ девять“, мрачно повторяетъ приказчикъ и думаетъ: „экая память-то мужицкая, а еще баринъ! Сосѣдъ-то баринъ, слышь, ничего не помнитъ“...

— „А навѣдывались купцы о хлѣбѣ?“ вдругъ спросилъ баринъ, поднялъ очки на лобъ и взглянулъ на приказчика.

— „Былъ одинъ вчера“.

— „Ну?“

— „Дешево даетъ“.

— „Однако?“

— „Два рубля“.

— „Съ гривной?“ спросилъ баринъ.

Молчитъ приказчикъ: купецъ, точно, съ гривной давалъ. Да какъ же баринъ-то узналъ? Вѣдь онъ не видалъ купца! Рѣшено было, что приказчикъ поѣдетъ въ городъ на той недѣлѣ и тамъ покончитъ дѣло.

— „Что жъ ты не скажешь?“ вопрошаетъ баринъ.

— „Онъ обѣщалъ побывать опять“, говоритъ приказчикъ.

— „Знаю“, говоритъ баринъ.

— „Какъ знаетъ?“ думалъ приказчикъ: „Вѣдь купецъ не обѣщалъ“...

— „Онъ завтра къ батюшкѣ за медомъ заѣдетъ, а оттуда ко мнѣ: и ты приди, и мѣщанинъ будетъ“.

Приказчикъ все мрачнѣй и мрачнѣй.

— „Слушаю-съ“, говоритъ онъ сквозь зубы.

Баринъ помнитъ даже, что въ третьемъ году Василій Васильe-

вичъ продалъ хлѣбъ по три рубля, въ прошломъ дешевле, а Иванъ Ивановичъ по три съ четвертью. То въ полѣ чужихъ мужиковъ встрѣтить да спросить, то напишетъ кто-нибудь изъ города, а не то такъ, видно, во снѣ приснится покупщикъ—и цѣна тоже. Не даромъ долго спитъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ приказчикомъ, иногда все утро или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а приказчикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— „Ну, что еще?“ спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно.

— „Кто-то ѣдетъ?“ сказалъ онъ; и приказчикъ взглянулъ.

— „Иванъ Петровичъ“, говоритъ приказчикъ, — „въ двухъ коляскахъ“.

— „А!“ восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты. „Ну, ступай, ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту да сосчитаемся. А теперь пошли-ка Антипку съ Мишкой на болото да въ лѣсъ — десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!“

Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака—кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гувернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и съ двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесятъ верстъ—только пообѣдать! Послѣ объятій, начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ этого полуторасуточнаго переѣзда.

— „Пообѣдавъ вчера, выѣхали мы, благословясь, около вечерень, спѣшили засвѣтло проѣхать Волчій Вражекъ, а остальныя пятнадцать верстъ ѣхали въ темнотѣ — зги Божіей не видать! Ночью поднялась гроза, страсть какая—Боже упаси!.. Какіе яровые у Василья Степановича, видѣли?“

— „Какъ же, нарочно ѣздилъ. Слышали, ужъ онъ запродалъ хлѣбъ. А каковы овсы у васъ?..“

И пошла бесѣда на три дня.

Дамы пойдутъ въ садъ и оранжерею, а баринъ съ гостемъ отправились по гумнамъ, по полямъ, на мельницу, на луга. Въ этой прогулкѣ умѣстились три англійскіе города, биржа. Хозяинъ осмотрѣлъ каждый уголокъ; нужды нѣтъ, что хлѣбъ еще на корню, а онъ прикинулъ въ умѣ, что у него окажется въ количествѣ по истеченіи года, сколько онъ пошлетъ сыну въ гвардію, сколько заплатитъ за дочь въ институтъ. Обѣдъ гомерическій, ужинъ такой же. Потомъ, забывъ вынуть ключи изъ тульскихъ замковъ у бюро и шкафовъ, стелютъ пуховики, которыхъ достанетъ всѣмъ, сколько бы гостей ни пріѣхало. Живая машина стаскиваетъ съ барина сапоги, которые, можетъ быть, опять затащитъ Мимишка подъ диванъ, а панталоны Егорка опять забудетъ на дровахъ...

Что же? Среди этой дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности нѣтъ и помина о бѣдныхъ, о благотворительныхъ обществахъ, нѣтъ заботливой руки, которая бы... Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ... По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая: „Сотворите святую милостыню“. Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука, съ краюхою хлѣба: „Прими Христа ради!“ говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ—передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: „Прими Христа ради!“ — загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму..,

А баринъ, стало-быть, живетъ въ себя, „въ свое брюхо“, какъ говорятъ въ той сторонѣ? Стало-быть, онъ никогда не освѣжитъ души своей волненіемъ при взглядѣ на бѣднаго, не брызнетъ слеза на отекшія отъ сна щеки? И когда онъ считаетъ барыши за несжатый еще хлѣбъ, онъ не отдѣляетъ нѣсколько сотъ рублей послать въ какое-нибудь заведеніе, поддержать сосѣда?.. Нѣтъ, не отдѣляетъ въ умѣ ни коцѣйки; а отдѣлитъ развѣ столько-то четвертей ржи, овса, гречихи да того-сего, да со скотнаго двора телятъ, поросятъ, гусей, да меду съ ульевъ, да гороху, да моркови, грибовъ, да всего,—чтобы къ Рождеству послать столько-то четвертей роднѣ, „седьмой водѣ на киселѣ“, за сто верстъ, куда ужъ онъ посылаетъ десять лѣтъ оброкъ, — столько-то какому-то бѣдному чиновнику, который женился на сироткѣ, оставшейся послѣ погорѣлаго сосѣда, взятой еще отцомъ въ домъ и тамъ воспитанной. Этому чиновнику посылаетъ еще сто рублей деньгами къ Пасхѣ — столько-то раздать у себя въ деревнѣ старымъ слугамъ, живущимъ на пенсіи (а ихъ много), да мужичкамъ, которые то ноги отморозили, ѣздивши по дрова, то обгорѣли, суша хлѣбъ въ овинѣ, — кого въ дугу согнуло отъ какой-то лихой болѣсти, такъ что спины не разогнетъ,—у другого темная вода закрыла глаза... А какъ удивится гость, пріѣхавшій на цѣлый день къ нашему барину, когда, просидѣвъ утро въ гостиной и не увидѣвъ никого, кромѣ хозяина и хозяйки, вдругъ видитъ за обѣдомъ цѣлую ватагу какихъ-то старичковъ и старушекъ, которые нахлынутъ изъ заднихъ комнатъ и занимаютъ „привычныя мѣста“! Они смотрятъ робко, говорятъ мало, но кушаютъ много. И Боже сохрани попрекнуть ихъ „кускомъ“! Они почтительны и къ хозяевамъ, и къ гостямъ. Баринъ хватился своей табакерки въ карманѣ, ищетъ глазами вокругъ: одинъ старичокъ побѣжалъ

за ней, отыскалъ и принесъ; у барыни шаль спустилась съ плеча: одна изъ старушекъ надѣла ее опять на плечо, да тутъ же кстати поправила бантикъ на чепцѣ. Спросишь, кто это такіе? Про старушку скажутъ, что она „вдова“, пожалуй назовутъ Настасьей Тихоновной—фамилію она почти забыла, а другіе и подавно: она не нужна ей больше; прибавятъ только, что она бѣдная дворянка, что мужъ у нея былъ игрокъ или спился съ кругу и ничего не оставилъ. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажутъ, что у него было душъ двадцать, что холера избавила его отъ большей части изъ нихъ, что землю онъ отдаетъ внаемъ за двѣсти рублей, которые посылаетъ сыну, а самъ „живетъ въ людяхъ“.

И многіе годы проходятъ такъ, и многія сотни уходятъ „куда-то“ у барина, хотя денегъ, повидимому, не бросаютъ. Даже барыня, исполняя евангельскую заповѣдь и проходя сквозь безконечный рядъ нищихъ отъ обѣдни, тратитъ на это всего какихъ-нибудь рублей десять въ годъ... Вотъ на выборахъ, въ городѣ, оно замѣтно, куда деньги идутъ. Кончились выборы: предводитель беретъ листъ бумаги и говоритъ: „Заключимте, милостивые государи, наши засѣданія посильнымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ нашей губерніи, да на школы, на больницы“,—и пишетъ двѣсти рублей. А нашъ баринъ думалъ, что, купивъ женѣ два платья, мантилью, нѣсколько чепцовъ да вина, сахару, чаю и кофе на годъ, онъ ужъ можетъ закрыть бумажникъ, въ которомъ опочилъ изрядный запасный капиталецъ, годичная экономія. А вотъ тутъ вынимается сто рублей: стыдно же написать при всѣхъ двадцать пять, даже пятьдесятъ, когда Осипъ Осиповичъ и Михайло Михайловичъ написали по сту. „Теперь, кажется все“, думаетъ онъ. Вдругъ у губернатора, вечеромъ, губернаторша сама раздаетъ гостямъ какіе-то билеты. Что это такое? Билеты на лотерею съ баломъ, спектаклемъ въ пользу погорѣвшихъ семействъ. Губернаторша уже двоихъ упрекнула въ скупости, и они поспѣшно взяли еще по нѣсколько билетовъ. За этимъ некуда уже тратить денегъ, — только вотъ остался иностранецъ, который пріѣхалъ учить гимнастикѣ, да ему не повезло, а въ числѣ гимнастическихъ упражненій у него нѣтъ такой штуки, какъ выбираться изъ чужого города безъ денегъ, и онъ не знаетъ, что дѣлать. Дворяне сложились помочь ему добраться домой; недостаетъ ста рублей: поглядываютъ на нашего барина... И вотъ къ концу года выходитъ вовсе не тотъ счетъ въ деньгахъ, какой онъ прикинулъ въ умѣ, ходя по полямъ, когда хлѣбъ былъ еще на корню... Не по машинкѣ считалъ!

Но... однако... что вы скажете, друзья мои, прочитавъ это... эту... это „письмо“—изъ Англіи? Куда я заѣхалъ? Что описываю? Скажете, конечно, что я повторяюсь, что я... не выѣзжалъ... Виноватъ: передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое—и сейчасъ въ умѣ прикину на свой ар-

шинъ. Вѣдь искомый результатъ путешествія — это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя, что, куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!

VIII. Качка.

Вѣтеръ превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было... Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, отворилъ дверь и —не вошелъ (всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку)—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ бюро—все это въ кучкѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма—все ѣздило по полу, вперегонку, кто скорѣе скакнетъ въ уголъ или оттуда на средину.

— „Ѳаддеевъ!“ закричалъ я въ ужасѣ... „Посмотри-ка“, сказалъ я, указывая на безпорядокъ, и, махнувъ рукою, ушелъ въ капитанскую каюту.

Это былъ простой, удобный, даже роскошный кабинетъ. Огромный платяной шкапъ орѣховаго дерева, большой письменный столъ съ полками, пьянино, два мягкіе дивана и болѣе полудюжины креселъ составляли его мебель. Вотъ тамъ-то, между шкапомъ и пьянино, крѣпко привинченными къ стѣнѣ и полу, была одна полукруглая софа, представлявшая надежное убѣжище отъ кораблекрушенія. Любезный, гостепріимный хозяинъ, И. С. У., предоставлялъ ее въ полное мое распоряженіе. Самъ онъ не былъ изнѣженъ и почти ею не пользовался, особенно въ непогоду. Тогда онъ не раздѣвался, а соснетъ гдѣ-нибудь въ креслѣ, готовый каждую минуту бѣжать на палубу. Сядешь на эту софу, и, какая бы качка ни была, упасть было некуда. Одна половина софы шла вдоль, а другая поперекъ фрегата. Тутъ не пускалъ упасть шкапъ, а тамъ пьянино. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе или, пожалуй—что за красота!—„Буря—прекрасно! поэзія!“ скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ.—„Какая буря—свѣжій вѣтеръ!“ говорятъ вамъ.

Можетъ быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателя, право незанимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ вы-

пущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи,— только брызги, какъ дымъ, поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится,—но только затѣмъ, чтобы тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы, однако, ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей,—почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться; или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу или подсвѣчникъ.

— „Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!“ говорилъ по временамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. „А вы это все сидите? Еще не пріобрѣли „морскихъ ногъ“?

— „Я и свои потерялъ“, сказалъ я.

Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть: „Да вы встаньте, ну, попробуйте“, уговаривалъ онъ меня.

— „Пробовалъ“, сказалъ я, „да безъ пользы, даже со вредомъ и для себя, и для мебели. Вотъ, пожалуй“...

Но меня потянуло по совершенно отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно.

— „Что же вы чай не идете пить?“ сказалъ онъ.

— „Не хочу!“ со злостью сказалъ я.

— „Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь“.

— „Не хочу!“ повторилъ я... Я былъ очень золъ.

Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что кажется—сейчасъ разсыплется вдребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности, résignation, а чистая злоба, которая пожираетъ васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, раздражаетъ желчь. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни аппетита, ни сна, ѣшь, чтобъ какъ-нибудь наполнить праздное время и пустой желудокъ. Не спишь, потому что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полудремотѣ, и въ этомъ состояніи носятся надъ головой уродливыя грезы, галлюцинаціи: знакомыя лица являются, какъ

миѳологическіе боги и богини. Заснешь—и вполглаза видишь наяву снасть, а рядомъ откуда-то возмутся шелковыя драпри какой-нибудь петербургской гостиной, вазы, цвѣты, изъ-за которыхъ тутъ же выглядываетъ урядникъ Терентьевъ. Далѣе опять франты, женщины, но вмѣсто кружевного платка въ рукахъ женщины—каболка (оборвышъ веревки) или банникъ, а франтъ третъ палубу пескомъ... И вдругъ эти франты и женщины завоютъ, заскрипятъ; лица у нихъ вытянулись, разложились—хлопъ! полетѣли куда-то въ бездну!.. Откроешь глаза и увидишь, что каболка, банникъ, Терентьевъ—все на своемъ мѣстѣ: а вазъ, цвѣтовъ—увы, нѣтъ! Подчасъ до того все перепутается въ головѣ, что шумъ и трескъ, и эти водяные бугры, съ пѣной и брызгами, кажутся сномъ, а берегъ, дома, покойная постель—дѣйствительностью, отъ которой при каждомъ толчкѣ жестоко отрезвляешься...

Я такъ и не ночевалъ въ своей каютѣ. Капитанъ тутъ же рядомъ спалъ одѣтый, безпрестанно вскакивая и выбѣгая на палубу. Ѳаддеевъ утромъ явился съ бѣльемъ и звалъ въ каютъ-компанію къ чаю.

— „Не хочу!“ былъ одинъ отвѣтъ.

— „Не надо ли, принесу сюда?“

— „Не хочу!“ твердилъ я, потому что наканунѣ попытка напиться чаю не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ: я обжегъ пальцы и уронилъ чашку.—„Что, еще не стихаетъ?“ спросилъ я его.

— „Куда-те стихать,—такъ и реветъ. Ужъ такое сердитое море здѣсь!“ прибавилъ онъ, глядя съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣною и брызгами. Я отъ скуки старался вглядѣться въ это равнодушіе, что оно такое: привычка ли матроса, испытаннаго въ штормахъ, увѣренность ли въ силахъ и средствахъ?.. Нѣтъ, онъ молодъ и закалиться въ службѣ не успѣлъ. Чувство-ли покорности судьбѣ? И того, кажется, нѣтъ. То чувство выражается сознательною мыслью на лицѣ и выработаннымъ ею спокойствіемъ, а у него лицо все такъ же кругло, бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ. Это—простое равнодушіе, въ самомъ незатѣйливомъ смыслѣ. Съ этимъ же равнодушіемъ онъ, т.-е. Ѳаддеевъ—а этихъ Ѳаддеевыхъ легіонъ—смотритъ и на новый прекрасный берегъ, и на не виданное имъ дерево, человѣка,—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного ничѣмъ несокрушимаго стремленія къ своему долгу—къ работѣ, къ смерти, если нужно... Вглядывался я и заключилъ, что это равнодушіе—родня тому спокойствію или той безпечности, съ которой другой Ѳаддеевъ, гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинитъ шпицъ или сидитъ съ кистью на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ наверху четырехъ-этажнаго дома, оборачиваясь, въ размахахъ веревки, спиной то къ улицѣ, то къ дому. Посмотрите ему въ лицо: есть ли сознаніе опасности?—Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобы не удариться колѣнкой... А внизу—третій Ѳаддеевъ, ко-

торый держитъ веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ.

Ѳаддеевъ и передъ обѣдомъ явился съ приглашеніемъ обѣдать, но едва я сдѣлалъ шагъ, какъ надо было падать или проворно сѣсть на свое мѣсто.

— „Не хочу!“ сказалъ я злобно.

— „Третья стклянка! Зовутъ, ваше высокоблагородіе!“ сказалъ онъ, глядя по обыкновенію въ стѣну. Но на этотъ разъ онъ чему-то улыбнулся.

— „Что ты смѣешься?“ спросилъ я. Онъ захохоталъ.

— „Что съ тобой?“

— „Да смѣхъ такой“...

— „Ну, говори, что?“

— „Шведовъ треснулся головой о палубу“.

— „Гдѣ? Какъ?“

— „Съ койки сорвался: мы трое подвѣсились къ одному крючку; крючокъ сорвался, мы всѣ и упали: я ничего, и Паисовъ ничего, упали просто и встали, а Шведовъ голову ушибъ—такой смѣхъ! Теперь сидитъ да стонетъ“.

Уже не въ первый разъ замѣтилъ я эту черту въ моемъ вѣстовомъ. Попадется ли кто, достанется ли кому—это бросало его въ смѣхъ. Поди, разбирай, изъ какихъ элементовъ сложился русскій человѣкъ! И это не отъ злости: онъ совсѣмъ не былъ золъ, а такъ,—черта, требующая тонкаго анализа и особеннаго опредѣленія. Но ему на этотъ разъ радость чужому горю не прошла даромъ. Не успѣлъ онъ разсказать мнѣ о паденіи Шведова, какъ вдругъ разсыльный явился въ дверяхъ.

— „Кто подвѣшивался со Шведовымъ на одинъ крючокъ?“ спросилъ онъ.

— „Кто?“ вопросомъ отвѣчалъ Ѳаддеевъ.

— „Паисовъ, что ли?“

— „Паисовъ?“

— „Да говори скорѣй, еще кто?“ спросилъ опять разсыльный.

— „Еще?“ продолжалъ Ѳаддеевъ спрашивать.

— „Поди къ вахтенному“, сказалъ разсыльный: „всѣхъ требуютъ“.

Ѳаддеевъ сдѣлался очень серьезенъ и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьезнѣе. Я догадался, въ чемъ дѣло.

— „Что жъ ты не смѣешься?“ спросилъ я. „Кажется, не одному Шведову досталось?“

Онъ молчалъ.

— „А Паисову досталось?“

Онъ опять разразился хохотомъ.—„Досталось, досталось и ему!“ весело сказалъ онъ.

— „Нѣтъ, этого мы еще не испытали!“ думалъ я, покачиваясь

на диванѣ и глядя, какъ дверь кланялась окну, а зеркало шкапу. Ѳаддеевъ пошелъ было вонъ, но мнѣ пришло въ голову пообѣдать тутъ же на мѣстѣ.

— „Не принесешь ли ты мнѣ чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?“ спросилъ я. „Попроси жаркого или холоднаго“.

— „Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!“ отвѣчалъ онъ.

Черезъ полчаса онъ появился съ двумя тарелками въ рукахъ. На одной былъ хлѣбъ, солонка, ножъ, вилка и салфетка; а на другой кушанье. Онъ шелъ очень искусно, упираясь то одной, то другой ногой и держа въ равновѣсіи руки, а мѣстами вдругъ осторожно присѣдалъ, когда покатость пола становилась очень крута.

— „Вотъ тебѣ!“ сказалъ онъ (мы съ нимъ были на „ты“; онъ говорилъ „вы“ уже въ готовыхъ фразахъ: „ваше высокоблагородіе“ или „воля ваша“ и т. п.). Онъ сѣлъ подлѣ меня на полу, держа тарелки.

— „Чего же ты мнѣ принесъ?“ спросилъ я.

— „Тутъ все есть, всякія кушанья“, сказалъ онъ.

— „Какъ все?“

Гляжу—въ самомъ дѣлѣ все: вотъ курица съ рисомъ, вотъ горячій пастетъ, вотъ жареная баранина—вмѣстѣ въ одной тарелкѣ, и все прикрыто вафлей.

— „Помилуй, вѣдь это ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобы ты мнѣ супу налилъ сюда!“

— „Нельзя было“, отвѣчалъ онъ простодушно: „того гляди—прольешь“.

Я сталъ разбирать куски порознь, кладя кое-что въ роть и такъ мало-по-малу дошелъ—до вафли.

— „Зачѣмъ ты не положилъ и супу!“ сказалъ я, отдавая тарелки назадъ.

— „Боже мой! Кто это выдумалъ путешествія?“ невольно, съ горечью, воскликнулъ я: „Ѣдешь четвертый мѣсяцъ,—только и видишь сѣрое небо и качку!“.

Кто-то засмѣялся.

— „Ахъ, это вы!“ сказалъ я, увидя, что въ каютѣ стоитъ, держась рукой за потолокъ, самый высокій изъ моихъ товарищей, А. И. Л.—„Да право!“ продолжалъ я. „Гдѣ же это синее море, голубое небо, да теплота, птицы какія-то, да и рыбы, которыхъ, говорятъ, видно на самомъ днѣ?“

На ропотъ мой тутъ какъ тутъ явился и „дѣдъ“, старшій штурманскій офицеръ.

— „Вотъ вѣдь это кто все разсказываетъ о голубомъ небѣ да о теплѣ!“ сказалъ Л.

— „Гдѣ же тепло? Подавайте голубое небо и тепло!“ приставалъ я.

— „Дайте пройти Бискайскую бухту—вотъ и будетъ вамъ тепло!

Да погодите еще—и тепло наскучитъ: будете вздыхать о холодѣ. Что вы все сидите? Пойдемте!"

— „Не могу; я не стою на ногахъ".

— „Пойдемте, я васъ отбуксирую!" сказалъ онъ и повелъ меня на шканцы. Опираясь на него, я вышелъ „на улицу" въ тотъ самый моментъ, когда палуба какъ будто вырвалась изъ-подъ ногъ и скрылась, а передъ глазами очутилась цѣлая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами съ бѣлыми, будто жемчужными, верхушками, блеснула—и тотчасъ же скрылась за бортъ. Меня стало прижимать къ пушкѣ, оттуда потянуло къ люку. Я обѣими руками зацѣпился за лееръ.

— „Ведите назадъ!" сказалъ я дѣду.

— „Что вы? Посмотрите: отлично!"

У него все отлично. Несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ—„славно, отлично!" говоритъ онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ—„Чудесно!" восхищается онъ: „по полтора узла идемъ!" На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ, и въ холодъ всегда застегнутъ, всегда бодръ; только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки за спину или немного пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль — ему все равно. Близко ли берегъ, далеко ли—ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удастся побывать. Я не слыхалъ, чтобы онъ на что-нибудь или на кого-нибудь жаловался.—„Отлично!" твердитъ только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на всѣхъ кругомъ и улыбнется по-своему.

— „Холодно, дѣдъ! Ведите меня назадъ", говорилъ я.

— „Что за холодно—отлично!" отвѣчалъ онъ.

Не дождавшись его, я пошелъ одинъ на свое мѣсто, но дорого заплатилъ за смѣлость. Я вошелъ въ каюту и не успѣлъ добѣжать до большой полукруглой софы, какъ вдругъ сильно поддало. Чувствуя, что мнѣ не устоять и не усидѣть на полу, я быстро опустился на маленькій диванъ и думалъ, что спасусь этимъ; но не тутъ-то было: надо было прирасти къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Диванъ былъ пригвожденъ и не упалъ, а я, какъ ни крѣпился, но долженъ былъ, къ крайнему прискорбію, разстаться съ диваномъ. Меня сорвало съ него и ударило грудью о кресло такъ сильно, что хотя кресло и осталось на мѣстѣ, потому что было привязано къ полу, но у него подломилась ножка, а меня перебросило черезъ него и повлекло дальше по полу. По дорогѣ я ушибъ еще колѣнку да задѣлъ за что-то щекой. Примчавшись къ своему мѣсту, я нѣсколько минутъ сидѣлъ отъ боли неподвижно на полу. Къ счастью, ушибъ не оставилъ никакихъ послѣдствій. Съ недѣлю больно было дотрогиваться до груди, а потомъ прошло.

Въ это время К. И. Л. вошелъ въ каюту. Я сталъ разсказывать о своемъ горѣ.

— „А вы скорѣй садитесь на полъ“, сказалъ онъ,—„когда васъ сильно начнетъ тащить въ сторону, и ничего—не стащитъ!“

Вдругъ въ это время стало кренить на мою сторону.

— „Вотъ такъ, вотъ такъ!“ училъ онъ, опускаясь на полъ.—„Ай, ай!“ закричалъ онъ потомъ, ища руками кругомъ, за что бы ухватиться.

Его потащило съ горы, и онъ стремительно домчался вплоть до меня... на всегда готовомъ экипажѣ. Я только что успѣлъ подставить ноги, чтобы онъ своимъ ростомъ и дородствомъ не сокрушилъ меня.

Такъ дни шли за днями, или не „дни“, а „сутки“. На берегу замѣчаются только одни дни, а въ морѣ, въ качку, спишь, не когда хочешь, а когда можешь. Тамъ, рядомъ съ обыкновеннымъ, природнымъ днемъ, является какой-то другой, искусственный, называемый на берегу ночью, а тутъ—полный заботъ, работъ, возни. Томительныя сутки шли за сутками. Человѣкъ мечется въ тоскѣ, ищетъ покойнаго угла, хочетъ забыться, забыть море, качку, почитать, поговорить—не удается. Всякій суставъ въ немъ, всякій нервъ бодрствуетъ, раздраженный и утомленный продолжительнымъ напряженіемъ. Прошлое спокойствіе, минуты счастія, отличное плаваніе, родина, друзья—все забыто; а если и припоминается, такъ съ завистью.—„Да неужели есть берегъ?“ думаешь тутъ: „Ужели я былъ когда-нибудь на землѣ, ходилъ твердой ногой, спалъ въ постели, мылся прѣсной водой, ѣлъ четыре-пять блюдъ, и все въ разныхъ тарелкахъ, читалъ, писалъ на столѣ, который не пляшетъ? Ужели есть сады, теплый воздухъ, цвѣты?“ И цвѣты припомнишь, на которые на берегу и не глядѣлъ. Такъ вотъ она, странническая жизнь, исполненная приключеній, тревогъ, бурь, волненій, о которыхъ вздыхалъ я на берегу! Ну, заварилъ кашу — наслаждайся теперь! Неблагодарная память не сохраняетъ добра. Тутъ является жалкое, отравляющее жизнь на морѣ чувство—раскаянія: зачѣмъ поѣхалъ!...

IX. Вечеръ и ночь подъ тропиками.

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ, общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью... Скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ уто-

паетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю...

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей — все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ формѣ горы, острововъ съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плечи еще цѣлы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ...

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнья. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе, и сквозь нее проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А замки, башни, лѣса— розовые, палевые, коричневые—сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ...

Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, если-бъ всегда и вездѣ такова природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна. Если бы такова была и жизнь!... Вѣдь бури, бѣшеныя страсти не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа — для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы.

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко и какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше,

онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди, — и засіялъ вечерній пиръ!... Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда....

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ... Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ, воцарилась кротко и величаво до утра.... А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ; онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ пристально и умно... Про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: что въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго; потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза....

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ, или подъ кормой плеснетъ волна — и опять все торжественно и прекрасно тихо!..

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни и, ослѣпленные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грезами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: „Нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни англичане, ни американцы, ни мои учителя; говорило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство; оно таинственно манило меня ребенкомъ сюда и шептало:

„Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лѣтъ созвѣздіе Креста“....*)

*) Изъ «Посланія» В. Г. Бенедиктова къ И. А. Гончарову.

X. Поимка акулы.

Мы только что отобѣдали. Я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи, пока принесутъ огня. Капитанъ сидѣлъ въ креслѣ. Жарко; дверь и окна были открыты. Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ наверху, надъ нашими головами, сдѣлалось какое-то движеніе, суматоха; люди засуетились и затопали. Капитанъ поспѣшилъ, по своей обязанности, вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобы узнать, что такое случилось, — да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не трогался съ мѣста; но вдругъ слышу—многіе голоса кричатъ на ютѣ: „Ташши, ташши!“, а другіе: „Нѣтъ, стой! Не ташши, оборвется!“

Я бросился къ окну и вижу: на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна висѣла надъ водой пойманная на толстый, пальца въ полтора, крюкъ акула. Крюкъ вонзился ей въ верхнюю челюсть: она, отъ боли, открыла роть настежь. Мнѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами. Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ то спиной, то брюхомъ. Спина у ней темносиняго цвѣта съ фіолетовымъ отливомъ, а брюхо ярко-бѣлое, точно густо окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно, какъ будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть себя хорошенько; только большіе, черные, круглые глаза сильно ворочались,—конечно, отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы — двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія рыбы, прозванныя „лоцманами“. Иногда ихъ плаваетъ съ нею по три и по четыре. Вдругъ акула зашевелилась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно.

Отъ тяжести акулы и отъ усилій ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ понемногу разгибаться, веревка затрещала. Еще одно усиліе со стороны акулы — веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть.

— „Держи! Держи! Ташши скорѣе!“ раздавалось между тѣмъ у насъ надъ головой.

— „Нѣтъ, постой ташшить!“ кричали другіе: „Оборвется; давай конецъ!“ („Конецъ“—веревка, которую бросаютъ съ судна шлюпкамъ, когда пристаютъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ).

Акула пока отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти, виднѣлись кости челюсти, потомъ блѣднорозовое мясо, а далѣе—пустое, темное пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу.

— „Вотъ такъ, вотъ такъ!“ кричали одобрительно голоса наверху: „подъ крылья-то подцѣпи ей!“ (Подъ крыльями матросы разумѣли плавательные ласты, которые, формой и величиной, въ самомъ дѣлѣ походятъ на крылья). Только лишь зацѣпили за крылья, акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху. Тутъ она собрала всѣ силы и начала изгибаться и хлестать по воздуху, о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, что было на пути. Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому что конецъ хвоста попалъ и въ окно.

Но ничто не спасло ее, часъ ея пробилъ. — „Прочь, прочь!“ кричали на ютѣ, втаскивая туда акулу. Раздался тревожный топотъ людей, потомъ паденье тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары въ палубу. Мы съ К. бросились къ двери, чтобъ бѣжать на ютъ, но, отворивъ ее, увидѣли, что матросы кучей отступили отъ юта, ожидая, что акула сейчасъ упадаетъ на шканцы. Какъ выскочить? Ну, ежели она въ эту минуту... Но любопытство преодолѣло; мы выскочили и вбѣжали на ютъ.

Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступались. А. А. К. схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти—хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножомъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда Б. Ш. взялъ гандшпугъ (это, почти въ руку толщиной, деревянный колъ, которымъ ворочаютъ пушки) и воткнулъ ей въ пасть: гандшпугъ ушелъ туда чуть не весь. Пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перевернули на спину и веревками привязали къ гику.

Мы толпой стояли вокругъ, матросы тѣснились тутъ же, другіе взобрались на ванты, — всѣ наблюдали, не обнаружитъ ли акула признаковъ жизни; но признаковъ не было.

— „Нѣтъ, ужъ кончено“, говорили нѣкоторые: „она вся изранена и издохла“. Другіе, напротивъ, сомнѣвались и приводили примѣры живучести акулъ, и именно, что онѣ иногда, черезъ три часа послѣ мнимой смерти, судорожно откусывали руки и ноги неосторожнымъ.

Велѣли смыть съ палубы кровь. Явились матросы, съ водой и швабрами. Послѣ того одинъ изъ насъ взялъ топоръ и началъ рубить у акулы понемногу ласты, другой ножомъ дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надрѣзы, такъ, изъ любознательности,—посмотрѣть, толста ли кожа, и что подъ ней. Пришелъ нашъ любитель-натуралистъ, присѣлъ около акулы и началъ щупать кожу, разсматривать подробно голову, глаза. Колъ изъ пасти вынули и полили окровавленную морду водой. Многіе, кому наскучило смотрѣть, разошлись. Пора бы убрать ее. Веревки развязали, перевернули акулу опять на животъ и хотѣли нести прочь. Кто-то вздумалъ еще поскоблить ножомъ ей спину: вдругъ она встре-

пенулась, хлестнула хвостомъ направо, налѣво; всѣ отскочили прочь; одинъ матросъ не успѣлъ, и ему достались два порядочные туза: одинъ по икрамъ, другой повыше... Онъ слетѣлъ съ ногъ; всѣ захохотали и снова принялись укрощать звѣря.

Но это не такъ легко было сдѣлать теперь, когда сняли съ него веревки и вынули изъ пасти колъ. Истерзанная, исколотая, съ висящими внутренностями, акула билась о палубу, извивалась змѣей, быстро и сильно описывала хвостомъ круги и все подвигалась къ краю. Никто не рѣшался подступить. Это было послѣднее благопріятное мгновеніе, которымъ она могла воспользоваться: еще одинъ изгибъ, одинъ взмахъ хвоста посильнѣе, пока ходили за гандшпугомъ и топоромъ,— она полетѣла бы за бортъ и, по крайней мѣрѣ, околѣла бы въ своей стихіи. Но она на минуту притихла, а наши снова принялись за колъ и топоръ.

— „Бей ее по головѣ!“ кричали голоса: „Да береги ноги: прочь, прочь!“

Ближе всѣхъ около нея вертѣлся тотъ матросъ, котораго она угостила двумя пинками. Онъ разсердился, или боль отъ пинковъ еще не прошла, — только онъ съ коломъ гонялся за акулой, стараясь ударить ее по головѣ и забывая, что онъ былъ босикомъ, и что ноги его чуть не касались пасти. Но взмахи хвоста были такъ порывисты, что попасть въ голову было трудно, и удары все приходились по спинѣ, а это ей, повидимому, ни почемъ. Наконецъ матросу удалось попасть два раза и въ голову: акула измѣнила только направленіе, но все изгибалась и ползла такъ же скоро и сильно, какъ и прежде. Другой ударилъ топоромъ ниже головы: животное присмирѣло и поползло медленнѣе.

— „Руби голову, руби голову!“ кричали ему. Матросъ нанесъ другой ударъ: она сильно рванулась впередъ; онъ ударилъ въ третій разъ: она рванулась еще, но слабѣе.

— „Нѣтъ, теперь шабашъ!“ сказалъ онъ, отдѣляя четвертымъ ударомъ голову отъ туловища. Но и то не шабашъ: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабѣе и слабѣе, а голова судорожно шевелила челюстями. Въ туловище воткнули гандшпугъ и унесли. Всѣ разошлись.

XI. Русскіе миссіонеры и чиновники въ Якутской области.

Упомяну о нашихъ миссіонерахъ. Здѣсь ихъ, въ Якутскѣ, два: священники Хитровъ и Запольскій. Знаете, что они дѣлаютъ? Десять лѣтъ живутъ они въ Якутскѣ и изъ нихъ трехъ лѣтъ не прожили на мѣстѣ, при семействахъ. Они постоянно разъѣзжаютъ по якутамъ, тунгусамъ и другимъ племенамъ: къ однимъ, крещенымъ, ѣздятъ для требъ, къ другимъ—для обращенія.

— „Гдѣ же вы бывали?“ спрашивалъ я одного изъ нихъ.

— „Въ разныхъ мѣстахъ“, сказалъ онъ: „и къ сѣверу, и къ югу, за тысячу верстъ, за полторы, за три“.

— „Кто же живетъ въ тѣхъ мѣстахъ, напр., къ сѣверу?“

— „Не живетъ никто, а кочуютъ якуты, тунгусы, чукчи... Ѣздятъ по этимъ дорогамъ верхомъ, большею частію на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ или на оленяхъ. По колымскому и другимъ пустыннымъ трактамъ есть, пожалуй, и станціи, но какія разстоянія между ними—верстъ по четыреста, небольшія—всего по двѣсти верстъ!“

— „Двѣсти верстъ—небольшая станція! Гдѣ жъ останавливаются, гдѣ ночуютъ?“ спрашивалъ я.

— „Въ иныхъ мѣстахъ есть *поварни*“, говорятъ мнѣ.

При этомъ словѣ, конечно, представится вамъ и поваръ, — пожалуй, въ воображеніи запахнетъ бифстексомъ, котлетами... „Поварня“, говорятъ мнѣ, — „пустая, необитаемая юрта, съ однимъ искусственнымъ отверстіемъ наверху и со множествомъ природныхъ щелей въ стѣнахъ, съ очагомъ посрединѣ—и только“. Слѣдовательно, это quasi-поварня.

Если хотите сдѣлать ее настоящей поварней, то привезите съ собой повара, да кстати ужъ и провизіи, а иногда и дровъ, гдѣ лѣсу нѣтъ; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, сосѣдей нѣтъ кругомъ; прямо на тысячу или больше верстъ пустыня, направо другая, налѣво третья и т. д.

— „Слава Богу, если еще есть поварня!“ говорилъ отецъ Никита, „а то и не бываетъ“...

— „Какъ же тогда?“

— „Тогда ночуемъ на снѣгу“.

— „Но не въ сорокъ градусовъ, надѣюсь?“

— „И въ сорокъ ночуемъ: куда-жъ дѣться?“

— „Какъ же такъ? Вѣдь, говорятъ, при 40° дышать нельзя“...

— „Трудно, грудь рѣжетъ немного, да дышимъ. Мы разводимъ огонь, и притомъ въ снѣгу тепло... Морозъ ничего“, прибавилъ онъ: „мы привыкли да и хорошо закутаны. А вотъ гораздо хуже, когда застанетъ пурга“...

Пурга стоитъ всякихъ морскихъ бурь: это снѣжный ураганъ, который застилаетъ мракомъ небо и землю и крутитъ тучи снѣгу: нельзя сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ; оставайтесь тамъ, гдѣ застала буря; если поупрямитесь, тронетесь — не найдете дороги впереди, не узнаете вашего и вчерашняго пути: гдѣ были бугры, тамъ образовались ямы и овраги; лучше стойте и не двигайтесь.

— „Мы однажды добрались въ пургу до юрты“, говорилъ отецъ Никита, „а товарищи отстали: не послушали инстинкта собакъ, своротили ихъ не туда, куда тѣ мчали, и заблудились. Три дня ждали ихъ, и, когда прояснилось небо, ихъ нашли у дверей юрты. Послѣднюю ночь они провели тутъ, не подозрѣвая жилья“... Какова должна быть погода!

На-дняхъ священникъ Запольскій получилъ порученіе ѣхать на югъ, по радіусу тысячи въ полторы верстъ или и больше: тутъ еще никто не измѣрялъ разстояній; это новое мѣсто. Онъ ѣдетъ развѣдать, кто тамъ живетъ, или, лучше сказать, живетъ ли тамъ кто-нибудь; и если живетъ, то исповѣдуетъ ли какую-нибудь религію, какую именно и т. п.,—словомъ, узнать все, что касается до его обязанностей.

— „Какъ же вы въ новое мѣсто поѣдете?“ спросилъ я: „На чемъ? Чѣмъ будете питаться? Гдѣ останавливаться? По этой дорогѣ, вѣроятно, поваренъ нѣтъ“...

— „Да, трудно; но вѣдь это только въ первый разъ“, возразилъ онъ, „а во второй ужъ легче“.

А онъ въ первый разъ и ѣдетъ: значитъ, надѣется ѣхать и во второй, можетъ быть—и въ третій.

— „Можно развѣдать“, продолжалъ онъ, „есть ли жители по пути или по сторонамъ, и уговориться съ ними о доставкѣ на будущее время оленей“...

— „А далеко ли могутъ доставлять оленей?“ спросилъ я.

— „Да хоть изъ-за шести или семисотъ верстъ—и то доставятъ... Что вы удивляетесь?“ прибавилъ онъ. „Вѣдь я не первый; тамъ, вѣрно, кто-нибудь бывалъ: *въ Сибири нѣтъ мѣста, гдѣ бы не были русскіе*“.

Замѣчательныя слова!

— „Долго ли вы тамъ думаете пробыть?“ спросилъ я.

— „Лѣтомъ, полагаю, я вернусь“.

Лѣтомъ, а теперь октябрь!

Вы видите, что здѣсь въ религіозномъ отношеніи дѣлается то же самое, что уже сдѣлано для алеутовъ. Не нужно напоминать вамъ имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру.

Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги: „Записки объ уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ“. Изд. въ 1840 г., протоіерея Веніаминова (нынѣ камчатскаго, алеутскаго и курильскаго архіепископа Иннокентія *). Авторъ въ предисловіи скромно называетъ „Записки“—„матеріалами для будущей исторіи нашихъ американскихъ колоній“; но, прочтя эти „матеріалы“, не пожелаешь никакой другой исторіи молодого и малоизвѣстнаго края. Нѣтъ недостатка ни въ полнотѣ, ни въ отчетливости по всѣмъ частямъ знанія: этнографіи, географіи, топографіи, натуральной исторіи; но всего больше обращено вниманіе на состояніе церкви между обращенными, успѣхамъ которой онъ такъ много, долго и ревностно содѣйствовалъ.

Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ. Кромѣ того, о. Веніаминовымъ переложено на алеутскій языкъ евангеліе, имъ же изданы алеутскій и але-

*) Съ 1868 по 1879 г. митрополитъ Московскій.

утско-кадьякскій буквари, съ присовокупленіемъ на томъ и другомъ языкахъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы Господней, вседневныхъ молитвъ, потомъ счета и цифръ. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сдѣлано и для Колошъ. Если хотите подробнѣе знать „о состояніи Православной Церкви въ Россійской Америкѣ“, то прочтите изданную подъ заглавіемъ этимъ въ 1840 году брошюру прот. І. Веніаминова.

Теперь онъ, т.-е. преосвященный Иннокентій, подвизается здѣсь на болѣе обширномъ поприщѣ, начальствуя паствой двухсотъ тысячъ якутовъ, нѣсколька тысячъ тунгусовъ и другихъ племенъ, раскиданныхъ на пространствѣ тысячъ трехъ верстъ въ длину и въ ширину области. Подъ его руководствомъ перелагается евангельское слово на ихъ скудное нарѣчіе. Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ евангелія. Всѣ духовныя лица здѣсь знаютъ якутскій языкъ. Переводъ вчернѣ уже конченъ. Когда я былъ въ комитетѣ, тамъ занимались окончательнымъ пересмотромъ евангелія отъ Матѳея: сличались греческій, славянскій и русскій тексты съ переводомъ на якутскій языкъ; каждое слово и выраженіе строго взвѣшивалось и провѣрялось всѣми членами.

Почтенныхъ отцовъ нерѣдко затруднялъ недостатокъ словъ въ якутскомъ языкѣ для выраженія многихъ не только нравственныхъ, но и вещественныхъ понятій, за неимѣніемъ самыхъ предметовъ, напр., у якутовъ нѣтъ слова „плодъ“, потому что не существуетъ понятія. Подъ здѣшнимъ небомъ не родится ни одного плода, даже дикаго яблока: нѣчего было и назвать этимъ именемъ. Есть рябина, брусника, дикая смородина, или, по-здѣшнему, „кислица“, морошка, но то—ягоды. Сами якуты, затрудняясь названіемъ многихъ занесенныхъ русскими предметовъ, называютъ ихъ русскими именами, которыя и вошли навсегда въ составъ якутскаго языка. Такъ, хлѣбъ они и называютъ „хлѣбъ“, потому что русскіе научили ихъ ѣсть хлѣбъ, и много другихъ подобныхъ тому. Такъ поступалъ преосвященный Иннокентій при переложеніи евангелія на алеутскій языкъ, такъ поступаютъ перелагатели священнаго писанія и на якутскій языкъ; впрочемъ, такъ же было поступлено и съ славянскимъ переложеніемъ евангелія съ греческаго языка.

Одинъ изъ миссіонеровъ, именно священникъ Хитровъ, занимается, между прочимъ, составленіемъ грамматики якутскаго языка, для руководства при обученіи якутовъ грамотѣ. Она уже кончена. Вы видите, какое дѣло замышляется здѣсь. Я слышалъ, что всѣ планы и труды здѣшняго духовнаго начальства уже одобрены правительствомъ. Кромѣ якутскаго языка, евангеліе окончено переводомъ на тунгузскій языкъ.

Теперь отъ миссіонеровъ перейдемъ къ другимъ людямъ. Вы знаете, что были и есть люди, которые, подходили къ полюсамъ, обо-

шли берега Ледовитаго океана и Сѣверной Америки, проникали въ безлюдныя мѣста, питаясь иногда бульономъ изъ голенища своихъ сапогъ, дрались со звѣрями, со стихіями—все это герои, которыхъ имена мы знаемъ наизусть, и будетъ знать потомство; мы печатаемъ книги о нихъ, рисуемъ съ нихъ портреты и дѣлаемъ бюсты. Одинъ опредѣлилъ склоненіе магнитной стрѣлки, тотъ ходилъ отыскивать ближайшій путь въ другое полушаріе, а иные, не найдя ничего, просто замерзли. Но всѣ они ходили за славой... А кто знаетъ имена многихъ и многихъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ ассессоровъ, поручиковъ и майоровъ, которые каждый годъ ѣздятъ въ непроходимыя пустыни, къ берегамъ Ледовитаго моря, спятъ при 40° мороза на снѣгу — и все это *по казенной надобности?* Портретовъ ихъ нѣтъ, книгъ о нихъ не пишется, даже въ формулярѣ ихъ сказано будетъ глухо: „исполняли разныя порученія начальства“.

Зачѣмъ же они ѣздятъ туда? Да вотъ, напр., понадобилось снабдить одно мѣсто свѣжимъ мясомъ, и послали чиновника за тысячу верстъ заготовить столько-то сотъ быковъ и оленей и доставить ихъ за другія тысячи верстъ. Въ другой разъ случится какое-нибудь происшествіе, и посылаютъ служащее лицо, тысячи за полторы, за двѣ верстъ, „произвести слѣдствіе“, или просто осмотрѣть какой-нибудь отдаленный уголокъ, — все ли тамъ въ порядкѣ. Не забудьте, что по этимъ краямъ большихъ дорогъ мало, ѣздятъ все верхомъ и зимой и лѣтомъ, или дороги такъ узки, что запрягаютъ лошадей гусемъ. Другой посылается, напр., въ Нижне-Колымскій уѣздъ—это ни больше, ни меньше, какъ къ Ледовитому морю, за двѣ тысячи пятьсотъ или три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ — зачѣмъ, вы думаете? Овладѣть ихъ землей, а ихъ самихъ обложить податью? Чукчи остаются до сихъ поръ еще въ дикомъ состояніи, упорно держатся въ своихъ тундрахъ и нерѣдко гибнутъ отъ голода, по недостатку рыбы или звѣрей! Зачѣмъ же посылать къ нимъ? А затѣмъ, чтобы вывести ихъ изъ дикости и заставить жить по-человѣчески—и все даромъ, безкорыстно: съ нихъ взять нечего.

XII. Сибирскіе туземцы.

Чукчи держатъ себя поодаль отъ нашихъ поселенцевъ, полагая, что русскіе придутъ и перерѣжутъ ихъ, а русскіе думаютъ—и гораздо съ бо́льшимъ основаніемъ, — что ихъ перерѣжутъ чукчи. Отъ этого происходитъ то, что тѣ и другіе избѣгаютъ другъ друга, хотя живутъ рядомъ, не оказываютъ взаимной помощи въ нуждѣ во время голода, не торгуютъ и, того гляди, еще подерутся между собою.

Былъ посланъ чиновникъ, сколько я могъ узнать, чтобъ сблизить ихъ.

— „Какъ же вы сдѣлали?“ спросилъ я его.

— „Лаской и подарками“, сказалъ онъ: „я съ трудомъ зазвалъ ихъ старшинъ на русскую сторону, къ себѣ въ юрту, угостилъ чаемъ, увѣрилъ, что имъ опасаться нечего, и послѣ того многія семейства перекочевали на русскую сторону“.

И они позвали его къ себѣ.—„Мы у тебя были, теперь ты приди къ намъ“, сказали они и угощали его обѣдомъ, но въ своемъ вкусѣ, и потому онъ не ѣлъ. Въ грязномъ горшкѣ чукчанка сварила оленины, вынимала ее и дѣлила на части руками—какими, Боже мой! Когда онъ отказался отъ этого блюда, ему предложили другое, самое лакомое—сырые оленьи мозги. „Мы ѣли у тебя, такъ ужъ и ты—какъ хочешь, а ѣшь у насъ“, говорили они.

Онъ много разсказывалъ любопытнаго о нихъ. Онъ обласкалъ одного чукчу, посадилъ его съ собой обѣдать, и тотъ потомъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, служилъ ему проводникомъ, просиживалъ надъ нимъ ночью, не смыкая глазъ и охраняя его сонъ, и разстался съ нимъ только на границѣ чукотской земли. Поступите съ нимъ грубо, постращайте его — и во сколько лѣтъ потомъ не изгладите впечатлѣнія!

Любопытно также, какъ чукчи производятъ торговлю, т.-е. мѣну съ другимъ племенемъ, каргаулями, или карагаулями, живущими на островахъ у устья рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море. Чукча и каргауль держатъ въ одной рукѣ товаръ, который хотятъ промѣнять, а въ другой по длинному ножу и не спускаютъ другъ съ друга глазъ, взаимно слѣдя за движеніями, и такимъ образомъ передаютъ товары. Чуть одинъ зазѣвается, другой вонзаетъ въ него ножъ и беретъ весь товаръ себѣ. Объ убитомъ никто не заботится: „Должно быть, дурной человѣкъ былъ!“ говорятъ они и забываютъ о немъ.

О корякахъ, напротивъ, разсказываютъ много хорошаго, о тунгусахъ еще больше. Послѣдніе честны, добры и трудолюбивы. Коряки живутъ тоже скудными рыбными и звѣриными промыслами, и въ юртахъ ихъ нерѣдко бываетъ такая же стряпня, какъ въ „поварняхъ“ по колымскому и другимъ безлюднымъ трактамъ. Въ голодъ они дѣлятъ поровну между собою все, что добудутъ — звѣря, рыбу или другое. Когда хотѣли наградить одного коряка за такой дѣлежъ, онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. — „За что?“ спрашиваетъ. — „За то, что раздѣлилъ свою добычу съ другими“.—„Да вѣдь у нихъ нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ съ изумленіемъ. Бились, бились — такъ и не могли принудить его взять награду.

Хвалятъ тоже ихъ за чистоту нравовъ. Дочь одного коряка измѣнила правиламъ нравственности. По обычаямъ коряковъ ее слѣдовало убить. Отецъ не могъ исполнить этого долга: она была любимая и единственная дочь. — „Не могу“, сказалъ онъ, подавая ей веревку: „удавись сама“. Она удавилась, и онъ нѣсколько лѣтъ оплакивалъ ее.

Не то разсказываютъ про якутовъ. Хвалятъ ихъ за способности,

за трудолюбіе, за смышленость, но въ нихъ, какъ въ многочисленномъ, преобладающемъ здѣсь племени, уже развиты нѣкоторые пороки: они, между прочимъ, склонны къ воровству. Убійства между ними рѣдки: они робки и боятся наказаній. Но въ воровствѣ они обнаруживаютъ много тонкости, которая бы не осрамила лондонскихъ мошенниковъ. Одинъ якутъ украдетъ, напр., корову и, чтобы зимой по слѣдамъ не добрались до него, надѣваетъ на нее сары, или сапоги изъ конской кожи, какіе самъ носитъ. Но и хозяинъ коровы не промахъ: онъ поутру смотритъ не подъ ноги, не на слѣды, а вверхъ: замѣчаетъ, куда слетаются вороны, и часто нападаетъ на покражу, узнавая по шкурѣ зарѣзанной коровы свою собственность.

Однажды нѣсколько якутовъ перелѣзли на чужой дворъ — украсть лошадь. Ворота заперты, вывести нельзя; они вздумали перетащить ее черезъ заборъ. Переднія ноги уже были за заборомъ; воры усердно тащили за хвостъ и другую половину лошади. Она, конечно, къ этому новому способу путешествія равнодушна быть не могла и сильно протестовала съ своей стороны и копытами, и головой. Хозяинъ вышелъ на шумъ, а воры мгновенно спрятались, кромѣ того, который былъ на улицѣ.

— „Хозяинъ, хозяинъ“, кричалъ онъ: „смотри, что я засталъ: у тебя лошадь воруютъ“.

— „И такъ воруютъ!“

— „Бери же ее назадъ“.

Сталъ тащить назадъ — не подается: воръ съ улицы крѣпко придерживалъ ее за узду.

— „Туда нейдетъ“, говорилъ онъ: „ты лучше подтолкни ее сюда; а потомъ отвори ворота, я ее приведу“.

Такъ и сдѣлано. Само собою разумѣется, что воръ ускакалъ на лошади, не дождавшись хозяина.

Якуты здѣсь все: кучера, слуги и ремесленники; они хорошіе скорняки, кузнецы, но особенно способны къ плотничной и столярной работѣ. Имъ недостаетъ вкуса, потому что нѣтъ образцовъ. Здѣшніе древніе диваны и стулья переходятъ изъ дома въ домъ, не мѣняя формы; по нимъ дѣлаютъ и новую мебель. Дайте имъ образецъ — они сдѣлаютъ совершенно такую же вещь. Знаете ли, что мнѣ обѣщалъ принести на дняхъ якутъ? Бюстъ Рашели (знаменитая артистка) изъ мамонтовой кости или изъ моржоваго зуба. Сюда присланъ бюстикъ изъ гипса, и якутъ дѣлаетъ по немъ. Якутъ и Рашель — каково сближеніе!

Кстати объ издѣліяхъ изъ мамонтовой кости. Вы знаете, что кость эту находятъ не только въ кускахъ, но въ цѣлыхъ остовахъ. Мнѣ сказывали здѣсь, что про найденный недавно остовъ мамонта кто-то выдумалъ объявить чукчамъ, что имъ придется везти его въ Якутскъ, и они растаскали и истребили его такъ, что теперь и слѣдовъ нѣтъ.

Нѣтъ проѣзжаго, къ которому бы не явились якуты, и особенно якутки, съ этими издѣліями. Я купилъ рѣзную подставку для часовъ, только она не стоитъ на мѣстѣ. Но что это за издѣлія! Работа такая же допотопная, какъ и сама кость, съ допотопными надписями на гребнѣ: „въ знакъ любве“ или: „кого люблю, того дарю“. На ящикахъ зачѣмъ-то вырѣзанъ русскій гербъ. Жаль, что отдаленность и глушь края мѣшаютъ обратить на это вниманіе: кости здѣсь очень много, якутовъ еще больше, такъ что наши столики были бы заставлены бездѣлками изъ этого красиваго матеріала. Одинъ изъ моихъ спутниковъ хотѣлъ купить кусокъ необдѣланной кости и взять съ собой.

— „Если немного, такъ, пожалуй, можно достать“, отвѣчали ему.

— „Мнѣ небольшой кусокъ“, сказалъ онъ.

— „Пудовъ восемнадцать, что ли?“ спросили его.

Но онъ отступился.

И. Гончаровъ.

---

4. Изъ книги: „Россія въ Средней Азіи“.

I. Общій видъ Кавказа со стороны Чернаго моря.

Глаза мои не могутъ оторваться отъ созерцанія Кавказа. Дождливые дни кончились, и закрытый было туманами сѣдой хребетъ все время теперь выглядываетъ на насъ изъ-за голыхъ каменныхъ громадъ. Какъ быстро и долго ни бѣжитъ нашъ пароходъ, а все не можетъ уйти отъ этого неподвижнаго провожающаго его взора снѣговыхъ великановъ... А мы еще несемся не вдоль хребта, а скорѣе поперекъ него — такъ велика ширина этого могучаго горнаго кряжа, остановившаго собою напоръ океана: онъ ворвался побѣдоносно въ тѣло земли, глубоко разодравъ его своими морями—Средиземнымъ, Архипелагомъ, Мраморнымъ, Чернымъ, капризно выгрызая его заливами и проливами, но замеръ на груди исполина Кавказа, не въ силахъ будучи пробиться сквозь его граниты... Нигдѣ Кавказъ не кажется такимъ могучимъ и несокрушимымъ, нигдѣ не ощутишь такъ его огромнаго значенія на шарѣ земномъ, какъ здѣсь, со стороны побѣжденнаго имъ моря, когда цѣлыхъ двое сутокъ безостановочно, день и ночь, несешься на всѣхъ парахъ поперекъ его толщины и не можешь обозрѣть всего этого безчисленнаго населенія каменныхъ и снѣговыхъ исполиновъ.

Гигантскими кристаллами и утесами, величественными пирамидами, зубчатыми замками, обрывистыми голыми горами, сплошными заоблачными гребнями насыпаны они другъ на друга, другъ за другомъ, на необозримое пространство, теряющееся въ туманахъ дали,— словно каждый изъ нихъ силится привстать одинъ изъ-за другого и вырваться на давно желанную свободу изъ кишащей и давящей тѣсноты этого

хаоса горныхъ громадъ. Слѣпая сила земли, пытающаяся подняться до неба и противъ неба... Поневолѣ Кавказъ въ воображеніи народовъ издревле сталъ синонимомъ мятежныхъ титаническихъ сыновъ земли, возставшихъ противъ боговъ.

Онъ виденъ намъ отсюда, съ палубы плавно бѣгущаго парохода, въ яркомъ сіяніи весенняго дня, ясно и рѣзко, со всѣми морщинами своего тысячелѣтняго лика, съ глубокими тѣнями ущелій, съ ослѣпительнымъ сверканіемъ снѣговъ, со своими сплошными полями смерти, съ своей вѣчной зимою, поднятый высоко къ солнцу и охваченный синимъ зноемъ неба, — неподвижный, неизмѣнный въ теченіе тысячелѣтій и вмѣстѣ съ тѣмъ—грозно-живой! Онъ обросъ легендами, этотъ старецъ земли,—такими же сверстниками міра, какъ и вѣчные снѣга, окутывающіе его голову.

Но суровые силуэты далекаго сѣдого Кавказа, встающіе, какъ могильные призраки изъ-за голыхъ каменныхъ хребтовъ, заслонены отъ волнующагося и рокочущаго моря веселыми грядами лѣсистыхъ горъ, то темнѣющихъ чащами сосенъ и елей, то облитыхъ, будто овцы густою шерстью — курчавою порослью молодого яркозеленаго чернолѣсья.

II. Спасеніе утопавшей.

Я замечтался, облокотившись на бортъ парохода, безмолвно любуясь берегами Мингреліи; вдругъ на палубѣ кто-то испуганно крикнулъ, что-то тяжело плеснуло въ водѣ, и передъ моими пораженными глазами быстро, гонимая невидимою силою, пронеслась по волнамъ опрокинутая навзничь женская фигура.

Я бѣжалъ слѣдомъ за нею вдоль борта парохода до самой кормы, охваченный невыразимымъ ужасомъ, и все время видѣлъ внизу подъ собою это удивленно-испуганное, судорогой передернутое лицо съ стиснутыми зубами, — съ роковою быстротою уносимое въ бездны моря... Какъ стрѣлу, слетѣвшую съ тетивы, уносило ее отъ парохода стремительнымъ пѣнящимся потокомъ, что выбивается изъ-подъ винта парохода и на цѣлую версту оставляетъ среди моря свой серебристо-голубой слѣдъ, прямой, какъ полотно дороги. Потокъ уносилъ назадъ, пароходъ уходилъ впередъ, — и отъ этого двойного бѣга быстрота ея движенія казалась неуловимою. Въ нѣсколько мгновеній черная точка ея головы уже была невѣсть какъ далеко отъ насъ среди неохватной пучины моря. Вся публика парохода—народъ, господа, матросы—сбилась растерянно на кормѣ, слѣдя съ замершимъ сердцемъ за этою все болѣе и болѣе исчезавшей черной точкой. Кранцы давно были кинуты въ море, но, отнесенные теченіемъ, они вертѣлись совсѣмъ въ другой сторонѣ. Я съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ оглядывался на шлюпки, спокойно висѣвшія надъ бортами парохода, и возмущался въ душѣ

нераспорядительностью и медленностью капитана. Вся публика была, кажется, въ томъ же настроеніи.

— „Да гдѣ же капитанъ? Чего жъ онъ шлюпку не спускаетъ?“ раздавались гнѣвные голоса.

Бинокли были пристально наведены вдаль, — простыми глазами уже трудно было что-нибудь разглядѣть.

— „Что, видно еще?“ Спрашиваетъ изъ толпы чей-нибудь взволнованный голосъ.

— „Нѣтъ, что-то ея не видать... Должно быть, ко дну пошла“, тихо отвѣчаетъ тотъ, кто смотритъ въ бинокль.

— „Видно, видно, держится еще!“ вдругъ перебиваютъ его нѣсколько радостныхъ голосовъ...

Настроеніе всѣхъ такое напряженное, всѣмъ такъ страстно хочется спасти, во что бы то ни стало, эту никому неизвѣстную женщину, пожираемую моремъ.

— „Слава Богу! Шлюпка пошла!“ крикнулъ кто-то.

Оказалось, что капитанъ былъ гораздо расторопнѣе и находчивѣе всѣхъ насъ. Онъ давно уже хлопоталъ на носу, невидимый намъ за рубкою, спустить поскорѣе шлюпку,—къ счастью, вполнѣ приготовленную на такой случай,—что, къ сожалѣнію, соблюдается далеко не всѣми капитанами.

Молодцы матросики лихо ударили въ весла и налегли такъ, что легкая шлюпка понеслась, какъ на крыльяхъ.

Мое сердце всецѣло было съ ними, какъ будто я самъ сидѣлъ теперь въ этой четвернѣ и напрягалъ всѣ свои нервы и мускулы догнать, во что бы то ни стало, утопавшую женщину.

Мнѣ никогда еще не приходилось видѣть такъ непосредственно близко, такъ, можно сказать, осязательно — гибели на моихъ глазахъ живого человѣка, и я никогда бы не могъ себѣ представить силою одного своего воображенія—до какой степени это страшно. Я пережилъ очень жуткіе полчаса, замерши всѣми нервами, безполезно ожидая, чѣмъ это кончится, кто побѣдитъ въ роковой борьбѣ, — стихія или человѣкъ...

Между тѣмъ матросики не жалѣли рукъ, и шлюпка уже мелькала далеко отъ парохода, заслоняя отъ насъ черную точку, къ которой были прикованы всѣ глаза.

— „Не поспѣютъ!... Залилась!“ съ сожалѣніемъ произнесъ кто-то въ публикѣ...

Всѣ молчали, придавленные тяжелымъ ожиданіемъ, не сводя глазъ съ рокового мѣста.

Вотъ лодка вдругъ повернулась бокомъ, и одинъ изъ матросовъ какъ будто приподнялся въ ней.

Что-то черное и длинное мелькнуло надъ водою...

— „Тащутъ, братцы! Зацѣпили!“ съ радостнымъ и дружнымъ смѣхомъ воскликнули вдругъ въ толпѣ народа.

— „Не можетъ быть! Снасли? Развѣ видно?“ раздались кругомъ взволнованные и недовѣрчивые женскіе голоса.

— „Да стало быть — видно! Вытащили!... Укладываютъ!“ съ довольною увѣренностью подтвердила толпа.

Матросики и назадъ летѣли, какъ вѣтеръ. Они были обрадованы неожиданною удачею и чувствовали свое законное торжество.

На пароходѣ всѣ были въ восторгѣ отъ ихъ быстроты и ловкости. Когда они переловили въ морѣ всѣ выкинутые кранцы и подъѣхали усталые, мокрые отъ пота, къ лѣсенкѣ парохода, толпа шумно прилила къ борту.

Утопленница лежала безъ чувствъ на днѣ лодки, вся насквозь мокрая, свернувшись, какъ большая пойманная рыба. Даже синія очки, въ которыхъ она была, изумительнымъ образомъ оставались на ея глазахъ.

Отчаянно отбивавшаяся отъ смерти жизнь нашла въ себѣ силы бороться съ моремъ такъ изумительно долго и додержаться до прибытія помощи; но въ то самое мгновеніе, когда явилась эта помощь, и не было больше нужды въ отчаянномъ напряженіи всѣхъ силъ человѣка, силы эти разомъ потухли въ ней, и спасенная женщина, едва только успѣвъ произнести: „О, Господи Боже!“ упала безъ чувствъ въ лодку.

Ее вынесли и вытащили наверхъ, какъ бездыханный трупъ. Разыскали среди пассажировъ какого-то лѣкаря и принялись оттирать ее и скоро привели въ чувство...

III. Кавказскій музей въ Тифлисѣ.

Кавказскій музей всецѣло обязанъ своимъ превосходнымъ устройствомъ и замѣчательною полнотою содержанія извѣстному натуралисту и путешественнику по Азіи Радде. Музей этотъ составилъ бы украшеніе любой европейской столицы. Онъ помѣщается въ особо выстроенномъ для него удобномъ и красивомъ домѣ, на видномъ и бойкомъ мѣстѣ. Маленькій дворикъ его украшенъ мраморнымъ бюстомъ покойнаго Берже, одного изъ неутомимыхъ изслѣдователей Кавказа и, кажется, перваго основателя этого музея. Среди цвѣтовъ и цвѣтущихъ деревьевъ этого дворика-сада разставлены разные громоздкіе памятники древней исторіи Кавказа: каменные истуканы, плиты и т. п. Интересны среди нихъ грубо вытесанныя изъ песчаника фигуры осѣдланныхъ лошадей съ стременами и уздами дѣтски-неумѣлаго рисунка, которыя, вѣроятно, ставились надъ гробницами умершихъ славныхъ витязей; есть также грубыя каменныя статуи барановъ, назначеніе кото-

рыхъ болѣе загадочно. Но въ этомъ садикѣ не одни нѣмые камни. Тутъ и живые обитатели Кавказа, такіе же туземцы его горъ и лѣсовъ, — громадные орлы, кондоры, грифы, пугачи-филины, съ презрительнымъ безмолвіемъ плѣнныхъ царьковъ созерцающіе насъ своими безжалостно-хищными глазами съ жердей и сучьевъ своихъ просторныхъ клѣтокъ.

Самый музей—это два яруса свѣтлыхъ обширныхъ залъ, декорированныхъ съ большимъ вкусомъ въ грузинскомъ стилѣ; потолки расписаны пестрыми узорами персидскихъ ковровъ, на полу, на стѣнахъ—настоящіе ковры, въ неимовѣрномъ обиліи, персидскіе, кавказскіе, текинскіе, бухарскіе. Парадная лѣстница наверхъ—широкая, роскошная, вся въ превосходныхъ фрескахъ; фрески эти — кисти извѣстнаго мюнхенскаго художника, и сюжетъ ихъ выбранъ, очень остроумно, вполнѣ подходящій къ Кавказскому музею: бой амазонокъ, легендарныхъ обитательницъ сѣверныхъ предгорій Кавказа, Прометей, прикованный къ скалѣ, Язонъ во главѣ аргонавтовъ, Медея и проч. Фигуры фресокъ—все портреты съ натуры августѣйшей семьи великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника Кавказа, нѣкоторыхъ его главныхъ помощниковъ и приближенныхъ.

Особеннымъ богатствомъ экземпляровъ и разумнымъ распредѣленіемъ поражаетъ естественно-историческій отдѣлъ музея. Это скорѣе прелестныя живыя картины, характерно иллюстрирующія мѣстную фауну, чѣмъ обычное въ нашихъ музеяхъ скучное скопленіе въ одну кучу чучелъ животныхъ. Стѣны расписаны соотвѣтствующими каждой группѣ декораціями. На скалахъ и утесахъ стоятъ, сбѣгаютъ, взбѣгаютъ, то въ испуганныхъ, то въ зорко внимательныхъ позахъ, туры, сайгаки, джераны, аргали, серны. Разсвирѣпѣвшіе зубры сцѣпились другъ съ другомъ рогами въ борьбѣ; статный рогатый олень мирно ласкается къ своей лани, окруженной дѣтенышами. Въ другомъ углу громадный ленкоранскій тигръ давитъ ощетинившагося кабана, на котораго онъ только что прыгнулъ; бѣлые барсы, расписанные мелкими черными колечками, залегли въ засадѣ на сучьяхъ дерева, поджидая приближающуюся дикую козу. Отойдите нѣсколько шаговъ—и наткнетесь на громоздкую тушу повалившагося среди песковъ верблюда; его терзаютъ своими хищными клювами, вытаскивая кишки, отрывая клоки кожи, орлы-стервятники, грифы, вороны и всякая лакомая до падали птичья тварь, у которой отбиваютъ ея законную добычу шакалы, набѣжавшіе на запахъ трупа. Повернитесь назадъ — тамъ, въ альковѣ стѣны, разрисованной тростниками и водяными лиліями, цѣлый прудокъ утокъ, колпицъ, пеликановъ, фламинго и разной другой водяной птицы.

Всякая птица, всякій звѣрь — совсѣмъ живые, въ характерныхъ позахъ и размѣщены съ чутьемъ художника.

Уже просто только пройтись по этимъ заламъ—большое удовольствіе и большое поученіе; для юношества это дороже всякихъ лекцій.

Но тутъ, конечно, масса и другого самаго разнообразнаго естественно-историческаго матеріала, наполняющаго шкафы и витрины, унизывающаго стѣны, застанавливающаго проходы. Хотя для меня во всемъ этомъ было мало новаго, но въ такой выразительной общей картинѣ меня поражало изумленіемъ естественное богатство Кавказа, совмѣщающаго въ себѣ почти всѣ формы животнаго міра — тропическія рядомъ чуть не съ полярными. Только страна, заключающая въ своихъ предѣлахъ вѣчные ледники среди знойныхъ пустынь, можетъ быть такою разнохарактерною и интересною.

Этнографическія собранія тоже очень полны и многосторонни, охватывая рѣшительно всѣ подробности быта многочисленныхъ племенъ Кавказа, но, какъ во всѣхъ вообще русскихъ этнографическихъ музеяхъ—и въ Румянцевскомъ въ Москвѣ, и на разныхъ нашихъ всероссійскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ выставкахъ, я и тутъ возмущался непозволительною аляповатостью и уродливостью этнографическихъ манекеновъ и неряшествомъ ихъ одѣянія. Право, мы, русскіе, словно задачу на себя взяли представлять нашу православную и неправославную Русь въ такомъ отталкивающемъ видѣ, что иностранецъ въ правѣ сопричислять насъ къ разнымъ зулусамъ и океанійцамъ. Глазъ художника возмущается всѣми этими балаганными куклами и огородными пугалами въ пыльныхъ тряпкахъ, сидящихъ мѣшками на этихъ гадкихъ чучелахъ. Въ Парижѣ, на одной изъ всемірныхъ выставокъ, помню, мнѣ было просто больно ходить по родному отдѣлу, среди всѣхъ этихъ воображаемыхъ представителей нашего отечества, способныхъ возбудить одно только искреннее отвращеніе. Посмотрите, напротивъ того, какая прелесть подобные же манекены у иностранца. Я недавно еще съ увлеченіемъ любовался въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдѣльныхъ павильоновъ французской выставки, на поразительно художественныя куклы французскаго войска: хотя въ мои годы галлюцинаціи воображенія уже не могутъ имѣть большой силы, но, тѣмъ не менѣе, я самымъ искреннимъ образомъ не разъ забывался и воображалъ, что гуляю среди живыхъ людей, живыхъ лошадей, на шумной стоянкѣ отдыхающаго отряда: до такого совершенства доведена выразительность лицъ, естественность позъ, правдоподобіе группировокъ, педантическая точность въ обмундировкѣ, вооруженіи и всякихъ мелкихъ аксессуарахъ. Тутъ, къ тому же, и настоящая трава, и неровная почва, какъ въ живой дѣйствительности, и вмѣсто стѣнъ—иллюзію наводящіе ландшафты Франціи.

Археологическій отдѣлъ бѣднѣе другихъ и, повидимому, возникъ позднѣе. Но и въ немъ есть очень рѣдкія вещи, драгоцѣнныя для любителя. Особенно интересны находки въ своеобразныхъ Самтаврскихъ гробницахъ, изъ окрестностей Мцхета, — невѣдомаго народа глубокой древности. Много есть золотыхъ и всякихъ предметовъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, орудія каменнаго вѣка, архитектурныя украшенія изъ древнихъ разрушенныхъ храмовъ Кавказа.

IV. Асхабадъ.

Асхабадъ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Это бѣленькій, чистенькій, новенькій городокъ, радостно сверкающій своими зелеными садиками, своими веселыми домиками. Городокъ, однако, ежечасно превращающійся въ большой городъ; ростъ его видится просто глазами. Говорятъ, лѣтомъ онъ душенъ, но теперь, въ развалъ весны, онъ еще дышитъ самою свѣжею молодостью. Вездѣ вода, вездѣ фонтаны—и въ маленькихъ садикахъ частныхъ домовъ, и въ городскомъ саду, и на городскихъ площадяхъ; вода проведена изъ горныхъ ключей, верстъ за 12, съ помощью самаго несложнаго и недорогого водопровода. Всѣ улицы подметены, политы, обсажены деревьями, вездѣ строгій военный порядокъ. Домики Асхабада скромные, небольшіе, всѣ похожіе другъ на друга, какъ и подобаетъ военному городу, — зато ютятся въ просторныхъ, щедро отмѣренныхъ усадьбахъ, среди садиковъ, за сквозными оградами; когда эти юные сады разрастутся, тѣни и свѣжести будетъ очень много. Домики каменные, низенькіе, плоскокрышіе, и крыши залиты киромъ, такъ что выходитъ своего рода несгораемый городъ. Улица-бульваръ, которая ведетъ прямо отъ вокзала, называется Анненковскою, въ честь строителя Закаспійской желѣзной дороги, генерала Анненкова. На ней находится и домъ Анненкова. Съ Анненковской мы повернули подъ прямымъ угломъ на одну изъ самыхъ лучшихъ, и, главное, самыхъ тѣнистыхъ здѣшнихъ улицъ— Офицерскую, которая ведетъ къ Скобелевской площади. Мнѣ очень нравится этотъ обычай молодыхъ азіатскихъ городовъ нашихъ, къ сожалѣнію, мало свойственный нашимъ старымъ русскимъ городамъ, — называть улицы и площади именами людей, заслуживающихъ того, чтобы имена ихъ были переданы потомству.

На Скобелевской площади строится новый каменный соборъ, который долженъ быть готовъ уже этимъ лѣтомъ, а пока стоитъ скромная деревянная церковь, не помѣщающая и сотой части войскъ, расположенныхъ въ Асхабадѣ. Тутъ же и спартански скромные нумера Семенова, въ которыхъ мы помѣстились и которые считаются лучшими, за отсутствіемъ въ городѣ настоящихъ гостиницъ для пріѣзжающихъ.

Центромъ Асхабада служитъ домъ генералъ-губернатора, низенькій и скромный, какъ всѣ дома юга, окруженный зато большимъ садомъ. На площади противъ него памятникъ генералу Петрусевичу, энергичному помощнику Скобелева въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ, и другимъ героямъ Геокъ-Тепе. Другой памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ бою съ текинцами, воздвигнутъ около строящагося собора, на Скобелевской площади. Оба памятника скромны на видъ и говорятъ не столько глазу туриста, сколько чувству русскаго человѣка.

Черезъ площадь, противъ дома генералъ-губернатора, старая текинская крѣпость на холмѣ: глиняныя стѣны, глиняныя башни, рвы

и валы, обложенные дерномъ. Хотя на валахъ еще хмурятся черныя жерла пушекъ, и ходятъ часовые, но крѣпость въ сущности обращена въ простой пороховой магазинъ и складъ оружія; только развѣ въ случаѣ какого-нибудь волненія туземцевъ она можетъ сыграть роль цитадели. Казармы въ крѣпостцѣ и казармы на всякой почти улицѣ. Кромѣ военныхъ учрежденій да лавокъ, тутъ мало что увидите. Асхабадъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сохранилъ характеръ военной штабъ-квартиры своего рода. Во всемъ городѣ одна только двухкласcная школа, хотя городъ и считается столицей цѣлаго Закаспійскаго генералъ-губернаторства: это, конечно, мало похоже на Америку, но въ Азіи, да еще въ туркменской, довольно понятно. Базары: Текинскій, Персидскій, Бухарскій, армянскія и русскія лавки, — все это сосредоточено главнымъ образомъ въ старой части города. Тутъ множество ковровъ всякаго рода, шелковыхъ матерій, пестрыхъ бумажныхъ тканей,—всего того, чѣмъ обыкновенно бываютъ богаты азіатскіе базары, но спеціально-интереснаго нѣтъ ничего.

Новыя части города распредѣляются съ военною правильностью, свободно и широко. Кварталы вырастаютъ за кварталами, словно сами собою. На пустыряхъ, раздаваемыхъ почти даромъ, разбиваются сады, устраиваются ограды для будущихъ усадьбъ.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ города, гражданская жизнь волей-неволей начнетъ все больше врываться въ этотъ пока исключительно военный бытъ. Впрочемъ, уже и теперь существуетъ здѣсь общественное собраніе помимо военнаго. Есть и публичный городской садъ съ фонтаномъ, гротомъ и высокой горкой, съ которой отлично можно обозрѣть весь Асхабадъ. Бѣлыя акаціи, павловніи, елеагнусы, чинары,—вообще флора Крымскаго полуострова, составляетъ главную массу деревьевъ этого сада. Здѣсь раза два въ недѣлю играетъ полковая музыка, и текинцы толпами приходятъ ее слушать.

Аулъ ихъ какъ разъ противъ публичнаго сада, черезъ Анненковскую улицу. Глиняныя стѣны идутъ вдоль и поперекъ, окружая ихъ дворы, поля, огороды. Узенькіе переулочки вьются и ныряютъ между этими нескончаемыми глиняными оградами. На дворахъ кибитки, мазанки, верблюды и арбы.

Домовитости никакой: настоящее хозяйство кочевника. Пустырей въ оградахъ больше, чѣмъ жилищъ. Таковъ былъ весь Асхабадъ, когда мы забрали его.

Теперешній, „русскій“ Асхабадъ производитъ на текинца впечатлѣніе какого-то непостижимаго волшебства. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ изумленія, откуда и какъ появились среди ихъ грязнаго глинянаго аула всѣ эти чудеса, эта кипучая жизнь, эта роскошь, это веселье, этотъ стройный порядокъ и полная безопасность. Магазины, фонтаны, монументы, поѣзда желѣзной дороги, хоры музыки, — тамъ, гдѣ на ихъ глазахъ такъ недавно еще паслись верблюды среди бурьяновъ пустыни!...

V. Камеланскія ворота въ Ташкентѣ.

Мнѣ не хотѣлось уѣхать изъ Ташкента, не поклонившись праху геройскихъ покорителей его.

Верхами выѣхали мы съ сыномъ раннимъ, но уже жаркимъ утромъ изъ своей тѣнистой дачи. Намъ нужно было посѣтить знаменитыя Камеланскія ворота, у которыхъ рѣшилась участь Ташкента, и гдѣ были похоронены наши павшіе воины.

Сначала мы долго ѣхали роскошною тополевою аллеею, которою заканчивается, вступая въ Ташкентъ, большая Самаркандская дорога. Тѣни деревьевъ-гигантовъ были такъ густы, что бодрящая сырость ночи лежала еще нетронутая дневнымъ лучомъ на бѣлыхъ камняхъ дороги, съ обѣихъ сторонъ освѣжаемой гулко бѣжавшими арыками.

Застоявшіяся сытыя лошади радостно фыркали и нетерпѣливо грызли удила, порываясь пуститься вскачь по гладко убитому шоссе, но мы сдерживали ихъ и ѣхали ровною рысцой, впивая всѣми порами своими тихую красоту утра. Свернули потомъ влѣво, въ узкіе, вьющіеся змѣею, переулки сартскаго города, который мы должны были перерѣзать теперь въ самыхъ его далекихъ окраинахъ, мимо крошечныхъ лавчонокъ и домишекъ, навстрѣчу цѣлымъ караванамъ верблюдовъ и арбъ, тянувшихся къ центральнымъ базарамъ Ташкента. Тутъ же настоящій азіатскій кишлакъ, нисколько не напоминающій столицу Туркестана. Все время ѣдешь подъ тѣнью вѣтвистыхъ густолиственныхъ карагачей и орѣховъ, которые, можетъ быть, помнятъ еще Тамерлана, а старая глиняная стѣна, невѣроятной толщины и изрядно еще высокая, почти всюду провожаетъ насъ слѣва. Это былая крѣпостная ограда нѣкогда воинственнаго и могучаго Ташкента, кое-гдѣ уже разрушенная и лежащая въ прахѣ; теперь она безполезно отнимаетъ мѣсто у сосѣднихъ съ нею мирныхъ обиталищъ, угрожая имъ неожиданнымъ паденіемъ.

Камеланскія ворота были однимъ изъ главныхъ входовъ въ этой громадной стѣнѣ, охватывавшей городъ на пространствѣ 24 верстъ. Чтобы добраться къ нимъ, мы забираемъ все лѣвѣе, черезъ лабиринты садовъ, которые своими неохватными зелеными кущами окружаютъ старый Ташкентъ. Собственно говоря, настоящія Камеланскія ворота, которыя такъ отчаянно защищались сартами въ достопамятный день 15 іюня 1865 года, уже не существуютъ. Осталось только широкое отверстіе между стѣнами, по которому проходитъ дорога изъ степи въ городъ. Но тутъ же, съ боку улицы, построены новыя ворота, не сартскія, а русскія, которыя ведутъ не въ городъ, а на русское солдатское кладбище. Они унаслѣдовали имя Камеланскихъ воротъ, на развалинахъ которыхъ ихъ воздвигнули.

Ворота эти очень живописны и характерны со своими массивными каменными столбами, съ чугунными сартовскими пушками, которыми

они украшены,—сурово воинственный входъ, вполнѣ подходящій къ суровому некрополису воиновъ, павшихъ въ кровавомъ бою. Тѣнистый садъ осѣнилъ теперь своими безмолвными зелеными шатрами и душистыми букетами весеннихъ цвѣтовъ это мѣсто недавней борьбы и крови. Лиловые ирисы на высокихъ стебляхъ мирно качаются среди бархатистыхъ газоновъ, устилающихъ этотъ бранный прахъ, будто толпы невинныхъ дѣтей, беззаботно играющія на могилахъ своихъ отцовъ.

Среди сада стоитъ увѣнчанная крестомъ изящная мраморная часовня строгаго русскаго стиля, — памятникъ главнымъ героямъ, сложившимъ здѣсь свои головы.

— „Нѣтъ больше любви, какъ положить душу свою за други своя“, вѣщаетъ чудныя слова Спасителя золотая надпись на одной сторонѣ часовни.

— „Господи! упокой души рабовъ твоихъ и сотвори имъ вѣчную память!“ — начертана на другой сторонѣ трогательная въ своей простотѣ и краткости христіанская молитва.

На бѣлой мраморной доскѣ внутри часовни перечислены 64 имени офицеровъ и солдатъ, подъ ней похороненныхъ.

Другая мраморная гробница сейчасъ же сзади часовни. По четыремъ угламъ ея четыре кучки ядеръ—самая выразительная могильная надпись. Сторожъ показалъ намъ еще обширное мѣсто въ глубинѣ сада, налѣво, ничѣмъ не обнесенное и не отмѣченное никакимъ памятникомъ, подъ которымъ, по словамъ его, тоже похоронено много солдатъ, убитыхъ на приступѣ.

Каждый годъ, 15 іюня, въ день этого славнаго приступа, сюда направляется крестный ходъ изъ Ташкентскаго военнаго собора, и служится торжественная панихида на могилахъ павшихъ героевъ. Но и въ другіе дни нѣкоторые русскіе жители Ташкента любятъ пріѣзжать на Камеланское кладбище—посидѣть и помечтать въ тѣни его тихаго сада, и напиться чайку въ совершенно деревенской обстановкѣ. Столики и скамеечки устроены для этого въ уютныхъ уголкахъ сада, а у сторожа достаютъ самовары и все нужное для чая...

Мы тоже посидѣли на родныхъ могилкахъ, подъ тѣнью цвѣтущихъ деревьевъ, вспоминая былое...

Другой, еще болѣе тѣнистый садъ развѣсилъ свои зеленые шатры какъ разъ противъ Камеланскаго кладбища, черезъ узкую улочку, сдавленную уцѣлѣвшими обрывками высокой крѣпостной стѣны.

Мусульманская „мазара“, увѣнчанная полумѣсяцемъ, живописно выглядываетъ сквозь просвѣтъ деревьевъ. Тутъ тоже кладбище — и тоже по всѣмъ правамъ Камеланское, потому что здѣсь покоятся защитники Камеланскихъ воротъ, убитые во время приступа.

Есть своего рода глубокій трагизмъ въ этомъ братскомъ сосѣдствѣ вражескихъ могилъ. Былые соперники словно остались на своихъ мѣстахъ, гдѣ они упорно бились другъ противъ друга, — если не на

землѣ, то хотя въ нѣдрахъ ея, не уступивъ ни вершка ни тѣ, ни другіе. Но мать-природа,—всеблагая, какъ Создатель ея,—покрыла однимъ и тѣмъ же своимъ покровомъ любви прахъ всѣхъ своихъ мятежныхъ сыновъ, не различая ихъ одеждъ и языка, и на своемъ миротворномъ лонѣ опять содѣлала ихъ братьями, созданными изъ одного праха и возвращенными въ тотъ же прахъ.

И надъ убитыми мусульманами, какъ надъ нашими православными солдатиками, также волнуется молодая зеленая трава, и глядятъ изъ нея своими веселыми, разноцвѣтными глазками весенніе цвѣты, и сіяютъ въ царственномъ величіи, заливая своими огненными потоками синія бездны неба,—плодотворящее солнце...

Тутъ тоже погребены честныя сердца и геройскія души; и къ нимъ точно такъ же, какъ и къ побѣдителямъ ихъ, обращено бодрящее слово того Учителя истины, въ глазахъ Котораго не было эллиновъ и іудеевъ:

„Нѣсть больше любви, аще кто душу свою положитъ за други своя“...

Е. Л. Марковъ.

5. Изъ „Путешествія по Святой Землѣ“.

I. У Гроба Господня.

Хотя храмъ Гроба Господня и задвинутъ съ разныхъ сторонъ неуклюжими зданіями, не дающими возможности обойти его и составить цѣльное понятіе объ его архитектурномъ характерѣ, хотя онъ содержится снаружи въ самомъ жалкомъ видѣ—оборванный и въ каменныхъ заплатахъ, однако грандіозный фасадъ его производитъ большое впечатлѣніе.

Двѣ громадныя, изящно отдѣланныя арки, не столько готическаго, сколько мавританскаго стиля, изъ которыхъ одна впрочемъ заложена теперь неопрятною каменной стѣной, служатъ входами въ храмъ; массивныя бронзовыя ворота закрываютъ другую арку. Надъ этими арками, во второмъ ярусѣ, двѣ другія, осѣняющія собою два большія готическія окна, единственныя съ этой стороны храма, и затѣмъ еще выше, на каменномъ уступѣ—круглый барабанъ съ частыми, свѣтлыми окнами, поддерживающій знаменитый черный куполъ, нѣкогда связанный съ необыкновеннымъ искусствомъ изъ кедровыхъ стропилъ и покрытый свинцовыми листами...

Снаружи храмъ смотритъ скорѣе мечетью, чѣмъ христіанскимъ храмомъ. Смиренный крестъ его едва замѣтенъ даже вблизи, и его безъ труда смѣшаешь съ полумѣсяцемъ. Сейчасъ видно, что долгая и мучительная исторія заставила его больше прятаться, чѣмъ торжествовать.

Множество всякихъ построекъ прилѣпилось и приросло со всѣхъ сторонъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ главному корпусу храма. Тутъ и греческій монастырь св. Авраама, и кельи католическія, и кельи коптскія и армянскія; тутъ же около и зданіе патріархіи. Черезъ это храмъ обратился въ своего рода громадный замокъ, полный таинственныхъ подземелій, переходовъ, лѣсенокъ, башенъ, — въ которомъ даже привычный человѣкъ не сразу найдетъ дорогу.

Съ невольнымъ сердечнымъ волненіемъ переступили мы завѣтный порогъ. Сначала васъ охватываетъ какая-то неясная полутьма, и то, что вы видите, такъ не похоже на привычную вамъ обстановку нашихъ православныхъ храмовъ, что вы теряетесь и не знаете, куда обратить взоръ вашъ...

Вы только съ негодованіемъ отворачиваете его отъ возмущающей васъ группы жирныхъ, богато разодѣтыхъ турокъ, увѣшанныхъ кинжалами, что, поджавъ ноги, важно возсѣдаютъ въ особой ложѣ, налѣво отъ входа, куря кальяны и потягивая кофе. Это и есть пресловутые ключари и стражи Гроба Господня. Вамъ приходитъ въ голову, что Святой Гробъ и Голгоѳа даже черезъ двѣ тысячи лѣтъ не освободились еще отъ тѣхъ воиновъ Пилатовыхъ, что стерегли Распятаго и Погребеннаго Христа и съ поношеніями надѣвали на него вѣнецъ терновый...

Таинственный золотой балдахинъ впереди, посрединѣ храма, сіяющій спущенными сверху надъ богато украшенною мраморною доской большими многочисленными лампадами, выдѣляется изъ полутьмы. Вокругъ него колѣнопреклонная толпа. Это—„камень миропомазанія“, на которомъ Іосифъ Аримаѳейскій обвивалъ „въ плащаницы чистыя“ снятое со креста Тѣло Іисуса, — первая вступительная святыня храма, которую мы въ волненіи своемъ приняли было за Святой Гробъ.

Но это только наружная круговая галлерея, охватывающая собою внутреннюю ротонду храма.

Прежде она отдѣлялась отъ ротонды сквозными рядами колоннъ, а теперь разобщена сплошными, далеко не изящными перегородками, совсѣмъ ее затемнившими и очень сузившими громадный охватъ храма... Направо отъ камня миропомазанія, почти въ совершенной темнотѣ, чуть нарушаемой мерцающими лампадами, входы подъ Голгоѳу и лѣсенка на вершину ея. Налѣво обходъ по галлереѣ, мимо армянскаго алтаря, гдѣ при снятіи со Креста стояла Пресвятая Дѣва; изъ галлереи вступаютъ въ центральную ротонду храма какъ-то сбоку и словно тайкомъ...

Это уже не та знаменитая ротонда царицы Елены, которую украшали Годфридъ и Балдуинъ: страшный пожаръ 1808 года истребилъ древній артистическій куполъ изъ кедровыхъ стропилъ и разбилъ въ куски порфиры, мраморы и яшмы двухъярусной колоннады храма, сообщавшей ему такую художественную прелесть и воздушность.

Теперь самые прозаическіе и уже далеко не воздушные каменные пилястры поддерживаютъ верхнюю башню храма, а ротонда обнесена сплошною стѣнкою, украшенною довольно аляповатою живописью, и только арки нижнихъ проходовъ да двойныя арки хоръ прорѣзываютъ эту неумѣстную ограду...

Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ, искаженномъ, видѣ ротонда поражаетъ своею римскою смѣлостью, своимъ эллинскимъ художественнымъ вкусомъ.

Громадное полушаріе цѣликомъ опрокинуто надъ вами, безъ всякихъ переметовъ и подпорокъ, какъ куполъ неба. Оно разрисовано удивительно удачно—радостною небесною лазурью, съ облаками и ангелами. Живая небесная лазурь, живое Божье солнце глядятъ, кромѣ того, съ его вершины въ круглое отверстіе купола, и дышитъ оттуда на молящихся въ тѣснотѣ и духотѣ — вольный воздухъ... Въ яркій синій день, какими сплошь полны лѣтніе мѣсяцы Палестины, этотъ живой вѣнецъ солнца, вѣнчающій поднятое къ настоящему небу голубое небо рукъ человѣческихъ,—вливаетъ въ душу невыразимо-сладкое ощущеніе.

На самой срединѣ ротонды, прямо подъ отверстіемъ ея купола, стоитъ, какъ громадный престолъ этого великаго храма, его Святая Святыхъ—часовня Гроба Господня. Она имѣетъ видъ отдѣльнаго храма съ изящнымъ, какъ бы точенымъ, куполомъ, и вся изъ рѣзныхъ мраморовъ желтовато-песчанаго тона.

Трудно разсмотрѣть всѣ ея скульптурныя украшенія, ея колонны, архитравы, карнизы—изъ-за гирляндъ висящихъ на ней лампадъ, горящихъ рядовъ свѣчей и множества установленныхъ на ней иконъ.

Мраморный полъ храма и его мраморныя скамьи передъ входомъ въ часовню покрыты молящимися. Цѣлыя толпы католическихъ патеровъ и монаховъ стоятъ на колѣняхъ, устремивъ воспламененные молитвою глаза въ таинственную, мерцающую глубь гробового Вертепа и, повидимому, забывъ весь міръ. Совѣстно пройти между ними и святою часовней; кажется, что сейчасъ же грубо порвешь эти незримо протянутыя къ одному общему центру духовныя нити, эти жаркіе лучи, льющіеся изъ умиленныхъ сердецъ ко Гробу Господню...

У входа въ часовню — цѣлый лѣсъ горящихъ свѣчей въ громадныхъ подсвѣчникахъ выше роста человѣческаго. Цѣлая сѣть большихъ и маленькихъ лампадъ, цѣпями въ нѣсколько ярусовъ, обвѣшиваетъ ея передній фасадъ, украшенный древними иконами.

Мы тихо вошли во внутрь... Тамъ тоже яркое сіяніе лампадъ и свѣчей. Посрединѣ, въ богато украшенной урнѣ, прикрытой золоченою доской, обломокъ камня, которымъ закрывался нѣкогда входъ въ могильную пещеру. Это „часовня ангела“, отвалившаго, по разсказу евангельскому, камень Гроба. Камень этотъ служитъ теперь престоломъ во время литургій, точно такъ же, какъ самый Гробъ Господень слу-

житъ вполнѣ подходящимъ жертвенникомъ. Два маленькія окна продѣланы изъ этой часовни въ ротонду: черезъ нихъ патріархъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія передаетъ архіереямъ пучки свѣчей, зажженныхъ отъ таинственнаго огня Святого Гроба.

Необходимо подождать своей очереди въ часовнѣ ангела, прежде чѣмъ вступить во святой Вертепъ. Здѣсь тоже молящіеся, простертые на полу, въ жаркихъ слезахъ, съ глубокими вздохами; глаза ихъ въ торжественномъ самозабвеніи прикованы къ этой маленькой дверочкѣ, отдѣляющей отъ нихъ великую святыню. По очереди встаютъ они и тихо пригибаются подъ низенькій сводъ Вертепа, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, будто приближаясь къ престолу страшнаго суда Божія... И долго еще видите вы ихъ тамъ лежащими лицомъ къ землѣ, въ яркомъ сіяніи лампадъ, у подножія Христова Гроба. И никто не узнаетъ, какія тайны выкладываютъ они передъ нимъ въ этой нѣмой исповѣди, какія горькія скорби и страданія принесли они сюда, чтобы сбросить ихъ какъ непосильное бремя, ко Гробу Великаго Страдальца за міръ...

За низенькой дверочкой вы, дѣйствительно, попадаете въ отверстую утробу Гроба. Тѣсныя нѣдра скалы кругомъ васъ... Два человѣка здѣсь съ трудомъ умѣщаются вмѣстѣ. Углубленіе, высѣченное въ скалѣ въ видѣ ниши, пріосѣняетъ такое же, высѣченное въ скалѣ, каменное ложе... Это и есть Гробъ Спасителя. По обычаю евреевъ, тѣло умершаго, обвитое пеленами, или плащаницею, клали безъ ящика прямо на каменномъ ложѣ пещеры и входъ въ нее заваливали камнемъ. Императрица Елена прикрыла доскою бѣлаго мрамора грубое Христово ложе изъ сырого камня... Теперь эта доска установлена рядами горящихъ подсвѣчниковъ, усѣяна цвѣтами. Множество древнихъ иконъ, однѣ въ богатыхъ окладахъ, сверкающія драгоцѣнными камнями, другія—совсѣмъ простыя деревянныя доски, чуть не младенческой живописи, покрываютъ углубленіе ниши и стѣнки пещеры. Около 50-ти большихъ лампадъ, золотыхъ и серебряныхъ, спускаются цѣлымъ мерцающимъ лѣсомъ съ низенькаго свода, переливая своими разноцвѣтными огнями. Въ сіяніи этихъ безчисленныхъ огней, свѣчей и лампадъ тѣсная утроба Гроба Христова кажется какимъ-то пламеннымъ очагомъ среди полутьмы огромнаго храма. Черный сырецъ первобытной пещерной скалы виденъ однако сквозь всѣ эти висящія сѣти золота и огня, изъ-за всѣхъ этихъ сверкающихъ иконъ. А въ самомъ верху пещеры, сквозь круглое отверстіе часовни, которое приходится какъ разъ подъ отверстіемъ большого купола храма, дышитъ въ тѣсную гробницу Христову далекое голубое небо...

Гробъ Господень не принадлежитъ никому, и поэтому онъ раздѣленъ между всѣми. Ежедневно на немъ служится, по крайней мѣрѣ три обѣдни: греческая — первая, вторая — армянская и послѣдняя — латинская.

Но кругомъ этой центральной святыни, за колоннами ротонды,— церкви, престолы, часовни всѣхъ христіанскихъ исповѣданій шара земного.

Копты примкнули даже свой престолъ къ задней стѣнѣ часовни Святого Гроба, въ самой ротондѣ. Престолъ сирійцевъ сейчасъ же противъ нихъ, за колоннами. Черезъ него вы можете пройти въ самую толщу храмовой стѣны, къ отверстымъ могиламъ Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима. Іосифу, богатому жителю Іерусалима, принадлежалъ загородный садикъ у подножія Голгоѳы, въ скалѣ которой онъ приготовилъ пещеру для гробницы своей. Ее онъ уступилъ потомъ Распятому Христу, а самъ ископалъ себѣ другую, которую и показываютъ теперь подъ стѣною храма. Прямо передъ входомъ въ часовню Святого Гроба, отдѣляясь грандіозною аркою отъ ротонды, — главный храмъ Воскресенія. Онъ принадлежитъ грекамъ, какъ и большинство здѣшнихъ святынь. Храмъ очень обширенъ и богато убранъ. Иконостасъ въ 5 ярусовъ, писанъ по золоту, со множествомъ золотыхъ окладовъ, большею частію русскаго пожертвованія. Крытыя мѣста патріарха и его намѣстниковъ, каѳедра архидіакона—старинной и изящной рѣзьбы изъ драгоцѣннаго дерева. По обѣимъ сторонамъ деревянныя же ложи для монаховъ. Мраморная урна посрединѣ собора — знаменитый въ разсказахъ паломниковъ „пупъ земли“: на этомъ мѣстѣ, по благочестивой легендѣ, Господь создалъ Адама. Голову Адама показываютъ въ пещерной часовнѣ подъ Голгоѳою, которая считается вмѣстѣ съ тѣмъ и гробницею Мельхиседека, перваго царя и первосвященника Салимскаго.

Католикамъ принадлежитъ часть храма направо отъ входа въ часовню Святого Гроба. Тамъ у нихъ нѣсколько отдѣльныхъ престоловъ и древняя ризница. Каждое мельчайшее событіе великой драмы Страстей Христовыхъ освящено особымъ придѣломъ, который и носитъ наименованіе этого евангелическаго событія. Въ одномъ изъ нихъ Марія Магдалина узрѣла воскресшаго Христа; въ другомъ Христосъ былъ привязанъ къ столбу и терпѣлъ поруганіе отъ воиновъ; въ третьемъ на Него возлагались узы. Трудно пересчитать всѣ эти придѣлы, обнимающіе кольцомъ серединную ротонду храма, ютящіеся то съ одной, то съ другой стороны. Гора Голгоѳа — теперь очень небольшое возвышеніе, включенное въ общіе придѣлы храма. На него ведутъ двѣ полутемныя лѣсенки. Наверху Голгоѳы два придѣла: одинъ, ближній, гдѣ былъ утвержденъ Крестъ, принадлежитъ грекамъ, другой, рядомъ съ нимъ,— католическій. Мѣсто утвержденія Креста обозначено серебромъ и мраморомъ и находится подъ доскою престола. Подлиннаго Креста

уже давно не существуетъ, а около стоитъ изображеніе его. Въ католическомъ придѣлѣ статуя Mater Dolorosa, съ сердцемъ, пронзеннымъ кинжаломъ, вся обвѣшанная золотомъ, жемчугомъ и брильянтами благочестивыхъ жертвователей, скорбнымъ взоромъ глядитъ на Распятаго Сына...

Къ главному зданію храма, за алтаремъ Воскресенскаго Собора и спрятанными сзади его придѣлами раздѣленія ризъ Христовыхъ и терноваго вѣнца,—примыкаетъ позднѣе пристроенное и слитое теперь въ одно—зданіе Храма Воздвиженія животворящаго Креста Господня. Въ него спускаются по мраморной лѣстницѣ въ 50 ступеней. Храмъ этотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и оригинальныхъ въ числѣ святынь Гроба Господня. Его низкія, массивныя колоннады дорическаго стиля поддерживаютъ тяжелые своды церкви капителями превосходнѣйшей и тончайшей мраморной рѣзьбы. Въ храмѣ царствуетъ таинственный полумракъ, вполнѣ подобающій подземному храму и его мрачному стилю... Но это еще не самое мѣсто обрѣтенія креста. Здѣсь только стояла и молилась благочестивая императрица Елена, созерцая производившіяся раскопки, и потомъ здѣсь былъ воздвигнутъ извлеченный изъ глубины Крестъ. Въ храмъ обрѣтенія Креста нужно спуститься еще ступеней на 15 внизъ. Тамъ уже царствуетъ подлинная могильная ночь, освѣщаемая только рядами горящихъ лампадъ. Но и тамъ, въ нѣдрахъ земныхъ, тоже различные придѣлы различныхъ исповѣданій: одинъ главный—греческій, и другой—армянскій.

Вообще выносится очень своеобразное впечатлѣніе отъ обзора храма Гроба Господня. Это цѣлая лавра церквей и монастырей, прикрытая однимъ куполомъ. И ничего похожаго на обычный типъ, на обычное расположеніе частей нашихъ храмовъ. Иконостасъ, алтарь, клиросы—только въ одномъ большомъ соборѣ Воскресенія. Во всѣхъ остальныхъ никакого слѣда алтарей и иконостасовъ. Мраморная доска престола утверждается, гдѣ пришлось, въ уголку свода, на обломкѣ историческаго столба... Народъ стоитъ вплотную къ этому маленькому престолику, и все таинство литургіи происходитъ на его глазахъ, тутъ же около него, въ простотѣ и тѣснотѣ первобытнаго богослуженія какихъ-нибудь римскихъ катакомбъ...

Въ одномъ углу служитъ армянинъ или грузинъ, и тутъ же рядомъ—нѣмецкій пасторъ, католическій ксендзъ, абиссинецъ въ своемъ башлыкѣ, сирійцы, яковиты, копты, одѣтые неподдѣльными азіатами и африканцами, бронзоваго цвѣта кожи и даже черные, какъ негры. Всякій воспѣваетъ Бога на своемъ языкѣ, всякій выполняетъ свои собственные обряды...

Великій храмъ этотъ — дѣйствительно храмъ цѣлаго христіанства. Это истинный храмъ храмовъ, вмѣщающій подъ своимъ куполомъ, подобнымъ небу,—какъ подъ настоящимъ небомъ,—всѣ языки земли, не

стѣсняющій вѣрующаго различіемъ обряда, наряда, нарѣчія. Храмъ поклоненія Христу, одинаково призывавшаго къ себѣ эллиновъ и іудеевъ, рабовъ и свободныхъ, и не долженъ быть другимъ.

Но великій храмъ поразилъ меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ мраморъ, золото, порфиръ, художественная живопись, тончайшая рѣзьба перемѣшаны безъ всякаго разбору съ простымъ дикимъ камнемъ, растреснувшимися плитами, грубою штукатуркою, задѣлками и заплатами всякаго рода. Полутемныя, широкія галлереи кругомъ ротонды, гдѣ обыкновенно проводятъ цѣлыя ночи напролетъ толпы запертыхъ на замокъ богомольцевъ, — это скорѣе какой-то неопрятный восточный караванъ-сарай, полный сырости и тяжкаго воздуха, чѣмъ притворъ христіанской святыни. Никто, кажется, не даетъ себѣ труда слѣдить здѣсь за чистотой, порядкомъ и благопристойностію. Пыльныя и потныя толпы, въ своихъ дорожныхъ лохмотьяхъ, со своими убогими запасами провизіи, прямо располагаются подъ высокими колоннами и стѣнами, исчезающими въ полумракѣ сводовъ, какъ подъ деревьями вольнаго лѣса Божьяго,—здѣсь мирно отдыхаютъ, здѣсь вкушаютъ свою скудную трапезу и совершаютъ всѣ свои несложныя путевыя надобности. Въ этомъ отношеніи притворы храма служатъ бѣдному христіанину-богомольцу тѣмъ же самымъ даровымъ, всѣмъ открытымъ пріютомъ, какимъ обыкновенно бываетъ для мусульманскаго странника крытый дворъ его большихъ мечетей. Нѣтъ сомнѣнія, что храмъ Гроба Господня унаслѣдовалъ этотъ характеръ всенароднаго убѣжища отъ далекихъ вѣковъ, отъ глубоко-укорененныхъ обычаевъ азіатскаго Востока, который даже палатку кочующаго разбойника сумѣлъ обратить въ священную сѣнь гостепріимства.

Въ свободѣ и простотѣ этого храма, доступнаго, какъ вольный воздухъ, какъ вода ручьевъ, послѣднему бѣдняку, — смиренный поклонникъ, притащившійся сюда на своихъ терпкихъ шатунахъ Богъ знаетъ изъ какой дали, чувствуетъ себя дѣйствительно дома и не боится, какъ въ иныхъ, слишкомъ ужъ парадныхъ святыняхъ, оскорбить своими странническими лохмотьями ничѣмъ не нарушимый блескъ Божьихъ чертоговъ. Эта смурая толпа въ пыли и лохмотьяхъ, приливающая несчетными волнами изо всѣхъ странъ міра къ Гробу своего Спасителя, — это и есть то безпріютное стадо Его, которое возбуждало въ Немъ столько любви и жалости, — тѣ трудящіеся и обремененные, алчущіе и плачущіе, которые шли за Нимъ въ былые дни, полные сладкой надежды,—въ лицѣ босоногихъ рыбарей и мытарей...

II. Мертвое море.

Солнце только что выходило изъ-за горъ Моавитскихъ, и безмолвная пустыня торжественно сіяла въ его молодыхъ огняхъ, когда мы наконецъ подъѣхали къ Мертвому морю.

Оно лежало теперь у нашихъ ногъ, сливаясь вдали съ горизонтами неба, громадною чашею чудной синевы, широко раздвинувъ собою во всѣ стороны, будто какія-нибудь распахнутыя настежь титаническія ворота въ подземное царство, суровыя стѣны горныхъ хребтовъ—направо Іудейскаго, налѣво Моавитскаго.

Но въ этой чарующей голубизнѣ его неподвижной поверхности безъ струи и волнъ чувствовалась какая-то тяжесть налитого въ гигантскій котелъ расплавленнаго чугуна. И котелъ, дѣйствительно, гигантскій!

Отъ скалистой подошвы одного хребта до отвѣсныхъ утесовъ другого разомъ проваливается онъ на многосаженную глубину, не оставляя, кажется, ни вершка между каменными стѣнами и моремъ. Ни птицы, ни лодки, ни бѣлаго паруса—на всемъ громадномъ охватѣ этого чугуннаго моря... Какъ-то жутко видѣть съ непривычки такую мертвенную пустынность водъ, этого всегдашняго источника движенія и жизни.

Вода Мертваго моря до того насыщена асфальтомъ и солями, что дѣйствительно безплодна, какъ чугунъ. Въ ней не можетъ жить ни рыба, ни раковина, ни даже микроскопическая инфузорія. Въ ней нѣтъ даже водяныхъ растеній. Рыбы Іордана, попадающія въ нее, тотчасъ же дохнутъ и выбрасываются на берегъ.

Это море буквально мертвое не по одной только наружной обстановкѣ своихъ безплодныхъ и безлюдныхъ береговъ, но и въ тайныхъ глубинахъ своей утробы. Море, скрывающее въ себѣ смерть, а не жизнь, и покрывшее собою смерть, по грандіозному сказанію Библіи... Въ разѣдающемъ огнѣ его горько-соленой влаги, не утоляющей, а возбуждающей мучительную жажду, въ его смолистомъ запахѣ — словно отражается чрезъ цѣлое тысячелѣтіе воспоминаніе о томъ огнѣ подземномъ, который когда-то поглотилъ нечестивую страну Содома...

Глубокая и узкая трещина въ нѣсколько сотъ верстъ длины, называемая арабами „Эль-Гхоръ“, т.-е. провалъ, впадина, тянется отъ самыхъ горъ Ливанскихъ до теряющагося въ пескахъ Аравіи Моавитскаго Сигора, словно ножомъ разрѣзая Палестину прямо съ сѣвера на югъ, отдѣляя направо Галилею, Самарію и Іудею, налѣво—Персію.

По этой колоссальной разсѣлинѣ коры земной обильныя воды Іордана, наполнивъ по пути просторные бассейны озера Мерома и Тиверіадскаго моря, бурно сбѣгаютъ черезъ пороги и водопады въ громадную чашу Мертваго моря, гдѣ, какъ въ бочкѣ Данаидъ, цѣлыя тысячелѣтія безплодно накопляются онѣ, словно проваливаясь сквозь землю, не увеличивая собою ни на одну каплю запаса водъ, не въ силахъ будучи ни на одну іоту разбавить своими сладкими струями густой, горько-смолистый разсолъ проклятаго Богомъ моря. А между тѣмъ, по вычисленіямъ ученыхъ, ежедневно вливаетъ Іорданъ въ это море смерти по 360 милліоновъ пудовъ своей живой воды!

Вѣчная жара, стоящая въ этой глубокой каменной банѣ, спертой со всѣхъ сторонъ хребтами горъ, не пропускающей дуновенія воздуха ни отъ прохладнаго Средиземнаго моря, ни отъ сѣверныхъ азіатскихъ степей и открытой только горячему дыханію сосѣднихъ аравійскихъ песковъ, вызываетъ такое необычайное испареніе изъ громадной соленой ванны, составляющей дно этой бани, что, несмотря на постоянный обильный приходъ сладкой воды, густота и соленость Мертваго моря нисколько не измѣняются. Отъ этого-то Мертвое море такъ часто окутывается туманами при полномъ отсутствіи болотъ, оттого-то такъ убійственны для человѣка и звѣря считаются его испаренія...

На земномъ шарѣ нѣтъ другого мѣста, болѣе своеобразнаго, болѣе проникнутаго характеромъ своего подземно-огненнаго происхожденія. Недаромъ это древнее „Асфальтовое море“ опустилось до глубины 1318 футовъ ниже поверхности океана, въ ближайшее сосѣдство къ ядру огненному. Кто знаетъ, не вліяетъ ли еще это сосѣдство, эта небывалая глубина провала земного, на тотъ нестерпимый жаръ, который царитъ въ окрестностяхъ Мертваго моря, и который издревле позволилъ разводить въ Іерихонѣ самыя нѣжныя аравійскія и индійскія растенія, невѣдомыя остальной Палестинѣ?

Дно этого моря смерти — горная смола, перемѣшанная съ солью, которая могла выплеснуться изъ глубочайшихъ нѣдръ земли только во время какого-нибудь страшнаго геологическаго переворота. Почва береговъ его—опять соль и асфальтъ, кое-гдѣ даже съ примѣсью сѣры. А проѣзжайте по окрестнымъ горамъ, какъ только что проѣхали мы,— вездѣ ужасающія растрескиванія и разсѣданія скалъ, вездѣ неудержимое стремленіе провалиться въ преисподнюю, и чѣмъ ближе къ соленому морю, тѣмъ больше и поразительнѣе... Не только геологъ, — самый невнимательный путешественникъ сразу почувствуетъ, глядя на эти зіяющія кругомъ него бездонныя воронки и черныя разсѣлины, что онъ спускается къ какому-то центральному очагу подземно-огненной силы, въ жерло какого-то незримаго вулкана, хотя и залитаго теперь смолянымъ озеромъ.

Много ученыхъ путешественниковъ изслѣдовало Мертвое море и Іорданскую долину. Большинство изъ нихъ заплатили своею жизнію за научную пытливость, схватывая изнурительную лихорадку на непріютныхъ берегахъ этого всеубивающаго моря смерти, къ которому не смѣетъ приблизиться ни звѣрь, ни птица, ни рыба.

Животворящее утреннее солнце одѣло чудными красками жизни даже и эту громадную водную могилу.

Мы невольно пристыли очарованными глазами къ пустынной красотѣ, которая никогда не бываетъ такъ поразительна и такъ своеобразна, какъ именно въ минуты солнечнаго восхода.

Надъ сплошною неподвижною скатертью нѣжной бирюзы горѣли въ нѣжно-розовыхъ огняхъ, освѣщенныя въ упоръ лучами восходящаго солнца, голыя, угловатыя скалы іудейскихъ горъ, а напротивъ нихъ, на половину еще окутанныя снизу сине-багровыми туманами ночи — выплывали въ свѣтлую лазурь юнаго неба насквозь проступившія золотомъ вершины горъ Моавитскихъ, словно воплощенная греза фантастическаго сновидѣнія...

Солнце расточаетъ свое золото съ роскошью и щедростью настоящаго олимпійскаго бога. Оно залило теперь этимъ расплавленнымъ золотомъ весь горизонтъ, гдѣ море сошлось съ небомъ и слило обѣ эти неохватныя голубыя пустыни въ одно сплошное и сверкающее огненное зарево, на которое уже не въ силахъ смотрѣть человѣческій глазъ. Оно разбросало и разбрызгало, какъ капризный художникъ краски своей палитры, эти жгучіе ослѣпительные огоньки свои и по всей широкой поверхности моря, вездѣ, гдѣ они могли зацѣпиться за какую-нибудь легкую струйку, за какую-нибудь чуть взволнованную складочку этого прозрачнаго гнущагося зеркала...

Даже грубые арабы — и тѣ стоятъ нѣмые и неподвижные, созерцая эту неожиданную, словно изъ-подъ земли выросшую, красоту, и очевидно чувствуя исключительную торжественность этой чудной минуты.

Е. Л. Марковъ.

---

6. Изъ „Путешествія въ Эрзерумъ".

(Переѣздъ изъ Тифлиса въ Карсъ).

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевскаго; но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій, издатель „Тифлисскихъ вѣдомостей", разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махомеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Александра въ 1802 г. Грузины—народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятенъ; мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство.

Вотъ вамъ она:

„Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни“.

„Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная; отъ тебя, ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни“.

„Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни“.

„Горная роза, освѣженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! Отъ тебя ожидаю жизни“.

Грузины пьютъ — и не по-нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ „маралахъ“, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ такой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскаляясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, несмотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое названіе (Тбимикаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до 2,500 семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до 1,500. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ асессорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, говорятъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужас-

ны; ихъ лѣчатъ меркуріемъ, котораго употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Лѣкаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лѣкарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ его больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лѣчатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамошняго издѣлія пиво, очень непріятнаго вкуса, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было итти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ...

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!..

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ

татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, „Волчьими Воротами“, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склону горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку.

Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.

— „Откуда вы?“ спросилъ я ихъ.

— „Изъ Тегерана“.

— „Что вы везете?“

— „Грибоѣда“.

Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: „Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux“. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабо-

сти и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, быть можетъ, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться однажды навсегда со своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія „Горе отъ ума“ произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ, совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его среди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди изчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны...

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани.

— „Что новаго въ Эривани?“ спросилъ я его.

— „Въ Эривани чума“, отвѣтилъ онъ. „А что слыхать объ Ахалцыкѣ?“

— „Въ Ахалцыкѣ чума“, отвѣчалъ я ему.

Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, плодородіе которой вошло на Востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и пошелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается 27 верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было, не лежу ли въ лихорадкѣ; но почувствовалъ, что, слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора.

— „Что за гора?“ спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: „Это Араратъ“.

Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждою обновленія и жизни,—и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться.

— „Вотъ и Арпачай“, сказалъ мнѣ казакъ.

Арпачай! Наша граница! Это стбило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый „чюрекъ“, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою. Дорого бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба!.. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его, или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. Навстрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: „Вербана атъ“ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: „Карсъ, Карсъ!“—и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я о немъ уже не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и, переговоря съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, объясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ поваренаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противъ угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичероне. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коихъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я въѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевскаго.

А. С. Пушкинъ.

---

7. Школьный походъ въ Нилову Пустынь.

(въ 1887 г.)

I. Рѣшеніе итти на богомолье.

Въ сѣверной половинѣ Смоленской губерніи особенно чтится память преподобнаго Нила Столбенскаго. Дни его преставленія (7 декабря), обрѣтенія его мощей (27 мая) считаются великими праздниками. Трудно найти въ нашихъ краяхъ пожилого человѣка, не побывавшаго хоть разъ въ жизни въ Ниловой Пустыни. Въ извѣстныя времена года—Великимъ постомъ, раннимъ лѣтомъ — почти изъ каждой деревни отправляются къ Угоднику (по имени его не называютъ) кучки богомольцевъ.

Но въ этихъ богомольяхъ лишь весьма рѣдко принимаютъ участіе дѣти. Смоленская губернія обширна. Пустынь отстоитъ верстъ на сто отъ ея границы; богомольцы дорожатъ временемъ и къ тому же считаютъ долгомъ потрудиться: они совершаютъ переходы, дѣтямъ непосильные, верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ въ сутки, неся притомъ съ собою сухари на дорогу и узелокъ съ чистою одеждою и сапогами. А дѣтки все мечтаютъ объ Угодникѣ, о чудесномъ островѣ на водахъ Селигера. Съ верхняго балкона нашей школы, въ однообразномъ горизонтѣ, подымающемся нечувствительно къ водораздѣлу бассейновъ Двины и Волги, виднѣется выемка и въ ней голубая, волнистая даль. Это верховья Волги, это отроги Валдайской возвышенности. Въ ясные и тихіе февральскіе дни, надъ этою далью, на восходѣ солнца, подымается марево. Въ призрачныхъ очертаніяхъ рисуются на небѣ какія-то невѣдомыя колокольни и башни. Что это? Не далекій ли Осташковъ? Ужъ не сама ли Нилова пустынь?

Лѣтъ восемь тому назадъ, мнѣ пришло на мысль сводить моихъ ребятъ въ Нилову Пустынь, и я совершилъ это паломничество съ тридцатью учениками. Въ нынѣшнемъ году оно повторилось, и насъ было шестьдесятъ шесть человѣкъ, малыхъ и взрослыхъ. Для подобныхъ предпріятій Татевская школа представляетъ особыя удобства. Существуетъ она двадцать шесть лѣтъ, въ моемъ вѣдѣніи состоитъ тринадцать, и прежніе ея ученики сохраняютъ съ нею самыя тѣсныя связи. Она никогда не закрывается, ибо лѣтомъ въ ней постоянно готовятся къ учительской должности крестьянскіе мальчики, окончившіе курсъ въ школахъ нашего околотка, гостятъ молодые учителя и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, начавшіе ученіе въ нашихъ школахъ. Весь этотъ штабъ, конечно, при путешествіяхъ съ ребятами оказывается въ высшей степени полезнымъ. Я самъ, несмотря на лѣта и недуги, сохранилъ свое пристрастіе къ пѣшему хожденію, и мой старческій, медленный шагъ (около четырехъ верстъ въ часъ) какъ разъ

согласуется съ быстрымъ, но мелкимъ шагомъ ребятъ. Всѣ мы отъ времени до времени испытываемъ потребность стряхнуть съ себя школьную пыль, забыть о признакахъ дѣлимости и о дательномъ самостоятельномъ, подышать полною грудью, услышать другое пѣніе, чѣмъ наше собственное, помолиться на досугѣ, съ размышленіемъ о прошломъ, съ думою о будущемъ.

Для обоихъ путешествій мы избрали середину іюня, ибо тутъ настаетъ, между вывозкою удобренія и началомъ покоса, краткій перерывъ въ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, коимъ и принято у насъ пользоваться для хожденія на богомолье. Чудное время! Лѣса еще сохранили всю свѣжесть своей весенней листвы, и въ тѣнистыхъ ихъ закоулкахъ доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши; а въ поляхъ уже появляются первые васильки, и надъ сизыми волнами цвѣтущей ржи носятся облака душистой пыли; въ нетронутой травѣ луговъ сіяютъ и рдѣютъ, благоухаютъ и колышатся тысячи едва распустившихся цвѣтовъ; и все это заливаетъ потоками свѣта почти незакатное солнце, ибо ночи нѣтъ: блѣдный пурпуръ заката разгорается въ пурпурное золото утренней зари. Едва проглядываютъ въ свѣтлой лазури звѣзды ночныя. Есть что-то торжественное, что-то призывное въ этомъ непрерывномъ бдѣніи, въ этомъ могучемъ напряженіи всѣхъ силъ природы; это — время безсонныхъ ночей, время широкихъ замысловъ, время порывовъ духа къ высшему свѣту...

„Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными“...

Словно не подъ небомъ юга, съ глубокимъ мракомъ его ночей, написана эта молитва Василія Великаго, а въ срединѣ сѣвернаго лѣта, когда и днемъ, и ночью насъ будитъ и нудитъ обиліе свѣта и разлитая повсюду ненаглядная красота, и невольно просятся на уста слова другого великаго поэта:

„Die Geisterwelt ist nicht verschlossen,
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt—
Auf! bade, Schüller, unverdrossen
Die ird'sche Brust in Morgenroth!“

Во время второго нашего похода въ Нилову пустынь я велъ краткій дневникъ. Вотъ выдержки изъ него.

II. Выступленіе.

Девятаго іюня, въ день, назначенный для выступленія въ походъ, школа гудѣла, какъ улей, изъ котораго готовится вылетѣть рой. Еще наканунѣ собралось въ ней человѣкъ сорокъ паломниковъ: къ школьной семьѣ присоединились мальчики изъ дальнихъ деревень. Въ теченіе всего утра прибывали со всѣхъ сторонъ новые спутники. Прихо-

дили во множествѣ и мальчики, не заявлявшіе прежде своего намѣренія итти съ нами къ Угоднику. Имъ приходилось отказывать, ибо путь предстоялъ по мѣстамъ отчасти малонаселеннымъ и бѣднымъ, въ коихъ прокормленіе большой толпы богомольцевъ могло представлять серьезныя затрудненія.

Въ двѣнадцать часовъ мы сѣли за обѣдъ и затѣмъ принялись закладывать лошадей, укладывать дорожные припасы. Съ нами шли двѣ телѣги съ рогожными верхами и одинъ тарантасъ, заложенный тройкою сборныхъ крестьянскихъ лошадей. Телѣги тотчасъ наполнились узелками ребятъ съ праздничною одеждою и сапогами (на дорогу всѣ надѣли лапти), печенымъ хлѣбомъ, коего мы взяли съ собою пять пудовъ, чайными припасами. Тарантасъ оставленъ пустымъ, для больныхъ и утомленныхъ.

Общество наше составилось изъ 46 ребятъ, трехъ возчиковъ, двухъ взрослыхъ пѣвцовъ нашего хора и лѣтней школьной семьи: двѣнадцати молодыхъ учителей и учительскихъ помощниковъ, двухъ живописцевъ и одного семинариста. На козлы одной телѣги посадили крошечнаго горбунка Тимошу, которому пѣшкомъ не дойти. Для него это путешествіе—неожиданное счастіе; не чаялъ онъ когда-либо добраться до Угодника.

Наконецъ все готово. Мы всѣ отправляемся въ церковь служить молебенъ о путешествующихъ. Еще наканунѣ вечеромъ мы прочли вслухъ, съ раздѣленными ролями, прекрасный чинъ этого молебна. И сегодня, въ высокой, прохладной церкви, подъ гулкими сводами съ голосниками, съ удвоенною силою, какъ бы съ углубленнымъ смысломъ раздаются тѣ же трогательныя моленія, тѣ же вѣскія чтенія. Нашъ отецъ Петръ служитъ художественно. Никто такъ величаво и просто, съ такимъ сокрушеніемъ и надеждою, не глаголетъ колѣнопреклоненныхъ молитвъ... Молебенъ кончился. Мы прощаемся со школьными бабушками (древнею старухою, доживающею свой вѣкъ въ школѣ, и ея уже старою дочерью, нашею стряпухою) и прямо изъ церкви, не заходя въ школу, пускаемся въ путь.

Погода съ утра стояла пасмурная и тихая. Во время молебна пошелъ довольно сильный дождь. Когда мы вышли изъ церкви, еще былъ слышенъ его удаляющійся шумъ, еще падали отдѣльныя крупныя капли. Но надъ нами уже разорвалася сѣрая дымка и быстро рѣдѣла, а за нею показывалось голубое небо и другія тучи, величаво и рѣзко очерченныя. Даль уже пестрѣла полосами, ярко озаренными солнцемъ.

III. Въ дорогѣ.

Отъ посада Селижарова до деревни Зехнова 21 верста, и мы прошли ихъ въ пять часовъ. Песчаная дорога, смоченная недавнимъ до-

ждемъ, шла большею частію сосновымъ невысокимъ лѣсомъ и отчасти, въ мѣстахъ болѣе низкихъ, красивыми березовыми рощами. Тутъ въ изобиліи водятся змѣи, и въ прежнее наше путешествіе ребята вдоволь насмотрѣлись на этихъ невиданныхъ у насъ чудовищъ. Но на этотъ разъ, по причинѣ свѣжей и пасмурной погоды, мы не видали ни одной. Зато мы любовались характерною боровою растительностью.

Все чаще и чаще встрѣчали и перегоняли мы большія и малыя партіи богомольцевъ. Завязывались разговоры, оказывались общіе знакомые, другія связующія нити... На полпути, въ деревнѣ Сорокинѣ, мы сдѣлали привалъ, поѣли хлѣбца, и насъ напоили отличнымъ квасомъ. Стало проглядывать солнце. Но вскорѣ набѣжали новыя тучи, и пошелъ дождь. Впрочемъ, онъ не успѣлъ промочить насъ: мы уже подходили къ Зехнову.

Зехново — небольшая деревушка, вся состоящая изъ большихъ двухъ- и трехъэтажныхъ домовъ, приспособленныхъ къ пріему богомольцевъ. Вообще, начиная съ Селижарова, мы вступили въ область, составляющую достояніе преподобнаго Нила. Тутъ онъ уже не „Угодникъ“, а „нашъ батюшка“ или просто „онъ“. Тутъ о немъ говорятъ, какъ о живомъ человѣкѣ, дорогомъ и близкомъ. Его молитвами живетъ весь край, его заступничествомъ спасается отъ бѣдъ. Онъ распоряжается теплomъ и холодомъ, дождями и росами. Ему лично принадлежатъ монастырскія имѣнія. Его мельница красуется на рѣкѣ Сиговкѣ, его коровки пасутся на его лугахъ, его сѣно убирается усердными богомольцами, съ радостію соглашающимися покосить денекъ-другой для „нашего батюшки“, который за то сытно ихъ кормитъ. Самыя воды Селигера, съ ихъ рыбными ловлями, принадлежатъ ему. Онъ кормитъ своею рыбою прибрежныхъ крестьянъ, коимъ хлѣбопашествомъ не прокормиться. На основаніи этого взгляда, монастырь ведетъ съ городомъ Осташковымъ безконечную тяжбу о Селигерскихъ рыбныхъ ловляхъ. Да, для всѣхъ жителей этого края и для безчисленныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ пустынь, Угодникъ живъ до сихъ поръ, — живъ не отвлеченнымъ, книжнымъ безсмертіемъ, но полною, кровною жизнію.

Вотъ — въ то самое время, какъ бѣдный отшельникъ, среди пустынныхъ водъ Селигера, въ молитвѣ и лишеніяхъ проходилъ страшный искусъ одиночества, — на престолѣ московскомъ сидѣлъ грозный царь Иванъ Васильевичъ, дарилъ Россіи Казань и Астрахань, Рязань и Сибирь, лилъ потоки крови, строилъ сказочные дворцы и невиданные храмы и изумлялъ міръ необузданностію своего разврата и блескомъ своего духовнаго краснорѣчія. И что же? Умеръ царь Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ умеръ. Тщетно историки и поэты, живописцы и ваятели стараются воскресить передъ нами, облечь въ плоть и кровь его могучій, таинственный образъ. Онъ умеръ... А бѣдный монахъ продолжаетъ жить неугасающею жизнію, и милліоны темнаго люда, никогда не слыхавшаго о грозномъ царѣ, хранятъ въ своихъ сердцахъ его свѣтлую, чистую память.

Чѣмъ объяснить эту неугасающую живучесть, это осязаемое безсмертіе человѣка, жившаго исключительно жизнію внутренней? Блѣдны и скудны сказанія, сохранившіяся въ его житіи въ „Прологѣ“ и „Минеяхъ“. Сверхъ общихъ чертъ строгаго отшельническаго подвижничества, едва обозначаются черты индивидуальныя: тонкое чутье нравственной чистоты, свойственное высокимъ натурамъ, любовь къ нетронутой рукою человѣческой задумчивой природѣ нашего бѣднаго Сѣвера — и только. Не тутъ нужно искать его біографіи, а въ простыхъ рѣчахъ темныхъ жителей Селигерскаго края, въ любви, съ коею произносится его имя, въ гостепріимной обители, царящей надъ водами причудливаго озера и уже три вѣка дающей душамъ милліоновъ то, что имъ на потребу — молитвенный отдыхъ отъ суеты житейской, временное отрѣшеніе отъ праха земного...

Мы вышли изъ Зехнова въ четыре часа. Послѣ дождя насталъ рѣзкій холодъ, съ сѣвера подулъ намъ навстрѣчу упорный вѣтеръ. По небу расползлись тяжелыя осеннія тучи. Дорога шла между сосенникомъ, сыпучими песками. Направо, въ просвѣтахъ между лѣсомъ, стала мелькать свинцовая полоса,—одинъ изъ безчисленныхъ рукавовъ Селигера. Въ семи верстахъ отъ Зехнова мы присѣли на нѣсколько минутъ, и я набросалъ очеркъ высокой церкви села Котицъ, лежащаго въ четверти версты отъ дороги. Еще пять верстъ утомительной ходьбы по песку... Все ближе и ближе, направо отъ дороги, мелькаютъ между лѣсомъ воды Селигера, а надъ лѣсомъ показывается высокая бѣлая церковь села Рагозье; тутъ нѣкогда былъ монастырь, изъ коего на островъ Селигера, по кончинѣ Угодника, переселились первые монахи. Вотъ и монументальная монастырская мельница на гранитномъ фундаментѣ, получившая свое имя отъ быстрой рѣчки Сиговки. За нею луга и пашни, и береженый монастырскій лѣсъ. Подъ его защитою мы на нѣсколько минутъ отдыхаемъ отъ захватывающаго дыханіе вѣтра. Дорога, съ уступа на уступъ, подымается на высокую гору. Отсюда при хорошемъ освѣщеніи прелестный видъ: весь Осташковъ, за нимъ—извилистое озеро, и надъ однимъ изъ лѣсистыхъ мысовъ, врѣзающихся въ его воды — бѣлокаменныя громады Ниловой пустыни. Сегодня же все тускло и сѣро и рисуется темнымъ силуэтомъ на холодной полосѣ блѣдно-желтаго заката, на отраженіи ея въ рябомъ зеркалѣ Селигера. Но до города еще восемь верстъ утомительной песчаной дороги. Ребята притихли и съ трудомъ плетутся за мною. Становится темно, и вѣтеръ все усиливается. Въ верстѣ отъ города насъ встрѣчаютъ высланные впередъ гонцы, чтобы привести насъ на мѣсто нашего ночлега. Какъ длинна эта послѣдняя верста!.. Но вотъ, наконецъ, городъ. Мы бредемъ по пустыннымъ, немощенымъ улицамъ, расположеннымъ правильнымъ рѣшетомъ. Вдругъ ребята останавливаются въ изумленіи: мы вышли на самый берегъ озера; другого берега въ темнотѣ не видно. Тускло озаренныя вечернею зарею, катятся намъ навстрѣчу тяжелыя

волны и съ грохотомъ и пѣною разбиваются у подножія Вознесенскаго монастыря... Но пора и на ночлегъ: уже одиннадцатый часъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и передъ нами знакомый постоялый дворъ, просторный и чистый, съ знакомыми олеандрами и геранями на окнахъ, и радушная хозяйка, и готовый, обильный ужинъ. Ребята наѣдаются досыта, но падаютъ отъ усталости. Мы укладываемъ ихъ спать послѣ сокращенной до крайности молитвы, и сами удобно размѣщаемся, напившись чаю съ отличными осташковскими баранками.

IV. Нилова пустынь.

Мы рѣшили отдохнуть основательно въ Осташковѣ и потому ребятъ не будили. Пароходъ изъ Осташкова въ Нилову пустынь ходитъ два раза въ день: къ поздней обѣднѣ и къ вечернѣ. Переѣздъ въ Нилову пустынь отложили до второго рейса.

Не спѣша встали ребята, принарядились и совершили утреннюю молитву; не спѣша напились чаю. Погода стояла все такая же вѣтреная и холодная, но небо заволокло сѣрою пеленою низкихъ тучъ. Напившись чаю, мы отправились взглянуть на городъ и озеро. Городъ чистенькій и веселый, съ высокими церквами и хорошенькими домами, съ бульваромъ и общественнымъ садомъ.

Затѣмъ мы пошли на пароходную пристань. Озеро все еще бушевало, взволнованное сѣвернымъ вѣтромъ; по сизой его поверхности бѣгали бѣлые барашки. Лѣсистый мысъ скрываетъ отъ взоровъ недалекую Нилову пустынь. Но почти въ самомъ городѣ, налѣво отъ пристани, красуется Житный (мужской) монастырь, потонувшій въ разнообразной зелени вѣковыхъ сосенъ и лиственныхъ насажденій, со всѣхъ сторонъ охваченный водами Селигера. Съ пристани я набросалъ видъ Житнаго монастыря, и вскорѣ насъ впустили на пароходъ, хорошенькій и уютный, носящій имя Угодника. Въ распоряженіе ребятъ была отдана монахомъ-капитаномъ каюта второго класса; но они тамъ не усидѣли и, несмотря на холодный вѣтеръ, все время переѣзда простояли на палубѣ. Все это было такъ ново и чудно! И таинственная машина, двигавшая пароходъ, и клубы пара, и свистки, и обширное озеро, и быстро удалявшійся отъ насъ Осташковъ съ своими высокими колокольнями и зеленымъ мысомъ Житнаго острова, и легкая качка, производимая противнымъ вѣтромъ... Передъ нами съ лѣваго берега выдвигался широкій мысъ, заросшій сосновымъ лѣсомъ. Вотъ пароходъ сталъ огибать этотъ мысъ, и вдругъ, изъ-за темнаго бора, величаво выплыла, уже близкая, бѣлокаменная масса церквей и башенъ, высокихъ палатъ и густой зелени, увѣнчанная шпилемъ многоярусной колокольни... Нилова Пустынь!..

Всѣ разговоры замолкли, всѣ головы обнажились, всѣ взоры обра-

тились на плывущую намъ навстрѣчу святыню. Все ближе и ближе завѣтный островъ... Пароходъ замедлилъ ходъ и, разгоняя своимъ свистомъ множество лодокъ и лодочекъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, плавно подбѣжалъ къ пристани.

Въ длинной крытой галлереѣ пристани десятскіе пересчитали ввѣренныхъ имъ ребятъ, и всѣ мы двинулись въ гору. Подъемъ, извиваясь между громадными монастырскими постройками и вѣковыми деревьями, привелъ насъ на обширный дворъ, въ коемъ помѣщается монастырская чайная. Мы вошли въ нее.

Немногіе богомольцы, сидѣвшіе въ длинной залѣ за чайными столиками, тотчасъ перешли въ первую, менѣе обширную комнату, и мигомъ были заняты нами всѣ мѣста въ большой залѣ; въ первый разъ во время нашего путешествія сѣли мы за столъ всѣ вмѣстѣ и заразъ. Началось чаепитіе съ мягкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, купленнымъ въ монастырской лавкѣ. Въ дверяхъ собралась вскорѣ цѣлая толпа любопытныхъ, съ удивленіемъ глядѣвшихъ на маленькихъ богомольцевъ, прибывшихъ въ пустынь. Разспросамъ и восклицаніямъ не было конца.

Едва успѣли мы напиться чаю, какъ раздался густой, тихій ударъ большого колокола. Всѣ мы черезъ Святыя ворота направились къ собору.

Наружность его не отличается красотою: это—холодная постройка Александровскихъ временъ. Но внутренность величественна и богата. Массивные столбы, съ широкими пролетами между ними, отдѣляютъ главный храмъ отъ боковыхъ придѣловъ. Главный иконостасъ, въ стилѣ рококо, весь позолоченный, въ высшей степени эффектенъ. Надъ царскими дверями громадныхъ размѣровъ, изъ чистаго серебра, помѣщено серебряное же изображеніе Св. Духа, въ сіяніи коего лучи, отражая падающій изъ купола свѣтъ, дѣйствительно сіяютъ мягкимъ и чистымъ блескомъ благороднаго металла. Огромныя рѣзныя, позолоченныя изображенія ангеловъ поддерживаютъ мѣстныя иконы хорошаго письма въ итальянскомъ стилѣ. Въ послѣднемъ пролетѣ направо, на солеѣ главнаго храма, подъ пышнымъ балдахиномъ стоитъ богатая рака съ мощами угодника.

Мы приложились къ мощамъ, и монахи заботливо провели нашихъ ребятъ впередъ, такъ что всѣ очутились на ступеняхъ солеи. Была суббота. Началась всенощная, торжественная и длинная, съ прекраснымъ пѣніемъ смѣшаннаго хора на правомъ клиросѣ, съ болѣе слабымъ (на мужскихъ голосахъ)—на лѣвомъ. Длилась она отъ шести часовъ до половины одиннадцатаго, и никто изъ насъ не ощутилъ ни малѣйшаго утомленія, ибо въ церковныхъ службахъ утомительна не ихъ продолжительность, а торопливое чтеніе и невнятное пѣніе, вызывающее постоянное, и часто тщетное, напряженіе вниманія и слуха...

Мы вышли изъ церкви. Нашихъ ребятъ ожидалъ въ обширной чайной накрытый столъ и прекрасный ужинъ. Еще лучше накормили

учителей. Всѣмъ намъ былъ отведенъ обширный, просторный ночлегъ въ томъ же зданіи, въ коемъ помѣщается чайная. На мою долю досталась прекрасная, свѣтлая угловая комната, съ чудными видами на озеро, на монастырскіе сады и церкви. Я помѣстилъ къ себѣ обоихъ живописцевъ, чтобы эти виды были у нихъ подъ руками, и мы сладко уснули въ прозрачныхъ сумеркахъ свѣжей сѣверной ночи.

Ребята всѣ вскочили въ четвертомъ часу и побѣжали къ ранней обѣднѣ; я же остался дома, чтобы писать письма. Тѣмъ не менѣе, къ концу обѣдни я поспѣлъ, и, когда она отошла, мы отслужили молебенъ у мощей Преподобнаго. Церковь была полна молящихся. Когда мы изъ нея вышли, свѣтило яркое солнце, и, хотя продолжалъ дуть сѣверный вѣтеръ, въ затишьи между монастырскими зданіями было тепло. Мы вернулись въ гостиницу, и началось чаепитіе.

Не успѣло оно кончиться, какъ подъ окнами раздались радостные клики. На площадкѣ передъ чайною разгуливалъ монастырскій павлинъ, и всѣ ребята высыпали на дворъ—любоваться этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Тщеславная птица, очевидно понимая, что всѣ заняты ею, то распускала свой пышный хвостъ, величаво поворачиваясь во всѣ стороны, то бережно складывала его; то подбѣгала къ дѣтямъ, притворяясь, что хочетъ ихъ клюнуть, то быстро убѣгала и снова распускала на солнцѣ свои радужныя перья. Наконецъ, ребята оцѣпили павлина широкимъ кругомъ и принялись кормить его бѣлымъ хлѣбомъ. Новая радость! Павлинъ близко подходилъ къ каждому, заглядывалъ въ глаза, бралъ хлѣбъ изъ рукъ; можно было разсмотрѣть всѣ переливы на его сверкающей шейкѣ, всѣ перышки въ его изящномъ хохолкѣ...

Мои рисовальщики и я воспользовались промежуткомъ между раннею и позднею обѣднею, чтобы набросать нѣсколько видовъ монастыря. Яркое солнце играло на неутихшей поверхности озера; со всѣхъ сторонъ неслись къ острову разнообразныя лодки и лодочки, наполненныя богомольцами; изъ-за лѣсистаго мыса выбѣжалъ пароходъ, съ громкимъ свистомъ разгоняя снующую по озеру мелюзгу, замедлилъ ходъ, скользнулъ въ пристань и выпустилъ на берегъ цѣлую толпу богомольцевъ. Тотчасъ затѣмъ раздался густой ударъ большого колокола. Мы всѣ отправились въ соборъ.

Въ соборѣ ребята мои были уже какъ дома. Поощряемые монахами, они прямо заняли первыя мѣста, на широкихъ ступеняхъ громадной солеи. Мнѣ дали мѣсто на лѣвомъ клиросѣ, и у моихъ ногъ посадили на коврикѣ моего милаго горбунка Тимошу, слишкомъ слабаго, чтобы выстоять всѣ службы. Я могъ видѣть его взоръ, устремленный кверху, съ тѣмъ выраженіемъ, которое удалось понять и уловить одному Рафаэлю, въ лицахъ двухъ ангеловъ Сикстинской Мадонны.

Началась поздняя обѣдня, торжественная и пышная, при блескѣ

солнца, при пѣніи двухъ многоголосныхъ хоровъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ смѣшанный хоръ и исполнилъ весьма искусно рядъ весьма сложныхъ и щеголеватыхъ пѣснопѣній неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ.

На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ хоръ изъ мужскихъ голосовъ.

Увы! За истекшія двѣнадцать лѣтъ характеръ пѣнія въ Ниловой пустыни значительно измѣнился,—и измѣнился не къ лучшему. Смѣшанный хоръ (съ участіемъ мальчиковъ пѣвчихъ) выигралъ въ техникѣ, но выборъ исполняемыхъ имъ пѣснопѣній сталъ крайне плохъ, чуждъ характера не только монастырскаго, но и вообще церковнаго. Еще прискорбнѣе паденіе традиціоннаго пѣнія на мужскихъ голосахъ, коимъ доселѣ славилась Нилова Пустынь. Пѣніе это составляетъ драгоцѣнное достояніе нашихъ древнихъ монастырей и только въ нихъ можетъ быть поддержано на должной высотѣ.

Нынѣ въ Ниловой Пустынѣ всего около двадцати монашествующихъ. Изъ нихъ на клиросѣ поетъ человѣка три, четыре. Остальные пѣвцы—люди посторонніе, такъ или иначе связанные съ монастыремъ, и между ними есть голоса прекрасные. Но въ хорѣ нѣтъ той цѣльности, той спокойной увѣренности, которая даетъ возможность совершенно свободнаго пѣнія; нѣтъ болѣе той отчетливости въ произношеніи текстовъ, того сліянія пѣнія съ ихъ смысломъ. На торжественныхъ всенощныхъ къ мужскимъ голосамъ присоединены дѣтскіе, что возвышаетъ красоту звуковъ, но еще болѣе затемняетъ ихъ смыслъ, ибо этого смысла дѣти вполнѣ понять не могутъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни насъ кормили обѣдомъ, а промежуткомъ между обѣдомъ и вечернею мы воспользовались для прогулки на берегъ озера. Берегъ этотъ съ сѣверо-востока вдается въ озеро длиннымъ мысомъ, направленнымъ къ острову Столобному, и конецъ этого мыса образуетъ живописный полуостровъ, заросшій старыми соснами, между коими возвышается приписанная къ монастырю церковь Михаила Архангела. Полуостровъ этотъ называется Свѣтицею и такъ близко подходитъ къ сѣверо-восточному углу острова, что сообщается съ нимъ посредствомъ порома. Самая Свѣтица представляетъ высокій, сухой горбыль, съ коего открывается великолѣпный видъ на озеро и монастырь. Долго любовались мы этимъ видомъ, сидя на склонѣ горбыля, защищенные отъ вѣтра густымъ сосновымъ боромъ. По озеру, по всѣмъ направленіямъ, сновали безчисленныя лодки, и нѣкоторые изъ старшихъ моихъ спутниковъ, въ томъ числѣ живописцы, наняли одну изъ нихъ, чтобы посѣтить расположенную верстахъ въ четырехъ часовню съ чудотворною иконою Троеручицы. Я же съ остальными ребятами обошелъ весь полуостровъ по высокому краю сосновой рощи. Роща эта прекрасна: сосны то сдвигаются въ густыя массы, то, разступаясь, оставляютъ между собою обширныя полянки, на коихъ стоятъ отдѣльными экземплярами старыя рябины рѣдкой красоты, съ прямымъ, толстымъ стволомъ и роскошною правильною кроною. Низкая мурава

этихъ полянъ вся испещрена золотыми цвѣтками очитка и пурпурными кистями тиміана. Вернулись мы въ монастырь задолго до вечера и успѣли еще побесѣдовать съ о. Евлампіемъ, старымъ монахомъ, знакомымъ намъ по прежнему путешествію, осмотрѣть монастырскій садъ и посѣтить пещеру, вырытую, по преданію, самимъ Преподобнымъ. Къ вечернѣ вернулись наши товарищи съ набросками посѣщенной ими часовни. Небо опять покрылось тучами, сталъ накрапывать дождь.

Началась вечерня. Въ соборѣ царствовалъ мягкій полумракъ, и онъ казался еще обширнѣе, еще величественнѣе, чѣмъ при солнечномъ свѣтѣ. Причудливая рѣзьба иконостаса утратила свои рѣзкія очертанія; одно сіяніе надъ царскими вратами продолжало отражать серебристымъ блескомъ задумчивый свѣтъ, падавшій изъ купола, да сверкала позолота отъ множества свѣчей, зажженныхъ у раки Преподобнаго. Пѣніе шло на однихъ мужскихъ голосахъ, не столь величественно и стройно, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе службы, неспѣшной и осмысленной, было благотворно и сильно. Тихо и стройно, съ невольнымъ пониженіемъ голосовъ подъ ладъ густѣющимъ сумеркамъ, развертывались длинныя моленія повечерія и акаѳиста. Великолѣпный конецъ вечернихъ монастырскихъ службъ,—поклонъ настоятеля братіи съ моленіемъ о прощеніи—былъ, какъ всегда величественъ и трогателенъ. Торжественно и призывно прозвучали послѣднія слова величанія, обращеннаго къ мощамъ Преподобнаго: „Наставниче монаховъ и Собесѣдниче ангеловъ!..“

Мы вышли изъ церкви. Сѣрая пелена дождевыхъ тучъ вдругъ разодралась на сѣверо-западѣ, надъ уже закатившимся солнцемъ. Мы съ живописцами поспѣшили выбѣжать на сѣверную набережную острова. Нѣжно-пурпурное сіяніе озаряло небосклонъ, окаймляло нижніе края густо нависшихъ тучъ. Озеро волновалось, и его свинцовая зыбь вся была испещрена алыми блестками. Но дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ. Я поспѣшилъ въ гостиницу, но уже успѣлъ простудиться.

Насъ ожидалъ роскошный ужинъ. Прислали намъ даже монастырскаго пива.

Ночью меня сильно знобило, и поэтому ребята пошли къ утренѣ безъ меня, а я попалъ только къ ранней обѣднѣ. Было рѣшено тотчасъ послѣ нея отправиться въ Осташковъ, чтобы поспѣть къ поздней обѣднѣ, а затѣмъ двинуться въ обратный путь. Монахи предложили намъ послѣ обѣдни отслужить для насъ безвозмездно молебенъ о путешествующихъ у мощей Преподобнаго, и молебенъ былъ отслуженъ торжественно, послѣ чего каждаго изъ насъ благословили кипарисным крестикомъ.

С. А. Рачинскій.

ОТДѢЛЪ II.

1. Начало моего знакомства съ Гоголемъ.

Въ 1832-мъ году, кажется, весною, когда мы жили въ домѣ Слѣпцова, въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ, на Сивцевомъ Вражкѣ, Погодинъ (извѣстный профессоръ русской исторіи) привезъ ко мнѣ въ первый разъ и совершенно неожиданно Николая Васильевича Гоголя. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ были давно уже прочтены, и мы всѣ восхищались ими. Я прочелъ, впрочемъ, „Диканьку“ нечаянно: я получилъ ее изъ книжной лавки, вмѣстѣ съ другими книгами, для чтенія вслухъ моей женѣ, по случаю ея нездоровья; можно себѣ представить нашу радость при такомъ сюрпризѣ! Не вдругъ узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, провѣдалъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько“, познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что „Диканьку“ написалъ Гоголь-Яновскій. Итакъ, это имя было уже намъ извѣстно и дорого.

По субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечера короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезонинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три неигравшихъ сидѣли около стола. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату съ неизвѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!“ Эффектъ былъ сильный. Я очень сконфузился и прекратилъ было игру, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но смущенный.

Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро, однакожъ, прибѣжалъ сынъ мой Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался и разсѣянно продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ.

Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой—и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ особую физіономію его лицу; намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство; у меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большою цѣпочкою. Есть портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ.

Черезъ часъ Гоголь ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня надняхъ, какъ-нибудь поранѣе утромъ, и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться, и который жилъ очень близко отъ меня. Сынъ мой не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ въ это свиданіе, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что Гоголь держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то свысока, чего, разумѣется, не было, но могло такъ показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ, безъ исключенія, невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его „Диканькѣ“, но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще, въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго изліянія, къ которому я способенъ до излишества. По его просьбѣ, мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его въ желудкѣ. Говорили и о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость; но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не объ чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

...„даже глупости простой
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!“

Но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но, что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену,—мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“. Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами, но мысль была точно та. Я

былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала, и что у него есть свой оригинальный на нее взглядъ.

Надобно сказать, что Загоскинъ, также давно прочитавшій „Диканьку“ и хваливши ее, въ то же время не умѣлъ оцѣнить ее вполнѣ, а въ описаніяхъ украинской природы находилъ неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя. Онъ даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнѣнію, нашими похвалами. Но, по добродушію своему и по самолюбію человѣческому (ему пріятно было, что, уже почти всѣми превозносимый, Гоголь поспѣшилъ къ нему пріѣхать), онъ принялъ его съ отверстыми объятіями, съ крикомъ и похвалами; нѣсколько разъ принимался цѣловать Гоголя, потомъ кинулся обнимать меня, билъ кулакомъ въ спину, называлъ хомякомъ, сусликомъ и пр., и пр.; однимъ словомъ былъ вполнѣ любезенъ по-своему. Загоскинъ говорилъ безъ умолку о себѣ: о множествѣ своихъ занятій, о безчисленномъ количествѣ прочитанныхъ имъ книгъ, о своихъ археологическихъ трудахъ, о пребываніи въ чужихъ краяхъ (онъ не былъ далѣе Данцига), о томъ, что онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю Русь и пр., и пр. Всѣ знаютъ, что это совершенная фантазія, которой искренно вѣрилъ только онъ самъ. Гоголь понялъ это сразу и говорилъ съ хозяиномъ, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ, совершенно въ пору и въ мѣру. Онъ обратился къ шкафамъ съ книгами,—тутъ началась новая, а для меня уже старая исторія: Загоскинъ сталъ показывать и хвастаться книгами, потомъ табакерками и, наконецъ, шкатулками. Я сидѣлъ молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: онъ вдругъ вынулъ часы, сказалъ, что ему пора итти, и, обѣщавъ еще забѣжать какъ-нибудь, ушелъ.

— „Ну, что“, спросилъ я Загоскина: „какъ понравился тебѣ Гоголь?“

— „Ахъ, какой милый“, закричалъ Загоскинъ,—„милый, скромный, да какой, братецъ, умница!“ и пр., и пр.; а Гоголь ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ.

Въ этотъ проѣздъ Гоголя изъ Полтавы въ Петербургъ наше знакомство не сдѣлалось близкимъ. Не помню, чрезъ сколько времени, Гоголь опять былъ въ Москвѣ проѣздомъ, на самое короткое время; былъ у насъ и опять попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Загоскину, на что я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; онъ попрежнему принялъ Гоголя очень радушно и любезничалъ по-своему; а Гоголь держалъ себя также по-своему, т.-е. говорилъ о совершенныхъ пустякахъ и ни слова о литературѣ, хотя хозяинъ заговаривалъ о ней не одинъ разъ. Замѣчательнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Загоскинъ, показывая Гоголю свои раскидныя кресла, такъ прищемилъ мнѣ обѣ руки пружинами, что я закричалъ, а Загоскинъ оторопѣлъ и не вдругъ освободилъ меня изъ моего тяж-

каго положенія, въ которомъ я былъ похожъ на растянутаго для пытки человѣка: отъ этой потѣхи руки у меня долго болѣли. Гоголь даже не улыбнулся; но впослѣдствіи часто вспоминалъ этотъ случай и, не смѣясь самъ, такъ мастерски его разсказывалъ, что заставлялъ всѣхъ хохотать до слезъ. Вообще, въ его шуткахъ было много оригинальныхъ пріемовъ, выраженій, складу и того особеннаго юмора, который составляетъ исключительную собственность малороссовъ; передать ихъ невозможно. Впослѣдствіи, безчисленными опытами убѣдился я, что повтореніе Гоголевыхъ словъ, отъ которыхъ слушатели валялись со смѣху, когда онъ самъ ихъ произносилъ,—не производило ни малѣйшаго эффекта, когда говорилъ ихъ я или кто-нибудь другой.

И въ этотъ пріѣздъ знакомство наше съ Гоголемъ не подвинулось впередъ.

Въ 1834-мъ году мы жили на Сѣнномъ рынкѣ, близъ Красныхъ воротъ, въ домѣ Штюрмера. Гоголь между тѣмъ успѣлъ уже выдать „Миргородъ“ и „Арабески“. Великій талантъ его сказался въ полной силѣ. Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ „Диканькѣ“; но въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже явился великій художникъ, съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ и моя семья были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Надо сказать правду, что, кромѣ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей литературы, во всѣхъ слояхъ общества молодые люди лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе и распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ.

Въ одинъ вечеръ сидѣли мы въ ложѣ Большого театра; вдругъ растворилась дверь, и вошелъ Гоголь; съ веселымъ, дружескимъ выраженіемъ лица, какого мы никогда у него не видѣли, протянулъ онъ мнѣ руку со словами: „Здравствуйте!“ Нечего говорить, какъ мы были изумлены и обрадованы... Студентъ мой, Константинъ, забылъ, гдѣ онъ, и такъ громко отъ радости вскрикнулъ, что обратилъ вниманіе сосѣднихъ ложъ. Это было во время антракта. Вслѣдъ за Гоголемъ вошелъ къ намъ въ ложу товарищъ сына П. А. Ефремовъ; Константинъ шепнулъ ему на ухо: „Знаешь ли, кто у насъ? Это Гоголь!“ Ефремовъ, выпуча глаза также отъ изумленія и радости, побѣжалъ въ кресла и сообщилъ эту новость кое-кому изъ нашихъ знакомыхъ. Въ одну минуту нѣсколько трубокъ и биноклей обратились на нашу ложу, и слова: „Гоголь, Гоголь“ разнеслись по кресламъ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ это движеніе,—только, сказавъ нѣсколько словъ, что онъ опять въ Москвѣ на короткое время, Гоголь уѣхалъ.

Гоголь везъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ „Женитьба“: тогда называлась она „Женихи“. Онъ самъ вызвался прочесть ее вслухъ въ домѣ у Погодина, для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и

назвалъ столько гостей, что довольно большая его зала была буквально набита биткомъ. И какая досада! Я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія. Къ тому же, это случилось въ субботу, въ мой день, а мои гости не были приглашены на чтеніе къ Погодину. Разумѣется, Константинъ былъ тамъ. Гоголь до того мастерски читалъ, или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Я совершенно раздѣляю мнѣніе, потому что впослѣдствіи хорошо узналъ неподражаемое искусство Гоголя въ чтеніи всего комическаго... Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно; но, увы, комедія не была понята! Большая часть говорила, что пьеса неестественный фарсъ, но что Гоголь „ужасно смѣшно читаетъ“. Гоголь сожалѣлъ, что меня не было у Погодина; назначилъ день, въ который хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать и прочесть „Жениховъ“ мнѣ и всему моему семейству.

Въ назначенный день я пригласилъ къ себѣ именно тѣхъ гостей, которымъ не удалось слышать комедію Гоголя. Между прочими гостями были Н. В. Станкевичъ и Бѣлинскій. Ждали, ждали—Гоголя нѣтъ. Мнѣ стало досадно, что гости мои такъ долго голодаютъ, и въ 5 часовъ я велѣлъ подавать кушать; но въ самое это время увидѣли мы Гоголя, который шелъ пѣшкомъ чрезъ всю Сѣнную площадь къ нашему дому... Но увы! Гоголь объявилъ, что никакъ не можетъ сегодня прочесть намъ комедію, а потому и не принесъ ее съ собой. Все это мнѣ было непріятно, и, вѣроятно вслѣдствіе того, и въ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву не послѣдовало тѣснаго сближенія между нами. Я видѣлся съ нимъ еще одинъ разъ поутру у Погодина, на самое короткое время, и узналъ, что Гоголь на другой день ѣдетъ въ Петербургъ.

Въ 1835-мъ году дошли до насъ слухи изъ Петербурга, что Гоголь написалъ комедію „Ревизоръ“, что въ этой пьесѣ явился талантъ его, какъ писателя драматическаго, въ новомъ, серьезномъ значеніи. Говорили, что эту пьесу никакая бы цензура не пропустила, но что Государь приказалъ ее напечатать и дать на театрѣ. На сценѣ комедія имѣла огромный успѣхъ, но въ то же время надѣлала Гоголю много враговъ. Самые злонамѣренные толки раздавались въ высшемъ чиновничьемъ кругѣ и даже въ ушахъ самого государя... Ни съ чѣмъ нельзя сравнить нетерпѣнія прочесть „Ревизора“, который какъ-то долго не присылался въ Москву. Я прочелъ его въ первый разъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Однажды, поздно засидѣвшись въ Англійскомъ клубѣ, я выходилъ изъ него вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ. Въ это время швейцаръ подалъ мнѣ записку изъ дома: меня увѣдомляли, что какой-то проѣзжій полковникъ привезъ Ѳ. Н. Глинкѣ печатный экзем-

пляръ „Ревизора“ и оставилъ у него до 6 часовъ утра; что Глинка прислалъ экземпляръ намъ, и что всѣ ожидаютъ меня, чтобы слушать „Ревизора“. Сгоряча я сказалъ объ этомъ своему спутнику и уже не могъ отказать ему въ позволеніи услышать „Ревизора“: мы поскакали домой. Я жилъ тогда въ Старой Басманной, въ домѣ Куракина. Было уже около часу за полночь. Никто не спалъ, всѣ сидѣли въ ожиданіи меня въ моемъ кабинетѣ. Я не могъ въ первый разъ вѣрно прочесть „Ревизора“, но, конечно, никто никогда не читалъ его съ такимъ увлеченьемъ, которое раздѣляли и слушатели.

„Ревизоръ“ былъ проданъ петербургской дирекціи театровъ самимъ Гоголемъ за 2,500 р. ассигнаціями, а потому немедленно начали его ставить и въ Москвѣ. Гоголь хорошо былъ знакомъ съ Мих. Сем. Щепкинымъ (извѣстный артистъ Моск. Малаго театра) и поручилъ ему письменно постановку „Ревизора“, снабдивъ при томъ многими, по большей части очень дѣльными, наставленіями. Въ то же время узнали мы, что самъ Гоголь, сильно огорченный и разстроенный чѣмъ-то въ Петербургѣ, распродалъ съ уступкою всѣ оставшіеся экземпляры „Ревизора“ и другихъ своихъ сочиненій и сбирается немедленно уѣхать за границу. Это огорчило меня и многихъ его почитателей. Вдругъ приходитъ ко мнѣ Щепкинъ и говоритъ, что ему очень неловко ставить „Ревизора“, что товарищи этимъ какъ-то обижаются, не обращаютъ никакого вниманія на его замѣчанія, и что пьеса отъ этого будетъ поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, если бы пьеса ставилась безъ всякаго надзора, такъ, сама по себѣ, по общему произволу актеровъ; что если онъ пожалуется репертуарному члену или директору, то дѣло пойдетъ еще хуже: ибо директоръ и репертуарный членъ ничего не смыслятъ и никогда такими дѣлами не занимаются, а господа артисты, на зло ему, Щепкину, совсѣмъ уронятъ пьесу. Щепкинъ плакалъ отъ своего затруднительнаго положенія и отъ мысли, что онъ такъ худо исполнилъ порученіе Гоголя. Онъ прибавилъ, что единственный исходъ—въ томъ, чтобъ я взялъ на себя постановку пьесы, потому что актеры меня уважаютъ и любятъ, и вся дирекція состоитъ изъ моихъ короткихъ пріятелей; что онъ напишетъ объ этомъ Гоголю, который съ радостью передастъ это порученіе мнѣ. Я согласился и въ ту же минуту написалъ въ Петербургъ къ Гоголю горячее письмо, объяснивъ, почему Щепкину неудобно ставить пьесу, и почему мнѣ это будетъ удобнѣе, прибавя, что въ сущности всѣмъ будетъ распоряжаться Щепкинъ,—только черезъ меня. Это было первое мое письмо къ Гоголю, и его отвѣтъ былъ первымъ его письмомъ. Вотъ оно:

„Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что среди многолюдной неблаговолящей толпы скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца ихъ съ тою любовью, какая дышитъ

въ письмѣ вашемъ. Я не знаю, какъ благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей пьесѣ. Я поручилъ уже ее Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціею, и если онъ не отдавалъ еще письма, то извѣстите меня; я въ ту же минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину.

„Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30-го мая, то 6-го іюня непремѣнно. Но по возвращеніи изъ чужихъ краевъ—я постоянный житель столицы древней.

„Еще разъ принося вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность, остаюсь навсегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою—Н. Гоголь. Мая 15, 1836 года".

Какъ это странно, что письмо, такое простое, искреннее, не понравилось всѣмъ и даже мнѣ! Отсюда начинается долговременная и тяжкая исторія неполнаго пониманія Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями. Безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти. Нельзя предположить, чтобы всѣ мы были виноваты въ этомъ безъ всякаго основанія; оно заключалось въ наружности обращенія и въ необъяснимыхъ странностяхъ его духа. Это матерія длинная, и, чтобы бросить на нее нѣкоторый свѣтъ заранѣе, скажу только, что впослѣдствіи я часто говаривалъ, для успокоенія особенно Погодина: „Господа! Ну, какъ мы можемъ судить Гоголя по себѣ? Можетъ быть, у него всѣ нервы вдесятеро тоньше нашихъ и устроены какъ-нибудь вверхъ ногами!" На что Погодинъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „Развѣ что такъ!"

Вслѣдствіе письма Гоголя ко мнѣ, Щепкинъ писалъ къ нему, что письмо къ Загоскину отдано давно, о чемъ онъ его и увѣдомлялъ, но, кажется, Гоголь не получилъ уже этого письма, потому что уѣхалъ за границу. Итакъ, „Ревизоръ" былъ поставленъ безъ моего участія. Впрочемъ, эта пьеса игралась и теперь играется въ Москвѣ довольно хорошо, кромѣ Хлестакова, роль котораго труднѣе всѣхъ. Гоголь всегда мнѣ жаловался, что не находитъ актера для этой роли, что оттого пьеса теряетъ смыслъ и скорѣе должна называться „Городничій", чѣмъ „Ревизоръ".

Въ 1837-мъ году погибъ Пушкинъ. Изъ писемъ самого Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была для него эта потеря. Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ...

Въ 1838-мъ году, кажется, 8-го іюня, уѣхалъ сынъ мой Константинъ за границу, намѣреваясь долго прожить въ чужихъ краяхъ (онъ не могъ прожить долѣе пяти мѣсяцевъ). Передъ возвращеніемъ своимъ въ Россію, онъ написалъ Гоголю въ Римъ самое пылкое письмо, убѣждая его возвратиться въ Москву (Гоголь жилъ въ Римѣ уже болѣе двухъ лѣтъ) и назначая ему мѣсто (Кельнъ), гдѣ онъ, Константинъ, будетъ ждать его, чтобы ѣхать въ обратный путь вмѣстѣ. Гоголь еще не думалъ возвращаться, да и письмо получилъ двумя мѣсяцами позднѣе, потому что куда-то уѣзжалъ. Письмо это,—вѣроятно, дышавшее горячей любовью, произвело глубокое впечатлѣніе на Гоголя, и хотя онъ не отвѣчалъ на него, но, по возвращеніи въ Россію, черезъ годъ, говорилъ о немъ съ искреннимъ чувствомъ.

Въ 1839-мъ году Погодинъ ѣздилъ за границу. Мы сначала надѣялись, что они воротятся вмѣстѣ, а потомъ уже потеряли эту надежду. Я жилъ это лѣто съ семьею на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. 29-го сентября вдругъ получаю я слѣдующую записку отъ М. С. Щепкина.

„Почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ—и не одинъ; ожиданія наши исполнились: съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ. Я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ,—даже до того, что едва ли не сухо его встрѣтилъ: вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и, кажется, путнаго слова не сказалъ; такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ... Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ: ибо, помнится, мы совсѣмъ уже его не ожидали. Прощайте; сегодня, къ несчастію, играю и потому не увижу его“.

Я помѣщаю эту записку для того, чтобы показать, что значилъ пріѣздъ Гоголя въ Москву для его почитателей. Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Сынъ мой, прочитавши записку прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой крикъ, что всѣхъ перепугалъ, тотчасъ же поскакалъ въ Москву и повидался съ Гоголемъ, который остановился у Погодина, въ его собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Гоголь встрѣтился съ Константиномъ весело и ласково; говорилъ о письмѣ, которое очевидно было для него пріятно, и объяснилъ, почему онъ не могъ пріѣхать въ назначенное Константиномъ мѣсто.

Разговаривая очень дружески, Константинъ сдѣлалъ Гоголю вопросъ—самый естественный, но, конечно, слишкомъ часто повторяемый всѣми при встрѣчѣ съ писателемъ: „Что вы намъ привезли, Николай Васильевичъ?“ И Гоголь вдругъ очень сухо и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „Ничего“. Подобные вопросы были всегда ему очень непріятны;

онъ особенно любилъ содержать въ секретѣ то, чѣмъ занимался, и терпѣть не могъ, если хотѣли его нарушить.

На другой день Гоголь пріѣхалъ къ намъ обѣдать вмѣстѣ со Щепкинымъ, когда мы уже сидѣли за столомъ, совсѣмъ его не ожидая. Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать. Слѣдовъ не было прежняго, гладко выбритаго и обстриженнаго, кромѣ хохла, франтика въ модномъ фракѣ! Прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то невнѣшнему. Сюртукъ, въ родѣ пальто, замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности; сама фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалась благообразнѣе.

Онъ часто шутилъ въ то время, и его шутки, которыя передать нѣтъ никакой возможности, были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолѣвалъ всѣхъ, кто его слушалъ; самъ же онъ всегда шутилъ, не улыбаясь.

Съ этого собственно времени началась наша тѣсная дружба. Гоголь бывалъ у насъ почти каждый день...

С. Т. Аксаковъ.

---

2. Изъ воспоминаній объ И. А. Гончаровѣ.

Гончаровъ имѣлъ — въ цвѣтущую пору своей литературной дѣятельности и, особенно, по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія — очень много знакомствъ въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ и въ 1870—75 годахъ, по вечерамъ, рѣдко сиживалъ дома. Но близкаго кружка друзей, которые собирались бы у него, и въ обществѣ которыхъ онъ могъ бы, какъ говорится, отводить душу, у него, можно сказать, почти не было. Меня всегда удивляло, что среди литературнаго міра эта крупная литературная сила стояла какъ-то обособленно, какъ будто въ не совсѣмъ добровольномъ отдаленіи. Кромѣ М. М. Стасюлевича [1]), который сблизился съ нимъ, сколько помню, послѣ того, какъ въ его журналѣ былъ напечатанъ „Обрывъ“, я не знаю ни одного литератора или ученаго, который былъ бы съ нимъ даже просто въ пріятельскихъ отношеніяхъ. На литературныхъ вечерахъ въ пользу кого-либо, бывшихъ въ такой модѣ въ недавнее еще время, его совсѣмъ не было видно ни въ роли чтеца своихъ произведеній, ни даже въ качествѣ простого посѣтителя. За все время моего знакомства съ нимъ мнѣ удалось видѣть его лишь

---

[1]) Издатель-редакторъ ежемѣсячнаго журнала «Вѣстникъ Европы».

на одномъ литературномъ вечерѣ, гдѣ покойный графъ А. К. Толстой читалъ которое-то изъ своихъ драматическихъ произведеній. Аристократическіе знакомые Гончарова принимали его у себя, дѣлали ему утренніе визиты; но жилъ онъ одинокимъ, почти анахоретомъ, въ довольно скучной обстановкѣ, все время въ одной и той же сумрачной квартирѣ на Моховой (въ Петербургѣ) во дворѣ, въ первомъ этажѣ,— въ которую не проникало солнце. Этимъ его положеніемъ—кто мѣшалъ ему измѣнить его къ лучшему, если устранить предположеніе, что ему самому присуща была обломовская неподвижность?—мнѣ кажется, слѣдуетъ исключительно объяснять и относительную скудость его литературной производительности, и то, большею частію, сумрачное настроеніе духа, какое въ немъ мною замѣчалось...

Желая „отдохнуть отъ зимняго бездѣлья", какъ онъ выражался, въ дачномъ времяпровожденіи, онъ любилъ посѣщать Балтійское побережье — Ревель, Меррикюль, Дуббельнъ и другія тамошнія дачныя мѣста; нѣсколько разъ, если не ошибаюсь, уже послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія, онъ ѣздилъ и за границу.

— „Тамъ порядки лучше, спокойнѣе и свободнѣе живется, — не то, что у насъ, гдѣ всякій норовитъ запустить свою грязную лапу не только въ твою домашнюю обстановку, но и въ твою душу, въ твой внутренній міръ".

Это были его подлинныя слова.

О литературѣ и о писателяхъ Гончаровъ разсуждалъ со мною мало и какъ-то неохотно, какъ ни старался я каждый разъ сводить бесѣду на этотъ предметъ,—словно это для него было дѣло стороннее, словно самъ онъ не былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой литературы, словно онъ писалъ свои произведенія, такъ сказать, лишь pro domo sua, вовсе не имѣя въ виду удовлетворенія умственныхъ и эстетическихъ интересовъ общества. Послѣ этихъ разговоровъ мнѣ всегда казалось, что онъ по своей, конечно, доброй волѣ стоитъ особнякомъ и изолированно отъ всего литературнаго міра. Нѣкоторыхъ нашихъ писателей, напр., Некрасова, казалось мнѣ, онъ прямо не долюбливалъ, о Тургеневѣ высказываться отказывался, критику Бѣлинскаго уважалъ, Л. Толстого любилъ, повидимому, больше другихъ писателей и рекомендовалъ мнѣ для классныхъ занятій въ гимназіи эпизоды изъ его „Дѣтства и отрочества". О Достоевскомъ говорилъ, что онъ мало обработываетъ свои сочиненія съ внѣшней стороны, почему въ нихъ мало внѣшней художественности, что онъ слишкомъ спѣшно пишетъ, словно по заказу (изъ позднѣйшихъ писемъ самого Достоевскаго видно, что дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ). Высокаго достоинства идей и идеаловъ Достоевскаго Гончаровъ не отрицалъ, но, по его словамъ, это—„совсѣмъ другого характера писатель", чѣмъ

онъ, Гончаровъ. Объ Островскомъ Гончаровъ говорилъ, что каждое новое его произведеніе прочитываетъ немедленно, какъ только оно появится, и ждетъ его комедій съ нетерпѣніемъ. Но о чемъ говорилъ Гончаровъ съ негодованіемъ и почти отвращеніемъ,—это автобіографическіе разсказы авторовъ, разныя воспоминанія ихъ о своемъ дѣтствѣ и прошломъ. Я возражалъ, что автобіографіи авторовъ помогаютъ пониманію ихъ твореній, выясняя личный, субъективный элементъ въ нихъ и вообще процессъ ихъ творчества. Гончаровъ съ этимъ почти не соглашался и цитировалъ извѣстные стихи Пушкина:

„Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
. . . . . .
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“.

— „Частная, обыденная жизнь писателя, даже генія“, говорилъ онъ, „зависитъ отъ его матеріальнаго достатка и часто бываетъ до того бѣдна и низменна по своей обстановкѣ, что его въ ней и увнать бываетъ трудно, какъ автора извѣстныхъ идей, носителя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Творчество художника, хотя количественно и находится въ зависимости отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій его внѣшняго быта, но возникаетъ и развивается болѣе или менѣе внѣ воздѣйствія этихъ условій“.

Стихи Пушкина, выше приведенные, Гончаровъ съ шутливымъ добродушіемъ примѣнялъ къ себѣ, когда, послѣ „Обрыва“, насталъ долгій періодъ полнаго бездѣйствія его вдохновенія. Онъ ужасно тяготился этимъ бездѣйствіемъ, приписывалъ его упадку своихъ духовныхъ силъ.

— „Не могу писать, потому что ничего нѣтъ въ головѣ“, говорилъ онъ смиренно не мнѣ одному, когда его спрашивали, скоро ли появится какой-либо его новый романъ. Не столько по своей доброй волѣ, сколько, повидимому, по настоянію другихъ, смущавшихся и недоумѣвавшихъ при видѣ его полнаго бездѣйствія въ то время, когда онъ далеко еще не былъ старъ, онъ взялся за перо и написалъ „Милліонъ терзаній“. Получивъ отъ него экземпляръ этой статьи почти одновременно съ книжкой „Вѣстника Европы“, въ которой статья эта была напечатана, я вскорѣ встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Пойдя вмѣстѣ совершать свой обычный туръ—по набережной Невы до Главнаго штаба и обратно, я нашелъ его въ веселомъ и добромъ настроеніи духа. Начавъ снова писать, онъ видимо ободрился и былъ доволенъ собою, говорилъ, что, можетъ быть, напишетъ еще нѣсколько подоб-

ныхъ этюдовъ — не о новѣйшихъ писателяхъ, изъ которыхъ многихъ онъ, какъ признавался, даже вовсе не читалъ, а о тѣхъ, которыхъ читалъ и изучалъ еще въ молодости, которыхъ переживалъ въ періодъ полной энергіи своихъ художественныхъ силъ, — какихъ именно, не сказалъ. Позже, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ рѣже, и наши бесѣды были менѣе продолжительны, а особенно, когда, по причинѣ болѣзни глазъ, онъ долженъ былъ надѣть особаго рода окуляры, быстро исхудалъ до неузнаваемости и до того, что могъ ходить лишь въ сопровожденіи „няньки“, какъ онъ называлъ водившую его подъ руку даму, когда прогулки его не простирались далѣе Моховой и части Литейной,—я, встрѣчаясь съ нимъ, имѣлъ нескромность иногда спросить его о предположенныхъ имъ этюдахъ... Появились его воспоминанія о лакеяхъ, объ Иркутскѣ, архіереѣ котораго, впослѣдствіи митрополита московскаго, Иннокентія, подъ конецъ жизни подобно ему потерявшаго глаза, онъ особенно хвалилъ за его пастырскія и общечеловѣческія добродѣтели.

Настоящая статья была уже набрана и прислана мнѣ для корректуры, когда я вспомнилъ, что, написавъ ее, совершилъ актъ „нарушенія воли“ *) знаменитаго писателя, о которой, признаюсь, совершенно забылъ, когда, руководясь самыми лучшими чувствами, которыя питалъ всегда неизмѣнно къ нашему славному романисту, я рѣшилъ изложить свои воспоминанія о немъ. Подумавъ, я, однако, пришелъ къ тому убѣжденію, что мое настоящее воспоминаніе не составляетъ дѣла нехорошаго...

Запрещеніе великаго человѣка говорить о немъ въ печати даже послѣ его смерти, говорить одно хорошее, одну правду, составляетъ, по моему мнѣнію, симптомъ „болѣзни воли“, ничѣмъ не оправдываемый капризъ, совершенно однородный съ тѣмъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ, которое привело Гоголя къ сожженію второй половины „Мертвыхъ душъ“. Если Гоголя, какъ я думаю, за это „лишеніе жизни“ своего лучшаго дѣтища слѣдовало судить—духовнымъ общественнымъ судомъ, тѣмъ судомъ, какимъ судили и (по моему мнѣнію — несправедливо) осудили его за „Переписку съ друзьями“, — то воля Гончарова о томъ, чтобы о немъ никто не смѣлъ ничего сказать въ печати послѣ его смерти (если дѣйствительно такова была его предсмертная воля) по меньшей мѣрѣ не должна быть приводима въ исполненіе... Когда человѣкъ хочетъ совершить самоубійство (физическое), можно ли не „нарушить его воли“ и не слѣдуетъ ли помѣшать, по возможности, исполнить ее? А что такое—если не самоубійство, въ духовномъ

---

*) Гончаровъ, убѣжденный, что общественному вниманію и суду должны подлежать только произведенія писателя, а не его частная жизнь, выражалъ настойчивое желаніе, чтобы, послѣ его смерти, въ печати не сообщалось ничего о немъ, какъ частномъ человѣкѣ, а также, чтобы не оглашалась его переписка.

смыслѣ, — требованіе писателя, чтобы вмѣстѣ съ его физическою смертью онъ умеръ для насъ и духовно, чтобы послѣ его смерти всѣ непремѣнно забыли его свѣтлый и симпатичный образъ и отнюдь не желали воскресить его въ своихъ воспоминаніяхъ? По какому праву человѣкъ, умирая физически не по своей волѣ (по закону природы), *своею волею* хочетъ умертвить себя духовно?

Говорить о личности писателя, о его интимной жизни и внутреннемъ мірѣ противъ его желанія *при его жизни*, пожалуй, дѣйствительно предосудительно, потому что это походило бы на шантажъ. Но послѣ его смерти его личность во всемъ ея объемѣ составляетъ такое же общественное достояніе, какъ и его сочиненія,—потому что узнать его внутренній міръ, черты его жизни и характера поучительно для всѣхъ и необходимо для полнѣйшаго уразумѣнія его твореній, что составляетъ, по моему мнѣнію, непререкаемое право общества. Бывъ членомъ общества, которому сознательно служилъ своею литературною дѣятельностью, пользовавшись правами члена общества, онъ долженъ нести на себѣ и обязанности члена общества, которыя для писателя, между прочимъ, состоятъ и въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ — послѣ смерти, дать узнать себя и свой внутренній міръ возможно полно и всесторонне, — потому что, повторяю, и жизнь геніальнаго человѣка поучительна не менѣе, чѣмъ его творенія. Для того, чтобы изобразить столь геніально людей, хорошихъ и дурныхъ, какъ это сдѣлано Гончаровымъ въ его сочиненіяхъ, онъ наблюдалъ и изучалъ ихъ безъ ихъ вѣдома и, можетъ быть, противъ ихъ желанія, и никто ему въ томъ не препятствовалъ — по той простой причинѣ, что таковы условія общественности, неустранимыя и неизмѣнныя: живя среди людей, нельзя не видѣть и не узнать ихъ, равно какъ нельзя никоимъ образомъ уклониться отъ наблюденія и изученія себя другими, — для этого необходимо было бы удалиться въ добровольное одиночное заключеніе или затвориться въ „столпѣ“, по примѣру древнихъ аскетовъ. И покойный Иванъ Александровичъ, когда жилъ среди общества, не дѣлалъ изъ своей личности тайны ни для кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, а потому не могъ и отнимать права знать какъ его личность, такъ и его міросозерцаніе,—и общество, по моему мнѣнію, имѣетъ неоспоримое и неотъемлемое право отъ лицъ, его знавшихъ, ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и внѣшнею жизнію своего нравописателя, послѣ его смерти... Наконецъ, забыть того, кого любишь и уважаешь—а кто не любилъ и не уважалъ Гончарова изъ читавшихъ его сочиненія?—свыше силъ человѣческихъ, а чѣмъ больше кого любишь и чтишь, тѣмъ больше желаніе узнать о немъ возможно больше, даже не одно только хорошее. Всякій знаетъ, что и писатель — человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо...

„De mortuis aut bene, aut nihil“ (о мертвыхъ — или хорошо, или ничего), говорили древніе. Но, во-первыхъ, это говорилось не о вели-

кихъ людяхъ, а о людяхъ вообще: это было мѣстное правило общежитія, а не органическій законъ изъ кодекса узаконенныхъ естественнымъ, гражданскимъ и государственнымъ правомъ народовъ способовъ духовно-нравственнаго развитія человѣчества. Во-вторыхъ, этимъ правиломъ предписывалось говорить одно хорошее объ умершемъ, но отнюдь не запрещалось говорить о немъ вовсе... Но есть и другое изреченіе на этотъ предметъ, принадлежащее одному изъ отечественныхъ предшественниковъ Гончарова (Державину):

„За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ“...

И это желаніе, позволяющее еще при жизни писателя не только „чтить“ его, но и „глодать“, если онъ того заслуживаетъ, мнѣ кажется и гораздо естественнѣе, и разумнѣе со стороны писателя. „Глодать“ Гончарова, мнѣ кажется, не придетъ на мысль самому злому его зоилу, потому что не за что, но чтить его за слова и за дѣла — слова писателя суть также его дѣла—да будетъ позволено.

Конечно, Гончаровъ, подобно Горацію, Державину и Пушкину, могъ сказать о себѣ: „Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный... Нѣтъ, весь я не умру“,—такъ какъ его сочиненія, безъ всякаго сомнѣнія, навсегда останутся въ числѣ классическихъ произведеній нашей литературы. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что не одно печатно сказанное слово писателя составляетъ служеніе его обществу,— не то только одно, что написано имъ въ книгѣ, составляетъ его умственное богатство, долженствующее сдѣлаться достояніемъ общества и цѣлаго человѣчества. Нерѣдко, и даже очень часто, мысли, выраженныя лишь изустно, — которыхъ писатель не хотѣлъ, не успѣлъ или почему-либо не могъ изложить печатно, имѣютъ гораздо большее значеніе и достоинство, чѣмъ его печатныя произведенія. Какъ не повѣдать міру этихъ рѣчей тому, кто ихъ слышалъ и вѣрно сохранилъ въ памяти? Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду не то „нѣчто“, что сообщаю о Гончаровѣ въ своемъ „воспоминаніи“... Въ самомъ дѣлѣ — какого колоссальнаго умственнаго богатства лишилось бы человѣчество, если бы не существовало накоплявшейся вѣками массы біографическихъ матеріаловъ, изысканій, мемуаровъ, воспоминаній о великихъ людяхъ, появившихся уже послѣ ихъ смерти! Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Гейне и т. д., наши Пушкинъ, Лермонтовъ и т. д. не болѣе ли сдѣлались извѣстными міру — въ своемъ міросозерцаніи, въ своей внутренней и внѣшней жизни — послѣ ихъ смерти, нежели насколько ихъ знали при жизни по ихъ сочиненіямъ?

Н. И. Барсовъ.

3. Эпизоды изъ жизни Кольцова.

I. Дѣтство и юность.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 году, октября 2. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ ранніхъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастію, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ,—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и лужамъ, чуть было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ и долго былъ боленъ, такъ что, хотя его впослѣдствіи и вылѣчили, однако онъ всегда чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ жизни; такъ, напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади, черезъ ея голову, и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ всегда былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ: такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ,—потому что, какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ эле-

ментарнаго образованія. Мало того: изъ примѣра Кольцова, мы больше всего убѣдились въ важности элементарнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ, подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его интеллектуальному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напр., онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть исторію Кайданова, незамѣтно дѣлаются какъ бы родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ непохожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только черезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы осваиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ элементарномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать Иліады, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича,—между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ, — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орѳографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его интеллектуальной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и „Бова-королевичъ“ съ „Еруслановъ Лазаревичемъ“ составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Но вотъ особенная черта, обнаружившая въ Кольцовѣ не только пассивную и воспринимающую, но и дѣятельную фантазію: читая сказки, онъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ; а зимою посылалъ его съ приказчиками на базаръ для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста, Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи, — онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее, какъ друга:

„Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ - травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!“

Многія пьесы Кольцова отзываются впечатлѣніями, которыми подарила его степь: „Косарь“, „Могила“, „Путникъ“, „Ночлегъ чумаковъ“, „Цвѣтокъ“, „Пора любви“ и др. Почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ степь даже и не играетъ никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и въ колоритѣ, и въ тонѣ. Читая ихъ, невольно вспоминаешь, что ихъ авторъ — сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. И потому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его со степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею... Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь со степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная

натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца; сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіей натуры и сказки о Бовѣ и Еруслапѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбилась Кольцову изъ этихъ книгъ „Тысяча и одна ночь“. И немудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его, и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ, и въ городѣ, и въ степи.

До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ—и начинаетъ *пѣть* стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и риемы полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ, и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія пьесы онъ заучилъ наизусть... Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ риемами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнія для формы. Однакожъ, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи съ ряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ

таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ онъ пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса подъ названіемъ: „Три видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи, и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, — и принесъ ему „Три видѣнія“ и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: „Русская просодія“, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона. Видно, какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и, видно, его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству: онъ подарилъ ему „Русскую просодію“ и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и, сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастіемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее, и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

II. Начало литературной дѣятельности и новыя связи.

Поэтическое призваніе Кольцова было рѣшено и создано имъ самимъ. Непосредственное стремленіе его натуры преодолѣло всѣ препятствія. Это былъ поэтъ по призванію, по натурѣ, и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови, присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; приказчикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ—и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый умственными сомнѣніями и въ то же время — дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится, Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ-за копѣйки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается, какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!... Между людьми ему близкими онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ. Но у него есть книги,

„Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!“—

и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность, не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!.. За что же?.. Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности? Но, увы, удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины — значитъ не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ: онъ не взлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе—невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить? Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его своимъ достоинствомъ, вы—живой упрекъ ему! И если это невѣжество—пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который и въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностію и соображеніемъ,— тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше не нужны ему...

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не

всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впослѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ то время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журнальцѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Впослѣдствіи Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное слово „поэтъ-самоучка“, „поэтъ-прасолъ“,—и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка, хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ — на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщаніе въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ побывать къ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми,—то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой— въ немъ сильно было чувство своего человѣческаго достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ ка-

чествѣ таланта или литературной рѣдкости ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такта: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его, какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностью. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ очень хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: „Чего-де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки“. Другой, тоже очень извѣстный литераторъ, не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ—увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно; такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался предъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т.-е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьянѣніемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы, Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобъ играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства, ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его.—„Что я ему? Что такое во мнѣ?“ говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же,—

тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...

Однакожъ, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь освоивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проницательности. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впослѣдствіи...

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь—Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ... Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва Кольцовъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, которому они думали импонировать своею литературною важностію, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость...

III. Житейскій разладъ и перемѣна въ душевномъ настроеніи.

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: „Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жизнь мнѣ противу прежняго вдвое хуже; скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то

же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что ни день—то горе, что ни шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно; и я жизнію живу и тону всею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали,—о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя—и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного—некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій и вмѣстѣ—необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего—некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питеръ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморское чучело. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя: кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по-своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ отецъ со мною хорошъ; любитъ меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Степь опять очаровала меня; я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ „Пора любви“—она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить—и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей!—А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива... Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку,—наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить, да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мной довольны,

и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ—изъ ничего наживать себѣ дураковъ - враговъ. Ужъ видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ со своею мудростью и умретъ"...

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но зато поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели какъ, можетъ быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла всю его отраду; онъ любилъ еще степь, но уже не такъ, какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному... Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Прежнія знакомства, дотолѣ сносныя и, можетъ быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ,—и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ своихъ стихотвореній,—словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнію. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостью, просьбами, лестью, всякими хитростями онъ склонялъ своего отца купить ей фортепіано и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль... Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно умеръ, къ его крайнему прискорбію. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову, — вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали возвышенію его въ глазахъ согражданъ. Онъ былъ необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, на него переведены были всѣ долги, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣніи и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій—и его благосостояніе совершенно упрочивалось.

Если бы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18-ти, не раньше,—навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, и его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣйствительности. Но онъ понемногу и незамѣтно

для самого себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, — тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей, и борьба съ ними: здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ, въ степи, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, — но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надо было рѣшиться на траги-комедію, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена... Только по возвращеніи въ Воронежъ Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ расчета. При этомъ расчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ быть—и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!.. Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, проходилось ему вести ожесточенную войну...

Около этого времени къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго дохода. Къ несчастью, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое впослѣдствіи дорого ему стоило... Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и черезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любитъ одни облака и не любитъ земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна,—и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами...

Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею, былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до

отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву, эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По постройкѣ дома, онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры съ внѣшней дѣйствительностью... Но пока надо было жить, какъ судьба хотѣла.

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, и горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже.

— „Пророчески угадали вы мое положеніе“, писалъ онъ въ 1840 году въ Петербургъ, къ пріятелю: „у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдоровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ дважды два—четыре. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ и частію, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ нея, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея“...

IV. Послѣдніе годы жизни.

Осенью 1840 года снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжебнымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми, родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву—поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безо всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, приказчика, мелкаго торгаша—одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ

къ своему пріятелю: „Ахъ если бы къ вамъ поскорѣе! Если бы вы знали, какъ не хочется мнѣ ѣхать домой,—такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда; а надо ѣхать—необходимость, желѣзный законъ“... Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможнымъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. „Не хочется ѣхать“, писалъ онъ, „да и только. Вотъ пришло время—и домъ и родные не взлюбились, наконецъ. И если-бъ какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ, я бы прямо маршъ—и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя,—и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выживаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодомъ. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я, признаться, думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохватилъ меня голодъ, я и присѣлъ—и хорошо сдѣлалъ“.

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашелъ, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, и принялся ихъ устраивать. Онъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копѣйки въ карманѣ... Тогда имъ овладѣла одна мысль — устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ дурно себя чувствовать и на страстной недѣлѣ чуть не умеръ; однакожъ, кое-какъ оправился. Къ счастію, докторъ его былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его больше изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ расчета; онъ зналъ напередъ, что получитъ бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни, Кольцовъ говорилъ ему: „Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ“. Докторъ ручался за его излѣченіе.—„Когда такъ, будемъ лѣчиться“. Что терпѣлъ Кольцовъ во время болѣзни отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего

не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченія, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка! Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на нее прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургѣ: „Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте,—надолго ли?—не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще—прощайте, и въ третій разъ—прощайте. Если бъ я былъ женщина,—хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!“ А между тѣмъ все письмо проникнуто бодростью духа, надеждою и даже веселостью...

Но это выздоровленіе было только отсрочкою смерти. Для возстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а онъ его не имѣлъ. Иногда ему не на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чаю, ни сахару, ни свѣчей, а иногда ему недоставало обѣда и ужина...

Вскорѣ послѣдовала свадьба въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ. „Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противъ сердца,—довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору у насъ вечеринки каждый день—шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить—курятъ больше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть половъ — моютъ“... Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за неудовольствія, которыя ему дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. „Я теперь, слава Богу, живу покойно, смирно. Они меня не безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина, самъ большой — самъ старшой. Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше. Началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духовныхъ,—и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, съ лица зелень сошла, глаза чисты“... Въ заключеніи письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь? Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ!.. Нѣтъ, дай, Господи, умереть, а не дожить до этого полупнаго состоянія. Или жить для жизни, или — маршъ на покой!“

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресла въ немъ, какъ скоро началъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: „Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все и ѣхать въ Петербургъ? Удерживаться дома—житье-бытье мнѣ будетъ плохое. Но все, какъ ни говори, а со двора меня не сгонятъ. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаетъ лѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; скажи я имъ,— они помогутъ. Еще есть способъ уладить все—жениться. Но за то надо взять тамъ, гдѣ другимъ будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ—мнѣ не дадутъ для этого ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но, пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? — Не могу. Отъ себя заниматься?—Не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за нихъ дадутъ! И что буду за нихъ получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай—и только. Талантъ мой,—надо говорить правду, особенно теперь, въ рѣшительное время, — талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ или видѣлъ, да немного, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а въ Воронежѣ—не помню когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? Плохо!“

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27-го февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ нему, но отвѣта не было, а осенью получили мы изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей,—извѣстіе о его смерти... Поэтому подробностей о послѣднемъ времени его жизни мы не знаемъ и только можемъ предполагать, что это была продолжительная агонія, страданіе, мученичество... Онъ умеръ 19-го октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Такова была жизнь этого человѣка!

В. Г. Бѣлинскій.

---

4. Мои воспоминанія.

I. Студенческое общежитіе.

Въ сентябрѣ 1834 года я былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ московскаго университета.

Общежитіе наше называлось не бурсою, какъ принято было въ

семинаріяхъ, и не институтомъ, какъ были тогда дворянскій и педагогическій институты, а просто казенными номерами. Помѣщалось въ нихъ по комплекту полтораста человѣкъ, и именно сто студентовъ медицинскаго факультета и пятьдесятъ философскаго, раздѣлявшагося тогда на два отдѣленія—на словесное и физико-математическое. Номеровъ было около пятнадцати: одни, подъ рядъ, для медиковъ, а другіе, тоже подъ рядъ, для остальныхъ пятидесяти студентовъ.

Наше общежитіе занимало весь верхній этажъ такъ называемаго стараго зданія московскаго университета, въ отличіе отъ новаго, въ которомъ теперь читаются лекціи, и которое тогда еще не было готово. Лекціи читались въ томъ же старомъ зданіи, подъ нашими номерами, и только съ 1835 года были переведены онѣ въ новое. Къ намъ наверхъ было два входа: одинъ съ параднаго крыльца, черезъ обширныя сѣни, которыми въ послѣднее время входили въ университетскую библіотеку, а другой—со стороны задняго двора, съ праваго угла зданія.

Въ номерахъ мы проводили весь день и вечеръ до 11 часовъ, а спать уходили въ дортуары, которые были значительно больше нашихъ номеровъ и находились въ правомъ крылѣ университетскаго зданія, если смотрѣть со стороны Моховой. Номера и спальни размѣщались по обѣ стороны коридора, который тянулся по всему зданію отъ лѣваго крыла, выходившаго на Никитскую, и до праваго. Между дортуарами и номерами была большая зала, въ которую мы, проснувшись, выходили умываться. Вдоль стѣнъ ея стояли сплошные гардеробные шкафы съ нашимъ платьемъ и бѣльемъ, а посрединѣ—двѣ громадныя посудины. На каждой, въ видѣ огромнаго самовара или паровика—резервуаръ для воды, которую умывающійся добывалъ, поднимая и спуская вложенный въ отверстіе ключъ; такихъ ключей въ посудинѣ было не менѣе десяти, такъ что въ самое короткое время успѣвали умыться всѣ полтораста студентовъ. Здѣсь же цырюльники брили усы и бороду болѣе пожилымъ изъ насъ, или, точнѣе, болѣе совершеннолѣтнимъ, на которыхъ, озираясь назадъ отъ той машины во время умыванья, мы взглядывали съ уваженіемъ.

Номеръ, въ которомъ я жилъ въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ университетскаго курса, занималъ задній уголъ зданія съ окнами на Никитскую и на задній дворъ университета, гдѣ и теперь еще находится садъ, въ которомъ мы обыкновенно гуляли и, сидя на скамейкахъ, читали книги или заучивали свои лекціи.

Пить чай, обѣдать и ужинать мы спускались въ нижній этажъ, въ громадную залу, въ которой за столами, разставленными въ два ряда, могли свободно размѣститься мы всѣ, въ числѣ полутораста человѣкъ.

Чтобы не пропускать ничего, надобно прибавить, что въ томъ же верхнемъ этажѣ, при нашихъ номерахъ, находились еще двѣ комнаты: одна, побольше,—для нашей библіотеки, такъ сказать, фундаменталь-

ной, съ книгами болѣе дорогими и многотомными, а другая поменьше, съ однимъ окномъ, выходящимъ на задній дворъ съ садомъ—для карцера. Съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ попечителемъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ въ 1835 г., вмѣстѣ съ инспекторомъ Платономъ Степановичемъ Нахимовымъ, комнатка эта навсегда оставалась пустою.

Живя въ своихъ номерахъ, мы были во всемъ обезпечены и, не заботясь ни о чемъ, безъ копейки въ карманѣ, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многіе изъ своекоштныхъ. Все было казенное, начиная отъ одежды и книгъ, рекомендованныхъ профессорами для лекцій, и до сальныхъ свѣчей, писчей бумаги, карандашей, чернилъ и перьевъ съ перочиннымъ ножичкомъ: тогда еще перья были гусиныя, и надо было ихъ чинить. Безъ нашего вѣдома намъ мѣнялось бѣлье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундирѣ. Въ номерѣ помѣщалось столько студентовъ, чтобы имъ было не тѣсно. У каждаго былъ свой столикъ (конторки были заведены уже послѣ). Его доска настолько была велика, что можно было удобно писать, разставивъ локти; подъ доскою былъ выдвижной ящикъ для тетрадей, писемъ и всякой мелочи, а нижнее пространство со створчатыми дверцами было перегорожено полкою для книгъ; можно было бы класть туда что-нибудь и съѣстное или сласти, но этого не было у насъ въ обычаѣ, и мы даже гнушались такого филистерскаго хозяйства; если случалось что купить съѣстного, мы предпочитали истреблять тутъ же или на улицѣ. Въ нашемъ номерѣ былъ только одинъ запасливый студентъ, изъ математиковъ: онъ какъ-то ухищрялся экономить свои сальныя свѣчи и такимъ образомъ держалъ въ своемъ столикѣ всегда порядочный ихъ запасъ и ссужалъ того изъ насъ, у кого не хватало свѣчи.

Столики были разставлены аршина на два съ половиной другъ отъ друга вдоль стѣнъ, но такъ, чтобы садиться лицомъ къ окну, а спиною ко входной двери, ведущей въ коридоръ. Вдоль глухой стѣны помѣщался широкій и очень длинный диванъ съ подушкой, обтянутой сафьяномъ, такъ, чтобы двое могли улечься въ растяжку головами врозь, не толкая другъ друга ногами. Надъ диваномъ висѣло большое зеркало; впрочемъ, не помню, чтобы кто-нибудь изъ насъ интересовался своей личностью и любовался на себя въ зеркало.

Въ помѣщеніи, гдѣ съ утра и до поздней ночи собрано до десятка веселыхъ молодыхъ людей, никакими стараніями нельзя водворить надлежащую тишину и спокойствіе. У насъ въ номерѣ не выпадало ни одной минуты, въ которую пролетѣлъ бы надъ нами тихій ангелъ. Постоянно въ ушахъ гамъ, стукотня и шумъ. Кто шагаетъ взадъ и впередъ по своему номеру, кто бранится со своимъ сосѣдомъ, а то музыкантъ пилитъ на скрипкѣ или дудитъ на флейтѣ... Привычка — вторая натура, и каждый изъ насъ, не обращая вниманія на

оглушительную атмосферу, усердно читалъ свою книгу или писалъ сочиненіе. Такъ привыкаютъ къ мельничному грохоту, и самая тишина въ природѣ, по ученію древнихъ философовъ, есть не что иное, какъ сладостная гармонія безконечно разнообразныхъ звуковъ. Я не отвыкъ и до глубокой старости читать и писать, когда кругомъ меня говорятъ, шумятъ и толкутся.

Для сношеній съ начальствомъ по нуждамъ товарищей и для какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, въ каждомъ номерѣ выбирался одинъ изъ студентовъ, который назывался старшимъ. Онъ же призывался къ отвѣту и за безпорядокъ или шалость, выходящіе изъ предѣловъ дозволеннаго. Послѣдніе два года до окончанія курса старшимъ студентомъ былъ назначенъ я.

Ближайшимъ начальствомъ нашимъ былъ дежурный субъ-инспекторъ. Тутъ же изъ коридора былъ для него небольшой кабинетъ, нѣчто въ родѣ канцеляріи, такъ что во всякое время каждый студентъ могъ обратиться къ нему съ своимъ дѣломъ.

Наши дни и часы были подчинены строгой дисциплинѣ. Мы вставали въ семь часовъ утра, въ восемь пили въ столовой чай съ булками, а въ девять отправлялись на лекціи; возвращались въ два часа и въ половинѣ третьяго обѣдали, а въ восемь ужинали, въ одиннадцать ложились спать. Кто не обѣдалъ или не ужиналъ дома, долженъ былъ предварительно увѣдомить объ этомъ дежурнаго субъ-инспектора, а также испросить у него разрѣшеніе переночевать у родныхъ или знакомыхъ съ сообщеніемъ адреса, у кого именно.

Кормили насъ недурно. Мы любили казенныя щи и кашу, но говяжьи котлеты казались намъ сомнительнаго достоинства, хотя и были сильно приправлены бурой болтушкой съ корицею, гвоздикою и лавровымъ листомъ. Изъ-за этихъ котлетъ случались иногда за обѣдомъ исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами всегда были медики. Дѣло начиналось глухимъ шумомъ; дежурный субъ-инспекторъ подходитъ и спрашиваетъ, что тамъ такое; ему жалуются на экономa, что онъ кормитъ насъ „падалью“. Обвиняемый является на судъ, и начинается расправа, которая обыкновенно ни къ чему не приводила. Хорошо помню эти исторіи, потому что и мнѣ, и многимъ другимъ изъ насъ онѣ очень не нравились по грубости и цинизму.

Въ финансовомъ отношеніи значительно отличались казеннокоштные студенты двухъ младшихъ курсовъ отъ старшихъ: первые пробавлялись немногими рублями, изрѣдка получаемыми отъ родителей или родственниковъ, а послѣдніе могли добывать очень крупныя, въ нашихъ глазахъ, суммы отъ уроковъ; медики же, кромѣ того, промышляли и практикою.

Кто бы изъ товарищей по номеру ни получилъ денегъ, это событіе доставляло общую радость всѣмъ намъ, и особенно ближайшему другу счастливаго получателя. И вотъ начинается забавная и трога-

тельная процедура полученія присланной суммы. Изъ университета надо итти на Мясницкую въ почтамтъ съ повѣсткою; но вѣдь тамъ толкотня, народу гибель, какъ разъ вытащатъ изъ кармана драгоцѣнный конвертъ. Надо итти вдвоемъ; и получатель, подъ охраною своего товарища, выноситъ изъ толпы пять или много десять рублей ассигнаціями. Теперь новая забота: ассигнація слишкомъ крупна для издержекъ, надо ее теперь же размѣнять. Для этой цѣли мы обыкновенно заходили въ трактиръ, что наискосокъ противъ почтамта, и тамъ съѣдали цѣлую порцію чего-нибудь на цѣлый двугривенный или на четвертакъ.

Разсказываю всѣ эти мелочи для того, чтобы дать вамъ понятіе, какъ лишенія и нужда, давая цѣну избытку, воспитывали въ насъ способность умѣючи распоряжаться своими средствами, отдавать въ нихъ себѣ отчетъ и, довольствуясь малымъ, быть счастливыми.

Впослѣдствіи, съ третьяго и даже со второго курса, мы, какъ сказано, стали богатѣть и могли уже позволять себѣ нѣкоторую роскошь, а именно, соединяя пріятное съ полезнымъ, иной разъ, какъ говорится, покутить — не въ одиночку, а всегда въ товариществѣ, не забывая при этомъ излишекъ суммы употребить на пріобрѣтеніе любимыхъ книгъ; такъ, напр., будучи уже на второмъ курсѣ, я купилъ себѣ на французскомъ языкѣ „Эрнани“ Виктора Гюго и на нѣмецкомъ— „Фауста“ Гете.

Дружескія отношенія, скрѣпляемыя общими интересами, согласіемъ въ идеяхъ и стремленіяхъ, взаимною симпатіею, даже самою привычкою жить сообща, преимущественно ограничивались тѣснымъ кругомъ товарищей нашего номера. До извѣстной степени все это нѣсколько обусловливалось возрастомъ и временемъ совмѣстнаго пребыванія въ номерѣ, то-есть или четыре года цѣлаго курса, или одинъ, два года.

II. Послѣднее свиданіе съ матерью.

Опасаясь нарушить порядокъ моихъ студенческихъ занятій и желая сколько возможно больше провести время вмѣстѣ со мною, моя матушка выбрала для поѣздки въ Москву рождественскіе праздники. Она пріѣхала ко мнѣ въ половинѣ декабря 1835 г., оставалась со мною до конца января 1836 г. и все это время гостила у Маріи Андреевны Владыкиной, которая квартировала въ Зубовѣ, у Неопалимой Купины. На все время этихъ праздниковъ, продолжавшихся для университета около трехъ недѣль, и я изъ своего студенческаго номера перебрался къ Владыкинымъ, чтобы пожить съ матушкой, какъ жилось намъ, говорилось и чувствовалось въ родной нашей Пензѣ. Разумѣется, и въ будничные дни лекцій я улучалъ себѣ каждый возможный часъ и шелъ къ ней въ Зубово съ своими тетрадками и книжками.

Когда я представляю себѣ всѣ эти дни и недѣли сполна и огу-

ломъ, мнѣ мерещится смутная путаница святочныхъ вечеровъ, съ знакомыми гостями и съ незнакомыми наѣзжими посѣтителями въ маскахъ и разнокалиберныхъ костюмахъ, съ играми въ фанты и со всевозможными святочными гаданіями, потомъ ложа Большого театра съ пѣніемъ тенора Бантышева: „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ“—въ „Аскольдовой могилѣ“, съ роковыми словами Мочалова: „Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ“—въ „Гамлетѣ“, потомъ... но всего не перечтешь. Въ этомъ перепутанномъ клубкѣ всякихъ подробностей съ оторванными концами я не умѣю отыскать нити, по которой въ послѣдовательномъ порядкѣ я могъ бы разсказать вамъ, какъ день за день проводили мы съ матушкой все это время. Да вообще—взаимныя чувства матери и сына послѣ долгой разлуки и въ краткій срокъ желанной встрѣчи трудно поддаются описанію,—по крайней мѣрѣ, мнѣ не по силамъ.

Изъ того, что неотвязчиво копышится въ моей памяти и ярко всплываетъ въ воображеніи, сообщу вамъ слѣдующіе три эпизода.

Во-первыхъ, въ одинъ изъ долгихъ зимнихъ вечеровъ въ маленькой комнаткѣ мезонина, у Неопалимой Купины, сижу я за столомъ и пишу, составляя лекцію по черновымъ наброскамъ, наскоро начерченнымъ каракулями со словъ профессора. То была лекція Михаила Петровича Погодина. О чемъ была она, я рѣшительно забылъ, но живо и ясно помню и до сихъ поръ тѣ душевныя волненія, которыя въ тотъ вечеръ я перечувствовалъ. Я одинъ-одинехонекъ, около меня тихо—и снаружи, въ глухомъ переулкѣ, и внутри, по комнатамъ мезонина; всѣ домашніе собрались внизу,—можетъ быть, съ гостями; тамъ же и матушка. А я сижу себѣ и по складамъ разбираю свои мудреные іероглифы, и изъ каждой каракульной черточки, будто изъ музыкальной ноты, извлекаю себѣ по словечку, и каждое словечко звучитъ въ моихъ ушахъ голосомъ самого профессора, какъ онъ произнесъ его мнѣ на лекціи. Вдругъ входитъ матушка; я оставляю работу, и начинается разговоръ. Ей интересно знать, что я пишу, и я подробно разсказываю ей содержаніе всей лекціи, будто профессору на экзаменѣ, и, чѣмъ больше она заинтересовывается, тѣмъ сильнѣе я одушевляюсь, и изъ роли студента перехожу въ роль Михаила Петровича, котораго и тогда я уже такъ полюбилъ. Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется и, наконецъ, не вытерпѣла—расхохоталась, обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Ей и радостно, и ужъ очень смѣшно, какъ ея милый сынокъ корчитъ изъ себя ученаго мужа и профессора. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру, и первымъ лицомъ изъ всѣхъ моихъ слушателей и слушательницъ была моя матушка.

Второй эпизодъ — въ нашемъ студенческомъ номерѣ казеннаго общежитія, около трехъ часовъ пополудни. Пообѣдавъ, мы только что вернулись изъ столовой. Въ комнатѣ толкотня, какая бываетъ обыкновенно, когда только что войдутъ въ нее нѣсколько человѣкъ, и никто

не успѣетъ еще приняться за свое дѣло. Вдругъ между нами является моя матушка. Она поджидала нашего возвращенія въ прихожей, ведущей въ коридоръ, и вошла вслѣдъ за нами. Она намѣренно назначила себѣ этотъ часъ, чтобы не помѣшать нашимъ занятіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взять меня съ собою на весь вечеръ въ Зубово. Мнѣ извѣстно было ея намѣреніе посѣтить нашъ номеръ, но я не зналъ навѣрное, когда именно будетъ оно ею исполнено. Появленіе дамы въ стѣнахъ нашего студенческаго общежитія было такою необычайностью, что поступокъ моей матушки въ теченіе всего четырехлѣтняго пребыванія въ этихъ стѣнахъ оказался единственнымъ исключеніемъ. Ласково привѣтствуя моихъ товарищей, она выразила опасеніе, не помѣшала ли она, и извиняла себя тѣмъ, что желала увидѣть своими глазами, гдѣ и какъ живетъ ея сынъ, и лично познакомиться съ его товарищами, о которыхъ она такъ много хорошаго отъ него наслышалась. Въ отвѣтъ на эти привѣтливыя слова стѣснительная принужденность моихъ товарищей, вызванная этою непривычною случайностью, замѣнилась услужливою вѣжливостью: кто снимаетъ съ нея салопъ и кладетъ на диванъ, кто принимаетъ отъ нея скинутый ею съ головы капоръ, кто придвигаетъ ей стулъ къ моему столику, чтобы сѣсть ей рядомъ со мною. Находясь въ такомъ исключительномъ положеніи между своими товарищами, я былъ чрезчайно взволнованъ, и, разумѣется, не могу теперь припомнить ни слова изъ бесѣды, которую вела матушка со мною и съ моими товарищами. Желая знать все, что касается меня, она должна была непремѣнно увидѣть, какія вещи и какъ берегутся у меня въ ящикѣ и на нижнихъ полочкахъ моего столика. Товарищи помогали мнѣ вытаскивать оттуда бумагу, перья, носовые платки, книги. Между ними было карманное изданіе сочиненій Шиллера въ нѣсколькихъ томикахъ, которое я пріобрѣлъ на вырученныя уроками деньги; при этомъ матушка говорила товарищамъ, что знаніемъ нѣмецкаго языка я обязанъ пензенскому учителю Зоммеру, и присовокупила, что, воротившись изъ Москвы домой, какъ порадуетъ она его, разсказавъ ему обо всемъ... Это посѣщеніе университета моею матушкою принесло мнѣ великую пользу, внушивъ убѣжденіе и товарищамъ моимъ, и непосредственному, ближайшему начальству, что сынъ такой разсудительной и заботливой матери не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ.

Третій эпизодъ—самый коротенькій. Матушка уѣзжаетъ отъ меня изъ Москвы. Я ее провожаю, сижу рядомъ съ нею въ крытыхъ саняхъ. Изъ Зубова, направляясь къ Рогожской заставѣ, мы ѣхали, вѣроятно, по Пречистенкѣ, потому что очутились на набережной Москвы-рѣки у Тайницкихъ воротъ кремлевской стѣны. Только это одно и помню... Здѣсь мы должны были разстаться. Прощаясь со мною, она благословила меня послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ... Въ трудныя и горькія минуты жизни всегда укрѣпляло, спасало и утѣшало меня это послѣднее ея благословеніе.

Задолго до поѣздки моей матушки въ Москву, еще въ іюлѣ 1835 г., я писалъ къ ней о моемъ рѣшительномъ намѣреніи въ теченіе года отъ уроковъ скопить себѣ столько денегъ, чтобы на слѣдующее лѣто 1836 г. я могъ побывать у ней въ Пензѣ. Вотъ что отвѣчала она въ письмѣ отъ 6 августа 1835 г.:

— „Ты угадалъ, мой другъ Ѳедюша, что очень обрадуешь меня. Да и какъ не радоваться намъ, мой другъ: твое счастіе—и мое тутъ же, твоя радость—и моя вмѣстѣ. Господь услышалъ наши малыя молитвы, и я начинаю чувствовать радость, для меня еще новую. Я вами маленькими только любовалась и радовалась, смотря на васъ; но теперь моя радость большую отъ той имѣетъ разницу. Мой сынъ одинъ, уже безъ подпоры слабой руки матери, живетъ цѣлый годъ, и о немъ я слышу радостныя, лестныя, усладительныя для матери извѣстія. Обними меня, расцѣлуй, мой милый, за все то, что я о тебѣ слышу. Ты заслуживаешь, если бы можно, удесятерить мою любовь къ тебѣ; но любовь моя къ тебѣ сильна и возвыситься уже не можетъ больше... Въ саду у насъ яблоковъ довольно. Какъ досадно, что ты не можешь ничѣмъ пользоваться. Ну, зато, если Богу угодно будетъ, чтобы ты былъ на будущій годъ, тебѣ, я думаю, всякое кислое яблоко съ своей яблони будетъ тогда казаться вкуснѣе московскихъ персиковъ. Да, мой другъ, мнѣ очень хочется, чтобы ты былъ на будущій годъ въ Пензѣ. Боюсь загадывать. Но если не будешь—нѣтъ, непремѣнно ты долженъ быть у насъ. Да и не такъ тяжелъ будетъ проѣздъ. Васъ много тамъ: если троимъ ѣхать, то очень дешево будетъ, а особенно—когда ты самъ будешь хлопотать, чтобъ легче сдѣлать для меня твой переѣздъ къ намъ“.

Лѣтомъ 1836 г. я пріѣхалъ въ Пензу и не засталъ уже моей матушки въ живыхъ: она скончалась, заразившись горячкой отъ одной своей пріятельницы, за которою неусыпно ухаживала нѣсколько дней до самой ея смерти... Какъ жила на землѣ, такъ и отошла въ вѣчность моя матушка, принеся себя въ жертву милосердію и состраданію къ ближнимъ.

III. Изъ жизни Гоголя въ Римѣ.

Къ великой моей радости, пріѣхалъ въ Римъ мой университетскій товарищъ Василій Ивановичъ Пановъ и тотчасъ же отыскалъ меня. Такъ и хлынуло на меня родною атмосферою нашихъ аудиторій, гдѣ мы оба воодушевлялись лекціями Шевырева, Погодина и Крюкова. Онъ говорилъ мнѣ о Москвѣ, о нашихъ товарищахъ и друзьяхъ, а я — о чудесахъ Рима, предлагая ему свои услуги быть его проводникомъ по римскимъ галлереямъ, музеямъ, церквамъ, дворцамъ, виллламъ и развалинамъ. На первый разъ онъ помѣстился въ гостиницѣ, но вскорѣ нанялъ себѣ очень помѣстительную квартиру близехонько отъ меня на via Sistina, въ той ея половинѣ, которая спускается отъ Capo-le-Case

къ площади Барберини, на лѣвой сторонѣ, если итти отъ меня. Вы не осудите меня за эти топографическія подробности, когда узнаете, что домъ, гдѣ занималъ квартиру мой милый Пановъ, долженъ быть памятенъ и дорогъ сердцу всякаго русскаго человѣка, который любитъ и высоко цѣнитъ свое отечество...

Однажды утромъ, въ праздничный день, сговорились мы съ Пановымъ итти за городъ, и именно—хорошо помню и теперь—въ виллу Albani, которую особенно часто посѣщалъ я. Положено было сойтись намъ въ cafe Greco, куда въ эту пору дня обыкновенно собирались русскіе художники. Когда явился я въ кофейню, человѣкъ пять-шесть изъ нихъ сидѣли вокругъ стола, приставленнаго къ двумъ деревяннымъ скамьямъ, которыя соединяются между собою тамъ, гдѣ стѣны образуютъ уголъ комнаты. Это было налѣво отъ входа. Собесѣдники болтали и шумѣли: это былъ народъ веселый и беззаботный. Только въ томъ углу сидѣлъ, сгорбившись надъ книгою, какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и въ теченіе получаса, пока я поджидалъ своего Панова, онъ такъ погруженъ былъ въ чтеніе, что ни разу ни съ кѣмъ не перемолвился ни единымъ словомъ, ни на кого не обратилъ хоть минутнаго взгляда, будто окаменѣлъ въ своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы съ Пановымъ вышли изъ кофейни, онъ спросилъ меня: „Ну, видѣлъ? Познакомился съ нимъ? Говорилъ?“ Я отвѣчалъ отрицательно... Оказалось, что я цѣлыхъ полчаса просидѣлъ за столомъ съ самимъ Гоголемъ. Онъ читалъ тогда что-то изъ Диккенса, которымъ, по словамъ Панова, въ то время былъ онъ заинтересованъ. Замѣчу мимоходомъ, что по этому случаю узналъ я въ первый разъ имя великаго англійскаго романиста: такъ и осталось оно для меня навсегда въ соединеніи съ наклоненною надъ книгой фигурою въ полусвѣтѣ темнаго угла.

Когда Пановъ устроился въ своей квартирѣ, Гоголь поселился у него и прожилъ вмѣстѣ съ нимъ всю зиму 1840—1841 г.г. На все это время Пановъ, забывая, что живетъ въ Римѣ, вполнѣ предался неустаннымъ попеченіямъ о своемъ дорогомъ гостѣ, былъ для него и радушнымъ, щедрымъ хозяиномъ, и заботливою нянею, когда ему нездоровилось, и домашнимъ секретаремъ, когда нужно было что переписать, даже услужливымъ приспѣшникомъ на всякую мелкую потребу.

Въ жизни великаго писателя всякая подробность можетъ имѣть важное значеніе, особенно если она касается литературы. Гоголь желалъ познакомиться съ лирическими произведеніями Франциска Ассизскаго, и я черезъ Панова доставилъ ихъ ему въ изданіи старинныхъ итальянскихъ поэтовъ.

Какъ-то случилось, что въ теченіе двухъ или трехъ недѣль ни разу не привелось намъ съ Пановымъ видѣться: ко мнѣ онъ пересталъ заходить, я нигдѣ его не встрѣчалъ, спрашивалъ о немъ у нашихъ общихъ знакомыхъ, но и отъ нихъ о немъ ни слуху, ни духу,—совсѣмъ

запропастился... Наконецъ, является ко мнѣ, но такой странный и необычный, какимъ я его никогда не видывалъ: умиленный и просвѣтленный, будто какая благодать снизошла на него съ неба; я спрашиваю его: „Что съ тобой? Куда ты дѣвался?“

— „Все это время“, отвѣчалъ онъ, „былъ я занятъ великимъ дѣломъ,—такимъ, что ты и представить себѣ не можешь; продолжаю его и теперь“.

И говоритъ онъ это такъ сдержанно, таинственно, чуть не шопотомъ, чтобы кто не похитилъ у него сокровище, которое переполняетъ его душу свѣтлою радостью. Будучи погруженъ въ свои римскіе интересы, я подумалъ, что гдѣ-нибудь въ развалинахъ откопанъ новый Лаокоонъ или новый Аполлонъ Бельведерскій, и что теперь пришелъ Пановъ сообщить мнѣ объ этой великой радости.

— „Нѣтъ, совсѣмъ не то“, отвѣчалъ онъ: „дѣло это наше родное, русское. Гоголь написалъ великое произведеніе, лучше всѣхъ Лаокооновъ и Аполлоновъ; называется оно: „Мертвыя души“, а я его теперь переписываю набѣло“.

Тутъ въ первый разъ услышалъ я загадочное названіе книги, которая стала потомъ драгоцѣннымъ достояніемъ нашей литературы, и сначала вообразилъ себѣ, что это какой-нибудь фантастическій романъ или повѣсть въ родѣ „Вія“; но Пановъ разувѣрилъ меня,—однако, не могъ ничего сообщить мнѣ о содержаніи новаго произведенія, потому что Гоголь желалъ сохранить это дѣло въ тайнѣ...

Въ концѣ прошлаго столѣтія, во время своего пребыванія въ Римѣ, Гёте жилъ на Корсо въ одномъ изъ домовъ, на стѣнѣ котораго теперь красуется надпись на мраморной доскѣ, извѣщающая всѣхъ и каждаго, что здѣсь жилъ когда-то великій поэтъ Гёте. Зиму 1874—1875 г.г. я провелъ вмѣстѣ съ женой въ Римѣ, и мы напрасно отыскивали тотъ домъ, въ которомъ нашъ Гоголь изготовлялъ свои „Мертвыя Души“ для печати. Тогда я обратился къ скульптору Антокольскому, и онъ обѣщалъ навести точныя справки объ этомъ домѣ съ тѣмъ, чтобы на стѣнѣ его помѣстить такую же мраморную доску съ надлежащею надписью. Не знаю, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе. Если кому изъ васъ угодно будетъ освѣдомиться о мѣстожительствѣ Гоголя въ Римѣ зимою 1840—1841 г.г., я долженъ предупредить васъ, что нижняя половина улицы Систины называлась тогда via Felice.

Ѳ. И. Буслаевъ.

---

5. Майскія рекреаціи.

Лучшими днями нашей жизни въ Коломенской семинаріи были майскія рекреаціи. Это дни ученическихъ гуляній и игръ, предписанные преданіемъ отъ старыхъ временъ. Число этихъ дней не опредѣля-

лось, и не пріурочивались они къ опредѣленнымъ числамъ мѣсяца; зависѣло отъ погоды, и съ окончаніемъ апрѣля ребята молили Бога, чтобы май вышелъ благопріятный: чѣмъ болѣе ясныхъ, теплыхъ дней, тѣмъ на бо́льшее число рекреацій надежда. Не одинъ выбѣгалъ вечеромъ 30 апрѣля на дворъ и улицу всмотрѣться въ небо, каково-то оно будетъ завтра.

Въ четыре часа утра всѣ бурсаки уже на ногахъ; черезъ часъ, черезъ полтора дворъ училища наполненъ, собрались отовсюду. Начинаются совѣщанія: просить или не просить, такъ какъ рекреаціи давались не по назначенію начальника, а по просьбѣ учениковъ. Правда, въ просьбѣ можетъ быть отказано, но могутъ ее и уважить; а нужно знать совѣсть—нельзя же просить двадцати рекреацій. Погода хороша, но не вполнѣ: облачка ходятъ, вѣтеръ подуваетъ холодный. Сегодня получимъ—настоящаго гулянья не будетъ по холодной погодѣ; а придутъ хорошіе дни—отнимемъ сами у себя право просить... Но рѣшено: просить. Выстраиваются ученики, начиная съ младшихъ, по пяти или шести въ рядъ, длиннымъ хвостомъ предъ окномъ ректора и поютъ: „Reverendissime pater rector, illustrissime protopresbyter et magister, rogamus primam recreationem“ *).

Вмѣсто primam (первой) пѣли secundam, tertiam (второй, третьей) и т. д., по счету рекреацій. Потомъ уже не считали, а пѣли postremam (послѣднюю) recreationem. Но не довольствовались. Дни стоятъ чудные, а еще двадцатыя только числа. Поднимались на простодушныя хитрости; просили снова ultimam recreationem (крайнюю), затѣмъ posterrimam (самую послѣднюю).

Только шесть часовъ утра, да и ихъ еще нѣтъ. Позже начинать просьбу опасно. Преданіе разрѣшаетъ просить только до звонка, который пробьетъ въ восемь часовъ; тогда пѣніе должно прекратиться, вся ватага обязана разойтись по классамъ. А до того времени пойдутъ еще переговоры. Ректоръ можетъ находить просьбу излишнею или неблаговременною. Нужно его убѣждать и просить, можетъ быть—неоднократно.

Поютъ, тянутъ медленно, торжественнымъ напѣвомъ, который раздается чуть не по всему городу. Пѣніе продолжается и повторяется. Вотъ отворяется окно второго этажа, къ которому направлена просьба. Стало быть, отпустятъ безъ разговоровъ? радостно мелькаетъ у каждаго—и бодрѣе выпѣвается слогъ, на которомъ застало отворяемое окно... Ахъ, нѣтъ! Это теща ректора, въ кацавейкѣ, отороченной горностаемъ, полусонными глазами выглянула посмотрѣть на невиданную ею картину (она москвичка). Вялѣе потянулось пѣніе; окно затворилось.

Наконецъ кличутъ: „Старшихъ!“ Отправляются „старшіе“ къ ректору

*) Досточтимѣйшій отецъ ректоръ, блистательнѣйшій протоіерей и магистръ, просимъ первой рекреаціи.

для переговоровъ и торговли. Ученики и ректоръ торгуются. Нехорошій день, урокъ сегодняшній очень нужный, плохо прошлую недѣлю занимались, успѣете—такъ усовѣщиваетъ одна сторона; другая возражаетъ обѣщаніями, что въ слѣдующіе дни налюбуются ихъ занятіями, что день разгуляется, сегодня онъ притомъ скоромный, а назначено между прочимъ итти въ деревню туда-то, хлебать молоко; или—постный, и приготовились ловить рыбу и взяли уже бредень на подержаніе, потратились уже, и все пропадетъ... Но нужно ли перечислять всѣ доводы и съ той, и съ другой стороны? Бывало, и строго даже крикнетъ ректоръ: „Чтобъ разойтись сейчасъ; вотъ я васъ, не смѣть!“ Но это ничего: поютъ, все поютъ; и еще разъ позовутъ, и еще разъ побранятъ или постращаютъ; но можетъ кончиться разрѣшеніемъ — и кончалось. Отворится окно; ректоръ подойдетъ и благословитъ.—„Gratias agimus“ (благодаримъ), троекратно пропоютъ ребята на благословеніе и разбѣгутся... Въ ушахъ и теперь у меня раздаются полѣдніе два слога благодарности, которые пѣлись уже на бѣгу: „gi-mu-u-us“; это „u-u-us“ оканчивалось съ постепеннымъ пониженіемъ тона и ослабленіемъ напряженія.

Начинаются совѣщанія, въ чемъ провести день. Впрочемъ, большею частію это обдумано и рѣшено заранѣе; программа извѣстна. Часть отправится въ Таборы (подгородный лѣсъ), въ лапту играть; другая, можетъ быть, бо́льшею ватагою—на рыбную ловлю, а то просто на катанье по рѣкѣ; можетъ быть, нѣкоторыми устроена будетъ колоссальная игра въ бабки и пр. Играть и даже дурачиться можно во весь день нараспашку. Содѣянные въ этотъ день даже грѣхи не вспоминаются; это не честно и не бываетъ; начальство, даже видя проступокъ, должно пройти, не показывая вида, что замѣчаетъ. Но проступиться чѣмъ-нибудь важнымъ и подло. Это знаютъ сами гуляющіе и свято блюдутъ. Не гоже оскорблять святыню праздника. Въ древніе времена митрополитъ Платонъ самъ участвовалъ въ семинарскихъ рекреаціяхъ, гуляя съ семинаристами на Корбухѣ (въ лѣсу между Троицкой Лаврой и Виѳаніей), одѣлялъ гуляющихъ лакомствами, слушалъ ихъ пѣсни и канты, смотрѣлъ ихъ игры и поощрялъ.

Обычай рекреацій тѣмъ именно почтенъ, что не давалъ подъ дисциплиной угасать чувству личной самостоятельности; оставлялъ впечатлѣніе, что училищный порядокъ есть только дисциплина, а не оковы: „Ну, вотъ, расправляйте крылья, играйте, бѣситесь; отвѣтственность за благопристойность возлагается на васъ самихъ; мы перестаемъ быть на эти дни начальствомъ для васъ“... А какое освѣжающее чувство оставляли въ ученикахъ эти дни разгула, назначаемые не по командѣ и проводимые внѣ команды!

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

6. Изъ статьи „Въ университетѣ".

I. Студенчество въ тридцатыхъ годахъ XIX ст.

Меня влекутъ воспоминанія о лучшей порѣ жизни—молодости—и объ ея наилучшей части—университетскихъ годахъ. Благороднѣе, чище, выше этихъ воспоминаній у меня, да пожалуй и у всякаго студента, въ молодости не было.

Мы, юноши, смотрѣли тогда на университетъ, какъ на святилище, и вступали въ его стѣны со страхомъ и трепетомъ.

Я говорю о московскомъ университетѣ, на которомъ, какъ на всей Москвѣ, по словамъ Грибоѣдова, лежалъ особый отпечатокъ. Впрочемъ, всякій изъ нашихъ университетовъ, если пристально и тонко вглядываться въ ихъ питомцевъ, сообщаетъ послѣднимъ нѣкоторое мѣстное своеобразіе.

Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семействъ и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, — можетъ быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ, при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ: въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія нравовъ и привычекъ, являлись, конечно, и мало подготовленные къ серьезному ученію, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы; иногда пробѣгали въ городѣ—впрочемъ рѣдкіе, слухи о шумныхъ пирушкахъ, о шалостяхъ въ родѣ, напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ или задорныхъ пререканій съ полиціею и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества.

Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы. Юноша совершалъ первый сознательный актъ своей воли, приходилъ въ университетъ самъ, его не отдаютъ родители, какъ въ школу... Далѣе слѣдуютъ шаги все свободнѣе и сознательнѣе; свободный выборъ науки, требующій сознательнаго взгляда на свое влеченіе къ той или другой отрасли знанія, и зарождавшееся отъ того опредѣленіе своего будущаго призванія—все это захватывало не только умъ, но и всю молодую душу. Университетъ отворялъ ему широкія ворота не въ одну научную сферу, но и въ самую жизнь. Съ учебной

почвы онъ ступаетъ на ученую. Умственный горизонтъ его раздвигается, передъ нимъ открываются перспективы и параллели наукъ и вся безконечная даль знанія, а съ нею и настоящая, законная свобода — свобода науки...

II. Пушкинъ въ аудиторіи.

Пушкина привезъ къ намъ на лекцію министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ. Когда онъ вошелъ вмѣстѣ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга; на меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданія („Евгенія Онѣгина“, „Полтавы“ и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе.

Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти... И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи — передо мною въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы.

— „Вотъ вамъ теорія искусства“, сказалъ Уваровъ обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова,—„а вотъ и самое искусство“, прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу,—очевидно, заранѣе приготовленную.

Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію послѣ Давыдова проф. Каченовскій. Нечаянно между ними завязался по поводу „Слова“ разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ.

— „Подойдите ближе, господа: это для васъ интересно“, пригласилъ насъ Уваровъ,—и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе — видѣть и слышать нашего кумира...

Я не припомню подробностей ихъ состязанія—помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древнерусскаго эпоса. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать... Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ.

Съ перваго взгляда наружность его казалась невзрачною: средняго роста, худощавый, съ мелкими чертами смуглаго лица. Только когда вглядишься пристально въ глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство въ этихъ глазахъ, которыхъ потомъ не забудешь. Въ позѣ, въ жестахъ, сопровождавшихъ его рѣчь, была сдержанность свѣтскаго, благовоспитаннаго человѣка. Лучше всего, по-моему, напо-

минаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго. Во всѣхъ другихъ копіяхъ у него глаза сдѣланы слишкомъ открытыми, почти выпуклыми, носъ выдающимся—это невѣрно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорціональная лицу голова, съ негустыми, кудрявыми волосами.

И. А. Гончаровъ.

---

7. Литературныя воспоминанія.

I. Знакомство съ Достоевскимъ и Некрасовымъ.

Сближеніе мое съ Ѳ. М. Достоевскимъ началось едва ли не съ перваго дня поступленія въ инженерное училище. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полустолѣтія, но хорошо помню, что изо всѣхъ товарищей юности я никого такъ не полюбилъ и ни къ кому такъ не привязывался, какъ къ Достоевскому. Казалось, онъ сначала отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, несмотря на врожденную сдержанность характера и отсутствіе юношеской экспансивности—откровенности. Ѳ. М. уже тогда выказывалъ черты необщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста; вскорѣ нашлось такое мѣсто и надолго стало его любимымъ: глубокій уголъ четвертой камеры съ окномъ, смотрѣвшимъ въ Фонтанку; въ рекреаціонное время его всегда можно было тамъ найти и всегда съ книгой.

Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крайнею мягкостью и податливостью характера, я не ограничился привязанностью къ Достоевскому, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, именъ которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ товарищей читали спеціальные учебники и лекціи,—и не только потому что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслѣдствіе равнодушія къ литературѣ.

Первыя литературныя сочиненія, читанныя мнѣй на русскомъ языкѣ, были мнѣ сообщены Достоевскимъ; это были: переводъ „Котъ Муръ“ Гофмана и „Исповѣдь англичанина, принимавшаго опіумъ“ Матюрена—книга мрачнаго содержанія и весьма цѣнимая тогда Достоевскимъ. „Астрологъ“ Вальтеръ-Скотта и особенно „Озеро Онтаріо“ Купера окончательно пристрастили меня къ чтенію. Читая въ „Озерѣ Онтаріо“ сцену прощанія Пать-Файндера съ Маделью, я заливался горькими

слезами, стараясь отворачиваться и украдкой утирать слезы изъ опасенія, чтобы этого не замѣтили и не подняли меня на смѣхъ. Литературное вліяніе Достоевскаго не ограничивалось мною; имъ увлеклись еще три товарища; образовался такимъ образомъ, кружокъ, который держался особо и сходился, какъ только выпадала свободная минута. Любовь къ чтенію смѣнила у меня на время страсть къ рисованію, которымъ я усердно занимался до того времени. Читалось безъ разбору все, что ни попадало подъ руку, и что тайкомъ приносилось въ училище. Разъ, помню, я имѣлъ даже терпѣніе прочесть до конца всего „Josselin“, скучнѣйшую и длиннѣйшую поэму Ламартина, и не менѣе скучный переводный англійскій романъ. Описаніе жизни знаменитыхъ живописцевъ, помѣщенное въ одномъ изъ сочиненій Карамзина, привело меня въ восторгъ. Я вступалъ въ горячій споръ съ Достоевскимъ, доказывая, что Рафаэль Санціо значитъ Рафаэль святой, такъ прозванный за его великія творенія; Достоевскій доказывалъ, что Санціо обозначаетъ только фамилію художника, съ чѣмъ я никакъ не хотѣлъ согласиться: воображеніе, болѣе и болѣе увлекаемое чтеніемъ, не могло имъ ограничиться.

Послѣ чтенія пьесы Шиллера „Разбойники“ я тотчасъ же принялся сочинять пьесу изъ итальянскихъ нравовъ; прежде всего я позаботился пріискать названіе: „Замокъ Морвено“. Написавъ первую сцену, я тутъ же остановился; съ одной стороны, помѣшало безсиліе воображенія, съ другой — неумѣнье выражать на русскомъ языкѣ то, что хотѣлось.

Чтеніе и мысли, которыя оно пробуждало, не только мѣшали мнѣ слѣдить за уроками, но замѣтно охлаждали къ класснымъ занятіямъ. Достоевскій, сколько помнится, учился также не важно; онъ приневоливалъ себя съ тѣмъ, чтобы окончить курсъ и переходить изъ класса въ классъ безъ задержки. Послѣднее не удалось ему, однакожъ; при переходѣ въ одинъ изъ классовъ онъ не выдержалъ экзамена и долженъ былъ въ немъ остаться еще годъ; неудача эта потрясла его совершенно; онъ сдѣлался боленъ и пролежалъ нѣсколько времени въ лазаретѣ.

Въ 1839 г. или въ началѣ сорокового года находились мы въ рекреаціонной залѣ; вошелъ въ нее дежурный офицеръ, придерживая въ рукахъ пачку тоненькихъ брошюръ въ блѣдно-розовой оберткѣ. Предлагая намъ покупать ихъ, онъ разсказывалъ, что авторъ стиховъ, заключавшихся въ брошюрахъ, молодой поэтъ, находится въ стѣсненномъ денежномъ положеніи. Брошюра имѣла такое заглавіе: „Мечты и звуки“; имя автора замѣнялось нѣсколькими буквами.

Это происходило въ самый разгаръ моего литературнаго увлеченія. Стихи неизвѣстнаго писателя, сколько помнится, не произвели на

меня и Достоевскаго особеннаго впечатлѣнія. Но для меня довольно было тогда слова „поэтъ“ и знать, что такой поэтъ существуетъ здѣсь, въ Петербургѣ, чтобы пробудить любопытство, желаніе хотя бы глазкомъ взглянуть на него. Послѣднее, къ великой моей радости, не встрѣтило затрудненія.

Одинъ изъ моихъ товарищей, Тамамшевъ, знакомъ былъ съ поэтомъ; онъ сообщилъ, что настоящее имя поэта „Некрасовъ“, и обѣщалъ свести меня къ нему въ первый свободный праздникъ. Можно себѣ представить, какъ радостно было принято предложеніе. Мы отправились въ первое воскресенье. Что-то похожее на робость овладѣло мной, когда мы стали подходить къ дому, гдѣ жилъ Некрасовъ. Домъ этотъ находился на углу Колокольной улицы и Дмитровскаго переулка; надо было проходить черезъ дворъ и подняться по черной лѣстницѣ. На звонъ, дверь отворилъ намъ слуга, довольно чисто одѣтый; мы вошли въ небольшую свѣтлую прихожую, перегороженную стеклянною перегородкой, за которой помѣщалась кухня. Въ слѣдующей комнатѣ, довольно просторной и свѣтлой, бросался, прежде всего, въ глаза безпорядокъ; подоконники, полъ, кровать, небольшой столъ—были завалены ворохомъ бумагъ, газетъ и книгъ; на одномъ изъ подоконниковъ изъ-подъ газетъ выглядывало нѣсколько тарелокъ. Насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ, средняго роста, худощавый, говорившій глухимъ, сиплымъ голосомъ; онъ былъ въ халатѣ; на головѣ его красовалась шитая цвѣтными шнурками ермолка, изъ-подъ которой свѣшивались длинные жиденькіе волосы каштановаго цвѣта.

Чѣмъ объяснилъ я ему нашъ неожиданный приходъ, какъ принялъ насъ Некрасовъ, что говорилось при этомъ, — рѣшительно не помню; надо думать, впечатлѣніе не настолько было сильно, чтобы врѣзаться въ памяти.

Кромѣ стиховъ въ извѣстной брошюрѣ, Некрасовъ успѣлъ уже тогда написать нѣсколько разсказовъ, въ числѣ которыхъ—повѣсть „О пропавшемъ безъ вѣсти піитѣ“. Но гонораръ въ то время платили только извѣстнымъ литераторамъ; остальные должны были считать за счастье, когда удостоивали печатать ихъ произведенія; если имъ платили, то настолько скудно, что жить однимъ литературнымъ трудомъ едва ли было возможно. Практическій умъ Некрасова помогъ ему обойти затрудненія: онъ свелъ знакомство съ Куликовымъ, главнымъ режиссеромъ русской труппы, и сталъ работать для театра. Изъ пьесъ его помню только водевиль: „Шила въ мѣшкѣ не утаишь — дѣвушку подъ замкомъ не упрячешь“. Онъ тогда же перевелъ пятиактовую драму: „La nouvelle Fanchon“ подъ названіемъ: „Материнское благословеніе“. Какимъ образомъ ухитрился онъ это сдѣлать, не зная буквально слова по-французски, остается непонятнымъ; сколько нужно было воли, терпѣнія, чтобы, частью пользуясь объясненіями случайно заходившихъ знакомыхъ, частью по лексикону, довести до конца такую работу.

Знакомство мое съ Некрасовымъ и разсказы о моемъ свиданіи съ нимъ встрѣчены были Достоевскимъ съ полнымъ равнодушіемъ; ему, вѣроятно, не нравились его стихи въ извѣстной брошюрѣ; онъ находилъ, что не изъ чего было мнѣ такъ горячиться.

II. Появленіе первой повѣсти Достоевскаго: „Бѣдные люди".

Разъ утромъ (это было лѣтомъ) Достоевскій зоветъ меня въ свою комнату; войдя къ нему, я застаю его сидящимъ на диванѣ, служившемъ ему и постелью; передъ нимъ, на небольшомъ письменномъ столѣ, лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, съ загнутыми полями и мелко исписанная.

— „Садись-ка, Григоровичъ. Вчера только что переписалъ; хочу прочесть тебѣ; садись и не перебивай", сказалъ онъ съ необычною живостью.

То, что онъ прочелъ мнѣ въ одинъ присѣстъ и почти не останавливаясь, явилось вскорѣ въ печати подъ названіемъ „Бѣдные люди".

Я былъ всегда высокаго мнѣнія о Достоевскомъ; его начитанность, знаніе литературы, его сужденія, серьезность характера дѣйствовали на меня внушительно; мнѣ часто приходило въ голову: какъ могло случиться, что я успѣлъ уже написать кое-что, это кое-что было напечатано, я считалъ уже себя нѣкоторымъ образомъ литераторомъ,— тогда какъ Достоевскій ничего еще не сдѣлалъ по этой части?.. Съ первыхъ страницъ „Бѣдныхъ людей" я понялъ, насколько то, что было написано Достоевскимъ, было лучше того, что я сочинялъ до сихъ поръ; такое убѣжденіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось чтеніе. Восхищенный до-нельзя, я нѣсколько разъ порывался броситься ему на шею,—меня удерживала только его нелюбовь къ шумнымъ, выразительнымъ изліяніямъ; я не могъ, однакожъ, спокойно сидѣть на мѣстѣ и то и дѣло прерывалъ чтеніе восторженными восклицаніями.

Результатъ этого чтенія болѣе или менѣе извѣстенъ читающей публикѣ; исторія о томъ, какъ я силой почти взялъ рукопись „Бѣдныхъ людей" и отнесъ ее Некрасову [1]), разсказана самимъ Достоевскимъ [2]). Изъ скромности, вѣроятно, онъ умолчалъ о подробностяхъ, какъ чтеніе происходило у Некрасова. Читалъ я. На послѣдней страницѣ, когда старикъ Дѣвушкинъ прощается съ Варенькой, я не могъ больше владѣть собою и началъ всхлипывать; я украдкой взглянулъ на Некрасова: по лицу у него также текли слезы. Я сталъ горячо убѣждать его въ томъ, что хорошаго дѣла никогда не надо откладывать, что слѣдуетъ сейчасъ же отправиться къ Достоевскому, несмотря на позднее

---

1) Н. А. Некрасовъ издавалъ въ то время журналъ „Современникъ".

2) См. слѣдующую ст. № 8 „Дневникъ писателя".

время (было около четырехъ часовъ утра), сообщить ему объ успѣхѣ и сегодня же условиться съ нимъ насчетъ печатанія его романа.

Некрасовъ, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро одѣлся, и мы отправились.

Долженъ признаться, что я поступилъ въ настоящемъ случаѣ очень необдуманно. Зная хорошо характеръ моего сожителя, его нелюдимость, болѣзненную впечатлительность, замкнутость, мнѣ слѣдовало бы разсказать ему о случившемся на другой день, но сдержанно, а не будить его, не тревожить неожиданною радостью и, вдобавокъ, не приводить къ нему чуть ли не ночью незнакомаго человѣка; но я самъ былъ тогда въ возбужденномъ состояніи; въ такія минуты здраво разсуждаютъ болѣе спокойные люди.

На стукъ нашъ въ дверь отворилъ Достоевскій; увидавъ подлѣ меня незнакомое лицо, онъ смутился, поблѣднѣлъ и долго не могъ слова отвѣтить на то, что говорилъ ему Некрасовъ... Послѣ его ухода я ждалъ, что Достоевскій начнетъ бранить меня за неумѣренное усердіе и излишнюю горячность, но этого не случилось: онъ ограничился тѣмъ только, что заперся въ своей комнатѣ, и долго послѣ того я слышалъ, лежа на своемъ диванѣ, его шаги, говорившіе мнѣ о взволнованномъ состояніи духа.

Послѣ знакомства съ Некрасовымъ и черезъ него съ Бѣлинскимъ, который прочелъ рукопись „Бѣдныхъ людей“, съ Достоевскимъ произошла замѣтная перемѣна. Во время печатанія „Бѣдныхъ людей“ онъ постоянно находился въ крайне нервномъ возбужденіи. Но со свойственною ему несообщительностью онъ не говорилъ мнѣ о томъ, какъ сошелся съ Некрасовымъ, и что дальше было между ними.

III. Въ имѣніи Тургенева „Спасское“.

Въ 1855 году Дружининъ, Боткинъ [1]) и я [2]) согласились совершить поѣздку въ деревню къ И. С. Тургеневу, который послѣ кончины матери упрашивалъ насъ пріѣхать къ нему въ Спасское-Лутовиново [3]).

Къ назначенному сроку мы съѣхались въ Москвѣ, переночевали у Боткина и на другой день выѣхали въ тарантасѣ на тульскую дорогу. Во все время пути Боткинъ, всегда такъ часто мѣнявшій расположеніе духа, такъ неожиданно переходившій отъ сахара къ перцу и

---

[1]) Александръ Васильевичъ Дружининъ (1824—1864) писалъ повѣсти; Василій Петровичъ Боткинъ (1811—1869) извѣстенъ своими «Письмами объ Испаніи».

[2]) Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (1822—1889), авторъ многихъ повѣстей и романовъ, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользуется повѣсть «Антонъ-Горемыка» и романъ «Рыбаки».

[3]) Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда.

отъ меда къ горчицѣ, находился въ самомъ елейномъ настроеніи. Онъ все время съ нѣжностью говорилъ о Тургеневѣ, радовался его избавленію изъ-подъ суроваго гнета родительницы, радовался его теперешнему благосостоянію. Мы вторили ему и вмѣстѣ съ нимъ мысленно переносились къ тому, что насъ ожидало: старинный обширный барскій домъ, полный, какъ чаша, нескончаемый паркъ, лѣса на нѣсколько верстъ въ окружности...

Ожиданія наши, къ сожалѣнію, не вполнѣ оправдались. Послѣ пожара стараго дома осталась только часть его, куда перенесли все, что можно было спасти; паркъ оказался садомъ, но, правда, очень большимъ, съ древними деревьями, пространнымъ прудомъ; на всемъ лежала печать запущенности, не мѣшавшей, впрочемъ, живописности въ цѣломъ. Вокругъ дома и деревни разстилалась плоская черноземная равнина; надо было отправляться версты за двѣ, чтобы встрѣтить холмы и лѣса.

Разочарованіе наше продолжалось, впрочемъ, недолго. Радушная встрѣча, искренняя радость Тургенева, удовольствіе видѣть его въ собственномъ домѣ,—все это возвратило намъ отличное расположеніе духа. Боткинъ поворчалъ немного; не обошлось безъ того, чтобъ онъ не подтрунилъ надъ хозяиномъ дома, но послѣ купанья въ пруду и отличнаго обѣда съ блюдомъ грибовъ, зажаренныхъ въ сметанѣ, онъ вдругъ умилостивился и нѣсколько разъ подходилъ къ Тургеневу, лаская его по плечу и прійскивая ему разныя милыя названія.

По утрамъ Тургеневъ удалялся въ свой маленькій кабинетъ, гдѣ находилась также его постель, загороженная ситцевыми ширмами; мы также расходились по своимъ комнатамъ съ книгами или занимались писаніемъ писемъ. Къ завтраку и къ обѣду являлся всегда дядя Тургенева, человѣкъ старый, но крупный, служившій когда-то въ кавалеріи, большой весельчакъ и жуиръ, взявшій на себя всѣ хлопоты по хозяйству и, какъ оказалось, распоряжавшійся имъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ бы слѣдовало; онъ приходилъ обыкновенно съ женою, молодою женщиной. Тургеневъ какъ будто стѣснялъ ихъ своими поѣздками въ деревню.

Послѣ обѣда къ подъѣзду подавали длинныя-длинныя дрожки, такъ называемыя „разлюли“, мы всѣ усаживались, не выключая Діанки, любимой собаки Тургенева и неразлучной его спутницы, и отправлялись въ лѣсъ. Никогда, я думаю, лѣсъ Тургенева не оглашался такими взрывами хохота, какъ тогда, во время этихъ прогулокъ. Боткинъ положительно захлебывался отъ прилива сладкихъ чувствъ. Разъ только внезапно измѣнилъ онъ своему настроенію и налетѣлъ на меня, какъ соколъ на жертву. Думая провести кратчайшимъ путемъ, я всѣхъ завелъ въ высокую, полную росы траву, и Боткину представилось, что онъ промочилъ себѣ ноги. Боже, какіе эпитеты посыпались на мою голову!.. Но мы вышли на красивую лужайку, отѣненную большими де-

ревьями, и все тотчасъ же какъ рукой сняло. Боткинъ бросился на траву, вытянулся на спинѣ и нѣжно-млѣющимъ голосомъ началъ читать стихотвореніе Кольцова:

„Природы милое твореньѣ,
Цвѣтокъ, долины украшенье“ и т. д.

По вечерамъ мы сбирались въ диванной, и кто-нибудь изъ насъ громко читалъ новую статью изъ толстыхъ журналовъ, присылаемыхъ изъ Москвы и Петербурга. Вечеръ проходилъ иногда въ бесѣдѣ, приправляемой оживленнымъ споромъ.

Между прочимъ, однажды Боткинъ сталъ язвить Тургенева, увѣряя, что привычка его усиливать всегда краски противъ того, что есть въ дѣйствительности, часто ставитъ его въ комическое положеніе. Слово за словомъ, пришли къ заключенію, что такая слабость легко приводитъ къ послѣдствіямъ, которыя могли бы служить отличнымъ мотивомъ для сценическаго представленія. Я предложилъ присѣсть сейчасъ и набросать планъ пьесы; мысль была единогласно одобрена, и Тургеневъ сѣлъ записывать; мы, между тѣмъ, кто—лежа на диванѣ, кто—расхаживая по комнатѣ, старались, перебивая другъ друга, развивать сюжетъ, придумывать дѣйствующихъ лицъ и забавныя между ними столкновенія. Кавардакъ вышелъ порядочный. Но на другой день, послѣ исправленій и окончательной редакціи, вышелъ фарсъ настолько смѣшной и складный, что тутъ же рѣшено было разыграть его между собой.

Сюжетъ фарса не отличался сложностью: выставлялся добрякъ-помѣщикъ, не бывшій съ дѣтства въ деревнѣ и получившій ее въ наслѣдство; на радостяхъ онъ зоветъ къ себѣ не только друзей, но и всякаго встрѣчнаго; для бо́льшого соблазна, онъ каждому описываетъ въ яркихъ краскахъ неслыханную прелесть сельской жизни и обстановку своего дома. Прибывъ къ себѣ въ деревню съ женою и дѣтьми, помѣщикъ съ ужасомъ видитъ, что ничего нѣтъ изъ того, что онъ такъ краснорѣчиво описывалъ: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти однѣ развалины. Онъ впадаетъ въ ужасъ при одной мысли, что назвалъ къ себѣ столько народу. Гости, между тѣмъ, начинаютъ съѣзжаться. Брань, неудовольствіе, ссоры, столкновенія съ лицами, враждующими между собою. Жена, потерявъ терпѣніе, въ первую же ночь уѣзжаетъ съ дѣтьми. Съ каждымъ часомъ появляются новыя лица. Несчастный помѣщикъ окончательно теряетъ голову и, когда вбѣжавшая кухарка объявляетъ ему, что за околицей показались еще три тарантаса, онъ въ изнеможеньи падаетъ на авансценѣ и говоритъ ей ослабѣвающимъ голосомъ: „Аксинья, поди, скажи имъ, что мы всѣ умерли!“..

Тургеневъ самъ вызвался играть помѣщика; онъ добродушно согласился даже произнести выразительную фразу, внесенную въ его роль и сказанную будто бы имъ на пароходѣ во время пожара: „Спа-

сите, спасите меня! Я единственный сынъ у матери!“ Боткинъ взялъ роль сластуна, брюзгливаго, ворчливаго статскаго совѣтника; Дружининъ долженъ былъ играть роль желчнаго литератора; мнѣ предоставлена была роль врага Дружинина, преслѣдующаго его всюду и на этотъ разъ рѣшившагося съ нимъ покончить.

Намѣреніе потѣшить только самихъ себя и двухъ-трехъ близкихъ сосѣдей совсѣмъ не удалось. Слухъ о „спектаклѣ“ въ Лутовиновѣ быстро распространился по уѣзду; со всѣхъ концовъ посыпались письма съ просьбой получить приглашеніе. Тургеневъ все время страшно суетился; въ отвѣтъ на протесты съ нашей стороны, онъ увѣрялъ, что отказать просьбамъ—значило бы перессориться со всѣмъ уѣздомъ, и поминутно повторялъ извѣстную французскую фразу: „Le vin est tiré—il faut le boire!“

Вечеромъ въ день спектакля съѣхалось столько публики, что половина принуждена была слушать стоя. Фарсъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Мы лѣзли изъ кожи; Боткинъ былъ великолѣпенъ въ роли ворчливаго статскаго совѣтника. Сцена, когда желчный литераторъ (Дружининъ) бросаетъ зажженную спичку на солому, служившую ему постелью, и говоритъ: „Пускай горитъ,—онъ накормилъ насъ тухлыми яйцами!“—и когда на крикъ: „Пожаръ!“ выбѣжалъ самъ помѣщикъ (Тургеневъ) и произнесъ свою знаменитую фразу: „Спасите, спасите, я единственный сынъ у матери!“—вызвала дружные аплодисменты. Но, вообще, сколько можно было замѣтить, большинство публики осталось не вполнѣ удовлетвореннымъ спектаклемъ.

Эти пять-шесть недѣль, проведенныхъ въ Спасскомъ, считаю я въ числѣ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Д. В. Григоровичъ.

---

8. Дневникъ писателя.

(за 1877-й годъ).

I. Первый шагъ на литературномъ пути.

Странно бываетъ съ людьми: мы съ Некрасовымъ въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами и недоумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай, что я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая встрѣча другъ съ другомъ въ жизни... И что жъ? Недавно я зашелъ къ Некрасову, и онъ, больной, измученный, съ перваго слова началъ съ того, что помнитъ о тѣхъ дняхъ. Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее,—изъ того, что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Намъ тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже

годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная, зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ 1845 года.

Въ началѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“, мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть, и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „Принесите рукопись (самъ онъ еще не читалъ ея): Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, — я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ, и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а партіи „Отечественныхъ Записокъ“, во главѣ которой были Некрасовъ и Бѣлинскій, — я боялся. Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ, и— осмѣтъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей“!—думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ со страстью, почти со слезами—„неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью — все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?“ Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами, и мнительность немедленно возвращалась.

Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ душахъ“ и читали ихъ,—въ который разъ, не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: „А не почитать ли намъ, господа, Гоголя?“—садятся и читаютъ, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ бы чѣмъ-то были проникнуты и какъ бы чего-то ожидали. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна...

Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ... Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но, прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ.

— „Читаетъ онъ про смерть студента“, передавалъ мнѣ потомъ

уже наединѣ Григоровичъ, „и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, — и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь“...

Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили итти ко мнѣ немедленно: „Что же такое, что спитъ? Мы разбудимъ его; *это* выше сна!“...

Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало-сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встрѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса; въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о „тогдашнемъ положеніи“, разумѣется и о Гоголѣ, цитируя изъ „Ревизора“ и изъ „Мертвыхъ душъ“, но главное—о Бѣлинскомъ.

— „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть, и вы увидите... Да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!“ восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите, спите; мы уходимъ, а завтра къ намъ!“...

Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное — чувство было дорого, помню ясно: „У иного успѣхъ — ну, хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ; а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!“ Вотъ что я думалъ: какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, больше всѣхъ любилъ его во всю свою жизнь. Тогда Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ; писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты, и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ навѣкъ и связываютъ неразрывно.

— „Новый Гоголь явился!“ закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми“.

— „У васъ Гоголи-то, какъ грибы, растутъ“, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненіи“: „Приведите, приведите его скорѣе!“

И вотъ (это, стало быть, уже на третій день) меня привели къ нему. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ,—„этого ужаснаго, страшнаго критика“. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что жъ, оно такъ и надо“, подумалъ я; но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвухлѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать — изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: „Да вы понимаете-ль сами-то“, повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію, — „что это вы такое написали!“ Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать; но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы, въ ваши двадцать лѣтъ, ужъ это понимали. Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ — вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почесть отъ приниженности и почти за вольнодумство считаетъ малѣйшую жалобу,—даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать, и, когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей—онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожалѣть „ихъ превосходительство“, — не „его превосходительство“, а „ихъ превосходительство“, какъ онъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки, — да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ, въ образѣ выставляете самую суть, чтобъ ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ: цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ— и будете великимъ писателемъ!“...

Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ, еще живымъ теперь и могущимъ засвидѣтельствовать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ лю-

дей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ (а я былъ тогда страшный мечтатель).

— „И неужели вправду я такъ великъ“, стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь: никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести! —„О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ,—и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ и они, пребуду „вѣренъ“!... О, какъ я легкомысленъ, и если бъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи, они одни; но у нихъ есть истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“...

Я это все думалъ, я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ...

II. Смерть Некрасова.

(27 декабря 1877 г.)

Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ за мѣсяцъ до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупомъ, такъ что странно было даже видѣть, что такой трупъ говоритъ, шевелитъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохранялъ всю ясность ума. Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность близкой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ правой стороны тѣла, и вотъ 28 декабря, утромъ я узналъ, что Некрасовъ умеръ наканунѣ, 27-го, въ 8 часовъ вечера. Въ тотъ же день я пошелъ къ нему. Страшно изможденное страданіемъ и искаженное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ, какъ псалтирщикъ чотко и протяжно прочелъ надъ покойнымъ: „Нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ“...

Воротясь домой, я не могъ уже сѣсть за работу; взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра, и всѣ эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ снова. Эти первыя четыре стихотворенія, которыми начинается первый томъ его стиховъ, появились въ „Петербургскомъ Сборникѣ“, въ которомъ явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣрѣ чтенія,—а читалъ я сподрядъ—передо мной пронеслась какъ бы вся

моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его, которые первыми прочелъ въ Сибири, когда, выйдя изъ моего четырехлѣтняго заключенія въ острогѣ, добился наконецъ до права взять въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Короче, въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ, и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ, какъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти тридцать лѣтъ занималъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы сходились мало и рѣдко и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ 1845 году, въ эпоху „Бѣдныхъ людей“. Но я уже разсказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя, разъ навсегда, обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая рана* его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери—и то, какъ говорилъ онъ о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ),—съ мученицей-матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы такъ же, какъ эта, повліять и властительно подѣйствовать на его волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потомъ, помню, мы какъ-то разошлись, и довольно скоро; близость наша другъ съ другомъ продолжалась не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помогли и недоразумѣнія, и внѣшнія обстоятельства, и добрые люди. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, когда я уже воротился изъ Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже тогда начинавшуюся, — встрѣчаясь, говорили иногда другъ другу даже странныя вещи—точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то продолжалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, въ сорокъ пятомъ году, и какъ будто не хотѣло и не могло прерваться, хотя бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ другомъ. Такъ, однажды, въ шестьдесятъ третьемъ, кажется, году, отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе, „Несчастье“, и внушительно сказалъ: „Я тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ это“

(т. е. объ моей жизни въ Сибири): это объ васъ написано". И наконецъ тоже въ послѣднее время мы стали опять иногда видать другъ друга, когда я печаталъ въ его журналѣ мой романъ „Подростокъ"...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессія выноса началась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже въ сумерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, изъ литераторовъ говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, я протѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣтами и вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ за прочими нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что это было раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказалъ тоже мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключилъ собою рядъ тѣхъ поэтовъ, которые приходили со своимъ „новымъ словомъ"...

Ѳ. М. Достоевскій.

---

9. Профессоръ П. Н. Кудрявцевъ.

(† 18 января 1858 г.).

Прошло съ небольшимъ два года съ тѣхъ поръ, какъ московскій университетъ оплакалъ дорогого Т. Н. Грановскаго [1]); еще живо чувствуется вся тяжесть утраты, а уже смерть избрала себѣ новую жертву. Еще одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей преждевременно сошелъ въ могилу; еще одного бойца не досчитываемся въ многочисленныхъ рядахъ того войска, которому, по словамъ Грановскаго, Россія ввѣрила знамя своей образованности.

18-го января, около 4 часовъ утра, скончался профессоръ всеобщей исторіи Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, на 42-омъ году жизни, вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы. Тяжелая болѣзнь застала его среди усиленныхъ занятій, которыми старался онъ заглушить глубокую скорбь, причиненную ему внезапной кончиной любимой супруги. Еще въ Италіи обнаружилось гибельное вліяніе страшнаго нравственнаго потрясенія на слабый и безъ того организмъ покойнаго. Дальнѣйшее пребываніе въ тепломъ климатѣ могло бы укрѣпить его силы, но П. Н. спѣшилъ

---

[1]) Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, знаменитый профессоръ исторіи въ Московскомъ университетѣ (1813—1855 гг.).

въ Россію. Каѳедра всеобщей исторіи слишкомъ долго оставалась безмолвною въ Московскомъ университетѣ, и онъ не считалъ себя въ правѣ продолжить свое отсутствіе. Была и другая причина: въ Москвѣ онъ надѣялся скорѣе исполнить то, что называлъ онъ своимъ святымъ долгомъ—окончить біографію своего незабвеннаго наставника Т. Н. Грановскаго. Немедленно по возвращеніи, П. Н. Кудрявцевъ началъ свои чтенія въ университетѣ. Сверхъ 6 часовъ обязательныхъ лекцій, онъ готовился открыть курсъ итальянской исторіи для желающихъ. Въ то же время онъ писалъ біографію и взялъ на себя работу по журналу. Всего этого было слишкомъ много для изнуреннаго здоровья П. Н., а онъ не хотѣлъ дать себѣ отдыха. Возвратясь однажды съ лекціи, онъ почувствовалъ себя дурно. Кровь хлынула горломъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь одолѣвала его все болѣе и болѣе. Съ тревожнымъ опасеніемъ слѣдили друзья и почитатели П. Н. Кудрявцева за ея развитіемъ и все, однакоже, не хотѣли вѣрить своему несчастію. Уже ясно обнаружились зловѣщіе признаки, а они еще все надѣялись, что дорогой больной продержится до весны, что весна и поѣздка на югъ возстановятъ его здоровье. Ихъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться.

Университетъ Московскій лишился своего любимаго профессора въ то время, когда всего болѣе нуждался въ немъ. Только П. Н. Кудрявцевъ могъ поддержать каѳедру всеобщей исторіи на той высотѣ общественнаго значенія, на которую впервые поднялъ ее Грановскій. Грановскому обязанъ П. Н. тѣмъ, что сознялъ свое историческое призваніе, что отъ занятій чисто литературныхъ обратился къ занятіямъ историческимъ. Ученикъ Т. Н. Грановскаго,—онъ былъ и достойнымъ его товарищемъ. Привязанность и уваженіе молодого поколѣнія, обращаясь къ нимъ обоимъ, привыкли соединять ихъ вмѣстѣ. И дѣйствительно, одинъ былъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ другому. Послѣ блестящаго картиннаго изложенія Грановскаго, послѣ лекцій, въ которыхъ рукою великаго мастера въ немногихъ словахъ обрисовывался характеръ цѣлой эпохи, указывалось значеніе того или другого историческаго явленія или общественнаго дѣятеля, естественъ и необходимъ былъ переходъ къ спеціальнымъ курсамъ покойнаго П. Н. Кудрявцева. Здѣсь передъ слушателями являлась извѣстная эпоха во всѣхъ подробностяхъ, со всѣмъ многообразіемъ общественной жизни, со всѣми интересами, со всѣми страданіями. Тонкій анализъ изслѣдователя проникалъ въ самую глубь общественнаго сознанія разсматриваемаго времени, слѣдилъ каждое историческое явленіе въ самыхъ первыхъ, почти незамѣтныхъ его началахъ, въ тѣсной связи со всѣми сторонами общественной жизни. Передъ пытливымъ умомъ историка раскрывались самыя сокровенныя побужденія того или другого историческаго лица, потому что разгадка его дѣятельности достигалась цѣльнымъ изученіемъ всей его жизни и характера. Съ упорствомъ иногда привязывалась мысль П. Н. къ рѣшенію какого-нибудь темнаго вопроса, со всѣхъ сторонъ подходила она

къ нему, настойчиво требуя уясненія,—до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, по возможности получалось удовлетворительное рѣшеніе. Курсы П. Н. Кудрявцева имѣли поэтому чрезвычайно важное значеніе. Его слушатели не только знакомились съ современнымъ состояніемъ науки во всей его полнотѣ: они присутствовали при самомъ процессѣ ея развитія. Каждый курсъ былъ не однимъ сводомъ уже добытыхъ результатовъ науки: онъ былъ всегда дальнѣйшимъ шагомъ науки впередъ, ея новымъ пріобрѣтеніемъ. Для слушателей становилось яснымъ, на какіе вопросы еще не получила отвѣтовъ современная наука, имъ ука зывался и путь, какимъ можно было допроситься отвѣта изъ могилъ прошедшаго. Не холоднымъ изслѣдователемъ, не безучастнымъ зрителемъ являлся среди этихъ могилъ П. Н. Неутомимо отыскивая разгадку современности въ минувшихъ судьбахъ человѣчества, онъ далекъ былъ отъ мысли разсматривать прошлое только какъ необходимый матеріалъ, изъ котораго строится наше настоящее. Переносясь мыслію въ извѣстную эпоху, онъ какъ будто самъ переживалъ ее, принимая горячо къ сердцу страданія отжившихъ поколѣній. Оттого его лекціи были проникнуты такою задушевностью, такимъ теплымъ участіемъ; оттого его характеристика историческихъ дѣятелей такъ полно и цѣльно воспроизводила ихъ нравственный обликъ. Эта способность понимать прошедшее не только умомъ, но и сердцемъ, всего сильнѣе поражала въ покойномъ П. Н. Вслѣдствіе этой способности онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета, которому разъ посвятилъ свои занятія. Вспомнимъ, какъ навсегда приковали къ себѣ его вниманіе историческія судьбы многострадальной Италіи: исторіи Италіи отдалъ онъ первый свой напечатанный трудъ; къ ней же возвратился онъ и въ самое послѣднее время. Скорбное чувство, съ которымъ слѣдилъ онъ трудную исторію общественнаго развитія, вѣковую борьбу человѣчества, не смягчалось въ П. Н. Кудрявцевѣ даже самою художественностью изложенія. На его лекціяхъ слушатель не разъ невольно отрывалъ свое вниманіе отъ изложенія историческихъ событій, чтобы всмотрѣться въ задумчивое, грустное лицо самого историка. Въ этомъ, по моему мнѣнію, существенное отличіе его историческаго таланта отъ таланта Т. Н. Грановскаго. Какъ античная статуя временъ процвѣтанія искусства, было художественно закончено каждое чтеніе Грановскаго; даже касаясь самыхъ безотрадныхъ эпохъ исторіи, оно производило на душу слушателей примиряющее успокоительное впечатлѣніе. Этого художественнаго совершенства не было столько въ трудахъ П. Н. Кудрявцева. Онъ слишкомъ близко подходилъ къ историческимъ дѣятелямъ; онъ весь проникался интересами разсматриваемой эпохи, на себѣ выносилъ весь трудъ и всѣ страданія того времени. Всегда вѣрный исторической истинѣ, чуждый всякихъ предубѣжденій и заранѣе составленныхъ взглядовъ, П. Н. не всегда могъ сохранить спокойствіе созерцанія настолько, сколько необходимо его для полной художественной оконченности. Онъ скорѣе

походилъ на тѣхъ вдохновенныхъ художниковъ среднихъ вѣковъ, которые прежде всего поражаютъ богатствомъ внутренняго содержанія, силою стремленія, и которые, однакожъ, сходятъ въ могилу, оставляя недоконченными свои громадныя созиданія. Много сдѣлано П. Н. Кудрявцевымъ, но еще болѣе осталось неисполненнаго, хотя давно и частью подготовленнаго... Лучшимъ памятникомъ почившему было бы полное изданіе его сочиненій, и въ особенности лекцій. Тогда еще яснѣе обнаружилась бы вся важность невознаградимой потери, понесенной наукой и университетомъ въ лицѣ покойнаго.

Кто имѣлъ счастіе сколько-нибудь близко знать Петра Николаевича, тотъ навѣки сохранитъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Всегда памятными останутся нравственная чистота его помысловъ и убѣжденій, его увлекательное слово, поэтическая свѣжесть его души и то несокрушимое благодушіе, которое было одною изъ отличительныхъ особенностей его характера. Немногіе избранные владѣютъ такимъ тонкимъ пониманіемъ красоты и добра, такою способностью находить въ душѣ отзывъ на все, что только достойно сочувствія. Онъ исполненъ былъ любви, и любовью окружали его всѣ, кто только зналъ его. Его симпатическая натура благотворно дѣйствовала на каждаго, кто подходилъ къ нему. Легко и отрадно становилось на душѣ, когда вслушивался въ его тихую рѣчь, проникнутую теплымъ чувствомъ, когда всматривался въ его черты, исполненныя нравственной прелести. Взыскательно-строгій къ самому себѣ, весь исполненный сознанія нравственнаго долга,—въ сужденіяхъ о другихъ онъ отличался неизмѣнной снисходительностью. Скорѣе готовъ онъ былъ оцѣнить слишкомъ высоко добрую сторону каждаго, чѣмъ произнести строгое, хотя бы и справедливое, слово осужденія надъ его нравственными несовершенствами. Всегда радъ онъ былъ дѣлиться своими многосторонними и глубокими свѣдѣніями, результатами долгаго, упорнаго труда, всегда готовъ былъ и совѣтомъ, и словомъ одобренія поддержать начинающаго. И чѣмъ болѣе дѣлалъ онъ добра, тѣмъ сильнѣе привязывался къ тому, кому приносилъ помощь или утѣшеніе.

Искренними слезами оплакана будетъ его кончина. Добрымъ словомъ помянутъ покойнаго и тѣ, кто не раздѣлялъ его научныхъ убѣжденій. Университетъ Московскій не скоро оправится послѣ двухъ ударовъ судьбы, его поразившихъ. До конца жизни сохранятъ слушатели П. Н. Кудрявцева благодарную память о благодушномъ профессорѣ, котораго увлекательныя чтенія привыкли встрѣчать они восторженнымъ сочувствіемъ. Для тѣхъ, кто зналъ Петра Николаевича, онъ навсегда останется идеаломъ нравственной красоты, образцомъ рѣдкаго соединенія твердыхъ, непреклонныхъ убѣжденій, глубокаго знанія—съ дѣтскою простотою души, съ неистощимымъ богатствомъ чувства, съ горячимъ, любящимъ сердцемъ.

С. В. Ешевскій.

10. Послѣднія минуты Пушкина.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою—потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Что бы написалъ онъ, если-бъ судьба такъ внезапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ. Здѣсь сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Онѣ описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

Письмо къ С. Л. Пушкину, 15 февраля 1837 г.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это, къ несчастію, вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается его живой, ребячески веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; а онъ пропалъ, и навсегда—непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ, не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ—Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ государь. При началѣ своего царствованія онъ его себѣ присвоилъ; онъ развязалъ ему руки въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго его часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе

своего хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась, въ *одномъ*—чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ *другомъ*—живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу Пушкина и, наконецъ, слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ—славѣ Екатерины, а Карамзинъ—славѣ Александра. И государь, до послѣдней минуты Пушкина, остался вѣренъ своему благотворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ царскій голосъ? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказывали другіе очевидцы.

Въ среду, 27 числа января, въ десять часовъ вечера, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ, и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: „Получили ли вы записку у княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ“. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы.

Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго, князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ, каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: „Очень плохъ; умретъ непремѣнно“.

Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ, послѣ обѣда, Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу.

„Грустно тебѣ нести меня?“ спросилъ у него Пушкинъ.

Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: „N'entrez pas; il y a du monde chez moi“. Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ то время у него были Данзасъ и Плетневъ).

— „Плохо со мною“, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу.

Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами.

Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: „Что вы думаете о моемъ положеніи? Скажите откровенно!“

— „Не могу отъ васъ скрыть: вы въ опасности“.

— „Скажите лучше—умираю“.

— „Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано“.

— „Je vous remercie; vous avez agi en honnête homme envers moi“, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: „Il faut que j'arrange ma maison“.

— „Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ?“ спросилъ Шольцъ.

— „Прощайте, друзья!“ сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: „Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?“

— „О, нѣтъ! Но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь“.

— „Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды; тошнитъ“.

Шольцъ, тронувъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, а пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто.

Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта онъ сказалъ ему: „Попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ“. Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели.

— „Плохо мнѣ“, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ, и всѣ его мысли обратились на жену.

— „Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ“, говорилъ онъ Спасскому: „не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ, — дѣлайте со мною, что хотите; я на все согласенъ и на все готовъ“.

Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе, иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее

видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ къ двери); но всякій разъ, когда она входила или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе.

— „Жена здѣсь?“ говорилъ онъ. „Отведите ее“. Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ.

— „Что дѣлаетъ жена?“ спросилъ онъ однажды у Спасскаго. „Она, бѣдная, безвинно терпитъ! Въ свѣтѣ ее заѣдятъ“.

Вообще, съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ.

— „Я былъ въ тридцати сраженіяхъ“, говорилъ докторъ Арендтъ,— „я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго“.

И особенно замѣчательно то, что, въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ въ ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія.

— „Если увидите Греча“, сказалъ онъ Спасскому, „поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ“.

У него спросили—желаетъ ли исповѣдаться и причаститься? Онъ согласился охотно, и положено было призвать священника утромъ.

Въ полночь д-ръ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ государя, который былъ въ театрѣ; онъ сказалъ камердинеру, чтобъ по возвращеніи Его Величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи пріѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести.

— „Я не лягу, я буду ждать“, приказывалъ государь Арендту.

Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ?

— „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе“.

Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ!.. Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ!

„Я не лягу, я буду ждать!“... О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, — его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою...

Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: „Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?“ Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

До пяти часовъ утра въ положеніи Пушкина не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою, и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать; послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только что усилило страданія, которыя, наконецъ, дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она въ совершенномъ изнуреніи лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, которыя однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобъ съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями! Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ея не испугать.

Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца мысли его были свѣтлы, и память свѣжа. Еще до начала сильной боли, онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его, однако, изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: „Жену! Позовите жену!“...

Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ по-

требовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему руку на голову, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь.

— „Кто здѣсь?“ спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго.

— „Позовите“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ; онъ махнулъ рукою, я отошелъ; но черезъ минуту я возвратился къ его постели и спросилъ у него: „Можетъ быть, увижу государя: что мнѣ сказать ему отъ тебя?“

— „Скажи“, отвѣчалъ онъ, „что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его“. Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно.

Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: „Смерть идетъ“. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: „Карамзину!“ Ея не было; за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Екатерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: „Перекрестите меня“; потомъ поцѣловалъ у ней руку.

Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ.

— „Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно“, сказалъ ему Пушкинъ. Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить Его Величество о томъ, что слышалъ. Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною отъ самого государя.

— „Извини, что я тебя потревожилъ“, сказалъ онъ мнѣ при входѣ моемъ въ кабинетъ.

— „Государь, я самъ спѣшилъ къ Вашему Величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною“.

Разсказавъ о томъ, что говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ: „Я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно Вашему Величеству“.

— „Скажи ему отъ меня“, отвѣчалъ государь, „что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ разсмотришь“.

Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ.

— „Вотъ какъ я утѣшенъ!“ сказалъ онъ. „Скажи государю, что я

желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи".

Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ: къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему, и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ: самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кто около него суетились. Словомъ, ему, повидимому, стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа.

— „Худо мнѣ, братъ", сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю.

Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: „Мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты".

— „Нѣтъ!" возразилъ онъ. „Мнѣ здѣсь не житье; я умру; да, видно, такъ и надо".

Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче.

— „Я ухватился", говоритъ Даль, — „какъ утопленникъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя, и другихъ".

Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: „Никого тутъ нѣтъ?"

— „Никого".

— „Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?"

— „Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право, надѣемся".

— „Ну, спасибо!" отвѣчалъ онъ. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29 число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Вѣльгорскій — въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ; снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски.

— „Ахъ, какая тоска!" иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову: „Сердце изнываетъ!"

Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: „Ну, такъ—хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо"; или: „Постой, не надо; потяни меня только за руку—ну, вотъ и хорошо, и прекрасно!" (все это его точныя выраженія).

— „Вообще", говоритъ Даль, „въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, что я хотѣлъ".

Однажды онъ спросилъ у Даля: „Кто у жены моей?“

Даль отвѣчалъ: „Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи“.

— „Ну, спасибо“, отвѣчалъ онъ: „однакоже, поди, скажи женѣ, что все, слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ“.

Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось, наконецъ, такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго, и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто нея отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта (который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больного); государыня великая княгиня (Елена Павловна), очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ Ея Высочеству согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно въ государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское; онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые); естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только заодно со своимъ государемъ, но этою общею любовію къ отечественной славѣ укореняется между ними нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними на ряду; народу естественно быть благодарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя въ унынiи посреди прихожей, гдѣ около него шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями... Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію—всѣ народы родня; и когда онъ безвременно по-

кидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностью не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посолъ изъ Франціи (самъ знаменитый писатель) приходилъ къ дверямъ его съ печалію *собственною* и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣлъ, какъ будто о *своемъ*. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ ввечеру: „Нынче у меня танцовать не будутъ,—нынче были похороны Пушкина“.

Возвращаюсь къ своему описанію.

Ославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой.

Однажды онъ спросилъ: „Который часъ?“—и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: „Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуйста... поскорѣй“... Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: „Скоро ли конецъ?“ и всегда прибавлялъ: „Пожалуйста поскорѣй!“ Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа) онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать.

— „Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего“, сказалъ ему Даль; „но не стыдись боли своей, стонай: тебѣ будетъ легче“.

— „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ прерывчиво: „нѣтъ... не надо... стонать... жена услышитъ... Смѣшно же... чтобъ этотъ вадоръ меня... пересилилъ... не хочу“...

Я покинулъ его въ пять часовъ утра и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою; но, возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только поднималъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ.

Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ мороженой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: „Позовите жену, пускай она меня покормитъ“. Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку-другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди“.

Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости.

— „Вотъ увидите“, сказала она доктору Спасскому,—„онъ будетъ живъ; онъ не умретъ“.

А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни... Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: „Отходитъ“.

Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманывало; разъ онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: „Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ!“ Но, очнувшись, онъ сказалъ: „Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко!... и голова закружилась“.

Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: „Ну, пойдемъ же, пожалуйста; да вмѣстѣ“.

Даль по просьбѣ его взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: „Кончена жизнь!“

Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: „Да, кончено; мы тебя поворотили“.

— „Жизнь кончена!“ повторилъ онъ внятно и положительно. „Тяжело дышать, давитъ!“ были послѣднія слова его.

Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчатымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: „Что онъ?“

— „Кончилось!“ отвѣчалъ мнѣ Даль (въ три четверти третьяго часа пополудни, 29 января).

Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его.

Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинство смерти, которое совершалось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей...

Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видѣлъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась, руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но — что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не былъ ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое, нѣтъ! Какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: „Что видишь, другъ?“ И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть?.. Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное,—лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила

она! И какъ удивительно высказала на немъ и свою, и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ, но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти.

Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

В. А. Жуковскій.

---

11. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель [1]).

Преподаваніе принадлежитъ къ разряду дѣятельностей, силу которыхъ чувствуютъ только тѣ, на кого обращены онѣ, кто непосредственно испытываетъ на себѣ ихъ дѣйствіе; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатлѣніе отъ урока учителя или отъ лекціи профессора. Въ преподавательствѣ много индивидуальнаго, личнаго, что трудно передать и еще труднѣе воспроизвести. Писатель весь переходитъ въ свою книгу, композиторъ въ свои ноты, и въ нихъ оба остаются вѣчно живыми. Раскройте книгу, разверните ноты, — и кто умѣетъ читать то и другое, передъ тѣмъ воскреснутъ ихъ творцы. Учитель—что проповѣдникъ: можно слово въ слово записать проповѣдь, даже урокъ, читатель прочтетъ записанное, но проповѣди и урока не услышитъ.

Но и въ преподаваніи много, даже очень много, значитъ наблюденіе, преданіе, даже подражаніе. Всегда ли знаемъ мы, преподаватели, свои средства, ихъ сравнительную силу и то, какъ, гдѣ и когда ими пользоваться? Въ преподавательствѣ есть своя техника и даже очень сложная. Понятное дѣло: преподавателю прежде всего нужно вниманіе класса или аудиторіи, а въ классѣ и аудиторіи сидятъ существа, мысль которыхъ не ходитъ, а летаетъ и поддается только добровольно. Въ преподаваніи самое важное и трудное дѣло заставить себя слушать, поймать эту непосѣдную птицу—юношеское вниманіе. Съ удивленіемъ вспоминаешь, какъ и чѣмъ умѣли возбуждать и задерживать это вниманіе иные преподаватели. П. М. Леонтьевъ [2]) совсѣмъ не былъ мастеръ говорить. Живо помню его приподнятую надъ каѳедрой правую съ вилкообразно вытянутыми пальцами руку, которая постоянно надобилась въ подмогу медленно двигавшемуся, усиленно искавшему словъ, какъ будто усталому языку,—точно она подпирала тяжелый возъ, го-

[1]) Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ (1820—1879 г.), знаменитый русскій историкъ. Главный его трудъ—„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ въ 29 томахъ.

[2]) Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ (1822—1872 г.), профессоръ римской словесности и писатель.

товый скатиться подъ гору. Но, бывало, напряженно слѣдишь за развертывавшейся постепенно тканью его ясной, спокойной, неторопливой мысли, и вмѣстѣ съ ударомъ звонка предметъ лекціи, какое-нибудь римское учрежденіе, вырѣзывался въ сознаніи съ скульптурной отчетливостью очертаній. Казалось, самъ бы сейчасъ повторилъ всю эту лекцію о предметѣ, о которомъ за 40 минутъ до звонка не имѣлъ понятія...

Извѣстно, какъ тяжело слушать чтеніе написанной лекціи. Но, когда Ѳ. И. Буслаевъ [1]) вступалъ торопливымъ шагомъ на каѳедру и, развернувъ сложенные, какъ складываютъ прошенія, листы, исписанные крупными и кривыми строками, начиналъ читать своимъ громкимъ, какъ бы нападающимъ голосомъ, о скандинавской Эддѣ или какой-нибудь русской легендѣ, сопровождая чтеніе ударами о каѳедру правой руки съ зажатымъ въ ней карандашомъ, — биткомъ набитая большая *Словесная*, часъ назадъ только что вскочившая съ холодныхъ постелей гдѣ-нибудь на Козихѣ или Бронной (Буслаевъ читалъ рано по утрамъ первокурсникамъ трехъ факультетовъ), — эта аудиторія едва замѣчала, какъ пролетали 40 урочныхъ минутъ...

Не безполезно знать, какими средствами достигаются такіе преподавательскіе результаты и какими пріемами, какимъ процессомъ складывается ученическое впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи воспоминаніе объ учителѣ можетъ пригодиться и тому, кто не былъ его ученикомъ.

Обыкновенно мы уже смирно сидѣли по мѣстамъ, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, съ откинутымъ назадъ корпусомъ, вступала въ *Словесную* внизу высокая и полная фигура въ золотыхъ очкахъ, съ необильными бѣлокурыми волосами и круглыми, пухлыми чертами лица, безъ бороды и усовъ, которые выросли послѣ. Съ закрытыми глазами, немного раскачиваясь на каѳедрѣ взадъ и впередъ, не спѣша, низкимъ регистромъ своего немного жирнаго баритона начиналъ Соловьевъ говорить свою лекцію и въ продолженіе 40 минутъ рѣдко поднималъ тонъ. Онъ именно говорилъ, а не читалъ, и говорилъ отрывисто, точно рѣзалъ свою мысль тонкими, удобопріемлемыми ломтиками; и его легко было записывать, такъ что я, по порученію курса составлявшій его лекціи, какъ борзописецъ, могъ записывать его чтенія слово въ слово безъ всякихъ стенографическихъ приспособленій. Сначала насъ смущали эти вѣчно закрытые глаза на каѳедрѣ, и мы даже не вѣрили своему наблюденію, подозрѣвая въ этихъ опущенныхъ рѣсницахъ только особую манеру смотрѣть; но много послѣ, на мой вопросъ объ этомъ, онъ признался, что дѣйствительно никогда не видѣлъ студента въ своей аудиторіи.

При отрывистомъ произношеніи, рѣчь Соловьева не была отры-

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (1818—1897 г.), академикъ и профессоръ русской словесности, извѣстный своими изслѣдованіями въ области народной поэзіи и искусства.

виста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными періодами съ придаточными предложеніями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. Въ ней не было фразъ; казалось, лекторъ говорилъ первыми словами, ему попадавшимися. Но нельзя сказать, чтобъ онъ говорилъ совсѣмъ просто: въ его импровизаціи постоянно слышалась ораторская струнка, тонъ рѣчи всегда былъ приподнятъ. Эта рѣчь не имѣла металлическаго, стальнаго блеска, отличавшаго, напр., изложеніе Гизо (французскій историкъ), котораго Соловьевъ глубоко почиталъ, какъ профессора. Чтеніе Соловьева не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе; но оно заставляло размышлять. Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ. Вслушиваясь въ это, какъ бы сказать, говорящее размышленіе, мы старались ухватиться за нить развиваемыхъ передъ нами мыслей и не замѣчали словъ. Я бы назвалъ такое изложеніе прозрачнымъ. Оттого, вѣроятно, и слушалось такъ легко: лекція Соловьева далеко не была для насъ развлеченіемъ, но мы выходили изъ его аудиторіи безъ чувства утомленія.

Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло, у кого не дѣлается это само собой, какъ бы физіологически. Слово—что походка: иной ступаетъ всей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожитъ. У Соловьева легкость рѣчи происходила отъ ясности мысли, умѣвшей находить себѣ подходящее выраженіе въ словѣ. Гармонія мысли и слова — это очень важный и даже нерѣдко роковой вопросъ для нашего брата, преподавателя. Мы иногда портимъ свое дѣло нежеланіемъ подумать, какъ надо сказать въ данномъ случаѣ, и корень тяжкихъ неудачъ нашихъ—въ неумѣніи выразить свою мысль, одѣть ее, какъ слѣдуетъ. Иногда бѣдненькую и худенькую мысль мы облечемъ въ такую пышную форму, что она путается и теряется въ ненужныхъ складкахъ собственной оболочки, и до нея трудно добраться; а иногда здоровую, свѣжую мысль выразимъ такъ, что она вянетъ и блекнетъ въ нашемъ выраженіи, какъ цвѣтокъ, попавшій подъ тяжелую, жесткую подошву. Во всемъ, гдѣ слово служитъ посредникомъ между людьми, а въ преподаваніи особенно, неудобно какъ переговорить, такъ и не договорить. У Соловьева слово было всегда по росту мысли, потому что въ выраженіи своихъ мыслей онъ слѣдовалъ поговоркѣ: сорокъ разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь. Голосъ, тонъ и складъ рѣчи, манера чтенія,—вся совокупность преподавательскихъ средствъ и пріемовъ давала понять, что все, что говорилось, было тщательно и давно продумано, взвѣшено и измѣрено, отвѣяно отъ всего лишняго, что обыкновенно пристаетъ къ зрѣющей мысли, и получило свою настоящую форму, окончательную отдѣлку. Вотъ почему его мысль чистымъ и полновѣснымъ зерномъ падала въ умы слушателей.

Гармонія мысли и слова! Какъ легко произнести эти складныя

слова и какъ трудно провести ихъ въ преподаваніи! Думаю, что возможность этого находится за предѣлами преподавательской техники, нашей дидактики и методики, и требуетъ чего-то большаго, чего-то такого, что требуется всякому человѣку, а не преподавателю только. Студенты, какъ извѣстно, обладаютъ особымъ чутьемъ профессорской подготовки: они очень быстро угадываютъ, излагаетъ ли имъ преподаватель продуманныя и провѣренныя знанія, хорошо выдержанныя и устоявшіяся воззрѣнія, или только вчерашнія пріобрѣтенія своего ума, сырыя мысли, если можно такъ выразиться. Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе, — чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собою этимъ человѣкомъ, и которую должно рано или поздно исполнить надъ собою каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освѣщенномъ изнутри фонарѣ. Оно и понятно: студенту старшихъ семестровъ уже виднѣется жизненный путь, на который ему придется вступить по окончаніи учебныхъ годовъ, и онъ уже безъ студенческой беззаботности и самоувѣренности начинаетъ раздумывать, какъ-то вступить на этотъ скользкій путь и какой походкой пойдетъ по нему. Въ этомъ раздумьи онъ уже съ дѣловымъ, не праздным любопытствомъ и съ молчаливымъ уваженіемъ присматривается и прислушивается къ тѣмъ изъ старшихъ, которые идутъ по этому пути твердыми, прямыми шагами, съ твердымъ и яснымъ взглядомъ на людей и на вещи.

Послѣ, ставъ ближе къ Соловьеву и начавъ готовиться къ профессурѣ подъ его руководствомъ, я получилъ нѣкоторую возможность слѣдить за непрерывной, строго размѣренной и разнообразной работой неутомимаго ума, и я понялъ, какъ вырабатывается и во что обходится эта гармонія мысли и слова.

Чего только онъ не зналъ, не читалъ, чѣмъ не интересовался и о чемъ не думалъ! Онъ внимательно и съ удивительной экономіей досуга слѣдилъ за иностранной литературой по географіи, по всему кругу наукъ историческихъ и политическихъ, какъ и за текущими международными отношеніями. Прочитать дѣльную книжку какого-нибудь французскаго, нѣмецкаго или англійскаго путешественника по Индіи или центральной Африкѣ было для него наслажденіемъ, которымъ онъ спѣшилъ подѣлиться съ близкими людьми. Я уже не говорю о русской литературѣ, о русскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Помню, я посѣтилъ его незадолго до смерти, когда приговоръ жизни былъ уже признанъ, и исходъ болѣзни опредѣлился. Съ третьяго слова онъ спросилъ меня:

„А что новенькаго въ литературѣ по нашей части? Давно ничего не читалъ“...

Я встрѣчалъ не много такихъ образованныхъ и дѣятельныхъ умовъ, а судьба нерѣдко и незаслуженно дарила меня счастьемъ встрѣчаться съ образованными и мыслящими людьми.

Я не рѣшаюсь сказать, входила ли русская исторія центральной составной частью въ составъ этого цѣльнаго и широкаго міросозерцанія. Я не рѣшаюсь на это потому, что знаю, какъ много мѣста занимали въ выработкѣ этого міросозерцанія общіе вопросы религіи и науки. Я могу только утверждать, что на русскую исторію онъ положилъ всего больше научнаго труда. Но я не говорю объ его „Исторіи Россіи“, о немъ, какъ объ ученомъ: это вопросъ русской исторіографіи, одна изъ страницъ исторіи русскаго просвѣщенія—и такихъ страницъ, на которыхъ съ отрадой будетъ всегда останавливаться и раздумываться мыслящій русскій человѣкъ. Вы позволите мнѣ занять теперь ваше вниманіе бесѣдой о профессорскомъ преподаваніи Соловьева, объ его университетскомъ курсѣ русской исторіи.

Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройной нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ. Въ курсѣ Соловьева эта концепція и это впечатлѣніе были тѣсно связаны съ однимъ пріемомъ, которымъ легко злоупотребить, но который въ умѣломъ преподаваніи оказываетъ могущественное образовательное вліяніе на слушателя. Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія. Онъ не давалъ слушателю ни одного крупнаго факта, не озаривъ его свѣтомъ этихъ идей. Слушатель чувствовалъ ежеминутно, что потокъ изображаемой передъ нимъ жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явленіе не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью. Въ его глазахъ историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала свое движеніе. Благодаря этому, курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи, оказывалъ на насъ сильное методическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себѣ гнета учительскаго авторитета: думалось, какъ будто мы сами додумались до всего этого, что намъ осторожно подсказывалось.

Эти общія идеи, которыми перевивались факты русской исторіи, могутъ показаться элементарными; но ихъ необходимо продумать на университетской скамьѣ, и только тогда онѣ становятся такими элементарными. Съ двухъ сторонъ Соловьевъ освѣщалъ излагаемые имъ

историческіе факты: одну изъ нихъ можно назвать прагматическою, другую—моралистическою. Настойчиво говорилъ и повторялъ онъ, гдѣ нужно, о связи явленій, о послѣдовательности историческаго развитія, объ общихъ его законахъ, о томъ, что называлъ онъ необычнымъ словомъ—*историчностью*. Вы думаете, легкое дѣло растолковать сидящему на школьной скамьѣ понятіе объ основахъ людского общежитія, объ историческомъ процессѣ, о закономѣрности исторической жизни! Я встрѣчалъ взрослыхъ и по-своему умныхъ людей, которымъ никакъ не удавалось усвоить себѣ самую идею историческаго процесса. У Соловьева сравненія, аналогія жизни народовъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка, отвлеченные аргументы и наконецъ его столь извѣстная и любимая фраза: „естественно и необходимо“, повторявшаяся при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ припѣвъ,—все врѣзывало въ сознаніи слушателя эту идею исторической закономѣрности. Съ другой стороны,—да не покажется намъ это страннымъ,—Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ; онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды, или, приближаясь къ языку древне-русскаго лѣтописца, „знаменіе правды Божіей“. Я не вижу въ этомъ научнаго грѣха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственной стороной, та же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, къ категоріямъ преступленія и возмездія. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ въ томъ простомъ смыслѣ, что не исключалъ изъ среды своихъ наблюденій мотивовъ и явленій нравственной жизни. Кто изъ слушателей Соловьева не запомнилъ на всю жизнь этихъ нравственныхъ комментарій, что общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ—интересу общему; что уже первоначальное, естественное общество человѣческое, семейство, основано на жертвѣ, ибо отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя; что общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть „жертва“, что „европейское качество всегда торжествовало надъ азіатскимъ количествомъ“, и что это качество состоитъ въ „перевѣсѣ силъ нравственныхъ надъ матеріальными“; что величіе древней Руси заключалось въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія. Все это, повторяю, довольно элементарно, но все это должно быть продумано на студенческой скамьѣ и только на ней можетъ быть продумано, какъ слѣдуетъ.

Въ дѣтствѣ, помню, гдѣ-то я видѣлъ старинныя колонны, обвитыя вьющимся растеніемъ. Молодая жизнь бѣжала по холодному мрамору старины и такъ стройно обвивала его, что мнѣ казалось, что эти вьющіеся побѣги растутъ изъ самаго мрамора. Когда я вслушивался, какъ Соловьевъ перевивалъ факты исторіи нашей общими историческими

идеями, своею прагматикой и моралистикой, мнѣ не разъ вспоминались эти старыя колонны съ обвивающими ихъ побѣгами вьющагося растенія, и мнѣ думалось, что эти идеи органически вырастали изъ объясняемыхъ имъ фактовъ.

Сколько знаю, Соловьевъ никогда не былъ учителемъ среднеучебнаго заведенія; онъ вездѣ, гдѣ преподавалъ, былъ профессоромъ. Но его университетскій курсъ помогаетъ уяснить отношеніе гимназическаго преподаванія исторіи къ университетскому. Неудобно профессорствовать, читать лекціи въ классѣ; неудобно и сказывать урокъ въ аудиторіи: въ первомъ случаѣ гимназистъ преждевременно забѣгаетъ въ настроеніе студента, во второмъ—студентъ огорчается своимъ невольнымъ возвращеніемъ въ положеніе гимназиста. Учитель исторіи разсказываетъ ученикамъ, что было; профессоръ разсуждаетъ со студентами, что это былое значило. Но Соловьевъ такъ разсуждалъ со студентами о быломъ, что они живо представляли себѣ, какъ это происходило; желательно, чтобы учитель такъ разсказывалъ о быломъ, чтобы ученикамъ захотѣлось разсуждать о томъ, что оно значило. Выражу такъ это отношеніе, не умѣя выразить его удачнѣе.

В. О. Ключевскій.

---

12. И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ.

Вотъ вамъ отрывокъ изъ разсказовъ Гончарова во время нашихъ долгихъ прогулокъ по морскому берегу: „Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его — и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его — матовое, суженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ— врѣзалось въ мою память (и доказало мнѣ впослѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ). Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, „переводчикомъ“ въ департаментѣ внѣшней торговли. Работы было немного—и я для себя,—безъ всякихъ цѣлей,—писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его больше

нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ коридоръ и горько, горячо, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его ужъ нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна,—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно, — по смерти матери, да, матери... Чрезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью: „Погасъ огонь на алтарѣ“...

А. Ѳ. Кони.

---

13. Послѣдніе годы жизни доктора Гааза [1]).

Чистая, одинокая и цѣломудренная жизнь Гааза, постоянная подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Несмотря на седьмой десятокъ, онъ оставался бодръ и выносливъ и, хотя совсѣмъ не заботился о здоровьѣ, — никогда не бывалъ серьезно боленъ. Разнообразныя личныя воспоминанія о немъ даютъ возможность представить себѣ его день и составить болѣе или менѣе полную картину его привычекъ, обычаевъ и образа жизни въ послѣдній ея періодъ.

Онъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и, немедленно одѣвшись, садился пить, вмѣсто чаю, который онъ считалъ для себя слишкомъ роскошнымъ напиткомъ, настой смородиннаго листа. Если не нужно было ѣхать на Воробьевы горы (тамъ была пересыльная тюрьма), онъ до восьми часовъ читалъ и часто самъ изготовлялъ лѣкарства для бѣдныхъ. Въ восемь начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось масса. Нечего и говорить, что совѣты были безвозмездны. О научномъ достоинствѣ этихъ совѣтовъ судить трудно. Надо думать, что, увлеченный своею филантропическою дѣятельностью, Ѳедоръ Петровичъ остался при знаніяхъ цвѣтущаго періода своей жизни, между тѣмъ какъ наука ушла впередъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень склонялся къ гомеопатіи. Едва ли и три излюбленныхъ средства съ окончаніемъ на „ель“ (москвичи добродушно острили, говоря: „Докторъ Гаазъ уложитъ въ *постель*, закутаетъ во *фланель*, поставитъ *фонтанель* и пропишетъ *каломель*) играли въ его совѣтахъ прежнюю первенствующую роль. Онъ продолжалъ не возлагать особыхъ надеждъ на лѣкарства, а болѣе

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ (1780—1853 гг.), главный врачъ московскихъ тюремъ и основатель полицейской, нынѣ городской, имени Императора Александра III, больницы, много потрудился для облегченія суровой участи заключенныхъ и для бѣдныхъ вообще. Своей сердечной добротой, неустаннымъ, безкорыстнымъ, любовнымъ служеніемъ больнымъ и несчастнымъ онъ пріобрѣлъ себѣ общую признательность московскаго населенія и право на благодарную память потомства.

вѣрилъ цѣлительному значенію условій жизни больного. Такъ, когда къ нему въ 1850 г. обратился за совѣтомъ А. К. Жизневскій, онъ, вмѣсто рецепта, написалъ на лоскуткѣ бумаги: „Si tibi deficiant medici, medici tibi fiant haec tria: mens hilaris, requies, moderata dieta“, т.-е.: если тебѣ нужны врачи, да будутъ тебѣ таковыми три средства: веселое расположеніе духа, отдыхъ и умѣренная діэта... Но несомнѣнна любовь бѣдныхъ больныхъ къ „ихъ“ доктору, связанная съ безусловнымъ къ нему довѣріемъ. Простые, недостаточные люди видѣли въ немъ не только врача тѣлеснаго, но и духовнаго,—къ нему несли они и разсказъ о недугахъ, и горькую повѣсть о скорбныхъ и тяжкихъ сторонахъ жизни, отъ него получали иногда лѣкарство или наставленіе, всегда—добрый совѣтъ или нравоученіе, и очень часто—помощь... Нерѣдко несчастливецъ, не столько больной, сколько загнанный жизнію, выходилъ послѣ бесѣды съ нимъ ободренный, съ влажными глазами, зажимая въ рукѣ данное лѣкарство... отпускаемое изъ экспедиціи заготовленія государственнымъ бумагъ.

Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую больницу, а оттуда уѣзжалъ въ тюремный замокъ и въ пересыльную тюрьму. Его старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, престарѣлый и немилосердно обиравшій хозяина кучеръ Егоръ, въ неладно скроенномъ, выцвѣтшемъ кафтанѣ, и двѣ, обыкновенно разбитыя на ноги, разношерстныя лошади, были извѣстны всѣмъ москвичамъ. Сѣдокъ и экипажъ, упряжь и кучеръ были для нихъ чѣмъ-то роднымъ, тѣсно связаннымъ съ тогдашнею внутреннею жизнью Москвы. Отъ всего, что служило къ передвиженію неутомимаго старика, и отъ него самого вѣяло такимъ далекимъ прошлымъ, что москвичи утверждали шутя, будто доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ—четыреста лѣтъ. Сколько ни старались, съ разныхъ сторонъ, „открыть глаза“ Ѳедору Петровичу на продѣлки Егора, онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, и держалъ Егора у себя 20 лѣтъ, до самой своей смерти. Не хотѣлъ онъ ни за что разстаться и со старою, безобразною пролеткою. Онъ къ ней привыкъ,—и притомъ подъ ея широкимъ фартукомъ было такъ помѣстительно для установки корзинъ со съѣдобнымъ для идущихъ по этапу! Н. Ѳ. Крузе, знавшій Гааза лично, разсказывалъ намъ, со словъ московскихъ старожиловъ, что когда какая-нибудь изъ дряхлыхъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенныхъ на убой татарамъ,—и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача — одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 году почитатели Ѳе-

дора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей; но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ „по совѣсти“, и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, при чемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ; но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: „Для больныхъ!“ Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ. Въ памяти нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ его образъ запечатлѣлся ярко.

Высокій, широкоплечій, немного сутуловатый, съ крупными чертами широкаго сангвиническаго лица, Гаазъ съ перваго взгляда производилъ болѣе своеобразное, чѣмъ привлекательное впечатлѣніе. Но оно вскорѣ измѣнялось, потому что лицо его оживлялось мягкою, ласковою улыбкою, и изъ нѣжно-пытливыхъ голубыхъ глазъ свѣтилась сознательная и дѣятельная доброта. Всегда ровный въ обращеніи, рѣдко смѣющійся, часто углубленный въ себя, Ѳедоръ Петровичъ избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно въ него попавши, молчаливъ. Но въ обыкновенной бесѣдѣ, вдвоемъ, или въ небольшомъ кружкѣ, онъ любилъ говорить... Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ, привычнымъ образомъ, руки на колѣни, немного склонивъ голову и устремивъ прямо предъ собою задумчивый и печальный взоръ, онъ подолгу разсказывалъ... но никогда *о себѣ*, а всегда—*о нихъ*, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце. Онъ очень не любилъ разспросовъ лично о себѣ, сердился, когда при немъ упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіяхъ о людяхъ былъ, по единогласному отзыву всѣхъ знавшихъ его, „чистъ, какъ дитя“. Раздавая все, что имѣлъ, никогда не просилъ онъ матеріальной помощи своимъ „несчастнымъ“, но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья и знакомые не давали ему своихъ пожертвованій прямо въ руки, а клали ихъ въ задній карманъ его неизмѣннаго фрака. Старикъ добродушно улыбался и дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. Въ послѣдніе годы, однако, онъ сталъ разсѣянъ и забывчивъ, такъ что подчасъ деньги, положенныя въ его фракъ, не доходили до цѣли, попадая въ ловкія и своекорыстныя руки. Тогда, по молчаливому общему соглашенію, ему стали класть свертки звонкой монеты, которые, оттягивая его карманъ и ударяя по ногамъ, напоминали ему о себѣ.

Одѣвался онъ чисто, но бѣдно: фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками. Гаазу было тягостно всякое вниманіе лично къ нему. Поэтому онъ, несмотря на настойчивыя просьбы друзей и знакомыхъ, ни за что не дозволялъ снять съ себя портрета.

Сохранившійся чрезвычайно рѣдкій портретъ его въ профиль нарисованъ тайно отъ него художникомъ, котораго спряталъ за ширмы князь Щербатовъ, усадившій предъ собою на долгую бесѣду ничего не подозрѣвавшаго Ѳедора Петровича. Одинокій, весь погруженный въ мысли о другихъ, онъ лично, по выраженію поэта, „не былъ любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ". Однажды, придя къ Н. М. Еропкиной, принявъ въ креслѣ свою любимую позу и начавъ говорить о видѣнномъ имъ при отправленіи послѣдней этапной партіи, онъ вынулъ изъ кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платкомъ. Увидѣвъ это, слушательница, обойдя за спиною повѣствовавшаго старика, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки тряпицу, вложила взамѣнъ ея этотъ платокъ. Ѳедоръ Петровичъ улыбнулся, ласково взглянулъ на нее и сталъ продолжать свой разсказъ.

— „Однако, одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ"... — подумала Еропкина и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся съ кресла фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки, — и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Еропкину за руки и голосомъ, котораго она не могла позабыть, сказалъ: „Oh, mercі, mercі! *Ils* sont si malheureux!" Онъ не могъ допустить, чтобы это могла быть забота о немъ, а не о *нихъ*, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

Онъ очень любилъ дѣтей. И дѣти ему платили тѣмъ же, шли къ нему съ довѣріемъ, лѣзли на него, ласкали его и теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глаза и часто, съ умиленнымъ выраженіемъ лица, возлагалъ имъ на голову руки, какъ бы благословляя ихъ. По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, онъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми шутливое перечисленіе „необходимыхъ добродѣтелей". Взявъ маленькую дѣтскую ручонку, растопыривъ ея пальчики, онъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ, загибая большой палецъ, говорилъ: „благочестіе"; загибая указательный — „благонравіе", „вѣжливость" и т. д., пока не доходилъ до мизинца.

— „Не лгать!" восклицалъ онъ многозначительно: „не лгать, не лгать, не лгать!" повторялъ онъ, потрясая за мизинецъ руку смѣющагося дитяти...

Такъ дожилъ онъ до 1853 года — весь проникнутый дѣятельной любовью къ людямъ. Общество, наконецъ, поняло этого „чудака" и стало сознавать всю цѣну его личности и дѣятельности. „Когда я, въ началѣ 50-хъ годовъ", пишетъ намъ авторъ „Года на Сѣверѣ" и „Крылатыхъ словъ" (С. В. Максимовъ),—„студентствовалъ въ университетѣ, намъ, медикамъ, имя Гааза было не только извѣстно, но мы искали

случая взглянуть на эту знаменитую личность, — и я хорошо помню его наружность, а также главнымъ образомъ и то, что онъ уже и тогда былъ причисленъ къ лику святыхъ и таковымъ разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія"...

Въ началѣ августа 1853 г. Ѳедоръ Петровичъ заболѣлъ. У него сдѣлался громадный карбункулъ, и вскорѣ надежда на излѣченіе была потеряна. „Я засталъ его", пишетъ А. К. Жизневскій, „не среди больныхъ, труждающихся и обремененныхъ; онъ самъ былъ боленъ и сидѣлъ въ своей комнатѣ, за ширмами, въ вольтеровскихъ креслахъ; на немъ былъ халатъ, и его прекрасную голову не покрывалъ уже историческій парикъ. Его лицо, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою; благоговѣніе къ этому человѣку охватило меня, и я хотѣлъ поцѣловать его руку, но удержался, боясь разстроить"... Онъ не могъ лежать, сидѣлъ постоянно въ креслѣ и очень страдалъ. „Несмотря на болѣзнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновенію доброту и привѣтливость", говоритъ его современница Е. А. Драшусова. „Онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, а безпрестанно занимался своими бѣдными, больными, заключенными,— дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ дальній путь, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, забывая себя для другихъ. Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ; ни одна жалоба, ни одно стенаніе не вырвались изъ груди его; только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: „Я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій"... Но страданія эти были непродолжительны—и конецъ былъ тихъ"... Когда Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей скромной квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, кто желалъ его видѣть, проститься съ нимъ и *отъ него* услышать слово утѣшенія...

Вѣсть о безнадежномъ состояніи Ѳедора Петровича подѣйствовала удручающимъ образомъ на служащихъ при пересыльной тюрьмѣ. Они обратились къ своему священнику, о. Орлову, съ просьбою отслужить, въ ихъ присутствіи, обѣдню о выздоровленіи больного. Не рѣшаясь это исполнить въ виду того, что Гаазъ не былъ православнымъ, о. Орловъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету — и вспоминаетъ нынѣ, что Филаретъ молчалъ съ минуту, потомъ поднялъ руку для благословенія и восторженно сказалъ: „Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ—и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть у Ѳедора Петровича съ просфорой?"—и, получивъ отвѣтъ, что въ два часа, прибавилъ: „Отправляйся съ Богомъ,—мы съ тобой увидимся у Ѳедора Петровича"... И когда о. Орловъ, отслуживъ обѣдню и помолясь о Гаазѣ, „о которомъ не можетъ вспомнить безъ благородныхъ

слезъ", подъѣзжалъ къ его квартирѣ, карета московскаго владыки стояла уже у крыльца квартиры больного...

16-го августа Гааза не стало. Его не тотчасъ вынесли въ католическую церковь, а оставили на квартирѣ, чтобы дать массѣ желающихъ возможность поклониться его праху въ той обстановкѣ, въ которой большинство приходившихъ получало его совѣты. Тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ,—привычная добрая улыбка застыла на губахъ. На похороны стеклось до 20,000 человѣкъ, и гробъ несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ горахъ.

На этихъ Введенскихъ горахъ, въ V-омъ разрядѣ католическаго кладбища, было предано землѣ тѣло Ѳедора Петровича. На могилѣ его, оставшійся неизвѣстнымъ другъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ отшлифованнымъ гранитнымъ же крестомъ, съ надписью на ней: „Fredericus Iosephus Haas, natus Augusti MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII — и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII главы отъ Луки (beati servi illi, quos etc...): „Блаженни рабы тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ, и приступивъ послужитъ имъ". Памятникъ этотъ былъ въ концѣ 80-хъ годовъ очень запущенъ, но въ послѣднее время возобновленъ по распоряженію тюремнаго комитета.

Скромная квартира Гааза опустѣла. Все оставшееся послѣ него имущество оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ рублей и мелкихъ мѣдныхъ денегъ, изъ плохой мебели, поношенной одежды, книгъ и астрономическихъ инструментовъ. Отказывая себѣ во всемъ, старикъ имѣлъ одну слабость: онъ покупалъ, по случаю, телескопы и разные къ нимъ приборы — и, усталый отъ дневныхъ заботъ, любилъ, по ночамъ, смотрѣть на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески-чистой душѣ.

Осталась также и рукопись сочиненія на французскомъ языкѣ: „Appel aux femmes". Изданное другомъ покойнаго, докторомъ Полемъ, оно составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ этомъ своего рода духовномъ завѣщаніи Гаазъ, въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, которыми была проникнута его жизнь, и старается систематизировать проявленія любви къ людямъ и состраданія ихъ несчастію, составлявшія движущую силу, principium movens, его вседневной дѣятельности.

— „Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества", пишетъ Гаазъ, обращаясь къ женщинамъ, — „и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви. Поэтому избѣгайте злословія, заступайтесь за отсутствующихъ и беззащитныхъ, оберегайте окружающихъ отъ вредныхъ увлеченій, вооружаясь твердо и мужественно противъ всего низкаго и порочнаго, не допускайте близкихъ до злоупотребленія виномъ, до увлеченія картами...

Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы имѣть силы помогать ближнимъ, оно — даръ Божій, въ растратѣ котораго безъ пользы для людей придется дать отвѣтъ предъ своею совѣстью. Содѣйствуйте, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для неимущихъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь въ этомъ отношеніи предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказываться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни. Пусть требованіе блага ближняго одно направляетъ ваши шаги! Не бойтесь возможности уничиженія, не пугайтесь отказа... *Торопитесь дѣлать добро*! Умѣйте прощать, желайте примиренія, побѣждайте злое добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть она выразится подачею стакана свѣжей воды, дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія, сочувствія, состраданія,—и то хорошо... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное". Подкрѣпляя эти, разсыпанныя по всей книгѣ, наставленія житейскими примѣрами и ссылками на слова Христа, Гаазъ не можетъ отрѣшиться отъ глубокой вѣры въ хорошіе задатки нравственной природы человѣка. — „Любовь и состраданіе живутъ въ сердцѣ каждаго!" восклицаетъ онъ: „зло есть результатъ лишь ослѣпленія. Я не хочу, не могу вѣрить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... „Не вѣдаютъ, что творятъ" — святыя и трогательныя слова, смягчающія вину однихъ, несущія утѣшеніе другимъ. Вотъ почему надо быть прежде всего снисходительнымъ... Способность къ такому снисхожденію не есть какая-либо добродѣтель, это—простая справедливость!" Во имя этой же справедливости онъ многократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ хозяевъ и господъ къ тѣмъ, „кто у нихъ служитъ или отъ нихъ зависитъ", ссылаясь на посланіе ап. Павла къ Тимоѳею (I, V, 8). „Доказывайте словомъ и дѣломъ ваше расположеніе къ нимъ", говоритъ онъ, „не отдавайте ихъ во власть или подъ надзоръ людей недостойныхъ, воспретите себѣ и всѣмъ въ домѣ вашемъ брань на служащихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, читайте и разъясняйте имъ нравоучительныя книги, охраняйте нравственность ихъ, и пусть день воскресный будетъ посвящаемъ уже не вамъ—а Богу"...

Проповѣдь любви, уваженія къ человѣческому достоинству и серьезнаго отношенія къ жизни разлита по всей книгѣ, написанной сильнымъ, энергическимъ языкомъ, съ горячими и глубокопрочувствованными обращеніями къ читателю. Авторъ отразился въ ней, какъ въ зеркалѣ, и то, что сказано имъ *по смерти*, только освѣщаетъ и подкрѣ-

пляетъ то, что дѣлалъ онъ *при жизни*. Этимъ полнымъ, гармоническимъ согласіемъ слова и дѣла,—при чемъ слово пришло послѣ дѣла и лишь завершило его, — этимъ сочетаніемъ, столь рѣдкимъ въ дѣйствительности, такъ ярко характеризуется Гаазъ! Онъ умеръ съ твердой вѣрою „въ міръ иной и въ жизнь другую“ и могъ, съ полнымъ правомъ, повторить слова Руссо: „Пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда: я предстану съ этой книгою предъ Верховнаго Судію и скажу: вотъ что я дѣлалъ, что я думалъ и чѣмъ я былъ!“

А. Ѳ. Кони.

---

14. Юность Гоголя.

(Народныя черты характера Гоголя. Его настроеніе въ дѣтствѣ. Странности этого настроенія. Школьная жизнь. Мечта о своемъ призваніи и планы будущаго).

Нѣтъ сомнѣнія, что Малороссія оказала большое вліяніе на развитіе характера Гоголя и его поэтическаго дарованія. Гоголь попалъ на сѣверъ лишь на 20-мъ году своей жизни—все свое дѣтство и юность прожилъ онъ въ южной усадьбѣ и въ городѣ Нѣжинѣ, гдѣ учился.

Есть какая-то затаенная грусть въ малороссійской природѣ; въ ней нѣтъ ни строгости, ни энергичнаго величія природы сѣверной, ни жгучей, страстной красоты настоящаго юга; ея красота по преимуществу томная, мечтательная, какъ греза безъ ясныхъ очертаній и сильнаго движенія. Народъ, живущій издавна среди этой природы, одаренъ и соотвѣтствующими чертами характера—идиллическимъ настроеніемъ души, переходящимъ иногда въ волевую слабость, грустной мечтательностью, которая всегда споритъ съ весельемъ, и живой, но не грандіозной фантазіей. Природа надѣлила малорусскій народъ, кромѣ того, особымъ даромъ — юморомъ, столь типичнымъ для всѣхъ, даже скромныхъ, представителей этой національности. Трудно опредѣлить точно, въ чемъ этотъ даръ заключается; иногда это просто комическая жилка—способность оттѣнить въ предметѣ или вопросѣ его смѣшную сторону, чтобы позабавиться—такъ, для невинной потѣхи; иногда это—своеобразный взглядъ на вещи, ищущій въ насмѣшкѣ противовѣса грусти и ограждающій себя смѣхомъ отъ слишкомъ печальныхъ выводовъ и размышленій.

Всѣ эти народныя черты характера сохраняли свою власть и надъ жизнью и творчествомъ Гоголя. Сентиментальное романтическое сердце, любящее нѣжиться въ грусти, и острый, насмѣшливый умъ—вотъ тѣ двѣ силы, которыя въ немъ никакъ не могли ужиться. Сердце было всегда лирически настроено и на землѣ тосковало по туманному идеальному міру, умъ всегда былъ трезвъ и обладалъ удивительной способностью замѣчать именно въ этой земной жизни всѣ ея несовершенства, ея неизбѣжную ложь, грязь и пошлость. Трудно было жить съ такими

дарами духа, и Гоголь заплатилъ за нихъ своимъ душевнымъ покоемъ и счастіемъ.

Но еще задолго до того времени, когда зоркость художественнаго взгляда и лиризмъ сердца стали такъ враждовать между собой — еще въ ранніе школьные годы, Гоголь сроднился съ тревогою духа.

Какая-то неотвязная мысль, весьма, впрочемъ, неопредѣленная, но мысль во всякомъ случаѣ серьезная и грустная, шла рука объ руку съ тѣмъ веселіемъ и той рѣзвостью, какія, судя по воспоминаніямъ товарищей, проявлялъ этотъ хитрый мальчикъ. А онъ былъ хитеръ, скрытенъ и себѣ на умѣ, и таковымъ остался всю жизнь, къ немалому огорченію лицъ, которыя думали, что въ душѣ этого человѣка могли читать, какъ въ своей собственной.

Когда позднѣе серьезная сторона жизни пріобрѣла въ его глазахъ гораздо большую цѣну, чѣмъ сторона веселая, когда задумчивость и грусть поколебали совсѣмъ его духовное равновѣсіе—трагедія его души можетъ быть объяснена трудностью того положенія, какое занялъ онъ—художникъ на отвѣтственномъ посту—передъ лицомъ родины, которая, какъ онъ былъ убѣжденъ, ждала отъ него прорицаній. Но любопытно, что еще въ дѣтствѣ у него были проблески этого сознанія отвѣтственности и сознанія своей силы; любопытно, что уже въ его дѣтскихъ интимныхъ рѣчахъ можно подмѣтить въ зародышѣ ту самую мысль, которая его позднѣе такъ мучила — мысль о томъ, что на него возложена какая-то великая миссія.

Людямъ нерѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ приходится считаться съ ударами судьбы. Эти удары на разныхъ людей разно дѣйствуютъ: иного закаляютъ и дѣлаютъ жизнеупорнѣе, иного разслабляютъ и заставляютъ теряться передъ минутой — слѣдствіемъ чего почти всегда бываетъ осадокъ меланхоліи и печали въ сердцѣ человѣка. Гоголю не пришлось испытать такихъ ударовъ въ дѣтствѣ — и не они виноваты въ его ранней грусти.

Въ семьѣ царили любовь и согласіе. Ребенокъ росъ въ довольствѣ, воспитывался, какъ настоящій помѣщичій сынокъ, и былъ очень избалованъ. Шалилъ, разсказываютъ, также много. Счастливымъ условіемъ этой дѣтской жизни былъ и общій интеллигентный уровень всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя окружали ребенка. И семья Гоголя, и ея знакомые — были люди, которымъ интересы умственные и литературные не были чужды. Отецъ поэта, какъ извѣстно, былъ авторомъ нѣсколькихъ игривыхъ комедій. Особаго вліянія онъ, впрочемъ, на сына не оказалъ, такъ какъ умеръ очень рано. Если кто вліялъ непосредственно на ребенка, такъ это его мать—женщина очень религіозная. Ея вліяніе сказалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на томъ повышенномъ религіозномъ чувствѣ, которое всегда, съ юныхъ лѣтъ, было живо въ душѣ ея сына. Она же, вѣроятно, болѣе другихъ и избаловала его. За эти-то попеченія много лѣтъ спустя ей и пришлось выслушать отъ сына ниже-

слѣдующее наставленіе: „Я очень хорошо помню“, писалъ онъ матери въ 1833 году, „какъ меня воспитывали. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе; итакъ, могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, — и то только потому, что сама натура вдохнула эти чувства“.

Иногда школа исправляетъ ошибки семьи, и излишнее баловство въ семьѣ находитъ себѣ поправку въ школьной дисциплинѣ. Школа кое-чему научила и Гоголя, но только отнюдь не дисциплинѣ. На тринадцатомъ году онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей, и веселая жизнь въ усадьбѣ смѣнилась не менѣе веселой жизнью въ коридорахъ училища, въ его саду и въ окрестностяхъ маленькаго провинціальнаго городка, гдѣ, вѣроятно, всѣ жители знали другъ друга по имени и, навѣрное, знали по имени и нашего студента, который много проказничалъ.

По свидѣтельству товарищей, Гоголь особеннымъ прилежаніемъ въ школѣ не отличался; онъ вынесъ изъ аудиторіи мало знаній, и вина въ данномъ случаѣ едва ли падаетъ на учителей, которые, впрочемъ, также особенными талантами не блистали. Нѣжинъ оказалъ вліяніе только на общее развитіе юноши, умственный кругозоръ котораго расширялся въ средѣ талантливыхъ товарищей. Но надъ этимъ расширеніемъ, кажется, больше другихъ работалъ онъ самъ, — кое-что онъ почитывалъ, а главное—наблюдалъ; общеніе съ весьма разнообразными классами общества, начиная съ лицейскаго начальства, кончая крестьянами городскихъ предмѣстій, куда онъ часто заглядывалъ, давало не мало пищи его остроумію и фантазіи. Яркій слѣдъ этой изощряющейся наблюдательности остался на его уцѣлѣвшихъ литературныхъ школьныхъ опытахъ, и, вѣроятно, этотъ слѣдъ былъ еще болѣе замѣтенъ на тѣхъ его сатирахъ и памфлетахъ, которые онъ писалъ также въ школѣ и которые, къ сожалѣнію, утратились. Много интересовался Гоголь въ эти юношескіе годы и театромъ: онъ ставилъ пьесы и самъ игралъ—и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Но всего болѣе онъ въ эти годы думалъ, думалъ о самыхъ различныхъ и иногда очень серьезныхъ вопросахъ, и они-то и были источникомъ его грусти.

Стоитъ только перелистать школьную переписку Гоголя, чтобы увидать, какая передъ нами сложная психическая организація. Эта юношеская переписка необычайно важна для характеристики всего склада его души. Ознакомимся же съ этими ранними признаніями, въ которыхъ мы безъ труда узнаемъ совсѣмъ еще юнаго „искателя правды“, т.-е. члена той у насъ довольно распространенной семьи мо-

ралистовъ отъ рожденія, для которыхъ жизнь—рядъ поводовъ терзать свою душу разными трудными вопросами. Дѣйствительно, въ раннихъ письмахъ Гоголя, передъ нами длинная вереница такихъ серьезныхъ размышленій, иногда изложенныхъ въ удивительно вычурномъ, патетическомъ тонѣ, который звучитъ подчасъ неискренно и непріятно. Но такое вычурное патетическое выраженіе бываетъ нерѣдко прямымъ слѣдствіемъ повышенности очень искренняго чувства, слишкомъ еще интенсивнаго и потому не способнаго изъ нѣсколькихъ выраженій выбирать себѣ наиболѣе подходящее; и у Гоголя, какъ извѣстно, эта вычурность языка всегда проступала наружу, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь сердцу его наиболѣе дорогомъ и близкомъ.

Одна мысль въ его дѣтскихъ письмахъ останавливаетъ на себѣ преимущественно наше вниманіе. Это мысль о томъ, что я — странная натура, иначе, чѣмъ другія, созданная, чувствующая и думающая иначе; куда итти мнѣ и какой избрать родъ дѣятельности, соотвѣтствующій той силѣ, какую я въ себѣ чувствую?

Какъ видимъ, это та же самая мысль, съ которой Гоголь легъ въ могилу.

Гоголь еще въ самую раннюю пору жизни произвелъ себя въ какую-то загадочную натуру и какъ будто гордился этимъ: онъ почему-то думалъ, что уже успѣлъ испить отъ житейской печали и скорби, что вообще его отношеніе къ жизни совсѣмъ иное, чѣмъ у другихъ людей его возраста. На обыкновенномъ школьномъ языкѣ такое состояніе духа иногда называютъ „ломаньемъ“, но если доля такого „лома“ и была въ ранней исповѣди Гоголя, то въ цѣломъ эта исповѣдь все-таки была правдива: что-то необычайное и пока неизъяснимое сознавалъ въ себѣ этотъ странный юноша.

Вотъ что онъ пишетъ матери наканунѣ выхода изъ школы: „Я больше испыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ принижаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. У насъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ... Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія“.

Читая это письмо, бѣдная Марія Ивановна, вѣроятно, вѣрила каждому слову своего сына, тѣмъ болѣе, что и раньше онъ въ своихъ

письмахъ говорилъ ей приблизительно то же, только не все сразу, какъ онъ это сдѣлалъ въ этомъ признаніи. Мы можемъ быть болѣе строги и можемъ заподозрить въ этихъ словахъ преувеличеніе, которое тѣмъ не менѣе весьма характерно. Преувеличивать Гоголь любилъ и позднѣе: ему всегда казалось, что жизнь на него смотритъ гораздо болѣе страшными глазами, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; но эти раннія жалобы на одиночество, на неловкое, трудное, страдательное положеніе среди людей—показатели, хоть и неопредѣленнаго, но все-таки весьма задумчиваго отношенія юноши къ тому, мимо чего мы обыкновенно въ юности проходимъ, т.-е. къ общему смыслу жизни, который для большинства теряется за раздробленными впечатлѣніями отдѣльныхъ минутъ и частныхъ будничныхъ столкновеній.

Иногда въ итогѣ такого обобщенія житейскихъ встрѣчъ и явленій получался у нашего мечтателя вызывающій и презрительный отзывъ о людяхъ. Въ письмѣ къ одному пріятелю Гоголь въ такихъ словахъ говорилъ о своей лицейской жизни: „Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы: не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время! (Рѣчь идетъ объ экзаменахъ)... Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза участія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ“... Все это очень реторично и некрасиво высказано. Но во всей этой тирадѣ и тому подобныхъ, которыхъ въ письмахъ Гоголя не мало, есть и нѣчто истинное и искреннее; это — неясное пока чувство своего превосходства, чувство, ничѣмъ еще не оправданное и потому лишь патетически высказанное и взвинченное. Ставить юношѣ въ упрекъ это раннее самомнѣніе, это подчеркиваніе своего отличія отъ всѣхъ остальныхъ людей, это кокетничанье своей загадочностью — можно, но надо помнить, что этотъ порокъ вытекалъ, безсознательно для самого Гоголя, изъ безспорнаго превосходства его ума и чувства, въ которомъ онъ не давалъ себѣ пока яснаго отчета.

Такое же неопредѣленное честолюбіе и плохо скрытая гордыня видны и въ его мечтаніяхъ о своемъ будущемъ, мечтаніяхъ, которымъ онъ часто отдавался въ школѣ, и которыя повѣрялъ охотно своей матери. Это темное предчувствіе славы въ грядущемъ, увѣренность въ великомъ подвигѣ, который его ожидаетъ—явленія, довольно обычныя въ юношеской жизни людей крупныхъ. Они не должны удивлять насъ и въ Гоголѣ. Однако, въ этихъ мечтахъ нашего лицеиста о будущей своей славѣ есть нѣчто опять-таки очень своеобразное.

Въ 1826 году, въ веселую и добрую минуту, онъ пишетъ матери:

„Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости (разумѣется, не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастія, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ. Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ, но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ,—не совсѣмъ до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста“.

Въ другую, печальную, минуту, вспоминая своего покойнаго отца, онъ пишетъ матери: „Сладостно мнѣ быть съ нимъ (т.-е. съ образомъ усопшаго), я заглядываю въ него, т.-е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ,— и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія... Черезъ годъ вступаю я въ службу государственную“.

„Какъ угодно, почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ“, пишетъ онъ матери, уже прощаясь съ Нѣжиномъ. „Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ, и что я всю жизнь свою обрекъ благу... Вы увидите, что со временемъ за всѣ худыя дѣла людей я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро“.

Итакъ, скорѣй въ Петербургъ. „Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ“, мечталъ онъ,—„въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ, какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ!..“

Читая всѣ эти размышленія о предстоящемъ подвигѣ на благо людей и эти постоянные вздохи о Петербургѣ и службѣ, трудно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно въ данномъ случаѣ такъ разжигало фантазію Гоголя. Было ли это въ самомъ дѣлѣ высокое честолюбіе, унаслѣдованное отъ предковъ, какъ утверждаетъ одинъ біографъ? Едва ли. Вѣрнѣе предположить, что столь популярное тогда слово „служба“ и слово „служеніе“ совпадали въ мечтахъ Гоголя о своемъ будущемъ. Дѣйствительно, нашъ художникъ всю жизнь признавалъ себя „служителемъ“ общественнаго блага и даже тогда, когда

отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ пришлось отказаться, онъ не переставалъ смотрѣть на свою писательскую дѣятельность, какъ на „службу“ государству, и раздавалъ направо и налѣво совѣты государственной мудрости. Такъ и въ юные годы слилось у него представленіе о службѣ въ Петербургѣ съ представленіемъ о служеніи на благо ближняго.

Но самое поразительное въ этихъ мечтахъ юности — это полное молчаніе о писательской карьерѣ: Гоголь настойчиво говоритъ о своемъ желаніи принести людямъ пользу, облагодѣтельствовать ихъ, и кромѣ „службы“ онъ не видитъ иного пути для достиженія этой цѣли; онъ какъ будто не желалъ замѣтить, что въ его распоряженіи находится совсѣмъ особый даръ для служенія людямъ. Нельзя, однако, предполагать, что онъ совсѣмъ не сознавалъ въ себѣ этого дара, и потому-то молчаніе о немъ такъ странно. У писателей замѣчается обыкновенно еще въ дѣтствѣ большое пристрастіе и большое довѣріе къ будущему своему излюбленному дѣлу: они дѣтьми о немъ мечтаютъ. Гоголь въ данномъ случаѣ составляетъ исключеніе. Насколько позднѣе онъ высоко цѣнилъ свою писательскую дѣятельность, считая ее боговдохновеннымъ пророчествомъ, настолько небрежно относился онъ къ ней въ ранней юности и даже въ первые годы своей литературной работы.

А между тѣмъ въ школѣ онъ трудился надъ своимъ литературнымъ образованіемъ довольно усердно и самъ пописывалъ не мало и охотно.

Н. А. Котляревскій.

---

15. Дѣтство Т. Н. Грановскаго [1]).

Мѣстомъ рожденія Грановскаго былъ городъ Орелъ, дѣтство же его прошло большею частію въ Погорѣльцѣ, сельцѣ Болховского уѣзда Орловской губерніи. Если не ошибаемся, это сельцо было благопріобрѣтенное имѣніе дѣда Грановскаго, перешедшее потомъ къ отцу его. Фамильныя воспоминанія Грановскихъ почти не простираются назадъ далѣе перваго владѣтеля Погорѣльца изъ ихъ рода. Онъ происходилъ изъ бѣднаго семейства и всѣмъ обязанъ былъ своей предпріимчивости, дѣятельности и практическому уму. О немъ разсказывали, что, рано оставшись сиротою, онъ съ 15 копѣйками денегъ пѣшкомъ пришелъ въ Орелъ и мало-по-малу умѣлъ выйти въ люди. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность въ Орлѣ, какъ отличный законникъ и искусный ходатай по дѣламъ. Одинъ выигранный имъ трудный процессъ доста-

1) Тимоѳей Николаевичъ Грановскій (1813—1855 гг.), знаменитый профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ.

вилъ ему награду въ 25,000 р., — капиталъ, положившій начало его благосостоянію. Самая женитьба его была довольно оригинальна. Онъ почувствовалъ склонность къ дочери своего начальника, Лукашевича, но не могъ получить его согласіе на бракъ и рѣшился увезти свою суженую. Отъ этого брака родился отецъ Тимоѳея Николаевича.

Старикъ былъ еще живъ, когда родился внукъ ему. Это было, какъ мы сказали, въ самомъ Орлѣ, куда родители Грановскаго пріѣзжали временемъ пожить. Замѣчаютъ, что днемъ рожденія Тимоѳея Николаевича было 9 марта, т.-е. первый день весны 1813 года. Дѣдъ былъ очень радъ новорожденному и на крестинной пирушкѣ, садясь за игру, обѣщалъ въ его пользу весь выигрышъ. Ему въ самомъ дѣлѣ удалось выиграть въ этотъ вечеръ до 15,000 р. (ассигн.); но вечеръ еще не кончился, когда деньги уже снова были проиграны. Въ жизни Грановскаго не разъ случалось потомъ, что судьба готовила противъ него измѣну въ то самое время, какъ, казалось, начинала улыбаться ему.

У самого Грановскаго уцѣлѣли нѣкоторыя очень свѣжія воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. Такъ, онъ могъ припомнить себя играющимъ на коврѣ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Это было, по всей вѣроятности, еще въ Погорѣльцѣ, куда онъ перевезенъ былъ вскорѣ послѣ рожденія и отданъ на воспитаніе кормилицѣ. Но, какъ только кончилось его кормленіе, дѣдъ опять потребовалъ его къ себѣ и ходилъ за нимъ, какъ самая усердная нянька. Такъ велика была привязанность старика къ ребенку, что онъ не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже на ночь и обыкновенно спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Въ домѣ его Грановскій принялъ самыя раннія впечатлѣнія. Старикъ не получилъ въ свое время образованія и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго; но онъ былъ человѣкъ очень начитанный и хранилъ въ памяти большой запасъ собранныхъ опытомъ или добытыхъ чтеніемъ свѣдѣній. Бѣлыя стѣны его дома въ Орлѣ покрыты были множествомъ выписокъ изъ книгъ. Глазъ ребенка пріучался къ письменамъ прежде, чѣмъ имѣлъ ясное понятіе о нихъ. Когда потомъ онъ познакомился съ грамотою, тѣ же выписки должны были доставить ему первый матеріалъ для чтенія. Сверхъ того, дѣдъ обыкновенно заставлялъ его читать св. Писаніе, и мальчикъ уже пяти лѣтъ отъ роду зналъ наизусть много текстовъ. Такъ рано началось упражненіе его памяти.

Любимецъ дѣда, Грановскій могъ сдѣлаться его баловнемъ. Но судьба судила иначе. На закатѣ дней старику пришлось испытать сильное потрясеніе, котораго онъ не въ состояніи былъ выдержать. Послѣднее время онъ жилъ уже большею частію въ деревнѣ и только временемъ ѣздилъ въ Орелъ. Однажды отсутствіе его изъ Погорѣльца продолжалось болѣе обыкновеннаго... Наконецъ, его привезли обратно изъ города — съ признаками умственнаго разстройства. Говорятъ, что причины помѣшательства были чисто семейныя.

Умственное разстройство старика повлекло за собою и значительныя матеріальныя потери, которыя не могли не почувствоваться въ цѣломъ семействѣ. Домашнимъ извѣстно было, что, сбираясь послѣдній разъ въ Орелъ, онъ хотѣлъ покупать новое имѣніе въ 1000 душъ,— стало-быть, имѣлъ съ собой большой запасъ денегъ или документовъ; но во время первыхъ припадковъ помѣшательства все это было расхищено, и, когда потомъ привезли его въ деревню, у него не оставалось болѣе ничего. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, дѣдъ впрочемъ сохранилъ прежнюю привязанность къ любимому внуку; лучше сказать, у него только и осталась одна эта привязанность. Онъ охотно допускалъ къ себѣ старшаго внука и даже любилъ видѣть его около себя. Мальчику было тогда около 6 лѣтъ. Онъ также охотно льнулъ къ дѣду, который не переставалъ ласкать его, и наконецъ составилъ себѣ у него родъ азила (убѣжища): напроказничавъ у себя дома, мальчикъ обыкновенно послѣ того скрывался въ отдѣльномъ флигелѣ и иногда оставался тамъ по нѣсколько дней, что не мало безпокоило мать его. Когда потомъ больного повезли на Кавказъ для лѣченія, то взяли съ нимъ и внука. Дѣтское воображеніе его поражено было разсказами о черкесахъ. Уже возвратившись опять подъ домашнюю кровлю, когда за столомъ заходилъ разговоръ объ ихъ нападеніяхъ, онъ не иначе рѣшался гулять послѣ обѣда, какъ вооружившись ножомъ. Конечно, впечатлѣніе не удержалось въ немъ долго, но оно важно, какъ первый толчокъ его воображенію.

Такъ прошло около трехъ лѣтъ, т.-е. до самой смерти дѣда. Послѣ того Тимоѳей Николаевичъ безраздѣльно принадлежалъ своей семьѣ до самаго вступленія своего въ пансіонъ, т.-е. до 13-лѣтняго возраста. Объ этомъ періодѣ его жизни также сохранилось нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній. Жили большею частію въ Погорѣльцѣ, но часто также ѣздили въ Орелъ и оставались тамъ довольно долгое время. Вообще Грановскіе жили очень открыто и первое время даже роскошно, много выѣзжали сами и много принимали у себя. Мальчикъ рано уже началъ видѣть людей и привыкъ обращаться съ ними. Между тѣмъ для него наступилъ тотъ возрастъ, когда полагаются первыя сѣмена образованія посредствомъ болѣе или менѣе правильнаго ученія.

Мы далеки отъ мысли приписывать образованію болѣе, чѣмъ сколько лежитъ въ самой природѣ человѣка: оно не создаетъ ничего вновь, оно только развиваетъ данное отъ природы; въ сущности, задача его ограничивается тѣмъ, чтобы дать по возможности разумную форму уже готовому матеріалу. Но какъ много зависитъ отъ этой формы въ жизни человѣка и въ самой его дѣятельности! Матеріалъ остается одинъ и тотъ же: размѣръ душевныхъ силъ не увеличивается, и степень ихъ энергіи не прибавляется; но въ соприкосновеніи съ образованіемъ онѣ

теряютъ свою природную грубость и слѣпоту, и посредствомъ развитыхъ понятій приходятъ къ сознанію самихъ себя. Просвѣщенное понятіе ставитъ передъ ними цѣли, влагаетъ въ нихъ побужденія; оно наконецъ даетъ ихъ дѣятельности болѣе или менѣе разумный смыслъ. Съ этой точки зрѣнія, школа, какова бы она ни была, всегда будетъ занимать важное мѣсто въ жизни современнаго человѣка. Счастливъ тотъ особенно, на чью долю выпадетъ образованіе, наиболѣе сообразное съ его инстинктами: тогда въ результатѣ бываетъ много гармоніи. Тогда оно особенно благотворно. Но случается также, что или оно падаетъ на неблагодарную почву, или же само страдаетъ недостаткомъ жизненнаго начала: тогда и слѣдствія бываютъ весьма различны. Во всякомъ случаѣ впрочемъ, ему принадлежитъ важное мѣсто въ направленіи индивидуальной дѣятельности.

Домашняя школа Грановскаго мало отступала отъ общаго обычая того времени. Первое образованіе дѣтей обыкновенно поручалось тогда иностраннымъ гувернерамъ. Катастрофа 1812 года, оставившая въ Россіи много плѣнныхъ иностранцевъ, едва ли не способствовала еще болѣе къ распространенію этого обычая. Грановскій, какъ только началъ подрастать, также поступилъ подъ надзоръ гувернера. Лица мѣнялись нѣсколько разъ, но ходъ занятій оставался одинъ и тотъ же до самаго поступленія мальчика въ пансіонъ. Разумѣется, главное мѣсто въ этомъ образованіи занимало изученіе иностранныхъ языковъ. По словамъ самого Грановскаго, ученіе было несвязно и недостаточно, однако и не было совершенно безуспѣшно. Еще не совсѣмъ вышедши изъ дѣтства, онъ уже довольно бѣгло говорилъ по-французски и по-англійски. Такимъ образомъ, мало-по-малу, ему открывалась возможность удовлетворить одной изъ самыхъ постоянныхъ его потребностей — потребности чтенія. Говоря объ этихъ домашнихъ классахъ, Грановскій припоминалъ также и нѣкоторыя свои шалости. Такъ разсказывалъ онъ, между прочимъ, какъ, желая отдѣлаться отъ классовъ, онъ придумалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ (Николаемъ) пить воду съ мухами, чтобы возбудить въ себѣ тошноту. Опытъ, однако, почему-то не удался, и шалуны принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Вмѣстѣ съ братьями училась и старшая изъ сестеръ, Варвара. Случилось однажды, что гувернеръ-учитель, вспыливъ на нее за что-то, ударилъ ее линейкою по рукѣ. Грановскій говорилъ, что этотъ случай пробудилъ въ немъ первое чувство любви къ сестрѣ, которое потомъ продолжалось до самой его смерти. Такъ впечатлительна была его природа.

Несмотря на всѣ недостатки образованія черезъ гувернеровъ, Грановскій, однако, сохранилъ о нихъ до конца благодарное воспоминаніе. Дѣло, повидимому, касалось формы, языка, но черезъ эту форму незамѣтно проникало и много облагороженныхъ понятій.

Впрочемъ, идеи проникаютъ въ молодую голову не однимъ только узкимъ путемъ школы. Врожденная потребность ознакомиться съ внѣшнимъ міромъ такъ велика, что она ищетъ себѣ выхода помимо условныхъ формъ и часто въ самомъ дѣлѣ опережаетъ школьную систему. Самая легкая и самая широкая дорога къ этой цѣли есть обыкновенное чтеніе. Дайте молодому воспріимчивому уму этотъ магическій ключъ, который называется грамотою, и онъ самъ будетъ стараться проложить себѣ дорогу къ незнакомымъ сферамъ. Такимъ путемъ молодые умы, можетъ быть, иногда пріобрѣтаютъ понятія, которыя годятся лишь для извѣстнаго возраста; но зато — сколько же есть умственныхъ сокровищъ, собираемыхъ молодыми умами помощью этого простого средства, и съ которыми систематическое ученіе не собралось бы познакомить ихъ, можетъ быть, еще цѣлый десятокъ лѣтъ!

Въ Грановскомъ также очень рано пробудилась страсть къ чтенію. По счастію, какъ мы видѣли, грамотность далась ему весьма скоро. Задача была въ томъ, какъ удовлетворить новой потребности. На первое время, впрочемъ, она легко могла быть удовлетворена средствами домашней библіотеки. Тутъ были книги весьма разнороднаго содержанія, начиная отъ всемірнаго путешествія аббата Делапорта и оканчивая похожденіями Жилблаза. Грановскій читалъ книги съ жадностью, глотая ихъ; часто онъ не могъ оторваться отъ шкафа и, снявши книгу съ полки, тутъ же прочитывалъ ее, стоя на колѣняхъ. Понятно: это было для молодого ума какъ бы первое откровеніе незнакомаго міра.

При такомъ способѣ чтенія домашнія средства скоро истощились, а потребность чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ было взять новой пищи для нея, живя въ деревнѣ? Отецъ, кажется, былъ очень равнодушенъ къ возникавшей страсти сына, но мать, нѣжно любившая его, нашла средства удовлетворить ей. По сосѣдству съ Грановскими жило нѣсколько богатыхъ помѣщиковъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были хорошія библіотеки. Доступъ къ нимъ былъ, правда, довольно труденъ; но мать нашла средство доставать изъ нихъ книги посредствомъ людей, которымъ за то платила деньги. Вѣроятно, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, они носили цѣлыми узлами. Грановскій, при всей жадности къ чтенію, долго не могъ истощить открывшагося ему богатаго запаса.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о содержаніи и составѣ этихъ библіотекъ; знаемъ только, что въ одной изъ нихъ нашлись между прочимъ нѣкоторыя сочиненія Вальтеръ-Скотта. Въ томъ возрастѣ, въ которомъ тогда находился Грановскій, нельзя было пожелать ему болѣе счастливой встрѣчи между писателями. Рано или поздно — мы всѣ въ свое время знакомились съ знаменитымъ шотландскимъ романистомъ и всѣ хранимъ благодарную память о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя выносили изъ чтенія его сочиненій. Эти впечатлѣнія происходили не отъ сложной, запутанной интриги, какою боль-

шею частію щеголяютъ сочиненія французскихъ романистовъ, а отъ тѣхъ глубокихъ чувствъ и общечеловѣческихъ идей, которыя неуловимо разлиты во всѣхъ сочиненіяхъ автора „Ламермурской невѣсты“ и „Сенъ-Ронанскихъ водъ“. Онъ, правда, вездѣ переноситъ васъ въ средневѣковый бытъ; онъ, повидимому, всего болѣе занимаетъ васъ этимъ столько оригинальнымъ и вмѣстѣ столько вѣрнымъ исторически аппаратомъ средневѣковыхъ подробностей; всѣ лица его, кажется, отлиты въ эту средневѣковую форму: а между тѣмъ взвѣсьте дѣйствія благороднѣйшихъ изъ его героевъ, анализируйте ихъ чувства, и вы увидите, что, несмотря на свои готическія формы, они проникнуты самымъ гуманнымъ содержаніемъ, которое бы сдѣлало честь и нашему вѣку. Но художникъ лучше хотѣлъ перенести своихъ героевъ въ давно отжившее время и заставить ихъ дѣйствовать среди фантастическихъ средневѣковыхъ формъ: что жъ? Въ этомъ только новая тайна его прелести; особенно въ глазахъ юности эти фантастическія декораціи, можетъ быть, въ десять разъ увеличиваютъ интересъ самаго предмета. Вспомните „Монастырь“, „Аббата“ и пр. и пр. Диккенсъ едва ли уступитъ Вальтеръ-Скотту въ глубинѣ и широтѣ гуманнаго содержанія: однако, если не ошибаюсь, теперешнее молодое поколѣніе читаетъ его съ несравненно меньшимъ интересомъ, чѣмъ въ наше время читались произведенія шотландскаго романиста, — и я думаю, немаловажная причина этому заключается въ томъ, что Диккенсъ почти не знаетъ для своего дѣйствія другой почвы, кромѣ современной, т.-е. болѣе или менѣе прозаической. Вальтеръ-Скоттъ въ свое время читался съ удивительнымъ интересомъ, и читатель незамѣтно самъ проникался тѣмъ, что составляетъ душу его произведеній. У Грановскаго глубокое уваженіе къ шотландскому романисту сохранилось до конца его жизни. Онъ всегда отзывался о немъ съ большою любовью и отъ него производилъ начало многихъ лучшихъ ощущеній своей юности, — между прочимъ, первое живое впечатлѣніе отъ рыцарства. Это сѣмя пало на плодородную почву и впослѣдствіи, развитое другими добрыми вліяніями, принесло роскошный плодъ.

Изъ личныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на Грановскаго въ дѣтствѣ, самое значительное принадлежало его матери. Отецъ, отъ природы человѣкъ добрый и благородный, мало занимался своимъ семействомъ, дѣля свое время между дѣлами и разъѣздами по сосѣдямъ. Зато дѣти тѣмъ болѣе привязывались къ матери, которая была почти неразлучна съ ними. Анна Васильевна, урожденная Чернышъ, была женщина рѣдкаго сердца. Дѣти имѣли въ ней не только мать, но и истиннаго друга, къ которому довѣрчиво обращались со всѣми своими вопросами и желаніями. Между нею и ими не было никакого разстоянія: ея нѣжная, заботливая, внимательная любовь къ дѣтямъ облег-

чала имъ доступъ къ ней во всякую минуту. Это располагало ихъ къ довѣрчивости, общительности; они не боялись подходить къ матери съ своими маленькими тайнами, потому что всегда увѣрены были въ ея участіи. Тимоѳей Николаевичъ, какъ старшій лѣтами, чувствовалъ себя болѣе другихъ подъ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ. Мы уже видѣли, какъ мать старалась пособить его возраставшей жаждѣ чтенія, при недостаткѣ средствъ домашней библіотеки. Но и въ другихъ отношеніяхъ, которыя были гораздо поважнѣе, она же была первою его совѣтницею и повѣренною всѣхъ его тайнъ. Наконецъ, къ ея вліянію, какъ первоначальному источнику, Грановскій впослѣдствіи относилъ все, что было въ немъ лучшаго. Мы легко повѣримъ этому благодѣтельному дѣйствію нѣжнаго женскаго сердца, да еще сердца матери, на молодое воспріимчивое чувство; мы повѣримъ, что много, очень много благородныхъ инстинктовъ должно было впервые развернуться въ немъ подъ кроткими лучами материнской любви. Такъ было до самаго конца ея жизни. Въ послѣдніе свои годы, когда отношенія отца къ сыну стали измѣняться къ худшему, она же обыкновенно была примирительницею между ними, стараясь смягчать съ обѣихъ сторонъ излишнюю раздражительность. И когда ея не стало, добрая память, оставленная ею въ дѣтяхъ, долго еще поддерживала связь и согласіе между остальными членами семейства.

Все это случилось довольно счастливо для того возраста, въ которомъ находился тогда Грановскій: онъ рано начинаетъ знакомиться съ языками, какъ средствомъ для будущаго своего образованія; посредствомъ чтенія мало-по-малу заготовляется у него первый запасъ разнородныхъ свѣдѣній; онъ растетъ подъ вліяніемъ любящаго материнскаго сердца, при чемъ нельзя не замѣтить также отсутствія другихъ вліяній, которыя бы могли дѣйствовать на него въ противоположномъ смыслѣ. Главное же,—Грановскій все свое дѣтство остается среди своей семьи, гдѣ въ отношеніяхъ къ матери, братьямъ и сестрамъ развиваются первыя его чувства. Дѣлать отсюда прямыя заключенія о будущемъ было бы слишкомъ поспѣшно; но нельзя пропустить безъ вниманія эти первыя благопріятныя условія при намѣреніи обозрѣть послѣдовательно весь ходъ жизни лица, составляющій предметъ нашего очерка.

Говорятъ, что господствующія наклонности человѣка обнаруживаются уже въ его дѣтствѣ, и нѣкоторые заключаютъ по нимъ о самомъ его призваніи. До насъ дошли нѣкоторыя воспоминанія о тѣхъ играхъ и забавахъ, которыя занимали дѣтство Грановскаго. Какъ и другіе его сверстники, въ свободное отъ уроковъ время онъ также много возился съ птицами. Ловля ихъ, въ особенности голубей, была однимъ изъ любимыхъ его занятій. Пѣтушиные бои тоже не мало доставляли ему удовольствія. Но ничему не предавался онъ съ такою охотою и увлеченіемъ,

какъ тѣмъ играмъ, которыя имѣли видъ военныхъ упражненій. Набравъ толпу крестьянскихъ мальчиковъ, онъ ставилъ ихъ въ строй, предпринималъ съ ними цѣлые походы, велъ осады городовъ, давалъ сраженія. Отсюда, пожалуй, легко было бы сдѣлать заключеніе о военныхъ наклонностяхъ мальчика. Грановскій и самъ говаривалъ, что въ молодости у него составилось понятіе о военномъ призваніи его. Съ своей стороны, мы думаемъ, что наблюденія надъ дѣтскимъ возрастомъ вовсе не даютъ права на такіе опредѣлительные выводы. Можно, конечно, находить, что мальчикъ былъ очень живого нрава, что онъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ сложа руки, что въ немъ текла довольно горячая, подвижная кровь, и что наконецъ, ему постоянно нужна была какая-нибудь дѣятельность; но намъ кажется вовсе не логическимъ изъ этой общей посылки выводить такое частное слѣдствіе, какъ мысль о военномъ призваніи. Мы, напротивъ, увѣрены, что если бы, какою-нибудь игрою случая, Грановскому и въ самомъ дѣлѣ досталось носить военный мундиръ, онъ никогда не удовлетворился бы тѣсною сферою этого званія. Инстинкты его были гораздо глубже и шире; умъ его любилъ просторъ, и постоянная потребность жить общими интересами не вытекала изъ одного только его образованія, но глубоко заложена была въ самой его природѣ.

Точно такъ же ничего не говорятъ положительно ни въ пользу, ни противъ мальчика слѣдующія черты изъ дѣтства Грановскаго, тоже сохранившіяся въ его личныхъ воспоминаніяхъ. Мы приводимъ ихъ только какъ достовѣрные факты изъ его дѣтскаго возраста. Однажды Грановскій взялся съ нѣсколькими мальчиками-удальцами произвести нападеніе на садовую бесѣдку, въ которой засѣли другіе мальчики. Онъ былъ, по обыкновенію, впереди и въ жару атаки взобрался на самый верхъ подставленной лѣстницы; но въ это самое время другой мальчикъ приподнялъ лѣстницу съ другого конца, и нашъ герой полетѣлъ головою внизъ и расшибся въ кровь. Виноватый проказникъ послѣ того не зналъ, какъ загладить свою вину, и выражалъ свое раскаяніе совершенною преданностію зашибленному товарищу. Грановскій не хотѣлъ помнить зла, но, замѣтивъ эту слабость со стороны виновника, старался обратить ее въ свою пользу. Такъ какъ тотъ ни въ чемъ не смѣлъ отказать ему, то онъ обыкновенно объявлялъ свои притязанія на его долю лакомствъ и бралъ ее, какъ по праву принадлежащую себѣ. Надъ своею воинственностью въ дѣтствѣ Грановскій самъ же смѣялся, приводя слѣдующую черту. Разъ онъ гулялъ съ сестрами, вооруженный толстою палкою. Передъ тѣмъ говорили о бѣшеной собакѣ, которая будто бы бѣгала по селенію и пугала жителей, и ему очень хотѣлось встрѣтиться съ нею, чтобы поколотить ее. Собака, та или другая, не заставила себя долго ждать: она какъ разъ выбѣжала навстрѣчу гуляющимъ. При видѣ ея нашъ маленькій храбрецъ тотчасъ же давай Богъ ноги—и скрылся въ ближнемъ лѣсу, забывши о сестрахъ, кото-

рымъ обѣщалъ свою защиту. По счастію впрочемъ, опасности никакой не было, и онѣ отдѣлались однимъ страхомъ. Вотъ еще одна черта изъ его же дѣтскихъ воспоминаній. Въ домѣ находилась, между прочимъ, въ услуженіи одна женщина съ своею маленькою дочерью. Агатѣ—такъ звали послѣднюю—житье было очень плохое. Хотя она и не была у дѣла, но много терпѣла отъ своей матери, которая была сердитаго и крутого нрава и на ней вымещала всю злость. Грановскому не разъ приходилось быть свидѣтелемъ беззащитнаго положенія бѣдной дѣвочки.—„Вотъ баринъ“, сказала она ему однажды послѣ жестокихъ побоевъ,—„если мать забьетъ меня до смерти, то вамъ останутся мои куклы“. И онъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ явилось у него тайное желаніе, чтобы съ Агатою дѣйствительно случилось то, что она сама себѣ предсказывала.

Превративъ каждый отдѣльный случай въ общую посылку, сколько можно было бы вывести отсюда разныхъ заключеній о трусливости мальчика, о раннемъ развитіи въ немъ эгоизма и т. п. Но мы не будемъ торопиться выводами, которымъ здѣсь собственно и мѣста нѣтъ. Приведенные нами случаи доказываютъ только одно, что въ дѣтствѣ Грановскаго было много общаго съ другими дѣтьми. У него также были воинственные порывы, какъ у многихъ, и онъ такъ же бѣжалъ отъ опасности, когда встрѣчался съ нею лицомъ къ лицу. Какъ и всѣ почти дѣти его возраста, онъ также не отличался великодушіемъ въ отношеніи къ своимъ сверстникамъ и старался обращать ихъ слабости въ свою пользу. Все это въ порядкѣ вещей, и едва ли кому придетъ въ голову отыскивать въ подобныхъ чертахъ что-нибудь личное или индивидуальное. Возрастъ, которымъ мы были заняты до сихъ поръ, есть время первыхъ впечатлѣній,—и больше требовать отъ него нечего.

П. Н. Кудрявцевъ.

---

16. Сожженіе второго тома „Мертвыхъ душъ“.

Никому не приходило и на мысль въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года, что Гоголю не долго жить на свѣтѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь—навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи рукописи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожъ, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ своей поэмы лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Толстого, онъ просилъ его принять на сохра-

неніе его бумаги, а по смерти его — отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобы не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ,—и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя...

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ близкой смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился исполнить подвигъ высокаго самоотверженія.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣлъ темный плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семену слѣдовать за собою въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ.

— „Не твое дѣло“, отвѣчалъ Гоголь—и самъ зажегъ бумаги...

Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ. Окончивъ свое auto-da-fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: „Что вы сдѣлали!“

— „Тебѣ жаль меня?“ сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ...

Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь попрежнему въ каждой комнатѣ, легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что сдѣлалъ, графу Толстому, съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа. Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже незадолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ или въ молчаливомъ

размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно, долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія...

Гоголь скончался 21 февраля 1852 г. Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“...

П. А. Кулишъ.

---

17. Изъ воспоминаній о С. Т. Аксаковѣ.

30-го апрѣля 1859 г., въ 3-мъ часу пополуночи, скончался патріархъ нашей литературы, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Долговременная, мучительная болѣзнь его была извѣстна всѣмъ и оставляла мало надежды на выздоровленіе, но, несмотря на то, какъ-то не хотѣлось вѣрить, что все уже кончено, что не стало человѣка, который съ такою энергіею воли боролся такъ долго съ страданіями физическими; не хотѣлось вѣрить, что прервалась жизнь, драгоцѣнная не для одной его семьи, не для однихъ его друзей, но для всякаго, кому дороги русская мысль и русское слово...

Послѣднія сочиненія Аксакова писаны въ промежуткахъ гяжкихъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ жестокую хроническую болѣзнь, которая прекратила его прекрасную жизнь. Нельзя не изумляться силѣ его духа, нельзя не умиляться передъ его покорностью волѣ Провидѣнія; читая эти страницы, въ нихъ видишь ту же ясность души, то же величавое спокойствіе художника, которымъ отличался онъ и прежде. Многіе не могли не быть тронутыми, слушая, какъ старшій сынъ его, за мѣсяцъ до его кончины, читалъ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности отрывокъ изъ повѣсти своего умирающаго отца, вѣрнаго своему поэтическому призванію на смертномъ одрѣ, въ предсмертныхъ мученіяхъ привѣтствующаго еще съ прощальною улыбкою молодость, любовь, весну, природу—все, чѣмъ красенъ Божій міръ, что такъ зналъ и любилъ тотъ, про кого можно сказать съ поэтомъ:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ“...

Въ произведеніяхъ Аксакова трудно провести границу между исти-

ною и вымысломъ. Вообще онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ почти невозможно отличить писателя отъ человѣка. И какъ писатель, и какъ человѣкъ—онъ былъ одинаково чтимъ и любимъ всѣми, хоть сколько-нибудь знавшими его. Какъ ни превосходны его произведенія, но не будь авторомъ ихъ такой *человѣкъ*,—едва ли бы достигъ этотъ авторъ того почета, который выражался ему въ литературѣ при всякомъ случаѣ. Во всякомъ литературномъ собраніи вспоминали о немъ первомъ; всякое литературное предпріятіе дорожило его мнѣніемъ; всякій литераторъ считалъ и долгомъ, и удовольствіемъ быть у него, только что пріѣдетъ въ Москву; лучшіе писатели обращались къ нему, какъ безпристрастнѣйшему судьѣ. Благородство чувствъ и помысловъ, участіе ко всему благому и честному, неподкупная правдивость, сердечное радушіе, готовность ободрить всякій благородный трудъ, отчужденіе отъ всякой исключительности и духа партій, жизнь безупречная, всегда согласная въ поступкахъ со словами, безпредѣльная доброта, — вотъ что влекло къ нему—можетъ быть, болѣе, чѣмъ его авторскія дарованія, вотъ отчего съ нимъ бывало такъ легко, такъ привольно сердцу съ первой съ нимъ встрѣчи. Онъ былъ гордостью нашей литературы и по своимъ сочиненіямъ, и по личному характеру; онъ былъ украшеніемъ русскаго общества, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ его представителей. Какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ, какъ человѣкъ—онъ можетъ служить образцомъ настоящаго русскаго человѣка—въ лучшемъ и высокомъ его значеніи.

Около полутора года длилась послѣдняя болѣзнь Аксакова, переносившаго ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ. Когда прошедшею осенью онъ переѣхалъ съ дачи во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ, онъ спросилъ: „Какая у насъ приходская церковь?“ Ему отвѣтили: „Бориса и Глѣба“.—„Въ этомъ домѣ я и умру“, сказалъ онъ; „въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева [1]), тутъ и меня будутъ отпѣвать“... Предчувствіе не обмануло его.

Въ воскресенье, 3-го мая, церковь свв. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ народа; многочисленные друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ—люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ, оставившій неизгладимые и благотворные слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ сердцу.

Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни: „Христосъ воскресе!“ Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей

---

[1]) Александръ Ивановичъ Писаревъ, драматургъ, подававшій большія надежды, рано скончавшійся. Другъ Аксакова.

природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать красоту великаго Божьяго міра...

Могила Аксакова находится недалеко отъ восточной стѣны трапезы Никольской церкви. Въ нѣсколькихъ шагахъ лѣвѣе похороненъ поэтъ Веневитиновъ, могилѣ котораго приходили поклониться многіе изъ бывшихъ на похоронахъ Аксакова.

Такая общая скорбь, какая выказалась на похоронахъ Аксакова, лучше всякихъ похвальныхъ словъ. Дай Богъ всякому,—кончивъ жизненный путь, оставить по себѣ такое чистое имя, такую добрую славу и столькихъ людей, которые бы такъ искренно повторяли: „Вѣчная память!“

М. Н. Лонгиновъ.

---

18. Изъ литературныхъ воспоминаній.

I. М. Ю. Лермонтовъ.

Наружность Лермонтова была очень замѣчательна: онъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у Краевскаго [1]) моего [2]) пріятеля М. А. Языкова... Языковъ сидѣлъ противъ Лермонтова; они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Языковъ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда; онъ и до сихъ поръ не забылъ его.

Я много слышалъ о Лермонтовѣ отъ его школьныхъ и полковыхъ товарищей. По ихъ словамъ, онъ былъ любимъ очень немногими, — только тѣми, съ которыми былъ близокъ, но и со своими онъ не былъ сообщителенъ. У него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость,— и, отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ.

— „Странно“, говорилъ мнѣ одинъ изъ его товарищей, „въ сущ-

---

[1]) А. А. Краевскій — извѣстный издатель-редакторъ журнала „Отечественныя Записки“.

[2]) Авторъ воспоминаній—Ив. Ив. Панаевъ, довольно извѣстный литераторъ; вмѣстѣ съ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія издавалъ журналъ „Современникъ“.

ности, онъ былъ, если хотите, славный малый: покутить, повеселиться— во всемъ этомъ онъ не отставалъ отъ товарищей; но у него не было ни малѣйшаго добродушія, и ему непремѣнно нужна была жертва, — безъ этого онъ не могъ быть покоенъ, — и, выбравъ ее, онъ ужъ безпощадно преслѣдовалъ ее. Онъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ трагически: не Мартыновъ, такъ кто-нибудь другой убилъ бы его".

Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежавшими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями. Я довольно часто встрѣчался съ нимъ у Краевскаго. Гдѣ и какъ онъ сошелся съ Краевскимъ, этого я не знаю; но онъ былъ съ нимъ довольно коротокъ и даже говорилъ ему ты.

Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ Краевскому по утрамъ и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Онъ съ шумомъ вбѣгалъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, подходилъ къ столу, за которымъ, глубокомысленно погруженный въ корректуры, сидѣлъ редакторъ, разбрасывалъ эти корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ корректурахъ. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности къ порядку и аккуратности, такія шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться; но онъ поневолѣ переносилъ это отъ великаго таланта, съ которымъ былъ на ты, и, полуморщась, полуулыбаясь, говорилъ:

— „Ну, полно, полно... Перестань, братецъ, перестань"...

Когда ученый приходилъ въ себя, поправлялъ свои волосы и отряхалъ одежды, поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его всегда были очень непродолжительны.

Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ Краевскому въ то время, когда я былъ у него. Онъ привезъ ему свое стихотвореніе:

„Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно"...

прочелъ его и спросилъ:

— „Ну, что, годится?"

— „Еще бы! Дивная вещь", отвѣчалъ Краевскій: „превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій грамматическій промахъ, неправильность"...

— „Что такое?" спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

— „Изъ *пламя* и свѣта
Рожденное слово"....

„Это неправильно, не такъ", возразилъ Краевскій. „По-настоящему, по грамматикѣ, надо сказать—изъ *пламени* и свѣта"...

— „Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего; вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности — и у Пушкина ихъ много... Однако“... — Лермонтовъ на минуту задумался. — „Дай-ка, я попробую передѣлать этотъ стихъ“.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому фантастическому столу Краевскаго съ выемкой, обмакнулъ перо и задумался...

Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали.

Наконецъ Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

„Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ“...

У Краевскаго съ Лермонтовымъ встрѣчался Бѣлинскій. Онъ пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— „Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ“, говорилъ Бѣлинскій, „было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою“.

И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, примѣшивая къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, желаніе показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задорливость бреттера. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то, по крайней мѣрѣ—идеалъ, сильно тревожившій его въ то время,— на который онъ очень желалъ походить...

Странные и забавные отзывы слышатся до сихъ поръ о Лермонтовѣ: „Что касается его таланта—объ этомъ и говорить нечего; но онъ былъ пустой человѣкъ и, притомъ, не добраго сердца“...

И вслѣдъ затѣмъ приводятся обыкновенно доказательства этого— различные анекдоты о немъ во время пребыванія его въ юнкерской школѣ и гусарскомъ полку.

Какъ же соединить эти два понятія о Лермонтовѣ-человѣкѣ и о Лермонтовѣ-писателѣ?

Какъ писатель, онъ поражаетъ прежде всего умомъ смѣлымъ, тонкимъ и пытливымъ. Онъ далъ намъ такія произведенія, которыя обнаруживали въ немъ громадные задатки для будущаго. Онъ не могъ обмануть надеждъ, возбужденныхъ имъ, и, если бы не смерть, такъ рано прекратившая его дѣятельность, онъ, можетъ быть, занялъ бы первое мѣсто въ исторіи русской литературы... Отчего же большинству своихъ знакомыхъ онъ казался пустымъ и чуть не дюжиннымъ человѣкомъ — да еще съ злымъ сердцемъ? Съ перваго раза это кажется страннымъ.

Но это большинство его знакомыхъ состояло или изъ людей свѣт-

скихъ, смотрящихъ на все съ легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрѣнія, или изъ тѣхъ мелкоплавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, которые схватываютъ только одни внѣшнія явленія и по этимъ внѣшнимъ явленіямъ и поступкамъ произносятъ о человѣкѣ рѣшительные и окончательные приговоры.

Лермонтовъ былъ неизмѣримо выше среды, окружавшей его, и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе—эти тупые мудрецы, важничающіе своею дальностію и разсудочностію и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе (это очень понятно) казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами: и для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Онъ не отыскивалъ людей, равныхъ себѣ по уму и мысли, внѣ своего круга: натура его была слишкомъ горда для этого, онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ.

Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ взросъ и воспитывался, отчасти увлеченія молодости и истекавшее отсюда его желаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ, непріятно дѣйствовали на многихъ дѣйствительно серьезныхъ людей и придавали иногда Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно ли строго судить за это Лермонтова? Онъ умеръ еще такъ молодъ... Смерть вдругъ прекратила его дѣятельность въ то время, когда въ немъ совершалась страшная внутренняя борьба съ самимъ собою, изъ которой онъ, вѣроятно, вышелъ бы побѣдителемъ и вынесъ бы простоту въ обращеніи съ людьми, твердыя и прочныя убѣжденія...

II. Гоголь у С. Т. Аксакова.

Однажды Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ пригласилъ меня обѣдать, сказавъ, что у него будетъ Гоголь, и что онъ обѣщалъ прочесть первую главу „Мертвыхъ душъ“.

Я ожидалъ этого дня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и забрался къ Аксаковымъ часа за полтора до обѣда. Щепкинъ [1]) явился, кажется, еще раньше меня.

Въ исходѣ четвертаго прибылъ Гоголь... Нечего говорить, съ какимъ восторгомъ онъ былъ принятъ. Старшій сынъ Аксакова, Константинъ, видѣвшій въ немъ русскаго Гомера, внушилъ къ нему энтузіазмъ во всемъ семействѣ. Для Аксакова-отца сочиненія Гоголя были откровеніемъ. Они вывели его изъ рутины старой литературной школы и пробудили въ немъ новыя, свѣжія силы для будущей дѣятельно-

[1]) Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ—знаменитый артистъ Московск. Малаго театра.

сти; безъ Гоголя Аксаковъ едва-ли бы написалъ „Семейную хронику Багровыхъ“.

День этотъ былъ праздникомъ для Константина Аксакова... Съ какою любовію онъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ Гоголя, какъ онъ переглядывался со Щепкинымъ, какъ крѣпко жалъ мнѣ руки, повторяя:

— „Вотъ онъ, нашъ Гоголь! Вотъ онъ!“

Гоголь говорилъ мало, вяло и будто нехотя. Онъ казался задумчивъ и грустенъ. Онъ не могъ не видѣть поклоненія и благоговѣнія, окружавшихъ его, и принималъ все это, какъ должное, стараясь прикрыть удовольствіе, доставляемое его самолюбію, наружнымъ равнодушіемъ. Въ его манерѣ вести себя было что-то натянутое, искусственное, тяжело дѣйствовавшее на всѣхъ, которые смотрѣли на него не какъ на генія, а просто какъ на человѣка...

Чувство глубокаго, безпредѣльнаго уваженія семейства Аксаковыхъ къ таланту Гоголя проявлялось во внѣшнихъ знакахъ, съ ребяческой, наивной искренностью, доходившей до комизма. Передъ его приборомъ, за обѣдомъ, стояло не простое, а розовое стекло; съ него начинали подавать кушанье; ему подносили любимыя имъ макароны для пробы, которыя онъ не совсѣмъ одобрилъ и сталъ самъ мѣшать и посыпать сыромъ.

Послѣ обѣда онъ развалился на диванѣ въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеевича и черезъ нѣсколько минутъ сталъ опускать голову и закрывать глаза—въ самомъ-ли дѣлѣ начиналъ дремать, или притворялся дремлющимъ... Въ комнатѣ все смолкло. Щепкинъ, Аксаковъ и я вышли на цыпочкахъ. Константинъ Аксаковъ, едва переводя дыханіе, ходилъ кругомъ кабинета, какъ часовой, и при чьемъ-нибудь малѣйшемъ движеніи или словѣ, повторялъ шопотомъ и махая руками:

— „Тсс! тсс! Николай Васильевичъ засыпаетъ!..“

Объ обѣщанномъ чтеніи Гоголь передъ обѣдомъ не говорилъ ни слова; спросить его, сдержитъ ли онъ свое обѣщаніе, никто не рѣшался. Покуда Гоголь дремалъ, у всѣхъ только былъ въ головѣ одинъ вопросъ: прочтетъ ли онъ что-нибудь и что прочтетъ? У всѣхъ бились сердца, какъ они всегда бьются въ ожиданіи необыкновеннаго событія...

Наконецъ Гоголь громко зѣвнулъ.

Константинъ Аксаковъ заглянулъ въ щелку двери и, видя, что онъ открылъ глаза, вошелъ въ кабинетъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ.

— „Кажется, я вздремнулъ немного?“ спросилъ Гоголь, зѣвая и посматривая на насъ.

Дамы, узнавъ, что онъ проснулся, вызывали Константина и шопотомъ спрашивали—будетъ ли чтеніе? Тотъ пожималъ плечами и говорилъ, что ему ничего неизвѣстно.

Всѣ томились отъ этой неизвѣстности, и Сергѣй Тимоѳеевичъ первый рѣшился вывести всѣхъ изъ такого непріятнаго положенія.

— „А вы, кажется, Николай Васильевичъ, дали намъ обѣщаніе... Вы не забыли его?..“ спросилъ онъ осторожно.

Гоголя подернуло нѣсколько.

— „Какое обѣщаніе?.. Ахъ, да! Но я сегодня, право, не имѣю расположенія къ чтенію и буду читать дурно... Вы меня лучше ужъ избавьте отъ этого...“

При этихъ словахъ мы всѣ пріуныли; но Сергѣй Тимоѳеевичъ не потерялъ духа и съ большою тонкостью и ловкостью сталъ упрашивать его. Гоголь отговаривался болѣе получаса, перемѣняя безпрестанно разговоръ. Потомъ потянулся и сказалъ:

— „Ну, такъ и быть—я, пожалуй, что-нибудь прочту вамъ... Не знаю только, что прочесть?..“ И приподнялся съ дивана.

У встрепенувшагося Щепкина задрожали щеки; Константинъ Аксаковъ весь просіялъ, будто озаренный солнцемъ; повсюду пронесся шопотъ: „Гоголь будетъ читать“.

Гоголь всталъ съ дивана, взглянувъ на меня не совсѣмъ пріятнымъ и пытливымъ глазомъ (онъ не любилъ, какъ я узналъ послѣ, присутствія мало знакомыхъ ему лицъ при его чтеніяхъ) и направилъ шаги въ гостиную. Всѣ послѣдовали за нимъ. Въ гостиной дамы уже давно ожидали его.

Онъ нехотя подошелъ къ большому овальному столу передъ диваномъ, сѣлъ на диванъ, бросилъ бѣглый взглядъ на всѣхъ, опять началъ увѣрять, что онъ не знаетъ, что прочесть, что у него нѣтъ ничего обдѣланнаго и оконченнаго... и вдругъ икнулъ—разъ, другой, третій...

Дамы переглянулись между собою, мы не смѣли обнаружить при этомъ никакого удивленія и только смотрѣли на него въ тупомъ недоумѣніи.

— „Что это у меня? Точно отрыжка?“ сказалъ Гоголь и остановился. Хозяинъ и хозяйка дома даже нѣсколько смутились; имъ, вѣроятно, пришло въ голову, что обѣдъ ихъ не понравился Гоголю, что онъ разстроилъ желудокъ...

Гоголь продолжалъ: „Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ: эти грибки да ботвинья! Ѣшь, ѣшь, просто чортъ знаетъ, чего не ѣшь“... И заикалъ снова, вынувъ рукопись изъ задняго кармана и кладя ее передъ собою.

— „Прочитать еще „Сѣверную Пчелу“, что тамъ такое?“ говорилъ онъ, уже слѣдя глазами свою рукопись.

Тутъ только мы догадались, что эта икота и эти слова были началомъ чтенія драматическаго отрывка, напечатаннаго впослѣдствіи подъ именемъ „Тяжбы“. Лица всѣхъ озарились смѣхомъ, но громко смѣяться никто не смѣлъ... Всѣ только посматривали другъ на друга, какъ бы говоря: „Каково? Каково читаетъ?“ Щепкинъ заморгалъ глазами, полными слезъ.

Чтеніе отрывка продолжалось не болѣе получаса. Восторгъ былъ всеобщій; онъ подѣйствовалъ на автора.

— „Теперь я вамъ прочту“, сказалъ онъ, „первую главу моихъ „Мертвыхъ душъ“, хоть она еще и не обдѣлана“...

Всѣ литературные кружки передъ этимъ уже были сильно заинтересованы слухами о „Мертвыхъ душахъ“. Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всѣхъ читалъ начало своей поэмы Жуковскому. Говорили, что это произведеніе геніальное. Любопытство къ „Мертвымъ душамъ“ возбуждено было не только въ литературѣ, но и въ обществѣ.

Нечего говорить, какъ предложеніе Гоголя было принято его поклонниками...

Гоголь читалъ неподражаемо. Между современными литераторами (писано въ семидесятыхъ годахъ) лучшими чтецами своихъ произведеній считаются Островскій и Писемскій: Островскій читаетъ безъ всякихъ драматическихъ эффектовъ, съ величайшею простотою, придавая между тѣмъ должный оттѣнокъ каждому лицу; Писемскій читаетъ, какъ актеръ,—онъ, такъ сказать, разыгрываетъ свою пьесу въ чтеніи... Въ чтеніи Гоголя было что-то среднее между двумя этими манерами чтеній: онъ читалъ драматичнѣе Островскаго и съ гораздо большею простотою, чѣмъ Писемскій...

Когда онъ окончилъ чтеніе первой главы и остановился, нѣсколько утомленный, обведя глазами своихъ слушателей, его авторское самолюбіе должно было удовлетвориться вполнѣ: на лицахъ всѣхъ ясно выражалось глубокое впечатлѣніе, произведенное его чтеніемъ. Всѣ были и потрясены, и удивлены: Гоголь открывалъ для своихъ слушателей тотъ міръ, который всѣмъ намъ такъ знакомъ и близокъ, но который до него никто не умѣлъ воспроизвести съ такою безпощадною наблюдательностію, съ такою изумительною вѣрностію и съ такою художественною силою... И какой языкъ-то! Языкъ-то!.. Какая сила, свѣжесть, поэзія!.. У насъ даже мурашки пробѣгали по тѣлу отъ удовольствія.

Послѣ чтенія Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ волненіи прохаживался по комнатѣ, подходилъ къ Гоголю, жалъ его руки и значительно посматривалъ на всѣхъ насъ...

— „Геніально, геніально!“ повторялъ онъ.

Глазки Константина Аксакова сверкали, онъ ударилъ кулакомъ о столъ и говорилъ: „Гомерическая сила! гомерическая!“

Дамы восторгались, ахали, разсыпались въ восклицаніяхъ.

Гоголь еще болѣе выросъ послѣ этого чтенія въ глазахъ всѣхъ...

И. И. Панаевъ.

19. Жизнь И. А. Крылова.

I.

Книга есть лучшая часть жизни сочинителя. Онъ въ ней передаетъ намъ дѣйствія ума своего и сердца. Можно поэтому судить, какъ драгоцѣнна книга, представляемая здѣсь читателю (т. е. басни Крылова). Ея страницы воскрешаютъ передъ нами всѣ замѣчательнѣйшіе дни Ивана Андреевича Крылова, котораго имя знакомо почти каждому изъ русскихъ. Удивительна судьба его. Онъ велъ жизнь тихую, однообразную и беззаботную. Никогда не приходили ему въ голову помышленія о достиженіи почестей, знатности, власти и другихъ выгодъ жизни. Въ самомъ умѣренномъ достаткѣ онъ уже видѣлъ совершенный избытокъ и спокойно имъ ограничивался. Въ трудахъ своихъ находилъ онъ забаву и не доискивался громкой славы. А между тѣмъ какъ высоко вознесло его счастье! Безъ власти, безъ знатности, безъ богатства, безъ усиленныхъ трудовъ, онъ силою ума и даромъ слова покорилъ мысли своей умы всѣхъ и навѣкъ остался присутствующимъ въ душѣ каждаго. Люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, самые образованные и едва знакомые съ грамотой, ученики и наставники, люди на первыхъ мѣстахъ въ государствѣ и не выходящіе изъ семейнаго круга—всѣ равно поучаются его наставленіями и добровольно признаютъ надъ собою его превосходство. Не любопытно ли узнать, какъ достигнулъ Крыловъ этой высоты? Чѣмъ рѣже на землѣ подобныя явленія, тѣмъ они сильнѣе заманиваютъ нашу любознательность.

II.

Есть сочиненія, которыя равно занимательны и для дѣтей, и для взрослыхъ. Таковы басни. Ихъ перечитываютъ по нѣскольку разъ и часто наизусть повторяютъ всѣ, какъ говорится, отъ мала до велика. Только не всѣ одно и то же извлекаютъ изъ чтенія басенъ. Дѣтей забавляетъ въ нихъ разсказъ, обыкновенно простой, ясный и часто веселый. Они, конечно, догадываются, что въ вымышленномъ событіи скрывается намекъ на какой-нибудь случай дѣйствительной жизни; но ихъ воображеніе такъ увлекается описываемыми предметами, что о главной цѣли сочинителя басни они почти и не думаютъ. Совершенно другое происходитъ въ умѣ взрослаго человѣка. Ему вымышленный разсказъ нравится только тогда, когда въ каждой части его видно приближеніе къ прямому смыслу, и когда подразумѣваемая истина является, наконецъ, во всей полнотѣ своей и силѣ.

Какъ ни легко, повидимому, составить басню, но не многіе изъ баснописцевъ заслужили всеобщую извѣстность и славу. Только опыт-

ный, степенный и дальновидный умъ въ состояніи придумать разсказъ, изъ-за котораго открывается важная, новая и непоколебимая истина. Поэтому отлично-хорошихъ баснописцевъ часто называютъ то мудрецами, то философами. Въ молодости рѣдко кто посвящалъ себя исключительно сочиненію басенъ. Размышленіе и осмотрительность сообщаютъ человѣку въ зрѣлыхъ лѣтахъ наклонность къ этимъ вымысламъ, которыми прямо оскорбиться никто не можетъ, и изъ которыхъ болѣе или менѣе всѣ чему-нибудь научаются.

Ежели баснописецъ отъ природы получаетъ способность представлять предметы въ самыя занимательныя минуты ихъ дѣйствія и изображаетъ ихъ не только со всею вѣрностію, но и живостію, то разсказъ его врѣзывается въ воображеніи, какъ пріятнѣйшее изъ нашихъ чувствованій, какъ сильно поразившая насъ картина. Прославившіеся въ исторіи баснописцы всѣ таковы. Безъ этого дарованія разсказъ становится вялымъ и утомительнымъ, а заключенная въ немъ истина скучнымъ урокомъ, безполезнымъ словомъ, которое и произнесено и выслушано безъ участія.

III.

У насъ въ Россіи много было баснописцевъ, но лучшимъ изъ нихъ признанъ всѣми Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ родился въ Москвѣ, 2 февраля 1768 года. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, тогда находился въ военной службѣ и вскорѣ принужденъ былъ отправиться съ семействомъ въ Оренбургъ. Величайшая опасность ожидала тамъ маленькаго Крылова и мать его. Въ этомъ краю появился самозванецъ Пугачевъ, противъ котораго и послано было войско. Отецъ Крылова былъ храбрый капитанъ и распоряжалъ свои дѣйствія умно и счастливо. Бунтовщикъ, въ досадѣ на него, отдалъ приказаніе, чтобы все его семейство было повѣшено, лишь только соумышленникамъ его удастся взять Оренбургъ. Къ счастью, не такъ случилось. Пугачевъ самъ былъ пойманъ и отвезенъ въ Москву на казнь. Тогда и капитанъ Крыловъ покинулъ военную службу и перешелъ въ гражданскую. Онъ поселился въ Твери, гдѣ опредѣлили его въ предсѣдатели губернскаго магистрата. Едва исполнилось сыну одиннадцать лѣтъ, какъ отецъ его скончался.

Мать Крылова называлась Марья Алексѣевна. Онъ ей обязанъ былъ воспитаніемъ и всѣмъ, чему удалось ему выучиться въ дѣтствѣ. Оттого до самой смерти своей Крыловъ вспоминалъ о ней съ благодарностію и любовію. Жили они въ бѣдности и нуждѣ. Но мать успѣла сама научить сына своего читать и писать по-русски, а для французскаго языка посылала его къ гувернеру губернаторскихъ дѣтей и послѣ заставляла при себѣ повторять выученное тамъ.

У дѣтей часто недостаетъ терпѣнія и вниманія, когда начинаютъ

ихъ учить чему-нибудь. Мать Крылова испытала то же на своемъ сынѣ. Придумывая разныя средства, какъ бы заставить его охотнѣе учиться, она рѣшилась всякій разъ давать ему по нѣскольку копѣекъ въ награду, когда онъ исправно просиживалъ съ ней за урокомъ. Сынъ очень радъ былъ тому и пряталъ деньги. Привычка къ накопленію денегъ безъ опредѣленной цѣли зарождаетъ въ дѣтяхъ дурную страсть, извѣстную подъ именемъ скупости. Мать стала бояться, чтобы не случилось того и съ ея сыномъ. Тогда она растолковала ему, какъ онъ можетъ на свои деньги покупать для себя такія вещи, которыя ему необходимы, напр.: перчатки, картузъ и т. п. Онъ былъ очень радъ, что могъ наряжаться по своему вкусу изъ собственныхъ денегъ.

IV.

Послѣ отца Крылова остался цѣлый сундукъ съ книгами. Въ мальчикѣ была врожденная наклонность къ чтенію. Онъ и занимался имъ безпрестанно. Въ головѣ его бродили разныя приключенія, о которыхъ узналъ онъ въ книгахъ. Особенно нравились ему вымыслы о волшебникахъ, которыхъ часто выводили на сцену въ старинныхъ операхъ. Онъ даже почувствовалъ охоту сочинить что-нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, будучи только четырнадцати лѣтъ, онъ написалъ свою оперу подъ названіемъ: „Кофейница“. Хорошо, что ея не напечатали: это былъ ребяческій наборъ незанимательныхъ явленій и смѣшныхъ арій.

Въ то время, какъ сынъ проводилъ время въ любимыхъ забавахъ своихъ, мать его предавалась заботамъ, чѣмъ содержать себя и ребенка. У нихъ не было ни собственнаго состоянія, ни пенсіи. Она рѣшилась, какъ это часто дѣлаютъ бѣдные родители, опредѣлить мальчика въ службу, хоть онъ ничему еще порядочно не научился и могъ только кое-какъ переписывать бумаги. Крылова приняли писцомъ въ тотъ же магистратъ, гдѣ служилъ отецъ его. Но это не принесло имъ значительнаго пособія. Крайняя бѣдность и надежда на пенсію за службу мужа заставила мать отправиться съ сыномъ изъ Твери въ Петербургъ. Они прибыли сюда въ 1782 году и жили въ большой нуждѣ. Хоть Крылову и дали здѣсь мѣсто въ службѣ, но онъ получалъ жалованья только 25 руб. въ годъ. Ему удалось между тѣмъ продать свою „Кофейницу“ одному книгопродавцу Брейткопфу, который былъ вмѣстѣ и хорошій музыкантъ. Вмѣсто 60 р., которые покупщикъ согласился дать ему за рукопись, мальчикъ выбралъ у него для себя нѣсколько французскихъ книгъ, въ томъ числѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало. Онъ не могъ довольно начитаться ихъ—и самъ рѣшился писать трагедіи. Страсть къ театру усилилась въ немъ еще болѣе тогда, когда удалось ему познакомиться съ знаменитымъ въ то время трагикомъ нашимъ Княжнинымъ и славнымъ актеромъ Дмитревскимъ.

Только шесть лѣтъ прожила въ Петербургѣ мать Крылова. По смерти ея онъ долженъ былъ самъ заботиться о своемъ существованіи и счастіи.

V.

Двадцатилѣтній молодой человѣкъ, по неопытности своей, много потерялъ времени на занятія безполезныя, прежде нежели дошелъ до того, что было согласно съ его силами и способностями. Онъ родился съ необыкновенными дарованіями къ умственной работѣ и былъ въ ранней молодости очень дѣятеленъ; но ему недоставало тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются порядочнымъ воспитаніемъ и ученіемъ. Что узналъ онъ—все было неполно, безъ связи, перемѣшано. Самое чтеніе книгъ, чему онъ предавался больше всего, увлекало его къ пустымъ предпріятіямъ, потому что никто не руководилъ его въ этомъ дѣлѣ, никто не указывалъ ему на необходимое и не предостерегалъ отъ вреднаго. Онъ получилъ отъ природы умъ острый и проницательный. Вмѣсто того, чтобы обращать его дѣятельность на изученіе наукъ, онъ только занимался сочиненіемъ то тяжелыхъ трагедій, то смѣшныхъ и колкихъ разсказовъ. Изъ неудачныхъ первыхъ опытовъ его особенно извѣстны двѣ трагедіи: „Клеопатра“ и „Филомела“. Первая не попала въ печать. Дмитревскій, съ которымъ Крыловъ совѣтовался, изъяснилъ ему, что это сочиненіе, какъ слабо обдуманное, не заслуживаетъ быть изданнымъ. Другая трагедія, несмотря на то, что напечатана, совсѣмъ незанимательна. Видно, Крыловъ не зналъ еще тогда, что въ сочиненіе, для котораго берется содержаніе изъ исторіи, должны войти самыя вѣрныя черты жизни, нравовъ и прочихъ историческихъ особенностей.

По смерти матери, Крыловъ еще два года оставался въ службѣ. Не чувствуя въ себѣ особенной наклонности къ должностнымъ занятіямъ, онъ съ 1789 года, вышедши въ отставку, исключительно началъ трудиться, какъ журналистъ. Съ этимъ званіемъ онъ соединилъ и другое, а именно—званіе типографщика, чѣмъ надѣялся упрочить способы независимой жизни. Такъ провелъ онъ двѣнадцать лѣтъ. Если бы удалось ему въ первой молодости запастись основательными и разнообразными свѣдѣніями въ наукахъ,—безъ сомнѣнія, онъ, при способностяхъ своихъ, съ 20-ти до 30-ти лѣтъ жизни успѣлъ бы произвести что-нибудь болѣе замѣчательное, нежели трагедіи и мелкія стихотворенія.

VI.

Теперь первымъ предпріятіемъ Крылова въ литературѣ было изданіе „Почты духовъ“, сатирическаго журнала, выходившаго въ продолженіе 1789 года. Въ составленіи его участвовалъ капитанъ гвардіи Рахмановъ. Собственно сочиненія Крылова, помѣщенныя тутъ, пред-

ставляются въ видѣ переписки, бывшей будто бы между адскими духами: Зоромъ, Буристономъ, Вѣстодавомъ и Маликульмулькомъ. Письма ихъ содержатъ изображеніе всего, что въ тогдашнемъ вѣкѣ казалось сочинителю страннымъ, смѣшнымъ, глупымъ, порочнымъ и вреднымъ. Особенно осмѣиваетъ онъ безразсудное пристрастіе русскихъ къ неумѣстному употребленію французскаго языка въ разговорахъ, также дурное воспитаніе и пренебреженіе ко всему отечественному.

Въ слѣдующіе затѣмъ два года ничего не явилось изъ-подъ пера Крылова. Онъ до пристрастія полюбилъ театръ и посѣщалъ его неизмѣнно. Въ 1792 году онъ рѣшился опять издавать журналъ, подъ названіемъ: „Зритель“. Участникомъ его въ новомъ изданіи былъ литераторъ Клушинъ, извѣстный впослѣдствіи, какъ писатель для театра. Сочиненія Крылова въ „Зрителѣ“ были разнообразны. Много между ними есть и мелкихъ его стихотвореній, впрочемъ не очень замѣчательныхъ. Сатирическое направленіе оставалось и здѣсь господствующимъ, какъ было въ „Почтѣ духовъ“.

Издатели, по истеченіи года, прекратили этотъ журналъ, начавъ другой, который назывался: „Санктпетербургскій Меркурій“. Здѣсь Крыловъ напечаталъ множество мелкихъ своихъ стихотвореній и нѣсколько замѣчаній на театральныя пьесы, тогда игравшіяся, не переставая нападать съ колкостію на слабости и глупости современниковъ. Въ этомъ же году онъ написалъ комическую оперу: „Бѣшеная семья“ и комедію: „Проказники“, которыя представлены были обѣ на театрѣ, а напечатаны въ старинномъ сборникѣ русскихъ театральныхъ пьесъ, изданномъ Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: „Россійскій Ѳеатръ“. То же произошло и въ 1794 году съ новою его комедіею: „Сочинитель въ прихожей“. Впрочемъ, въ нихъ мало видно правдоподобія дѣйствительной жизни или характеровъ, обдуманно составленныхъ. Крыловъ ихъ писалъ въ подражаніе тому, что видѣлъ на театрѣ, тогда еще новомъ у насъ и бѣдномъ хорошими образцами.

VII.

Въ продолженіе слѣдующихъ шести лѣтъ (съ 1795 по 1801) Крыловъ и въ службѣ не былъ, и ничего не сдѣлалъ для литературы; по крайней мѣрѣ, нѣтъ изъ его сочиненій ни одного, которое бы видимо относилось къ этому времени. Можно подумать, что съ двадцати пяти лѣтъ до тридцать второго года жизни своей онъ и не думалъ о прежнихъ любимыхъ своихъ занятіяхъ. Бываетъ нерѣдко, что люди въ этомъ возрастѣ предаются праздным удовольствіямъ и разсѣянности. Къ сожалѣнію, Крыловъ не избѣжалъ общей участи. Онъ любилъ тогда забавы, посѣщалъ для своего развлеченія общество и раздѣлялъ безплодное его препровожденіе времени. Но, какъ поэтъ, онъ много отсюда

взялъ и добраго запаса на будущее время. Онъ ближе ознакомился съ людьми, началъ понимать различныя ихъ обязанности, ихъ склонности и страсти, и такимъ образомъ приготовился къ будущимъ своимъ трудамъ. Онъ успѣлъ пополнить воспитаніе свое, привыкнувъ къ чтенію на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, выучившись по-итальянски, также рисовать и играть на скрипкѣ. Въ послѣднемъ искусствѣ онъ довелъ себя до такого совершенства, что съ лучшими виртуозами того времени разыгрывалъ самые трудные квартеты. Но онъ не употребилъ особенныхъ усилій на то, чтобы свободно говорить на французскомъ языкѣ, хотя легко читалъ и даже могъ писать по-французски.

Первые два года нынѣшняго столѣтія Крыловъ находился въ службѣ, состоя секретаремъ у рижскаго военнаго губернатора, князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, который особенно покровительствовалъ ему. Изъ Риги начальникъ его, взявъ отставку, переѣхалъ въ саратовскую свою деревню, куда пригласилъ жить и Крылова. Тамъ онъ провелъ три года, какъ другъ семейства князя и занимаясь по временамъ, какъ учитель, съ его дѣтьми. Жизнь въ чужомъ домѣ рѣшительно подѣйствовала на его умъ и характеръ. Онъ пріобрѣлъ навыкъ соображаться съ разными обстоятельствами, обдумывать не только поступки свои, но и каждое слово, предвидѣть хорошее и худое изъ того положенія, въ которомъ находишься, и быть постоянно благоразумнымъ, даже крайне осторожнымъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Можно сказать, что здѣсь только кончился періодъ его воспитанія, который судьба, повидимому, длила до тридцати семи лѣтъ его жизни. Дальнѣйшія литературныя занятія Крылова были по большей части уже достойны этого знаменитаго между нами имени. Какъ ни медленно подвигался онъ на пути славы, какъ ни трудно было ему самому дойти до того, что другіе получаютъ отъ своевременнаго воспитанія и счастливыхъ обстоятельствъ жизни,—но онъ побѣдилъ всѣ затрудненія и до такихъ успѣховъ довелъ данный ему природою талантъ, что сдѣлался предметомъ удивленія, любви и благодарности своихъ соотечественниковъ.

VIII.

Въ сочиненіи басенъ Крыловъ показалъ образецъ совершеннѣйшій. Повидимому, онъ создалъ для насъ свою поэзію, одушевившись единственно нашею природою, нашею жизнію и нашими нравами. Умъ, воображеніе и языкъ въ его басняхъ представляютъ одно отличительное, замѣчательное и прекрасное въ томъ видѣ, какъ оно свойственно русскому народу, и какъ оно должно являться истинному поэту, особенно въ этомъ родѣ. Отъ прежнихъ своихъ занятій къ баснямъ Крыловъ перешелъ, можно сказать, случайнымъ образомъ. Въ 1806 году онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ и познакомился съ И. И. Дмитріевымъ, ко-

тораго басни не менѣе уважаются, какъ и прочія его стихотворенія. Крылову вздумалось перевести для опыта двѣ басни Лафонтена: „Дубъ и трость“ и „Разборчивую невѣсту“. Онъ показалъ переводъ свой Дмитріеву. Опытный баснописецъ тотчасъ почувствовалъ, какой талантъ скрывается въ его будущемъ соперникѣ, и присовѣтовалъ ему не покидать новаго рода занятій. Крыловъ тогда же перевелъ еще изъ Лафонтена басню: „Старикъ и трое молодыхъ“. Такимъ образомъ онъ добрымъ совѣтомъ выведенъ былъ на ту дорогу, которая довела его до безсмертія.

Между тѣмъ старинная страсть къ театральнымъ сочиненіямъ не совсѣмъ покинула его. Въ 1807 году онъ напечаталъ двѣ комедіи: „Модную лавку“ и „Урокъ дочкамъ“; также волшебную оперу: „Илья-богатырь“, которыя всѣ играны были и на театрѣ. Первыя двѣ долго нравились всѣмъ и потому долго оставались на сценѣ. Въ нихъ есть явленія, по которымъ можно узнать остроумнаго и насмѣшливаго Крылова. Но это было послѣднею его данью театру. Онъ предался теперь исключительно баснямъ. Не надобно впрочемъ думать, что ихъ сочиненіе составляло для него трудъ непрерывный и постоянный. Онъ отъ времени до времени пользовался какимъ-нибудь случаемъ, который давалъ ему содержаніе басни. Заготовивъ ее вчернѣ, онъ долго перечитывалъ и переправлялъ новое сочиненіе свое, нѣсколько разъ переписывая его на особомъ листкѣ. Почеркъ его былъ старинный и до такой степени неразборчивый, что Крыловъ подъ старость и самъ не могъ читать своихъ рукописей. Когда онъ читалъ свои басни другимъ, его чтеніе было такъ же пріятно, естественно и выразительно, какъ и стихи его. Въ первый разъ особою книжкою напечатаны были басни Крылова въ 1808 году. Ихъ было только 23. Несмотря на столь малое число ихъ, сочинитель скоро сдѣлался самымъ замѣчательнымъ лицомъ. Особенно полюбили его графъ А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ, люди, умѣвшіе цѣнить таланты во всѣхъ родахъ. Императоръ Александръ Павловичъ успѣхи Крылова въ поэзіи признавалъ какъ бы заслугою передъ отечествомъ и щедро награждалъ его. Государыня Марія Ѳеодоровна удостоивала его даже личнаго своего участія и, приглашая иногда къ себѣ, любила слушать то, что ему удавалось написать новаго.

IX.

Совершенно однообразная и покойная жизнь началась для Крылова, когда онъ опредѣлился на службу въ Императорскую Публичную библіотеку, куда переселился и на житье, что было въ 1812 году. Онъ здѣсь провелъ всю остальную половину жизни своей, за исключеніемъ только четырехъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ квартирѣ его было три комнаты, изъ которыхъ одна оставалась у него даже безъ назначенія. Какъ холостой человѣкъ, никогда не

обзаводившійся хозяйствомъ, онъ мало обращалъ вниманія на порядокъ и убранство жилища своего. Только по временамъ пробуждалась въ немъ особенная какая-нибудь прихоть. Такъ, нѣсколько времени собиралъ онъ картины и эстампы; разъ накупилъ онъ въ квартиру свою самыхъ блестящихъ вещей, дорогой мебели, ковровъ и богатыхъ столовыхъ принадлежностей. Но постоянный за этимъ присмотръ не входилъ въ число его привычекъ, и оттого скоро все у него тратило видъ красоты и пріятности. Даже въ отношеніи къ себѣ самому былъ онъ небреженъ, надъ чѣмъ вмѣстѣ съ другими приходилось ему поневолѣ подшучивать и смѣяться. Онъ любилъ, когда голуби съ улицы влетали въ его комнаты, гдѣ онъ прикармливалъ ихъ, бросая повсюду зерна. Онъ небольшой былъ охотникъ до прогулокъ, и дома—читалъ ли, писалъ или курилъ—всегда проводилъ время, сидя въ покойномъ комнатномъ платьѣ. Но дѣятельный умъ его не переставалъ никогда работать; трудно указать на другого писателя, который былъ бы умнѣе его, основательнѣе бы его разсуждалъ и осторожнѣе бы велъ себя въ отношеніи ко всѣмъ людямъ.

Должность не была тяжела для Крылова. Въ нѣкоторые только дни онъ обязанъ былъ принимать и въ порядокъ приводить вновь выходившія русскія книги или по оставляемымъ требованіямъ приготовлять ихъ для чтенія посѣтителей библіотеки. Еще рѣже приходилось ему проводить тамъ цѣлыя сутки на дежурствѣ. Отъ природы у него была наклонность къ жизни неподвижной, а служба эта еще болѣе къ ней пріучила его. Утромъ до обѣда оставался онъ всегда дома. Обѣдать отправлялся по большей части въ Англійскій клубъ. Вечеръ чаще всего проводилъ у Алексѣя Николаевича и Елизаветы Марковны Олениныхъ, гдѣ считали его за родного. Крыловъ былъ вполнѣ преданъ имъ, такъ, что однажды сказалъ Елизаветѣ Марковнѣ: „Когда наступитъ послѣдній мой часъ, я приду умереть къ вамъ сюда, къ вашимъ ногамъ“. И дѣйствительно: почувствовавши разъ ударъ паралича отъ прилива крови къ головѣ, онъ, больной, съ трудомъ пришелъ въ этотъ домъ и трогательно произнесъ: „Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня“. Но ему оказана была во время помощь, и онъ выздоровѣлъ.

X.

Несмотря на то, что собраніе басенъ Крылова составляетъ и теперь небольшую книжку, а въ первое время изданія ихъ она была еще менѣе, — ему, какъ поэту, въ 1818 году оказана была самая блестящая почесть Императорскою Россійскою Академіею, въ которой онъ съ 1811 года находился дѣйствительнымъ членомъ: въ ознаменованіе великой отъ его басенъ пользы русскому языку и славы отечеству, Академія торжественно наградила его золотою медалью, какою тогда же почтила Карамзина за его „Исторію Государства Россійскаго“.

Крыловъ, въ продолженіе свыше семидесятишестилѣтней жизни своей, всегда пользовался дружбой и любовію знаменитыхъ писателей нашихъ. Ежели окружить его ихъ именами, то выйдетъ тутъ весь лучшій періодъ русской литературы. Державинъ, Нелединскій-Мелецкій, Капнистъ, Озеровъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Пушкинъ—всѣ они связаны были съ нимъ искренностью, единодушіемъ и братствомъ. Онъ съ своей стороны, при всей привычкѣ къ жизни одинокой и къ нѣкоторому бездѣйствію, принималъ живое участіе въ ихъ занятіяхъ, чувствуя всю важность ихъ трудовъ для общественнаго образованія. Оттого и всеобщее мнѣніе ни надъ кѣмъ такъ не высказалось согласно и неизмѣнно, какъ надъ Крыловымъ. Смотря по различію вкуса и по другимъ обстоятельствамъ, рѣдко похвалы писателямъ бываютъ безъ раздѣленія; но при имени Крылова одно слышалось отвсюду. Самою, конечно, утѣшительною для его таланта наградою было то неоцѣненное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высокихъ Особъ Императорскаго Дома. Изъ его басни „Василекъ“ всѣмъ извѣстно, что императрица Марія Ѳеодоровна нѣжнѣйшее оказала ему попеченіе во время болѣзни его. Онъ до гроба хранилъ цвѣты, которые при разныхъ случаяхъ удостоивала посылать ему Императрица Александра Ѳеодоровна. Оба императора, Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ, самымъ щедрымъ образомъ награждали его, какъ писателя и гражданина. Его бюстъ посланъ былъ въ числѣ подарковъ на новый 1831 годъ Государю Цесаревичу Наслѣднику Августѣйшимъ его родителемъ. Вездѣ, каждымъ лицомъ Царскаго Семейства онъ былъ привѣтствуемъ съ искреннимъ, полнымъ радушіемъ и ласкою.

Иностранцы также оказали еще при жизни Крылова особенное уваженіе къ его таланту. Въ 1825 году въ Парижѣ было напечатано 86 басенъ Крылова, переведенныхъ на итальянскій языкъ и французскій лучшими тогдашними поэтами той и другой земли. При этомъ изданіи находился и подлинникъ съ портретомъ автора и нѣсколькими гравюрами. Было еще нѣсколько другихъ переводовъ басенъ Крылова на французскій языкъ и нѣмецкій. У насъ же и примѣра не знаютъ, кто бы столько разъ и въ такомъ числѣ печатался, какъ Крыловъ. Вычислено, что всѣхъ экземпляровъ басенъ его съ перваго изданія ихъ до его смерти разошлось по Россіи 77.000.

XI.

Природа послала въ даръ Крылову не только тонкій умъ и счастливѣйшій талантъ, но и удивительную твердость въ исполненіи самыхъ трудныхъ дѣлъ, когда онъ предпринималъ ихъ. Привычка къ бездѣйствію и наружное ко всему равнодушіе покидали его совершенно, когда

онъ выбиралъ съ любовію какое-нибудь занятіе. Можно сказать, что тогда его терпѣніе равнялось силѣ души его. Въ самой отдѣлкѣ тѣхъ басенъ, которыми онъ почему-нибудь не былъ доволенъ, нельзя было не удивляться его настойчивости. Такъ, свою басню „Дубъ и Трость“ онъ передѣлывалъ до десяти разъ. Еще болѣе изумилъ онъ всѣхъ твердостію воли своей—безъ учителя, только съ помощію грамматики и лексикона, выучившись на 51 году греческому языку, котораго прежде совсѣмъ не зналъ. Онъ такъ овладѣлъ имъ въ два года, что могъ свободно прочитать всѣхъ греческихъ поэтовъ съ Гомера до Анакреона. Нѣсколько позже, слушая часто, какъ одна дама читала при немъ вслухъ англійскія книги, онъ скоро сталъ понимать и читать по-англійски. Иногда и пустое дѣло заманивало его рѣшимость въ такой степени, что онъ не покидалъ его, не добившись до исполненія. Ему очень понравилось однажды, какъ индѣецъ-фокусникъ составлялъ вокругъ головы своей блестящій вѣнокъ, искусно играя свѣтящимися мячиками. Крыловъ захотѣлъ дойти до этого мастерства. Онъ купилъ подобныхъ мячиковъ, заперся въ комнатѣ своей, усѣлся на коврѣ, трудился двѣ недѣли—и дошелъ до того, что ему хотѣлось сдѣлать непремѣнно. Особеннымъ любопытствомъ онъ всегда подстрекаемъ былъ смотрѣть на пожары. Это странное влеченіе такъ имъ овладѣло, что ночью, съ постели, онъ непремѣнно вскакивалъ, одѣвался и, какъ бы далеко ни было, шелъ, лишь узналъ о какомъ-нибудь пожарѣ. Видно было, что онъ казался склоннымъ къ бездѣйствію только по наружности, а мысль его искала труда, какъ необходимой пищи. Въ шумномъ говорѣ народа, въ ловкости хитреца, во всякой книгѣ—Крыловъ ловилъ выраженія и черты, которыми лучше всѣхъ умѣлъ пользоваться при удобномъ случаѣ.

XII.

Нельзя не замѣтить, что Крыловъ, такъ часто въ жизни своей уступавшій прихотямъ воображенія, по большей части беззаботный и переходившій нерѣдко въ крайности, умѣлъ строго и неизмѣнно сохранять въ басняхъ своихъ одинъ и тотъ же духъ мудрой наставительности, удивительнаго спокойствія, неотразимаго убѣжденія, неподражаемой во всемъ простоты и умѣренности. Говорилъ ли онъ о воспитаніи и ученіи,—въ его правилахъ слышится голосъ опытности, благоразумія и прямой любви къ отечеству. Описывая, въ какихъ видахъ является ложная дружба, онъ ничего не упускаетъ изъ глазъ и обогащаетъ нашъ умъ самыми тонкими соображеніями. Слабости людей и пороки представлены у него такъ, что читателю вживѣ видятся пріемы ихъ и дѣйствія. Между тѣмъ нигдѣ нѣтъ въ сужденіяхъ и приговорахъ Крылова раздражительной самонадѣянности, рѣшительной самоувѣренности, во всемъ и всегда непріятной рѣзкости. Онъ ведетъ свое сужденіе такъ

спокойно, такъ постепенно, такъ умѣренно, что невозможно защититься отъ силы ума его и тѣмъ болѣе—оскорбиться злоупотребленіями власти, данной ему природою. Ежели сущность дѣла такого свойства, что много правдоподобнаго и на одной и на другой сторонѣ (напр., въ басняхъ: „Водолазы“, „Червонецъ“ и мн. др.), онъ не угождаетъ, не льститъ какой-нибудь партіи, а указываетъ, какъ мудрый и неподкупный судія, гдѣ между этими крайностями середина, т. е. истина,—и такимъ образомъ примиряетъ обѣ стороны. Труднѣйшія задачи, касающіяся гражданскихъ, религіозныхъ, ученыхъ, нравственныхъ и другихъ предметовъ, онъ нашелъ средство рѣшить такъ, что противъ него ниоткуда не являлось еще возраженій. Отъ Княжнина до Гоголя, въ теченіе слишкомъ полувѣка, Крыловъ не только слѣдовалъ, какъ наблюдатель, за всѣми мнѣніями и вкусами, но и какъ писатель—самъ дѣйствовалъ; однакоже уберегъ до конца жизни твердыя свои начала, свои убѣжденія, свой ровный голосъ и святую свою истину. Онъ ни съ кѣмъ не спорилъ, никого не опровергалъ, ни за кѣмъ не гонялся, никому не измѣнялъ: онъ только мыслилъ и дѣйствовалъ самобытно. Внимательно самъ съ собою разбирая причины и слѣдствія событій частныхъ, общественныхъ и всѣхъ современныхъ, онъ произносилъ о нихъ умѣренный, но неотразимо-вѣрный приговоръ свой—и не было человѣка, который бы смогъ еще вѣрнѣе рѣшить это дѣло или нашелъ бы средства, для оправданія собственной мысли, раздвоить цѣлость суда скромнаго, но прямодушнаго.

XIII.

Разбирая внимательно характеръ мыслей Крылова, зрѣлость его поучительности и постоянное заступничество за правила мудрой умѣренности во всѣхъ случаяхъ, какіе только представлялись ему въ жизни и современной исторіи, надобно согласиться, что онъ высоко цѣнилъ отвѣтственность писателя и не случайно дошелъ до тѣхъ совершенствъ, которымъ всѣ въ немъ удивляются. Его внѣшняя жизнь, столь обманчивая для приговора, прикрывала невидимую дѣятельность души, жизнь внутреннюю, постоянно бодрствовавшую для общаго блага. Въ самомъ обработываніи своихъ сочиненій Крыловъ оставилъ намъ прекрасный примѣръ. Все у него доведено до выраженія столь безыскусственнаго и согласнаго съ природою, что, повидимому, онъ находилъ въ умѣ своемъ уже готовые на все стихи. Гоголь говоритъ о Крыловѣ слѣдующимъ образомъ: „Его басни—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа... Всякая басня его имѣетъ историческое происхожденіе. Несмотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ однакоже слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій, третейскій судъ,

которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо... Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ... Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ онъ ощутительно самую невыразимую ея духовность“.

XIV.

Оканчивался семидесятый годъ жизни Крылова, когда прошло пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати сочиненія его „Филомела“. Русскіе литераторы пожелали торжественно отпраздновать наступавшій день рожденія Крылова вмѣстѣ съ юбилеемъ авторской его жизни. Министръ народнаго просвѣщенія испросилъ соизволеніе Его Императорскаго Величества на предполагавшееся празднество. 2 февраля 1838 года оно совершено было здѣсь, въ Петербургѣ, съ полнымъ великолѣпіемъ. Не было почти ни одного человѣка, какимъ-нибудь талантомъ замѣчательнаго, кто бы не содѣйствовалъ успѣху этого народнаго праздника. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго благоволенія своего къ баснописцу, пожаловалъ ему въ этотъ день орденъ св. Станислава съ звѣздою второй степени. Великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ пріѣзжали поздравить Крылова. Министръ народнаго просвѣщенія, Оленинъ, Жуковскій и другіе литераторы привѣтствовали его за обѣдомъ (гдѣ находилось до 300 человѣкъ) приготовленными на этотъ случай рѣчами и стихотвореніями. Жуковскій, между прочимъ, выразился слѣдующимъ образомъ:

„Мы благодаримъ васъ, во-первыхъ, за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы“ [1]). Въ стихахъ князя Вязямскаго о Крыловѣ сказано въ одномъ мѣстѣ:

„Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ“.

Въ заключеніе торжества, присутствовавшіе на праздникѣ согласились участвовать, чтобы въ память этого событія выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Когда было доведено о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ медаль выбить на счетъ казны, а подписку открыть для составленія постояннаго капитала, котораго процентами могли бы въ учебныхъ заведеніяхъ содержаться молодые люди, подъ названіемъ „Крыловскихъ стипендіатовъ“. Крылову, еще при жизни его, удѣлено было судьбой счастіе помѣстить двухъ сиротъ въ здѣшнія гимназіи на счетъ суммы, собранной въ прославленіе его имени.

XV.

Съ 1841 года Крыловъ покинулъ навсегда службу и переѣхалъ жить изъ Библіотеки на Васильевскій островъ. Высочайше повелѣно было производить ему пенсію 11,700 р. асс. Онъ, усыновивъ семейство крестницы своей, находилъ забаву въ обученіи грамотѣ дѣтей ея и въ повтореніи съ ними уроковъ музыки. Крыловъ прожилъ до 1844 года и скончался 9 ноября. Государь Императоръ, на погребеніе знаменитаго поэта, приказалъ отпустить изъ казны 9,000 р. асс. Санктпетербургскій университетъ и Академія наукъ приняли участіе въ изъявленіи послѣдней почести Крылову, какъ члену своему. Знатнѣйшія особы государ-

[1]) См. рѣчь Жуковскаго въ V-мъ отдѣлѣ.

ства и люди самаго простого званія съ равнымъ чувствомъ прискорбія провожали тѣло его до Александро-Невской Лавры, гдѣ оно погребено на тамошнемъ кладбищѣ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день своего юбилея. На груди его лежали цвѣты, которые получалъ онъ отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и хранилъ, какъ святыню. При закрытіи гроба его положена туда медаль, выбитая въ память бывшаго въ честь его празднества.

Признательность соотечественниковъ къ великому баснописцу не охладѣла съ его кончиною. Вслѣдъ за почестями, оказанными ему при жизни и при погребеніи, всѣ пожелали воздвигнуть памятникъ ему и тѣмъ увѣковѣчить славу его въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. И это общее желаніе удостоено было всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора. Подписка на памятникъ Крылову производится по всей Россіи. Какъ богачи, такъ и бѣднѣйшіе люди получили возможность принести свою дань во славу человѣка, равно всѣмъ драгоцѣннаго, потому что опредѣлено принимать безъ различія всякое приношеніе. Въ непродолжительномъ времени Петербургъ украсится изображеніемъ того, кто своими тихими трудами увѣковѣчилъ славу нашего отечества.

П. А. Плетневъ.

30 сентября 1847.

---

20. Автобіографическій очеркъ.

... Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г. (24 августа), но еще шести недѣль былъ увезенъ въ Малороссію матерью моею и моимъ дядей со стороны матери, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, бывшимъ позднѣе попечителемъ Харьковскаго университета и извѣстнымъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣніи, почему я смотрю на Малороссію, какъ на мою истинную родину. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ одни свѣтлыя воспоминанія. Бывъ единственнымъ сыномъ, безъ товарищей игръ, одаренный весьма пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, гдѣ я жилъ, много тому содѣйствовала: воздухъ и зрѣлище нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь и сохраняемое мною до сей поры. Мое воспитаніе попрежнему продолжалось дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ Цесаревичу (впослѣдствіи Императору Александру II) и допущенъ въ кругъ дѣтей,

составлявшихъ его воскресное общество. Съ того времени благосклонность его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германію. Въ одно изъ нашихъ пребываній въ Веймарѣ, дядя взялъ меня къ Гёте, къ которому я по инстинкту проникся величайшимъ почтеніемъ,—благодаря тому, что я слышалъ, какъ говорили о немъ; отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте и то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ тѣхъ поръ и до 17-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родными, то по Россіи, то за-границей, но часто возвращался въ имѣніе, гдѣ провелъ свои первые годы,—и никогда я не могъ вновь видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія.

По смерти моего дяди, назначившаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позднѣе я перешелъ во II-ое Отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи, редактирующее законы. Въ 1855 г. я пошелъ въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи, съ цѣлью принять участіе въ крымской кампаніи; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и дошелъ только до Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человѣкъ отъ тифа, которымъ заболѣлъ и я. Императоръ Александръ II-ой, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не готовилъ себя для военнаго дѣла и намѣревался оставить службу вслѣдъ за окончаніемъ войны, то я и представилъ скоро мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычною ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора, — званіе, которое я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ лѣтопись моей внѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь передать вамъ и ее, какъ сумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи,—такъ поражено было мое воображеніе нѣкоторыми изъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ обертку грязно-краснаго цвѣта. Наружность этой книги запечатлѣлась въ моей памяти и заставила бы биться сердце и теперь, если бы она мнѣ снова попалась на глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, зачитываться ею по цѣлымъ часамъ. Вскорѣ я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ упражнять себя такимъ образомъ, совершенствуясь, насколько могъ, въ теченіе многихъ

лѣтъ, но въ печати я появился только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ для печати въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ разные журналы, а позднѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникѣ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни,—я вамъ скажу, что независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или хорошая музыка—производили на меня такое впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію.

Изобразить вамъ всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось мнѣ ихъ видѣть,—было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ старомъ дворцѣ Гримани. Въ томъ числѣ находился бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю; этотъ бюстъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ графу П. С. Строганову. Когда бюстъ перенесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посмотрѣть на него, и нелѣпѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе: я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ сдѣлать для спасенія бюста, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу я, въ такомъ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ... Изъ Венеціи мы поѣхали въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ расли во мнѣ мой энтузіазмъ и любовь къ искусству; такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую „тоску по родинѣ“, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай...

Съ этою страстью къ Италіи вскорѣ соединилась другая и составила съ нею странный контрастъ, который на первый взглядъ можетъ казаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она стала такъ сильна, и я отдавался ей съ такимъ пыломъ, что жертвовалъ ей всѣмъ временемъ, какимъ только могъ располагать. Въ ту пору я состоялъ при Дворѣ Императора Николая I и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ обаянія, но отъ которой я часто убѣгалъ, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно одинъ. Между нашими записными охотниками я скоро пріобрѣлъ извѣстную репутацію хорошаго охотника на медвѣдей и лосей, и всецѣло погрузился въ стихію, которая столь же мало согласовалась съ моими артистическими инстинктами, какъ и съ условіями моей оффиціальной

жизни; она не осталась безъ вліянія на краски моего поэтическаго творчества. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что почти всѣ мои стихотворенія писаны въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотчичи мои пѣли по большей части въ минорномъ. Я думаю въ старости разсказать многіе захватывающіе эпизоды изъ той жизни въ лѣсахъ, которую я велъ въ мои лучшіе годы, и отъ которой моя настоящая болѣзнь, быть можетъ, оторвала меня навсегда. Теперь скажу только, что моя любовь къ нашей дикой природѣ сказалась въ моихъ поэтическихъ произведеніяхъ такъ же, можетъ быть, сильно, какъ и мое чувство пластической красоты...

Моимъ первымъ большимъ произведеніемъ былъ историческій романъ подъ заглавіемъ „Князь Серебряный“. Онъ имѣлъ три изданія (писано въ 1874 г.). Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки.

Затѣмъ я написалъ трилогію: „Борисъ Годуновъ“, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, „Смерть Іоанна Грознаго“, давалась часто въ Петербургѣ. Ее ставили на сценѣ въ Веймарѣ — и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ нѣмецкомъ переводѣ г-жи Павловой. Есть также переводы этой драмы французскій, англійскій и польскій... Изо всего что мною написано въ стихахъ и прозѣ,—это лучшее, что я сдѣлалъ.

Графъ А. К. Толстой.

---

21. Встрѣча съ Пушкинымъ и Кольцовымъ.

Въ началѣ 1837 года я, будучи третьекурснымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета (по филологическому факультету), получилъ отъ профессора русской словесности Петра Александровича Плетнева приглашеніе на литературный вечеръ.

Войдя въ переднюю его квартиры, я столкнулся съ человѣкомъ средняго роста, который, уже надѣвъ шинель и шляпу и прощаясь съ хозяиномъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ: „Да, да! Хороши наши министры! Нечего сказать!“ — засмѣялся и вышелъ. Я успѣлъ только разглядѣть его бѣлые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узналъ потомъ, что этотъ человѣкъ былъ Пушкинъ, съ которымъ мнѣ до сихъ поръ не удавалось встрѣтиться; и какъ я досадовалъ на свою мѣшкотность! Пушкинъ былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы, дѣйствительно, поклонялись ему... Пушкина мнѣ удалось видѣть всего еще одинъ разъ—за нѣсколько дней до его смерти, на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардта. Онъ стоялъ у двери, опираясь на косякъ, и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ

посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячія бакенбарды, темные, желчные глаза подъ высокимъ лбомъ почти безъ бровей — и кудрявые волосы... Онъ и на меня бросилъ бѣглый взоръ; безцеремонное вниманіе, съ которымъ я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатлѣніе непріятное: онъ словно съ досадой повелъ плечомъ — вообще, онъ казался не въ духѣ — и отошелъ въ сторону. Нѣсколько дней спустя, я видѣлъ его лежащимъ въ гробу — и невольно повторялъ про себя:

„Недвижимъ онъ лежалъ... И страненъ
Былъ томный миръ его чела“...

Но возвращаюсь къ разсказу.

Петръ Александровичъ ввелъ меня въ гостиную и представилъ своей женѣ, уже немолодой дамѣ, болѣзненнаго облика и очень молчаливой. Въ комнатѣ, кромѣ ея, сидѣло человѣкъ семь или восемь... Среди нихъ былъ одинъ—одѣтый въ длиннополый двубортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платочекъ съ бантомъ; онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское—въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противность тому, чего, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей; напротивъ, почти всегда носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья... Это былъ поэтъ Кольцовъ.

Съ точностью не могу теперь припомнить, о чемъ въ тотъ вечеръ шелъ разговоръ; но онъ не отличался ни особенной живостью, ни особенной глубиной и шириной поднимаемыхъ вопросовъ. Рѣчь касалась то литературы, то свѣтскихъ и служебныхъ новостей—и только... Плетневъ сталъ-было просить Кольцова прочесть свою послѣднюю „Думу“ (чуть ли не „Божій міръ“); но тотъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Петръ Александровичъ не настаивалъ...

Въ двѣнадцатомъ часу вечера, почти послѣ всѣхъ—я вышелъ въ переднюю вмѣстѣ съ Кольцовымъ, которому предложилъ довезти его до дому—у меня были сани. Онъ согласился—и всю дорогу покашливалъ и кутался въ свою худую шубенку. Я его спросилъ, зачѣмъ онъ не хотѣлъ прочесть свою „Думу“...

— „Что же это я сталъ бы читать-съ“, отвѣчалъ онъ съ досадой: „тутъ Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!“ Кольцовъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ. Мнѣ самому мой вопросъ показался неумѣстнымъ; и дѣйствительно: какъ бы этотъ

робкій человѣкъ, съ такой смиренной наружностью, сталъ бы изъ уголка декламировать:

„Отецъ свѣта—вѣчность,
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы есть жизнь—
Міръ жизнью кипитъ,—и т. д.

На углу переулка, въ которомъ онъ жилъ—онъ вышелъ изъ саней, торопливо застегнулъ полость и, все покашливая и кутаясь въ шубу, потонулъ въ морозной мглѣ Петербургской январской ночи. Я съ нимъ больше не встрѣчался.

И. С. Тургеневъ.

---

22. Изъ „Литературныхъ воспоминаній“.

Крыловъ. Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ—на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни — и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто „такъ“ сидитъ и „существуетъ“? Ни сонливости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да повременамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ—или не хочетъ—пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ...

Хозяинъ, наконецъ, попросилъ его пожаловать къ ужину.

— „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреевичъ“, замѣтилъ онъ хлопотливо и какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ.

Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо... „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?“ казалось, внутренно промолвилъ онъ — грузно всталъ и, грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ.

Лермонтовъ. Лермонтова я видѣлъ всего два раза: въ домѣ одной знатной петербургской дамы, княгини Ш...ой, и нѣсколько дней спустя — на маскарадѣ въ Благородномъ Собраніи, подъ новый 1840 годъ.

У княгини Ш...ой я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ — бѣлокурая графиня М. П. — рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ—и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш...у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ; слова: „Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся“ и т. д. — дѣйствительно, примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа Ш...а онъ любилъ, какъ товарища, — и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода Байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ!... Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба.

На балѣ Дворянскаго Собранія ему не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки; одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ писк, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества...

Загоскинъ. Скажу, кстати, два слова еще объ одномъ умершемъ литераторѣ, хотя онъ и принадлежитъ къ „diis minorum gentium“, и уже никакъ не можетъ стать наряду съ поименованными выше — а именно о М. Н. Загоскинѣ.

Онъ былъ короткимъ пріятелемъ моего отца и въ тридцатыхъ годахъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, почти ежедневно по-

сѣщалъ нашъ домъ. Его „Юрій Милославскій“ былъ первымъ сильнымъ литературнымъ впечатлѣніемъ моей жизни. Я находился въ пансіонѣ нѣкоего г. Вейденгаммера, когда появился знаменитый романъ; учитель русскаго языка — онъ же и классный надзиратель — разсказалъ, въ часы рекреаціи, моимъ товарищамъ и мнѣ его содержаніе. Съ какимъ пожирающимъ вниманіемъ мы слушали похожденія Кирши, слуги Милославскаго Алексѣя, разбойника Омляша!... Но странное дѣло: „Юрій Милославскій“ казался мнѣ чудомъ совершенства, а на автора его, на М. Н. Загоскина, я взиралъ довольно равнодушно. За объясненіемъ этого факта ходить недалеко: впечатлѣніе, производимое Михаиломъ Николаевичемъ, не только не могло усилить тѣ чувства поклоненія и восторга, которыя возбуждалъ его романъ, но напротивъ—оно должно было ослабить ихъ.

Въ Загоскинѣ не проявлялось ничего величественнаго, ничего фатальнаго, ничего такого, что дѣйствуетъ на юное воображеніе; говоря правду, онъ былъ даже довольно комиченъ, а рѣдкое его добродушіе не могло быть надлежащимъ образомъ оцѣнено мною: это качество не имѣетъ значенія въ глазахъ легкомысленной молодежи. Самая фигура Загоскина, его странная, словно сплюснутая голова, четырехъ-угольное лицо, выпученные глаза подъ вѣчными очками, близорукій и тупой взглядъ, необычайныя движенія бровей, губъ, носа, когда онъ удивлялся или даже просто говорилъ, внезапныя восклицанія, взмахи рукъ, глубокая впадина, раздѣлявшая надвое его короткій подбородокъ — все въ немъ мнѣ казалось чудаковатымъ, неуклюжимъ, забавнымъ. Къ тому же, за нимъ водились три, тоже довольно комическія, слабости: онъ воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ; онъ былъ увѣренъ, что никакая женщина не въ состояніи устоять передъ нимъ; и наконецъ—и это въ такомъ рьяномъ патріотѣ было особенно удивительно—онъ питалъ несчастную слабость къ французскому языку, который коверкалъ безъ милости, безпрестанно смѣшивая числа и роды, такъ что даже получилъ въ нашемъ домѣ прозвище: „Monsieur l'article“. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безыскусственную откровенность нрава, которая поражаетъ въ его сочиненіяхъ.

Послѣднее мое свиданіе съ нимъ было печально. Я навѣстилъ его, много лѣтъ спустя, — въ Москвѣ, незадолго передъ его смертью. Онъ уже не выходилъ изъ своего кабинета и жаловался на постоянную боль и ломоту во всѣхъ членахъ. Онъ не похудѣлъ, но мертвенная блѣдность покрывала его все еще полныя щеки, придавая имъ тѣмъ болѣе унылый видъ. Взмахи бровей и таращеніе глазъ остались тѣ же; невольный комизмъ этихъ движеній только усугублялъ чувство жалости, которую возбуждала вся фигура бѣднаго сочинителя,

явно клонившаяся къ разрушенію. Я заговорилъ съ нимъ объ его литературной дѣятельности, о томъ, что въ петербургскихъ кружкахъ снова стали цѣнить его заслуги, отдавать ему справедливость; упомянулъ о значеніи „Юрія Милославскаго“, какъ народной книги.

Лицо Михаила Николаевича оживилось.

— „Ну, спасибо, спасибо“, сказалъ онъ мнѣ; „а я уже думалъ, что я забытъ, что нынѣшняя молодежь въ грязь меня втоптала и бревномъ меня накрыла“. (Со мной М. Н. не говорилъ по-французски, а въ русскомъ разговорѣ онъ любилъ употреблять выраженія энергическія). „Спасибо“, повторилъ онъ, не безъ волненія и съ чувствомъ пожавъ мнѣ руку, точно я былъ причиною того, что его не забыли.

Помнится, — довольно горькія мысли о такъ называемой литературной извѣстности пришли мнѣ въ голову тогда. Внутренно я почти упрекнулъ Загоскина въ малодушіи. Чему, думалъ я, радуется человѣкъ?... Но отчего же было ему и не радоваться? Онъ услыхалъ отъ меня, что не совсѣмъ умеръ... а вѣдь горше смерти для человѣка нѣтъ ничего. Иная литературная извѣстность можетъ, пожалуй, дожить до того, что и этой ничтожной радости не узнаетъ. За періодомъ легкомысленныхъ восхваленій послѣдуетъ періодъ столь же мало осмысленной брани, а тамъ — безмолвное забвеніе... Да и кто изъ насъ имѣетъ право не быть забытымъ — право отягощать своимъ именемъ память потомковъ, у которыхъ свои нужды, свои заботы, свои стремленія?

А все-таки, я радъ, что я, совершенно случайно, доставилъ доброму Михаилу Николаевичу, передъ концомъ его жизни, — хотя мгновенное удовольствіе.

И. С. Тургеневъ.

---

23. Изъ воспоминаній о Н. В. Гоголѣ.

I. Первое знакомство.

Меня свелъ къ Гоголю покойный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (см. выше, стр. 197). Помню день нашего посѣщенія: 20-е октября 1851 г. Гоголь жилъ тогда въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Талызина, у графа Толстого. Мы пріѣхали въ часъ пополудни; онъ немедленно насъ принялъ. Комната его находилась возлѣ сѣней, направо. Мы вошли въ нее — и я увидѣлъ Гоголя, стоявшаго передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ. Онъ былъ одѣтъ въ темное пальто, зеленый бархатный жилетъ и коричневыя панталоны.

За недѣлю до того дня я его видѣлъ въ театрѣ, на представленіи „Ревизора“: онъ сидѣлъ въ ложѣ бель-этажа, около самой двери — и, вытянувъ голову, съ нервическимъ безпокойствомъ поглядывалъ на

сцену, черезъ плечи двухъ дюжихъ дамъ, служившихъ ему защитой отъ любопытства публики.

Мнѣ указалъ на него сидѣвшій рядомъ со мною Ѳ. Я быстро обернулся, чтобы посмотрѣть на него; онъ, вѣроятно, замѣтилъ это движеніе и немного отодвинулся назадъ, въ уголъ. Меня поразила перемѣна, происшедшая въ немъ съ 1841 года.

Я раза два встрѣтилъ его тогда у Авдотьи Петровны Е—ной. Въ то время онъ смотрѣлъ приземистымъ и плотнымъ малороссомъ; теперь онъ казался худымъ и испитымъ человѣкомъ, котораго уже успѣла на порядкахъ измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивались къ постоянно-проницательному выраженію его лица.

Увидѣвъ насъ со Щепкинымъ, онъ съ веселымъ видомъ пошелъ къ намъ навстрѣчу и, пожавъ мнѣ руку, промолвилъ: „Намъ давно слѣдовало быть знакомыми“. Мы сѣли: я—рядомъ съ нимъ, на широкомъ диванѣ; Михаилъ Семеновичъ—на креслахъ, возлѣ него. Я попристальнѣе вглядѣлся въ его черты. Его бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго, бѣлаго лба попрежнему такъ и вѣяло умомъ. Въ небольшихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость—именно веселость, а не насмѣшливость; но, вообще, взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный, заостренный носъ придавалъ физіономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили также его одутловатыя, мягкія губы подъ остриженными усами; въ ихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ выражались—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось—темныя стороны его характера; когда онъ говорилъ, онѣ непріятно раскрывались и выказывали рядъ нехорошихъ зубовъ; маленькій подбородокъ уходилъ въ широкій бархатный черный галстухъ. Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что-то не профессорское, а учительское—что-то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ. „Какое ты умное, и странное, и больное существо!“ невольно думалось, глядя на него.

Помнится, мы съ Михаиломъ Семеновичемъ и ѣхали къ нему, какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что-то тронулось въ головѣ... вся Москва была о немъ такого мнѣнія. Михаилъ Семеновичъ предупредилъ меня, что съ нимъ не слѣдуетъ говорить о продолженіи „Мертвыхъ душъ“,—объ этой второй части, надъ которою онъ такъ долго и такъ упорно трудился, и которую онъ, какъ извѣстно, сжегъ передъ смертію; что онъ этого разговора не любитъ. О „Перепискѣ съ друзьями“ я самъ не упомянулъ бы, такъ какъ ничего не могъ сказать о ней хорошаго. Впрочемъ, я и не готовился ни

къ какой бесѣдѣ—а просто жаждалъ видѣться съ человѣкомъ, творенія котораго я чуть не зналъ наизусть. Нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда его имя; теперь же и нѣтъ никого, на комъ могло бы сосредоточиться общее вниманіе.

Щепкинъ заранѣе объявилъ мнѣ, что Гоголь не словоохотливъ; на дѣлѣ вышло иначе. Гоголь говорилъ много, съ оживленіемъ, размѣренно отталкивая и отчеканивая каждое слово—что не только не казалось неестественнымъ, но, напротивъ, придавало его рѣчи какую-то пріятную вѣскость и впечатлительность. Онъ говорилъ на о; другихъ, для русскаго слуха менѣе любезныхъ, особенностей малороссійскаго говора, я не замѣтилъ. Все выходило ладно, складно, вкусно и мѣтко. Впечатлѣніе усталости, болѣзненнаго, нервическаго безпокойства, которое онъ сперва произвелъ на меня—исчезло. Онъ говорилъ о значеніи литературы, о призваніи писателя, о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ собственнымъ произведеніямъ; высказалъ нѣсколько тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о самомъ процессѣ работы, о самой, если можно такъ выразиться, физіологіи сочинительства; и все это—языкомъ образнымъ, оригинальнымъ—и, сколько я могъ замѣтить, нимало не подготовленнымъ заранѣе, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ у „знаменитостей“. Гоголь заговорилъ объ искусствѣ, о театрѣ; объявилъ, что остался недоволенъ игрою актеровъ въ „Ревизорѣ“, что они „тонъ потеряли“, и что онъ готовъ имъ прочесть всю піесу съ начала до конца. Щепкинъ ухватился за это слово и тутъ же уладилъ, гдѣ и когда читать.

II. Чтеніе „Ревизора“.

Дня черезъ два происходило чтеніе „Ревизора“ въ одной изъ залъ того дома, гдѣ проживалъ Гоголь. Я выпросилъ позволеніе присутствовать на этомъ чтеніи.

Къ великому моему удивленію, далеко не всѣ актеры, участвовавшіе въ „Ревизорѣ“, явились на приглашеніе Гоголя: имъ показалось обиднымъ, что ихъ словно хотятъ учить! Ни одной актрисы также не пріѣхало. Сколько я могъ замѣтить, Гоголя огорчилъ этотъ неохотный и слабый отзывъ на его предложеніе... Извѣстно, до какой степени онъ скупился на подобныя милости. Лицо его приняло выраженіе угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. Въ тотъ день онъ смотрѣлъ, точно, больнымъ человѣкомъ.

Онъ принялся читать—и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской; глаза расширились и посвѣтлѣли. Читалъ Гоголь превосходно... Я слушалъ его тогда въ первый и въ послѣдній разъ. Диккенсъ, также превосходный чтецъ, можно сказать, разыгрываетъ свои романы, чтеніе его—драматическое, почти театральное: въ одномъ

его лицѣ является нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Гоголь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и дѣла нѣтъ—есть ли тутъ слушатели, и что они подумаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный—особенно въ комическихъ, юмористическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться—хорошимъ, здоровымъ смѣхомъ; а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло—и лишь изрѣдка, на губахъ и около глазъ, чуть замѣтно трепетала лукавая усмѣшка мастера. Съ какимъ недоумѣніемъ, съ какимъ изумленіемъ Гоголь произнесъ знаменитую фразу городничаго о двухъ крысахъ (въ самомъ началѣ піесы): „Пришли, понюхали и пошли прочь!“—Онъ даже медленно оглянулъ насъ, какъ бы спрашивая объясненія такого удивительнаго происшествія. Я только тутъ понялъ, какъ вообще невѣрно, поверхностно, съ какимъ желаніемъ только поскорѣе насмѣшить—обыкновенно разыгрывается на сценѣ „Ревизоръ“. Я сидѣлъ, погруженный въ радостное умиленіе: это былъ для меня настоящій пиръ и праздникъ.

Къ сожалѣнію, онъ продолжался недолго. Гоголь еще не успѣлъ прочесть половину перваго акта, какъ вдругъ дверь шумно растворилась и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался черезъ всю комнату одинъ еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литераторъ—и, не сказавъ никому ни слова, поспѣшилъ занять мѣсто въ углу. Гоголь остановился, съ размаху ударилъ рукой по звонку,—и съ сердцемъ замѣтилъ вошедшему камердинеру: „Вѣдь я велѣлъ тебѣ никого не впускать?“ Молодой литераторъ слегка пошевелился на стулѣ—а впрочемъ, не смутился нисколько. Гоголь отпилъ немного воды—и снова принялся читать: но ужъ это было совсѣмъ не то. Онъ сталъ спѣшить, бормотать себѣ подъ носъ, не доканчивать словъ; иногда онъ пропускалъ цѣлыя фразы — и только махалъ рукою. Неожиданное появленіе литератора его разстроило: нервы его, очевидно, не выдерживали ни малѣйшаго толчка... Только въ извѣстной сценѣ, гдѣ Хлестаковъ завирается, Гоголь снова ободрился и возвысилъ голосъ: ему хотѣлось показать исполнявшему роль Ивана Александровича, какъ должно передавать это дѣйствительно затруднительное мѣсто. Въ чтеніи Гоголя оно показалось мнѣ естественнымъ и правдоподобнымъ. Хлестаковъ увлеченъ и странностію своего положенія, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; онъ и знаетъ, что вретъ, — и вѣритъ своему вранью: это нѣчто въ родѣ упоенія, наитія, сочинительскаго восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого „подхватило“. „Просители въ передней

жужжатъ, 35 тысячъ курьеровъ скачетъ—а дурачье, молъ, слушаетъ, развѣсивъ уши, и какой я, молъ, бойкій, игривый, свѣтскій молодой человѣкъ!“ Вотъ какое впечатлѣніе производилъ въ устахъ Гоголя Хлестаковскій монологъ. Но, вообще говоря, чтеніе „Ревизора“ въ тотъ день было — какъ Гоголь самъ выразился — не болѣе, какъ намекъ, эскизъ; и все—по милости непрошеннаго литератора, который простеръ свою нецеремонность до того, что остался послѣ всѣхъ у поблѣднѣвшаго, усталаго Гоголя и втерся за нимъ въ его кабинетъ.

Въ сѣняхъ я разстался съ Гоголемъ и уже никогда не увидалъ его больше; но его личности было еще суждено возымѣть значительное вліяніе на мою жизнь.

И. С. Тургеневъ.

---

24. По поводу кончины Гоголя.

(Письмо изъ Петербурга).

Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова?.. Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, — пришла эта роковая вѣсть!.. Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертію, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ!.. Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла,—подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить объ его заслугахъ — это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобные ему люди судятся передъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того: намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитою повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ, — самый любимый, самый знакомый образъ неясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами...

Въ день, когда его хоронить Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку — соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали. Мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо;

но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный привѣтъ — и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли!..

Мысль, что прахъ его будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, — такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе люди не чувствуютъ этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погибли для насъ безвозвратно — и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи...

Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неумѣстными... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилой: они не заговорятъ надъ могилою Гоголя... Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами: миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!

И. С. Тургеневъ.

13 марта 1852 г.

---

25. Профессоръ П. А. Плетневъ (1792—1865 гг.).

Скажу нѣсколько словъ о Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ. Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; зато онъ искренно любилъ „свой предметъ“, обладалъ нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное— онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ — умѣлъ заинтересовать ихъ. Его любили... Притомъ, его, — какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего „Онѣгина“, — окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: „Не мысля гордый свѣтъ забавить“ и т. д. (см. „Родная Рѣчь“, часть III, поэзія, отд. II).

И дѣйствительно, Петръ Александровичъ подходилъ подъ портретъ, набросанный поэтомъ: это не былъ обычный комплиментъ, ко-

торымъ такъ часто украшаются посвященія. Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ —

„Души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и красоты“.

Онъ принадлежалъ къ эпохѣ, нынѣ безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по-своему — мудрый. Кроткая тишина его обращенія, его рѣчей, его движеній не мѣшала ему быть проницательнымъ и даже тонкимъ, — но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства; да и обстоятельства такъ сложились, что онъ въ хитрости не нуждался: все, что онъ желалъ, — медленно, но неотразимо какъ бы плыло ему въ руки; и онъ, покидая жизнь, могъ сказать, что насладился ею вполнѣ, — лучше, чѣмъ вполнѣ — въ мѣру. Такого рода наслажденіе надежнѣе всякаго другого; древніе греки не даромъ говорили, что послѣдній и высшій даръ боговъ человѣку — чувство мѣры. Эта сторона античнаго духа въ немъ отразилась — и онъ ей особенно сочувствовалъ; другія ему были закрыты. Онъ не обладалъ никакимъ, такъ называемымъ, „творческимъ“ талантомъ; и онъ самъ хорошо это зналъ: главное свойство его ума — трезвая ясность не могла измѣнить ему, когда дѣло шло о разборѣ собственной личности.

— „Красокъ у меня нѣтъ“, жаловался онъ мнѣ однажды: „все выходитъ сѣро, и потому я не могу даже съ точностью передать то, что я видѣлъ и посреди чего жилъ“. Для критика — въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова — ему не доставало энергіи, огня, настойчивости, — прямо говоря — мужества. Онъ не былъ рожденъ бойцомъ. Пылъ и дымъ битвы — для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же непріятны, какъ и сама опасность, которой онъ могъ подвергнуться въ рядахъ сражавшихся. Притомъ, его положеніе въ обществѣ, его связи со Дворомъ такъ же отдаляли его отъ подобной роли — критика-бойца, какъ и собственная его натура. Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе поэтическому — вотъ весь Плетневъ. Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ — хотя немного блѣднымъ.

Онъ былъ прекрасный семьянинъ, и во второй своей супругѣ, въ дѣтяхъ своихъ, нашелъ все нужное для истиннаго счастія. Мнѣ пришлось раза два встрѣчаться съ нимъ за-границей: разстроенное здоровье заставило его покинуть Петербургъ и свою должность; въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ, незадолго до его кончины.

Онъ совершенно безропотно и даже весело переносилъ свою весьма тягостную болѣзнь.

— „Я знаю, что я скоро долженъ умереть“, говорилъ онъ мнѣ: „и кромѣ благодарности судьбѣ ничего не чувствую; пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей: чего же больше? Надо и честь знать!“

И на смерти его, какъ я потомъ слышалъ, лежалъ тотъ же отпечатокъ душевной тишины и покорности.

Я любилъ бесѣдовать съ нимъ. До самой старости онъ сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть впечатлѣній и, какъ въ молодые годы, *умилялся* передъ красотою: онъ и тогда не *восторгался* ею. Онъ не разставался съ дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ—было для него праздникомъ. И любовь къ родной словесности, къ родному языку, къ самому его звуку не охладѣла въ немъ; его коренное, чисто-русское происхожденіе сказывалось и въ этомъ: онъ былъ, какъ извѣстно, изъ духовнаго званія. Этому же происхожденію приписываю я его елейность, а можетъ быть — и житейскую его мудрость. Онъ съ прежнимъ участіемъ слушалъ произведенія нашихъ новыхъ писателей — и произносилъ свой судъ, не всегда глубокій, но почти всегда вѣрный и, при всей мягкости формъ, неуклонно согласный съ тѣми началами, которымъ онъ никогда не измѣнялъ въ дѣлѣ поэзіи и искусства.

Подобныя личности теперь уже попадаются рѣдко; не потому, чтобы въ нихъ было нѣчто необыкновенное, а потому, что время измѣнилось. Полагаю, что читатель не попеняетъ на меня за то, что я остановилъ его вниманіе на одной изъ нихъ — на почтенномъ и благодушномъ словесникѣ стараго закала.

И. С. Тургеневъ.

ОТДѢЛЪ III.

1. Іоаннъ IV.

Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести,—и, наконецъ, самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ, но суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Оно не допуститъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно; онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, напримѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, — и въ то же время самъ мучитъ и терзаетъ ближняго; и онъ не обманываетъ: эти слезы непритворны; но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны, — а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу; онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно хорошо, — и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ его, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно; тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ,—тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ, можетъ быть, думаютъ.

Тогда и самое дѣло добра, если хотятъ его совершить, является лишь какъ картина, безъ своей истины и существенности...

Въ Іоаннѣ была такая художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она вела его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу; то представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы; то являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... И вотъ—ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся передъ нимъ монастырь, черныя одежды, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны, — картина царскаго смиренія, — и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой — въ обитель... Какъ трудно тому, кто любитъ красоту покаянія, покаяться на самомъ дѣлѣ!

Мы не говоримъ, что эта художественность была одна движущею силою въ Іоаннѣ (человѣкъ вообще есть явленіе сложное). Нѣтъ, много было двигателей духа; но такова была его природа, и она брала, разумѣется, сильное участіе въ каждомъ его дѣйствіи, на многое имѣла вліяніе и многое психологически въ немъ объясняетъ.

К. С. Аксаковъ.

---

2. Битва при Мантинеѣ и смерть Эпаминонда.

Мантинейская битва была окончательной кровавой борьбой грековъ за гегемонію. Въ послѣдній разъ пытались они рѣшить оружіемъ, кому изъ нихъ выпадетъ на долю честь стать во главѣ гелленовъ, и никогда еще не сходились они другъ противъ друга такими грозными массами, какъ на поляхъ мантинейскихъ. Съ одной стороны были лакедемоняне, аѳиняне, аркадяне и элійцы, въ числѣ 20,000 пѣхоты и 2,000 конницы, съ другой стороны былъ Эпаминондъ съ 30,000 пѣхоты и 3,000 конницы. Въ его войскѣ, кромѣ беотійцевъ, находились ахейцы, аргивяне, тегеаты и другіе аркадяне, призвавшіе его на помощь противъ Спарты и враждебныхъ своихъ соплеменниковъ; его конница состояла большею частью изъ ѳессалійцевъ, безспорно лучшихъ кавалеристовъ того времени.

Битва происходила 12-го іюня 362-го года до Р. Х. Союзныя войска стояли подъ Мантинеей. Эпаминондъ былъ еще въ Тегеѣ и двинулся отсюда на рѣшительный бой. Но, вмѣсто того, чтобы итти крат-

чайшей дорогой прямо на непріятеля, онъ повернулъ вправо къ холмамъ, окружавшимъ съ запада Тегею, и, дошедши до подошвы холмовъ, вдругъ развернулъ свой фронтъ и показалъ видъ, что хочетъ расположиться здѣсь лагеремъ и не намѣренъ дать въ этотъ день рѣшительнаго сраженія. Его воины сложили въ самомъ дѣлѣ оружіе и расположились отдыхать. Непріятель, обманутый его ложнымъ отступленіемъ, убѣдился вполнѣ, что битвы въ этотъ день не будетъ, и предался покою. Между тѣмъ Эпаминондъ послалъ впередъ начальника своей кавалеріи съ 1,600 всадниковъ, приказавъ ему занять непріятеля и поднять какъ можно болѣе пыли, чтобы скрыть отъ союзниковъ его движеніе черезъ холмы тегейскіе. Когда это было выполнено, онъ приказалъ обоимъ флангамъ примкнуть къ центру, построилъ войско въ боевой порядокъ и густой колонной повелъ ихъ на непріятеля.

Враги изумились; въ лагерѣ ихъ поднялась тревога; всадники бросились взнуздывать лошадей; одни торопились одѣть латы, другіе спѣшили строиться. Оба войска готовились къ рѣшительной битвѣ; жрецы принесли жертвы, и каждой изъ враждующихъ сторонъ возвѣщена была побѣда.

Стадіяхъ въ 30 къ югу отъ Мантинеи, по тегейской дорогѣ, была дубовая роща Пелагосъ: здѣсь выстроился правый флангъ спартанскій, состоящій изъ мантинейцевъ съ прочими аркадянами и лакедемонянами; къ нимъ примкнули элійцы, ахейцы и другія войска послабѣе; лѣвый флангъ занимали аѳиняне. Ѳивяне составляли лѣвый флангъ своего боевого порядка вмѣстѣ съ аркадскими союзниками; на правый флангъ поставилъ Эпаминондъ аргивянъ; остальные союзники занимали центръ. Кавалерія стояла и у тѣхъ и у другихъ на флангахъ.

Раздались звуки трубные, поднялся воинскій крикъ, и войска двинулись. Битва началась кавалерійской атакой. Ѳивская конница бросилась на всадниковъ аѳинскихъ и смяла ихъ. Аѳинская конница ни храбростью, ни качествомъ лошадей, ни опытностью не уступала ѳивянамъ: но она должна была уступить числу, легкому вооруженію и мастерскимъ построеніямъ, къ которымъ пріучилъ Эпаминондъ свою кавалерію. Ѳивская конница была втрое многочисленнѣе аѳинской и состояла по бо́льшей части изъ ѳессалійскихъ пращниковъ и копьеметцевъ, съ дѣтства привыкшихъ къ своему оружію. Всадники аѳинскіе отступили, однакожъ, въ порядкѣ и при отступленіи разсѣяли отрядъ эвбейской наемной пѣхоты, посланной для занятія высотъ. Ѳивская конница ее не преслѣдовала; она бросилась на пѣхоту и совсѣмъ бы ее смяла, если бы не подоспѣлъ на помощь предводитель всадниковъ элійскихъ, который заставилъ ѳивянъ отступить.

На другомъ флангѣ кавалерійское дѣло оставалось долгое время нерѣшеннымъ; наконецъ, и здѣсь мантинейцы были опрокинуты на свою пѣхоту беотійскими и ѳессалійскими всадниками.

Тогда двинулъ Эпаминондъ свою пѣхоту. Онъ построилъ ее одной густой колонной такъ же точно, какъ и при Левктрахъ. Его войско шло плавно, какъ галера; голова колонны обращена была на правый флангъ непріятеля, гдѣ стояли лакедемоняне. Эпаминондъ надѣялся однимъ рѣшительнымъ натискомъ прорвать ряды ихъ. Битва началась копьями; когда они сломались, воины взялись за мечи. Сѣча длилась долго: ни та, ни другая сторона не уступала.

Тогда собралъ Эпаминондъ лучшихъ воиновъ своихъ, сталъ самъ во главѣ ихъ и бросился стремительно на ряды лакедемонскіе. Онъ первый бросилъ копье свое въ предводителя лакедемонскаго, разорвалъ непріятельскіе ряды и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Въ пылу преслѣдованія онъ отдалился отъ своихъ и зашелъ слишкомъ далеко. Это замѣтили лакедемоняне—и бросились на него. Со всѣхъ сторонъ посыпались на Эпаминонда стрѣлы и копья; одни подхватывалъ онъ на щитъ свой, другія отскакивали, нѣкоторыя ранили его, но онъ вынималъ ихъ изъ тѣла своего и бросалъ опять въ непріятеля. Въ эту минуту получилъ онъ роковой ударъ копьемъ въ грудь; древко обломилось, и остріе осталось въ ранѣ. Силы оставили его—онъ упалъ. Вокругъ падшаго завязалась отчаянная битва; ѳивяне осилили, обратили лакедемонянъ въ бѣгство и преслѣдовали ихъ.

Трубы подали знакъ къ отступленію; обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, обѣ воздвигли трофей на полѣ битвы. Впрочемъ лакедемоняне прислали первые вѣстниковъ съ просьбою о позволеніи погрести мертвыхъ.

Эпаминонда принесли въ шатеръ. Онъ закрывалъ рану свою рукой и не спускалъ глазъ съ поля сраженія. Врачи сказали ему, что онъ умретъ тотчасъ же, какъ вынетъ остріе изъ раны. Прежде всего спросилъ Эпаминондъ щитъ свой. Ему принесли его щитъ и положили возлѣ него. Вокругъ носилокъ его стояли друзья и плакали о томъ, что онъ умираетъ бездѣтенъ.

— „Неправда, клянусь Зевесомъ“, отвѣчалъ онъ: „я оставляю по себѣ двухъ дочерей: Левктру и Мантинею“.

— „Теперь время умирать“, сказалъ онъ, когда оруженосецъ возвѣстилъ ему, что ѳивяне побѣдили,—и вынулъ остріе изъ раны.

Его погребли на счетъ государства и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ началась битва. На могилѣ его воздвигнута была колонна съ беотійскою надписью.

Такъ умеръ Эпаминондъ—безспорно, величайшій государственный мужъ своего времени, характеръ самый чистый и благородный, рѣзко выдающійся между всѣми современниками. Много было въ это время великихъ талантовъ, много славныхъ воиновъ и политическихъ дѣятелей образовалось въ послѣднія междоусобныя брани Греціи: Кононъ, побѣдитель при Книдѣ, Ификратъ, Тимоѳей, геніальные представители тогдашнихъ наемниковъ, старикъ Агесилай; но въ каждомъ изъ нихъ

встрѣчаемъ мы одну извѣстную сторону доблести, тогда какъ Эпаминондъ соединялъ въ себѣ всѣ добродѣтели великаго государственнаго мужа и полководца. Онъ превосходилъ всѣхъ тѣлесной силой, краснорѣчіемъ, благородствомъ души, презрѣніемъ къ золоту, кротостью, храбростью и глубокимъ пониманіемъ военнаго дѣла.

И. К. Бабстъ.

---

3. Людовикъ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ „Среднихъ вѣковъ“ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность Средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ,—однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Нетрудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ,—и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городского къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была глав-

ной цѣлію. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины виллановъ. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія Западной римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго населенія—низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или итальянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь, баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ и едва ли съ бо́льшимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ каролингскаго или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другого сословія, кромѣ феодальнаго. То же самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю да еще, можетъ быть, горожанамъ южной Франціи и Италіи. Зато среди городского населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму, литература. Здѣсь-то родилась сказка (fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не однѣ только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера...

Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть

пустыя, лишенныя живого содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ—столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы, не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить, вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по-настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла та же борьба, что и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями францисканцевъ и доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь альбигенская. Та же участь постигла нѣмецкихъ Штединговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказываясь отъ своихъ надеждъ, и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею си-

лою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія Западной Европы, намѣстники Св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой—современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить на той священной почвѣ свой политическій идеалъ. Горожане и виланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было ѳеократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ народы Запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніальная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать—страдавшая избыткомъ силъ, личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ—стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частію изъ арабовъ

и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно однако прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ—употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другого рода.

Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству,—однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители „Граля“. Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей... Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ Тампліеровъ, Странноприимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество,—слѣдовательно, нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны, намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. При-

мѣромъ могутъ служить Тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была, впрочемъ, одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жесткой и мрачной формѣ. Современники почти единогласно говорятъ объ его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о „Запискахъ Жуанвиля“ и „Жизни св. Лудовика“, написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно—безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: „Что бы ты предпочелъ — смертный грѣхъ или проказу?“ — „Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу“, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя однако упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія св. отцовъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить объ его щедрости къ бѣднымъ, объ его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о

выстроенныхъ имъ храмахъ?... Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзѣнія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ Средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества: церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. Зато западные народы предупредили римскаго первосвященника и еще при жизни Лудовика назвали его святымъ. Слава его не ограничивалась, впрочемъ, западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святого короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлью дѣятельности была военная слава, Лудовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей объ его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля.

Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предложеннаго.

ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: „Что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего?“ Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. „По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ кипрскимъ“, прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытно, какъ выраженіе народной мысли: въ Европѣ разнесся слухъ, что мамелюки, убивъ султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ.

— „Я знаю“, сказалъ онъ, „что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ“... Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели, повидимому, неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлію войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ

и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ. Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы Генрихъ былъ настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству, и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютбёфа. Даже въ глазахъ простого народа кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. — „Ты не король, а монахъ“, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленнаго въ честь его западной церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя, вѣроятно, не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т.-е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая

часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того, лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т.-е. аппеляціи въ суды королевскіе.

Если бы кто-нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное,—вѣроятно, неодолимое сопротивленіе. Исчисленныя мною мѣры Лудовика не вызвали однако сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе, и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ расчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодальной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней обыкновенно принимали участіе всѣ ихъ родственники и друзья. Такимъ образомъ мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отзывалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекло 40 дней (la quarantaine du roi); нарушитель постановленія подлежалъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому члену феодальнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти, въ случаѣ предстоящей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется, такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ; для этого нужно было много времени и много усилій, но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ легли въ основаніе позднѣйшаго законодательства. Помощниками Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно, не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодальныхъ учрежденій большей правдою и нравственностью. Онъ узналъ, что рыцари плохіе судьи, и замѣнялъ ихъ по возможности людьми, изучавшими право, какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ средняго вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія римскаго права мѣстнымъ и своенравнымъ обычаямъ, которые развились въ основанныхъ германцами государствахъ Западной Европы. Они засудили средневѣковое папство въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство—

въ Тампліерахъ. Феодальное дворянство и община равно испытали ихъ вліяніе. Судьба французскихъ юристовъ XIV и XV столѣтій не лишена нѣкотораго трагическаго величія и поэзіи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархію, по образу римской имперіи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственнымъ цѣлямъ силами феодально-общиннаго міра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ, что дѣло шло объ ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ не долго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка, смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Лудовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенія, какое получили впослѣдствіи юристы римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять вамъ слишкомъ извѣстный разсказъ Жуанвиля о томъ, какъ король, окруженный мужами, опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначащими словами для Франціи. Въ цѣломъ государствѣ, кромѣ его, не было нелицепріятнаго судьи, потому что онъ одинъ стоялъ внѣ или, лучше сказать, выше всякихъ корыстныхъ стремленій. Идея монархической власти облекалась въ нравственное сіяніе неподкупнаго правосудія.

Мы видѣли глубоко-религіозное настроеніе Лудовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ Западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ исканіямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ бо̀льшаго уваженія къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Лудовикъ IX; но, съ другой стороны, немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою Лудовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: „Не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ расчетовъ и страстей вашихъ,—и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ“. Для всякаго другого государя, кромѣ св. Лудовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ, надо сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лицо носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Лудовика съ

Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы — часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностью, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ... Недовольный міромъ, Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцомъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ по преимуществу былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались не внесенныя нами въ эту краткую характеристику свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простого гражданина... Скорбь св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою, онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ Средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя не даромъ сынами св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье — право. Онъ внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ,

по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечомъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіи народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бо́льшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплотилась вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ — ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ — не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ. На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты, готическіе соборы.

Т. Н. Грановскій.

---

4. Значеніе христіанства въ исторіи русской народности.

Если внѣшнее объединеніе племенъ славянскихъ совершилось мечомъ варяжской дружины, то внутреннюю связь, которая одна только и можетъ быть крѣпкою, могло дать только христіанство. Христіанство — это цѣлая цивилизація. Религіозное вѣрованіе неразрывно связано съ

цѣлымъ кругомъ общественныхъ понятій. Проповѣдникъ евангельскаго ученія невольно является проповѣдникомъ новой гражданственности.

Принятіемъ христіанства въ Кіевѣ варяжская дружина вѣрнѣе положила основаніе государству, чѣмъ всею своею предыдущею безпокойною дѣятельностью. Съ этого времени начинается быстрый ростъ его. Въ поэтическомъ преданіи юго-западной Украины свв. Борисъ и Глѣбъ, первые прирожденные христіанскіе вожди дружины, сковали первый плугъ для земли русской и впрягли въ него страшнаго змѣя, до тѣхъ поръ губившаго беззащитное населеніе, провели исполинскую борозду, которая подъ именемъ „Змѣинаго вала“ отдѣлила христіанское населеніе отъ бездомныхъ кочевниковъ. И чѣмъ глубже проникало христіанство въ юное общество, его принявшее, уничтожая остатки прежнихъ вѣрованій, ставя начатки государства вмѣсто прежнихъ природныхъ опредѣленій,—тѣмъ рѣшительнѣе становилось вліяніе христіанскаго народа на племена, съ нимъ сосѣднія. Инородецъ быстро принималъ русскій языкъ, образъ жизни и нравы, какъ скоро касалась его проповѣдь. Христіанство заставляло его отречься отъ языческаго прошедшаго, а новую жизнь онъ могъ начать, только болѣе или менѣе приближаясь къ формамъ русской жизни.

Распространеніе христіанства неразрывно связано съ распространеніемъ русской народности. Какъ инородецъ, принимая православіе, отрекался отъ своего прошедшаго, точно такъ же съ этой минуты въ глазахъ русскаго населенія онъ становился русскимъ, а черезъ два, три поколѣнія на его потомкахъ дѣйствительно оставались развѣ только физіологическіе признаки его происхожденія. Борьба христіанства съ язычествомъ и его побѣды должны составлять одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской исторіи. Кромѣ побѣды высшаго религіознаго ученія надъ заблужденіями язычества, является побѣда высшей гражданственности и болѣе крѣпкой, болѣе способной къ развитію народности.

Обращеніе язычниковъ и ознакомленіе ихъ съ начатками высшей цивилизаціи, со времени великаго раздѣленія церквей на восточную и западную, исходило изъ двухъ главныхъ пунктовъ. Если и прежде Римъ и Константинополь дѣлили между собою необъятныя пространства, открывавшіеся для евангельской проповѣди, то послѣ окончательнаго отпаденія западной церкви это раздѣленіе стало еще рѣзче. Церкви греко-россійской выпало на долю обращеніе сѣверо-востока Европы, части запада и всего сѣвера Азіи.

Останавливаясь только на распространеніи христіанства въ предѣлахъ Россійской имперіи и притомъ трудами духовенства и правительства русскаго, нельзя не остановится на нѣкоторыхъ особенностяхъ. Христіанство въ этихъ предѣлахъ не встрѣчаетъ тѣхъ внутреннихъ препятствій, которыя бы вытекали изъ самой природы племенъ, между которыми оно распространяется. Не говоримъ уже о племенахъ славянскихъ: подобно кельтамъ и германцамъ, они цѣльно приняли про-

повѣдь евангельскую и сдѣлались орудіями ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Но и тѣ племена, къ которымъ приносили эту проповѣдь русскіе благовѣстники, никакъ не могутъ быть сравниваемы съ туземцами Америки или Океаніи. Ихъ отношенія къ племенамъ славянскимъ, явившимся проводниками христіанскихъ вѣрованій, совсѣмъ не тѣ, какія мы встрѣчаемъ у туземцевъ Сѣверной Америки и острововъ Тихаго океана при столкновеніяхъ съ европейцами. Быть можетъ, многое зависитъ отъ природныхъ условій славянской расы, служащей посредницею. Не имѣя той упругости, которою въ высшей степени отличается, напримѣръ, раса англо-саксонская, славянская раса не имѣетъ и ея исключительности, не оказываетъ того гибельнаго, разъѣдающаго вліянія, какое является почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столкновенія людей англиканскаго происхожденія съ племенами низшей цивилизаціи. Она болѣе способна примѣняться къ тому племени, съ которымъ сводитъ ее судьба, болѣе уступчива и податлива къ воспріятію въ себя чуждыхъ элементовъ, къ претворенію ихъ въ свою плоть и кровь. Результатомъ ея столкновеній съ инородцами бываетъ сліяніе съ нею, а не уничтоженіе послѣднихъ. Посмотрите на русскихъ въ Восточной Сибири: съ какою легкостью прилаживаются они къ племенамъ совершенно чуждаго происхожденія и какъ скоро, сохраняя вполнѣ основы своей народной особенности, принимаютъ на себя многое изъ образа жизни инородцевъ! Въ Якутскомъ краѣ рѣдкій изъ русскихъ не говоритъ бѣгло по-якутски, употребляя этотъ языкъ часто безъ нужды въ разговорахъ между собою. То же самое видимъ у русскихъ поселенцевъ, живущихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ тунгузами и бурятами. Цѣной внѣшнихъ и временныхъ уступокъ пріобрѣтается болѣе прочное и существенное вліяніе. Можетъ быть, эта способность къ принятію чуждой народности и иной цивилизаціи таится и въ природѣ племенъ, населяющихъ пространство имперіи. Какъ бы то ни было, но въ предѣлахъ Россіи сліяніе различныхъ племенъ, принятіе ими высшей гражданственности не встрѣчаютъ тѣхъ препятствій, какія находятъ они въ другихъ странахъ свѣта. Христіанство должно было распространяться здѣсь съ большею легкостью, чѣмъ гдѣ-либо, потому что находило болѣе выгодныя условія; и фактъ быстраго распространенія русской народности и внѣшняго расширенія предѣловъ восточно-христіанскаго міра служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

С. В. Ешевскій.

---

5. День царя Алексѣя.

Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и убиралъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ „Крестовую“,

гдѣ его ожидали духовникъ, или крестовый попъ, и крестовые дьяки. Духовникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Въ то же время одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ поставлялъ передъ иконостасомъ на налоѣ образъ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. По совершеніи молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался къ этой иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою.

Окончивъ утреннюю крестовую молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала. Потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ (дворцовыхъ) церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди „челомъ ударить государю“ и присутствовать въ царской Думѣ. Они собирались обыкновенно въ передней, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя, или Комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностію государя, выждавъ время, входили и въ Комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, въ церкви ли во время службы, или въ комнатахъ, смотря по тому, въ какое время являлись на пріѣздѣ, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣсколько разъ.

Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или къ празднику, то-есть въ храмъ или въ монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святаго. Въ общіе церковные праздники и торжества государь всегда присутствовалъ при всѣхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Поэтому и выходы въ этихъ случаяхъ были гораздо великолѣпнѣе, торжественнѣе.

Обѣдня продолжалась часа два. Въ удобное время и здѣсь государь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами, отдавалъ приказанія. Бояре также разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ Думѣ. При всемъ томъ едва ли кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, службъ, молитвъ, какъ царь. Разсказываютъ о царѣ Алексѣѣ, что онъ въ постъ стоялъ въ церкви часовъ по пяти или шести сряду, клалъ иногда по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники по полуторы тысячи.

Послѣ обѣдни въ Комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Присутствовавшіе въ Комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться.

Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ Комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ столовому кушанью, или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя Михайловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага или легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда одна только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣми, которые государь держалъ во время постовъ.

Въ постные дни, въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу, и въ посты, готовятъ про царскій обиходъ ѣства разныя и пирожныя съ масломъ съ деревяннымъ, и съ орѣховымъ, и съ льнянымъ, и съ коноплянымъ; а въ Великій и Успеньевъ посты готовятся ѣства: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые, сырые и грѣтые, и ягодные ѣства, безъ масла, кромѣ Благовѣщеніева дня, — и ѣстъ царь въ тѣ посты, въ воскресенье, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу, по единожды на день, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего, развѣ для своихъ и царицыныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ именинъ.

Впрочемъ, несмотря на такое постничество и особенную умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя, въ мясные и рыбные дни, подавалось около семидесяти блюдъ, но почти всѣ эти блюда расходились на подачи боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ эти подачи, какъ знакъ своего благоволенія и почести. Для близкихъ лицъ онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо. Подавались сначала холодныя и печенья, разное тѣльное, потомъ жареное, и затѣмъ уже похлебки и ухи, или ушное.

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Въ вечерню снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла, или собиралась Дума, но обыкновенно все время послѣ вечерни до вечерняго кушанья, или ужина, государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми ближними людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ.

По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но,

какъ поборники и хранители православія, цари предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое. Духовно-назидательныя слова или поученія отцовъ церкви, житія святыхъ, разныя историческія и церковныя сочиненія представляли главнѣйшій интересъ для всякаго образованнаго человѣка въ то время. Цари удѣляли не мало времени отечественнымъ лѣтописямъ и сказаніямъ, которыя даже и составлялись подъ ихъ наблюденіемъ.

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были такъ называемые верховые (придворные) богомольцы, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ въ особомъ отдѣленіи дворца и на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, въ присутствіи семейства, они повѣствовали о событіяхъ и дѣлахъ, проходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ.

Верховые богомольцы пѣвали государю „Лазаря“ и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Были еще при царскомъ дворѣ слѣпцы-домрачеи, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ князя Владиміра, подыгрывая на домрѣ, струнномъ инструментѣ въ родѣ гитары. Они же играли и русскія пѣсни. Встрѣчаются извѣстія и о бахаряхъ, которые говорили, т.-е. разсказывали пѣсни и сказки, весьма любимыя нашими предками. Бахарь былъ почти необходимымъ лицомъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры — тавлеи и бирки.

Во дворцѣ была особая Потѣшная Палата, въ которой разнаго рода потѣшники забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, плескою, танцованьемъ по канату и другими „дѣйствами“. Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли дураки —шуты, и у царицы дурки—шутихи, карлы и карлицы. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству.

Весьма часто государь проводилъ время въ разсматриваніи разныхъ работъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, или алмазниковъ, иконописцевъ, серебренниковъ, оружейниковъ и вообще всѣхъ ремесленниковъ, которые что-либо изготовляли для украшенія царскаго дворца или для собственнаго употребленія государя. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, то-есть бой охотника съ

дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра и потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня.

Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами.

Окончивъ день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа. Въ смежной съ государевой комнатѣ ложились шестеро лицъ изъ стряпчихъ и спальниковъ, извѣстныхъ своею вѣрностью и преданностью. Въ третьей комнатѣ помѣщалось нѣсколько стряпчихъ и дневальныхъ жильцовъ. У внѣшнихъ дверей сторожили истопники.

И. Е. Забѣлинъ.

---

6. Типы русскаго боярина.

Въ продолженіе столѣтій встрѣчаемъ въ боярской думѣ людей, которые носятъ одно и то же названіе бояръ, думцевъ князя-государя; но какое разнообразіе ролей и физіономій! Русскій бояринъ X вѣка, не то купецъ, не то воинъ, хорошо помнившій, что онъ варягъ, морской наѣздникъ-викингъ, на славянскомъ Днѣпрѣ переименованный въ витязя и не успѣвшій еще пересѣсть съ лодки на коня, чтобы стать степнымъ наѣзникомъ, „удалой поленицей“; кіевскій бояринъ XI—XII вѣковъ, вольный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга, нигдѣ не пускавшій глубокихъ корней, не завязывавшій прочныхъ связей ни съ какимъ мѣстнымъ обществомъ; галицкій боярин-крамольникъ XIII вѣка, старавшійся прочно укрѣпиться въ краѣ, ставъ между княземъ и простымъ обывателемъ, держа въ рукахъ того и другого; сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., служилый кочевникъ подобно своимъ южнымъ предкамъ, но очутившійся среди множества князей-хозяевъ, столь непохожихъ на своихъ южныхъ предковъ, не знавшій, что дѣлать, какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ текучимъ населеніемъ и наконецъ, подобно князю, принявшійся за землевладѣльческое хозяйство; новгородскій бояринъ XV в., повидимому безсильный и покорный передъ вѣчевою сходкой, не разъ ею битый и ограбленный, но богатый капиталистъ, крѣпко державшій въ своемъ кулакѣ нити народнаго труда и помощью ихъ вертѣвшій вѣчевою сходкой; московскій бояринъ XVI в., недавно переименовавшійся изъ удѣльнаго князя, жалѣвшій о своемъ ростовскомъ или ярославскомъ прошломъ и недовольный московскимъ настоящимъ, ни политическимъ, ни хозяйственнымъ, не

знавшій, какъ поладить со своимъ государемъ; наконецъ московскій бояринъ XVII в., смирившійся князь или выслужившійся разночинецъ, отказавшійся отъ политическихъ грезъ XVI в., покорный и преданный своему государю и широкой рукой забиравшій нити крестьянскаго труда: такой рядъ фигуръ проходитъ передъ наблюдателемъ черезъ боярскую думу въ разныхъ краяхъ древней Руси и въ разные вѣка ея исторіи. Каждый изъ этихъ типовъ сообщилъ свой особый складъ и характеръ боярской думѣ, въ которой онъ господствовалъ; но каждый изъ нихъ отражалъ въ себѣ складъ и характеръ общества въ разныхъ краяхъ Руси и въ разные вѣка ея исторіи.

В. О. Ключевскій.

---

7. Періоды русской исторіи, какъ главные моменты колонизаціи страны.

Обширная восточно-европейская равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи не является на всемъ своемъ пространствѣ заселенной тѣмъ народомъ, который доселѣ дѣлаетъ ея исторію. Наша исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что восточная вѣтвь славянства, потомъ разросшаяся въ русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, съ юго-запада, со склоновъ Карпатъ. Въ продолженіе многихъ вѣковъ этого славянскаго населенія было далеко недостаточно, чтобы сплошь съ нѣкоторой равномѣрностью занять всю равнину. Притомъ, по условіямъ своей исторической жизни и географической обстановки, оно распространялось по равнинѣ не постепенно, путемъ нарожденія, *не разселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и садясь на новыя. При каждомъ такомъ передвиженіи оно становилось подъ дѣйствіе новыхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей новозанятого края, такъ и изъ новыхъ внѣшнихъ отношеній, какія завязывались на новыхъ мѣстахъ. Эти мѣстныя особенности и отношенія при каждомъ новомъ размѣщеніи народа сообщали народной жизни особое направленіе, особый складъ и характеръ. Исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизуется. Область колонизаціи въ ней расширялась вмѣстѣ съ государственной ея территоріей. То падая, то поднимаясь, это вѣковое движеніе продолжается до нашихъ дней. Оно усилилось съ отмѣной крѣпостного права, когда начался отливъ населенія изъ центральныхъ черноземныхъ губерній, гдѣ оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда населеніе пошло разносторонними струями въ Новороссію, на Кавказъ, за Волгу и далѣе — за Каспійское море, особенно за Уралъ, въ Сибирь—до береговъ Тихаго океана. Во второй половинѣ XIX в.,

когда только начиналась русская колонизація Туркестана, тамъ водворилось уже свыше 200 тысячъ русскихъ, и въ томъ числѣ около 100 тысячъ образовали до 150 сельскихъ поселеній, составившихся изъ крестьянъ-переселенцевъ и мѣстами представляющихъ значительные острова почти сплошного земледѣльческаго населенія. Еще напряженнѣе переселенческій потокъ въ Сибирь. Оффиціально извѣстно, что ежегодное число переселенцевъ въ Сибирь, до 1880-хъ годовъ не превышавшее 2.000 человѣкъ, а въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка достигшее до 50.000, съ 1896 г., благодаря мѣрамъ, принятымъ для упорядоченія переселенческаго дѣла Комитетомъ сибирской желѣзной дороги, возросло до 200.000 ч. Все это движеніе, идущее преимущественно изъ центральныхъ черноземныхъ губерній Европейской Россіи, при ежегодномъ полуторамилліонномъ приростѣ ея населенія пока еще кажется малозначительнымъ, не даетъ себя чувствовать ощутительными толчками; но со временемъ оно неминуемо отзовется на общемъ положеніи дѣлъ немаловажными послѣдствіями.

Такъ переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты.

Я дѣлю нашу исторію на отдѣлы или періоды по наблюдаемымъ въ ней народнымъ передвиженіямъ. Періоды нашей исторіи — этапы, послѣдовательно пройденные нашимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ доставшейся ему страны, пока наконецъ онъ посредствомъ естественнаго нарожденія или поглощенія встрѣчныхъ инородцевъ не распространился по всей равнинѣ и даже перешелъ за ея предѣлы. Рядъ этихъ періодовъ—это рядъ приваловъ или стоянокъ, которыми прерывалось движеніе русскаго народа по равнинѣ, и на каждой изъ которыхъ наше общежитіе устроялось иначе, чѣмъ оно было устроено на прежней стоянкѣ. Я перечислю эти періоды, указывая въ каждомъ изъ нихъ господствующіе факты, изъ коихъ одинъ — политическій, другой — экономическій, и обозначая при этомъ ту область равнины, на которой въ данный періодъ сосредоточивалась масса русскаго населенія,—не все населеніе, а главная масса его, дѣлавшая исторію.

Приблизительно съ VIII в. нашей эры, не раньше, можемъ мы слѣдить съ нѣкоторой увѣренностью за постепеннымъ ростомъ нашего народа, наблюдать внѣшнюю обстановку и внутреннее строеніе его жизни въ предѣлахъ равнины. Итакъ съ VIII до XIII в. масса русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и съ его историческимъ воднымъ продолженіемъ — линіей Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически разбита на отдѣльныя болѣе или менѣе обособленныя области, въ каждой изъ которыхъ политическимъ и хозяйственнымъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель ея политическаго быта,—потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ, но и при

немъ не терявшій важнаго значенія. Господствующій политическій фактъ періода—политическое дробленіе земли подъ руководствомъ городовъ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни въ этотъ періодъ является внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и бортничествомъ (лѣснымъ пчеловодствомъ). Это Русь *Днѣпровская, городовая, торговая.*

Съ XIII до средины XV в. приблизительно, среди общаго разброда и разрыва народности, главная масса русскаго населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Эта масса остается раздробленной политически, но не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы. Удѣлъ—это совсѣмъ другая форма политическаго быта. Господствующій политическій фактъ періода — удѣльное дробленіе Верхневолжской Руси подъ властью князей. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является сельско-хозяйственная, т.-е. земледѣльческая эксплоатація алаунскаго суглинка посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда. Это Русь *Верхневолжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая.*

Съ половины XV до второго десятилѣтія XVII в. главная масса русскаго населенія изъ области верхней Волги растекается на югъ и востокъ по донскому и средневолжскому черноземy, образуя особую вѣтвь народа — Великороссію, которая вмѣстѣ съ населеніемъ расширяется за предѣлы верхняго Поволжья. Но, расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется въ одно политическое цѣлое подъ властью московскаго государя, который правитъ своимъ государствомъ съ помощью боярской аристократіи, образовавшейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и удѣльныхъ бояръ. Итакъ, господствующій политическій фактъ періода—государственное объединеніе Великороссіи. Господствующимъ фактомъ жизни экономической остается сельско-хозяйственная разработка стараго верхне-волжскаго суглинка и новозанятого средне-волжскаго и донского чернозема посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда; но его воля начинаетъ уже стѣсняться по мѣрѣ сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ служилаго сословія, военнаго класса, вербуемаго государствомъ для внѣшней обороны. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладѣльческая.*

Съ начала XVII до половины XIX в. русскій народъ распространяется по всей равнинѣ отъ морей Балтійскаго и Бѣлаго до Чернаго, до Кавказскаго хребта, Каспія и Урала и даже проникаетъ на югъ и востокъ далеко за Кавказъ, Каспій и Уралъ. Политически всѣ почти части русской народности соединяются подъ одною властью: къ Великороссіи примыкаютъ, одна за другой, Малороссія, Бѣлоруссія и Новороссія, образуя всероссійскую имперію. Но эта собирающая всероссійская власть дѣйствуетъ уже съ помощью не боярской аристократіи, а военно-служилаго класса, сформированнаго государствомъ въ предшествующій періодъ,—дворянства. Это политическое собираніе и объединеніе частей русской земли и есть господствующій политическій фактъ

періода. Основнымъ фактомъ экономической жизни остается земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это—періодъ *всероссійскій, императорско-дворянскій*, періодъ крѣпостного хозяйства, земледѣльческаго и фабрично-заводскаго.

Таковы пережитые нами періоды нашей исторіи, въ которыхъ отразилась смѣна исторически вырабатывавшихся у насъ складовъ общежитія.

В. О. Ключевскій.

---

8. Смерть философа Сенеки.

Послѣ неудавшагося заговора на жизнь Нерона, во главѣ котораго стоялъ Кай Пизонъ, всего пріятнѣе для мстительности Нерона была та жертва, которая давно составляла предметъ его ненависти. Несчастный, которому выпалъ этотъ черный жребій, былъ не кто иной, какъ столько извѣстный воспитатель и руководитель цезаря—Анней Сенека, который смѣлъ еще существовать, потерявши его расположеніе, и даже—верхъ преступленія!—не хотѣлъ сдѣлать ни одного шага для возвращенія его благосклонности.

Еще въ то время, когда Сенека былъ при дворѣ, Неронъ весьма нетерпѣливо сносилъ его присутствіе, какъ живую улику себѣ; но онъ еще менѣе могъ помириться съ мыслью, чтобы человѣкъ, который состоялъ въ явной немилости у него, могъ, однако, существовать независимо отъ него и нисколько не чувствовать своего лишенія. Это было хуже, чѣмъ непростительно, въ глазахъ цезаря, это была постоянная рана для его больного самолюбія, избалованнаго низкою лестью и самымъ раболѣпнымъ подобострастіемъ. Зная образъ мыслей своего воспитателя, онъ хорошо понималъ, что Сенека удалился отъ двора не съ благодарными чувствами, и возмущался мыслью, что въ Римѣ есть хотя одна неподкупная совѣсть, которая можетъ думать о немъ, что хочетъ. Выходило, что или Нерону надобно было измѣнить свое поведеніе и нѣкоторымъ образомъ самую природу свою, или Сенекѣ—не жить болѣе на свѣтѣ. Послѣднее было, разумѣется, легче и удобоисполнимѣе.

Поэтому вскорѣ послѣ удаленія Сенеки отъ дѣлъ начались уже попытки подвести его подъ какое-нибудь уголовное преступленіе, чтобы нѣсколько благовиднѣе и вѣрнѣе сбыть его съ рукъ. Когда же первая такая попытка не удалась, нетерпѣливые преслѣдователи пробовали извести ненавистнаго имъ человѣка, не дѣлая никакого шума, посредствомъ тайной отравы. Но почему-то и эта вторая проба осталась

столько же безуспѣшною. Наконецъ, заговоръ Пизона представилъ ненавистникамъ Сенеки вѣрный случай для его погибели. Имъ только и нужно было, чтобы кто-нибудь изъ участниковъ назвалъ его по имени. Недостатокъ вины легко можно было восполнить заранѣе принятою увѣренностью въ ней. Какъ самъ Неронъ, такъ и его ближайшіе совѣтники были на этотъ счетъ весьма невзыскательны. Единственный поводъ къ обвиненію Сенеки состоялъ въ показаніи Наталиса (одного изъ участниковъ заговора), утверждавшаго, что онъ отправлялся къ нему по порученію Пизона, который жаловался на его недоступность и, подъ предлогомъ дружбы, желалъ войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Всякій видитъ, что показаніе говорило скорѣе въ пользу Сенеки, чѣмъ противъ него,—тѣмъ болѣе, что, по словамъ того же свидѣтеля, Сенека отклонилъ отъ себя предложеніе. Но Нерону надобно было едва замѣтную искру превратить въ пожаръ. Онъ не только принялъ свидѣтельство Наталиса за несомнѣнное, но и обратилъ его въ положительное обвиненіе. Сенекѣ оставалось лишь отвѣчать на вопросъ, признаетъ ли онъ самъ, или нѣтъ, сдѣланное противъ него показаніе.

Какъ нарочно, онъ случился на тотъ разъ въ окрестностяхъ Рима, куда незадолго передъ тѣмъ перебрался изъ своего кампанскаго уединенія. Въ то время, какъ Сенека спокойно сидѣлъ съ своею женою и двумя добрыми пріятелями за вечернимъ столомъ, домъ, гдѣ они находились, окруженъ былъ военною стражею, и собесѣдники увидѣли передъ собою преторіанскаго трибуна. Появленіе его, впрочемъ, нисколько не смутило того, къ кому оно всего болѣе относилось. На запросъ, сдѣланный трибуномъ, Сенека не только подтвердилъ почти въ тѣхъ же словахъ показанія Наталиса, но еще далъ замѣтить посланному, что Нерону лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, что ему равно нельзя ожидать отъ своего воспитателя ни хитрости, ни лукавства. Цезарь, выслушавши донесеніе трибуна, не сомнѣвался болѣе, что Сенека понялъ его мысль, и хотѣлъ только знать, не намѣренъ ли онъ предупредить ожидающій его приговоръ добровольною смертью? Но, къ удивленію, всѣ подробности, сообщенныя посланнымъ, показывали противное. Ни изъ словъ, ни изъ движеній Сенеки нельзя было замѣтить, чтобы его смущала какая-нибудь темная мысль, или чтобъ имъ овладѣло уныніе: видно, что онъ вовсе и не помышлялъ о скорой смерти... Черезъ минуту состоялся приказъ трибуну отправиться вторично къ Сенекѣ и объявить ему волю цезаря—умереть немедленно.

Повелѣніе Нерона было исполнено въ самомъ непродолжительномъ времени. Узнавши волю цезаря, Сенека не показалъ ни страха, ни смущенія. Передъ смертію онъ пожелалъ лишь написать завѣщаніе, чтобы сдѣлать своихъ друзей участниками своего благопріобрѣтеннаго достоянія; но ему не позволили даже распорядиться своей собственностью, такъ что онъ могъ имъ завѣщать только свой примѣръ, какъ единственное наслѣдство по себѣ. Друзья философа не могли удержаться

отъ слезъ, пораженные его рѣдкимъ благодушіемъ при этой вопіющей несправедливости судьбы къ нему. Сенека, вмѣсто того, чтобы принимать отъ нихъ утѣшенія, самъ нашелся вынужденнымъ утѣшать ихъ въ своемъ несчастіи и дружески укорялъ ихъ въ недостаткѣ твердости духа, которая никогда не должна оставлять людей, посвятившихъ себя изученію мудрости. Онъ ссылался на извѣстныя всѣмъ свойства сына Агриппины и выражалъ твердое убѣжденіе, что Неронъ былъ бы непослѣдователенъ, если бы, убивши мать и брата, хотѣлъ послѣ того пощадить жизнь своего воспитателя. Затѣмъ онъ обратился къ женѣ и трогательно умолялъ ее—сколько возможно умѣрить свою печаль и стараться лучше утѣшать себя добрыми воспоминаніями о томъ, кто скоро перестанетъ служить ей опорою и утѣшеніемъ въ самой жизни. Паулина (такъ звали ее), бывъ до сихъ поръ вѣрною подругою мужа и какъ бы вдохновившись его мужествомъ, изъявила желаніе не разлучаться съ нимъ даже и въ смерти. Рѣшеніе ея было такъ твердо, и вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе въ будущемъ представлялось столько безотраднымъ, что въ самой любви своей къ ней Сенека нашелъ довольно побужденій, чтобы не противиться ея намѣренію.

— „Ты меня удивляешь“, говорилъ онъ женѣ: „я старался познакомить тебя съ лучшими сторонами жизни, чтобы заставить тебя полюбить ее, а ты отказываешься отъ нея—ради честной смерти!.. Пусть будетъ по-твоему: поравняемся во всемъ—какъ въ жизни, такъ и въ самой смерти“.

Заключивши между собою это грустное условіе, оба они открыли себѣ жилы на рукахъ. Но, какъ старческая кровь Сенеки текла медленнѣе, то онъ велѣлъ еще повторить ту же операцію надъ своими ногами. Потомъ чтобы не смутить жену своими страданіями и не смутиться самому ея предсмертными муками, онъ попросилъ нѣсколько удалить ее отъ себя, самъ же между тѣмъ спѣшилъ воспользоваться остающимся временемъ, чтобы продиктовать на память друзьямъ свои послѣднія мысли. Но его заботы о женѣ оказались напрасны: безжалостный къ мужу, Неронъ хотѣлъ показать на ней свое примѣрное человѣколюбіе и, узнавши, что Паулина тоже приготовилась разстаться съ жизнію—точно такъ же *воспретилъ* ей умирать, какъ *приказалъ* Сенекѣ: ей тотчасъ перевязали руки и уняли текущую кровь. Такимъ образомъ Паулина противъ воли была еще спасена для жизни.

Сенека между тѣмъ продолжалъ медленно изнемогать и наконецъ, утомленный долгой борьбою, пожелалъ для скорѣйшаго ея исхода выпить отраву, которую обыкновенно подносили осужденнымъ на смерть аѳинянамъ. Ему еще успѣли влить ядъ, но на окостенѣвшіе члены онъ не могъ болѣе произвести замѣтнаго дѣйствія. Сенека имѣлъ еще послѣ того довольно силъ, чтобы войти въ холодную воду, и, когда брызги отъ нея упали на близъ стоявшихъ рабовъ, онъ могъ проговорить, что дѣлаетъ это возліяніе въ честь Юпитера, дарующаго ему

свободу. Перенесенный отсюда въ теплую ванну, онъ скоро испустилъ послѣднее дыханіе.

Въ Римѣ стало однимъ благонамѣреннымъ человѣкомъ еще менѣе...

П. Н. Кудрявцевъ.

---

9. Суворовъ.

Чтобы постигнуть личность столь оригинальную и своеобразную, необходимо прослѣдить, какъ постепенно развился этотъ необыкновенный характеръ. Съ самаго малолѣтства и во всю жизнь Суворовъ шелъ своимъ особымъ путемъ,—не тѣмъ, который былъ обычною колеею большинства. Онъ не былъ съ колыбели записанъ въ полкъ, какъ большая часть баричей того времени; казалось даже — онъ и не рожденъ былъ для военнаго поприща: малорослый, сухощавый, онъ былъ ребенкомъ слабаго сложенія. Отецъ его, хотя самъ заслуженный генералъ, предназначалъ своего сына къ службѣ гражданской, и потому заставлялъ его съ малолѣтства учиться языкамъ и наукамъ. Юноша показывалъ и охоту къ ученію, и способности. Онъ былъ ума бойкаго, живого, и рано обнаруживалась въ немъ необыкновенная твердость характера. Попадавшіяся ему книги прочитывалъ онъ съ жадностію; особенно же пристрастился къ Плутарху и Корнелію Непоту: такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ нее честолюбіе и любовь къ славѣ. Десятилѣтній Суворовъ мечталъ уже, какъ бы сдѣлаться великимъ мужемъ. Изъ всѣхъ родовъ славы болѣе всѣхъ плѣнила его слава воинская: и вотъ онъ принялся читать усердно походы Александра Македонскаго, Цезаря, Карла XII; началъ изучать фортификацію по какимъ-то старымъ отцовскимъ книгамъ; во что бы то ни стало, захотѣлъ онъ быть воиномъ. Родитель его, послѣ многихъ возраженій, уступилъ явной наклонности сына и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ записалъ его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ (Семеновскій). Вскорѣ затѣмъ, на пятнадцатомъ году, Суворовъ поступилъ въ тотъ же полкъ уже на дѣйствительную службу рядовымъ и десять лѣтъ несъ солдатскую лямку, постепенно проходя всѣ низшія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта. Только въ 1754 году, на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, Суворовъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, поручикомъ въ армію; въ эти лѣта многіе изъ его сверстниковъ были уже генералами или по крайней мѣрѣ полковниками.

Такое начало служебнаго поприща имѣло весьма важное значеніе въ жизни Суворова. Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ. Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую: не иначе спалъ, какъ на соломѣ или на сѣнѣ; вставалъ

съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою; ненавидѣлъ всякую роскошь; избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ; изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчать душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье его укрѣпилось; съ виду тщедушный и слабый, онъ, однакоже, выносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно, не безъ умысла Суворовъ старался во внѣшней своей жизни примѣниться къ солдатскому быту. Но какъ ошибались тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ-то инстинктомъ военнымъ! Суворовъ получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какого не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ то повѣрье, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ окончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его впослѣдствіи самоучкою. Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ. Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнилъ во всю жизнь свою и точно такъ же, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ въ идеалъ. Можно даже сказать, что военный геній Суворова, несмотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній.

Занятія умственныя, конечно, не мѣшали Суворову съ первыхъ лѣтъ службы обратить на себя вниманіе начальниковъ примѣрнымъ усердіемъ и точностію въ исполненіи своихъ обязанностей: какъ прежде былъ онъ солдатомъ самымъ исправнымъ въ полку, такъ потомъ и офицеромъ самымъ ревностнымъ; онъ считался, какъ говорится, „служакою“. Одаренный отъ природы необыкновенною энергіею и силою воли, Суворовъ принимался за все съ жаромъ, съ любовью, и ничего не дѣлалъ наполовину. Службѣ предался онъ вполнѣ, всею душою, и строгое выполненіе обязанностей своихъ доводилъ до педантизма. Поэтому на него преимущественно возлагались служебныя порученія, требовавшія распорядительности и точности. Еще сержантомъ былъ онъ посланъ за-границу, съ депешами въ Варшаву и Берлинъ. Спустя два года по производствѣ въ офицеры (1756 г.), онъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ, потомъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ; затѣмъ, въ 1758 г., когда русскія войска выступили въ походъ въ Пруссію, Суво-

ровъ, въ чинѣ премьеръ-майора, формировалъ батальоны въ Лифляндіи и былъ комендантомъ въ Мемелѣ. Выпросивъ дозволеніе отправиться въ дѣйствующую армію, онъ былъ немедленно же назначенъ въ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ Ферморѣ. Первые опыты Суворова собственно на боевомъ поприщѣ были при занятіи Кроссена и въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Въ послѣднія кампаніи семилѣтней войны онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Берга и командовалъ самъ отдѣльными легкими отрядами. Генералъ Бергъ отозвался о подполковникѣ Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, „быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасности“. Въ этихъ партизанскихъ наѣздахъ впервые обнаружились и, быть можетъ, зародились тѣ свойства Суворова, которыя впослѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость.

Присланный въ 1762 г. изъ Пруссіи въ Петербургъ съ донесеніемъ къ императрицѣ, Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники въ астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіе шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятій карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царскимъ Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера; съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ кипѣло пламенное честолюбіе; во что бы то ни стало, хотѣлъ онъ достигнуть славы и знаменитости и давно придумывалъ средство къ тому. Наконецъ одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ. Замѣчаніе это запало глубоко въ умѣ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности; что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей,—однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться оригинальнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно всего вѣроподобнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми дѣйствительно Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе. Начавъ съ легкихъ шутокъ, приговорокъ, мало-по-малу сдѣлался онъ вполнѣ чудакомъ и въ разговорѣ, и въ письмѣ, и въ походкѣ, и въ самой службѣ. Отбросивъ общепринятыя внѣшнія формы приличія, Суворовъ ничего не дѣлалъ, какъ другіе люди: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженія, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спар-

танскій образъ жизни: вставая съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемь часовъ утра; притворялся, будто не можетъ выносить зеркалъ, боясь увидѣть въ нихъ самого себя. Въ одеждѣ своей Суворовъ также не соблюдалъ общей формы: часто въ лѣтній жаръ являлся даже передъ войсками вовсе безъ мундира, только въ рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ платьѣ; иногда же носилъ бѣлый китель съ краснымъ воротникомъ. Головной уборъ его состоялъ обыкновенно изъ маленькой каски съ чернымъ перомъ. Въ зимнее время, въ самые холодные дни, имѣлъ онъ только лѣтній плащъ, который слылъ подъ названіемъ „родительскаго“: шубы никогда не носилъ, даже въ глубокой старости. Командуя полкомъ, онъ самъ училъ кантонистовъ ариѳметикѣ, сочинялъ для нихъ учебники, въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ.

Въ обращеніи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ совершенно особую систему: строгій къ каждому въ исполненіи обязанностей служебныхъ, онъ въ то же время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками. Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ; слово „не знаю“ было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ-нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ, и немедленно же надобно было отвѣчать ему, хотя бы такою же нелѣпостію: кто отвѣтитъ остро, умно, тотъ молодецъ, разумникъ; кто смутится, замнется, тотъ — „немогузнайка“. Обыкновенныя фразы вѣжливости, приличія, отвѣты неопредѣленные, уклончивые—преслѣдовалъ онъ особыми своими терминами: „лживка“, „лукавка“, „вѣжливка“ и проч.

Даже въ обученіи своего полка Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности: вдругъ соберетъ его ночью, по тревогѣ, и поведетъ въ походъ; водитъ нѣсколько дней сряду; переходитъ черезъ рѣки вбродъ и вплавь; держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ, проходя мимо какого-то монастыря, въ окрестностяхъ Новой Ладоги, вдругъ велѣлъ онъ полку своему атаковать эту мирную обитель и штурмовалъ стѣны по всѣмъ правиламъ. На Суворова жаловались за эти проказы, но все прощалось чудаку.

Дѣйствительно, Суворовъ своими странностями вполнѣ достигъ предположенной цѣли: о немъ, разумѣется, начали говорить въ Петербургѣ; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до самой императрицы. Государыня, зная уже Суворова, какъ умнаго человѣка и отличнаго полкового командира, милостиво улыбнулась, слыша о его проказахъ. Проницательный взглядъ Екатерины умѣлъ открыть въ Суворовѣ истинныя достоинства подъ комическою маскою, которую онъ на себя надѣлъ. Всякаго другого подобная маска сдѣлала бы смѣшнымъ шутомъ; Суворовъ, напротивъ того, умѣлъ заслужить общее уваженіе и въ особенности солдатамъ внушилъ неограниченную къ себѣ

любовь; они звали его не иначе, какъ отцомъ роднымъ. Всѣ подчиненные, которымъ случалось быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову, дѣлались почти фанатическими приверженцами его. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Суворова, въ его рѣчахъ, даже въ шуткахъ и проказахъ,—подъ самою странною оболочкою всегда просвѣчивалъ особый оригинальный умъ: здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническій, даже съ примѣсью нѣкоторой своего рода хитрости,—тотъ именно родъ ума, который такъ свойственъ русскому человѣку. И въ самомъ дѣлѣ, Суворовъ по природѣ былъ, можно сказать, типомъ человѣка русскаго: въ немъ выразились самыми яркими красками всѣ отличительныя свойства нашей національности; а вмѣстѣ съ тѣмъ и во внѣшней своей жизни старался онъ систематически подражать пріемамъ русскаго простолюдина и солдата: онъ строго соблюдалъ всѣ ихъ привычки и обычаи; умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ солдатскій языкъ, примѣняться къ ихъ образу мыслей. Будучи христіаниномъ въ душѣ, Суворовъ исполнялъ и въ наружности всѣ церковные обряды, держалъ въ точности посты, крестился, проходя мимо церкви, клалъ земные поклоны предъ иконами. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія его проникнуты были русскимъ духомъ. Вотъ почему именно самыя странности и причуды его возбуждали такое сочувствіе въ русскихъ солдатахъ и даже обратились впослѣдствіи въ народную легенду. Въ этомъ же заключается и вся тайна того дивнаго нравственнаго вліянія, которое Суворовъ имѣлъ на войска.

Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе. Получивъ самое простое воспитаніе, проведши юность въ казармахъ вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости! Вмѣсто того, онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки высказывалъ всѣмъ, даже надменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другого. Въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спѣсь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ; но что ему было до того, когда императрица благоволила и покровительствовала? Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдерживалъ ее такъ вѣрно, что впослѣдствіи даже трудно было отличить въ немъ искусственную личину отъ природной своеобразности характера.

Впрочемъ, должно замѣтить, что впослѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ умѣлъ вполнѣ, когда было нужно, измѣнять свое обычное поведеніе: въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ, напр., при торжествахъ, церковныхъ обрядахъ, также въ разговорахъ съ иностран-

ными дипломатами и генералами, онъ совершенно отбрасывалъ свои странности, принималъ видъ серьезный; говорилъ дѣльно, сохраняя всѣ наружныя приличія; удивлялъ часто ясностію своихъ сужденій и вѣрностію взгляда. Въ немъ были какъ будто двѣ натуры: въ кабинетѣ, за дѣлами, слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволялъ себѣ никакихъ шутокъ; но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался совсѣмъ въ иного человѣка: вспрыгивалъ быстро со стула, вскрикивалъ: „Кушъ! кушъ“ — и тогда начиналъ, по обыкновенію, шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хотъ, можетъ быть, и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе. Разсказываютъ, будто бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала его однажды въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами. Услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: „Какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ! Отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?“ Но Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: „Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-императрицы!“

Графъ Д. А. Милютинъ.

---

10. Петръ I—чисто великорусская натура.

Толстый слой грубой коры наложило прошедшее на силы русскаго человѣка; но зато и силы, таившіяся подъ ней, были громадны. Ими только объясняется возможность Петра въ нашей исторіи. Стоило имъ прорваться наружу,—и онѣ породили явленіе, изумившее міръ столько же своими гигантскими размѣрами, какъ и своею неожиданностью,—изумившее даже Россію, которая сама не подозрѣвала, что способна выставить такого человѣка. Оттого русскіе люди и не поняли сначала Петра, а раскольники прямо говорили, что онъ—не настоящій царь, а подставленный нѣмцами. А между тѣмъ, Петръ—чисто великорусская натура, и нѣтъ въ ней ни одной черты, которая бы не объяснялась народными задатками.

Неугомонная, всепроникающая дѣятельность; разнообразнѣйшій трудъ—отъ тонкой умственной работы до послѣдняго грубаго мастер-

ства, вѣчные разъѣзды отъ Балтійскаго моря до Волги, отъ Архангельска до Азова, простая, часто разгульная жизнь,—такъ и видишь древняго новгородскаго повольника, звѣролова, промышленника, торговца и перваго населителя далекихъ и пустынныхъ краевъ. Затѣмъ, страсть къ морю и морскимъ похожденіямъ, почти съ дѣтства развившаяся въ Петрѣ, приводила въ изумленіе многихъ. Даже спеціальный историкъ Петра Великаго недоумѣваетъ, какъ подобная страсть могла зародиться въ юношѣ, выросшемъ въ подмосковномъ Преображенскомъ, гдѣ на пространствѣ ста верстъ кругомъ не было и порядочнаго озера. Но это—та же древне-русская потребность шири, простора и раздолья, которую мы видимъ въ казакахъ, вольницѣ, сибирскихъ и степныхъ колонистахъ. А практическій смыслъ, а желѣзная воля, а твердость въ несчастіяхъ, терпѣніе въ неудачахъ,—все это исконныя черты въ высшей степени реальнаго и выносливаго великорусскаго характера.

Но народъ, скованный обрядностью неподвижной московской жизни, во многомъ сталъ тогда уже забывать себя, а потому изумился, когда увидѣлъ, что Петра не водятъ подъ руки сибирскіе и касимовскіе царевичи, что онъ даже вовсе не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ; изумился еще болѣе, когда онъ побратался съ нѣмецкими проходимцами, принялъ ихъ обычаи, надѣлъ ихъ короткое платье. Видя все это, народъ задумался: „Да нашъ ли это, — уже не нѣмецъ ли воровскимъ образомъ сѣлъ къ намъ въ цари?“ А тутъ, къ довершенію ужаса, царь этотъ самъ ѣдетъ смотрѣть нѣмецкую землю, толпами посылаетъ туда учиться лучшихъ русскихъ людей... И все это творится въ государствѣ, откуда за-границу ѣздили до сихъ поръ только послы да большіе гости, и то за крѣпкими поруками; а кто бы безъ вѣдома уѣхалъ, того имѣніе отбирали въ казну, да всѣхъ его родственниковъ допрашивали на пыткѣ. Этого народъ уже не могъ стерпѣть. Въ отсутствіе Петра разыгрывается стрѣлецкій бунтъ; кричатъ, что царь измѣнилъ православію, родную землю предалъ еретикамъ. Съ голоса озлобленныхъ современниковъ нашлись и въ потомствѣ писатели, рѣшившіеся заподозрить Петра въ нелюбви къ Россіи...

Едва ли стоитъ опровергать это обвиненіе. Петръ любилъ Россію; но не той инстинктивной привязанностью, которую можетъ питать къ родинѣ и дикарь, а любовью разумною и святою, желая ей пользы, славы, величія и силы. Онъ любилъ не ту Россію, которую видѣлъ вокругъ себя, а Россію будущаго,—великую, просвѣщенную, богатую, человѣчную, и этой идеальной Россіи всецѣло приносилъ въ жертву личные интересы, кровныя связи, всего себя.—„Я за мое отечество и люди“, пишетъ онъ съ горечью недостойному сыну, — „живота своего не жалѣлъ... Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ? Кому насажденіе свое оставлю?“... А знаменитый приказъ передъ Полтавской баталіей, — „о Петрѣ не думайте, жила бы Россія въ довольствѣ и славѣ“! Наконецъ, вся его дѣятельность, каждая ми-

нута, которая посвящена была родинѣ, не доказываетъ ли лучше всего его горячую, самоотверженную преданность ей? Онъ сблизился съ иностранцами, ласкалъ и платилъ имъ только ради пользы Россіи... Онъ видѣлъ въ нихъ нужныхъ людей, способныхъ учителей своему народу, но нигдѣ не отдавалъ имъ существеннаго предпочтенія, — и на высшихъ постахъ государственной службы мы видимъ при Петрѣ почти исключительно однихъ русскихъ. Выходитъ, что и въ этомъ сближеніи съ иностранцами, въ самомъ предпочтеніи чужеземныхъ обычаевъ, порядковъ и образованности Петръ дѣйствовалъ, какъ практическій русскій человѣкъ: увидѣлъ, что это нужно, что въ этомъ лучшее средство спасти Россію,—и не посмотрѣлъ ни на что.

Совершенно народной же чертой является въ немъ также и удивительная способность самообразованія. Не получивъ почти никакого систематическаго образованія, учась всему налету и мимоходомъ, будучи именно геніальнѣйшимъ изъ русскихъ самоучекъ, Петръ тѣмъ не менѣе, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, обладалъ уже такими обширными и разнообразными свѣдѣніями, что изумлялъ ими иностранныхъ спеціалистовъ.

Съ какой бы стороны, словомъ, ни изучали мы личность Петра,— сердечную ли его религіозность, далекую отъ фанатизма и ханжества, съ его смиреніемъ въ счастіи и простотою въ величіи, или его военныя доблести: хладнокровіе и стойкость въ опасностяхъ, великодушіе къ побѣжденному врагу, полное отсутствіе суетнаго личнаго славолюбія,—вездѣ видимъ мы въ немъ воплощеніе лучшихъ свойствъ народнаго генія, на почвѣ котораго только и могъ вырасти этотъ блестящій феноменъ. Даже темныя стороны его характера—невоздержность, вспыльчивость, припадки бѣшенаго гнѣва, вообще крутость нрава, доходившая до жестокости, объясняются столько же его страстнымъ, огненнымъ темпераментомъ, сколько и вліяніемъ среды, его воспитавшей.

Таковъ былъ Петръ — русскій человѣкъ, впервые развернувшійся во всю свою ширь, впервые показавшій міру свою внутреннюю несокрушимую мощь!.. Только русская земля могла породить богатыря, подобнаго Петру; только такой богатырь могъ разбудить ея исполинскія силы, двинуть ее на новую дорогу.

М. Н. Петровъ.

---

11. Римскій міръ и христіанство.

По семи тиберинскимъ холмамъ раскинулся царственный городъ со своимъ двухмилліоннымъ населеніемъ, четырьмя стами храмовъ, двумя тысячами дворцовъ и десятками тысячъ меньшихъ человѣческихъ обиталищъ. Столица восьмидесятимилліонной державы, повелитель лучшихъ культурныхъ странъ трехъ частей свѣта, императорскій Римъ

сосредоточилъ въ стѣнахъ своихъ всю образованность, все богатство и силу тогдашняго историческаго міра...

Войдемъ же въ одинъ изъ великолѣпныхъ чертоговъ, наполняющихъ городъ, и посмотримъ, какъ живутъ люди посреди этихъ условій и порядковъ.

Дворецъ, украшенный фресками и мозаикой, дорическими портиками и экседрами, наполненный сотнями разноцвѣтной прислуги, составляетъ только ничтожную часть обширнаго помѣщенія. Роскошныя бани, писцины, звѣринецъ, сады, даже храмы и форумъ—окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, служа принадлежностями самой изысканной роскоши. Каждый домъ милліонера-магната имѣетъ видъ какъ бы цѣлаго города,—и Римъ есть собраніе городовъ.

Заснувши подъ звуки успокоительной, отдаленной симфоніи, сибаритъ просыпается при свѣжемъ шумѣ каскада и небрежно протягиваетъ руку поцѣлуямъ жадной толпы утреннихъ посѣтителей, рабовъ и кліентовъ.

Онъ выискиваетъ всѣ средства, чтобы убить длинное, несносное время, и все-таки не находитъ удовольствія, которое бы тотчасъ не надоѣло. Сокровища и наслажденія всего свѣта стеклись сюда, чтобы украсить его жилище, наполнить и усладить его вѣчный досугъ. Полъ его залы усѣянъ цѣнными камнями; изваянный изъ цѣльнаго дерева столъ стоитъ шестьдесятъ тысячъ рублей на наши деньги; его мурены плаваютъ въ мраморныхъ бассейнахъ и откармливаются свѣжимъ человѣческимъ мясомъ; для его павлиновъ и соловьевъ выстроены изящные кіоски, окутанные экзотической зеленью и освѣжаемые безчисленными фонтанами.

Ему скучно въ городѣ,—онъ ѣдетъ въ свою роскошную виллу на берегу Партенопейскаго залива, гдѣ и на высокихъ горахъ, и посреди волнъ бушующаго моря воздвигнуты для него увеселительныя постройки, гдѣ прудъ обставленъ настоящими прибрежными скалами, передвинутыми сюда съ неимовѣрными издержками.

Онъ хочетъ прослыть ученымъ—и собираетъ коллекцію драгоцѣнныхъ рукописей, которыхъ не знаетъ часто и названій, да ему и некогда: онъ безпокоится о томъ, что вотъ какой-нибудь локонъ его завитыхъ и раздушенныхъ волосъ упадетъ къ нему на плечо не съ такою небрежностью и граціей, какъ того требуетъ мода,—что толпы рабовъ, окружающихъ столъ его и разставленныхъ въ порядкѣ по росту, возрасту или цвѣту кожи, одѣты и причесаны не съ такимъ безукоризненнымъ однообразіемъ, какъ бы это слѣдовало; онъ волнуется, чтобы кто-нибудь изъ прислуги, при гостяхъ не ошибся въ движеніи или перемѣнѣ мѣста, чтобы диковинная птица, предназначенная къ банкету, по новости случая, не была какъ-нибудь разрѣзана противъ правилъ кулинарнаго искусства.

Но вотъ ему наскучила роскошь—и, пресыщенный удовольствіями,

онъ удаляется на нѣсколько дней въ бѣдную хижину, нарочно построенную въ его домѣ, гдѣ, на глиняномъ полу, ѣсть черствую пищу изъ простой посуды, забывая на время свои золотыя вазы и кубокъ изъ цѣлаго аметиста—и все это съ тѣмъ, чтобы, воротившись къ роскошной жизни, найти въ ней новое, освѣженное удовольствіе.

Вся Италія покрыта парками, прудами и рощами, гдѣ барышники откармливаютъ рыбу и дичь для стола его. Отдаленныя провинціи снабжаютъ его кладовыя отборными припасами. Косъ доставляетъ ему вино, Фазосъ—птицу, Сицилія—хлѣбъ, Африка—раковины. Поваръ его за свое искусство увѣнчанъ золотымъ вѣнкомъ. Его ужинъ обошелся въ три милліона сестерцій, въ полтораста тысячъ рублей на наши деньги. Одно блюдо павлиньихъ языковъ или соусъ изъ мозговъ попугаевъ стоили иногда по сту тысячъ по римскому счету.

На пурпуровыхъ ложахъ возлежатъ собесѣдники, окруженные услужливой и подобострастной толпой оффиціаловъ, угадывающихъ ихъ малѣйшія желанія; молодые рабы на серебряныхъ блюдахъ подаютъ несчетныя кушанья, убранныя со вкусомъ и изяществомъ; красивые, кудрявые мальчики, въ бѣлыхъ туникахъ, разносятъ вино, разливаютъ по полу ароматы, обмахиваютъ гостей вѣерами. Вокругъ стола—пѣсни, танцы, музыка, фарсы и споры. И посреди всего этого веселья, гама и шума, царь банкета, амфитріонъ, возноситъ частые заздравные тосты, вѣнчаетъ гостей своихъ свѣжею зеленью и розами.

— „Поспѣшимте жить“, говоритъ онъ, „смерть близится; украсимъ же наши головы цвѣтами, прежде чѣмъ сойдемъ къ Плутону“.

Перенесемся ли мы изъ этого тѣснаго домашняго круга въ шумную уличную жизнь и общественныя удовольствія вѣчнаго города—и тамъ встрѣтимъ то же отсутствіе нравственныхъ интересовъ, ту же пустоту и матеріализмъ.

Амфитеатръ открытъ съ самаго утра. Восемьдесятъ тысячъ зрителей тѣснятся на его мраморныхъ ступеняхъ. Среди трепетнаго ожиданія публики, выпускаютъ на арену африканскихъ тигровъ, львовъ и пантеръ и заставляютъ ихъ грызться другъ съ другомъ. Затѣмъ выходятъ противъ нихъ дикіе гетулы и длинноволосые галлы-гладіаторы, нарочно для того воспитанные спекуляторами. Покончивъ со звѣрями, они начинаютъ сражаться между собою. Сражаются на колесницахъ, и на коняхъ, и пѣшіе, сражаются даже съ завязанными глазами, и это въ особенности нравится публикѣ; но еще больше возбуждаетъ общій восторгъ и хохотъ галльское искусство ловить людей арканами и сѣтями.

А кругомъ стоитъ одинъ непрерывный, оглушительный гулъ,—крики одобренія за ловкій и смѣлый ударъ, за граціозное паденіе, за твердость въ предсмертныхъ мукахъ,—крики злобы и негодованія за слабость, малодушіе или неловкость.

Иногда и зрителей вдругъ охватываетъ бранный задоръ. Они сами сходятъ на арену и принимаютъ участіе въ свалкѣ. Сенаторъ и всадникъ дерутся, какъ простые гладіаторы.

Но вотъ, посредствомъ подземныхъ трубъ, арена внезапно наполняется водою и представляетъ видъ озера, гдѣ плаваютъ крокодилы и гиппопотамы; является двадцать кораблей,—два враждебные флота вступаютъ въ битву. Смерть предстаетъ глазамъ публики во всѣхъ видахъ; люди тонутъ, умираютъ отъ огня, отъ желѣза. Это — навмахіи, любимѣйшее наслажденіе римлянъ.

Наконецъ вода сбѣжала, и на влажной еще аренѣ снова завязывается рукопашная рѣзня.

Вотъ гладіаторъ наступилъ на горло своему поверженному противнику и, съ занесеннымъ мечомъ, равнодушно ожидаетъ отъ зрителей обычнаго сигнала: „recipe ferrum“, между тѣмъ какъ несчастный, валяясь въ пыли, усиливается принять еще живописную позу, чтобы, къ удовольствію образованной публики, умереть по всѣмъ правиламъ искусства.

Вотъ молоденькая дѣвушка порывается съ своего мѣста, хлопаетъ руками и издаетъ крики восторга, увидѣвъ бойца, ловко поверженнаго сильнымъ ударомъ.

Звуки тысячи инструментовъ смѣшиваются съ громомъ рукоплесканій, со стонами жертвъ, съ воплями народа.

Шелковое, шитое золотомъ покрывало колеблется надъ зрителями, защищая ихъ отъ полдневнаго зноя. Ароматный дождь ниспадаетъ на нихъ изъ особо-устроенныхъ машинъ. Кругомъ—мраморныя статуи, роскошные барельефы и мозаика...

Все здѣсь—холодное безчеловѣчіе, утонченность вкуса, пресыщеніе роскоши и безстыдное наслажденіе...

Такъ жили лучшіе, передовые люди своего вѣка. Массы же томились въ невѣжествѣ, нищетѣ и рабствѣ. Объ нихъ, низведенныхъ на степень животныхъ, никто и не думалъ, никто не признавалъ за ними даже человѣческаго достоинства.

Рабъ не имѣлъ никакихъ правъ—ни личныхъ, ни имущественныхъ—и считался вещью, собственностью своего господина. Даже дѣти его принадлежатъ не ему, а хозяину. Фамильнаго имени у нихъ тоже не было, и его звали просто какой-нибудь кличкой. Право жизни и смерти предоставлено было гражданину надъ принадлежавшими ему рабами, и легко представить, къ какимъ злоупотребленіямъ подавало оно поводъ въ рукахъ гордыхъ и безчеловѣчныхъ тирановъ, вѣчно боявшихся мятежа со стороны этихъ многочисленныхъ и доведенныхъ до отчаянія страдальцевъ. Подозрительно слѣдили они за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ этой безмолвной и забитой толпы,

и стоило кому-нибудь изъ нихъ сдѣлать ничтожную ошибку въ услугѣ или не замѣтить знака, поданнаго хозяиномъ, чтобы навлечь на себя страшныя наказанія. Несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Въ тихую ночь по улицамъ Рима прохожій то и дѣло слышалъ стоны, удары кнута и звуки цѣпей, несшіеся изъ сырыхъ и душныхъ подваловъ, куда рабы запирались на ночь не иначе, какъ прикованные къ стѣнамъ. Рабъ не могъ даже подружиться и сойтись съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, такъ какъ въ каждомъ подобномъ сближеніи господинъ тотчасъ видѣлъ стачку и заговоръ. Наконецъ, больного или увѣчнаго раба, какъ безполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія. Даже законъ не зналъ милосердія къ этимъ несчастнымъ; и хотя нѣкоторые императоры законодательными мѣрами старались смягчать ихъ участь, но, даже при лучшихъ цезаряхъ, было въ обычаѣ предавать казни всѣхъ рабовъ, принадлежащихъ одному хозяину—а ихъ бывало нерѣдко по нѣсколько сотъ въ одномъ домѣ—если хозяинъ этотъ былъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Пытка употреблялась при самыхъ маловажныхъ слѣдствіяхъ, и смерть на крестѣ была самою обыкновенною ихъ казнію.

Римъ много сдѣлалъ для человѣчества, но такихъ преступленій не искупитъ вся его славная исторія...

А участь провинцій, пріобрѣтенныхъ мечомъ и управляемыхъ насиліемъ? Сомнительно, чтобы тѣ блага однообразной цивилизаціи, которыя онѣ получили отъ покровителей, въ состояніи были вознаградить за систематическій грабежъ, разореніе и рабство, постигавшіе побѣжденные римлянами народы. „Наши провинціи стонутъ“, писалъ еще Цицеронъ, „свободные народы жалуются, всѣ царства міра вопіютъ противъ нашей хищности и насилій. Нѣтъ столь отдаленнаго или столь сокровеннаго уголка до самаго океана, куда-бы не проникли наши несправедливости и тиранія. Народъ римскій не въ силахъ долѣе переносить—не войны и возстанія народовъ, но ихъ вопли и слезы“... И такимъ негодованіемъ разражался человѣкъ, который въ теченіе только годичнаго управленія маленькой Киликіей нажилъ милліонъ сестерцій состоянія. Что же подумать о другихъ, менѣе благодушныхъ правителяхъ? Что подумать о страшномъ финансовомъ истощеніи провинцій, когда, кромѣ этого частнаго грабежа проконсуловъ и ихъ чиновничьей когорты, на нихъ лежало все бремя государственныхъ податей, сборъ которыхъ сопровождался обыкновенно насиліями откупщиковъ, пытками несостоятельныхъ плательщиковъ и тому подобными ужасами?...

Надо представить себѣ весь этотъ міръ немногихъ избранниковъ, утопающихъ въ богатствѣ и наслажденіяхъ и все-таки томящихся безысходной скукой, и безправныхъ милліоновъ, обреченныхъ на вѣчное

горе,—міръ необузданнаго эгоизма и ужасныхъ страданій,—и тогда только мы оцѣнимъ весь смыслъ необъятнаго переворота, посѣяннаго въ немъ евангельскою проповѣдью.

Когда отъ береговъ галилейскаго озера пронеслись по свѣту отрадныя слова: „Возлюбите ближнихъ вашихъ, какъ самихъ себя“, то это поистинѣ была великая новость, радостное „благовѣстіе“ для людей. Цѣлая перспектива лучшихъ отношеній, цѣлая счастливая будущность открывалась передъ ними. Противу золъ, угнетавшихъ общество, впервые найдена была цѣлая тайна, невѣдомая сила вступила въ жизнь, чтобы согрѣть ее, облагородить и осчастливить.

Сила эта—любовь.

Любить надо, чтобы угодить Богу; чтобы быть счастливымъ на землѣ, любить не только кровныхъ и близкихъ, но всѣхъ и каждаго, даже враговъ,—и для другихъ жить столько-же, сколько и для себя. Тогда только получитъ жизнь цѣну и интересъ, станутъ нетягостными ея радости, и облегчатся ея бѣды...

„Блаженны нищіе духомъ, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ, миротворцы,—блаженны плачущіе и гонимые за правду,—пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные,—и Я успокою васъ“... Это былъ языкъ небесъ, незнакомый тогдашнему міру. Говорить такимъ образомъ—значитъ открыть несомнѣнный путь ко власти надъ человѣческимъ сердцемъ; но говорить такимъ образомъ посреди порядковъ римской имперіи—значило пролить такое врачующее утѣшеніе на безнадежныя страданія милліоновъ, что, услышавъ однажды этотъ голосъ, люди пойдутъ за нимъ на муки, гоненія и смерть...

Воспитанные и преображенные Евангеліемъ, мы теперь привыкли къ его человѣчному духу и каждый день повторяемъ молитву Спасителя, часто и не останавливаясь на томъ, какая величественная идея заключается въ ея простыхъ начальныхъ словахъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Необъятный смыслъ ихъ, во всей своей глубинѣ, постигается полнѣе исторически. Посреди величайшаго неравенства, какое когда-либо видѣлъ міръ, и вопіющихъ несправедливостей общественныхъ, представляемыхъ римскимъ государствомъ,—въ нихъ высказывался новый идеалъ человѣчества, радикально противоположный античнымъ понятіямъ и чувствамъ. Всѣ люди—братья, дѣти Одного Отца Небеснаго, любящаго ихъ безконечно... Языческая древность, съ сорока вѣками своего развитія, не въ силахъ была подняться до высоты такого представленія; наше время, со всѣми успѣхами своего гордаго образованія, не могло создать ничего совершеннѣе,—нужно думать, что и самое далекое будущее не превзойдетъ его никогда...

Это „ученіе любви“, мало-по-малу измѣнившее весь строй и смыслъ человѣческой жизни,—вотъ первая и главная образовательная заслуга христіанства въ исторіи.

М. Н. Петровъ.

12. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Реформа русской жизни, съ такою быстротой и рѣзкостью проведенная Петромъ Великимъ, надолго заслонила отъ взглядовъ потомства до-Петровскую Русь. То, что было до Петра, для многихъ представлялось лишеннымъ всякаго историческаго интереса, и многимъ казалось, что только дѣлами Петра начиналась историческая жизнь въ Россіи. Титаническая личность царя-преобразователя, съ его безпримѣрной энергіей, громадными душевными силами и замѣчательнымъ разнообразіемъ дѣятельности, затмевала собой его предшественниковъ—московскихъ государей XVII вѣка, величавыхъ и спокойныхъ, закрытыхъ отъ глазъ толпы строго размѣреннымъ чиномъ московской придворной жизни. Для многихъ послѣдующихъ поколѣній время Петра представлялось эпохой, оторванной отъ всей предыдущей исторіи, а личность Петра—одиноко стоящей въ ряду русскихъ монарховъ XVII вѣка по стремленіямъ и дѣятельности.

Но мало-по-малу воззрѣнія мѣнялись. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская наука дошла до убѣжденія, что до-Петровское время и реформа Петра тѣсно связаны между собою, что въ теченіе XVII вѣка „обозначались явно новыя потребности государства, и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія“ (Соловьевъ, I, Спб., 1882, стр. 84). Изученіе XVII вѣка получило особенный интересъ именно съ точки зрѣнія подготовленія къ реформѣ. Стало ясно, что самъ преобразователь Петръ воспитался въ понятіяхъ не совсѣмъ противоположныхъ его дѣятельности, что онъ имѣлъ на своемъ пути предшественниковъ. Пристальный взглядъ изслѣдователя уже въ половинѣ XVII вѣка найдетъ слѣды двухъ теченій въ культурной жизни нашихъ предковъ: сыщетъ новаторовъ, какъ извѣстный бояринъ Матвѣевъ, и стародумовъ, какъ первые расколоучители; сыщетъ такихъ беззавѣтныхъ поклонниковъ просвѣщенія, какъ Ѳ. М. Ртищевъ, и противниковъ этого самаго просвѣщенія, говорящихъ, что въ греческой и латинской грамотѣ „еретичество есть“. Кіевская и греческая наука, принесенная въ Москву въ XVII вѣкѣ учеными монахами, жизнь людной „нѣмецкой“ колоніи въ Москвѣ, торговля и дипломатическія сношенія съ Западомъ, военныя и иныя заимствованія у иностранцевъ,—все это очень затрогивало москвичей, широкой струей вносило иноземное вліяніе въ московскую жизнь, настойчиво будило культурный вопросъ и порождало опредѣленныхъ сторонниковъ и противниковъ новшествъ. Нельзя никакъ сказать, что передъ эпохою Петра московское государство было въ состояніи спокойной, самодовольной косности. Цѣлое поколѣніе людей, предшествовавшее Петру, выросло и прожило среди борьбы старыхъ понятій съ новыми вѣяніями, которыя были еще слабы, но съ каждой минутой крѣпли. Вопросъ объ образованіи и за-

имствованіяхъ съ Запада родился раньше Петра: онъ стоялъ уже опредѣленно при его отцѣ Алексѣѣ Михайловичѣ...

Безусловно справедливо замѣчаніе С. М. Соловьева, что ходъ преобразованія, при особенностяхъ русской жизни, долженъ былъ зависѣть отъ личности государя и начаться его иниціативой. Если пылкая, энергичная личность Петра сдѣлала его реформу быстрымъ и рѣзкимъ переворотомъ, если впечатлѣнія его дѣтства, бурнаго и не вполнѣ счастливаго, отразились крайностями на нѣкоторыхъ мѣрахъ Петра, то личностью Алексѣя Михайловича, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять многія особенности его эпохи. Поэтому личность царя Алексѣя, дающая очень интересный матеріалъ для психологическаго этюда, представляетъ для насъ не одинъ психологическій интересъ. Царь Алексѣй, какъ образованный человѣкъ своего времени, стоялъ лицомъ къ лицу со всѣми вопросами, трогавшими тогдашнее общество; онъ шелъ навстрѣчу новшествамъ, вводилъ ихъ въ свою частную жизнь и въ то же время оставался въ высшей степени православнымъ и въ высшей степени московскимъ человѣкомъ. И новаторы, и старыхъ воззрѣній люди могли считать его своимъ, но въ сущности царь Алексѣй не принадлежалъ всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: онъ стоялъ въ серединѣ всѣхъ движеній въ московскомъ обществѣ, но самъ не двигался ни въ какую сторону. Отчасти, быть можетъ, поэтому въ его царствованіе культурный вопросъ не нашелъ своего разрѣшенія, хотя уже чувствовалась близость и необходимость реформы.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ вполнѣ противоположны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ той иниціативы, какая отличаетъ характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, спокойной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна мирной и мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать въ себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возраста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бор. Ив. Морозова. Съ пяти лѣтъ стали учить его грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтирь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти лѣтъ стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь „нѣмецкаго дѣла“, были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя,—словомъ, всѣ обычные предметы дѣт-

скаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка— „нѣмецкіе печатные листы“, т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца. Дальнѣйшіе годы жизни Алексѣя Михайловича дали ему много впечатлѣній, много опыта. Занятія государственными дѣлами, необычныя волненія 1648 года, путешествіе въ 1654—1655 гг. за границы государства, въ сторону, завоеванную у поляковъ, близость къ одному изъ крупнѣйшихъ людей вѣка—Никону,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, образовало въ немъ цѣльный и стройный характеръ. Царь возмужалъ: изъ мальчика, доступнаго всякому вліянію, сталъ человѣкомъ очень опредѣленнымъ, съ оригинальной умственной и нравственной физіономіей.

Современники очень любили царя Алексѣя. Самая наружность царя очень говорила въ его пользу. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта, взглядъ этихъ глазъ никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, окаймленное русой бородой, было добродушно-привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная, даже черезчуръ полная фигура его сохраняла всегда чинную и важную осанку. Но царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: не личная гордость создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана; этимъ сознаніемъ царь былъ полонъ.

Симпатичная наружность отражала такую же симпатичную душу. Современники иностранцы, независимые отъ царя Алексѣя люди, въ одинъ голосъ говорятъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что это былъ рѣдкій монархъ и человѣкъ: „такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ“. „Гораздо тихимъ“ зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ „Уложеніе сокольничья пути“, т.-е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ оффиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ

дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена реторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ любимомъ его монастырѣ. Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ буйства простого монаха: „до слезъ стало; видитъ Чудотворецъ, что во мглѣ хожу“, пишетъ онъ монаху по поводу его поведенія. Отъ своей впечатлительности царь Алексѣй могъ легко вспылить, могъ браниться по совершенно пустому дѣлу. Но гнѣвъ его такъ же скоро уходилъ, какъ легко приходилъ. Являлось раскаяніе, и, по своей добротѣ, царь не зналъ, какъ мириться съ тѣмъ, кого обидѣлъ. Онъ безъ мѣры ласкалъ старика Родіона Стрѣшнева, послѣ того какъ въ запальчивости обидѣлъ его не одними только словами. Тестя своего, Милославскаго, государь однажды собственноручно „смирилъ“ за неумѣстное и грубое хвастовство; но, какъ ни сильно на этотъ разъ вспыхнулъ „гораздо тихій“ царь, его дальнѣйшія отношенія къ Милославскому не измѣнились, и ссора прошла безслѣдно. Даже въ такой крупной размолвкѣ, какая была у царя съ Никономъ, послѣ удаленія Никона изъ Москвы въ 1658 году, Алексѣй Михайловичъ старается установить съ патріархомъ такія отношенія, которыя бы не напоминали о ссорѣ: онъ забываетъ свою обиду и засылаетъ къ Никону съ лаской „спросить о здоровьѣ“: ему просто непріятно имѣть врага или казаться чьимъ-нибудь врагомъ.

Доброта царя, съ другой стороны, вызывала постоянное благотвореніе: при дворцѣ всегда жили убогіе „старики-богомольцы“ и „Христа-ради-юродивые“; отъ имени царя раздавалась щедрая милостыня, и по праздникамъ дѣлались обильные „кормы“; Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, подавалъ тамъ милостыню „несчастнымъ“ и нерѣдко освобождалъ преступниковъ отъ наказаній. Онъ не могъ равнодушно видѣть страданій другихъ, всегда утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе, чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо царя къ князю Одоевскому по поводу смерти его сына, — письмо, полное самыхъ теплыхъ дружескихъ утѣшеній, на какія способенъ только глубоко добрый человѣкъ.

Эта доброта Алексѣя Михайловича постоянной и неизмѣнной чертой добродушія отражалась на лицѣ и на внѣшнемъ обращеніи царя; она сказывалась и въ ласковой рѣчи, и въ свѣтлой, беззлобной шуткѣ, которую очень любилъ царь Алексѣй. Добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ отношеніи къ людямъ: онъ могъ иногда казаться безхарактернымъ человѣкомъ. Отлично понимая людей, видя всѣ ихъ недостатки, онъ просто по добротѣ душевной терпѣлъ ихъ около себя, какъ, напр., уже упомянутаго нами Милославскаго, много разъ скомпрометированную личность. Добродушіе царя Алексѣя помогало ему легко смотрѣть на рѣзкія выходки извѣстнаго Ордина-Нащокина, талантливаго дипломата и администратора, но тяжелаго и обидчиваго человѣка. Властолюбивый Никонъ пользовался большимъ вліяніемъ на государя, и добродушный Алексѣй Михайловичъ оказывалъ этому вліянію только пассивное сопротивленіе. Лишь изрѣдка, въ мимолетномъ порывѣ гнѣва, царь сердился на Никона и тогда въ глаза называлъ его „мужикомъ“ и „глупымъ человѣкомъ“. Стать независимо отъ Никона царю долго мѣшалъ недостатокъ характера, но что царь Алексѣй былъ не безхарактерный человѣкъ — это показываетъ судьба того же Никона. Разъ лишивъ его своей симпатіи, Алексѣй Михайловичъ уже никогда не поддавался обаянію своего стараго авторитета, хотя много разъ случай создавалъ къ этому поводъ.

Такова была природа царя: живая, впечатлительная и мягкая въ высшей степени. Любовь къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны въ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ непохожъ на тогдашнихъ книжниковъ-реторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять; привыкъ высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержаніемъ. Высказывается онъ чрезвычайно легко, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе развило въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ

было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обряду и поэтому строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ—и пріятнымъ, и полезнымъ. Однако, при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; дѣло только въ томъ, что его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло несомнѣнно дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла, теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое нами письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно добрый и деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія и способность нравственно оцѣнить свое положеніе и обязанности сказывается въ царѣ Алексѣѣ и тогда, когда онъ былъ душеприказчикомъ патріарха Іосифа и не рѣшался ничего ни взять, ни купить себѣ изъ вещей патріарха. Его очень прельщала

серебряная посуда покойнаго, но онъ „воздержался“, и писалъ объ этомъ Никону, что онъ ничего не хочетъ покупать. „Не хощу для того— се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно: а се какой я буду приказчикъ — самому мнѣ (вещи) имать, а деньги мнѣ платить себѣ же“. Такая нравственная щекотливость — замѣчательное явленіе для того вѣка.

Зато не стѣснялся царь Алексѣй Михайловичъ, если ему случалось кого-нибудь не утѣшать, а наставлять и бранить. Тогда онъ въ своихъ посланіяхъ имѣлъ обычай очень пространно доказывать вину, показывать, противъ чего именно и насколько сильно погрѣшилъ виновный. Рѣчь царя въ этихъ случаяхъ была строгой нравственной сентенціей, подчасъ довольно рѣзкой, но всегда доказательной. Въ такихъ посланіяхъ особенно ярко сказывается, какъ много и основательно царь размышлялъ. Въ его умѣ были настолько ясны всѣ его философско-нравственныя воззрѣнія, что всякій частный случай онъ легко подводилъ подъ общія нравственныя понятія и безъ труда оцѣнивалъ его съ точки зрѣнія своего міросозерцанія. Трудно, конечно, возстановить это міросозерцаніе. Оно отдѣльными мыслями, иногда простыми намеками сквозитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Возьмемъ нѣкоторые примѣры. Выходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ, напр., ясное понятіе о значеніи своей власти въ государствѣ, какъ власти, исходящей отъ Бога и назначенной для того, чтобы „разсуждать людей въ правду“ и „безпомощнымъ помогать“. Въ одномъ изъ писемъ къ Одоевскому царь размышляетъ, „какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ“, и пишетъ: Богу и государю, и боярамъ даровано „люди... разсудити въ правду, всѣмъ равно“. И роль боярства при государѣ, такимъ образомъ, царь Алексѣй объясняетъ по-своему. Вотъ и другой примѣръ: во время путешествія Никона за мощами митрополита Филиппа въ Соловки въ 1652 году, Никонъ принуждалъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей держать себя по-монашески. Государь унималъ религіозное рвеніе Никона на томъ основаніи, что „никогда-де (онъ) силою не заставитъ Богу вѣровать“.

При постоянномъ религіозномъ настроеніи, при постоянной вдумчивости была въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности и многое въ немъ объясняющая: онъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника, кромѣ обычнаго удовольствія охоты, соколиная потѣха удовлетворяла въ Алексѣѣ Михайловичѣ и чувству красоты. Въ своемъ сокольничьемъ уложеніи онъ очень тонко разсуждалъ о красотѣ различныхъ птицъ, о красотѣ птичьяго лета и боя, о внѣшнемъ изяществѣ сокольниковъ. Ясно, что для него занятіе охотой составляло высокое эстетическое наслажденіе. То же чувство красоты заставляло его увлекаться внѣшнимъ благолѣпіемъ церковнаго

служенія и строго слѣдить за нимъ. Внѣшность всякаго рода торжествъ и церемоній всегда занимала царя именно съ этой точки зрѣнія. Большой эстетическій вкусъ его сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки. Мирная красота этихъ мѣстъ — обычный типъ великорусскаго пейзажа — такъ соотвѣтствуетъ характеру „гораздо тихаго“ царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключала удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и „комидійныя“ развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ: „И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя“, пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ: „будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія“. Такимъ образомъ въ глазахъ Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и этотъ взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по его мнѣнію, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ Одоевскаго не плакать о смерти сына: „Нельзя, чтобъ не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно,—да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать“. Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытаніе, то она и не сплошное наслажденіе для царя Алексѣя: цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею, благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ; въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь говоритъ своимъ сокольникамъ: „Правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ“. Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него все-таки только забава — и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, „чинъ“.—„Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ“. Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича — залогъ успѣха во всемъ: „безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье“, говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ

только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя строгій аскетизмъ съ чистыми и мирными наслажденіями.

Такова была личность Алексѣя Михайловича, богаче всего одаренная сердцемъ, бѣднѣе—твердой волею. Казалось бы, что его царствованіе должно было быть мирнымъ и тихимъ временемъ для московскаго государства, а между тѣмъ теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри, и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно трудная,—все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и все-таки бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣла справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на должной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство, — для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи, во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродушная и важная личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ руководитъ работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ полнымъ пониманіемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного быстраго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякое дѣло онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе ему настойчиво ставитъ жизнь; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой иниціативы, какой отличался Петръ. Тѣмъ не менѣе крупный умъ царя Алексѣя былъ виденъ не только его современникамъ, но и современникамъ эпохи Петра. Не даромъ въ самую пору преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгоруковъ равнялъ дѣла Алексѣя съ дѣлами Петра и говорилъ Петру: „Государь! Въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ“.

С. Ѳ. Платоновъ.

13. Различіе южной и сѣверной Руси.

Различіе въ характерѣ сѣвернаго и южнаго народонаселенія обозначается примѣтно въ источникахъ нашей исторіи. Иностранцы-современники хвалятъ храбрость дружинъ южной Руси: онѣ отличались стремительностію въ нападеніяхъ, но не отличались стойкостію; противоположные отзывы встрѣчаемъ о населеніи сѣверной Руси: оно не любитъ вообще войны, не отличается стремительностію натиска; но, гдѣ нужно стать крѣпко и защищаться, тамъ оно неодолимо; здѣсь, на сѣверѣ, образовался тотъ русскій воинъ, котораго, по извѣстному выраженію, можно убить, но не сдвинуть съ мѣста. Сѣверное русское народонаселеніе, какъ сказано, не отличается въ исторіи порывистыми движеніями; въ поведеніи его мы замѣчаемъ преимущественно медленность, осторожность, постоянство въ достиженіи цѣли, обдуманность, медленность, осторожность въ пріобрѣтеніи, стойкость въ защищеніи пріобрѣтеннаго. Соотвѣтственно характеру народонаселенія все на сѣверѣ принимаетъ характеръ прочности.

О дружинахъ южныхъ лѣтописецъ говоритъ, что онѣ храбро бились съ врагами и расплодили русскую землю. Таково назначеніе старой, южной Руси: расплодить, распространить русскую землю, намѣтить границы. Но Руси сѣверной выпалъ удѣлъ—закрѣпить пріобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство, собрать русскую землю.

И вотъ князья сѣверной Руси являются полными представителями своего народа, превосходно выполняютъ назначеніе сѣверной Руси. Въ ихъ поведеніи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведеніи князей-витязей юга, смотрѣвшихъ на битву, какъ на судъ Божій, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду: сѣверные князья-собственники не любятъ рѣшать споровъ своихъ оружіемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ, но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость то, что пріобрѣтено, промышлено долгими трудами; южные князья прежде всего думаютъ, какъ бы въ битвѣ взять свою честь: сѣверные князья прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своего владѣнія; всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ, мы видимъ ясно постепенность этой смѣны,

пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ царя.

С. М. Соловьевъ.

---

14. Владиміръ Святой.

Сынъ Святослава, Владиміръ—любимый герой древней Руси. Конечно, его великое значеніе, какъ апостола, просвѣтителя русской земли, даетъ ему право быть главнымъ героемъ древней русской исторіи. Не удивительно поэтому въ народныхъ поэтическихъ сказаніяхъ видѣть это лицо совопросникомъ царя Давида [1]), вмѣстѣ съ нимъ рѣшающимъ важный вопросъ о началѣ и концѣ міра. Но съ Владиміромъ соединены еще и другія преданія, которыя не могутъ быть объяснены однимъ его религіознымъ значеніемъ: къ княженію Владиміра относится циклъ богатырскихъ нашихъ пѣсенъ и сказаній. Витязи, богатыри, главные герои этихъ преданій, суть сподвижники, дружинники Владиміра; Владиміръ тотъ князь, который распоряжается ихъ подвигами. Отчего же въ этихъ сказаніяхъ о геройскихъ подвигахъ богатырей играетъ главную роль Владиміръ, а не отецъ его Святославъ, герой по преимуществу? Если мы обратимся къ лѣтописи, то она точно укажетъ намъ, что Владиміръ совершилъ много походовъ, преимущественно съ тою цѣлію, чтобы скрѣпить окончательно между племенами связь, ослабѣвшую во время удаленія отца его въ Болгарію и во время междоусобій братьевъ. Но преимущественная дѣятельность Владиміра состояла въ томъ, что онъ отражалъ степныхъ варваровъ, сдерживалъ ихъ стремленія противъ новорожденнаго общества; около Кіева, около центра русскаго общества въ то время, съ цѣлію защиты отъ нападеній варваровъ построилъ рядъ городовъ; все его княженіе проходитъ большею частію въ битвахъ съ варварами. Здѣсь, въ этихъ битвахъ, идетъ дѣло о самыхъ главныхъ интересахъ общества, народа, здѣсь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Не удивительно послѣ того, что подвиги Святослава не могли служить содержаніемъ народныхъ пѣсенъ и сказаній: они были совершаемы вдали отъ родной страны и не для родной страны; тогда какъ подвиги Владиміра были совершаемы въ виду всей русской земли и съ цѣлію ея защиты отъ степныхъ варваровъ; вотъ почему благодарный народъ такъ удержалъ въ своей памяти подвиги Владиміра и сдѣлалъ его героемъ цѣлаго цикла богатырскихъ преданій, — а между тѣмъ самъ Владиміръ не былъ богатырь изъ богатырей, какъ былъ отецъ его Святославъ.

---

[1]) Напр. въ духовномъ стихѣ о Голубиной книгѣ.

Но Владиміръ, кромѣ того, заслужилъ еще народную добрую память другими чертами своего характера: изъ сличенія всѣхъ преданій, записанныхъ въ лѣтописи и существующихъ въ народныхъ сказаніяхъ, мы видимъ, что этотъ князь имѣлъ широкую, любящую душу и потому не любилъ жить одиноко, но любилъ жить съ другими вмѣстѣ; а извѣстно, какъ это качество способно пріобрѣтать любовь народа и добрую память.

Таковъ былъ князь, которому суждено было быть апостоломъ Россіи.

С. М. Соловьевъ.

---

15. Владиміръ Мономахъ.

Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ.

Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не „которовался“ (не спорилъ) съ братьею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ, во время злой вражды между братьями, умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя Церковью. Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступать крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствіе отъ того, что людямъ не доходила княжая правда, тіуны и отроки грабили безъ вѣдома князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, самъ „оправливалъ“ (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнью: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе: Мономахъ отличался цѣломуд-

ріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатство, сбирая его съ тягостію для народа; Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ; по свидѣтельству современниковъ, никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками; а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцомъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, „ласковаго“ князя Владиміра: „Если поѣдете куда по своимъ землямъ“, наказывалъ Мономахъ своимъ дѣтямъ, „не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобы васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ, или посолъ; не можете одарить его—угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ“. Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ и, когда они ѣли и пили досыта, только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ, земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ настороже русской земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца за русскую землю по преимуществу.

Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность, не могли не возбуждать сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу земли. Бо́льшую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ, дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покоя ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, „оправливалъ“ людей, ѣздилъ на охоту или такъ, куда-нибудь; въ полдень ложился спать и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Дитя своего вѣка—Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью: „Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей“, говорилъ онъ самъ: „Дѣти! Не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть,—такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божіе блюденье лучше человѣческаго!“

Но съ этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, и умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу; храбрость, дѣятельность его всегда совпадала съ пользою для русской земли. Народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ,—и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство.

С. М. Соловьевъ.

---

16. Историческое значеніе Іоанна III.

Иногда видимъ мы, какъ цѣлыя поколѣнія, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, тяжелыми трудами накопляютъ большія богатства: сынъ прибавляетъ къ тому, что было накоплено отцомъ, внукъ увеличиваетъ собранное отцомъ и дѣдомъ; тихо, медленно, незамѣтно дѣйствуютъ они, подвергаются лишеніямъ, живутъ бѣдно,—и вотъ, наконецъ, накопленныя средства достигаютъ обширныхъ размѣровъ, и вотъ, наконецъ, счастливый наслѣдникъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ предковъ начинаетъ пользоваться доставшимся ему богатствомъ. Онъ не расточаетъ его, напротивъ—увеличиваетъ; но при этомъ способъ его дѣйствій, по самой обширности средствъ, отличается уже большими размѣрами, становится громокъ, виденъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ибо имѣетъ вліяніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. Честь и слава человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами; но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишеніями доставили ему эти средства?

Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на московскій престолъ, когда дѣло собиранія сѣверо-восточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобы доpушить его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлились въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ византійской имперіи, чтобы выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобы присоединиться, приравняться къ ней. Орда пала сама собою отъ раздѣленія, усобицъ, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ

и усобицами, чтобы такъ называемое татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На западѣ король польскій и великій князь литовскій занятъ внутри раздѣленіемъ между Польшею и Литвою, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно занятъ извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгріи, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ нею и уступаетъ ей цѣлыя области... Спокойный, единовластный внутри, московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ сѣверо-восточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобъ начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія; относительно же юго-запада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность сѣверо-восточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться: державы западной Европы узнаютъ, что на сѣверо-востокѣ существуетъ обширное, самостоятельное русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобы познакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя-ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣднею скоро должны были прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде, татарскія орды на востокѣ и югѣ, Литва и Швеція на западѣ — ограничивали политическій горизонтъ московскаго государства.

Таковы были слѣдствія собранія русской земли около Москвы, слѣдствія, необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV вѣка, въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности, но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей русской земли, среди образователей московскаго государства; Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ, Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ Сѣверной Руси: расчетливость, медленность,

осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этомъ — стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе—вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III.

С. М. Соловьевъ.

---

17. Значеніе взятія Казани.

Въ исторіи восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе азіатскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая Орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться: явились три царства татарскихъ. Изъ нихъ астраханское, образовавшееся въ устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ Восточной Европы; крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ, но широкая степь отдаляла московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства—казанскаго, основаннаго на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая сѣверо-восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи—внизъ по Волгѣ.

Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей: издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ—болгары; издавна, когда еще русскій славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, болгаринъ слушалъ уже Коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ басурманствомъ.

Это столкновеніе было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ; первые князья новой, сѣверо-восточной Руси—Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II — ведутъ войны съ болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магометанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ татаръ — и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, татары собираютъ послѣднія силы и утверждаются въ опасномъ мѣстѣ,—основывается Казань.

До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, — до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань,— это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманія историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго.

Пала Казань,—и вся Волга стала рѣкою московскаго государства. Завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. До сихъ поръ колонизація русская брала сѣверо-восточное направленіе; юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причинамъ господства здѣсь кочевыхъ ордъ; но съ паденіемъ Казани, т.-е. со взятіемъ всей Волги во владѣніе московскимъ государствомъ, русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокѣ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными—Дона.

С. М. Соловьевъ.

---

18. Іоаннъ Грозный.

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора.

Въ то время, какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живого многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ любимомъ, достоинствъ—въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ, — и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ, — въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признавать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ

въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно такъ же, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ шурей своихъ“. Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Да и странно предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ!

Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія. Непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы, и въ какихъ воспитывались нѣкогда наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній,—и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его вначалѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ; сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена, такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ

походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія,—и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе не вѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или, вообще, сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ, то болѣе, чѣмъ странно, желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе, чѣмъ странно, смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ.

Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостію, неумѣніемъ устоять противъ искушеній, неумѣніемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь: но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, — но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ; въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „Я знаю, что я золъ“, говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему; мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной въ то время, начитанности: но эти дарованія, эта начитанность — не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостію нравовъ времени. Дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнію и честію человѣка.

Но возможность найти объясненіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка. Выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основного начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, по-

казавъ, что имѣло законъ и пророка, русское общество очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво; но онъ не сознавалъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, — права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ: надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда или, что еще хуже, — сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами — и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени!... Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами,—выросъ Грозный...

С. М. Соловьевъ.

---

19. Образованіе московскаго государства.

Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкой, въ короткое время достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы,—къ одной небольшой области, въ короткое время, силою завоеванія, привязываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природою. Обыкновенно такія государства, какъ скоро возросли, такъ же скоро и падаютъ: такова, напримѣръ, судьба азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ и потомъ, вслѣдствіе напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіе довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло—и наконецъ распадается на части, вслѣдствіе самой громадности своей и вслѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ

живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древнихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно составляются нарастаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія.

Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ, европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи; потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Громадность русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія — колоссальное государство въ родѣ древнихъ—ассирійскаго, персидскаго, римскаго; но стоитъ только внимательнѣе вглядѣться въ явленія начальной русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ прежніе историки обозначали древнюю русскую исторію: „Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ“. Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшности взгляда; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значитъ: „Государство шагнуло въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія?“ Это значитъ, что государство при самомъ рожденіи своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры условливаются природою: для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо долженствовала быть областью единаго государства. Страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего, — нужно было все населить, все устроить, все создать: „Земля была велика и обильна, но наряду въ ней не было“,— и вотъ русское государство, подобно другимъ органически образован-

нымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ будто бы раздѣлилась на части, находящіяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всматриваясь внимательнѣе, однако, мы видимъ, что при этомъ наружномъ раздѣленіи государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного—главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и надолго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній новыя европейскія государства раздѣляются на двѣ группы: на группу государствъ германскихъ и на группу государствъ славянскихъ; въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во-вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большей чистотѣ славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго (вассала отъ сюзерена), зависимость, развивавшаяся изъ первоначальной зависимости членовъ дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ,—отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго; этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ: единство государства, повидимому, расторгнуто; на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли, съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь — младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и, несмотря на то, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; несмотря на частныя нарушенія обязанностей—феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ,—вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ

на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно образовываться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе, какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога „изъ варягъ въ греки“, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи — и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область верхней Волги колонизуется; извѣстно, подъ вліяніемъ какого начала произошла эта колонизація, какой характеръ вслѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія ко власти, его призвавшей, новыхъ городовъ — къ князьямъ, ихъ построившимъ, — отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Извѣстно, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе; какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей со старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, вслѣдствіе чего сѣверо-восточная Русь собирается въ одно цѣлое; извѣстны причины, почему она собирается около Москвы; извѣстно, какъ московскіе князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибо́льшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатѣютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и татаръ, и литву.

Препятствія имъ при этомъ мало, пособій—много. Способствовало имъ: отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, вслѣдствіе чего го́лоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго. Народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе, чѣмъ какому-либо другому, должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія; такое народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному, — сильнѣйшему, при чемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ

ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дружинники не были связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право переходить отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

Извнѣ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества: сначала Тевтонскій Орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе литовскихъ князей на западъ; потомъ, послѣ брака Ягайла на Ядвигѣ, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія къ падающему и распадающемуся Ордену, къ Богеміи, Венгріи. Натиски Швеціи и Ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ. Продаваемая за деньги, помощь татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя.

Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія; если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго московскаго государства, если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ, вслѣдствіе начавшагося здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала предъ турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали греческой имперіи: подобныхъ государствъ нельзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того, европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда юныя европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоточенію какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ единовременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши и образованіе литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси юго-западной. Польша соединяется съ Литвою подъ одною династіею, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устраиваетъ дѣло соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнутъ, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила надолго судьбы Западной Европы, то борьба между католицизмомъ и правосла-

віемъ, борьба, условленная отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы Восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Василіевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось московское государство.

С. М. Соловьевъ.

---

20. Юность Петра I.

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля во младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Предъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева: ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ,—то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности,—онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо; онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои—онъ самъ и его мать, дядья. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳедоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери; власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но, какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли

остаться безъ вліянія, чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена, и дѣлается, Богъ знаетъ что, въ государствѣ... Грустно и скучно, страшно скучно для ребенка, которому уже „начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“.

Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій: Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ,—не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—„ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться“, какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобы больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые „потѣшные конюхи“,—будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь,—какъ нарочно, грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство, и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина со своимъ вождемъ; которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя: это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслію, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ; отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія они ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были

товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда русскіе люди раздѣлились, и пошла борьба,—тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Такое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если, съ одной стороны, предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то, съ другой — предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною—таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанство, потому что „Руси веселіе есть пити“. Слѣдовательно, нечему удивляться, если и новая дружина, Петровская, не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ.

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своею характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнилъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софіею и послѣ—съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность. Вотъ, напр., какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: „Милостивое письмо твое, истинное и побѣдительное, принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не помалу воздалъ хвалу Богу. *Ласкать и манить не буду*, только прошу у Бога—всегда такое одолженіе и славу чтобъ всегда одержать“. Но этого самаго князя Бориса иностранцы и русскіе не иначе называютъ, какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей—датскаго коммиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе

на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они еще недалеко ушли! — двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужого обѣда!

Петра не учили, какъ должно; но онъ многое зналъ: какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и, между прочимъ, сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль—украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: „Купи мнѣ инструментъ во Франціи". Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ, какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу,—не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи".

„Итако", говоритъ Петръ, „сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами".

Нашелся знающій человѣкъ,—и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду и при видѣ всякаго новаго предмета—разспросы: „Что это, зачѣмъ?" Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего,—все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя, негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, — и вдругъ судно особаго рода, иностранное!.. Запросъ Тиммерману: что это за судно?—„Ботъ англійскій".—„Гдѣ его употребляютъ?"—„При корабляхъ, для ѣзды и возки".—„Чѣмъ лучше нашихъ?"—„Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру".—„Противъ вѣтру?! Быть не можетъ! Надо дно посмотрѣть. Есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ, и ходъ его мнѣ показалъ?"—„Есть". Сейчасъ отыскали голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ.

— „Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало", говоритъ Петръ. „Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его, для чего такъ. Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе".

„Охота стала отъ часу болѣе"... Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды. Отвѣчали, что ближе нѣтъ большого озера, какъ Переяславское,

въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить, — не отпуститъ: надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить въ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго, красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ: царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери — поразмять своего плеча богатырскаго, испробовать силы - удали молодецкія — только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобы привязать его къ дому: Петру не минуло еще 17 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина — Евдокіи.

Русская пословица: „женится—перемѣнится“ не исполнилась на Петрѣ; онъ попрежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: „Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка,—благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семисотъ саженъ, изъ Пушкарскаго Приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ—и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу“. Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить скорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: „А за ними дѣло станетъ — и житье наше продолжится“.

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняли все вниманіе Петра; ему былъ недосугъ ни до чего.

С. М. Соловьёвъ.

ОТДѢЛЪ IV.

1. Дѣло Ломоносова.

Въ 1865 году происходили многознаменательныя празднества въ Архангельскѣ, Нижнемъ, Петербургѣ; было публичное торжественное собраніе въ Московскомъ университетѣ. Наука и литература творили поминки, и въ этихъ поминкахъ приняло живое, искреннее участіе все русское образованное общество. По комъ же эти поминки? Чью память сходились праздновать вмѣстѣ и скромный ученый, и писатель, и блестящій представитель свѣтскаго высшаго круга? Память холмогорскаго мужика, память простого рыбака съ Сѣвернаго Поморья, который первый внесъ свѣточъ русскаго народнаго генія въ міръ вселенской науки, который первый явился въ немъ самостоятельнымъ русскимъ дѣятелемъ. Это тотъ геніальный мужикъ, котораго колоссальная фигура до сихъ поръ стоитъ почти одинокою въ исторіи нашего просвѣщенія, который воплотилъ въ своемъ лицѣ „народность“ въ сферѣ общечеловѣческой и представилъ намъ чудный образецъ свободнаго самобытнаго отношенія народнаго духа къ величавому сокровищу древней и позднѣйшей западно-европейской цивилизаціи.

Мы не безъ намѣренія напираемъ на словѣ „мужикъ“, потому что это-то и знаменательно. Ломоносовъ — самый чистокровный представитель русскаго народа по своему происхожденію: страна, откуда онъ вышелъ, Бѣломорское Поморье, была во время оно заселена новгородскими колонистами, и мы въ правѣ назвать Ломоносова потомкомъ новгородцевъ. Ломоносовъ же является и чистымъ, безъ посторонней примѣси, представителемъ духовной стихіи русскаго народа. До 16-лѣтняго возраста его воспитателемъ была русская сѣверная природа, русскій крестьянскій бытъ и церковно-славянскія духовныя книги, а затѣмъ Славяно-Греко-Латинская академія, учрежденная еще до-Петровскою Русью. Въ немъ, въ Ломоносовѣ, выразилась духовная жажда самого русскаго народа, сказалась потребность самого русскаго народнаго элемента выйти изъ тѣсной сферы исключительно-національнаго развитія, пріобщиться общечеловѣческаго просвѣщенія и выступить на

путь всемірно-исторической духовной дѣятельности. Живымъ воплощеніемъ этой исторической минуты въ жизни русскаго народа былъ и есть Ломоносовъ.

Въ лицѣ Ломоносова русскій народъ свободно, гордо предъявляетъ міру свои права на самостоятельное участіе въ дѣлѣ общечеловѣческаго просвѣщенія; свободно, гордо выражаетъ онъ законное внутреннее требованіе своего духа — возвести на степень всемірно-историческаго значенія свою народность, разработать для высшей сферы знанія и искусства свои богатые таланты, дѣятельность которыхъ ограничивалась до сихъ поръ тѣсною сферою бытовой, односторонне-національной жизни. Ломоносовъ, являясь европейскимъ ученымъ, никогда не переставалъ быть русскимъ; онъ былъ имъ до мозга костей; и напротивъ—потому только и занялъ онъ такое видное мѣсто среди европейскихъ ученыхъ, т.-е. мѣсто самостоятельнаго дѣятеля въ наукѣ, что былъ, какъ непосредственно, такъ и сознательно, вполнѣ русскимъ, — что вѣрилъ неколебимо и безгранично въ права русской народности, что для него не подлежало сомнѣнію, а было живымъ, кровнымъ убѣжденіемъ,

„Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!“

Любя страстно науки и просвѣщеніе, цѣня высоко значеніе древняго классическаго міра и дѣятельность западныхъ ученыхъ, онъ въ то же время ясно видѣлъ, сознавалъ и указывалъ тотъ путь самобытнаго органическаго развитія, который предстоялъ русскому народу, — и всю жизнь боролся, можно сказать — изнемогъ въ борьбѣ съ тѣми учеными иностранцами, которые смотрѣли на русскій народъ, на русскую жизнь, русскую землю, какъ на интересный объектъ для изслѣдованій, какъ на матеріалъ для науки. Они хотѣли—употребляя современное промышленное выраженіе — эксплоатировать русскій міръ въ пользу науки, которой единственнымъ представителемъ и хозяиномъ считали они свой Западъ! Заботы о пробужденіи аналитической силы мышленія въ самихъ русскихъ, о томъ, чтобъ самихъ русскихъ вооружить всеоружіемъ науки, — чтобы русскіе сами воздѣлывали ее на своей почвѣ, — этой заботы, которою жилъ и сгоралъ Ломоносовъ, недоставало многимъ изъ иноземныхъ ученыхъ, выписанныхъ въ „Императорскую Россійскую Академію“, — и борьба съ ними не мало обезсиливала дѣятельность Ломоносова. „Multa tacui, multa pertuli, multa concessi“—многое смолчалъ, многое перенесъ, многое уступилъ!“—восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ...

Едва только русская народная духовная сущность прикоснулась, въ лицѣ Ломоносова, къ завѣтной, недоступной до сихъ поръ для нея, области всемірно-исторической науки и искусства, какъ тотчасъ же

ознаменовала свою творческую силу величайшими открытіями по разнымъ отраслямъ знанія, созданіемъ русскаго литературнаго, вовсе до того времени не существовавшаго, языка и высокими произведеніями поэзіи.

И. С. Аксаковъ.

---

2. Заслуга Жуковскаго.

30 января (1883 г.) отпразднованъ былъ въ Москвѣ и Петербургѣ юбилей столѣтія со дня рожденія Василія Андреевича Жуковскаго. Полезно оживить дѣйствительно и вполнѣ въ сознаніи русскаго общества, возстановить предъ молодыми поколѣніями прекрасный, свѣтлый, благородный образъ русскаго поэта—во всей его правдѣ, съ его возвышенной душой и простымъ сердцемъ, — поэта, которому Россія *должна* такъ много, котораго отличительною чертою, въ поэзіи и жизни, была *человѣчность* — въ настоящемъ, христіанскомъ значеніи слова...

„И для меня въ то время (и всегда) *было*
Жизнь и поэзія одно!“...

выразился онъ самъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, въ которомъ далѣе говоритъ про себя и свой даръ, что все —

„Что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ
Минувшихъ дней я сохранилъ —
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты
Кладу на твой алтарь священный,
О геній чистой красоты!“

Этому генію чистой красоты и служилъ онъ не только мечтою, но и дѣломъ, не только отвлеченно, но и жизненно. Весь же онъ, всѣмъ своимъ внутреннимъ духовнымъ существомъ, вылился, сказался въ знаменитыхъ вдохновенныхъ, учительныхъ и пророческихъ строфахъ, которыми привѣтствовалъ день 17 апрѣля 1818 г., т.-е. рожденіе будущаго воспитанника своего, будущаго повелителя Россіи, будущаго „Освободителя“,—Государя Александра II-го:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ!*“...

Этой русской поэзіи, вѣщей и вѣрующей въ святѣйшее изъ званій—человѣческое, не суждено было остаться только изящнымъ испо-

вѣданіемъ высокой нравственной истины, преподаннымъ въ царскихъ чертогахъ, вслухъ царю и всему царственному сонму. Она, какъ сѣмя благое, пала въ душу воспитываемаго отрока и произрастила величайшее и святѣйшее изъ міровыхъ историческихъ дѣлъ. Императоръ Александръ II, возвращая двадцати милліонамъ русскихъ крестьянъ даръ свободы, права человѣческія и гражданскія, благодарно вспомнилъ своего воспитателя и гласно свидѣтельствовалъ, что Жуковскому обязанъ онъ своимъ отвращеніемъ отъ крѣпостного рабства и тѣмъ, сыздѣтства, стремленіемъ сердца, которое выразилось наконецъ державною волею 19 февраля 1861 года. Память объ этомъ событіи должна быть неразрывно связана въ народѣ и съ признательною памятью о Жуковскомъ.

Онъ былъ тѣмъ „учителемъ“ Пушкина, который первый призналъ несравненное превосходство его поэтическаго генія и привѣтствовалъ ученика извѣстною надписью на подаренномъ ему своемъ портретѣ: „Отъ учителя—превзошедшему его ученику“.

Но онъ, можно сказать, былъ учителемъ и всего русскаго общества. Не обладая сильнымъ даромъ оригинальнаго, самобытнаго творчества, онъ сблизилъ, сроднилъ насъ въ своихъ прекрасныхъ, художественныхъ переводахъ съ сокровищами поэзіи германской и англійской, но преимущественно первой; онъ вытѣснилъ преобладавшее у насъ вліяніе убогой духомъ французской поэзіи и литературы и замѣнилъ его воздѣйствіемъ хотя и чужого искусства, но безконечно болѣе благотворнымъ. Благодаря ему, воспитался эстетически цѣлый рядъ нашихъ поколѣній. Наконецъ, на самомъ краю гроба, онъ довершилъ поэтическій воспитательный подвигъ своей жизни, передавъ Россіи полнозвучною русскою рѣчью твореніе величайшаго изъ поэтовъ—„Одиссею“ Гомера,—впервые, можно сказать, ознакомилъ съ нею русское общество. Не устарѣлъ и теперь, все такъ же гармониченъ и нѣженъ, такъ же благоуханенъ его задушевный стихъ, — и правъ былъ Пушкинъ, сказавъ про Жуковкаго:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль!“...

И. С. Аксаковъ.

---

3. Скобелевъ.

(По поводу кончины Михаила Дмитріевича Скобелева въ 1882 г.).

Схоронили!.. Не промчится ужъ онъ вихремъ въ бѣломъ китель на бѣломъ конѣ вдоль страстно-трепещущихъ, замирающихъ отъ восторга при видѣ его войскъ, одушевляя ихъ не только словомъ, но и, по любимому его выраженію, „показомъ“ — къ неравному, лютому и

все-таки побѣдному бою! „Бѣлый генералъ“ — имя, прогремѣвшее во всѣхъ углахъ вселенной — сталъ отнынѣ преданіемъ... Словно утихшая буря, лежалъ онъ въ гробу,—точно громада славы, громада силы отвалилась отъ Россіи и зарывалась въ землю... Да не легче на душѣ и теперь, когда миновало первое, ошеломляющее дѣйствіе роковой вѣсти. Напротивъ, именно теперь, вслѣдъ за первыми порывами горя, всегда находящими себѣ какъ бы нѣкое удовлетвореніе въ лихорадочной суетѣ воздаваемыхъ умершему почестей,—теперь-то, на досугѣ, и раскрывается сознанію вся неизмѣримость нашей утраты:

Эта утрата *всенародная* — не въ реторическомъ, а въ *буквальномъ* смыслѣ слова. Нѣтъ русскаго, сознающаго и чувствующаго себя русскимъ, который бы не ощущалъ теперь, что его самого *убыло*. Много доблестныхъ именъ украшаютъ русскую армію, и тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту, на нашемъ тускломъ, тускломъ небосклонѣ—Скобелевъ былъ единственною свѣтящеюся звѣздою, на которой съ любовью и добрымъ упованіемъ сосредоточивалъ свои взоры русскій народъ. Это была его слава, его надежда, его утѣха и гордость. Такъ еще онъ былъ молодъ, такъ, казалось, еще много, много было передъ нимъ впереди,—и пытливо, но съ довѣрчивостью вопрошала Россія будущее: что станетъ съ этимъ богатствомъ талантовъ? Какъ высоко еще вознесется его геній въ своемъ орлиномъ полетѣ, мужая и умудряясь съ годами? Какую долю участія въ судьбахъ Россіи готовитъ ему исторія? И не гадательнымъ, а уже вполнѣ несомнѣннымъ представлялось одно, что есть намъ, что противопоставить въ защиту Россіи всему сонмищу нашихъ внѣшнихъ враговъ, какъ бы несмѣтно оно ни было, что чудная та будетъ защита, какой бы исходъ ея ни былъ, что есть человѣкъ, съ которымъ помѣряться силами не легко отважиться и врагамъ,—котораго одно имя стоитъ цѣлыхъ стотысячныхъ армій, про котораго еще на дняхъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ при гробѣ генераловъ: „Дайте мужикамъ топоры и скажите имъ, что ими командуетъ Скобелевъ—у васъ готовое противу враговъ войско!“..

Чѣмъ же, однако, точнѣе объяснить эту исполинскую нравственную силу Скобелева, эту его власть надъ душами? Попробуемъ подвергнуть ее провѣркѣ. Очевидно, ее нельзя объяснить ни одною удалью, ни даже искусствомъ военачальника, ни тѣмъ менѣе—какимъ-либо ловкимъ умѣньемъ, *мастерствомъ* производить обаяніе на простые умы и пріобрѣтать популярность. Было время, въ самомъ началѣ войны 1877 года, когда намъ самимъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ, будто слава Скобелева искусственная или, по крайней мѣрѣ, преувеличенная, будто онъ, обладая, конечно, личною храбростью, старается, однакожъ, сочетать дѣйствіе храбрости съ поразительнымъ эффектомъ и т. д. Къ концу войны этого уже не осмѣливались повторять; зависть сама собой смолкла, а послѣ Ахалъ-Текинской экспедиціи никто уже и не оскорблялся: всѣ утѣшались его превосходствомъ, какъ драгоцѣн-

нымъ народнымъ достояніемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: могло ли бы чуткое сердце русскаго солдата не распознать фальши, и надолго ли бы хватило самой ловкой лжи для сохраненія нравственной силы обаянія при тѣхъ непрерывныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергалась воинская доблесть хоть бы въ послѣднюю нашу кровопролитную войну? Мало того. Время показало, что, чѣмъ долѣе оставались войска въ подчиненіи у Скобелева, чѣмъ ближе знакомились офицеры съ своимъ начальникомъ, тѣмъ преданнѣе ему становились—до энтузіазма, до страсти. Но могъ ли этотъ энтузіазмъ быть произведенъ одною только правдивостью бѣшеной отваги, лихого рубачества и удали? Храбрецовъ и удальцовъ, не уступавшихъ, можетъ быть, и самому Скобелеву, было и всегда, какъ и въ прошлую войну, въ нашей арміи довольно, и тѣмъ не менѣе на ихъ долю не доставалось ни *такой* славы, ни *такого* обаянія. Объяснить ли эту славу и обаяніе только военнымъ умѣньемъ или искусствомъ? Не мало у насъ бывало, да и теперь есть, искусныхъ, талантливыхъ военныхъ вождей, любимыхъ и почитаемыхъ войскомъ,—и никто, какъ самъ Скобелевъ, не цѣнилъ такъ высоко, не перечислялъ съ такимъ уваженіемъ заслуги каждаго нашего боевого генерала, о чемъ мы можемъ лично свидѣтельствовать. И, однакожъ, всякій изъ нихъ безпрекословно признаетъ, что такою способностью наэлектризовать души солдатъ въ виду опасности, предъ боемъ, такимъ всемогуществомъ власти надъ ними, какимъ располагалъ Скобелевъ, имъ не дано было обладать... Дѣло въ томъ, что эта власть дана была ему свыше. Одновременно со всѣми этими качествами неустрашимости и отваги сіяла на челѣ его печать *генія*. Какъ свѣтильникъ, пламенѣлъ въ немъ, явно для всѣхъ, даръ Божій. Даромъ Божіимъ любовались въ немъ. Подобно изреченію Библіи о Немвродѣ—онъ былъ боецъ или полководецъ „предъ Господомъ“. Вдохновенный вождь, онъ вдохновлялъ и предводимыя имъ войска...

Но это вовсе не значитъ, чтобъ онъ полагался только на одни внезапныя откровенія, которыми въ нужный мигъ такъ былъ неистощимо богатъ его геній, чтобы, пренебрегая предварительнымъ расчетомъ, дѣйствовалъ лишь на рискъ, на авось, очертя голову, отдаваясь только одному нежданно озарявшему его внушенію. Нѣтъ, онъ не пренебрегалъ ни знаніемъ, ни наукой, ни военными опытами прежнихъ временъ; напротивъ, едва ли кто такъ дорожилъ ими, какъ онъ; его молодая, свѣжая память хранила живьемъ образцы всѣхъ замѣчательныхъ войнъ; онъ тщательно изучилъ всѣхъ военныхъ писателей, всѣ дѣянія великихъ стратеговъ, ихъ правила и пріемы, и могъ цитовать наизусть цѣлыя страницы изъ ихъ сочиненій. Все, что можно было заранѣе сообразить, расчитать, взвѣсить, предуготовить—все было имъ до тончайшихъ мелочей исполняемо. Но въ самомъ составленіи плана войны или сраженія уже сказывался геній своеобразный, быстро схватывающій всѣ взаимныя соотношенія условій мѣстности и данныхъ

силъ. Но онъ не имѣлъ *суевѣрія науки*, не дѣлался рабомъ теоретическихъ правилъ или однажды принятаго плана, и умѣлъ столь же быстро видоизмѣнять его и приспособлять ко всѣмъ случайностямъ. Какъ и Наполеонъ, Скобелевъ прежде всего вѣрилъ въ великое значеніе *духа* войскъ, какъ главнаго существеннаго условія успѣха, а его личнаго духа достало бы на одушевленіе всякой арміи, какъ бы велика она ни была! Разъ передъ самымъ началомъ дѣйствія рѣшился онъ на планъ,—какъ ураганъ, было исполненіе: все рушилъ предъ собою натискъ страстнаго *убѣжденія*! И что особенно замѣчательно было въ Скобелевѣ, въ этомъ „поэтѣ меча“, какъ называлъ его одинъ изъ друзей,—такъ именно то, что въ разгарѣ битвы, въ самой бѣшеной, повидимому, атакѣ, онъ никогда не „зарывался“, какъ выражаются военные, не опьянялся до забвенія своихъ стратегическихъ расчетовъ, до опущенія подробностей своего плана. Его бурно воспламеняющаяся природа достигла подъ градомъ пуль и ядеръ, въ бушующей стихіи смертной опасности, въ дѣйствіяхъ, которыхъ отчаянная отвага стала легендарною—своего высшаго напряженія, какой-то внутренней сосредоточенности, полнаго самообладанія, свободнаго, спокойнаго пользованія всѣми своими способностями, почти хладнокровія въ расчетахъ. Но какой же это былъ страстный покой, но этотъ холодъ жегъ пуще огня! Безумная отвага военачальника и его войскъ — являлась уже не дѣломъ темперамента, обыкновенно охлаждающагося отъ неудачи, а актомъ сознательной, страстно-напряженной воли. Вотъ это-то удивительное сочетаніе страсти и расчета, порыва и сознанія, пыла и воли, поэтическаго упоенія боемъ и неукоснительнаго вниманія къ самымъ частнымъ, практическимъ, мелочнымъ подробностямъ военнаго дѣла (все это при полномъ забвеніи о личной опасности) и знаменуетъ истиннаго полководца. Но каковъ же этотъ психическій процессъ напряженія, какая огромная потребна для него сила духа! Понятно, что эта сила духа должна была покорять себѣ сердца, и что, исторгаясь изъ груди, расправляясь во всю ширь своихъ крыльевъ въ минуты боя, въ этой игрѣ на жизнь и смерть, — она должна была, напротивъ, душить, снѣдать человѣка въ часы бездѣлья, покоя...

Не даромъ не только мы, русскіе, но даже иностранные военные критики причисляютъ имя Скобелева, по силѣ и свойствамъ его дарованія, къ именамъ немногихъ величайшихъ военныхъ геніевъ міра, хотя онъ не прошелъ и половины своего поприща.

Но Скобелевъ отличается отъ нихъ еще одною чертою, едва ли не ему только свойственною. Признавая, какъ и они, значеніе нравственной *силы* въ войскахъ на войнѣ (которая, по выраженію Наполеона, равняется тремъ четвертямъ всей войсковой силы), Скобелевъ не довольствовался одною только властью одушевленія, которая движетъ солдатъ на смерть въ слѣпомъ довѣріи къ вождю. Онъ находилъ, что въ наше время, при настоящихъ условіяхъ войны, солдатъ не можетъ

оставаться только автоматомъ, хотя бы даже и одушевленнымъ, т.-е. присоединяющимъ восторженную смѣлость къ автоматической исполнительности. По этимъ соображеніямъ, а также по особенностямъ личной, нравственной своей природы, онъ не забывалъ, что солдаты не автоматы, а человѣки; онъ добивался одушевленія полнаго не въ слѣпой только покорности, но и въ сознательномъ содѣйствіи планамъ вождя. Онъ призывалъ ихъ къ личному участію, онъ поднималъ ихъ человѣческое достоинство, онъ заинтересовывалъ ихъ нравственно въ успѣхѣ своихъ стратегическихъ соображеній. Извѣстно, что подъ Плевной, да и вездѣ, гдѣ только было возможно, предъ началомъ какого-либо боя, онъ созывалъ не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и разъяснялъ имъ маневръ предстоящаго дѣла и его цѣль; мало того — самъ ходилъ по рядамъ и истолковывалъ то же самое, во сколько находилъ нужнымъ, и простымъ солдатамъ. Послужило ли такое отношеніе къ нимъ поводомъ къ ослабленію дисциплины? Нисколько. Никакія войска не отличались такою дисциплиною, какъ Скобелевскія, и такой результатъ достигался вовсе не строгостью. Понятно, что служить подъ начальствомъ такого вождя было истиннымъ счастьемъ, что его „приказы“ способны были не только возжечь пламенную преданность къ начальнику, но и къ службѣ. Это живая, увлекательная лекція изъ устъ геніальнаго вождя. Надобно просить Академію Генеральнаго Штаба, которая на громадномъ вѣнкѣ, красовавшемся у Скобелевскаго гроба начертала лаврами слова: „Полководцу, Суворову равному“ (а Академія—судья компетентный), чтобъ она распорядилась собраніемъ и напечатаніемъ всѣхъ приказовъ по войскамъ, отданнымъ въ разное время Скобелевымъ. Вѣдь это одно составитъ самый назидательный военный курсъ великаго мастера, образуетъ новую, Скобелевскую *школу*!

Всѣ указанныя нами военачальническія черты Скобелева уже сами по себѣ, повидимому, достаточно объясняютъ восторженное отношеніе къ нему русскихъ войскъ. Однакоже, и не въ нихъ лишь тайна всевластной обаятельности его имени не только для русскихъ солдатъ, но и для всего русскаго народа. Это былъ человѣкъ не только первокласснаго военнаго генія, не только великаго духа, но и великаго сердца... „На войнѣ *сердце* значитъ *все*“, однажды писалъ онъ намъ. Для русскаго же человѣка въ особенности, прибавимъ мы. А по русской пословицѣ,—„сердце сердцу вѣсть подаетъ“. Въ его душѣ жила искренняя, не надуманная, а непосредственная, великая *любовь* къ солдату, которую слышалъ сердцемъ солдатъ, чутко распознающій заботливость о немъ начальства—по долгу ли службы, по благоразумному ли расчету, или даже по великодушному снисхожденію — отъ того, что само собою бьетъ живымъ ключомъ изъ груди, роднитъ и равняетъ человѣковъ всѣхъ состояній. И это-то равенство въ любви къ себѣ сознавалъ и чувствовалъ въ Скобелевѣ солдатъ, — а что же такое солдатъ, особенно теперь, при краткомъ срокѣ службы, какъ не тотъ же русскій народъ?

И именно его, т.-е. русскій *народъ* — видѣлъ Скобелевъ въ русскомъ войскѣ, не отдѣлялъ интересовъ арміи отъ интересовъ народныхъ и задачъ военнаго вѣдомства отъ задачъ общерусскихъ. Это былъ не только военный геній вообще, но *русскій* военный геній — съ русскимъ сердцемъ, съ тою широкою русскою душою, какую создаетъ подчасъ безпредѣльно широкая Русь... Да, онъ былъ отъ *народа*, былъ порожденіемъ его мощнаго историческаго духа, который создалъ русское государство.

Пламенно вѣрилъ онъ въ Россію, выше всего на свѣтѣ дорожилъ ея честью, ея величіемъ, ея призваніемъ, какъ православной славянской державы. Поистинѣ онъ былъ носителемъ русскихъ народныхъ историческихъ идеаловъ, которые пребываютъ въ массахъ на степени историческаго инстинкта, но о которыхъ явственно вѣщаетъ языкъ цѣлаго ряда историческихъ событій,—которыя нашли себѣ выраженіе и въ завѣтнѣйшихъ чаяніяхъ Пушкина, Хомякова и всѣхъ лучшихъ нашихъ поэтовъ... Зато какъ и любилъ Скобелевъ эти ихъ поэтическія пророческія чаянія!

Цѣлая заря будущаго всходила, казалось, въ лицѣ Скобелева надъ Россіей и славянскимъ міромъ,—это чуялъ и русскій народъ, и всякая славянская душа... И эта заря угасла. Тяжелое испытаніе посылается нашей вѣрѣ... Но пусть живитъ ее память о Скобелевѣ: твой образъ, русскій народъ—

„Твой образъ былъ *на немъ* означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ!“...

Но духъ русскаго народа не умеръ. Прибыло скорби, но сила не оскудѣла, и въ самомъ выраженіи скорби, въ самой этой силѣ любви народной слышится его животворящая мощь...

И. С. Аксаковъ.

---

4. Лиза Калитина, какъ самобытный нравственный характеръ.

Изъ среды патріархальнаго, но уже суетнаго и испорченнаго семейнаго быта, Тургеневъ вывелъ образъ молодого существа, которое съ первыхъ шаговъ на поприщѣ жизни замѣчаетъ, что оно не вторитъ общимъ интересамъ окружающихъ, ихъ понятіямъ, радостямъ и заботамъ... Въ душѣ Лизы созрѣлъ и выросъ религіозно-нравственный идеалъ существованія, который не можетъ сдружиться съ тѣмъ, что представляется дѣвушкѣ въ настоящемъ, и чего можетъ она ожидать въ будущемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ усилій помириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и заключается въ монастырь.

Общее выраженіе участія и умиленія со стороны публики проводило ее въ это послѣднее убѣжище; но нельзя сказать, чтобы характеръ дѣвушки и сущность ея жизни были оцѣнены и поняты удовлетворительно большинствомъ ея поклонниковъ: иначе послѣдніе не стали бы такъ много соболѣзновать о судьбѣ ея, и, можетъ статься, вмѣстѣ со слезами состраданія явилось бы у нихъ и какое-либо иное чувство. Намъ кажется, что внѣшняя сторона ея существованія много участвовала въ привлеченіи къ ней тѣхъ симпатій, которыми она теперь пользуется. Въ самомъ дѣлѣ: вотъ дѣвушка, мечтающая исключительно о моральныхъ обязанностяхъ своихъ, когда въ ея годы и въ ея положеніи думается о свѣтлой поэзіи и радостяхъ жизни; вотъ первые проблески любви и счастья, падающіе на ея сердце не живительною росой, а каплями яда и огорченій; вотъ отступаетъ она передъ грубою дѣйствительностью, начинаетъ чувствовать святое отвращеніе къ земнымъ искушеніямъ и торопится унести дѣвственную чистоту ума и сердца въ суровую монастырскую келью... Не для жизни даны ей были молодость, красота, высокія предчувствія истины и блага; все погибло въ цвѣтѣ, застигнутое неожиданнымъ морозомъ среди весны, и притомъ той чудной весны, какая возстаетъ всегда подъ перомъ Тургенева. Inde... отсюда слезы! Но если бы судить о лицѣ этомъ только по выраженію жалобъ, возбужденныхъ имъ въ читателяхъ, то пришлось бы отнести его къ числу тѣхъ слабыхъ, хотя и интересныхъ организмовъ, которые страдаютъ потому, что неспособны къ здоровому человѣческому существованію. Кто изъ поклонниковъ Елизаветы Михайловны замѣтилъ, что въ нѣжную, граціозную и обаятельную форму ея облеклась такая строгая идея, какая часто бываетъ не подъ силу и болѣе развитымъ и крѣпкимъ мышцамъ? Лиза способна тронуть и вызвать слезу у самаго хладнокровнаго читателя, — это правда; но одною слезой и сожалѣніемъ она не можетъ довольствоваться: она имѣетъ право на нѣчто бо́льшее, нежели слеза и сожалѣніе...

Есть афоризмъ, не подлежащій сомнѣнію: „поэты родятся“; но можно прибавить къ нему, что и высоконравственные характеры тоже „родятся“,—по крайней мѣрѣ, возникновеніе ихъ часто бываетъ необъяснимо. Они образуются иногда безъ помощи воспитанія, примѣра, правилъ и указаній, сохраняемыхъ семействомъ отъ старины или отъ господствующаго ученія; они могутъ явиться (и часто являются) въ годины по́лной духовной тьмы, въ нѣдрахъ самаго испорченнаго круга, при совершенномъ отсутствіи моральныхъ убѣжденій, еще не добытыхъ или уже потерянныхъ окружающимъ ихъ міромъ. Этими характерами доказывается только высокое достоинство человѣческой природы, способной всегда творить нравственные типы, ее выражающіе. Иногда нѣтъ никакой возможности указать, гдѣ началась работа ихъ благодат-

ной мысли, когда и чѣмъ пробудилась ихъ душа, по какому поводу они разошлись съ общими понятіями и создали себѣ особенную мѣрку для опредѣленія добра и правды. Достовѣрно одно, что иногда достаточно самой скудной духовной пищи для развитія ихъ моральнаго существованія въ изумительномъ блескѣ; какая-нибудь книжка, какое нибудь ничтожное событіе въ домашнемъ быту дѣлаются неожиданно крѣпкими основами ихъ будущаго развитія.

Для Лизы достаточно было няни Агаѳьи съ ея пламеннымъ разсказомъ о мученикахъ и подвижникахъ, съ ея народно-мистическимъ настроеніемъ, чтобъ обратить молодой умъ совсѣмъ въ противоположную сторону,—именно къ строгому *пониманію* моральной идеи, заключающейся въ религіи. Часто даже глубоконравственные характеры обходятся и безъ этихъ толчковъ, безъ этой подмоги на первыхъ шагахъ своихъ въ жизни. Учителями ихъ дѣлаются просто всѣ безобразныя и тупыя проявленія страстей и обычаевъ окружающаго ихъ быта: они учатся правдѣ въ виду господствующаго произвола, сознанію обязанностей своихъ—на духовномъ и тѣлесномъ растлѣніи близкихъ людей, порядку, справедливости и снисхожденію—на общей распущенности и на дикихъ порывахъ животнаго существованія. Можно сказать даже, что чѣмъ заразительнѣе всѣ примѣры, окружающіе ихъ, тѣмъ они тверже укореняются и смѣлѣе идутъ въ правомъ пути. Кто впервые указалъ его, кому обязаны они первымъ извѣстіемъ объ его существованіи,—неизвѣстно. Можетъ быть, это—неизбѣжное дѣйствіе приспѣвшаго времени обновленія для всѣхъ или, можетъ быть, это—дѣйствіе точно такой же благодати, какъ, напр., поэтическій даръ: какъ бы то ни было, Лиза принадлежитъ къ семьѣ этихъ самородныхъ нравственныхъ характеровъ.

Великое достоинство этого лица состоитъ особенно въ томъ, что авторъ не лишилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ правъ и качествъ молодости. Этого и надо было ожидать. Не такой писатель Тургеневъ, чтобы могъ остановиться на отвлеченномъ образѣ, заняться сухимъ или одностороннимъ педантическимъ идеаломъ. Лиза является намъ въ полной красѣ дѣвичьяго развитія; дѣло только въ томъ, что фантазія дѣвушки, работа ея головы и ея сердца, самая игра жизненныхъ силъ—все уже окрашено врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, отъ котораго она ни убѣжать, ни освободиться не можетъ, — которое составляетъ ея величіе и ея кару посреди людей. Да и проявляется оно особеннымъ, весьма тонкимъ образомъ. Ни разу не встрѣтишь у нея рѣзкаго слова, крикливаго осужденія или враждебнаго поступка противъ опредѣленій и понятій большинства (а вѣдь подобные грубые порывы мысли и нужны многимъ людямъ для уразумѣнія характера); нравственное чувство ея выражается только постоянною боязнію жизни, постояннымъ къ ней недовѣріемъ и какимъ-то испугомъ передъ новыми, еще незнакомыми ей явленіями, точно въ молодой душѣ Елизаветы

Михайловны уже поселилось убѣжденіе, что оттуда ждать нечего. Никто изъ самыхъ близкихъ людей не владѣетъ ея сердцемъ, ея довѣренностью: привязанностью племянницы не можетъ даже похвастаться сама Марѳа Тимоѳеевна, превосходный типъ умной, добросердечной старухи, по природѣ любящей въ человѣкѣ молодость и достоинство. Марѳа Тимоѳеевна однакоже слишкомъ бойка; у Марѳы Тимоѳеевны сохраняется еще оттѣнокъ барскаго своеволія, даже въ самомъ добрѣ, которое она дѣлаетъ: этого уже достаточно, чтобы испугать ея племянницу, Лизу, на которой всякій оттѣнокъ, лишенный нравственнаго смысла, отражается болѣзненно, замыкая ей уста и сердце... Лиза постоянно отступаетъ передъ событіями и требованіями дѣйствительнаго міра, ее окружающаго, — это правда; но также правда и то, что безъ особенной внутренней энергіи она никогда не могла бы защитить себя такъ полно отъ его условій, притязаній и понятій! Съ своимъ врожденнымъ даромъ пониманія, или, лучше, предчувствія высшаго порядка вещей, она проходитъ между людьми удивительно строго и твердо, между тѣмъ какъ внѣшнее ея существованіе колеблется, безъ малѣйшаго сопротивленія, дуновеніемъ всѣхъ случайностей жизни.

П. В. Анненковъ.

---

5. Русскія народныя сказки.

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, причитаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ *сказки*. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народнаго слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Народныя русскія сказки раскрываютъ предъ нами обширный міръ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и примѣты—все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею младенческою наивностью, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго. Могучія силы и поразительныя явленія природы, признанныя въ эпоху язычества за боговъ; вслѣдствіе обычнаго развитія древнихъ вѣрованій воплощались не только въ птицъ и звѣрей, но и въ антропоморфическіе образы и, сблизившись мало-по-малу съ человѣческими формами и свойствами, снизошли, наконецъ, съ своей недосягаемой высоты на степень *героевъ*, доступныхъ людскимъ страстямъ и житейскимъ трево-

гамъ, и породили богатырскія сказанія, повѣствующія объ ихъ чудесныхъ подвигахъ. Таковы всѣ герои финской поэмы Калевалы и греческіе полубоги; таковъ нашъ змѣй-горынычъ, который въ былинахъ является уже богатыремъ, хотя и сохраняетъ всѣ аттрибуты огненнаго змѣя (молніеносной тучи); таковы въ народныхъ сказкахъ великаны и богатыри, удержавшіе даже свои стихійныя названія: *Вихорь*, *Громъ*, *Градъ*. Эти сказочные герои усвоили себѣ то страшное могущество, какое принадлежитъ силамъ природы, и получили громадные, соотвѣтственные этому могуществу размѣры; самое слово *богатырь* (отъ слова *богъ* черезъ прилагательное *богатъ*) означаетъ существо, надѣленное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и ихъ битвы съ великанами и змѣями суть только образныя, поэтическія изображенія естественныхъ явленій, такъ могущественно вліяющихъ на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, въ народныхъ сказкахъ представляется златокудрою дѣвой неописанной красоты, похищаемою змѣемъ, который уноситъ ее въ свои неприступныя горы и ограждаетъ крѣпкими затворами; освободителемъ красной дѣвицы является богатырь, владѣтель чудодѣйственнаго меча-саморуба, т.-е. самъ Перунъ, божество грозы и молніи: онъ проникаетъ въ мрачныя подземелья, выпиваетъ тамъ всю сильную воду и поражаетъ змѣя, или, говоря простымъ, обыкновеннымъ языкомъ,—разбиваетъ тучи молніей, проливаетъ на землю дождь и выводитъ изъ змѣиныхъ пещеръ дѣву-солнце. Другой рядъ народныхъ сказокъ въ такихъ же пластическихъ образахъ изображаетъ годовое обращеніе этого свѣтила: невѣста-земля, въ полномъ цвѣтѣ и роскоши своихъ лѣтнихъ уборовъ, вдругъ подъ вліяніемъ чаръ злой колдуньи-зимы превращается въ камень и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ; во всемъ ея царствѣ жизнь пріостанавливается и какъ бы застываетъ до тѣхъ поръ, пока жаркій поцѣлуй молодого царевича—весенняго солнца—не разбудитъ красавицы для любви и общей радости; пробужденная невѣста вступаетъ въ бракъ съ свѣтозарнымъ царевичемъ, и земля начинаетъ свои роды.

Позднѣе сказка, вѣрная народной жизни, отразила въ своихъ богатырскихъ повѣстяхъ черты изъ эпохи великой борьбы христіанскихъ идей съ языческими; многія изъ древнихъ преданій были подновлены согласно съ вновь возникшими взглядами и убѣжденіями, и нѣкоторыя эпическія сказанія получили легендарную обстановку, хотя, впрочемъ, изъ-за этихъ подновленій до сихъ поръ еще сквозитъ дохристіанская старина. Сильномогучіе богатыри, побѣдители сказочныхъ великановъ и многоглавыхъ змѣевъ, въ былинахъ уже сражаются противъ какого-то Идолища и невѣрныхъ народовъ; на своихъ крѣпкихъ плечахъ они выносятъ безпрестанныя и безпощадныя битвы съ „погаными“ азіатскими кочевниками и отстаиваютъ независимость и государственныя основы родной земли, тогда какъ великаны и змѣи вы-

ставляются защитниками басурманства. Еще позднѣе — и народная сказка, свидѣтельствуя намъ о нѣкоторыхъ чертахъ древняго новгородскаго быта, вводитъ читателя въ міръ дѣйствительныхъ событій и чрезъ то сближаетъ его съ чисто историческимъ эпосомъ „Слова о полку Игоревѣ“, малороссійскихъ думъ и народныхъ пѣсенъ о Грозномъ, Петрѣ Великомъ и другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ.

Составляя вмѣстѣ съ былинами отрывки стариннаго эпоса, сказки уже по тому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія народъ необходимо является поэтомъ. Обоготворяя природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и таинственныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденія воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой поэмѣ, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи: тотъ же свѣтлый и спокойный тонъ; то же неподражаемое искусство живописать всякій предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, ими производимому на человѣка; та же обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ. Разъ сказанное мѣтко и обрисованное удачно и наглядно уже не передѣлывается, а какъ будто застываетъ въ этой формѣ и постоянно повторяется тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по ходу сказочнаго дѣйствія. Оттого, несмотря на неподдѣльную красоту языка, народныя сказки поражаютъ однообразностью, тѣмъ болѣе, что и темы разсказовъ, и дѣйствующія лица, и чудесное — въ большей части подобныхъ произведеній повторяются, съ небольшими отступленіями. Народъ не выдумывалъ; онъ разсказывалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потому даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ остановился на повтореніяхъ, а не отважился дать своей фантазіи произволъ, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ, чудовищныхъ представленій.

Какъ отъ всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотой и искренностью; съ дѣтскою наивностью и простотою, подчасъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной иронія и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ

добро торжествующимъ надъ злобою. Сказка „о правдѣ и кривдѣ“ задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить—правдою или кривдою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждое держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый—терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а впослѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полнаго торжества правды—и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ. На такомъ нравственномъ началѣ создалась большая часть сказочныхъ интригъ.

Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачехи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю, зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачехи, обрисованный народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства и свадебными пѣснями о судьбѣ „молодой“ среди чуждой для нея семьи. Мачеха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣритъ материнское сердце. Мачеха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть передъ глазами постояннаго и живого укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣмъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чужому горю. Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людского міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненной птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волной рыбы и больного дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго. Нравственная сила спасаетъ сироту отъ всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачехи подвергаютъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью и потому гордыхъ, жестокосердыхъ и мстительныхъ.

Съ этой точки зрѣнія особенно интересною представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Большая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два — умные, а третій —

дурень. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякій думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій — глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Согласно съ этимъ, слова: *хитрый* и *злой* въ областныхъ говорахъ значатъ: ловкій, искусный, умный, острый. Народная сказка, однако, всегда на сторонѣ нравственной правды, и по ея твердому убѣжденію выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностью меньшого брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло, хотя и слыветъ таковымъ между людьми, вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно-неразумное. Въ сказкѣ „Норка-звѣрь“ три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ, но, когда третій братъ смѣлостью преодолѣваетъ всѣ опасности, они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердце бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблистала молнія, загремѣлъ громъ, и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ — а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ; и, какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми,—спросила: „Кто покрылъ моихъ пташекъ? Это ты! Спасибо тебѣ; проси отъ меня, чего хочешь!“—и по просьбѣ бѣдняка выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ той ли же теплой любовью и не съ тѣми ль освѣжающими душу чувствами можетъ

образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

А. Н. Аѳанасьевъ.

---

6. Патріотизмъ Карамзина.

Любя хорошее вездѣ, Карамзинъ преимущественно любилъ его въ Россіи.—„Чувство: *мы, наше*“, говоритъ онъ въ предисловіи къ „Исторіи“, „оживляетъ повѣствованіе; и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“... „Для насъ, русскихъ съ душою“, писалъ онъ къ Тургеневу; „одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать мы можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать только въ Россіи,—или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуногое животное съ брюхомъ“... „Истинный космополитъ“, говоритъ онъ въ предисловіи къ „Исторіи“, „есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане—въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя“... Слова эти не оставались только словами: истинный патріотизмъ, состоящій не въ томъ, чтобы безъ разбора хвалить все, особенно то, что льститъ вкусу дня, не разбирая того, какой день (дни вѣдь бываютъ разные), а въ томъ, чтобы по совѣсти сказать правду,—такой патріотизмъ въ высокой степени отличалъ Карамзина: надо было много любить Россію, чтобы написать объ его безсмертныя записки, изъ которыхъ каждая была подвигомъ гражданскаго мужества. Многіе смотрятъ на „Записку о древней и новой Россіи“ съ той точки зрѣнія, что Карамзинъ слишкомъ стоитъ за учрежденія, отжившія свой вѣкъ: въ этомъ винить его нельзя, ибо онъ все-таки былъ человѣкомъ своего времени и тогда уже человѣкъ довольно пожилой (ему было 47 лѣтъ, а въ эти годы люди уже рѣдко мѣняются); да еще надо прибавить, что во многихъ случаяхъ онъ былъ правъ: новыя учрежденія не всегда лучше старыхъ. Надо помнить также, что исторія воспитала въ Карамзинѣ осторожную медленность при всякихъ постройкахъ и ломкахъ.

Въ „Исторіи“ патріотическое чувство Карамзина сказалось чрезвычайно ярко — и сказалось такъ, что невольно сообщается читателю: онъ страдаетъ во время ига татарскаго, торжествуетъ освобожденіе отъ него, тяготится временемъ Грознаго, негодуетъ на Шуйскаго. Высокій художественный талантъ Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію; но никакой талантъ не въ состояніи увлечь до такой степени, если бы

писатель самъ не чувствовалъ того, что онъ внушаетъ. Только любви дается эта способность живого представленія, только живя сердцемъ въ изображаемую эпоху, можно перенести въ нее другого.

Конечно, Карамзинъ не всѣ явленія понималъ такъ, какъ ихъ теперь понимаютъ; да все ли хорошо понимаютъ его возражатели, такъ ли они безошибочны, какъ это многимъ кажется? Не надо забывать, какой громадный трудъ принялъ на себя Карамзинъ, и какъ онъ много сдѣлалъ—и много сдѣлалъ именно потому, что *любилъ*. Положимъ, что въ свои лица онъ влагалъ кое-что свое, и что теперь исторія старается и должна стараться представлять то, что было, а не то, что могло быть; но это теперь. А если мы вспомнимъ, что Карамзинъ первый оживилъ столько лицъ, которыя до него казались мрачными тѣнями, и оживилъ именно потому, что въ силу своего патріотическаго чувства отказался отъ прежней мысли сократить древнюю исторію, — то и этотъ упрекъ долженъ замереть. Самъ Карамзинъ хорошо понималъ, что первое требованіе отъ историка есть истина: „Не дозволяя себѣ никакихъ изобрѣтеній“, говоритъ онъ,—„я искалъ выраженій въ умѣ моемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ“,—и, прибавимъ отъ себя, нашелъ. Но въ пониманіи прошлаго ничто не дается сразу, истина не бываетъ абсолютною: ея достигаютъ постепенно, и каждое новое поколѣніе прикладываетъ свое къ наслѣдству отцовъ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

---

3. Печоринъ и Максимъ Максимовичъ.

Романъ Лермонтова: „Герой нашего времени“, какъ и многія другія его произведенія, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ-Онега, Печоринъ-Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ; напр., отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочароваинаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера, — тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермон-

товъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ собою,— недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть „портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи“. Затѣмъ, въ разговорѣ съ Максимомъ Максимовичемъ о разочарованныхъ людяхъ, Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочарованіе есть „мода, которая донашивается въ низшихъ классахъ“; о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа—это противопоставленіе Печорину Максима Максимовича.

Максимъ Максимовичъ не отличается особенно высокимъ образованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ; въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: „Дай Богъ поболѣе встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей“.

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимовичу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимовичъ говоритъ: „Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, т.-е., знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость“... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ. — „Да, признаюсь“, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: „Мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила“. Конечно, мы поймемъ, что „глупость“ случилась съ Максимомъ Максимовичемъ не оттого, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная... А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимовичъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ,—и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимовичу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго,—идеи противопоставленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей „простыхъ“, но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій называетъ „главнымъ умомъ“,—людей, отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимовичъ выше Печорина.

А. К. Бороздинъ.

8. Поэтическое изображеніе дѣйствительности.

Поэзія есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія — воплотившіяся идеи, видимыя, созерцаемыя идеи. Слѣдовательно, поэзія есть та же философія, то же мышленіе, потому что имѣетъ то же содержаніе—абсолютную истину, но только не въ формѣ діалектическаго развитія идеи изъ самой себя, а въ формѣ непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслитъ образами, онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее. Но поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя — она сама себѣ цѣль; слѣдовательно, поэтическій образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы образомъ, а былъ бы символомъ. Поэту представляются образы, а не идея, которой онъ изъ-за образовъ не видитъ, и которая, когда сочиненіе готово, доступнѣе мыслителю, нежели самому творцу. Посему поэтъ никогда не предполагаетъ себѣ развить ту или другую идею, никогда не задаетъ себѣ задачи: безъ вѣдома и безъ воли его возникаютъ въ фантазіи его образы, и, очарованный ихъ прелестью, онъ стремится изъ области идеаловъ и возможности перенести ихъ въ дѣйствительность, т.-е. видимое одному ему сдѣлать видимымъ для всѣхъ.

Высочайшая дѣйствительность есть истина; а какъ содержаніе поэзіи—истина, то и произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность.

В. Г. Бѣлинскій.

---

9. Поэзія—высшій родъ искусства.

Поэзія есть высшій родъ искусства. Всякое другое искусство болѣе и менѣе стѣснено и ограничено въ своей творческой дѣятельности тѣмъ матеріаломъ, посредствомъ котораго оно проявляется. Произведенія архитектуры поражаютъ насъ или гармоніею своихъ частей, образующихъ собою граціозное цѣлое, или громадностью и грандіозностью своихъ формъ, восторгая съ собою духъ нашъ къ небу, въ которомъ исчезаютъ ихъ остроконечные шпицы. Но этимъ и ограничиваются средства ихъ обаянія на душу: это еще не искусство въ полномъ значеніи, а только стремленіе, первый шагъ къ искусству; это еще не мысль, воплотившаяся въ художественную форму, но художественная форма, только намекающая на мысль. Сфера скульптуры шире, средства ея богаче, чѣмъ у зодчества: она уже выражаетъ красоту формъ человѣческаго тѣла, оттѣнки мысли въ лицѣ человѣческомъ; но она схватываетъ только одинъ моментъ мысли лица, одно положеніе тѣла; притомъ же сфера творческой дѣятельности скульптуры не простирается на всего человѣка, а ограничивается только внѣшними формами его тѣла, изоб-

ражаетъ только мужество, величіе и силу въ мужчинѣ, красоту и грацію въ женщинѣ. Живописи доступенъ весь человѣкъ—даже внутренній міръ его духа; но и живопись ограничивается схватываньемъ одного момента явленія. Музыка—по преимуществу выразительница внутренняго міра души; но выражаемыя ею идеи не отдѣлимы отъ звуковъ, а звуки, много говоря душѣ, ничего не выговариваютъ ясно и опредѣленно уму. Поэзія выражается въ свободномъ человѣческомъ словѣ, которое есть и звукъ, и картина, и опредѣленное, ясно выговоренное представленіе. Посему, поэзія заключаетъ въ себѣ элементы другихъ искусствъ, — какъ бы пользуется вдругъ и нераздѣльно всѣми средствами, которыя даны порознь каждому изъ прочихъ искусствъ. Поэзія представляетъ собою всю цѣлость искусства, всю его организацію, и, объемля собою всѣ его стороны, заключаетъ въ себѣ ясно и опредѣленно всѣ его различія.

В. Г. Бѣлинскій.

---

10. Искусство и ремесло.

Искусства бываютъ двухъ родовъ: творческія и техническія. Дѣятельная, производительная способность первыхъ бываетъ въ людяхъ, какъ даръ природы; ученіе и трудъ развиваютъ этотъ даръ, но самаго дара не даютъ тѣмъ, кому не дано его природою. Техническія искусства даются людямъ *наукою*, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово простой народъ, — въ смыслѣ практическаго ученія, изученія, навыка. И въ творческихъ искусствахъ есть своя техническая сторона, доступная и бездарнымъ людямъ: можно выучиться писать легкіе и гладкіе стихи, разбирать ноты и лучше или хуже разыгрывать ихъ, срисовывать копіи съ оригиналовъ и т. п.; но поэтомъ, музыкантомъ, живописцемъ нельзя сдѣлаться ученіемъ и рутиною. Все, что существуетъ, существуетъ на основаніи неизмѣнныхъ и разумныхъ законовъ, и потому подлежитъ вѣдѣнію науки (знаніе); слѣдовательно и искусство подлежитъ вѣдѣнію науки, но не иначе, какъ только предметъ знанія, а совсѣмъ не какъ предметъ обученія, т.-е. мастерство, которому можно выучиться посредствомъ науки. Искусствамъ учатся — это правда, особенно такимъ, въ которыхъ техническая сторона преимущественно важна и трудна; но здѣсь ученіе особеннаго рода—ученіе практическое, а не теоретическое, ученіе не по книгѣ, а по наглядному указанію мастера. Таковы и всѣ техническія искусства, всѣ ремесла. Напишите самое ясное, самое толковитое руководство по искусству шить сапоги, — самый понятливый и способный человѣкъ въ пятьдесятъ, въ сто лѣтъ не выучится по вашей книгѣ шить такъ хорошо, какъ бы выучился онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ у хорошаго мастера, при посредствѣ его

наглядныхъ указаній и своего упражненія и навыка. Въ такомъ точно отношеніи находится наука къ искусству. Иной критикъ судитъ лучше художника о произведеніи самого этого художника, но самъ не въ состояніи ничего создать. Въ сферѣ искусства ученый *знаетъ*, художникъ *умѣетъ*.

В. Г. Бѣлинскій.

---

11. Дѣленіе поэзіи.

Раздѣленіе поэзіи на три рода: лирическую, эпическую и драматическую выходитъ изъ ея значенія, какъ сознанія истины, и, слѣдовательно, изъ взаимныхъ отношеній сознающаго духа — субъекта къ предмету сознанія—объекту.

Лирическая поэзія выражаетъ субъективную сторону человѣка, открываетъ нашему взору внутренняго человѣка, и потому вся она—ощущеніе, чувство, музыка. Эпическая поэзія есть объективное изображеніе совершившагося во времени событія, картина, которую показываетъ вамъ художникъ, выбирая для васъ лучшія точки зрѣнія, указывая на всѣ ея стороны. Драматическая поэзія есть примиреніе этихъ двухъ сторонъ, субъективной, или лирической, и объективной, или эпической. Передъ вами не совершившееся, но совершающееся событіе; не поэтъ вамъ сообщаетъ его, но каждое дѣйствующее лицо выходитъ къ вамъ само, говоритъ вамъ за самого себя. Въ одно и то же время видите вы его съ двухъ точекъ зрѣнія: оно увлекается общимъ водоворотомъ драмы и дѣйствуетъ волею и неволею сообразно со своими отношеніями къ прочимъ лицамъ и идеѣ цѣлаго созданія, — вотъ его объективная сторона; оно раскрываетъ передъ вами свой внутренній міръ, обнажаетъ всѣ изгибы сердца своего, вы подслушиваете его нѣмую бесѣду съ самимъ собою — вотъ его субъективная сторона. Поэтому-то въ драмѣ всегда видите вы два элемента: эпическую объективность дѣйствія въ цѣломъ и лирическія выходки и изліянія въ монологахъ,—до того лирическія, что они непремѣнно должны быть писаны стихами и, переданныя прозою, теряютъ свой поэтическій букетъ и переходятъ въ надутую прозу, чему доказательствомъ могутъ служить лучшія мѣста Шекспировыхъ драмъ, переведенныхъ прозою.

Въ лирической поэзіи поэтъ является намъ субъектомъ, и потому-то въ ней такъ часто и такую важную роль играетъ его личность, его я, а ощущенія и чувства, о которыхъ онъ говоритъ, какъ о своихъ собственныхъ, будто бы одному ему принадлежащихъ, мы приписываемъ себѣ, узнаемъ въ нихъ моменты собственнаго духа. Эпическій поэтъ, скрываясь за событіями, которыя заставляетъ насъ созерцать, только подразумѣвается, какъ лицо, безъ котораго мы не знали бы о совершившемся событіи; онъ даже и не всегда бываетъ незримо-присутствую-

щимъ лицомъ: онъ можетъ позволять себѣ обращеніе и къ самому себѣ, говорить о себѣ или, по крайней мѣрѣ, подавать свой голосъ объ изображенныхъ имъ событіяхъ. Въ драмѣ, напротивъ, личность поэта исчезаетъ совсѣмъ и какъ бы даже не предполагается существующею, потому что въ драмѣ и событіе говоритъ само за себя, современно представляясь совершающимся, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ само за себя, современно развиваясь и съ внутренней и съ внѣшней стороны.

В. Г. Бѣлинскій.

---

12. Значеніе драматическаго театра.

Театръ!.. Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, то есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ: не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ вздымаетъ ураганъ песчаныя метели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?.. Какое изъ всѣхъ искусствъ владѣетъ такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовластно? Лиризмъ, эпопея, драма — отдаете ли вы чему-нибудь изъ нихъ рѣшительное предпочтеніе, или все это любите одинаково? Вѣдь въ мощныхъ строфахъ богатыря Державина и въ разнообразныхъ напѣвахъ Протея Пушкина предображается та же самая природа, что и въ поэмахъ Байрона или романахъ Вальтеръ-Скотта, а въ сихъ послѣднихъ—та же самая, что и въ драмахъ Шекспира и Шиллера? И однакоже, я люблю драму предпочтительно, и, кажется, это—общій вкусъ. Лиризмъ выражаетъ природу неопредѣленно и, такъ сказать, музыкально; его предметъ—вся природа во всей ея безконечности; предметъ же драмы есть исключительно человѣкъ и его жизнь, въ которой проявляется высшая, духовная сторона всеобщей жизни вселенной. Между искусствами драма есть то же, что исторія между науками. Человѣкъ всегда былъ и будетъ самымъ любопытнымъ явленіемъ для человѣка, а драма представляетъ этого человѣка въ его вѣчной борьбѣ со своимъ *я* и съ своимъ назначеніемъ, въ его вѣчной дѣятельности, источникъ которой есть стремленіе къ какому-то темному идеалу блаженства, рѣдко имъ постигаемаго и еще рѣже достигаемаго... Сама эпопея отъ драмы занимаетъ свое достоинство: романъ безъ драматизма вялъ и скученъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эпопея есть только особенная форма драмы.

Итакъ, положимъ, что драма есть, если не лучшій, то ближайшій къ намъ родъ поэзіи. Что же такое театръ, гдѣ эта могущественная драма облекается съ головы до ногъ въ новое могущество, гдѣ она вступаетъ въ союзъ со всѣми искусствами, призываетъ ихъ на помощь и беретъ у нихъ всѣ средства, всѣ оружія, изъ коихъ каждое, отдѣльно взятое, слишкомъ сильно для того, чтобы вырвать васъ изъ тѣснаго міра суетъ и ринуть въ безбрежный міръ высокаго и прекраснаго? Что же такое, спрашиваю васъ, этотъ театръ?.. О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній! Эти звуки настраиваемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ томятъ вашу душу ожиданіемъ чего-то чудеснаго, сжимаютъ ваше сердце предчувствіемъ какого-то неизъяснимо-сладостнаго блаженства; этотъ народъ, наполняющій огромный амфитеатръ, раздѣляетъ ваше нетерпѣливое ожиданіе, вы сливаетесь съ нимъ въ одномъ чувствѣ; этотъ роскошный и великолѣпный занавѣсъ, это море огней намекаетъ вамъ о чудесахъ и дивахъ, разсѣянныхъ по прекрасному Божію творенію и сосредоточенныхъ на тѣсномъ пространствѣ сцены! И вотъ грянулъ оркестръ — и душа ваша предощущаетъ въ его звукахъ впечатлѣнія, которыя готовятся поразить ее; и вотъ поднялся занавѣсъ—и передъ взорами вашими разливается безконечный міръ страстей и судебъ человѣческихъ! Вотъ умоляющіе вопли кроткой и любящей Дездемоны мѣшаются съ бѣшеными воплями ревниваго Отелло; вотъ, среди глубокой полночи, появляется леди Макбетъ, съ обнаженною грудью, съ растрепанными волосами, и тщетно старается стереть съ своей руки кровавыя пятна, которыя мерещатся ей въ мукахъ мучительной совѣсти; вотъ выходитъ бѣдный Гамлетъ съ его завѣтнымъ вопросомъ: „быть или не быть“,—словомъ, весь роскошный и безграничный міръ, созданный плодотворною фантазіею Шекспировъ, Шиллеровъ, Гёте... Вы здѣсь живете не своею жизнію, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное *я* исчезаетъ въ пламенномъ эѳирѣ любви. Если васъ мучитъ тягостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее; если душа ваша алкала когда-нибудь любви и упоенія, если въ вашемъ воображеніи мелькалъ когда-нибудь, подобно легкому видѣнію ночи, какой-то плѣнительный образъ, давно вами забытый, какъ мечта несбыточная — здѣсь эта жажда вспыхнетъ въ васъ съ новою, неукротимою силою, здѣсь этотъ образъ снова явится вамъ; и вы увидите его очи, устремленныя на васъ съ тоскою и любовію, упьетесь его обаятельнымъ дыханіемъ, содрогнетесь отъ огненнаго прикосновенія его руки... Но возможно ли описать всѣ очарованія театра, всю его магическую силу надъ душою человѣческою?.. О, какъ было бы хорошо, если бы у насъ былъ свой народный, русскій театръ!.. Въ самомъ дѣлѣ,—видѣть на сценѣ всю Русь, съ ея добромъ и зломъ, съ

ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть біеніе пульса ея могучей жизни... О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!..

В. Г. Бѣлинскій.

---

13. „Мертвыя души“.

„Мертвыя души“—твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе, необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое... Въ „Мертвыхъ душахъ“ авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ душахъ“ вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичной душой и духовно-личной самостью, — ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собой всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная

дорога, и крѣпкой силой неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи"; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившей его блондинкой, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленіе, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, — и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ"... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много— всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ; онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ не любитъ умирать своею смертью!"...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ „Мертвыхъ душахъ" онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить:

„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!"

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паѳосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и „подлеца чубарова" включительно, — въ Петрушкѣ, носившемъ съ собой свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Какъ всякое глубокое созданіе, „Мертвыя души" не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. „Мертвыя души" требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубоко и сильно развитому духу.

Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на „Мертвыя души" и грубѣе понимать

ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

„...И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрителя, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи“; зеленыя, желтыя и свѣжо-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь набросанныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи? И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли, не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшной силой отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“...

.... „И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“—его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ настрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль — и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головой, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ—одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ

пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вотъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ...

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, — и мчится вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта... Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, посторанваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства"...

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны. Найдутся также и патріоты, которые, съ свойственной имъ проницательностью, увидятъ въ „Мертвыхъ душахъ" злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному. Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшей критической оцѣнкой поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ, — къ счастью немногихъ, хотя къ несчастью и рѣзкихъ, — мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ...

В. Г. Бѣлинскій.

---

14. С. М. Соловьевъ.

Сегодня гробъ уноситъ съ собою славу и гордость Россіи. Сегодня могила сокрываетъ отъ насъ славнаго и доблестнаго подвижника исторической науки. Сегодня Москва погребаетъ Сергѣя Михайловича Соловьева... Великое свѣтило закатывается: носитель самосознанія націи и историческихъ судебъ ея отъ насъ удаляется. Университетъ потерялъ въ немъ своего авторитетнаго представителя. Наука лишилась въ немъ силы творящей, движущей, могучей и неустанной. Общество потеряло въ немъ гражданина честности неподкупной, энергіи необъятной, стремленій высокихъ и идеальныхъ.

Вся Россія лишилась въ немъ дѣятеля, къ благу народному, во дни злобы нашей, безпримѣрнаго и незамѣнимаго. Самъ русскій Царь довѣрялъ ему историческое образованіе своихъ Августѣйшихъ дѣтей, и простому народу, въ живомъ, доступномъ для него, разсказѣ, повѣдалъ онъ труды, подвиги и страды исторической жизни. Вся жизнь его была полнымъ выраженіемъ той идеи, которой онъ посвятилъ себя; вся душа его всегда, всюду и всецѣло жила историческою жизнію народа.

Онъ удалился отъ свѣта и суеты; ученый кабинетъ предпочиталъ онъ всякимъ общественнымъ собраніямъ; архивы и библіотеки были мѣстами его ученыхъ развлеченій; каждый часъ былъ разсчитанъ и опредѣленъ на свое дѣло. И 30 лѣтъ прошло такой аскетической жизни; 30 лѣтъ подвизался онъ такимъ подвигомъ — ради русской науки! Не былъ онъ,—да и не могъ при этомъ быть,—холоднымъ и безстрастнымъ изслѣдователемъ судьбы русскаго народа: онъ радовался его радостями и страдалъ его страданіями; особенно каждое явленіе въ современной жизни глубоко сказывалось въ его сердцѣ и отражалось на его здоровьѣ. И 30 лѣтъ такихъ біеній сердца—за народъ, за Россію!..

И вотъ мы имѣемъ 28 томовъ „Исторіи Россіи“, но 29-го уже не увидимъ конченнымъ. Нравственной могучей силы, широкихъ, творящихъ думъ и глубокихъ движеній сердца не выдержала его физическая природа.

Его не стало, когда онъ не достигъ еще 60 лѣтъ: это не старость еще для человѣка, который такъ трезво и правильно проводилъ свою жизнь...

Послѣдніе дни его, какъ и вся жизнь, исполнены также разума и поученія. Желая окончить 29-ый томъ „Исторіи Россіи“, онъ диктовалъ начатую главу по часу въ день, почти лежа на смертномъ одрѣ своемъ. Предчувствуя свою кончину, онъ принялъ благоговѣйно полное напутствіе Церкви и въ послѣдній день точно предсказалъ самый часъ своей смерти... Такъ умираютъ великіе подвижники и праведные люди.

Уныло стоятъ и смотрятъ университетскія зданія, мрачно и скучно кругомъ... Не живется у насъ людямъ труда и таланта.

Москва, первопрестольная столица! Слезы да будутъ тебѣ хлѣбъ на сей день!

Русь святая, Русь православная! Перекрестись истовымъ знаменіемъ, помяни раба Божія Сергія!

Татищевъ, Щербатовъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ—спѣшите съ любовію встрѣтить и въ свои объятія принять доблестнаго и славнаго сподвижника и продолжателя!

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

15. Чацкій.

Главная роль въ комедіи „Горе отъ ума“, конечно—роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ (см. ниже, статью Пушкина: „Горе отъ ума“). Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

Но Чацкій не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ, это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ „чувствителенъ и веселъ, и остеръ“. Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь „умъ“.

И Онѣгинъ, и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже „озлоблены“, носили въ себѣ и „недовольство“ и бродили, какъ тѣни, съ „тоскующею лѣнью“. Но, презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, „блестѣть“ и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимовичемъ: это равнодушіе считалось квинтъ-эссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ — и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука „страсти нѣжной“, а прочему всему они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь“,—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ—готовился серьезно къ дѣятельности.—„Онъ славно пишетъ, переводитъ“, говоритъ о немъ Фамусовъ,—и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся, — не трудно догадаться, почему: „Служить бы радъ—прислуживаться тошно“, намекаетъ онъ самъ.

Мать-мачеха для настойки и питья от одышки — 45.

О „тоскующей лѣни“, о „праздной скукѣ“ и помину нѣтъ, а еще менѣе— о „страсти нѣжной“, какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену.

Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу, не найдя ни въ комъ „сочувствія живого“,—и уѣхать, увозя съ собой только „милліонъ терзаній“.

Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ неумно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но зато они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменныя статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою „глупость“...

Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, „жизнь свободную“. Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ, и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣритъ въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и въ кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, — словомъ, не очеловѣчился. Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты, онъ трезво становится, какъ остановился передъ безсмысленнымъ отрицаніемъ „законовъ, совѣсти и вѣры“ въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое: „Послушай: ври, да знай же мѣру!“

Онъ очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: проситъ дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ „службы дѣлу, а не лицамъ“, не смѣшивать „веселья или дурачества съ дѣломъ“, какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы „мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ“, отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы „разливанья въ пирахъ и мотовствѣ“ — явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеалъ „свободной жизни“ опредѣлителенъ: это свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ — свобода „вперить въ науку умъ, алчущій познаній“ или безпрепятственно предаваться „искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“,—свобода „служить или не служить“, „жить въ деревнѣ или путешествовать“, не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ, — и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ—отъ несвободы.

И Фамусовъ, и другіе знаютъ это и, конечно, про себя всѣ согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить. Отъ страха за себя, за свое безмятежное праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещетъ на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу „свободной жизни“. Между прочимъ—„кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ“, говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ выражаетъ: „Да онъ властей не признаетъ!“... Итакъ, лжетъ и онъ, потому, что ему нечего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится предъ новой: она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное—боится ступить очередной шагъ впередъ...

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей, въ свою очередь, смертный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: „Одинъ въ полѣ—не воинъ“.

Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу. Всѣми ими управляетъ одно — раздраженіе, при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ—самолюбіе или славолюбіе; но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой „милліонъ терзаній“, и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень немногимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились — хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго и за всѣхъ,—и успѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой—Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ, подъ кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного со здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Горація и Куріаціи,—миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго,—и, кто бы ни были дѣятелями, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ,—ни группировались люди,—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться, на старшихъ глядя“ — съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни“ впередъ и впередъ—съ другой...

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ—и вся комедія. И ли-

тература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ,—какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили немало въ жизни и искусствѣ,—или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Сервантесовскаго „Донъ-Кихота“ и Шекспировскаго „Гамлета“ являлись и являются безконечныя ихъ подобія... Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова,—и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ—безсмертіе стиховъ Грибоѣдова. Много можно бы привести Чацкихъ, являвшихся на очередной смѣнѣ эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда—громкихъ, великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы видѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ. Вспомнимъ не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, а возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, напр., Бѣлинскаго. Многіе изъ насъ знали его лично, а теперь знаютъ его всѣ. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ: и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго. И такъ же онъ умеръ, уничтоженный „мильономъ терзаній“, убитый лихорадкой ожиданія и не дождавшійся исполненія своихъ грезъ, которыя теперь—уже не грезы больше...

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій не облеченъ такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ, идея, ходячая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напр., фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ; тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона,—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ, — если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ,—то едва ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горя-

чія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ навстрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, часто неравную,—всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба,—за правду, за честное убѣжденіе?

Нѣтъ, Чацкій, по нашему мнѣнію, изъ всѣхъ наиболѣе живая личность — и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но, повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ—и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

И. А. Гончаровъ.

---

16. Облагораживающее вліяніе исторіи.

Исторія болѣе, чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрить дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто-бъ онъ ни былъ—цѣлый народъ или отдѣльное лицо... Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не сумѣлъ прочесть въ изученныхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самого грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство... Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справеливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ.

Т. Н. Грановскій.

---

17. Великіе люди.

Какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ? Вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей

въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ не нуженъ. Такое воззрѣніе на исторію возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное: его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ и современниковъ.

Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственнаго и нравственнаго ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества. Конечно, не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, а онъ остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмутилъ народы. Толки, имъ вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностью опредѣлить вліянія, имъ обнаруженнаго. Но развѣ то, что намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидимому, давно уже совершившіяся и замкнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы неполонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ аѳинскимъ народомъ.

При изученіи каждаго великаго человѣка, мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ которое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройного элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой предо-

ставлено, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологіи, имѣющей цѣлію устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица. При внимательномъ созерцаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы онѣ ни были призваны на землю— для блага-ли, для зла-ли, во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ.

Т. Грановскій.

18. Взглядъ грековъ и римлянъ на исторію.

Вопросы о теоретическомъ значеніи исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія,—слѣдовательно, съ цѣлою участію будущихъ поколѣній.

Греки и римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ: „Я буду удовлетворенъ“, говоритъ Ѳукидидъ [1]), „если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова“. Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнью, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни, Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не

[1]) Греческій историкъ, жившій въ 471—400 гг. до Р. Х.

такъ сложная, какъ жизнь новыхъ народовъ, нерѣдко повторяла одни и тѣ же явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности; безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера: „Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ“.

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ сословіямъ общества и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно большую красоту, сдѣлать ихъ доступными для сколь возможно большаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана [1]), родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ. Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще—высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности: греки требовали преимущественно поэтической, римляне—реторической стихіи; послѣдняя, впрочемъ, была неизбѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ—почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же, лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяю-

[1]) Греческій философъ и писатель, жившій во II вѣкѣ по Р. Х.

щей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства. Замѣчательная мысль Полибія [1]) о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ, говоритъ онъ, такъ же мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма, не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ,— равно какъ осталось безъ исполненія и обѣщаніе Діодора Сицилійскаго [2]) разсказать судьбы всего міра, какъ исторію одного государства. Зато простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся явленія. Ѳукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопонесской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка, подобное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой прагматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Т. Н. Грановскій.

---

[1]) Греческій историкъ, жившій въ 204—121 гг. до Р. Х. и написавшій «Исторію Рима, Греціи и Востока» въ 40 книгахъ.

[2]) Греческій историкъ, жившій въ IV в. до Р. Х. и написавшій «Историческую библіотеку» въ 40 книгахъ.

19. Творчество и трудъ писателя.

Какъ объяснить таинственный процессъ, внезапно охватывающій писателя во время его работы? Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что опытный писатель часто бьется, какъ рыба объ ледъ, въ безсиліи собрать мысли, въ безполезномъ стараніи набросать ихъ на бумагу, сочинить складно иногда самое незатѣйливое, простое письмо,—и вдругъ, безъ всякаго повода, безъ всякой видимой, внѣшней причины, къ тому же лицу возвращается вся бодрость духа, мысли проясняются, впечатлѣнія складываются въ живые образы, слова, которыя надо было высказать, напрашиваются какъ бы сами собою?

Поэма, романъ, повѣсть рѣдко выходятъ въ свѣтъ такими, какъ ихъ придумалъ авторъ въ первоначальномъ видѣ. Писателю съ призваніемъ какъ бы заранѣе дана программа того, что онъ *долженъ* исполнить,—и, рядомъ съ этимъ, какъ бы тайно вложена въ него сила, заставляющая исполнять то, что ему предназначено. Если произведеніе пишется въ періоды нервнаго возбужденія, эта внутренняя сила немедленно вступаетъ въ права свои; она часто отбрасываетъ то, что задумано было прежде, и въ результатѣ является неожиданно нѣчто новое, о чемъ не было помысла: пробужденная творческая способность настолько могущественнѣе воли писателя, что во время ея прилива пишется точно подъ чью-то настоятельную диктовку, и все, что выходитъ тогда изъ-подъ пера, отмѣчается чѣмъ-то живымъ, образнымъ, наблюдательнымъ; тактъ писателя въ томъ, чтобы при исправленіи рукописи умѣть сохранить въ ней эту свѣжесть и живость, выраженныя какъ бы помимо его воли...

Тѣ только произведенія изящной словесности цѣнятся высоко и долго переживаютъ вѣкъ, авторы которыхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старались „возвести ихъ въ перлъ созданія“, какъ выразился Гоголь. А литературные перлы достигаются не только силой избраннаго таланта, но также трудомъ неимовѣрнымъ,—такимъ трудомъ, передъ которымъ намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, остается только благоговѣйно склонить голову. Между рукописями Гоголя находятся три громадныя кипы бумаги большого формата: это—„Мертвыя души“, три раза переработанныя и переписанныя его рукою. А сколько еще исписано было другихъ листовъ и клочковъ бумаги!.. Возьмите повѣсть Лермонтова „Тамань“: въ ней не найдешь слова, которое можно было бы выбросить или вставить; вся она отъ начала до конца звучитъ однимъ гармоническимъ аккордомъ; какой чудный языкъ, какъ легко, кажется, написано! Но загляните въ первую рукопись: она вся перемарана, полна вставокъ, отмѣтокъ на отдѣльныхъ бумажкахъ, наклеенныхъ облатками въ разныхъ мѣстахъ. Рукописи Пушкина обличаютъ такой же трудъ; Тургеневу и Толстому не легко также доставалась работа. Гёте не довѣрялъ первымъ порывамъ вдохновенія, не удовлетворялся въ своихъ про-

изведеніяхъ первою редакціей и по нѣскольку разъ принимался за передѣлку, въ видахъ постепеннаго усовершенствованія написаннаго; въ пьесѣ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ онъ выбрасываетъ нѣсколько превосходныхъ сценъ потому только, что онѣ кажутся ему не соотвѣтствующими всему цѣлому; не разъ высказываетъ онъ мысль, что художникъ обнаруживаетъ себя въ „ограниченіи“, т. е. отбросѣ лишняго и возможномъ сокращеніи въ пользу силы какъ выраженій, такъ и самаго произведенія.

Д. В. Григоровичъ.

---

20. Общій ходъ творчества Гоголя.

Когда Гоголь впервые вступилъ въ литературное поприще съ своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ и поэтиченъ; еще не слыхать того грустнаго смѣха, который послѣ является „единственнымъ честнымъ лицомъ“ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, „свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка“, выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, — и легко и свѣтло оттого на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самого поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется въ особенности необычайная тонкость его поэтическаго чувства. Можетъ быть, ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, красоты полной, „существующей для всѣхъ и каждаго“; никто, наконецъ, такъ не полонъ былъ сознанія о „прекрасномъ“ физически и нравственно человѣкѣ,— какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдаетъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разнимаетъ человѣка... Въ „Вечерахъ на хуторѣ“ еще не видать этого безпощаднаго анализа: юморъ еще только причудливо-граціозенъ, — въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже, однако, зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытѣ, простомъ и вмѣстѣ поэтическомъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю—чудное существо, которое спитъ въ „божественную ночь, очаровательную ночь“, спитъ, распустивъ черныя косы, подъ украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ „серпомъ стоитъ мѣсяцъ“; тутъ все еще полно

таинственнаго обаянія—и прозрачность озера, и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы-панночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью... А Сорочинская ярмарка, съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ,—эти дантовскіе образы народныхъ преданій!... Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепетъ ребенка, какъ сказки народа.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостью художника, возсоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотеозу эпопеею о „Тарасѣ Бульбѣ“ и „легендой о Віѣ“, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ, между тѣмъ, въ тоскѣ безысходной, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомы Брута,—слышится тоска самого поэта и невольно переходитъ на самого читателя... Уже и здѣсь Гоголь взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно-человѣческія фигуры Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны—и остановился въ тяжеломъ раздумьи надъ страшнымъ, трагическимъ fatum, лежащимъ въ самой непосредственности ихъ отношенія,—съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ безплодныя существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — и, кончая свою картину, вынужденъ былъ, однако, воскликнуть: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“... Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическій ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже „сквозь зримый міру смѣхъ“ — „незримыя слезы“. Гиперболическій юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ „Носѣ“, оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію...

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и, наконецъ, въ „Ревизорѣ“ — одинъ уже смѣхъ только выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ; а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе этой комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?)—очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ, но въ массѣ тяжелыхъ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и словно развороченная однимъ прикосновеніемъ пустого проѣзжаго чиновника изъ Петербурга, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую бренную удочку, — все это ясно и понятно уже каждому въ наше время...

А. А. Григорьевъ.

21. Народность Пушкина.

Величіе Пушкина, какъ руководящаго генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро и окруженный почти совсѣмъ не понимавшими его людьми, нашелъ твердую дорогу, *нашелъ великій и вожделѣнный исходъ для насъ, русскихъ, и указалъ на него.*
Этотъ исходъ былъ — народность, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго.* „Пушкинъ былъ явленіе великое, чрезвычайное". Пушкинъ былъ „не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ". Не понимать русскому Пушкина значитъ не имѣть права называться русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ, всечеловѣчностью генія своего и способностью откликаться на всѣ многоразличныя духовныя стороны европейскаго человѣчества и почти перевоплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей, засвидѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости русскаго духа и тѣмъ какъ бы провозвѣстилъ и о будущемъ предназначеніи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединяющаго, всепримиряющаго и всевозрождающаго въ немъ начала. Не скажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ тоскѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

„Увижу ли народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію Царя?"

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какой еще никто не выказывалъ до него. „Не люби ты меня, а полюби ты *мое*",—вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если захочетъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить, т.-е. пожалѣть народъ за его нужды, бѣдность, страданія—можетъ и всякій баринъ, особенно изъ гуманныхъ и европейски просвѣщенныхъ. Но народу *надо*, чтобы его не за одни страданія его любили, а чтобы полюбили и *его самого.* Что же значитъ *полюбить его самого*?—„А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту"—вотъ это что значитъ, и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы вы тамъ объ немъ ни печалились; фальшь тоже всегда разглядитъ, какими бы жалкими словами вы ни соблазняли его.

Пушкинъ именно такъ полюбилъ народъ, какъ народъ того требуетъ, и онъ не угадывалъ, какъ надо любить народъ, не приготовлялся, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ. Онъ преклонился передъ правдой народной, онъ призналъ народную правду, какъ свою правду. Несмотря на всѣ пороки народа и многія смердящія привычки его, онъ сумѣлъ различить великую суть его духа тогда, когда

никто почти такъ не смотрѣлъ на народъ, и принялъ эту суть народную въ свою душу, какъ свой идеалъ. И это тогда, когда самые наиболѣе гуманные и европейски развитые любители народа русскаго сожалѣли откровенно, что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подняться до парижской уличной толпы. Въ сущности, эти любители всегда презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ. Рабствомъ же извиняли паденіе его, но раба не могли вѣдь любить, рабъ все-таки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ, что русскій человѣкъ *не рабъ* и никогда не былъ имъ, несмотря на многовѣковое рабство. Было рабство, но не было рабовъ (въ цѣломъ, конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ) — вотъ тезисъ Пушкина. Онъ даже по виду, по походкѣ русскаго мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть рабомъ (хотя и состоитъ въ рабствѣ)—черта, свидѣтельствующая въ Пушкинѣ о глубокой непосредственной любви къ народу. Онъ призналъ и высокое чувство собственнаго достоинства въ народѣ нашемъ (опять-таки въ цѣломъ, мимо всегдашнихъ и неотразимыхъ исключеній), онъ предвидѣлъ то спокойное достоинство, съ которымъ народъ нашъ приметъ и освобожденіе свое отъ крѣпостного состоянія.

Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, чтилъ все, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не баринъ, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, это былъ человѣкъ, самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его. Умаленіе Пушкина, какъ поэта, болѣе исторически, болѣе архаически преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ — ошибочно и не имѣетъ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ мотивахъ звучитъ такая любовь и такая *оцѣнка народа*, которая принадлежитъ народу *вѣковѣчно*, всегда — и теперь и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ-нибудь давно прошедшемъ историческомъ народѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію главное за то, что въ ней встрѣчаетъ незыблемою ту же самую святыню, въ которую сохранилъ онъ свою вѣру и теперь, несмотря на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ величавой, огромной фигуры лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ“ до изображенія спутниковъ Пугачева, все это у Пушкина — народъ въ его глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, какъ собственная суть его. Да это ли одно? Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ великихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто бы западныхъ славянъ, но которыя суть явно порожденіе русскаго великаго духа, вылилось все воззрѣніе русскаго на братьевъ славянъ, вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняю-

щееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все, что любитъ и чтитъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, любви и жертвы. А такія прелестныя шутки Пушкина, какъ, напр., болтовня двухъ пьяныхъ мужиковъ или сказаніе о медвѣдѣ, у котораго убили медвѣдицу — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа.

Если бы Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ бы намъ такія художественныя сокровища для пониманія народнаго, которыя, вліяніемъ своимъ, навѣрно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ поръ надъ народомъ въ гордости своего европеизма, — къ народной правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго назначенія.

Ѳ. М. Достоевскій.

---

22. Татьяна.

Татьяна—типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, умнѣе его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть, Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ, если бы назвалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апоѳеоза русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣ встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти ужъ и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева.

Манера глядѣть свысока сдѣлала то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей передъ нимъ съ перваго разу. Онъ не сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства и дѣйствительно, можетъ быть, принялъ ее за „нравственный эмбріонъ“ (зародышъ). Это она-то эмбріонъ, это послѣ письма-то ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ это, конечно, онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ, въ Петербургѣ, въ образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ въ письмѣ къ Татьянѣ, „постигалъ душой всѣ ея совершенства“. Но это только слова: она прошла въ его жизни

мимо него—не узнанная и не оцѣненная имъ,—въ томъ и трагедія ихъ романа. О, если бы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, прибылъ туда же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже, какъ-нибудь, самъ лордъ Байронъ и, замѣтивъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ бы ему на нее,—о, Онѣгинъ тотчасъ же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ міровыхъ страдальцахъ такъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случилось, и искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все-таки очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитою въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея, и, кипя здоровьемъ и силою, восклицать съ проклятіями:

„Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..“

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадочнаго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ... Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку,—и „нравственный эмбріонъ“ останавливается, наконецъ, въ раздумьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

„Ужъ не пародія ли онъ?“

Да, она должна была прошептать это: она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Кстати: кто сказалъ, что свѣтская, придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиной отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это та же Таня, та же прежняя, деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

„Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Высказала она это именно какъ русская женщина—въ этомъ ея апоѳеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака,—нѣтъ, этого я не коснусь. Но что же? Потому ли она отказалась итти за нимъ, несмотря на то, что сама уже сказала ему: „я васъ люблю“, потому ли, что она, какъ русская женщина (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои путы, не въ силахъ пожертвовать обаяніемъ почестей, богатства, свѣт-

скаго своего значенія, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская женщина смѣла. Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ, во что повѣритъ, и она доказала это. Но „она другому отдана, и будетъ вѣкъ ему вѣрна“. Кому же, чему же вѣрна? Какимъ это обязанностямъ? Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ любить, потому что любитъ Онѣгина, и за котораго вышла потому только, что ее „съ слезами заклинаній молила мать“, а въ обиженной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее „молила мать“: но вѣдь она, а не кто другая дала согласіе; она вѣдь сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него съ отчаянія; но теперь онъ ея мужъ, и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ, и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи другого? Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что „туть мое счастье“?! Но какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастьи? Позвольте,—представьте, что вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже,—что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человѣческое существо,—мало того, пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честнаго старика, мужа молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ слѣпо, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится ею, счастливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика возвести ваше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которыхъ вы строили это зданіе, согласились бы сами принять отъ васъ такое счастье, если въ фундаментѣ его заложено страданіе,—положимъ, хотя и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго, и, принявъ это счастье,—остаться навѣки счастливыми? Скажите: могла ли рѣшить иначе Татьяна, съ ея высокою душой, съ ея сердцемъ, столько пострадавшимъ? Нѣтъ! Чистая русская душа рѣшаетъ вотъ какъ: „пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмѣрно сильнѣе, чѣмъ несчастье этого старика; пусть, наконецъ, никто и никогда, а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не оцѣнятъ ея, но не хочу быть счастливою, загубивъ другого!“ Тутъ трагедія; она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно—и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина.

Скажутъ: да вѣдь несчастенъ же и Онѣгинъ; одного спасла, а

другого погубила! Позвольте! Тутъ другой вопросъ, и даже, можетъ быть, самый важный, въ поэмѣ. Кстати, вопросъ, почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ,—по крайней мѣрѣ, въ литературѣ нашей, своего рода исторію весьма характерную, а потому я и позволилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространяться. И всего характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если бы умеръ ея старый мужъ, и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно же понимать всю суть этого характера. Вѣдь она же видитъ, кто онъ такой: вѣчный скиталецъ увидалъ вдругъ женщину, которою прежде пренебрегъ, въ новой, блестящей, недосягаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется свѣтъ,—свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стремленія: вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней ослѣпленный! Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а—„счастье было такъ возможно, такъ близко!“ И, какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную, какъ и прежде, Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что, можетъ быть, онъ и никого не любитъ, да и не способенъ даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію,—да вѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь, если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и незыблемое, на что опирается ея душа. Это ея воспоминанія дѣтства, воспоминанія родины, деревенской глуши, въ которой началась ея смиренная, чистая жизнь,—это „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни“. О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало: нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть, и кто онъ такой? Не итти же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо... Нѣтъ, есть глубокія

и твердыя души, которыя не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ,—хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ.

Ѳ. М. Достоевскій.

---

23. Знамя—символъ духовнаго единенія солдатъ.

Извѣстна та особенность человѣческой натуры, въ силу которой всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣка не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки самый ничтожный предметъ можетъ стать для человѣка святыней, сохраненіе которой для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и становится неизмѣримо выше сохраненія жизни. Мы идемъ дальше, спускаемся въ разрядъ тѣхъ вещей, съ которыми человѣкъ не соединяетъ собственно никакого особеннаго значенія и которыя бросаетъ, какъ только онѣ отслужили свой срокъ. Какое чувство возникаетъ въ васъ, если незнакомый человѣкъ, подойдя къ вамъ и схвативъ положенную вами подлѣ хоть папиросницу, броситъ ее на полъ? Этотъ человѣкъ оскорбляетъ этимъ *васъ*, между тѣмъ какъ въ сущности онъ сдѣлалъ самое невинное дѣло — бросилъ на полъ копѣечную вещь. Изъ этого слѣдуетъ, что *всякая самая ничтожная вещь, становясь принадлежностью человѣка, обращается какъ бы въ часть его самого*,— до такой степени, что грубый поступокъ относительно его вы считаете уже посягательствомъ на ваше личное достоинство [1].

Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще болѣе вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей — которыя называются баталіонами, полками. Не представляя по внѣшности одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ такихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя личности и не нуждаются: въ вещественныхъ знакахъ, служащихъ осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную часть. Знамя именно и есть этотъ символъ; въ порядочной части все можетъ умереть для войсковой жизни,—одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ, насколько вѣчны созданія человѣка: *духъ* и *знамя*—его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною, несмотря на самыя тяжелыя, иногда гибельныя положенія; часть, потерявшая знамя,—то же, что опозоренный и не отплатившій за свой позоръ человѣкъ. Взявъ это въ соображеніе, всякій согласится, что кусокъ матеріи, который соединяетъ

[1]) Ставя эти положенія, мы разумѣемъ, конечно, цѣльныхъ, непосредственныхъ людей, а не тѣхъ, въ которыхъ врожденные инстинкты и первичныя впечатлѣнія подчиняются постоянному анализу.

около себя тысячи человѣкъ, сохраненіе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ—и тысячамъ людей, входившихъ въ составъ полка въ продолженіе его вѣкового существованія, — что такой кусокъ матеріи есть *святыня*, — не условная военная святыня только, но святыня въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова, и *что изъ всѣхъ трофеевъ это именно тотъ, который болѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственной побѣдѣ надъ врагомъ*.

М. И. Драгомировъ.

---

24. Замѣтка о русскомъ солдатѣ.

Умѣть страдать, умѣть умирать — вотъ основаніе солдатской доблести, свойственное русскому солдату въ высокой степени; не даромъ про него сказано, что его „мало убить, а нужно еще повалить“,—сказано врагомъ, а не другомъ.

Откуда берется эта стойкость? Она есть результатъ расовыхъ особенностей русскаго простого человѣка и суровой обстановки, въ которую мать-природа его поставила. Помощникъ своего отца въ тяжелой крестьянской работѣ чуть не съ дѣтства, несущій ему скудный обѣдъ въ полѣ, иногда чуть не за десять верстъ; помощникъ въ слякоть, вѣтеръ, холодъ, доходящій до 30°, иногда больше,—русскій парень исподволь закаливается въ самоотверженіи, терпѣніи, выносливости; съ малолѣтства уже онъ привыкаетъ страдать, привыкаетъ спокойно смотрѣть въ глаза смерти; съ малолѣтства и словомъ, и дѣломъ осваивается съ истиной народной поговорки: „Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“.

Что же новаго можетъ показать война человѣку, получившему эту естественную выдержку? Къ лишеніямъ и продолжительнымъ движеніямъ ему не привыкать стать; голодъ онъ зналъ и дома; за рѣдкими исключеніями, онъ въ солдатствѣ ѣстъ даже лучше, нежели ѣлъ въ семьѣ; разстается онъ, правда, съ любезнымъ тулупомъ, но теперь въ зимнія кампаніи ему и на службѣ даютъ полушубки. Правда, на войнѣ стрѣляютъ и колютъ; но вѣдь это только въ бою: а кому же не извѣстно, что военный ждетъ иногда боя, какъ праздника, какъ развлеченія отъ удручающей монотоніи невыносимыхъ лишеній, безконечный маршей, ночевокъ à la belle étoile? Да опять же и то нужно помнить, что „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“.

Способный вынести многое, русскій крестьянинъ, какъ членъ патріархальной, первобытной семьи, воспитывается въ дисциплинѣ самой прочной, именно потому, что она непосредственна, т.-е. возникаетъ сама собою, органически, изъ строя семьи: начинаясь съ колыбели, она растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ сравненіи съ такой дисциплиной, что же можетъ значить искусственная система ея, хотя бы даже и наилучше соображенная?

Можно подумать, что при подобныхъ задаткахъ на боевую годность русскій солдатъ долженъ быть жестокъ, грубъ: ничего подобнаго! Добродушіе, съ примѣсью своеобразнаго юмора [1]), составляетъ отличительную черту его. Много нищихъ кормится отъ скудной его трапезы, не одинъ ребенокъ, брошенный случайностями войны на произволъ судьбы, былъ отогрѣтъ на солдатской груди, спасенъ отъ голодной смерти крохами солдатскаго пайка [2]), и не съ однимъ плѣннымъ онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба, вслѣдъ за ожесточеннымъ, остервенѣлымъ боемъ [3]). Логика русскаго солдата въ этомъ случаѣ очень проста: „Тоже вѣдь человѣкъ; не сдыхать же ему, какъ собакѣ; не по своей волѣ воюетъ—тоже погнали“. Не нужно думать, что въ этомъ „тоже погнали“ слышитея затаенный протестъ; ничего подобнаго русскому солдату и въ голову не приходитъ. Онъ одинаково хорошо понимаетъ какъ то, что нельзя не воевать, такъ и то, что никто доброй волею на войну не идетъ,—и не скрываетъ этого.

И въ этомъ открывается новая великая черта русскаго солдата: полное отсутствіе какой-либо позы, рисовки. Онъ и въ мысли не имѣетъ, что приноситъ великую жертву; ему и въ голову не придетъ вмѣнять это себѣ въ заслугу; равно какъ не придетъ въ голову себя подбадривать похвальбами, славой и т. п. Однимъ словомъ—*между русскими*

---

[1]) Два образчика солдатскаго юмора лучше всего покажутъ его характеръ. Блокада Плевны: солдаты сидятъ въ траншеяхъ, дно которыхъ обратилось въ топкую грязь отъ растаявшаго снѣга; холодно, сыро и голодно: уже три дня обходятся безъ сухарей. Вдругъ хохотъ; офицеръ спрашиваетъ, что такое? Виновникъ хохота, потупившись, отвѣчаетъ: „Такъ, ваше благородіе, мы промежъ себя; товарищъ жалится, что сухарей не везутъ, думаетъ, что начальство не распорядилось. Я ему и говорю: коли не везутъ, такъ и нужно. Это султанъ заспорилъ съ нашимъ царемъ. Султанъ сказалъ: „Погоди, напою своихъ солдатъ пьяными, они все твое войско и перебьютъ!“ —„Ну, нѣтъ, врешь: я своимъ три дня ѣсть не дамъ, они всѣхъ твоихъ пьяныхъ и поѣдятъ“...

На Шипкѣ: холодъ такой, что часовые начинаютъ замерзать; солдаты, чтобы согрѣться, прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.

— „А *ему* (русскій солдатъ никогда не говоритъ „непріятель“, „турка“, а „онъ“) должно быть холодно, собакѣ!“

— „Да, намъ не медъ, да и „ему“ не сахаръ“, возражаетъ другой.

[2]) Изъ послѣдней турецкой войны армія много привезла съ собою такихъ импровизированныхъ „дѣтей полка“.

[3]) Въ мирное, да и въ военное время, почти во всякой мелкой части есть, кромѣ того, совершенно особые застольники у солдата: это козлы, собаки, бараны, медвѣжата. Они такъ привыкаютъ къ людямъ, что всегда слѣдуютъ за частью. Въ числѣ этихъ застольниковъ особенной симпатіей солдата пользуются калѣки: чѣмъ собачонка хуже, чѣмъ она несчастнѣе, тѣмъ солдату дороже.

Въ Турціи, когда, по окончаніи кампаніи, началась посадка войскъ на суда для отправленія въ Россію, солдаты со слезами разставались съ небольшими осликами, называемыми „могарами“ и обратившимися у солдатъ въ „макаровъ“.—„Помилуйте, ваше высокоблагородіе: онъ намъ былъ первый помощникъ въ походѣ, а капитанъ не хочетъ брать его на пароходъ; неужто же его такъ и бросить?“

солдатами нѣтъ героевъ, а есть только люди, исполняющіе свой долгъ даже до смерти, но исполняющіе его просто, отъ сердца, потому что какъ же можетъ быть иначе? Коли приказано, такъ нужно сдѣлать: вотъ и все. Та сила и велика, которая не сознаетъ своего величія...

Достойно замѣчанія, что великій знатокъ русскаго человѣка, Суворовъ, ни въ одномъ мѣстѣ своей безсмертной „науки побѣждать“ не указываетъ земныхъ наградъ за доблесть, а прямо мотивируетъ солдатскія обязанности въ бою такъ: „Умирай за Богородицу, за Пресвѣтлѣйшій Домъ — церковь Бога молитъ“—и все. Въ этомъ глубокое пониманіе духа русскаго солдата. Онъ зналъ, что ему не нужны приманки славы, величія подвига и т. п., онъ зналъ, что отъ него нужно требовать только готовности умереть, а великіе подвиги придутъ сами собою.

При стойкости, выносливости, высокомъ предрасположеніи къ повиновенію, русскій солдатъ живъ, мягокъ, воспріимчивъ, преданъ безгранично начальнику, и потому обученіе его военному ремеслу чрезвычайно легко, если только оно ведется спокойно, терпѣливо, безъ запугиванія, безъ обремененія не идущими къ дѣлу мелочами, и въ особенности, безъ пиленья. Послѣдняго онъ не выноситъ: онъ легче примирится даже съ жестокой, лишь бы быстрой, расправой, нежели съ педантическимъ приставаніемъ черезъ часъ по ложкѣ. „Накажи и забудь“—вотъ идеалъ русскаго солдата, ибо: „быль молодцу не укоръ“, говоритъ отраженіе русскаго народнаго духа—народная поговорка.

Русскій солдатъ отличается глубокою религіозностью. Кромѣ того, онъ любознателенъ, особенно любитъ читать „про божественное“, и притомъ книги, напечатанныя послявянски, предпочитаетъ русскимъ: послѣднія ему не совсѣмъ по душѣ, ибо обыденная рѣчь и гражданскій шрифтъ кажутся ему какъ бы профанаціей святыни. Мало ли что пишется и говорится на обыкновенномъ языкѣ; а по-славянски пишется и говорится только про божественное. Любитъ онъ читать и историческія повѣствованія; но повѣстей и разсказовъ не любитъ, ибо тамъ все „выдумано“. Рядомъ съ этимъ, сказки любитъ: можетъ быть, потому, что онѣ не претендуютъ поддѣлываться подъ дѣйствительность и отвѣчаютъ потребностямъ необузданной фантазіи, свойственной людямъ первобытнаго духовнаго склада. Но въ особенности не симпатизируетъ онъ поддѣлываніямъ въ печати подъ его собственную рѣчь; ему это кажется какъ бы издѣвкою надъ нимъ.

Русскому солдату далеко не чуждо эстетическое чувство; посѣтителямъ русскихъ казармъ извѣстно, что рѣдкій солдатъ не старается украсить своего „дома“, т.-е. кровати, наклеивая на перегородкахъ лубочную, модную картинку, ярлыкъ отъ помадной банки,—однимъ словомъ, все, что ему попадется красиваго подъ руку по случаю или пріобрѣтено на убогіе солдатскіе гроши. Музыкаленъ онъ также въ весьма значительной степени: почти нѣтъ части, въ которой бы не было

хора пѣсенниковъ. Во многихъ частяхъ, особенно на югѣ, молитвы: вечерняя, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, поются всей ротой. Этому нельзя не сочувствовать: единство части настолько важное условіе, что никакое средство къ утвержденію его не должно быть пренебрегаемо.

Пѣсни собственно весьма разнообразны по содержанію и характеру: есть народныя, есть и чисто солдатскія. По мотивамъ, пѣсни представляютъ, такъ сказать, всю гамму, начиная отъ самыхъ заунывныхъ и кончая самыми разудалыми, залихватскими, съ бѣшено быстрымъ темпомъ; по содержанію—касаются крестьянскаго и солдатскаго быта, боевыхъ воспоминаній. Есть плясовыя пѣсни: хоръ поетъ съ присвистомъ, подъ аккомпаниментъ преимущественно бубна, барабана (иногда скрипки, флейты, такъ называемыхъ „ложекъ"), а желающіе и умѣющіе пляшутъ. Бываетъ это обыкновенно подъ вечеръ, по окончаніи всѣхъ занятій, между ужиномъ и вечерней зарей, особенно въ праздничные дни. Весьма цѣнятъ, если и офицеръ подойдетъ послушать.

Но особенно важную роль играетъ пѣсня на походѣ: подъ пѣсню идется веселѣе... Весною, по русской равнинѣ, безбрежной, какъ море, тянется пыльная дорога, насколько глазъ хватитъ. Вотъ вдали показался столбъ пыли; близится онъ все больше и больше, вы начинаете сквозь пыль различать силуэты людей, тянущихся медленнымъ шагомъ другъ за дружкой: то рота идетъ походомъ. Вотъ до васъ доносятся все яснѣе и яснѣе звуки переливчатаго, безбрежнаго, какъ сама равнина, мотива; вотъ вы начинаете различать и слова запѣвалы, разливающагося высокимъ теноромъ:

„Ой да во далекой во землѣ,
Ой да не во здѣшней сторонѣ"...

Хоръ подхватываетъ, — и такъ далѣе, въ перемежку. Вдругъ заунывный, почти торжественный мотивъ смѣняется бѣшено быстрымъ...

Откуда взялся плясунъ — и, въ ранцѣ, съ ружьемъ, подъ присвистъ, гудѣнье бубна и подбиванье барабана, пускается впереди роты въ присядку; хорошо!..

Отношенія начальника къ солдату совершенно своеобразны въ русской арміи; въ основу ихъ положено великимъ преобразователемъ Россіи, Петромъ, трогательное въ своей сердечности начало: *начальники солдатамъ должны быть, какъ отцы дѣтямъ*. Этотъ завѣтъ свято хранится въ русской арміи до сихъ поръ, и дай Богъ, чтобы навсегда сохранился. Отсюда проистекаетъ все то, что иностранцамъ кажется иногда странною, неумѣстною въ служебныхъ отношеніяхъ, фамильярностью. Начальникъ всегда привѣтствуетъ часть, подъѣзжая или подходя къ ней, и часть отвѣчаетъ на привѣтствіе; если начальникъ не поздоровался, вся часть убита, ибо это показываетъ большую степень неудовольствія. Ни одинъ начальникъ не позволитъ себѣ поздороваться съ частью, ему не подчиненною, иначе, какъ получивъ на это приглa-

шеніе прямого ея начальника. Самая форма привѣтствія сохранила до сихъ поръ духъ петровскаго завѣта: „Здорово, ребята!“ или: „здорово, молодцы!“ иногда: „Здорово, Семеновскіе“, „здорово, егеря“ и т. п.

Въ силу того же завѣта, начальникъ иногда вступаетъ въ разговоръ съ солдатами въ строю; даже самъ Императоръ снисходитъ до этого, — и такое обращеніе считается знакомъ высшаго вниманія къ части.

Русскій солдатъ любитъ, чтобы съ нимъ говорили, и высоко цѣнитъ тѣхъ начальниковъ, которые умѣютъ съ нимъ говорить. Русскіе не понимаютъ, чтобы могло быть иначе. Тѣмъ, которые удивляются этому обычаю, они простодушно отвѣчаютъ, что даже лошадь любитъ, когда ей говорятъ; какъ же не говорить съ человѣкомъ, который обладаетъ даромъ слова? Вѣдь въ военное время безъ слова обойтись невозможно; какъ же обходиться безъ него въ мирное время? Нужно пріучить солдата смотрѣть на обращеніе къ нему начальника, какъ на дѣло естественное; нужно и начальнику привыкнуть обращаться съ рѣчью къ массѣ, ибо это совсѣмъ не то, что говорить одинъ на одинъ: не та интонація голоса, даже не тотъ складъ рѣчи; нужно говорить громко, отрывисто, лаконически; безъ привычки это не дается...

Не менѣе оригинальную особенность русской арміи представляютъ *полковые праздники*. Полковой праздникъ—это именины части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это храмовой праздникъ полковой церкви, въ большей части случаевъ — день основанія полка. Праздникъ, какъ и слѣдуетъ, начинается божественной службой, на которой присутствуютъ и старшіе начальники. Послѣ церковной службы парадъ, за которымъ расходятся въ помѣщенія, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Въ старшую роту (эскадронъ, баттарею) отправляются начальники, гдѣ старшій изъ нихъ, съ рюмкою русскаго пѣнника, провозглашаетъ тосты: 1) за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; 2) за славу, благоденствіе и процвѣтаніе части; 3) за командира части. Этотъ послѣдній отвѣчаетъ тостами за здоровье старшаго и послѣдующихъ начальниковъ, по старшинству. Дѣйствіе переносится затѣмъ въ офицерскую столовую.

Празднуются не одни полковые, но и ротные, эскадронные, баттарейные праздники. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ своего святого и свой образъ, пріобрѣтенный и содержимый на пожертвованія чиновъ части. Эти послѣдніе праздники, конечно, отправляются гораздо проще, нежели полковые.

Искалѣченный на войнѣ, русскій солдатъ переноситъ страданія съ изумительнымъ терпѣніемъ и покорностью судьбѣ. Вѣрно замѣтили одной сестрѣ милосердія, горевавшей, что нѣтъ Евангелія для чтенія раненымъ,—что имъ не нужно читать Евангелія, а нужно учиться на нихъ чувствовать и понимать его. Человѣкъ массы, человѣкъ первобытнаго строя мысли,—онъ разумѣетъ себя не единицей, а частью великаго цѣлаго, почерпаетъ свою гордость и достоинство въ инстинк-

тивной вѣрѣ въ то, что его народъ выше всѣхъ прочихъ народовъ, и несетъ за него свою голову безропотно и не задумываясь.

Умираетъ русскій солдатъ „просто, точно обрядъ совершаетъ“, по мѣткому выраженію Тургенева: принеся родинѣ жертву высшей любви, онъ отправляется на Тотъ Берегъ съ спокойною совѣстью, ибо претерпѣлъ до конца; а „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“...

М. И. Драгомировъ.

---

25. Князь Андрей Болконскій.

Кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; несмотря на всю свою симпатію къ князю Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опрометчивымъ, рѣшающимъ вопросы, иногда очень сложные, съ плеча, способнымъ отъ природы, но пустымъ въ практическомъ смыслѣ—capable de tout et propre à rien, какъ говорятъ французы (ко всему *способнымъ*, ни на что *не годнымъ*). Не польстилъ авторъ своему герою, но распорядился, какъ истинный художникъ: взявъ извѣстныя данныя характера, онъ безпощадно, до конца, развилъ всѣ ихъ послѣдствія.

Просимъ припомнить появленіе кн. Андрея на сцену: въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; предъ вами человѣкъ, который изо всѣхъ силъ бьется, чтобы *не быть*, *а казаться*, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу. Замѣтивъ пустоту сферы, къ которой принадлежалъ, кн. Андрей ужъ и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу: иначе онъ не рисовался бы такъ своимъ презрѣніемъ, не старался бы съ такой аффектаціей его проявлять.

Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привиллегіями той среды, которую, повидимому, такъ презираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой „Тулонъ“, т.-е. попасть въ Наполеоны. А въ ожиданіи Тулона, кн. Андрей, сдѣлавшись адъютантомъ, весьма легко и скоро усвоиваетъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу „неписанную“ субординацію не хуже любого Жеркова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ личность, по своему собственному убѣжденію, высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ, не видавшій ни разу войны лицомъ къ лицу, является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами.

Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полъ-десятка военныхъ сочиненій подъ разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знаетъ до такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на практику, можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечему.

По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидное положеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ работу такихъ учениковъ Суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багратіонъ. Кажется, чего лучше? Присматривайся, размышляй и вводи въ свои теоретическіе взгляды тѣ поправки, которыя даетъ высшая изъ книгъ—книга жизни. Не тутъ-то было: какъ неисправимый доктринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что *онъ* ошибается; нѣтъ, скорѣе лжетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется *ничегонедѣланью* Багратіона, собирается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на военномъ совѣтѣ, въ который попалъ не по праву, а по личнымъ отношеніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ, развиваются своимъ чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взглядовъ, и претензій кн. Андрея.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что онъ, убѣдившись изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попасть въ Наполеоны, начинаетъ проповѣдывать, что и Наполеонъ—вздоръ, и дѣло, которымъ этотъ послѣдній такъ геніально орудовалъ, тоже вздоръ.

Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени вѣровалъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что, извѣдавъ несостоятельность *своей* теоріи, неминуемо долженъ былъ притти къ выводу, что и не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ дѣлѣ. Искать, двадцать разъ падать и двадцать разъ подниматься, проходя черезъ всю муку сомнѣній и разочарованія,—было не въ натурѣ кн. Андрея. Богъ знаетъ почему, онъ воображалъ, что ему все должно легко даваться. Самъ онъ говоритъ, хоть и по другому поводу, что онъ *прощать не способенъ*; какъ же ему было простить теоріи военнаго искусства? Вѣдь онъ такъ жестоко на ней осѣкся...

Жаль его: человѣкъ честный, до извѣстной степени; пожалуй, даже способный и съ характеромъ, но практически-пустой.

Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не находитъ, нигдѣ, такъ сказать, корней пустить не можетъ: однимъ словомъ—маленькій великій человѣкъ, ко всему способный, ни на что не годный.

Правда, онъ былъ живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности и сдѣлалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ *разсказываетъ это отъ себя*, не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ *ни одной сценой*. По нашему мнѣнію, это признакъ большого художественнаго такта со стороны автора: сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ въ общемъ обликѣ этого характера: авторъ отъ нихъ и воздержался.

Позволяемъ себѣ думать, что въ этой характеристикѣ кн. Андрея

мы ничего не навязали ему отъ себя; факты взяты изъ творенія гр. Толстого: намъ принадлежитъ только освѣщеніе тѣхъ сторонъ ихъ, которыя авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства симпатіи къ своему герою.

М. И. Драгомировъ.

---

26. Изъ статьи: „Война и миръ графа Толстого съ военной точки зрѣнія“.

Романъ гр. Толстого „Война и Миръ“ интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т.-е. сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, т.-е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай автору обнаружить и блистательныя стороны своего изобразительнаго таланта и односторонность теоретическихъ воззрѣній. Сцены у Бородина и на батареѣ Раевскаго переданы съ большимъ мастерствомъ. Но мы не остановимся на этихъ сценахъ и перейдемъ прямо къ теоретическимъ воззрѣніямъ, высказываемымъ по поводу этого сраженія.

Эти послѣднія до такой степени странны, что невольно поражаешься изумленіемъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ такъ превосходно рисовать боевыя сцены, и такъ плохо объяснять явленія войны и боя.

По его мнѣнію, Бородинское сраженіе не имѣло никакого смысла ни для русскихъ, ни для французовъ. По его мнѣнію, ближайшимъ результатомъ этого сраженія было для русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы, а для французовъ,—что они приблизились къ погибели арміи. Но вѣдь автору не безызвѣстна, конечно, та простая вещь, что исхода боя ни одинъ человѣкъ предвидѣть не можетъ; и что если одна армія рѣшается дать, а другая принять бой, то прежде и болѣе всего въ силу того, что главнокомандующіе ихъ имѣютъ основаніе разсчитывать скорѣе на вѣроятность побѣды, чѣмъ пораженія. Если подобнаго убѣжденія съ которой-либо стороны нѣтъ, тогда уклоняются отъ боя, а не даютъ его. Авторъ же относится къ этому дѣлу, какъ къ ариѳметической задачѣ, и начинаетъ мѣнять шашки на основаніи не тѣхъ данныхъ, которыя главнокомандующій можетъ имѣть передъ сраженіемъ, а напротивъ, на основаніи тѣхъ, которыя обнаруживаются послѣ сраженія. Наполеонъ, зайдя такъ далеко, разсчитывалъ, что, разбивъ нашу армію, онъ принудитъ насъ къ выгодному для

себя миру; мы же, не покрывъ себя позоромъ передъ всею Россіею, не могли пустить Наполеона въ Москву, ни разу не попытавъ счастія въ серьезномъ бою. Кажется, побужденія рискнуть на бой были основательны и съ той, и съ другой стороны; но авторъ этого не видитъ, и не видитъ потому, что ему, во что бы то ни стало, нужно прійти къ той фразѣ, что, „давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно". Вслѣдъ за этимъ, совершенно непостижимо, по какой связи, – авторъ говоритъ: „Древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла".

Въ наше время никто и не думалъ считать героями, въ древнемъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова. Но вѣдь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей, дѣйствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться доказать въ ихъ рѣшеніяхъ непроизвольность и безсмысленность, еще очень далеко. Исторія, достойная нашего человѣческаго времени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто Наполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого-нибудь рядового или фурштадта, но въ томъ, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руководящихъ этими массами. Мы согласны, что то направленіе исторіи, при которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло, было односторонне; но изъ признанія этой односторонности еще не слѣдуетъ, чтобы направленіе, діаметрально противоположное, при которомъ заговорятъ только о тѣлѣ, забывая голову, было вѣрно. Мы вполнѣ признаемъ, что для осуществленія извѣстныхъ стремленій въ народѣ необходимъ иногда продолжительный періодъ, пока эти стремленія охватятъ всю массу, періодъ, въ который личности, слишкомъ забѣгающія впередъ, гибнутъ; но мы знаемъ также, что для осуществленія этихъ стремленій необходимо, чтобы явился *одинъ*, который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ *одной* головѣ.

Авторъ не можетъ не признавать того, что будь на мѣстѣ Наполеона Дезе, Гошъ, Карно, напр., французская жизнь между 1793 и 1815 годами разыгралась бы не изъ пункта въ пунктъ такъ, какъ она разыгралась подъ Наполеономъ. Конечно, фактовъ на это нѣтъ; но есть та истина, общая и для нравственнаго и для матеріальнаго міра, что съ перемѣною одной изъ составляющихъ равнодѣйствующая необходимо измѣняется и въ скорости и въ направленіи.

Вотъ, по нашему мнѣнію, то соотношеніе, въ которомъ находятся эти силы [1]), слагающія народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

---

[1]) Т.-е. масса съ одной стороны, руководитель массы—съ другой.

Стремленіе отрицать значеніе руководящихъ личностей тѣмъ болѣе странно въ авторѣ, признающемъ, что кромѣ индивидуальной жизни личности есть еще та коллективная жизнь [1]), въ которой личность является, въ свою очередь, только атомомъ: если это такъ, то на какомъ же основаніи авторъ игнорируетъ, что и въ роѣ есть матка, что бываютъ матки дѣльныя [2]) и безтолковыя [3]); что это отражается весьма сильно на благосостояніи роя; что, наконецъ, съ гибелью матки рой разлетается и гибнетъ (какъ рой), если только въ немъ не явится другой матки. Матка безъ роя ничего не значитъ; но и рой безъ матки тоже не много значитъ.

Кажется, это вещи до такой степени фактическія, что тутъ сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста; даже старое направленіе исторіи, какъ оно ни было односторонне, указываетъ ясно на громадное значеніе личностей руководящихъ,— до того громадное, что оно долгое время закрывало значеніе силъ, которыхъ эти личности были представителями. Гр. Толстой силится доказать, что это вовсе не такъ, на томъ основаніи, что „человѣческое достоинство говоритъ ему, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ". Ничто такъ не ведетъ къ сбивчивости понятій, какъ подобныя красивыя, но весьма неопредѣленныя фразы. Нужно условиться, *въ чемъ и какъ* всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ. Гр. Толстой считаетъ, вѣроятно, кн. Андрея весьма сильнымъ, умнымъ и развитымъ человѣкомъ; а между тѣмъ самъ подчинилъ его обаянію Багратіона въ атакѣ подъ Шенграбеномъ: подчинилъ не по долгу, а по внутреннему невольному влеченію, ибо заставилъ его даже испытывать при этомъ большое счастіе. Способность подчинять себѣ подобныхъ можетъ быть дана даже человѣку, въ которомъ менѣе всего человѣческаго,—и за нимъ пойдутъ и развитые, и высоко-честные, и нравственные люди; въ той же способности можетъ быть отказано человѣку, сильно одаренному въ человѣческомъ смыслѣ. Слѣдовательно, разговоры о человѣческомъ достоинствѣ ничего не поясняютъ и ничего не доказываютъ въ этомъ вопросѣ.

Чтобы поддержать свою теорію, гр. Толстой доходитъ до того даже открытія, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ; но вѣдь если вопросъ ставить такимъ образомъ, то вѣдь ни одинъ солдатъ непосредственно никого не убилъ, ибо убивали собственно не солдаты, а огнестрѣльные снаряды и штыки; неужели же за этими послѣдними, вслѣдствіе этого, должна быть признана произвольность въ дѣйствіяхъ и преобладающее значеніе вообще надъ личнымъ элементомъ въ арміи? Авторъ договаривается, наконецъ, до того, что „ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ (т.-е. своимъ солда-

---

1) «Роевая», какъ ее называетъ авторъ.

2) Наполеонъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч.

3) Макъ, Вильруа, пр. Лотарингскій и проч. и проч.

тамъ) теперь драться съ русскими, они бы его убили и пошли драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо".

Мы позволимъ себѣ спросить: когда французская армія была въ худшемъ положеніи: передъ Бородинскимъ ли сраженіемъ, или же подъ Краснымъ и во время Березинской переправы? Кажется, ясно— *когда*. Отчего же эти солдаты не убили его тогда, когда каждому изъ нихъ ясно стало, что Наполеонъ привелъ ихъ въ Россію на погибель? Отчего въ тѣ страшныя минуты, когда онъ уже уложилъ нѣсколько сотъ тысячъ на сумасбродное предпріятіе, отчего въ остаткахъ этихъ сотенъ тысячъ, остаткахъ голодныхъ, оборванныхъ, полузамерзшихъ,— для этого, такого же, какъ они, человѣка не находилось другого слова, кромѣ восторженнаго, фанатическаго: „vive l'empereur!"? Принимаясь за подобные вопросы, нельзя ихъ рѣшать съ плеча; нельзя рѣшать ссылками на какое-то „такъ должно было случиться", на человѣческое достоинство и на то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ никого лично не убилъ. Лучше ихъ совсѣмъ не трогать, чѣмъ разбирать подобнымъ образомъ, мороча и сбивая съ толку тѣхъ изъ читателей, которые на вѣру готовы принять, что угодно, разъ они закуплены хорошо изображенными сценами. Не имѣемъ и въ мысли заподозривать искренность автора: въ числѣ обмороченныхъ миражами его воображенія онъ, вѣроятно, первый; показываемъ только, что это миражи и ничего болѣе.

Всѣ разсужденія автора на ту же тему носятъ на себѣ характеръ такой же односторонности, какъ и приведенныя. Тираду свою о томъ, что не Наполеонъ рѣшился на Бородинское сраженіе, а ему казалось только, что онъ это велѣлъ, гр. Толстой заканчиваетъ весьма характеристично: „Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло *представителя власти* такъ же хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ ничего не сдѣлалъ вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя: онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а со своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны спокойно и достойно исполнялъ свою роль *кажущагося* начальствованія".

Мы не говоримъ уже о противорѣчіи между тѣмъ, что Наполеонъ тутъ является сначала *только кажущимся* представителемъ власти, вслѣдъ за тѣмъ *не дѣлаетъ ничего вреднаго для хода сраженія и склоняется на мнѣнія болѣе благоразумныя*, — слѣдовательно, выходитъ уже *дѣйствительнымъ* представителемъ власти: не говоримъ потому, что всякій внимательный читатель самъ подмѣтитъ это противорѣчіе. Мы обратимся опять къ источнику этихъ противорѣчій. Заключается онъ все въ томъ же—въ привычкѣ рисовать одну сторону явленій, перенесенной въ ту область творчества, которая требуетъ всесторонняго ихъ изслѣдованія. Чтобы это показать, воспользуемся книгою Трошю (L'Armée française en 1867). Мы беремъ описаніе начала боя, — когда войска входятъ въ сферу выстрѣловъ, и когда начальники должны

наэлектризовать ихъ своимъ спокойнымъ видомъ и кстати сказаннымъ словомъ:

„Вмѣстѣ съ тѣмъ это время, лучшее и для маневрированія, т.-е. для того, чтобы принять тактическія формы, сообразныя мѣстности и обстоятельствамъ. Ибо войска *пока еще совершенно находятся въ рукахъ начальниковъ, смотрятъ на нихъ, всего отъ нихъ ожидаютъ* и молча повинуются ихъ слову. Еще минута—и *ураганъ битвы покроетъ голосъ начальниковъ и всякіе командные голоса*".

Затѣмъ слѣдуетъ великолѣпное описаніе того безпорядка во время сраженія, который такъ хорошо изображаетъ и гр. Толстой. Кажется, ясно; бой представляетъ два періода: въ первый войска находятся подъ вліяніемъ старшихъ начальниковъ вполнѣ; во второй они дѣлаютъ свое дѣло настолько, насколько *сами* способны его дѣлать.

Сопоставимъ теперь только что разобранныя мнѣнія гр. Толстого съ цитатой изъ Трошю, и источникъ разсужденій перваго изъ нихъ о ничтожествѣ вліянія старшихъ начальниковъ въ бою откроется самъ собою: нашъ авторъ описывалъ второй изъ періодовъ боя и увлекся имъ до такой степени, что о существованіи перваго знать не желаетъ.

Авторъ пришелъ, въ этомъ случаѣ, къ выводу, къ которому будетъ приведенъ всякій изслѣдователь, намѣренно или по невниманію разсматривающій не все явленіе, а только часть его; такъ, напр., остановившись на той части выстрѣла, когда пуля выпла уже изъ ствола и летитъ къ цѣли, можно сказать, что участіе стрѣляющаго въ этомъ дѣлѣ ничтожно, что онъ пулей управлять не можетъ, что, наконецъ, искусство въ стрѣльбѣ не мыслимо, ибо какое же можетъ быть искусство въ дѣлѣ, въ которомъ попаданіе въ цѣль зависитъ отъ такого множества случайностей: и отъ вѣтра, и отъ сырости или сухости воздуха, и отъ освѣщенія и проч. и проч.; что въ этомъ дѣлѣ стрѣлокъ является не болѣе, какъ кажущимся распорядителемъ выстрѣла, ибо только выберетъ цѣль, зарядитъ, опредѣлитъ разстояніе, прицѣлится и спуститъ курокъ; но вѣдь пуля полетитъ затѣмъ не такъ, какъ стрѣлокъ хочетъ, а такъ, какъ обусловятъ этотъ полетъ обстоятельства, отъ стрѣлка совершенно независимыя.

Задавшись желаніемъ провести подобную односторонность, прицется, конечно, все отвергающее ее или не замѣчать, или же представлять такъ себѣ, пустячкомъ, не стоющимъ серьезнаго разбора. Это въ „Войнѣ и Мирѣ" и сдѣлано, въ извѣстномъ разговорѣ Наполеона съ Раппомъ.

— „Вы знаете ли, Раппъ, что такое военное искусство?" спросилъ онъ. „Искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilà tout".

Людямъ, не особенно знакомымъ съ теоріей военнаго дѣла или прибѣгающимъ къ аффектированному презрѣнію съ цѣлью скрыть свое невѣжество въ ней,—какой обильный матеріалъ для дешеваго остроумія!

Передъ нашими глазами такъ и рисуется какой-нибудь недоучившійся, но съ претензіями малый, который, дойдя до этого открытія, воскликнетъ: „Только-то! Нечего сказать, славно насъ морочатъ — нужно изучать и военную исторію, и стратегію, и тактику, и военную администрацію, когда дѣло до такой степени просто: нужно только быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ и умѣть во время подвезти провіантъ и велѣть итти тому направо, тому налѣво!“

Всякій общій принципъ до крайности простъ и потому кажется доступнымъ самому ограниченному пониманію; но въ практическомъ дѣлѣ сущность не въ томъ, чтобы *знать*, а въ томъ, чтобы *умѣть примѣнить*. Одно знаніе стоитъ въ этомъ случаѣ немного выше знанія попугая, котораго также можно выучить болтать, что военное искусство есть искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Кто знаетъ только жолудь,—не имѣетъ еще никакого понятія о дубѣ, хотя послѣдній и заключается въ первомъ; кто выдолбитъ математическую формулу, — все же не будетъ имѣть основательнаго понятія о свойствахъ величинъ, ее составляющихъ, если не умѣетъ самъ ее вывести и не разбиралъ ее при всевозможныхъ предположеніяхъ.

Мысль, что старшіе начальники въ бою ничего не дѣлаютъ, составляетъ основный мотивъ разсужденій автора; какъ припѣвъ къ пѣснѣ, она то и дѣло появляется въ этихъ разсужденіяхъ, только форма нѣсколько мѣняется.

„Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполнены“.

„Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ—топтать русскихъ пѣшихъ,—всѣ эти распоряженія дѣлали самые ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона“.

„Кутузовъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему“.

„Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что *руководить* сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и *руководилъ* ею, насколько это было въ его власти“ [1]).

Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ все то же, что мы уже высказали:

---

[1]) Слѣдовательно, въ началѣ фразы выходитъ, что руководить сотнями тысячъ людей одному человѣку въ бою нельзя, а въ концѣ фразы, что ими руководить можно: ибо руководить *людьми* или *духомъ этихъ людей*—одно и то же.

что авторъ, намѣренно или незавѣдомо для самого себя, но очевидно рисуетъ только тотъ періодъ боя, въ который войска выпадаютъ изъ рукъ старшихъ начальниковъ, и совершенно забываетъ періодъ, ему предшествующій, въ который вполнѣ во власти начальника *пустить или не пустить* войска въ атаку, *пустить ихъ на тотъ либо другой пунктъ, пустить въ большемъ или меньшемъ числѣ*. Авторъ, отрицая возможность управленія войсками, къ сожалѣнію, нигдѣ не высказываетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ управленіемъ: если бы онъ это высказалъ, то сразу бы и обнаружилось, что онъ объ этомъ дѣлѣ составилъ себѣ невѣрное представленіе. Попытаемся выразить личное понятіе автора объ управленіи, основываясь на вышеприведенныхъ выпискахъ.

1) То, что оба главнокомандующіе одни предложенія принимаютъ и дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія къ ихъ исполненію, а другія отвергаютъ—не есть, по его мнѣнію, управленіе.

2) То, что они руководятъ нравственнымъ настроеніемъ войскъ, тоже не есть управленіе.

3) То, что частные начальники, *получивъ назначеніе отъ тѣхъ же старшихъ начальниковъ*, достигаютъ этого назначенія по *своему* усмотрѣнію, въ зависимости отъ безпрерывно мѣняющейся боевой обстановки, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Даву, Неевъ, Мюратовъ, показываетъ, что эти послѣдніе въ бою ничего или почти ничего не значатъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что за Наполеономъ и его ближайшими помощниками можно бы было, съ точки зрѣнія автора, признать управленіе боемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ нихъ самъ водилъ баталіоны и эскадроны въ атаку и каждую батарею перемѣщалъ бы съ одной позиціи на другую! Если бы главные начальники могли этимъ заниматься, тогда не было бы нужды въ дивизіонныхъ, бригадныхъ и прочихъ командирахъ низшихъ степеней, самое существованіе которыхъ показываетъ, что это вещь немыслимая; если бы, наоборотъ, дѣлали дѣло только эти послѣдніе, тогда не было бы надобности въ высшихъ начальникахъ, что опять нелѣпость, ибо кто же сводилъ бы къ одной цѣли разрозненныя усилія множества частей? Кажется, очевидно, что корень всѣмъ разсужденіямъ гр. Толстого лежитъ въ невѣрномъ представленіи о томъ, что должно разумѣть подъ управленіемъ на различныхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы и въ различные моменты боя.

Становясь на точку графа Толстого, можно также сказать, что капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ: ни на какомъ инструментѣ не играетъ,—значитъ, въ общую гармонію не прибавляетъ рѣшительно ничего осязательнаго; не можетъ не только предупредить ошибки какого-нибудь музыканта, но даже и сдѣланныхъ не поправляетъ; ясно, какъ день, что онъ рѣшительно ничего не значитъ и не дѣлаетъ, а

всякій музыкантъ исполняетъ свою партію, насколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента! Но едва ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда, торчащаго безъ дѣла (по теоріи автора) передъ его серединою; извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы; компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является совершенно въ новомъ и неожиданномъ свѣтѣ,—иногда даже едва узнаваемою. Нужно при этомъ замѣтить, что въ музыкѣ диспозиція (т.-е. партитура), въ большей части случаевъ, создана не тѣмъ, кто управляетъ ея исполненіемъ, и, несмотря на это, личныя свойства распорядителя входятъ въ исполненіе такимъ могущественнымъ факторомъ: во сколько же должно увеличиваться значеніе этихъ личныхъ свойствъ распорядителя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ является и творцомъ, и въ которомъ цѣль достигается подъ вліяніемъ непрерывной опасности и безчисленнаго множества случайностей?

И авторъ, такъ великолѣпно рисующій тѣ неосязаемые токи, которыми разносится въ арміи всякая, и дурная и хорошая, вѣсть,—тотъ же самый авторъ силится увѣрить въ ничтожествѣ значенія распорядителя, отъ котораго зависитъ даже неблагопріятную вѣсть повернуть на пользу дѣлу...

— „Вы видѣли? Вы видѣли?“... нахмурившись, закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. „Какъ вы... какъ вы смѣете!“... дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ. „Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*? Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня ген. Барклаю, что свѣдѣнія его несправедливы, и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, фельдмаршалу, лучше, чѣмъ ему“.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

— „Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое намѣреніе атаковать непріятеля“, строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала.—„Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра догонимъ его изъ священной земли русской“, сказалъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь „über diese Eingenommenheit des alten Herrn“ (упрямству стараго господина).

... Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ (объ атакѣ на слѣдующій день)...

И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на слѣдующій день, *передались одновременно во всѣ концы войска.*

... И, узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись".

Теперь представимъ себѣ на мѣстѣ Кутузова одного изъ тѣхъ полководцевъ qui se font des tableaux, по выраженію Наполеона, т.-е. которые дѣлаютъ изъ мухи слона: донесеніе Вольцогена привело бы его, конечно, къ убѣжденію, что все пропало, что нужно какъ можно скорѣе отступать; поскакали бы съ болѣе или менѣе потерянными физіономіями адъютанты во всѣ концы; торопливо передали бы приказаніе отступать: торопливо началось бы отступленіе, и если бы оно не кончилось бѣгствомъ, то, во всякомъ случаѣ, результатъ нравственной побѣды, которую мы одержали, былъ бы утраченъ. Принявъ это въ соображеніе, придется признать за личностью главнокомандующаго нѣсколько иное значеніе, чѣмъ кажется автору „Войны и Мира". Авторъ самъ себѣ лучшій критикъ: какъ только онъ принимается за живописаніе событій, онъ самъ бьетъ на голову свои теоретическія измышленія...

Кажется, мы не пропустили выдающихся теоретическихъ положеній автора; односторонность ихъ, какъ читатель видитъ, и какъ мы уже сказали, произошла отъ того же, отчего происходитъ всякое неправильное умозаключеніе: отъ непринятія въ расчетъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ оно, въ примѣненіи къ извѣстному случаю, должно слагаться. Съ авторомъ случилось то же, что случилось съ Платономъ, опредѣлявшимъ, говорятъ, человѣка двуногимъ животнымъ безъ перьевъ до тѣхъ поръ, пока ему не пустили въ аудиторію ощипаннаго пѣтуха. Сколько намъ кажется, по свойству таланта автора, девизомъ его должно быть: „je ne juge pas, je raconte" (не сужу, а разсказываю); только при этомъ условіи онъ, доставляя высокое наслажденіе и поученіе своимъ читателямъ, не будетъ рисковать сбить съ толку тѣхъ изъ нихъ, которые по натурѣ сильно расположены къ подъавторитетности, не будетъ давать софизмовъ въ распоряженіе тѣхъ, которые нуждаются въ оправданіи своего невѣжества.

Въ томъ и заключается существенная разница между художественнымъ изображеніемъ и теоретическимъ выводомъ, что первое можетъ возпроизвести какой угодно фактъ, не рискуя подать поводъ къ поголовнымъ нелѣпымъ выводамъ; между тѣмъ какъ теоретическій выводъ, при малѣйшемъ невниманіи, получается односторонній и вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, которые или неспособны подглядѣть эту односторонность, или которымъ она съ руки.

Пока вы рисуете недѣятельныхъ главнокомандующихъ, штабы такіе, что назначеніе ихъ, повидимому, заключается въ осуществленіи идеи безтолковщины и интриги, полкового командира, безупречнаго въ мирное время, безсильнаго въ бою; пока вы рисуете Телянина даже,—вы правы: ибо *могутъ быть* и безтолковые штабы, и недѣятельные главнокомандующіе, и все остальное; но разъ вы по частному явленію стремитесь сдѣлать общій выводъ, онъ долженъ выйти ложенъ и не можетъ инымъ выйти: не можетъ потому, что точно также, какъ возможно то, что вы рисуете,—возможно и прямо ему противоположное. Вы правы, рисуя что-нибудь одно, ибо всего разомъ нарисовать нельзя; но не правы, рѣшаясь на выводы, на чемъ-нибудь одномъ основанные.

М. И. Драгомировъ.

---

27. О любви къ отечеству.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ, нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и вы-

годы не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная, любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натуры, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ, и мнѣ скучно“.

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ на-

слажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ, любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ, греки и римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ, англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Н. М. Карамзинъ.

---

28. Заслуга Пушкина.

Въ Москвѣ, на Красной площади, высится памятникъ Минину и Пожарскому. Ихъ дѣяніе золотыми буквами вписано въ русскую исторію, и воздвигнутый памятникъ будитъ въ насъ высокое чувство народнаго самосознанія и вѣру въ Промыслъ, управляющій судьбами нашего отечества. То было въ смутную пору нашей исторіи, слишкомъ три съ половиною вѣка назадъ. Прервалось преемство царскаго рода; власть, такъ тяжко собранная и возвеличенная, утратила свою святость, переходя изъ рукъ въ руки путемъ преступленій, обмана, измѣны. Государство зашаталось. Русская земля, казалось, погибла. Иноземный врагъ уже владѣлъ Москвою... И вотъ тутъ-то, на голосъ простого человѣка изъ народа, возстала вся русская земля. Все поднялось, все вооружилось; все несло достояніе и кровь свою за вѣру и отечество. Великое, безпримѣрное народное движеніе, исполненное силы и духа— и вмѣстѣ смиренное духомъ, простое и некичливое въ своемъ величіи... Иноземный врагъ былъ посрамленъ и изгнанъ, крамола раздавлена, государство спасено, и верховная власть бережно и безъ ущерба передана избраннику всей земли русской, родоначальнику новаго царствующаго дома, открывшаго новую эру въ исторіи нашего отечества. И вотъ, въ Москвѣ, колыбели русскаго единовластія, поставленъ памятникъ вождямъ свободнаго народнаго подъема, которымъ спасено было русское государство, и въ которомъ впервые сказалось несокрушимое единство нашего народа и его духъ, воспитанный церковью.

Доселѣ этотъ памятникъ, на общественной площади, высился въ нашей старой Москвѣ одиноко [1]). Теперь къ нему присоединяется другой, посвященный человѣку, не водившему въ бой народныхъ ополченій, но также народному двигателю, „великому русскому народному поэту“, какъ общій голосъ славитъ нашего Пушкина.

Жизнь народа и его призваніе не исчерпываются дѣломъ государственной нужды. Когда тѣло сложилось и окрѣпло, душа освобо-

[1]) Писано въ 1880 году.

ждается для самостоятельной жизни. Развитіемъ внѣшняго могущества и вооруженною силой еще не обезпечено существованіе народа, еще не доказано его право на существованіе. Бывали громады, скрѣпленныя внѣшнею силою, которыя, исполнивъ свое временное назначеніе, разсыпались въ прахъ и исчезали. Великій народъ, призванный къ жизни, обладаетъ силою внутренняго единенія и проявляетъ свой духъ не въ однѣхъ заботахъ самосохраненія, но и въ развитіи даровъ человѣческой природы. Чѣмъ производительнѣе творчество мысли среди народа, чѣмъ выше подъемъ духа въ его избранныхъ людяхъ, чѣмъ обильнѣе и плодотворнѣе раскрываются въ немъ дары Божіи, тѣмъ возвышеннѣе становится его положеніе въ мірѣ, и тѣмъ онъ любезнѣе и дороже для человѣчества. Надъ царствомъ нужды возвышается царство свободы, гдѣ каждый самъ себѣ царь, и гдѣ властвуютъ только вѣчные законы истины, блага и красоты, гдѣ народъ достигаетъ высоты человѣчества, и куда, утомленные трудомъ жизни, обращаемъ мы взоры, ища успокоенія, отрады и освѣженія силъ. Что была бы жизнь наша,—и была ли бы возможна жизнь человѣческая,—безъ этого царства чистой свободы?

Въ Пушкинѣ всенародно чествуется великій даръ Божій. Ему не доводилось спасать отечество отъ враговъ, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность.

Языкъ есть единящая сила народа. По древнему, глубоко знаменательному, церковно-славянскому словоупотребленію, народъ есть языкъ, языкъ есть народъ. Но въ нравственномъ мірѣ надежны и животворны связи, лишь скрѣпленныя свободой и любовью. Кто же, скажите, кто не полюбитъ русскаго языка въ стихѣ Пушкина? Кто устоитъ противъ „живой прелести“ этого стиха?

Пушкинъ заставилъ не только своихъ, но и чужихъ полюбить нашъ языкъ,—и вотъ его великая заслуга.

Литературный языкъ совершаетъ долгій путь образованія. Когда пришелъ Пушкинъ, литературный языкъ былъ готовъ, но онъ былъ спрыснутъ только „мертвой водой“. Поэзія Пушкина была ему „живою водой“. Пушкинъ извлекъ изъ русскаго языка неслыханные звуки и „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“... Пройдутъ вѣка, и многое измѣнится, но языкъ Пушкинскаго стиха останется во всемъ обаяніи своей красоты и никогда не утратитъ своей силы и свѣжести.

Въ чемъ тайна животворной власти художника надъ языкомъ? Въ томъ, что реченія для него не просто знаки общихъ понятій, которыя безъ остатка передаются на всякій другой языкъ; но каждое чувствуется имъ, какъ нѣчто само по себѣ, какъ живое существо, имѣвшее свои судьбы и носящее на себѣ отпечатокъ всѣхъ сочетаній, черезъ которыя доводилось ему проходить. Въ этомъ тайна того очарованія, которое художникъ извлекаетъ изъ языка, и вотъ почему произведеніе истинно творческаго дара только приблизительно можетъ быть передано на другой языкъ.

Пушкинъ имѣлъ право сказать, что онъ былъ „полезенъ живою прелестью“ своего стиха. Это не суетная похвальба, но мудрое разумѣніе. Никто не принесъ столько истинной пользы русской народности, какъ Пушкинъ въ то время, когда Богъ судилъ ему жить, и его произведенія стоятъ многихъ выигранныхъ битвъ.

Мы гордимся нашимъ Пушкинымъ, какъ великимъ поэтомъ. Его поэзія не есть только переходная ступень нашего образованія, не есть только историческій моментъ, остающійся позади и внизу, во мракѣ прошедшаго. Пушкинъ стоитъ на высотѣ всемірнаго значенія. Русскій народный поэтъ, онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ всѣхъ временъ и народовъ. На произведеніяхъ его зрѣлой поры лежитъ печать совершенства. Это міръ творчества, самородный и самобытный, какъ по веществу, такъ по образу.

Онъ рано почувствовалъ свое призваніе. Еще въ дѣтствѣ мечталъ онъ о высотѣ, куда влекла его невѣдомая сила. Въ лепетѣ пятнадцатилѣтняго мальчика уже слышится предчувствіе нерукотворнаго памятника, на которомъ успокоился его духъ передъ концомъ земного поприща. Отъ дѣтскаго лепета до строгой и величавой думы на краю могилы протекло лишь двадцать два года.

Мы чествуемъ въ Пушкинѣ даръ Божій; но должны чествовать въ немъ и человѣка, за то, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія и среды, не заглушилъ въ себѣ Божьяго дара и не солгалъ передъ своимъ призваніемъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ учился „чему-нибудь и какъ-нибудь“. Изъ своего воспитанія онъ вынесъ только знаніе французскаго языка, безтолковую начитанность во французскихъ авторахъ прошлаго вѣка, наполнявшихъ библіотеку отца, да еще сказки своей няни. Онъ самъ изобразилъ намъ ничтожество среды, которая потомъ держала его въ своихъ оковахъ. Лишь одна была у него опора, одно спасеніе—его божественный даръ, его геній, который питалъ и направлялъ его, и былъ его карающею совѣстью, когда легкомысліе и грубая чувственность овладѣли его воображеніемъ. Совѣсть художника спасала въ немъ и человѣка. Онъ обязанъ ей перлами своей поэзіи, и она же поднимала его нравственно. Онъ глубоко чувствовалъ двойство въ себѣ — и свое ничтожество и высоту своего дара,—и правдивый стихъ его запечатлѣлъ это чувство. Въ тѣ минуты, когда „божественный глаголъ“ касался его чуткаго слуха, совершалось его воспитаніе и созрѣваніе, и онъ, со своего Синая, возвращался каждый разъ съ новыми, лучшими силами. Мысль его возвышалась и умудрялась; душа освобождалась отъ оковъ „хладнаго сна“. Божественный гость его души, будившій ее мгновенными посѣщеніями, наконецъ водворился въ ней хозяиномъ. Только природныя черты напоминаютъ въ его музѣ прежнюю рѣзвую вакханку. Одухотворенный ликъ ея прекрасенъ, но задумчивъ и важенъ. Съ поэтомъ какъ бы наяву совершилось то, что онъ повѣствуетъ яркими библейскими образами въ своемъ

„Пророкѣ“. Серафимъ, „перстами легкими, какъ сонъ“, коснулся его зѣницъ и слуха. Предъ его мысленнымъ взоромъ раскрылись глубины человѣческаго сердца, и нѣтъ высоты, на которую не восходилъ бы его созерцающій умъ. Онъ слышалъ—

„И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ“...

Но онъ до конца оставался вѣренъ особенности своего дара. Онъ не берется не за свое, онъ не философствуетъ, не проповѣдуетъ. Его мудрость вся въ образахъ его ясновидѣнія. Все у него до безконечности индивидуально. У него нѣтъ общихъ мѣстъ, нѣтъ голословныхъ мыслей, которыя пріискиваютъ себѣ приличную форму. Все у него, какъ у истиннаго художника, идетъ снизу вверхъ и находитъ свою идею въ своемъ внутреннемъ просвѣтлѣніи. Все у него пережито въ сердцѣ или въ воображеніи, и все говоритъ прямо живому чувству.

Но, чѣмъ выше поднимался его геній, чѣмъ зрѣлѣе становилась его муза, тѣмъ менѣе сочувствія находилъ онъ въ окружающей средѣ. Славу ему между современниками доставили его молодыя произведенія, но, уже начиная съ „Полтавы“, Пушкинъ падалъ въ ихъ мнѣніи; „Борисъ Годуновъ“ былъ оцѣненъ лишь немногими, и то отчасти, и наша критика не посмѣла ставить его на ряду съ произведеніями иностранныхъ мастеровъ...

Какъ высоко, въ числѣ немногихъ, стоялъ этотъ человѣкъ, воспитанный своимъ геніемъ, надъ общимъ умственнымъ уровнемъ! Онъ чувствовалъ возраставшее охлажденіе къ нему публики, ему были досадны пересуды глупцовъ; но онъ ни разу не впалъ въ искушеніе и не унизилъ себя исканіемъ популярности. Онъ оставался въ одиночествѣ на своей высотѣ, не смущаемый ни хвалами, ни бранью... Благо тому, кто испыталъ это священное одиночество! Благо тому, кто на высотѣ своего дѣла, при исполненіи своего долга, остается наединѣ со своею совѣстію!...—„Ты царь, живи одинъ“, говорилъ себѣ Пушкинъ, и въ этомъ не гордость сказалась, но покорность высшему, что есть въ человѣкѣ, тому божественному, что слышится въ глубинѣ человѣческой совѣсти, при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Да будетъ и въ этомъ нашъ великій писатель руководящимъ образцомъ и для нынѣшняго и для будущихъ поколѣній! Кто не испыталъ этого высокаго чувства независимости мысли, не покорной ничему кромѣ долга, тотъ не знаетъ лучшаго, что дано испытать человѣку, и чего не можетъ замѣнить никакое опьянѣніе тщеславія. Кто не ищетъ любви народной, какъ Пушкинъ („Поэтъ, не дорожи любовію народной!“), кто остается послушенъ лишь велѣнію Бога („Велѣнью Божію, о муза, будь послушна“),— тотъ только пріобрѣтаетъ право на истинную любовь народную. Только то дѣло и прочно, и свято, и плодотворно, которое задумано и исполнено человѣкомъ наединѣ со своею совѣстію.

Не изъ среды, которою Пушкинъ былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній вынесъ онъ и глубокое народное русское чувство, и свой историческій смыслъ, и свою вѣру въ назначеніе русскаго народа. Въ поэзіи Пушкина найдемъ мы источники чистѣйшаго патріотизма. Его „Полтава“, его „Борисъ Годуновъ“, съ сыновнимъ чувствомъ посвященный имъ памяти Карамзина, впервые раскрывшаго книгу нашего прошедшаго,—всѣ обращенія Пушкина къ Петру Великому, его обращеніе „Къ клеветникамъ Россіи“, его мощный диѳирамбъ на Бородинскую годовщину—свидѣтельствуютъ о глубинѣ его народнаго чувства и о силѣ его патріотизма, просвѣщеннаго и возвышеннаго... Пушкинъ не былъ ни публицистомъ, ни ораторомъ, да такихъ людей въ тѣ времена и не водилось на Руси; но прочтите строки, которыя выше нами поставлены, прочтите его отповѣдь враждебной намъ Европѣ. Эти патріотическія пѣснопѣнія вызваны событіями 1831 года и относятся къ вопросу величайшей для Россіи важности. Не говоримъ: какая сила слова, но—какая сила гражданскаго чувства и ясность политическаго разума!...

У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой-либо партіи? Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкинъ цѣнитъ въ Преобразователѣ особенно то, что онъ не презиралъ своей страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе... „Предназначеніе русскаго народа“ — это сказано Пушкинымъ:

„Самодержавною рукой
Онъ (Петръ) смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье“.

Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи, къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ *русской партіи*. Самое слово „русская партія“ есть слово Пушкина. Передавая въ своемъ „Современникѣ“, записки Моро де-Бразе, иностранца, служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливается на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ русскаго царя въ пристрастіи къ русскимъ, и дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи *русской*“...

Смерть постигла Пушкина на высотѣ его творчества, въ полнотѣ его силъ. Жизнь его не кончилась: она была прервана, какъ прерывается музыка, когда порвется струна. Возблагодаримъ Бога за то, что было намъ дано въ немъ, и не будемъ роптать на его преждевременный конецъ, не будемъ напрягать мечту гаданьемъ, что могъ бы еще создать его геній. Намъ есть, чѣмъ довольствоваться, и не выходя изъ предѣловъ даннаго.

Пушкинъ палъ въ бою чести, жертвой свѣтскихъ интригъ. Когда онъ палъ, сраженный на смерть, еще страсть кипѣла въ немъ, и рука искала противника. Но вскорѣ спокойствіе водворилось въ его душѣ. Два дня предсмертныхъ страданій были его духовнымъ торжествомъ. Разсказы очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, какъ Жуковскій, Даль и другіе, свидѣтельствуютъ всѣми подробностями о нравственной высотѣ человѣка. Испытаніе смерти оправдало и объяснило его. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, со всѣми примиренный и всѣмъ простившій. Его послѣднія минуты открыли для всѣхъ тайну того великаго, что всѣми въ немъ чувствовалось, и за что его нынѣ чествуютъ.

М. Н. Катковъ.

---

29. Человѣческое общежитіе, его основы и развитіе.

Человѣческая *личность*, людское *общество* и *природа страны*— вотъ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общежитіе. Каждая изъ этихъ силъ вноситъ въ составъ общежитія свой запасъ элементовъ или связей, въ которыхъ проявляется ея дѣятельность, и которыми завязываются и держатся людскіе союзы.

Элементы общежитія—это либо свойства и потребности нашей природы, физической, либо стремленія и цѣли, какія рождаются изъ этихъ свойствъ и потребностей при участіи внѣшней природы и другихъ людей, т. е. общества, либо, наконецъ, отношенія, какія возникаютъ между людьми изъ ихъ цѣлей и стремленій. Сообразно съ такимъ или инымъ происхожденіемъ, одни изъ этихъ элементовъ могутъ быть признаны простыми или первичными, другіе производными,—вторичнаго и дальнѣйшихъ образованій изъ совмѣстнаго дѣйствія простыхъ. По основнымъ свойствамъ и потребностямъ человѣка эти элементы можно раздѣлить на *физіологическіе*—полъ, возрастъ, кровное родство, *экономическіе*—трудъ, капиталъ, кредитъ, *юридическіе и политическіе*—власть, законъ, право, обязанности, *духовные*—религія, наука, искусство, нравственное чувство.

Общежитіе складывается изъ своихъ элементовъ и поддерживается двумя средствами—*общеніемъ и преемствомъ*.

Чтобы стало возможно общеніе между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее заключается въ двухъ условіяхъ: чтобы люди понимали другъ друга и чтобы нуждались другъ въ другѣ, чувствовали потребность одинъ въ другомъ. Эти условія создаются двумя общими способностями: *разумомъ*, дѣйствующимъ по одинаковымъ законамъ мышленія и въ силу общей потребности познанія, и *волей*, вызывающей дѣйствія для удовлетворенія потребности. Такъ создается взаимодѣйствіе людей, возможность воспринимать и сообщать

дѣйствіе. Такимъ обмѣномъ дѣйствій отдѣльныя лица, обладающія разумомъ и волей, становятся способны вести общія дѣла, смыкаться въ общества. Безъ общихъ понятій и цѣлей, безъ раздѣляемыхъ всѣми или большинствомъ чувствъ, интересовъ и стремленій люди не могутъ составить прочнаго общества; чѣмъ больше возникаетъ такихъ связей, и чѣмъ больше получаютъ онѣ власти надъ волей соединяемыхъ ими людей, тѣмъ общество становится прочнѣе. Устаивая и твердѣя отъ времени, эти связи превращаются въ нравы и обычаи.

Въ силу тѣхъ же условій общеніе возможно не только между отдѣльными лицами, но и между цѣлыми чередующимися поколѣніями: это и есть *историческое преемство*. Оно состоитъ въ томъ, что достояніе одного поколѣнія, матеріальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служатъ *наслѣдованіе* и *воспитаніе*. Время закрѣпляетъ усвояемое наслѣдіе новой нравственной связью, *историческимъ преданіемъ*, которое, дѣйствуя изъ поколѣнія въ поколѣніе, претворяетъ наслѣдуемые отъ отцовъ и дѣдовъ завѣты и блага въ наслѣдственныя свойства и наклонности потомковъ. Такъ изъ отдѣльныхъ лицъ составляются постоянные союзы, переживающіе личныя существованія и образующіе болѣе или менѣе сложные *историческіе типы*.

Преемственной связью поколѣній вырабатывалась цѣпь союзовъ, все болѣе усложнявшихся вслѣдствіе того, что въ дальнѣйшіе союзы послѣдовательно входили новые элементы вторичнаго образованія, возникавшіе изъ взаимодѣйствія первичнымъ. На физіологическихъ основахъ кровной связи строилась первобытная *семья*. Семьи, пошедшія отъ одного корня, образовывали *родъ*, другой кровный союзъ, въ составъ котораго входили уже религіозные и юридическіе элементы—почитаніе родоначальника, авторитетъ старѣйшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Родъ черезъ нарожденіе разрастался въ *племя*, генетическая связь котораго выражалась въ единствѣ языка, въ общихъ обычаяхъ и преданіяхъ, а изъ племени или племенъ посредствомъ раздѣленія, соединенія и ассимиляціи составлялся *народъ*, когда къ связямъ этнографическимъ присоединялась нравственная—сознаніе духовнаго единства, воспитанное общею жизнью и совокупной дѣятельностью, общностью историческихъ судебъ и интересовъ. Наконецъ *народъ* становится *государствомъ*, когда чувство національнаго единства получаетъ выраженіе въ связяхъ политическихъ, въ единствѣ верховной власти и закона. Въ государствѣ народъ становится не только политической, но и исторической личностью съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія.

Таковы основныя формы общежитія, представляющія послѣдовательные моменты его роста. Начавшись кровной связью тѣсной семьи, процессъ завершался сложнымъ государственнымъ союзомъ.

В. О. Ключевскій.

30. Лѣсъ, степь и рѣки.

(Значеніе ихъ въ русской исторіи и отношеніе къ нимъ русскаго человѣка).

Лѣсъ, степь и рѣка—это, можно сказать, основныя стихіи русской природы по своему историческому значенію. Каждая изъ нихъ и въ отдѣльности, сама по себѣ, приняла живое и своеобразное участіе въ строеніи жизни и понятій русскаго человѣка. Въ лѣсной Россіи положены были основы русскаго государства, въ которомъ мы живемъ: съ лѣса мы и начнемъ частичный обзоръ этихъ стихій.

Лѣсъ сыгралъ крупную роль въ нашей исторіи. Онъ былъ многовѣковой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русскаго народа шла въ лѣсной полосѣ нашей равнины. Степь вторгалась въ эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествіями да казацкими бунтами. Еще въ XVII в. западному европейцу, ѣхавшему въ Москву на Смоленскъ, Московская Россія казалась сплошнымъ лѣсомъ, среди котораго города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь болѣе или менѣе просторный горизонтъ, окаймленный синеватой полосой лѣса—наиболѣе привычный пэйзажъ средней Россіи. Лѣсъ оказывалъ русскому человѣку разнообразныя услуги—хозяйственныя, политическія и даже нравственныя: обстраивалъ его сосной и дубомъ, отапливалъ березой и осиной, освѣщалъ его избу березовой лучиной, обувалъ его лыковыми лаптями, обзаводилъ домашней посудой и мочаломъ. Долго и на Сѣверѣ, какъ прежде на Югѣ, онъ питалъ народное хозяйство пушнымъ звѣремъ и лѣсной пчелой. Лѣсъ служилъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ враговъ, замѣняя русскому человѣку горы и замки. Само государство, первый опытъ котораго на степной границѣ не удался по винѣ этого сосѣдства, могло укрѣпиться только на далекомъ отъ Кіева Сѣверѣ подъ прикрытіемъ лѣсовъ со стороны степи. Лѣсъ служилъ русскому отшельнику Ѳиваидской пустыней, убѣжищемъ отъ соблазновъ міра. Съ конца XIV в. люди, въ пустынномъ безмолвіи искавшіе спасенія души, устремлялись въ лѣсныя дебри сѣвернаго Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но, убѣгая отъ міра въ пустыню, эти лѣсопроходцы увлекали за собою міръ туда же. По ихъ слѣдамъ шли крестьяне, и многочисленныя обители, тамъ возникавшія, становились опорными пунктами крестьянскаго разселенія, служа для новоселовъ и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадѣльнями подъ старость. Такъ лѣсъ придалъ особый характеръ сѣверно-русскому пустынножительству, сдѣлавъ изъ него своеобразную форму лѣсной колонизаціи.

Несмотря на всѣ такія услуги, лѣсъ всегда былъ тяжелъ для русскаго человѣка. Въ старое время, когда его было слишкомъ много, онъ своей чащей прерывалъ пути-дороги, назойливыми зарослями оспа-

ривалъ съ трудомъ расчищенные лугъ и поле медвѣдемъ и волкомъ грозилъ самому и домашнему скоту. По лѣсамъ свивались и гнѣзда разбоя. Тяжелая работа топоромъ и огнивомъ, какою заводилось лѣсное хлѣбопашество на *пали*, расчищенной изъ подъ срубленнаго и спаленнаго лѣса, утомляла, досаждала. Этимъ можно объяснить недружелюбное или небрежное отношеніе русскаго человѣка къ лѣсу: онъ никогда не любилъ своего лѣса. Безотчетная робость овладѣвала имъ, когда онъ вступалъ подъ его сумрачную сѣнь. Сонная, „дремучая“ тишина лѣса пугала его; въ глухомъ, беззвучномъ шумѣ его вѣковыхъ вершинъ чуялось что-то зловѣщее; ежеминутное ожиданіе неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображеніе. И древнерусскій человѣкъ населилъ лѣсъ всевозможными страхами. Лѣсъ—это темное царство лѣшаго одноглазаго, злого духа-озорника, который любитъ дурачиться надъ путникомъ, забредшимъ въ его владѣнія...

Теперь лѣсъ въ южной полосѣ средней Россіи—все рѣдѣющее напоминаніе о когда-то бывшихъ здѣсь лѣсахъ, которое берегутъ, какъ роскошь, а сѣвернѣе—доходная статья частныхъ хозяйствъ и казны, которая выручаетъ отъ эксплоатаціи своихъ лѣсныхъ богатствъ по 57—58 милл. ежегодно.

Степь, *поле*, оказывала другія услуги и клала другія впечатлѣнія. Можно предполагать раннее и значительное развитіе хлѣбопашества на открытомъ черноземѣ, скотоводства, особенно табуннаго, — на травянистыхъ степныхъ пастбищахъ. Доброе историческое значеніе южно-русской степи заключается преимущественно въ ея близости къ южнымъ морямъ, которыя ее и создали,—особенно къ Черному, которымъ днѣпровская Русь рано пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ южно-европейскимъ культурнымъ міромъ; но этимъ значеніемъ степь обязана не столько самой себѣ, сколько тѣмъ морямъ да великимъ русскимъ рѣкамъ, по ней протекающимъ. Трудно сказать, насколько степь „широкая“, „раздольная“, какъ величаетъ ее пѣсня, своимъ просторомъ, которому конца-краю нѣтъ, воспитывала въ древнерусскомъ южанинѣ чувство шири и дали, представленіе о просторномъ горизонтѣ, *окоемѣ*, какъ говорили въ старину; во всякомъ случаѣ не лѣсная Россія образовала это представленіе.

Но степь заключала въ себѣ и важныя историческія неудобства: вмѣстѣ съ дарами она несла мирному сосѣду едва-ли не болѣе бѣдствій. Она была вѣчной угрозой для древней Руси и нерѣдко становилась бичомъ для нея. Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татариномъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVIII в.,— самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ—это такое обстоятельство, которое одно мо-

жетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни.

Историческимъ продуктомъ степи, соотвѣтствовавшимъ ея характеру и значенію, является казакъ, по общерусскому значенію слова—бездомный и бездольный, „гулящій“ человѣкъ, не приписанный ни къ какому обществу, не имѣющій опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства, а по первоначальному и простѣйшему южнорусскому своему облику человѣкъ „вольный“, тоже бѣглецъ изъ общества, не признававшій никакихъ общественныхъ связей внѣ своего „товарищества“, удалецъ, отдававшій всего себя борьбѣ съ невѣрными, мастеръ все разорить, но не любившій и не умѣвшій ничего построить,—историческій преемникъ древнихъ кіевскихъ богатырей, стоявшихъ въ степи „на заставахъ богатырскихъ“, чтобы постеречь землю русскую отъ поганыхъ,—и полный нравственный контрастъ сѣверному лѣсному монаху. Со Смутнаго времени для московской Руси казакъ сталъ ненавистнымъ образомъ гуляки „вора“.

Такъ и лѣсъ, и особенно степь дѣйствовали на русскаго человѣка двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никакихъ недоразумѣній не бывало у него съ русской рѣкой.

На рѣкѣ онъ оживалъ и жилъ съ ней душа въ душу. Онъ любилъ свою рѣку, никакой другой стихіи своей страны не говорилъ въ пѣснѣ такихъ ласковыхъ словъ,—и было за что. При переселеніяхъ рѣка указывала ему путь, при поселеніи она—его неизмѣнная сосѣдка: онъ жался къ ней, на ея непоемномъ берегу ставилъ свое жилье, село или деревню. Въ продолженіе значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она—готовая лѣтняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только во-время поворачивай руль при постоянныхъ капризныхъ извилинахъ рѣки да помни мели, перекаты. Рѣка является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественнаго духа въ народѣ. Она и сама любитъ порядокъ, закономѣрность. Ея великолѣпныя половодья, совершаясь правильно, въ урочное время, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ западно-европейской гидрографіи. Указывая, гдѣ не слѣдуетъ селиться, они превращаютъ на время скромныя рѣчки въ настоящіе сплавные потоки и приносятъ неисчислимую пользу судоходству, торговлѣ, луговодству, огородничеству. Рѣдкіе паводки при маломъ паденіи русской рѣки не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ неожиданными и разрушительными наводненіями западно-европейскихъ горныхъ рѣкъ. Русская рѣка пріучала своихъ прибрежныхъ обитателей къ общежитію и общительности. Въ древней Руси разселеніе шло по рѣкамъ, и жилыя мѣста особенно сгущались по берегамъ бойкихъ судоходныхъ рѣкъ, оставляя въ междурѣчьяхъ пустыя лѣсныя или болотистыя пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россію, напр., XV вѣка, она представилась бы

зрителю сложной канвой съ причудливыми узорами изъ тонкихъ полосокъ вдоль водныхъ линій и съ значительными темными промежутками. Рѣка воспитывала духъ предпріимчивости, привычку къ совмѣстному, артельному дѣйствію, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанныя части населенія, пріучала чувствовать себя членомъ общества, обращаться съ чужими людьми, наблюдать ихъ нравы и интересы, мѣняться товаромъ и опытомъ, знать обхожденіе. Такъ разнообразна была историческая служба русской рѣки.

В. О. Ключевскій.

---

31. Судьба артиста.

Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ—неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, „чей каждый слѣдъ“, по словамъ князя Вяземскаго,—„для сердца русскаго есть памятникъ священный“,—постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ; Пушкинъ—со своихъ вдохновенныхъ страницъ.

Не такова судьба сценическаго дѣятеля.

Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній—создаетъ конкретный обликъ артиста. Но, когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, juraге in verba magistri (ссылаться на чужой авторитетъ), не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя.

А. Ѳ. Кони.

---

32. Два рода дѣятелей.

Бываютъ люди уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществили въ жизни все, что имъ было „дано“, но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили поработавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственнаго вліянія. Новыя поколѣнія проходятъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины,—живая связь между ихъ замолкнувшею личностью и вопросами и потребностями дня утрачена или не чувствуется—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безучастное къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и больное чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла—не преслѣдуетъ тѣхъ, кто возвращается съ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней усопшаго, который уже давно не былъ живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій...

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ житейской битвѣ они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ, какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и, уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ... Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и спокойствія, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но зато—ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ. Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... И сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не „переживаютъ“ себя, ибо жить для нихъ не значитъ только существовать да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ расчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее, и въ ихъ многогранной душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества...

А. Ѳ. Кони.

---

33. Вымыселъ и дѣйствительность.

У насъ встрѣчается, хотя и рѣдко высказываемое прямо, но раздѣляемое очень многими, убѣжденіе, что между созданіями художественнаго творчества и дѣйствительностью существуетъ рѣзкое и непримиримое различіе. Книга, говорятъ приверженцы этого взгляда, со-

держитъ обыкновенно вымыселъ, не находящій себѣ подтвержденія въ *настоящей* жизни и очень часто сурово опровергаемый ею. Поэтому книга и жизнь—двѣ совершенно различныя вещи, и горе тому идеалисту, который вздумаетъ жить по внушеніямъ книги! Надъ книжнымъ вымысломъ можно, пожалуй, поплакать праздными слезами, можно восторгаться имъ, задумываться надъ нимъ, уносясь отъ грѣшной земли въ сочиненныя поэтами сферы отвлеченныхъ чувствъ, но жизнь гораздо проще, грубѣе и заурядиѣе. Въ ней нѣтъ матеріала для подъема духа, все въ ней приноровлено къ потребностямъ средняго человѣка, и вся задача ея состоитъ въ отысканіи и примѣненіи способовъ для практическаго удовлетворенія этимъ потребностямъ. Поэтому—отчего не восхититься поэтическимъ образомъ, не воспылать мимолетнымъ негодованіемъ, не умилиться надъ хорошею книгою. Все это очень даже умѣстно, но... только покуда читается книга. А разъ она отложена въ сторону, начинается пѣсня „изъ другой оперы“, и снова наступаетъ *настоящая* жизнь, низменная, практическая, эгоистическая... Однимъ словомъ, книга сама по себѣ, жизнь—сама по себѣ...

Все это, однако, не вѣрно. Между творческимъ созданіемъ и явленіями дѣйствительной жизни очень много общаго. Каждый пастырь церкви, достойный своего сана,—каждый внимательный и развитой врачъ, каждый вдумчивый судья—безъ сомнѣнія, знаютъ, что жизнь въ своихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ являетъ такія драмы, завязываетъ такіе гордіевы узлы, предъ которыми блѣднѣетъ иной смѣлый вымыселъ. Они знаютъ также, что въ ней встрѣчаются страницы, исполненныя истинной поэзіи и явнаго присутствія высшихъ проявленій человѣческаго духа,—страницы, подъ которыми подписался бы съ готовностью любой художникъ. Знающіе дѣйствительность не съ одной чувственно-своекорыстной стороны должны указывать молодому поколѣнію, что книга жизни заключаетъ въ себѣ, только въ другихъ сочетаніяхъ, то же самое, что и книга, составляющая плодъ художественнаго творчества,—что обѣ одинаково даютъ матеріалъ и для сладкихъ слезъ, и для горькихъ сомнѣній, и для возвышающихъ душу порывовъ, и для будящихъ совѣсть тревогъ и откровеній.

Кто изъ читавшихъ знаменитый романъ Виктора Гюго: „Les misérables“ не помнитъ трогательнаго разсказа объ епископѣ Миріелѣ, пріютившемъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу Жана Вальжана, котораго отовсюду гонятъ съ его „волчьимъ паспортомъ“? Переночевавъ, послѣдній потихоньку уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподозриваютъ и приводятъ съ поличнымъ къ епископу,—но, движимый глубокимъ милосердіемъ, Миріель привѣтливо идетъ къ нему навстрѣчу и съ ласковой улыбкою спрашиваетъ: „Отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, которые я вамъ тоже подарилъ?“ Толчокъ для нравственнаго пе-

рожденія данъ, и Вальжанъ, духовно поднятый и просвѣтленный, вступаетъ въ новую жизнь... Таковъ поэтическій вымыселъ, созданный талантомъ и глубокимъ чувствомъ французскаго поэта.

Но вотъ что, по словамъ современниковъ, случилось въ сороковыхъ годахъ, лѣтъ за двадцать до появленія въ свѣтъ „Les misérables“, въ полицейской больницѣ, въ Москвѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ. Одинъ изъ пришедшихъ къ доктору Гаазу (см. выше, стр. 169, примѣчаніе), въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ объ его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную католическую легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей, и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ его отдѣляется зловонное и густое, какъ туманъ, дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: „На твою постель!“ и требуетъ затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается. „Я умираю!“ восклицаетъ онъ: „Обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ!“ Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... „Тогда“, повѣствуетъ Флоберъ, „прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ—и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись, какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладана, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо“...

Это—легенда, это—трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ... Директоръ госпитальной клиники Московскаго университета, профессоръ Новацкій, пишетъ о Ѳ. П. Гаазѣ: „Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего

поступленія на службу въ одну изъ клиникъ Московскаго университета—1853—былъ годомъ его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту, пришлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиники находились,—Ѳедора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцатилѣтня мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака*, который въ теченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ и нѣжно любившая ее мать—не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а въ третій—дѣвочка скончалась".

А. Ѳ. Кони.

---

34. Предисловіе къ роману „Герой нашего времени" (1841 г.).

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчи-

вость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя,—что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ „герой нашего времени“, другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и потреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

„Герой нашего времени“, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что, ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ героевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сладостями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!

М. Ю. Лермонтовъ.

---

35. Правда и милость, какъ основы суда.

Русскій современный судебный строй зиждется, по царственному завѣту, на господствѣ и взаимодѣйствіи великихъ началъ правды и милости.

Правда, какъ основа праваго суда,—это не та узкая, своекорыстная правда, которую каждый судящійся понимаетъ по-своему, потому что для него она совпадаетъ съ его личною выгодою. Нѣтъ, это безличная правда истиннаго разума, закона и неподкупной, ясной, чистой судейской совѣсти, та правда, которую всѣ честные люди живо чувствуютъ и чутко сознаютъ, какъ только въ судѣ раздастся ея величавый и безстрастный голосъ! Многообразны и многозначительны ея

велѣнія: она караетъ уличеннаго преступника, но не свыше мѣры имъ содѣяннаго; она освобождаетъ невиннаго, считая имъ всякаго, пока противное не будетъ доказано, и толкуя сомнѣніе въ пользу, а не во вредъ подсудимому; она воздаетъ каждому должное въ спорахъ о правахъ и имуществѣ, требуя, чтобы истецъ доказалъ свое домогательство, а отвѣтчикъ—свои возраженія. Правда суда водружаетъ законность тамъ, гдѣ оказалось зло, безправіе, своеволіе; она какъ бы говоритъ гражданину: „Исполняя законы, живи спокойно, не обижай никого, но и никого не страшись—я заступлюсь за тебя; зато не жди отъ меня послабленія, если самъ сойдешь съ этой прямой, законномѣрной дороги".

Но правды мало: нужна еще *милость*, ея неразлучный спутникъ въ добромъ судѣ. Правда безъ милости—суха и жестка, милость безъ правды—произвольна, ошибочна; но вмѣстѣ онѣ—полное выраженіе всей доступной намъ справедливости, конечная цѣль правосудія, высшая задача судьи. Милость смягчаетъ, гдѣ слѣдуетъ, суровое дѣйствіе правды, внушаетъ суду, что и въ виновномъ скрывается человѣкъ, нерѣдко заслуживающій состраданія; милость побуждаетъ не только судить и рѣшить умомъ, но и понять, почувствовать сердцемъ; она позволяетъ ободрить раскаявшагося, пожалѣть несчастнаго, поддержать, подчасъ спасти погибающаго. Верховный источникъ милости заключается въ Монаршемъ милосердіи, для котораго не существуетъ ни предѣловъ, ни правилъ. Но именно къ этому-то неисчерпаемому, безграничному источнику милости и не возбраняется прибѣгать суду, когда онъ найдетъ это необходимымъ по исключительнымъ обстоятельствамъ дѣла; а кромѣ того, онъ располагаетъ и собственно ему отведенною областью нравственной оцѣнки и снисхожденія, гдѣ онъ имѣетъ возможность примирять предписанія закона съ требованіями человѣколюбія.

Итакъ, соединять правду съ милостью, творить правосудіе по закону и въ то же время по лучшимъ побужденіямъ души человѣческой—вотъ главное призваніе дѣятелей судебныхъ установленій.

Н. В. Муравьевъ.

---

36. Коренныя начала русскаго новаго суда.

Водворяя въ Россіи новый судъ (въ 1864 г.), Императоръ Александръ II-ой объявилъ, что судъ этотъ долженъ быть скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Россійскаго Монарха. Немного словъ, — но сколько глубочайшаго въ нихъ смысла, какія великія и многотрудныя задачи воздвигаютъ они предъ вновь образованными судебными установленіями! Посильно выполнять эти за-

дачи составляетъ непремѣнную обязанность каждаго дѣятеля новаго суда; ожидать ихъ выполненія и на него разсчитывать есть неотъемлемое право всѣхъ, кто входитъ въ какое-либо соприкосновеніе съ судомъ, кому дорого господство правды и законности.

Судъ *скорый* — недаромъ это качество поставлено впереди другихъ! Повидимому простое и несложное, оно по своей первостепенной важности служитъ краеугольнымъ камнемъ истиннаго правосудія. Судебная волокита уничтожаетъ все благодѣтельное воздѣйствіе суда; онъ обращается въ невыносимое бремя общественнаго быта, вмѣсто того, чтобы быть несокрушимымъ его оплотомъ. Тому, чья участь такъ или иначе зависитъ отъ суда, естественно прежде всего желать, чтобы она какъ можно быстрѣй рѣшалась, чтобы не томились подъ неопредѣленнымъ долгимъ гнетомъ свобода, доброе имя, честь, достатокъ, существованіе семьи.

Тотъ, чье право или достояніе подвергнуто сомнѣнію или вопросу въ судебномъ дѣлѣ, неизбѣжно жаждетъ скорѣйшаго его окончанія, которое одно способно дать спокойное пользованіе принадлежащимъ благомъ или, покрайней мѣрѣ, отрезвляющее сознаніе безповоротной его потери. Судъ медленный можетъ еще, конечно, быть все-таки и справедливымъ, но онъ никогда не будетъ располагать общественнымъ сочувствіемъ и поддержкой, тогда какъ, напротивъ, быстрое производство и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ вселяетъ всюду утѣшительную увѣренность, что судебная власть входитъ въ тяжелое положеніе судящихся и ихъ законные интересы цѣнитъ дороже, чѣмъ свой служебный трудъ. Не судебныя надобности гражданъ существуютъ для судебныхъ органовъ, а суды учреждены, и судебные чины поставлены для пользы общества и непрестаннаго огражденія его членовъ отъ противозаконныхъ посягательствъ.

Будучи скорымъ, судъ призванъ быть правымъ и милостивымъ, т.-е. *справедливымъ*; иначе онъ не заслуживаетъ самаго имени суда. Справедливость суда составляетъ необходимую и неизмѣнную его принадлежность, основной признакъ истинной его природы. Какъ благочестіе свойственно служителю алтаря, какъ мужество и неустрашимость отличаютъ воина, такъ справедливость неразрывно связана съ нравственнымъ обликомъ судьи и вообще судебнаго дѣятеля.

Правота суда не имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ формализмомъ, который, ставя букву выше сущности, является лишь извращеніемъ цѣлей правосудія. Точно такъ же и судебная милость вовсе не тождественна съ неумѣстными въ судѣ чувствительностью и мягкосердіемъ; она лишь позволяетъ судьѣ засчитывать судящемуся все, что въ его человѣческой личности осталось добраго и неиспорченнаго, все, что въ дѣлѣ свидѣтельствуетъ въ пользу великодушія и снисхожденія. Главное преимущество хорошаго суда заключается, помимо его формы и состава, въ строгомъ и просвѣщенномъ исполненіи высокаго призванія судьи, не переставшаго быть человѣкомъ...

Требованіе Законодателя, чтобы судъ былъ для всѣхъ *равный*, само по себѣ краснорѣчивѣе всякихъ поясненій говоритъ уму и сердцу гражданина. Для справедливаго Царскаго суда не можетъ и не должно быть ни знатныхъ, сильныхъ или слабыхъ, ни богатыхъ или бѣдныхъ, ни русскихъ или инородцевъ — есть только правые или виноватые, обиженные или обидчики, есть лишь одно различіе: законности отъ безправія, правды отъ несправедливости, человѣколюбія отъ жестокости. На судѣ, творимомъ по указу Того, для чьей отеческой любви равны всѣ подданные его державы, царитъ единственное равенство, мыслимое въ гражданскомъ общежитіи, — равенство всѣхъ передъ однимъ закономъ, передъ одною, воплотившеюся въ немъ *Высочайшей* волей. Не по лицу или состоянію отправляется правосудіе, а лишь по мѣрѣ соблюденія въ поступкахъ и дѣяніяхъ того уваженія къ закону, которое, по Царственному завѣту, должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

Н. В. Муравьевъ.

---

37. Необходимость самовоспитанія.

Въ человѣкѣ существуетъ множество неопредѣленныхъ инстинктовъ, которые готовы сдѣлать изъ него самое жалкое игралище своихъ стремленій. Но въ немъ же есть сила, способная ихъ сдерживать, обуздывать и ограничивать, если не совсѣмъ уничтожать. То, что моралисты называютъ внутреннею борьбою, вовсе не есть вымыселъ: эта борьба не иное что, какъ актъ самоуправленія, которымъ приводятся къ единству, обуздываются и устраиваются различныя силы и влеченія нашей натуры, нашего темперамента, нашихъ естественныхъ наклонностей.

Задача образованія должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ самообладанію. Природа снабжаетъ насъ расположеніемъ, наклонностями, силами: образованіе научаетъ насъ извлекать изъ нихъ истинно человѣческую личность. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть творецъ самого себя. Ему даны матеріалы, стихіи; образъ же, въ которомъ они должны сосредоточиться и проявить себя, есть плодъ его художественной дѣятельности. Воздѣлывай разумно самого себя—вотъ истинная задача духа.

А. В. Никитенко.

---

38. Тацитъ и Плутархъ.

Какая мощь въ историкѣ Тацитѣ! Римъ, въ его время уже отжилъ свое исполинское величіе, но оно вновь ожило на страницахъ его безсмертнаго произведенія. Онъ, очевидно, не думаетъ поучать, но

ни одинъ историкъ не поучаетъ столько, какъ онъ. И это не разсужденіями или нравоученіями, а силой самого повѣствованія — убѣдительнаго въ своей безыскусственной простотѣ и ясности изложенія.

Сравнивая его съ Плутархомъ, находишь между обоими большую разницу. Плутархъ возвышенъ, Тацитъ великъ. Въ одномъ сила, въ другомъ могущество. Плутархъ тоньше и просвѣщеннѣе, Тацитъ глубже и всеобъемлющѣе. Плутархъ изобразилъ дѣянія великихъ людей золотыми буквами; Тацитъ вырѣзалъ ихъ неизгладимыми чертами на скрижаляхъ исторіи. Красота одного въ краснорѣчіи, другого—въ отсутствіи его. Читая Плутарха, восхищаешься имъ; читая Тацита, не съ нимъ бесѣдуешь, а съ людьми и съ событіями минувшихъ вѣковъ. Плутархъ позволяетъ себѣ отступленія, которыя ему охотно прощаешь; Тацитъ всегда сдержанъ и владѣетъ собой: онъ выше авторскихъ слабостей. Плутархъ философъ; Тацитъ человѣкъ, гражданинъ и мудрецъ. Одинъ созданъ, чтобы описывать дѣянія великихъ мужей, другой—чтобы быть самому такимъ.

А. В. Никитенко.

---

39. Роль писателей въ развитіи литературнаго языка.

Сколько бы мы ни находили красоть въ писателѣ со стороны его творчества и художественной распорядительности, всѣ онѣ довершаются его языкомъ. Но въ чемъ состоитъ достоинство писателя въ этомъ отношеніи? Намъ кажется, что способности его обнаруживаются двумя способами: или онъ пользуется готовыми ужъ, такъ сказать, наличными средствами языка, какъ знатокъ и мастеръ, выражаясь на нихъ вѣрно и изящно, или онъ достигаетъ этихъ самыхъ совершенствъ, проникая до сокровенныхъ тайнъ языка, развертывая его силы, приводя въ извѣстность невѣдомыя до того богатства, и такимъ образомъ дѣлаетъ достояніемъ литературы и общества то, что безъ него осталось бы надолго, а можетъ быть—навсегда, безъ употребленія и пользы.

Одинъ способъ свойственъ, какъ мы сказали, знатоку и мастеру; другой—великому дарованію, богатому новыми литературными идеями. Говорятъ, что такой-то писатель обогатилъ языкъ, внося въ него слова и обороты: это выраженіе очень неточно,—какъ будто писатель въ состояніи добавлять языкъ своими изобрѣтеніями! Положимъ, что у него есть слогъ; но слогъ есть не болѣе, какъ особенный слѣдъ, оставляемый на готовомъ уже составѣ языка его личностью, оригинальностью его мысли. Геній писателя смиряется передъ геніемъ языка; онъ не властенъ измѣнить его основныхъ законовъ или придать ему совершенства, съ нимъ несовмѣстныя. Но онъ можетъ постигать его тайны лучше многихъ другихъ, лучше всѣхъ другихъ; онъ можетъ, не спрашиваясь

мелочной лингвистики, дѣлать открытія, быть Колумбомъ языка, дать самому народу понять, какими сокровищами онъ надѣленъ отъ природы, ввести его, такъ сказать, во владѣніе ими,—какъ геній, открывшій Америку, ввелъ человѣчество во владѣніе цѣлою частью свѣта.

Что сдѣлалъ Ломоносовъ, установляя языкъ нашей литературы и науки? Изобрѣталъ ли онъ слова, съ ихъ формами, устройство рѣчи? Или перемѣнялъ значеніе однихъ и составъ другой? Нѣтъ. Онъ только воспользовался готовымъ запасомъ словъ и привилъ, такъ сказать, къ нимъ новыя понятія, потому что эти слова, по свойству широко отразившагося въ нихъ національнаго духа и свойственной ему силы движенія, оставаясь точными на своемъ мѣстѣ, въ употребленіи не были закованы въ цѣпи неподвижнаго и тѣснаго спеціализма и способны были развиваться съ новыми идеями жизни и образованности, принимать въ себя свѣтъ и теплоту живого дѣйствующаго ума. Когда же, впослѣдствіи, недоставало запаса словъ существующихъ, писатели обращались къ другому свойству русскаго языка—къ его гибкости, его богатому словопроизводству, и тотъ же геній языка помогалъ имъ съ честью выходить изъ затрудненія. Такъ и въ архитектоникѣ рѣчи Ломоносовъ и слѣдующіе за нимъ лучшіе писатели употребляли, сколько требовалъ ходъ нашего образованія, новыя словосочетанія, извлекая ихъ изъ общихъ свойствъ нашего богатаго синтаксиса и логики языка, столь здравой и естественной. Языкъ литературный совершенствовался по мѣрѣ того, какъ писатели покидали искусственныя формы, лучше постигали духъ выраженія общенароднаго и приближались къ нему оборотами рѣчи.

Но, не считая никого изобрѣтателемъ въ дѣлахъ языка, мы тѣмъ не менѣе должны признать высокую заслугу писателей, которые подвигаютъ его впередъ, испытывая и употребляя его природныя средства. Здѣсь каждое слово, удачно употребленное для обозначенія новаго оттѣнка понятія, каждый оборотъ, впервые выражающій новое направленіе мысли или ея смѣлый, оригинальный порывъ, каждая капля свѣжей краски, очутившаяся на палитрѣ поэта-живописца,—все важно, все дорого, какъ проявленіе его жизненной силы, какъ новое орудіе для распространенія и утвержденія образованности и истины.

А. В. Никитенко.

---

40. Русское церковное пѣніе.

Русское церковное пѣніе—какъ народная пѣснь, льется широкою, вольною струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому

надобно итти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ, и справляется обиходъ по новымъ оффиціальнымъ переложеніямъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе; тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой выпѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнутъ канонъ Пасхи и Рождества Христова. Тутъ оглянемся и увидимъ, какъ отзывается каждое слово пѣсни въ народномъ собраніи, какъ блеститъ оно въ поднятыхъ взорахъ, носится надъ склоненными головами, отражается въ припѣвахъ, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человѣку знакомы съ дѣтства и слова, и напѣвы, и во всякомъ душа поетъ, когда онъ ихъ слышитъ. Богослуженіе стройное, истовое—дѣйствительно праздникъ русскому человѣку, и внѣ церкви душа хранитъ глубокое ощущеніе, которое отражается въ ней даже при воспоминаніи о томъ или другомъ моментѣ,—русская душа, привыкшая къ церкви и во всякую минуту готовая воспрянуть, когда внутри ея послышится пѣснь пасхальнаго или рождественскаго канона, съ мыслью о свѣтлой заутренѣ, или любимый напѣвъ праздничнаго ирмоса, или „Всемірная слава“ съ ея потрясающимъ „Дерзайте“... Подлинно, это тѣ звуки, о которыхъ сказалъ поэтъ, что имъ —

„безъ волненья
Внимать невозможно...
Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово.
Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,—
Услышавъ его, я
Узнаю повсюду“...

А у того, кто съ дѣтства привыкъ къ этимъ словамъ и звукамъ, сколько отъ нихъ поднимается всякій разъ воспоминаній и образовъ изъ той великой поэмы прошлаго, которую каждый прожилъ и каждый носитъ въ себѣ... Счастливъ, кто привыкъ съ дѣтства къ этимъ словамъ, звукамъ и образамъ, кто въ нихъ нашелъ красоту и стремится къ ней, и жить безъ нея не можетъ, кому все въ нихъ понятно, все родное, все возвышаетъ душу изъ пыли и грязи житейской, кто въ нихъ находитъ и собираетъ растерянную по угламъ жизнь свою, разбросанное по дорогамъ свое счастье. Счастливъ, кого съ дѣтства добрые и благочестивые родители пріучили къ храму Божію и ставили въ немъ посреди народа молиться всенародною молитвой, праздновать всенарод-

ному празднику. Они собрали ему сокровище на цѣлую жизнь, они ввели его подлинно въ разумъ духа народнаго и въ любовь сердца народнаго, сдѣлавъ и для него церковь роднымъ домомъ и мѣстомъ полнаго, чистаго и истиннаго соединенія съ народомъ.

К. П. Побѣдоносцевъ.

---

41. Прямой и двоедушный человѣкъ.

Власть, какъ носительница правды, нуждается болѣе всего въ людяхъ правды, въ людяхъ твердой мысли, крѣпкаго разумѣнія и праваго слова, у коихъ *да* и *нѣтъ* не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и раздѣльно возникаютъ въ духѣ и въ словѣ выражаются. Только такіе люди могутъ быть твердою опорою власти и вѣрными ея руководителями. Счастлива власть, умѣющая различать такихъ людей и цѣнить ихъ по достоинству и неуклонно держаться ихъ. Горе той власти, которая такими людьми тяготится и предпочитаетъ имъ людей склоннаго нрава, уклончиваго мнѣнія и языка льстиваго.

Правый человѣкъ есть человѣкъ цѣльный, не терпящій раздвоенія. Онъ смотритъ прямо очами въ очи, и въ очахъ его видится одинъ образъ, одна мысль и чувство единое. Видъ его спокоенъ и безстрашенъ и языкъ его не колеблется направо и налѣво. Мысль его сама съ собою согласна и высказывается, не допытываясь, съ чьимъ мнѣніемъ согласна она, кому пріятна, чьему желанію соотвѣтствуетъ. Слово его просто и не ищетъ кривыхъ путей и лукавыхъ способовъ—убѣдить въ томъ, въ чемъ мысль, порождающая слово, не утвердилась въ правду.

Не таковъ человѣкъ, не утвержденный въ мысли, двоедушный и льстивый. Онъ глядитъ вамъ въ очи, но въ его очахъ вы не его одного видите—но кто-то другой еще стоитъ сзади и выглядываетъ на васъ,—и не знаешь, кому вѣрить: этому или тому, другому? Говоритъ,—и, хотя бы красна и горяча была рѣчь его, на умѣ у него: какое она произвела на васъ впечатлѣніе, согласна ли она съ вашимъ желаніемъ или прихотью; и, если вы на нее отзоветесь, онъ обернетъ ее къ вамъ и скажетъ, что вы ея создатель, что онъ отъ васъ ее заимствовалъ. Мимолетное слово ваше онъ схватитъ на лету, облечетъ въ форму и понесетъ въ видѣ твердой мысли, въ видѣ рѣшительнаго мнѣнія. Чѣмъ способнѣе такой человѣкъ, тѣмъ искуснѣе успѣетъ пользоваться вами и направлять васъ. Вы затрудняетесь или сомнѣваетесь: у него готово рѣшеніе, которое выведетъ васъ изъ затрудненія, изъ безпокойства, въ покой самодовольствія. Вы колеблетесь распознать, на которой сторонѣ правда: у него готовы аргументы и формулы, способные убѣдить васъ въ томъ, что казавшееся вамъ сомнительнымъ и есть сущая правда.

К. П. Побѣдоносцевъ.

---

42. Сила Воспоминанія.

Кому случалось испытать на себѣ дивную силу воспоминаній, тотъ знаетъ по опыту, какъ часто вдругъ, неожиданно, среди равнодушія и усталости, среди шума и суеты, одно невзначай услышанное слово, одинъ напѣвъ или звукъ будилъ уснувшую душу и мгновенно отворялъ ей двери въ обширный міръ прожитого, минувшаго. Мгновенно воскресала въ душѣ живая картина изъ минувшей жизни со всею ея обстановкою, возникали изъ глубины прошедшаго милые образы, давно оставшіеся позади насъ, и душѣ слышалась такъ явственно, такъ понятно и усладительно цѣлая гармонія того момента, котораго коснулось воспоминаніе. Никакими словами невозможно выразить впечатлѣніе, производимое въ душѣ такимъ воспоминаніемъ: какая-то торжественная поэма слагается въ ней изъ остатковъ минувшаго, за минуту передъ тѣмъ бывшихъ отрывочными представленіями. Тутъ всѣ они оживляются и сходятся въ стройное цѣлое. Все, что было слишкомъ рѣзко и угловато въ дѣйствительности, пропадаетъ, уступая мѣсто мягкимъ тонамъ и краскамъ. Такія минуты принадлежатъ къ лучшимъ минутамъ въ жизни.

Но какъ счастливъ тотъ, у кого воспоминанія дѣтства и юности соединены съ самыми возвышенными ощущеніями, какія способны охватывать душу — съ ощущеніями и впечатлѣніями вѣры! Сколько новыхъ источниковъ религіознаго вдохновенія пріобрѣтаетъ душа, у которой есть запасъ религіозныхъ ощущеній изъ минувшаго времени— и какъ оживляется такими воспоминаніями молитва! Придя въ церковь съ холоднымъ и неподвижнымъ чувствомъ, вдругъ оживляешься отъ одного слова или напѣва, напомнившаго то ощущеніе, съ которымъ слушалъ его когда-то въ другое, давно прошедшее время,—то настроеніе духа, въ которомъ тогда звукъ этотъ былъ встрѣченъ. Смотришь на стѣны, на иконы, на алтарь, и вспоминаешь, какъ во время оно стоялъ и молился здѣсь, какъ сюда приносили и приводили тебя домашніе, молившіеся за тебя или вмѣстѣ съ тобою. Сидишь дома, въ день праздничный, и ждешь колокола; вотъ ударили, и вдругъ душа тронулась. Одинъ этотъ звукъ напомнилъ тебѣ, какъ ту же самую минуту давнымъ-давно встрѣчалъ ты въ дѣтствѣ, и такъ же, какъ тогда, съ горячимъ желаніемъ, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ чего-то таинственнаго и торжественнаго, спѣшишь ты въ церковь стать на свое мѣсто. Какъ часто дома, читая Библію и равнодушно проходя мыслію цѣлыя страницы, вдругъ попадаешь на слово, которое разомъ согрѣваетъ душу и вводитъ тебя въ міръ самыхъ сладостныхъ и возвышенныхъ духовныхъ ощущеній! Отчего? Оттого, что это слово—слово родственное, знакомое душѣ, слово, которое въ *ту пору* будило твою мысль и лелѣяло чувство. Вспоминаешь торжественную минуту прошедшаго — и настоящая минута озаряется тѣмъ же торжественнымъ

свѣтомъ. Кажется иногда, что нѣкоторыя слова св. Писанія сами по себѣ имѣютъ какую-то таинственную силу зажигать и поднимать душу. Чѣмъ чаще читаешь его въ лучшія минуты душевнаго умиленія, тѣмъ глубже западаютъ въ душу эти слова, и хранятся въ ней до того времени, когда понадобится душѣ *слово* для того, чтобы раздуть въ ней искру того же умиленія, хранившуюся подъ пепломъ.

К. П. Побѣдоносцевъ.

---

43. „Горе отъ ума".

(Изъ письма къ А. А. Бестужеву, 1825 г.).

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ. Вотъ, что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ: слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно комическаго генія.

Теперь вопросъ: въ комедіи „Горе отъ ума" кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п.

Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся.

Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна бы вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ: его воля.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся... Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту...

А. С. Пушкинъ.

---

44. Барклай де-Толли и Кутузовъ.

(Объясненіе по поводу стихотворенія „Полководецъ“ [1]).

Одно стихотвореніе навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожъ, меня въ этомъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло—спаситель Россіи; его памятникъ—скала св. Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русскіе,—что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ-ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ-ли онъ, послѣ ужасной битвы, гдѣ *равенъ* былъ *неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и встать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія)... Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцатипятилѣтняго безмолвія—поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены,

---

[1]) См. „*Родная рѣчь*“, часть III, поэзія.

награждены. Такъ; но кѣмъ и когда?.. Конечно, не народомъ и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ... Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокровенной цѣли — и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, — останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи,—конечно, недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души: „Передъ гробницею святой“ и пр. [1]).

А. С. Пушкинъ.

---

45. Сила науки.

Наука есть великое могущество, есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ, когда изучаетъ прежде всего человѣка, когда знаетъ условія, законы и потребности его природы, когда умѣетъ сохранить гармонію между началами, въ его природѣ дѣйствующими, умѣрять одно другимъ, положить границы между ними, когда умѣетъ умѣрять гордыню знанія и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству, когда умѣетъ опредѣлить границы, гдѣ оканчивается область знанія, и гдѣ начинается область вѣры. Наука достигаетъ полнаго могущества не тогда только, когда учитъ и развиваетъ умственныя способности, не тогда только, когда изученіемъ законовъ видимой природы увеличиваетъ удобства жизни: она достигаетъ полнаго могущества, когда воспитываетъ человѣка, развиваетъ всѣ начала его природы для ихъ правильнаго и согласнаго проявленія.

С. М. Соловьевъ.

---

[1]) Стих. „Къ тѣни полководца“. См. „*Родная рѣчь*“, ч. II, отдѣлъ V.

46. Вліяніе природы на характеръ народный.

Природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный.

Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго—какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической; но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ.

Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ—развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, — въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятого, практическаго—чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе,—а все это вмѣстѣ, безъ другихъ посторонніхъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчины, что, разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ.

С. М. Соловьевъ.

---

47. Взаимодѣйствіе между природой страны и ея обитателями.

Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно, но здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то, съ постепеннымъ раз-

витіемъ его духовныхъ силъ, замѣчается обратное дѣйствіе—измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста непроходимыя являются проходимыми, пути неудобные удобными, пространства сокращаются, изсушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются новыя растенія, животныя, прежнія исчезаютъ, климатъ измѣняется; природныя условія продолжаютъ дѣйствовать, но это ужъ другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ.

Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усомнились бы разсматривать, какъ произведеніе вліянія природныхъ условій, если бы имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами (туземцами); но движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ должны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое долженствовало быть и во времена отдаленныя, времена разселенія племенъ и народовъ: не извѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чувствуетъ внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно—соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря,—и море не оказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря и стремится на открытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ для себя.

Слѣдовательно, народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ, и отношенія поэтому измѣняются, являются болѣе свободными.

С. М. Соловьевъ.

---

48. Значеніе великаго человѣка.

Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія, спокойныя: живется, какъ жилось издавна; и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло не ограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, оно охватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія движенія извѣстнаго народа. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершавшаго его, человѣка,

по имени котораго знаютъ его время потомки,—такого человѣка называютъ великимъ.

Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народнаго очень продолжительный,—когда люди поддаются господству чувства и воображенія,—тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, не имѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и своему народу, силою, дѣйствующею съ полнымъ произволомъ,—народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носитъ на себѣ всѣ слѣдствія ея дѣятельности; великому человѣку принадлежитъ починъ во всемъ, онъ создаетъ, творитъ все средствами своей сверхъестественной природы.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзывающихся болѣзненно на организмѣ смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода, и силою своей воли, своей неутомимой дѣятельности побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Какъ люди, они должны и ошибаться въ своей дѣятельности, и ошибки эти тѣмъ виднѣе, чѣмъ виднѣе эта дѣятельность: иногда по силѣ природы своей и силѣ движенія, въ которомъ они участвуютъ на первомъ планѣ, они ведутъ движеніе за предѣлы, назначенные народною потребностію и народными средствами: это производитъ извѣстную неправильность, остановку въ движеніи, часто заставляетъ дѣлать шагъ назадъ, что мы называемъ реакціею; но эта неправильность временная, а заслуга вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ великій человѣкъ является свѣтомъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола, онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народ-

ной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка, который можетъ остановить извѣстный ходъ развитія и толкнуть народъ на другую дорогу, вопреки волѣ народной. Исторія народа становится достойною изученія, представляетъ уже не отрывочный рядъ біографій, занимательныхъ для воображенія людей, остановившихся на дѣтскомъ возрастѣ, но даетъ связное и стройное представленіе народной жизни, питающее мысль зрѣлаго человѣка, который углубляется въ исторію, какъ науку народнаго самопознанія.

С. М. Соловьевъ.

---

49. Важность и трудность изученія исторіи.

Исторія первоначально есть наука народнаго самопознанія. Но самый лучшій способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ обширнѣе и яснѣе, чѣмъ большее число народовъ становится предметомъ познаванія,—и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, — и такимъ образомъ исторія становится наукою самопознанія для цѣлаго человѣчества.

Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или такъ называемой всеобщей исторіи, представляетъ одинакія общія трудности.

Внѣшній окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженные могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море, и въ нѣдра земли; посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе, посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно, завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно: мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Внимательное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка, на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиваться которою и увлекаться опасно для науки.

Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница жизни (magistra vitae), человѣкъ, однако, хлопочетъ часто изо всѣхъ силъ, чтобы высвободиться изъ-подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочетъ ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только то, что ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная; но, когда ему указываютъ на другую сторону дѣла, непріятную для него, онъ начинаетъ всѣми силами отвергать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять ее: здѣсь уже искаженіе истины намѣренное. Исторія—это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ самаго стремленія искажать исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого наукѣ не легче...

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ отъ внимательности наблюденій надъ жизнью народа, отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но и отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т.-е. вгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполнѣ правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба не отъ того, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а отъ того, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій внѣшней природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

С. М. Соловьевъ.

50. Христіанство въ древней Руси.

Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему. Общество образовалось не по контракту, какъ думали въ XVIII вѣкѣ; члены первоначальнаго общества не договаривались жертвовать личнымъ интересомъ общему; но, какъ провозгласилъ великій философъ древности, человѣкъ есть животное общественное, — и потому первоначальное, естественное общество человѣческое—семейство—уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя и живутъ для существъ, отъ нихъ рожденныхъ.

Общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть жертва: Грецiя была на вершинѣ внутренней силы и могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ, — Римъ, когда за него умиралъ Децій; и благо тому обществу, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ сочувствіи Леонидамъ и Дециямъ, въ сочувствіи безсмертнымъ твореніямъ, прославляющимъ ихъ подвиги.

Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу свою: то понятно, какъ могущественно должна содѣйствовать укрѣпленію общества религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества, поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, — юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства,—когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла въ паденію,—та же самая сила помогла человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ, юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ

людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. Навстрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ; и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ второго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, — и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другого, болѣе почетнаго — мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ: къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но и дѣломъ, — слѣдовательно, болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди — и внимало не равнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны, и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что, внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это-то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій.

Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, — эта юность даетъ историку ключъ къ уразумѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторые, напримѣръ, обнаруживаютъ сомнѣніе относительно вѣрности лѣтописныхъ извѣстій о знаменитомъ Ермакѣ, сперва буйно разгуливавшемъ по Волгѣ, широкому казацкому раздолью, а потомъ, во время сибирскаго похода, сдѣлавшемся чрезвычайно религіознымъ, наложившемъ на себя и на всю дружину свою обѣтъ цѣломудрія. Но если мы не хотимъ вѣрить лѣтописцу, подозрѣваемъ его въ намѣрен-

номъ измѣненіи характера, не понимаемъ быстраго перехода отъ волжскаго казака къ благочестивому предводителю, который даетъ своему походу значеніе религіозное, то должны повѣрить древней народной пѣснѣ, которая представляетъ своихъ героевъ вполнѣ соотвѣтственно характеру времени. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко Святымъ мѣстамъ, — подвигъ, вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: „Смолоду много было бито, граблено, подъ конецъ надо душу спасти“. Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный смолоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь и тамъ, и на Востокѣ и на Западѣ, общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія— признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лѣкарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, — часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться, хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

С. М. Соловьевъ.

---

51. Истинное просвѣщеніе.

Мы не можемъ опредѣлить, когда у насъ впервые явилось слово „просвѣщеніе“, но нельзя не признаться, что оно составилось очень удачно для названія самаго понятія. Въ немъ, хотя и метафорически, рѣзко выразился признакъ того, что мы должны разумѣть подъ истиннымъ просвѣщеніемъ.

Этотъ признакъ сближенъ со свѣтомъ, все кругомъ освѣщающимъ, согрѣвающимъ, оживляющимъ. Это тотъ свѣтъ, который вспыхиваетъ

въ нашемъ духѣ, освѣщая нашъ умственный и нравственный міръ, вознося нашу мысль на ту высоту, съ которой все видится яснѣе, и опредѣляются лучше отношенія ко всему окружающему. Предлогъ *про* выражаетъ, что этотъ свѣтъ стремится проникнуть какъ бы насквозь въ существо,—слѣдственно, въ самую глубину его, все освѣтить и не оставить ни одного темнаго уголка. Вотъ какое понятіе заключается въ словѣ „просвѣщеніе“, судя по его названію.

Оно противополагается слову „невѣжество“ въ смыслѣ невѣдѣнія, въ которомъ человѣкъ пребываетъ отъ малаго знакомства съ законами жизни, и которое держитъ собственную его жизнь въ бѣдности среди постоянныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Это противоположеніе выясняетъ намъ, что просвѣщеніе составляетъ міръ высшихъ идей, которыя пріобрѣтаются черезъ изученіе всего, что существуетъ и дѣйствуетъ какъ въ насъ, такъ и внѣ насъ. Отсюда просвѣщеніе тѣсно связывается съ ученіемъ, дающимъ свѣтъ разуму и указывающимъ тотъ прямой путь, по которому слѣдуетъ итти человѣку. Итакъ, просвѣщеніе не можетъ быть безъ развитія высшихъ понятій, въ которыхъ связывается, но не смѣшивается, все существующее по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ и въ извѣстныхъ между собою отношеніяхъ.

Слѣдственно, просвѣщенный человѣкъ не тотъ, у кого много несвязныхъ познаній или такихъ, которыя составляютъ одну какую-нибудь спеціальность, а тотъ, кто черезъ научныя познанія развилъ въ себѣ высшія понятія, опредѣляющія человѣческую жизнь въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему, т.-е. къ природѣ и къ обществу. Просвѣщеніе вызываютъ присущія человѣку стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру и изящному—и сами имъ поддерживаются. Слѣдовательно, съ просвѣщеніемъ соединяются всѣ сферы дѣятельности — и ученаго, и администратора, и судьи, и медика, и филантропа, — независимо отъ тѣхъ спеціальныхъ познаній, которыя имъ нужны для дѣятельности. Можно быть очень ученымъ спеціалистомъ и въ то же время человѣкомъ мало просвѣщеннымъ, т.-е. безъ тѣхъ высшихъ познаній, которыя возвышаютъ человѣческую жизнь, расширяя и освѣщая умственный и нравственный горизонтъ; съ другой стороны, можно быть очень просвѣщеннымъ человѣкомъ безъ всякаго права называться спеціалистомъ по какой бы то ни было отрасли наукъ.

В. Я. Стоюнинъ.

---

52. Романъ „Война и миръ“.

I. Общая характеристика.

Наконецъ, великое произведеніе кончено. Наконецъ, оно передъ нами, оно навсегда наше, и исчезли всякія наши волненія. Въ то время какъ гр. Л. Н. Толстой какъ будто замедлилъ окончаніемъ своего

труда, мы невольно мучились страхомъ и надеждой. Художникъ, какъ мы видимъ теперь, спокойно и увѣренно продолжалъ свою работу; твердою рукою онъ доканчивалъ ея послѣднія части; но мы, простые смертные, съ невольнымъ замираніемъ сердца ждали совершенія таинственнаго дѣла. Мы дивились до изумленія, какъ могла творческая сила, не ослабѣвая ни на минуту, дѣйствовать въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, и, еще не сумѣвъ понять всего величія открывшихся передъ нами силъ, не успѣвъ привыкнуть къ этому величію, малодушно страшились за окончаніе великаго и безцѣннаго дѣла. Самыя нелѣпыя опасенія приходили намъ въ голову.

Но, наконецъ, картина готова, и вся передъ нами. Красота ея открывается съ новою, съ поразительною силою. Только теперь всѣ подробности заняли свое надлежащее мѣсто, ясно обозначился центръ, ясно выступилъ колоритъ отдѣльныхъ частей, и, обнимая картину однимъ взглядомъ, мы можемъ отчетливо видѣть ея общее освѣщеніе, связь всѣхъ ея фигуръ и неотразимую мысль, которая составляетъ душу всего произведенія, которая даетъ ему полное единство, полную жизнь. Всмотритесь, вчитайтесь, попробуйте обозрѣть весь разсказъ какъ одно цѣлое,—впечатлѣніе будетъ усиливаться и возрастать по мѣрѣ вашего вниманія и изученія.

Какая громада и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ намъ ни одна литература. Тысячи лицъ, тысячи сценъ, всевозможныя сферы государственной и частной жизни, исторія, война, всѣ ужасы, какіе есть на землѣ, всѣ страсти, всѣ моменты человѣческой жизни, отъ крика новорожденнаго ребенка до послѣдней вспышки чувства умирающаго старика, всѣ радости и горести, доступныя человѣку, всевозможныя душевныя настроенія, отъ ощущеній вора, укравшаго червонцы у своего товарища, до высочайшихъ движеній героизма и думъ внутренняго просвѣтленія—все есть въ этой картинѣ. А между тѣмъ, ни одна фигура не заслоняетъ другой, ни одна сцена, ни одно впечатлѣніе не мѣшаютъ другимъ сценамъ и впечатлѣніямъ, все на мѣстѣ, все ясно, все раздѣльно и все гармонируетъ между собою и съ цѣлымъ. Подобнаго чуда въ искусствѣ, притомъ чуда, достигнутаго самыми простыми средствами, еще не бывало на свѣтѣ. Эта простая и въ то же время невообразимо искусная группировка не есть дѣло внѣшнихъ соображеній и прилаживаній; она могла быть только плодомъ геніальнаго прозрѣнія, которое однимъ взглядомъ, простымъ и яснымъ, объемлетъ и проникаетъ все многообразное теченіе жизни.

Ревниво разсматриваемъ мы наше сокровище, это неожиданное богатство нашей литературы, честь и украшеніе ея современнаго періода: нѣтъ ли гдѣ недостатковъ? Нѣтъ ли пропусковъ, противорѣчій? Нѣтъ ли какихъ-нибудь важныхъ несовершенствъ, за которыя мы, конечно, съ избыткомъ были бы вознаграждены сильными сторонами „Войны и мира“, но которыя намъ все-таки больно было бы видѣть въ этомъ

произведеніи? Нѣтъ, нѣтъ ничего, что̀ могло бы помѣшать полной радости, что̀ смущало бы нашъ восторгъ. Всѣ лица выдержаны, всѣ стороны дѣла схвачены, и художникъ до послѣдней сцены не отступилъ отъ своего безмѣрно-широкаго плана, не опустилъ ни одного существеннаго момента, и довелъ свой трудъ до конца безъ всякаго признака измѣненія въ тонѣ, взглядѣ, въ пріемахъ и силѣ творчества. Дѣло поистинѣ изумительное! Для ясности попробуемъ сдѣлать коротенькій очеркъ двухъ послѣднихъ томовъ.

Пятый томъ содержитъ занятіе Москвы французами и все время ихъ пребыванія въ ней. Шестой—бѣгство французовъ и эпилогъ—развязку всѣхъ событій, государственныхъ и частныхъ. Надъ пятымъ томомъ царитъ ужасъ, а надъ шестымъ, несмотря на всѣ его мрачныя картины, уже носится вѣяніе мира, уже ясно, что все стихаетъ, борьба кончена, и скоро наступитъ обыкновенное теченіе жизни. Пятый томъ, начинающійся совѣтомъ въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было отдать Москву, и оканчивающійся сценою, когда Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи французовъ изъ столицы, поразителенъ изображеніемъ того страшнаго удара, который былъ нанесенъ русскимъ душамъ потерею Москвы. Люди потерялись, ошалѣли, обезумѣли отъ жестокаго потрясенія. Растопчинъ, Пьеръ, посѣтители питейнаго дома на Варваркѣ—всѣ потеряли голову, всѣ чувствовали и дѣйствовали подъ давленіемъ неописаннаго ужаса. Самъ Кутузовъ, до конца вѣрившій и ни разу не колебавшійся, задумался, какъ никогда не задумывался. Главное лицо пятаго тома, Пьеръ, на которомъ всего яснѣе отражается нравственный процессъ, совершавшійся въ русскихъ душахъ, своими похожденіями всего лучше изображаетъ чувства, овладѣвшія тогда всѣми. Его бѣгство изъ своего дворца, переодѣваніе, попытка убить Наполеона и прочее — все свидѣтельствуетъ о глубокомъ душевномъ потрясеніи, о страстномъ желаніи такъ или иначе раздѣлить бѣдствія своей родины, страдать тогда, когда всѣ страдаютъ. Онъ, наконецъ, добивается своего, и въ плѣну—успокоивается. Въ плѣну онъ сливается съ массою простонародныхъ лицъ и въ этой массѣ встрѣчаетъ человѣка, который всего яснѣе, всего глубже показываетъ ему силу и красоту русскаго народа,—Платона Каратаева. Убѣжавши съ Бородинскаго поля, Безухій размышлялъ такъ: „Какъ ужасенъ страхъ, и какъ позорно я отдался ему! А они... они все время до конца были тверды, спокойны“... *Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые его кормили, и тѣ, которые молились на икону. *Они—эти странные, невѣдомые ему доселѣ, они ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ другихъ людей* (стран. 35, т. V). Затѣмъ во снѣ ему видится масеонъ-благодѣтель, говорящій о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. „И *они* со всѣхъ сторонъ, *съ своими простыми, добрыми лицами*, окружали благодѣтеля“. Такъ образъ народа съ неизгладимою силою отпечатлѣлся въ душѣ Пьера на Боро-

динскомъ полѣ. Но это впечатлѣніе еще разъ, съ большею силою, въ болѣе конкретныхъ формахъ, повторилось для Пьера тогда, когда онъ всего способнѣе былъ его принять въ плѣну, среди величайшихъ страданій. „Платонъ Каратаевъ“, говоритъ авторъ, „остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго“ (тамъ же, стран. 233). Въ лицѣ Каратаева Пьеръ видѣлъ то, какъ русскій народъ мыслитъ и чувствуетъ при самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, какъ великая вѣра живетъ въ его простыхъ сердцахъ. Душевная красота Каратаева поразительна, выше всякой похвалы. Вспомнимъ, какъ долго наша литература занималась простымъ народомъ, сколько попытокъ было сдѣлано, чтобы уловить его духъ и силу, сколько подобныхъ попытокъ есть у самого гр. Л. Н. Толстого. Вся эта литература, всѣ эти попытки превзойдены и навсегда заслонены несравненною фигурою Каратаева, показывающею, какъ глубоко овладѣлъ художникъ труднѣйшими задачами, волновавшими цѣлый литературный періодъ, и его самого вмѣстѣ съ другими.

Итакъ, внутренній смыслъ пятаго тома сосредоточенъ на Пьерѣ и Каратаевѣ, какъ на лицахъ, которыя, страдая вмѣстѣ со всѣми, но оставаясь безъ дѣйствія, имѣли возможность подумать и выносить въ душѣ впечатлѣніе великаго общаго бѣдствія. Для Пьера глубокій душевный процессъ окончился нравственнымъ обновленіемъ; Наташа говоритъ, что Пьеръ морально очистился, что плѣнъ былъ для него нравственною банею (т. VI, стр. 136). Каратаеву нечему было учиться; онъ словомъ и дѣломъ училъ другихъ, и умеръ, завѣщавъ свой духъ Пьеру.

Рядомъ съ этими событіями внутренней духовной жизни стоятъ въ пятомъ томѣ всякаго рода внѣшнія событія. Отъѣздъ Ростовыхъ, хлопоты и порыванія Растопчина, убійство Верещагина, капитанъ Рамбаль со своими разсказами, Мишо, доносящій царю о взятіи Москвы, разстрѣливаніе русскихъ поджигателей и т. д. Всѣ эти сцены съ изумительной живостью рисуютъ намъ ходъ всего дѣла въ эту тяжелую эпоху, тогдашнюю жизнь Москвы, Россіи, отъ царя до послѣдняго солдата.

Но творчество нашего художника достигаетъ своей высшей силы тамъ, гдѣ оно касается вѣчныхъ, непреходящихъ интересовъ души человѣческой. Участіе князя Андрея въ общихъ дѣлахъ кончилось на Бородинскомъ полѣ, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ. Ему предстояли теперь уже одни частныя его дѣла—свиданіе съ Наташею и смерть. Изображеніе этого свиданія и внутренняго просвѣтлѣнія, испытаннаго княземъ Андреемъ передъ смертью, есть верхъ художественнаго совершенства, дѣйствительное откровеніе тайнъ человѣческаго сердца, потрясающее насъ своею неизмѣримою глубиною. Другой разсказъ не менѣе поразителенъ. Въ пятомъ же томѣ разсказывается, какъ среди всеобщихъ бѣдствій завязалась любовь между княжною Марьею и Ни-

колаемъ Ростовымъ. Чистота и нѣжность этихъ отношеній невыразимы, безконечны. Невольно изумляешься тому, какъ просты и вмѣстѣ какъ чисты оба эти существа, какой ясный свѣтъ можетъ горѣть въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. Итакъ, князь Андрей умираетъ, Николай Ростовъ влюбляется въ свою будущую жену, Пьеръ страдаетъ — вся гамма человѣческой жизни еще разъ взята художникомъ въ пятомъ томѣ.

Шестой томъ—развязка,—конецъ страшныхъ событій и начало новой жизни. Характеръ отступленія французской арміи и образъ дѣйствій нашихъ войскъ показанъ съ такою же ясностью и вѣрностью, какъ и смыслъ Бородинской битвы и значеніе гибели Москвы для насъ и для французовъ. Событія идутъ быстро, но не опущено ничего требуемаго полнотою картины. Обрисована партизанская война, положеніе бѣгущихъ французовъ, жестокость однихъ русскихъ, благодушіе другихъ, „чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты“, какъ говоритъ авторъ (т. VI, стран. 91). Наконецъ, Кутузовъ, подобно тому какъ въ пятомъ томѣ, является въ началѣ, „когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ“ (стран. 88), и въ концѣ, когда онъ въ Вильнѣ выслушиваетъ выговоръ государя (стран. 107).

Мы видимъ при этомъ, какъ погибали юноши (смерть Пети Ростова), какъ невѣсты горевали о женихахъ и сестры о братьяхъ (Наташа и княжна Марья о князѣ Андреѣ), какъ матери убивались о дѣтяхъ (графиня Ростова о Петѣ). Когда же кончилась война, наступаютъ свиданія въ Москвѣ тѣхъ лицъ, которыя были разлучены войною, начинаются разсказы и разспросы, завязываются новыя отношенія, и начинается новая жизнь.

Внутренній смыслъ хроники заканчивается послѣдними поученіями, преподаваемыми Пьеру его собственными страданіями и предсмертными рѣчами и смертью Каратаева. Живо и глубоко изображаетъ художникъ обновленіе Пьера. Въ этомъ обновленіи олицетворено обновленіе всей Россіи, то раскрытіе духовныхъ силъ, которое должно было послѣдовать за испытаніями и борьбою. Для Пьера, какъ и для Россіи, начался новый, лучшій періодъ. Очистившійся, укрѣпленный и просвѣтленный страданіемъ, Пьеръ заслуживаетъ любовь Наташи и испытываетъ все счастіе, къ какому только способенъ.

Тутъ опять художникъ вступаетъ въ область неизмѣнныхъ, непреходящихъ интересовъ человѣческой жизни, и опять поднимается до высоты удивительной и несравненной. Онъ рисуетъ намъ двѣ семьи,—двѣ новыя семьи, сложившіяся подъ вліяніемъ всѣхъ разсказанныхъ имъ событій и составляющія какъ бы вѣнецъ дѣла, какъ бы плодъ на одной изъ безчисленныхъ вѣтокъ дерева, выдержавшаго благотворную бурю, — Россіи. Никогда еще не было на свѣтѣ подобнаго описанія супружеской жизни, потому что не было описанія рус-

ской семьи, т.-е. самой лучшей изъ всѣхъ семей на свѣтѣ. Любовь между мужемъ и женою въ полномъ расцвѣтѣ ихъ силъ, чистая, нѣжная, твердая, незыблемо глубокая,—въ первый разъ изображена намъ во всей ея высокой силѣ и безъ единой прикрасы.

Картина двухъ новыхъ семействъ удивительно гармонически заканчиваетъ всю хронику. Когда начинался разсказъ, передъ нами открывались два семейства, уже давно сложившіяся,—семейство Болконскихъ, въ которомъ были взрослые сынъ и дочь, и семейство Ростовыхъ, въ которомъ Николай былъ еще только студентомъ, а Наташѣ было двѣнадцать лѣтъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ (таковъ періодъ, обнимаемый хроникою), передъ нами являются двѣ молодыя семьи съ маленькими дѣтьми. Съ геніальнымъ тактомъ художникъ началъ свою семейную хронику съ людей настолько взрослыхъ, что мы можемъ ими заинтересоваться, и кончилъ картинами, въ которыхъ даже грудныя дѣти намъ безконечно милы, такъ какъ принадлежатъ къ семействамъ, съ которыми мы сжились и сроднились во время разсказа.

Полная картина человѣческой жизни.

Полная картина тогдашней Россіи.

Полная картина того, что называется исторіею и борьбой народовъ.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастіе и величіе, свое горе и униженіе.

Вотъ что такое „Война и миръ“.

II. Основная идея.

Всего яснѣе, намъ кажется, смыслъ „Войны и Мира“ выражается въ слѣдующихъ словахъ автора: „Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ *простоты, добра и правды*“ (т. VI, стр. 62).

Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставить его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлою Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностію, въ чемъ русскіе полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ, по формулѣ, данной самимъ авторомъ, въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 года силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ „Войны и мира“.

Другими словами—художникъ далъ намъ новую русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, подъ которую подходитъ Кутузовъ, и подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ прямо говоритъ: „*Простая*, *скромная* и потому *истинно величественная* фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія“ (VI, 88). Но то же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ, обо всѣхъ фигурахъ, выведенныхъ въ „Войнѣ и Мирѣ“. Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія лживыя формы, которыя созданы Европою. Весь русскій душевный строй *проще*, *скромнѣе*, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя однѣ согласны съ истиннымъ величіемъ, и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ. Обыкновенно насъ плѣняютъ и долго еще будутъ плѣнять блескъ и мощь тѣхъ формъ жизни, которыя создаются силами, не соблюдающими гармоніи, вышедшими изъ взаимнаго равновѣсія. Этихъ яркихъ формъ всякаго рода страстей, всякаго рода душевныхъ напряженій, разрастающихся до ослѣпляющаго величія, — много создала Европа, много создалъ древній міръ. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, невольно увлекаемся этими формами чуждой жизни; но въ глубинѣ души у насъ хранится другой, своеобразный, идеалъ, въ сравненіи съ которымъ часто меркнутъ и являются безобразіемъ—воплощенія въ дѣйствительности и въ искусствѣ идеаловъ, несогласныхъ съ нашимъ душевнымъ строемъ.

Чисто-русскій героизмъ, чисто-русское героическое во всевозможныхъ сферахъ жизни,—вотъ что далъ намъ гр. Толстой, вотъ главный предметъ „Войны и Мира“.

Если мы оглянемся на нашу прошлую литературу, то намъ будетъ яснѣе, какую огромную заслугу оказалъ намъ художникъ, и въ чемъ состоитъ эта заслуга. Основатель нашей самобытной литературы, Пушкинъ,—одинъ только въ своей душѣ носилъ сочувствіе всѣмъ родамъ и видамъ величія, всѣмъ формамъ героизма, почему и могъ онъ постигнуть русскій идеалъ, почему и могъ стать основателемъ русской литературы. Но въ его дивной поэзіи этотъ идеалъ проступалъ только чертами, только указаніями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитыми.

Явился Гоголь и не совладалъ съ безмѣрною задачею. Раздался плачъ по идеалѣ, полились „сквозь видимый міру смѣхъ незримыя слезы“, свидѣтельствовавшія, что художникъ не хочетъ отказаться отъ идеала, но и не можетъ достигнуть его воплощенія. Гоголь сталъ отрицать эту жизнь, которая такъ упорно не выдавала ему своихъ положительныхъ сторонъ. „Нѣтъ у насъ героическаго въ жизни; мы всѣ или Хлестаковы или Поприщины“—вотъ заключеніе, къ которому пришелъ несчастный идеалистъ.

Задача всей литературы послѣ Гоголя состояла только въ томъ, чтобы отыскать русскій героизмъ, сгладить то отрицательное отношеніе, въ которое сталъ къ жизни Гоголь, уразумѣть русскую дѣйствительность болѣе правильнымъ, болѣе широкимъ образомъ, чтобы не могъ отъ насъ укрыться тотъ идеалъ, безъ котораго народъ такъ же не могъ бы существовать, какъ тѣло безъ души. Для этого требовалась тяжкая и долгая работа, и ее-то сознательно и безсознательно несли и совершали всѣ наши художники.

Но первый разрѣшилъ задачу гр. Л. Н. Толстой. Онъ первый одолѣлъ всѣ трудности, выносилъ и побѣдилъ въ своей душѣ процессъ отрицанія и, освободившись отъ него, сталъ творить образы, воплощающіе въ себѣ положительныя стороны русской жизни. Онъ первый показалъ намъ въ неслыханной красотѣ то, что ясно видѣла и понимала только безупречно-гармоническая, всему великому доступная душа Пушкина. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто отъ насъ не отниметъ.

Попробуемъ частнѣе и опредѣленнѣе указать, что сдѣлано гр. Толстымъ. Не вся задача рѣшена, не вся широкая область русской души исчерпана, но та половина задачи, которая въ настоящую минуту была всего настоятельнѣе и важнѣе, получила въ „Войнѣ и Мирѣ“ рѣшеніе, по своей силѣ и ясности не уступающее никакому другому созданію поэзіи, принадлежащее къ высшимъ ея проявленіямъ, какія только существуютъ и будутъ существовать.

Не весь русскій идеалъ воплотился у гр. Толстого, но съ неотразимою силою и прелестью у него раздался „голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго“. Особенный смыслъ этого голоса — вотъ что намъ слѣдуетъ опредѣлить. Если мы для этого прослѣдимъ всѣ лица и событія „Войны и Мира“, то мы ясно увидимъ, что симпатіи автора имѣютъ нѣкоторую односторонность, выкупаемую тѣмъ бо́льшею проницательностью и глубиною относительно той стороны, въ которую обращены эти симпатіи. Существуютъ на свѣтѣ какъ будто два рода героизма: одинъ—дѣятельный, тревожный, порывающійся, другой—страдательный, спокойный, терпѣливый. Ап. Григорьевъ (извѣстный критикъ) замѣтилъ въ нашей литературѣ появленіе лицъ, представляющихъ въ своей натурѣ это различіе, и называлъ ихъ двумя различными типами—*хищнымъ* и *смирнымъ*. Гр. Толстой очевидно съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ страдательному, или смирному, героизму и, очевидно же, мало питаетъ сочувствія къ героизму дѣятельному, или хищному. Къ категоріи дѣятельнаго героизма относятся не только французы вообще и Наполеонъ въ особенности, но и множество русскихъ лицъ, напр., Растопчинъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Долоховъ и пр. Къ категоріи смирнаго героизма принадлежитъ прежде всего самъ Кутузовъ, величайшій образецъ типа, Тушинъ, Тимохинъ, Дохтуровъ, Коновницынъ

и пр. и пр.; вообще — вся масса нашихъ военныхъ и вся масса русскаго народа. Весь разсказъ „Войны и Мира“ какъ будто имѣетъ цѣлью доказать превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ, который повсюду оказывается не только побѣжденнымъ, но и смѣшнымъ, не только безсильнымъ, но и вреднымъ. Самая ясная и живая фигура, въ которой гр. Толстой съ удивительной силою очертилъ типъ людей, думающихъ быть дѣятельными героями, есть Растопчинъ. Передъ величіемъ совершающихся событій, люди, подобные Растопчину, являются ничтожными и жалкими, не потому, чтобы это были личности очень слабыя сами по себѣ, а потому, что они порываются вмѣшаться въ ходъ событій, неизмѣримо превышающихъ собою размѣры ихъ силъ. Въ этомъ преувеличеніи своего значенія, въ этомъ нелѣпомъ и дерзкомъ самообольщеніи, у автора оказываются виновными не только отдѣльныя лица, но цѣлые народы, напр., французы, приведшіе на насъ Европу, и цѣлыя сферы Россіи, напр., придворная сфера, сфера военныхъ штабовъ и т. д. Авторъ показываетъ, какъ повсюду — увѣренность въ своей силѣ, признаніе за своею личностью способности измѣнять и направлять событія ведетъ только къ ошибкамъ и неизбѣжно соединяется съ игрою самыхъ дурныхъ страстей, самолюбія, тщеславія, зависти, ненависти и пр.

Такимъ образомъ, по смыслу всего разсказа, у „хищнаго“ типа отнято всякое поприще дѣйствія. Между тѣмъ, вообще говоря, невозможно отрицать, чтобы люди рѣшительные, смѣлые—не имѣли никакой важности въ ходѣ дѣлъ, чтобы русскій народъ не порождалъ людей, дающихъ просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и силамъ. Совершенно справедливо, что при такомъ развитіи личности она большею частію отличается весьма непривлекательными чертами; но несомнѣнно также, что въ этихъ людяхъ проявляются и прекрасныя свойства русской душевной силы.

Итакъ, есть сторона русскаго характера, которая не вполнѣ схвачена и изображена авторомъ. Нужно ждать еще художника, который бы сумѣлъ такъ отнестись къ этой сторонѣ, какъ, напр., Пушкинъ относился къ Петру I:

„Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ,
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ—какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?“

(„Мѣдный Всадникъ“).

Но пока нѣтъ у насъ чистыхъ и ясныхъ образовъ дѣятельнаго героизма, пока этотъ героизмъ не нашелъ себѣ своего поэта-выразителя, мы должны смиренно преклониться передъ поэтомъ, прославившимъ и воплотившимъ передъ нами героизмъ смиренія. Мы только можемъ гадать и смутно прозрѣвать черты иного величія, также свойственнаго русской натурѣ, а то величіе, которое изображено гр. Толстымъ, мы уже видимъ воочію, въ ясномъ воплощеніи.

И въ существенномъ пунктѣ мы не можемъ не согласиться съ поэтомъ, т.-е., мы вполнѣ признаемъ превосходство мирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ. Гр. Толстой изобразилъ намъ если не самыя сильныя, то всякомъ случаѣ самыя лучшія стороны русскаго характера, тѣ его стороны, которымъ принадлежитъ и должно принадлежать верховное значеніе. Какъ нельзя отрицать, что Россія побѣдила Наполеона не дѣятельнымъ, а смиреннымъ героизмомъ, такъ вообще нельзя отрицать, что *простота, добро и правда* составляютъ высшій идеалъ русскаго народа, которому долженъ подчиняться идеалъ сильныхъ страстей и исключительно сильныхъ личностей. Мы сильны *всѣмъ народомъ*, сильны тою силою, которая живетъ въ самыхъ простыхъ и смиренныхъ личностяхъ, — вотъ что хотѣлъ сказать гр. Толстой, и онъ совершенно правъ. Прибавимъ, что мы должны бы были преклониться передъ лучшими чертами нашего народнаго идеала и въ томъ случаѣ, если бы намъ не было доказано, что простота, добро и правда могутъ побѣдить всякую ложную, злую и неправую силу. Если вопросъ идетъ о силѣ, то онъ рѣшается тѣмъ, на какой сторонѣ побѣда; но простота, добро и правда намъ милы и дороги сами по себѣ,— все равно, побѣдятъ онѣ или нѣтъ.

Всѣ сцены частной жизни и частныхъ отношеній, выведенныя гр. Толстымъ, имѣютъ одну и ту же цѣль — показать, какъ страдаетъ и радуется, любитъ и умираетъ, ведетъ свою семейную и личную жизнь тотъ народъ, высшій идеалъ котораго заключается въ простотѣ, добротѣ и правдѣ. Разница, столь ясно изображенная между Кутузовымъ и Наполеономъ,—та же самая разница существуетъ между Пьеромъ и капитаномъ Рамбалемъ, между „Бурьенкой“ и княжной Маріей и т. д. Тотъ же народный духъ, который проявился въ Бородинской битвѣ, проявляется въ предсмертныхъ думахъ князя Андрея, и въ душевномъ процессѣ Пьера, и въ разговорахъ Наташи съ матерью, и въ складѣ вновь образовавшихся семействъ,— словомъ, во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ частныхъ лицъ „Войны и Мира“.

Вездѣ и повсюду или господствуетъ духъ простоты, добра и правды, или является борьба этого духа съ уклоненіями людей на иные пути и рано или поздно—его побѣда. Въ первый разъ мы увидѣли несравненную прелесть чисто-русскаго идеала—смиреннаго, простого, безконечно-нѣжнаго и въ то же время незыблемо-твердаго и самоотверженнаго.

Огромная картина гр. Толстого есть достойное изображеніе русскаго народа. Это дѣйствительно неслыханное явленіе—эпопея въ современныхъ формахъ искусства.

Н. Н. Страховъ.

---

53. Значеніе искусства.

Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію,—художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію, — составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка. Уже предчувствуемое и указанное въ самой природѣ, художество — искусство — является, правда, тоже какъ подражаніе, но уже одухотворенное, въ самой ранней порѣ народнаго существованія, какъ нѣчто отличительно-человѣческое. Дикарь каменнаго періода, начертавшій концомъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже пересталъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческой силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно-полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи—онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи; онъ получаетъ свой духовный обликъ и свой голосъ — онъ вступаетъ въ братство съ другими, признавшими его народами. Не даромъ же Грецію называется родиной Гомера, Германія—Гете, Англія—Шекспира. Мы не думаемъ отрицать важность другихъ проявленій народной жизни—въ сферѣ религіозной, государственной и др.; но ту особенность, на которую мы сейчасъ указывали, — даетъ народу его искусство, его поэзія. И этому нечего удивляться: искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше, чѣмъ наука, именно потому, что оно—звучащая человѣческая мыслящая душа — и душа неумирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа. Что намъ осталось отъ Греціи? Ея душа осталась намъ! Религіозныя формы, а за ними научныя, также переживаютъ народы, въ которыхъ онѣ проявились,—но въ силу того, что въ нихъ есть общаго, вѣчнаго; поэзія, искусство — въ силу того, что есть въ нихъ личнаго, живого.

И. С. Тургеневъ.

---

54. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

(Изъ письма къ редактору «Вѣстника Европы»).

Третьяго дня вечеромъ получилъ я Вашу телеграмму: горестной скорбью наполнила она мое сердце. Я зналъ и прежде, что Толстому не суждено было долго жить на землѣ: не далѣе, какъ три мѣсяца тому назадъ, его докторъ въ Карлсбадѣ сказывалъ мнѣ, что нашему бѣдному другу не просуществовать и года; но трудно съ разу примириться даже съ ожиданной потерей, особенно съ потерей такого человѣка, каковъ былъ Толстой. Я далекъ отъ намѣренія представить теперь же его полную оцѣнку, опредѣлить его мѣсто и значеніе въ современной русской словесности: это дѣло будущихъ его біографовъ; мнѣ хочется только высказать нѣсколько мыслей, внушенныхъ воспоминаніемъ о симпатической личности отошедшаго въ вѣчность поэта.

Я сказалъ „поэта“. Да; онъ былъ имъ несомнѣнно, вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ—а это въ наше время, вездѣ—и пуще всего въ Россіи—большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, опредѣляются такъ же его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія.

Положеніе Толстого въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей; но онъ остался вѣренъ своему призванію—поэзіи, литературѣ; онъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа: онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литературы, въ лучшемъ значеніи слова. Не будучи одаренъ той силой творчества, тѣмъ богатствомъ фантазіи, которыя присущи первоклассникъ талантамъ, Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ, а именно—собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физіономіей: онъ свободно, мастерской рукою распоряжался роднымъ языкомъ, лишь изрѣдка поддаваясь то искушеніямъ виртуозности — желанію пощеголять архаическими — правда, иногда весьма счастливыми — оборотами; то другимъ, мгновеннымъ соображеніямъ, въ сущности чуждымъ, какъ вообще все политическое,—его сердцу и уму. Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые—въ теченіе долгихъ лѣтъ—стыдно будетъ не знать всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода—исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ. Наконецъ—и какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго выше о многосторонности его дарованія,—кто же не знаетъ, что въ его строго-идеальной натурѣ била свѣжимъ ключомъ струя неподдѣльнаго юмора — и что графъ А. К. Толстой,

авторъ „Смерти Іоанна Грознаго“ и „Князя Серебрянаго“—былъ въ то же время однимъ изъ творцовъ памятнаго всѣмъ „Козьмы Пруткова“?

Вотъ поэтъ, котораго мы лишились—и который, при теперешнемъ направленіи умовъ, едва ли скоро будетъ замѣненъ...

Я попытался набросать нѣсколько чертъ физіономіи Толстого, какъ поэта; что сказать о немъ, какъ о человѣкѣ? Всѣмъ, знавшимъ его, хорошо извѣстно, какая это была душа,—честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно вѣрная и прямая. „Рыцарская натура“ — это выраженіе почти неизбѣжно приходило всѣмъ на уста при одной мысли о Толстомъ. Натура гуманная, глубоко гуманная! — вотъ что былъ Толстой, — и, какъ у всякаго истиннаго поэта, жизнь котораго неуклонно переливается въ его творчество — эта гуманная натура Толстого сквозитъ и дышитъ во всемъ, что онъ написалъ.

Миръ праху твоему, незабвенный русскій человѣкъ и русскій поэтъ!...

И. С. Тургеневъ.

---

55. Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева.

(Написано въ 1854 году).

Г. Тютчевъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова: но на одномъ г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ: въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнію автора,—словомъ, хоть часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ г. Тютчева не обширенъ—это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностью автора; отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ; они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гете, то есть, они не придуманы, а выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоцѣнному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени.

У г. Тютчева есть недостатки: у него часто попадаются устарѣлыя выраженія, блѣдные и вялые стихи, онъ иногда какъ будто не владѣетъ языкомъ; внѣшняя сторона его дарованія не довольно, быть можетъ, развита, но все это выкупается неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которое вѣетъ отъ его страницъ; подъ наитіемъ этого вдохновненія, самый языкъ г. Тютчева часто поражаетъ читателя счастливой смѣлостью и почти Пушкинской красотой своихъ оборотовъ.

Любопытно также наблюдать, какимъ образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущности немногочисленныя, стихотворенія (ихъ не болѣе ста), которыми онъ окончилъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотвореніе начинается мыслью, но мыслію, которая, какъ огненная точка, вспыхивала подъ вліяніемъ глубокаго чувства или сильнаго впечатлѣнія; вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, свойства происхожденія своего, мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою или отвлеченною, но всегда сливается съ образомъ, взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ, и сама его проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно, почти мгновенно, лирическое настроеніе поэзіи г. Тютчева заставляетъ его выражаться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слитыя вмѣстѣ, и онъ большею частію высказываетъ ихъ единымъ образомъ, — именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими, ни играть съ нимъ передъ самимъ собой. Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названія дѣльной, то есть искренней, серьезной. Самыя короткія стихотворенія г. Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря языкомъ, не совсѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, не *выѣзжаетъ* на немъ, не принимается компонировать и раскрашивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бываютъ натянуты и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ г. Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ—плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности.

Стихотворенія г. Тютчева, почерпнутыя имъ не изъ собственнаго родника, какъ-то: „Наполеонъ“ и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи г. Тютчева нѣтъ никакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи.

Со всѣмъ тѣмъ, популярности мы не предсказываемъ г. Тютчеву,—той шумящей, сомнительной популярности, которой, вѣроятно, онъ

нисколько не добивается. Талантъ его, по самому свойству своему, не обращенъ къ толпѣ и не отъ нея ждетъ отзыва и одобренія: для того, чтобъ вполнѣ оцѣнить г. Тютчева, надо самому читателю быть одареннымъ нѣкоторою тонкостію пониманія, нѣкоторою гибкостію мысли, не остававшейся слишкомъ долго праздной. Фіалка своимъ запахомъ не разитъ на двадцать шаговъ кругомъ: надо приблизиться къ ней, чтобы почувствовать ея благовоніе. Мы, повторяемъ, не предсказываемъ популярности г. Тютчеву; но мы предсказываемъ глубокое и теплое сочувствіе всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога русская поэзія, а такія стихотворенія каково: „Пошли, Господь, свою отраду“... и другія—пройдутъ изъ конца въ конецъ Россію и переживутъ многое въ современной литературѣ, что теперь кажется долговѣчнымъ и пользуется шумнымъ успѣхомъ. Г. Тютчевъ можетъ сказать себѣ, что онъ, по выраженію одного поэта, создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть; а для истиннаго художника выше подобнаго сознанія награды нѣтъ.

И. С. Тургеневъ.

---

56. Общественные памятники.

Естественное, простое и по простотѣ своей чистое побужденіе къ созиданію общественныхъ памятниковъ должно полагать въ любви къ отечеству и благодарности къ людямъ, которые по общеполезнымъ подвигамъ достойны жить въ памяти отечества. Чтобы въ семъ удостовѣриться, возведемъ нашу мысль къ началу памятниковъ частныхъ, которые въ происхожденіи должны бы предшествовать общественнымъ,—такъ, какъ семейство предшествовало государству. Сынъ любитъ сидѣть подъ деревомъ, подъ которымъ часто видѣлъ сидящимъ отца своего и наслаждался бесѣдою отеческой любви и опытной мудрости: въ семъ случаѣ дерево есть памятникъ отца для сына, и.то, что дѣлаетъ оное памятникомъ, есть любовь сыновняя; но поелику они напоминаютъ прошедшее только одному знающему оное, а человѣкъ желаетъ и для другихъ сдѣлать памятнымъ то, что для него незабвенно: то отъ недостатка и несовершенства памятниковъ естественныхъ должна была родиться мысль устроить искусственные памятники. Что дѣлалъ человѣкъ, то, по времени, сталъ дѣлать народъ, который есть тотъ же человѣкъ, только умноженный: и такимъ образомъ произошли общественные памятники.

Если любовь къ отечеству изобрѣтаетъ памятники общественные, то пользуется симъ изобрѣтеніемъ государственная мудрость. Памятникъ есть безмолвный проповѣдникъ, который, въ нѣкоторомъ отношеніи, можетъ быть превосходнѣе говорящаго, потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ; памятникъ

есть книга, которой не нужно искать въ книгохранилищѣ, потому что она лежитъ на пути и такимъ образомъ читается и тѣми, которые не думали раскрывать ее: примѣтивъ сіе, мудрость государственная благопріятствуетъ устроенію памятниковъ, дабы они, въ свою очередь, внушили народу ту самую любовь къ отечеству, которая внушила мысль устроять ихъ, и дабы, возвѣщая добродѣтели и подвиги предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ и подвигамъ поощряли потомковъ.

Митрополитъ моск. Филаретъ.

---

57. Истинная благотворительность.

Кто подалъ или велѣлъ подать нищему ломоть хлѣба и стаканъ воды и, пиршествуя за роскошнымъ столомъ, не заботится, утолены ли дѣйствительно голодъ и жажда нищаго, и не принимаетъ въ немъ искренняго человѣколюбиваго участія: тотъ да не спѣшитъ увѣрять себя, что уже пріобрѣлъ право на царствіе небесное. Оцѣнить царствіе небесное цѣною ломтя хлѣба и стакана воды значило бы оцѣнить слишкомъ дешево и оскорбить достоинство цѣнимаго.

Дѣло благотворенія, сдѣланное безъ разсудительнаго и сердечнаго участія въ бѣдствующемъ, есть тѣло безъ души и не имѣетъ истиннаго достоинства предъ судомъ Христа, Котораго законъ духовенъ, и который по закону духовному и судитъ.

Если кто и удовлетворительную и обильную многимъ подалъ милостыню, но сдѣлалъ сіе съ желаніемъ имѣть славу благотворителя,— таковой подалъ милостыню своему тщеславію: не трудно разсудить, много ли долженъ ему Христосъ за то, что онъ сдѣлалъ для себя, а не для Христа.

Углубите мысль вашу въ слово Судіи міра: „Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“. Если вы творите добро несчастному, потому что видите въ немъ жалкое существо, то вы дѣлаете дѣло естественнаго сочувствія. Если благотворите бѣдствующему, потому что видите въ немъ соестественнаго вамъ человѣка и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы вы себѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то вы дѣлаете дѣло, свободно и нравственно доброе. Но, чтобы ваше благотворительное дѣло было духовно доброе, достойное Христа, вы должны видѣть въ бѣдствующемъ *меньшаго брата* Его, который по сему качеству достоинъ духовной любви и духовнаго уваженія, кто бы онъ ни былъ по своему внѣшнему положенію. При такомъ воззрѣніи, сердце христіанина, конечно, скажетъ ему: „Поелику благости Христа Бога обязанъ ты бытіемъ, жизнію, достоинствомъ человѣка, откровеніемъ благодати и прощенія грѣховъ, благами временными, надеждою благъ вѣчныхъ, и поелику за безчи-

сленныя и безмѣрныя благодѣянія ты ничего не можешь принести ничего не требующему; то какое для тебя счастіе, что твою благодарность и любовь ко Христу можешь ознаменовать на томъ, котораго Онъ называетъ Своимъ меньшимъ братомъ! Поелику для тебя Христосъ отъ превыспренняго небеснаго престола низшелъ на землю, и даже до ада, провелъ на землѣ тягостную человѣческую жизнь, пострадалъ и умеръ: ты ли не снидешь къ *меньшему брату* Его,—въ какую бы глубину бѣдствія и уничиженія ни былъ онъ поверженъ? Не усладительно ли для тебя будетъ не только твоимъ избыткомъ наполнить его лишеніе, но и понести самому лишеніе для него, и пострадать самому, чтобы облегчить его страданія?“

Что такія духовныя расположенія, преимущественно предъ вещественностію дѣлъ, возвышаютъ цѣнность христіанскихъ благотвореній, что по такимъ расположеніямъ и чаша студеной воды становится достойною небеснаго воздаянія, что такихъ расположеній требуетъ отъ благотворящихъ Судія міра,—сіе можно усмотрѣть между прочимъ изъ того, что Онъ опредѣляетъ небесную награду за посѣщеніе больныхъ, отдѣляя ихъ отъ страждущихъ лишеніемъ вещественныхъ потребностей, отъ алчущихъ и нагихъ. Если такимъ образомъ вы обязаны посѣтить больного, не требующаго отъ васъ вещественной помощи, а только тяготимаго безсиліемъ, болью, скукою болѣзненнаго бездѣйствія: то что можете и должны вы принести къ одру его, какъ развѣ христіанскую любовь, сердечное состраданіе, искреннее слово утѣшенія Христова?

Митрополитъ московскій Филаретъ.

---

58. С. Т. Аксаковъ.

30-го апрѣля 1859 года узнала Москва, что умеръ С. Т. Аксаковъ, и съ горечью почувствовала, что лишилась великаго художника. Объ этомъ общемъ и для всѣхъ одинаково доступномъ вопросѣ скажемъ нѣсколько словъ, отстраняя всѣ свои личныя отношенія къ человѣку, котораго мы такъ глубоко и искренно любили и уважали.

Особенности художника принадлежатъ только ему: онѣ составляютъ часть его собственной природы. Критическій анализъ можетъ раскрывать ихъ, оцѣнивать, передавать ихъ въ общее сознаніе, но не можетъ передавать ихъ въ пользованіе или собственность кому-либо другому,—точно такъ же, какъ нельзя созидать другому звукъ голоса, взглядъ и движенія лица, составляющіе чью-нибудь собственность. Всему этому можно отчасти подражать, подъ все это можно до нѣкоторой степени поддѣлываться; но къ чему служатъ такія поддѣлки? Разумѣется, мы не думаемъ отрицать пользы художественнаго анализа; мы знаемъ, какъ много расширяетъ онъ область мысли, какъ

онъ устраняетъ ложныя понятія и усиливаетъ самое художественное наслажденіе; но полагаемъ, что наибольшая польза критики заключается не столько въ разборѣ особенностей художника, сколько въ ясномъ сознаніи его отношеній къ самому художеству. Съ этой стороны по преимуществу наставителенъ примѣръ С. Т. Аксакова.

Повидимому, его поприще представляетъ какую-то странность почти необъяснимую. Долгая жизнь и очень короткій срокъ художественной дѣятельности: это дѣятельность не смолоду, какъ часто бываетъ, но въ лѣтахъ уже близкихъ къ старости, и не мгновенно возбужденная (что также случалось), но мгновенно измѣненная и какъ будто чѣмъ-то оплодотворенная послѣ долгихъ и безплодныхъ стремленій.

Съ самой ранней молодости С. Т. полюбилъ искусство: онъ искренно и съ преданностью служилъ ему—и, при всемъ томъ, ни однимъ произведеніемъ не могъ занять мѣсто сколько-нибудь видное въ рядахъ художниковъ слова. На шестомъ десяткѣ сталъ онъ великимъ, всѣми признаннымъ, всѣми оцѣненнымъ художникомъ: что же это? Неужели къ старости развилось воображенье, обыкновенный даръ молодости? Быть не можетъ. Или теплота сердечная? Опять невозможно; и, кромѣ того, всѣ, знавшіе С. Т—ча, знаютъ, что этимъ качествомъ онъ отличался всегда—и всегда былъ именно за это качество всѣми любимъ. Или знаніе языка пріобрѣтено имъ поздно? Такого предположенія даже допускать нельзя въ человѣкѣ, который съ самой ранней молодости былъ исполненъ любви къ словесности и весь свой вѣкъ радовался и любовался роднымъ нарѣчіемъ, которое онъ усвоилъ во всѣхъ его тонкостяхъ. Чѣмъ же объяснить такое странное явленіе. Оно получаетъ свою разгадку въ самой послѣдовательности произведеній, которыми С. Т. пріобрѣлъ свое литературное имя.

Первое изъ нихъ: „Записки объ уженьи рыбы“; второе: „Записки оренбургскаго охотника“; за ними идутъ другія, по большей части автобіографическія. Допустимъ, что новые анализы художества не остались безплодными для воспріимчиваго чувства и свѣтлаго ума Аксакова, что простота формъ Пушкина въ повѣстяхъ и особенно Гоголя, съ которымъ С. Т. былъ такъ друженъ, подѣйствовала на него: все это могло быть, все это было; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему не приходило и не могло притти въ мысль выбрать уроки, и серьезные уроки рыболовства, за предметъ художественнаго произведенія. Мысль о художествѣ была устранена: онъ отъ нея вовсе освободился.

Страстный рыболовъ, лишенный случайностями жизни привычнаго наслажденія, онъ захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія тихія радости; а вслѣдствіе въ высшей степени общительнаго нрава онъ захотѣлъ передать ихъ, объяснить ихъ другимъ,—и написалась книга, книга, о которой авторъ и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность. И читатель бралъ ее также добродушно безъ

ожиданія художественнаго наслажденія, а просто въ надеждѣ узнать кое-что объ искусствѣ уженья... и потомъ, вчитываясь, онъ со страннымъ удивленіемъ замѣчалъ, что ему все занимательнѣе становился предметъ, заманчивѣе и красивѣе прихоти водяныхъ потоковъ и разливы озеръ и прудовъ, милѣе самыя рыбы... Нашлись люди, которые догадались, что тутъ скрывалось искусство—и искусство истинное; большая же часть простыхъ читателей, любителей рыболовства, почувствовала только глубокую благодарность къ автору за полезныя свѣдѣнія и особенно за любовь его къ общей охотѣ. Ихъ благодарственныя письма дышали этимъ чувствомъ простодушной признательности; но литературная извѣстность уже была пріобрѣтена С. Т. Аксаковымъ, который самъ ей удивился. Его слушали, слушали съ удовольствіемъ, съ увлеченіемъ; и самъ онъ далъ свободу своимъ воспоминаніямъ, самъ сталъ увлекаться ими все болѣе и болѣе, чувствуя, что у него и, такъ сказать, передъ нимъ—не просто холодные читатели, но невидимые и незнакомые, но уже сочувствующіе друзья.

Сравнительно тѣсный кругъ воспоминаній рыболова уступилъ мѣсто воспоминаніямъ охотника. Въ нихъ природа русская раскинулась въ чудной красотѣ, и русскій писанный языкъ сдѣлалъ шагъ впередъ, даже послѣ Пушкина и Гоголя. Слава С. Т—ча была упрочена и утверждена навсегда. Потомъ другіе предметы обратили на себя его дѣятельность; но онъ уже не терялъ того, что пріобрѣлъ. Это безконечно важное пріобрѣтеніе было—свобода отъ художественной преднамѣренности.

Когда Аксаковъ перешелъ отъ воспоминаній охотничьихъ къ другимъ—біографическимъ, своимъ ли собственнымъ, или чужимъ, но воспринятымъ какъ будто собственныя,—онъ сохранилъ ту же простоту, ту же, можно сказать, прямоту въ отношеніи къ предметамъ, ту же добросовѣстность въ воспоминаніяхъ и въ возсозданіи прошедшаго. Снова перечувствовать прошедшее и другимъ разсказать перечувствованное—вотъ его единственная задача: опять мысль о художествѣ остается вовсе въ сторонѣ. Правда, онъ уже зналъ, что такимъ путемъ достигается художественная цѣль, но это значеніе не управляетъ имъ: не къ этой цѣли стремится онъ. Само воспоминаніе, оживающее въ его душѣ, и люди, съ которыми онъ этимъ воспоминаніемъ дѣлится: вотъ его цѣль,—и искусство дается ему свободно, какъ будто въ награду за простоту стремленій. Оно приходитъ, какъ приходило къ древнимъ вѣкамъ, не исканное и не сознанное. Въ этомъ-то и состоитъ неподражаемая искренность произведеній первоначальной поэзіи и поэзіи народной, искренность, скоро забытая даже міромъ античнымъ, снова отысканная средними вѣками и забытая новымъ. Мысль о художествѣ уничтожаетъ прямоту отношеній между художникомъ и предметомъ его, внося постороннее и отчасти разсудочное начало, разрушительное для внутренней ихъ гармоніи. Великая правда, сознанная Германіею о сво-

бодѣ художества, въ Германіи же породило великую ложь—ученіе о свободѣ художника. Напротивъ, художество потому только и свободно, что художникъ подъ неволею. Для него во всякое время только и можетъ быть одинъ предметъ, а относится онъ къ этому предмету всегда именно такъ, а не иначе. Бѣда, если вмѣсто того, чтобы высказывать это свое искреннее отношеніе, онъ вздумаетъ себя спрашивать: „Да хорошо ли, красиво ли то, что я именно такъ гляжу на свой предметъ?“ Тутъ уже холодъ, актерство, ложь. Просто и искренне вглядывался Аксаковъ въ свои воспоминанія, и оттого-то выступили они съ такою свѣтлою истиною, и люди въ его біографическихъ запискахъ и разсказахъ являлись съ такою же полною и неподдѣльною жизнью, съ какою являлась природа въ воспоминаніяхъ охотника. Никогда не лгалъ С. Т. ни на внѣшніе предметы, ни на свой внутренній міръ, въ которомъ они отражались. Вотъ великое наставленіе, оставленное имъ всѣмъ художникамъ.

Но въ чемъ же состоятъ художественныя стихіи его произведеній?

Во-первыхъ, въ языкѣ, въ которомъ едва ли онъ имѣетъ соперника по вѣрности и отчетливости выраженія и по обороту, вполнѣ русскому и живому. Какъ нестерпимо чувствовать, что перепутываешь имена и называешь одно лицо именемъ другого, какъ невольно роешься въ памяти, чтобы отыскать собственное названіе предмета, которое на время забылъ, такъ для С. Т—ча было нестерпимо употребить невѣрное слово или прилагательное, несвойственное предмету, о которомъ онъ говорилъ, и не выражающее его. Онъ чувствовалъ невѣрность выраженія, какъ какую-то обиду, нанесенную самому предмету, и какъ какую-то неправду въ отношеніи къ собственному впечатлѣнію, и успокоивался только тогда, когда находилъ настоящее слово. Разумѣется, онъ находилъ его легко, потому что самое требованіе возникало изъ ясности чувства и изъ сознанія словеснаго богатства. Эта строгость къ собственному слову и, слѣдовательно, къ собственной мысли, давала всѣмъ его разсказамъ, всѣмъ его описаніямъ неподражаемую ясность и наглядность, а картинамъ природы такую вѣрность красокъ и выпуклость очертаній, какой не встрѣтишь ни у кого другого. Едва ли Гоголь не первый призналъ это достоинство и восхищался имъ, прослушавъ первыя, еще не напечатанныя охотничьи воспоминанія С. Т—ча.

Другая художественная стихія заключается въ его вымыслѣ. Кажется странно говорить о вымыслѣ тамъ, гдѣ пересказывалось все дѣйствительно бывшее: но это только кажется. Происшествія, чувства, рѣчи остаются въ памяти только отрывками. Воспоминаніе возсоздаетъ цѣлое изъ этихъ отрывковъ и восполняетъ все недостающее, все оставшееся въ пробѣлахъ. Тутъ невозможно опредѣлить точныя границы истины и вымысла,—вымысла до того невольнаго и часто безсозна-

тельнаго, что самъ повѣствователь усомнился бы назвать его вымысломъ. Только глубоко художественное чувство можетъ всегда придавать этой смѣси совершенную гармонію и вносить въ созданіе воображенія, пополняющаго отрывочныя данныя памяти, тотъ характеръ внутренней правды, который не допускаетъ ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ читателѣ.

Наконецъ, послѣдняя и главная стихія художества заключалась въ самой душѣ художника. Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ числу писателей, которыхъ по преимуществу называютъ объективными; но полная объективность не принадлежитъ міру искусства; лучше сказать—она вовсе недоступна человѣку. Объективенъ вполнѣ фотографическій станокъ; и никакой живописецъ съ нимъ въ этомъ смыслѣ тягаться не можетъ: но три живописца съ равными дарованіями, списывая одинъ и тотъ же видъ, при совершенно одинакихъ обстоятельствахъ, произведутъ три картины, весьма различныя между собою, и всѣ онѣ будутъ ниже фотографическаго снимка: но фотографія бѣдна въ сравненіи съ природою, которой жизни она не передаетъ, а картины достойны самой природы, потому что вносятъ въ нее новую стихію жизни и, такъ сказать, новую жизнь. Это будетъ природа, прошедшая не черезъ стекло и не черезъ глазъ человѣка, а черезъ душу человѣка и принявшая въ себя отблескъ души. То же самое—во всякомъ искусствѣ. Аксаковъ живетъ въ своихъ произведеніяхъ: говоритъ ли онъ о свѣтломъ днѣ,—вы чувствуете радостную улыбку, отвѣчающую улыбающейся природѣ; говоритъ ли онъ о дружеской рукѣ, протянутой къ нему съ привѣтомъ,—вы чувствуете, что эта рука падетъ не въ холодную руку равнодушнаго, а будетъ встрѣчена теплымъ рукопожатіемъ. А между тѣмъ онъ этого не говоритъ, но онъ самъ весь въ своемъ словѣ, весь съ своей крайней впечатлительностію и правдивою энергіею. Вы слышите рѣчь старца, много пережившаго; вы видите, что волненіе жизни улеглось, и что мысль и чувство лежатъ передъ вами съ своею полною прозрачностью, не возмущая очерка предметовъ, но облекая ихъ какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Вы какъ будто слышите этотъ твердый, полнозвучный, мужественный голосъ, который такъ памятенъ его друзьямъ; видите этотъ почтенный образъ мужественнаго старца, согнутаго, но не сломленнаго годами и болѣзнями. Вы не можете знать его твореній, не узнавъ въ то же время его самого; не можете любить ихъ, не полюбивъ его. Тайна его художества въ тайнѣ души, исполненной любви къ міру Божьему и человѣческому. Poetae nascuntur.

Объ Аксаковѣ было сказано, что онъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія. Это правда, да иначе оно и быть не могло. Жизнь развитого человѣка сопровождается безпрестаннымъ отрицаніемъ: но жизнь коренится и растетъ не въ отрицаніи, началѣ отно-

сительномъ и безплодномъ, а въ началахъ положительныхъ—благоволенія и любви.

Творенія С. Т—ча — это сама жизнь, разсказывающая про себя. Ложныя притязанія на крѣпость въ отрицаніи бросаютъ охотно тѣнь подозрѣнія на изнѣживающее преобладаніе чувствъ благоволенія: Это обвиненіе ложно: нѣжность души не имѣетъ ничего общаго съ изнѣженностью; она принадлежитъ энергіи, какъ истинная грація не существуетъ безъ внутренней силы. Тѣ, которые знали нашего умершаго художника (а его зналъ всякій, кто прочелъ и понялъ), знаютъ также, лишена ли была душа его истинной энергіи; тѣ, которые знали о немъ еще болѣе, скажутъ, лишено ли сочности, свѣжести и силы то, что росло и крѣпло подъ его вліяніемъ. Но чувство благоволенія и любви,—любви, благодарной небу за каждый его свѣтлый лучъ, жизни—за каждую ея улыбку и всякому доброму человѣку—за всякій его добрый привѣтъ,—любви, укрѣплявшей душу противъ долгихъ страданій и умирявшей ее во время этихъ страданій,—любви, дошедшей въ послѣдніе дни до духовной радости, высказанной имъ смиренно и вполголоса человѣку, который его глубоко любилъ, но котораго онъ не боялся испугать—это чувство наложило на всѣ произведенія Аксакова свою особую печать. Оно-то и даетъ имъ ихъ несказанную прелесть: оно дѣлаетъ ихъ книгою, отрадной для всѣхъ возрастовъ—отъ юности, собирающей свои силы, чтобы схватиться съ жизнію, до старости, ищущей душевнаго покоя, чтобы отдохнуть отъ нея...

Честь его имени, украшающему русскую словесность! Миръ его праху, много и горько оплаканному!

А. С. Хомяковъ.

---

59. Значеніе религій древняго міра.

Религіозныя вѣрованія древности представляютъ собою въ высшей степени замѣчательное явленіе всемірной исторіи, полное глубокаго психологическаго и вообще научнаго интереса. Религіи древности—это зерно всего міровоззрѣнія древняго міра; здѣсь исходъ, основа и центръ его умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія. Безъ нихъ мы никогда не поняли бы этого исчезнувшаго теперь міра, который предшествовалъ намъ въ исторіи и, слѣдовательно, исторически съ нами связанъ. Миѳы и легенды, въ которыхъ заключены древнія вѣрованія, образы, въ которые древній человѣкъ облекалъ свои религіозныя представленія—все это продуктъ его духовно-нравственной жизни, вѣковая работа его мысли и чувства, часто полная одушевленія, искренности, энергіи, силы, таланта...

Правда, съ нашей христіанской точки зрѣнія, всѣ эти вѣрованія

древности—ложь и заблужденіе, все это—лишь смертныя „тѣни“ (Лук. I, 79), въ которыхъ блуждали человѣческая мысль, человѣческое чувство, напрасно ища исхода. Но этотъ мракъ и эти тѣни своею противоположностью ярче, яснѣе отображаютъ для насъ свѣтъ истины, которая смѣнила ихъ, и которою обладаемъ мы. Предъ нами здѣсь открывается ветхій человѣкъ въ своемъ внутреннемъ нравственномъ бытѣ, въ своихъ сокровенныхъ чувствахъ и душевныхъ движеніяхъ; онъ является намъ здѣсь съ его задушевными мечтами, съ его обольщеніями, съ его сердечною скорбію и душевнымъ томленіемъ,—наконецъ, съ его отчаяніемъ. Этого мало. Среди самаго мрака этихъ изжитыхъ человѣчествомъ заблужденій, по временамъ, свѣтили лучи того свѣта истины, который никогда всецѣло не оставлялъ человѣка (Іоан. I, 5); среди самыхъ суевѣрій мы находимъ здѣсь слѣды истины: въ этихъ призрачныхъ мечтаніяхъ языческой древности, въ этихъ чарахъ, созданныхъ воображеніемъ древняго человѣка, въ этихъ миѳахъ и легендахъ древняго міра, въ этихъ причудливыхъ образахъ фантазіи—по временамъ высказывалось исканіе истины, тяготѣніе невольное, полусознательное къ тому, что открыто намъ; въ нихъ мы находимъ гаданіе объ истинѣ, ея предчувствіе... Словомъ, въ отжившихъ вѣрованіяхъ язычества мы находимъ историческое свидѣтельство объ истинѣ христіанства. Вполнѣ справедлива въ этомъ отношеніи мысль извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера, высказанная имъ въ заключеніе публичной лекціи объ индійскихъ Ведахъ: „изученіе древнихъ религій научаетъ насъ лучше цѣнить то, что намъ дано нашею религіей. Только тотъ, кто терпѣливо и безпристрастно обсудилъ всѣ другія исторически извѣстныя религіи, можетъ знать, что такое христіанская истина, и съ полнымъ убѣжденіемъ и увѣренностью сказать вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: „Я не стыжусь благовѣствованія Христова“ (Римл. I, 16).

Епископъ нижегородскій Х р и с а н ѳ ъ.

---

60. Слово и его высоко-просвѣтительное значеніе.

Слово, общій даръ людямъ отъ Бога, отличающій ихъ отъ прочихъ животныхъ, какъ говорили еще древніе, есть внѣшнее выраженіе самопознающей души человѣческой. По слову всѣ люди братья и сходятся въ возможности этого самопознанія.

Но слова собственно нѣтъ: оно живетъ и проявляется въ языкахъ. Такъ и человѣчество осуществляется въ народахъ. Слово есть внѣшній образъ человѣка вообще; языкъ—внѣшній образъ народа.

Языкъ есть первое произведеніе слова, первый органъ и первый признакъ народности. Языки были необходимы для того, чтобы дать

средства человѣчеству выразить свое духовное самопознаніе въ самыхъ разнообразнѣйшихъ видахъ. Немногіе народы достигли этого выраженія: есть еще тысячи, которые того ожидаютъ.

Нѣтъ ни одного народа, какъ бы грубъ и дикъ онъ ни былъ, который бы употреблялъ языкъ свой для выраженія однѣхъ только матеріальныхъ потребностей человѣка. Гдѣ говоритъ человѣкъ, на какомъ бы то ни было языкѣ, тамъ онъ непремѣнно выражаетъ на немъ духовное существо свое. Нѣтъ ни народа, ни языка безъ произведеній слова. Религіозная дѣятельность его духа скажется въ немъ молитвою; сила ума, воли и памяти—пословицею, притчею, преданіемъ; стремленіе къ художественной красотѣ—пѣснею и сказкою. Нѣтъ ни одного народа безъ молитвъ, пословицъ, притчей, преданій, пѣсенъ и сказокъ: это первые виды словесности у всѣхъ народовъ.

Произведенія слова становятся тѣмъ значительнѣе въ народѣ, чѣмъ сильнѣе божественная и человѣческая дѣятельность проявляется въ немъ, взаимно проникая другъ друга. Первая обнаруживается въ немъ вѣрою; вторая—стремленіями къ истинному, доброму и прекрасному въ жизни и въ словѣ, какъ необходимомъ для человѣка ея выраженіи. Вѣра безъ разумнаго познанія истины легко уклоняется въ суевѣріе; безъ стремленія къ добру, не оживленная любовію, мертвѣетъ въ обрядѣ или звучитъ, какъ мѣдь звенящая или кимвалъ звящающій, въ одномъ внѣшнемъ богослуженіи; безъ искусства она не можетъ благообразно величать и славить Бога. Человѣческая дѣятельность остается такъ же неполна и ограничена безъ божественной. Наука безъ вѣры увлекаетъ разумъ въ бездну безплодныхъ сомнѣній или ограничиваетъ міръ его познаній однимъ матеріализмомъ, поглощающимъ и его душу. Жизнь безъ вѣры можетъ быть не чужда добру, но будетъ творить его только изъ тщеславія, а не по высшему призванію любви божественной, творящей добро для самого добра. Искусство безъ вѣры разовьетъ красоту изящныхъ формъ до послѣдней крайности, но и отцвѣтетъ послѣ развитія.

Всякое произведеніе слова въ народѣ,—чѣмъ полнѣе воспитано совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ сферъ духа человѣческаго, къ какой бы сферѣ само ни принадлежало, тѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ прочнѣе дѣйствуетъ на народъ и человѣчество, тѣмъ достойнѣе нашего изученія.

Народъ для своего человѣческаго образованія нуждается въ содѣйствіи другихъ народовъ. Но это содѣйствіе возможно бываетъ тогда, когда все принимаемое народомъ отъ другого народа прививается къ корню его собственной сущности и, превращаясь въ живительный сокъ, питаетъ его внутренній организмъ. Крѣпкая народность, съ одной стороны, и человѣческая воспріемлемость, съ другой — вотъ условія прочнаго совершенствованія народовъ. Народы, какъ сосуды Божіи, необходимы для того, чтобы развивались въ нихъ идеи человѣчества.

Въ древнія времена народъ еврейскій стоялъ особнякомъ среди безчисленныхъ инородныхъ племенъ Востока и только въ своей отрѣшенности отъ другихъ могъ спасти идею истинной вѣры. Но это не мѣшало ему призывать въ свой храмъ другіе народы для поклоненія истинному Богу, понятіе о которомъ онъ сохранялъ не для одного себя, а для всего человѣчества. Греки въ сношеніяхъ своихъ не чуждались мудрости египтянъ, финикіянъ и другихъ народовъ древнихъ; ихъ колоніи простирались повсюду и связывали ихъ со всѣмъ человѣчествомъ; но только сосредоточившись въ духѣ своемъ—греческій народъ могъ раскрыть идею красоты для всего человѣчества. Еще обширнѣе, чѣмъ у грековъ, были сношенія у римлянъ съ другими народами: но только въ самой глубинѣ римскаго духа могъ быть постигнутъ разумъ государственной правды.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Духъ Божій въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на просвѣтителей всего человѣчества, стало возможнымъ освященіе всякой народности, и развитіе человѣческихъ идей не можетъ быть уже исключительнымъ преимуществомъ какой-нибудь одной изъ нихъ, а составляетъ неотъемлемое достояніе всѣхъ. Народы, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, стали нуждаться во взаимной помощи, и любовь призываетъ ихъ соединиться въ одинъ духовный союзъ семьи человѣческой. Старшіе братья по образованію должны вести къ тому младшихъ,—и всякому будетъ мѣсто на духовной трапезѣ всечеловѣческой любви и просвѣщенія.

Народность освящена и необходима, какъ созданіе Божіе. Нельзя отъ нея отрѣшиться, какъ нельзя вырвать изъ устъ своихъ языка, не уничтоживъ въ себѣ перваго внѣшняго признака своей человѣческой природы. Каждый народъ сосудъ Божій: человѣческое содержаніе сосуда—незримая тайна Божія и одинъ изъ зародышей будущей исторіи. Но стало уже невозможнымъ для народа его развитіе и совершенствованіе внѣ общенія съ другими. Брезгливость національная кончилась и наказывается всеобщимъ оставленіемъ. Чѣмъ болѣе народъ выразитъ сочувствій къ другимъ народамъ во имя своего и ихъ образованія, тѣмъ оно явится совершеннѣе,—и это совершенство отразится во всемъ, и особенно—въ произведеніяхъ слова.

С. П. Шевыревъ.

ОТДѢЛЪ V.

1. Рѣчь при поминовеніи Суворова

по поводу столѣтней годовщины со дня его кончины,
произнесенная у его могилы въ Александро-Невской Лаврѣ 5 мая 1900 г.

У этой столѣтней могилы лежащаго здѣсь Суворова сердечно побуждаюсь сказать въ намять его нѣсколько словъ.

Александро-Невская лавра благодаритъ Господа, судившаго ей хранить въ своихъ стѣнахъ, подъ сѣнію храма, священный прахъ Церкви вѣрнаго, отечеству преданнаго, славнаго сына святой русской земли, великаго полководца, графа и князя Александра Васильевича Суворова. Въ его великомъ военномъ геніи, въ его свѣтломъ, привлекательномъ характерѣ отразились всѣ благородныя черты истинно храбраго, истинно мужественнаго человѣка. Я полагаю, что между храбростью, какъ такою, и тѣмъ, что мы называемъ мужествомъ, есть великое различіе. Самъ Суворовъ подчеркивалъ это различіе, когда говорилъ: „Солдату нужна отвага, офицеру — храбрость, военачальнику—мужество“. Мужественному всегда свойственна храбрость, но не всякому храброму свойственно мужество. Есть храбрость темперамента, храбрость горячей крови—и есть храбрость великаго духа. Есть храбрость хищническая и есть храбрость самоотверженная, святая, возвышенная. Эта-то, на святой основѣ создающаяся, храбрость и есть всепобѣждающее мужество. Оно свойственно тому, въ чьемъ сердцѣ живетъ святая вѣра, кому невѣдомъ не только страхъ смерти, но въ комъ живетъ одно только бодрое чувство нескончаемой вѣчной жизни. Предъ взорами вѣрующаго исчезаетъ, какъ не существующая, темная и для обыкновенныхъ людей страшная бездна смерти: они созерцаютъ, напротивъ, одно только лучезарное сіяніе свѣта, блаженства и радости духа, возвышаемаго и укрѣпляемаго упованіемъ „жизни вѣчной во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“. Здѣсь источникъ мужества. На такихъ основахъ покоилось оно и у великаго Суворова. И въ мирное время, и на войнѣ, и во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни на первомъ мѣстѣ въ его мысли и чувствахъ были Богъ и святая

вѣра. Его обыкновенными поговорками были: „Помилуй Богъ!“ „Съ нами Богъ!“—„Истинному герою“, по его словамъ „нужно любить вѣру“. Предъ штурмомъ Измаила онъ далъ такой приказъ по войскамъ: „Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра—побѣда или смерть!“ Во время безпримѣрнаго перехода черезъ Альпы, ему, усталому, изнеможенному, гостепріимные католическіе монахи предложили завтракъ. —„Нѣтъ“, сказалъ Суворовъ, „надо прежде Богу помолиться; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу“.

Итакъ, впереди всего у него всегда были Богъ, молитва и вѣра. Но во всей красотѣ сказались великія качества его души въ завѣщательныхъ строкахъ потомству его автобіографіи: „Всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, избѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и искать славы чрезъ истину и добродѣтель“. Здѣсь сказался весь Суворовъ, и здѣсь скрывалась тайна его великаго, всепобѣждающаго мужества.

Да будутъ же начертаны эти его драгоцѣнныя слова, какъ священное непобѣдимое знамя, на сердцахъ всѣхъ православныхъ воиновъ побѣдоноснаго россійскаго воинства, и для всѣхъ вѣрноподданныхъ Царя русскаго да будутъ они, какъ святой завѣтъ нашего великаго полководца, вѣрнаго сына Церкви и славнаго героя святой русской земли!

Вспоминая такія доблестныя качества Суворова у сей столѣтней его могилы, помолимся изъ глубины души, да упокоитъ его Господь „въ селеніи праведныхъ“ и „сотворитъ ему вѣчную память“!

Митрополитъ петербургскій Антоній.

---

2. Слово на панихидѣ о Суворовѣ,

произнесенное 12 мая 1900 года.

Благодарю Господа, даровавшаго мнѣ утѣшеніе и еще сказать у этой могилы нѣсколько словъ въ память лежащаго здѣсь незабвеннаго Суворова.

Нынѣ исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ „мать сыра земля“ приняла въ свои нѣдра великаго героя святой русской земли, великаго человѣка и христіанина. На своемъ прекрасномъ языкѣ, русскій народъ своихъ излюбленныхъ героевъ, великихъ людей, богатыхъ силою, называетъ богатырями. Есть богатыри силы тѣлесной и есть богатыри силы духовной. По направленію и цѣли дѣятельности, богатыри,—тѣлесной ли то силы, или духовной,—могутъ имѣть для жизни или разрушительное, или созидательное значеніе. Такъ какъ во всей вселенной творческое, зиждительное начало дѣятельности принадлежитъ толь-

ко одному Богу, то и всякая дѣятельность человѣческая можетъ имѣть созидающую силу только въ томъ случаѣ, если она направляется въ строгомъ соотвѣтствіи съ зиждительною волею Божіею.

Самъ Господь нашъ раздѣляетъ людей, работниковъ земли, на два разряда. Одни работаютъ во имя Божіе и для славы Божіей. Въ своемъ идеальномъ осуществленіи, божественныя, созидающія начала жизни суть: *свѣтъ, правда и добро*. Въ своемъ историческомъ проявленіи эти зиждительныя начала—какъ вынаружились они въ тысячелѣтней жизни русскаго народа для нашего сознанія — сказываются такъ: *вѣра, царь и отечество*. Въ этихъ трехъ терминахъ—жизнь русскаго народа, въ нихъ же и источникъ истиннаго русскаго геройства.

И геройская, богатырская работа великаго Суворова вырастала на основѣ этихъ именно нашихъ историческихъ зиждительныхъ началъ. На нихъ же воспитывалъ онъ и своихъ соработниковъ, чудо-богатырей русскаго воинства. „Стой за домъ Пресвятой Богородицы; стой за батюшку-царя“, училъ онъ солдата.—„Я заключалъ мое доброе имя въ славѣ моего отечества“, писалъ онъ самъ о себѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Итакъ, въ нашемъ славномъ генералиссимусѣ мы видимъ героя-богатыря, который никогда не работалъ во имя свое и для славы своей. Но его неизмѣннымъ, для его сподвижниковъ всегда побѣднымъ и для враговъ сокрушительнымъ девизомъ было: „За вѣру, царя и отечество“.

Помолимся же всѣ здѣсь, у этой могилы, усердно, да будетъ отъ Господа и отъ людей лежащему здѣсь Суворову, самоотверженному, великому герою святой русской земли, непостыдно всю жизнь подвизавшемуся во славу Церкви-матери, Царя православнаго и родины святой,—вѣчная слава и вѣчная память! Аминь.

Митрополитъ петербургскій Антоній.

---

3. Рѣчь при встрѣчѣ московскаго ополченія.

(Произнесена въ Одессѣ во время Севастопольской обороны, 21 октября 1855 г.).

Христолюбивые ратники московскаго ополченія!

Путь вашъ конченъ!.. Вы стоите уже на берегу Чернаго моря, предъ лицомъ врага... Теперь, призвавъ Бога на помощь, остается доказать самымъ дѣломъ, что доселѣ было у васъ только въ сердцѣ и на устахъ... И мы совершенно увѣрены, что ваши мышцы и ваша десница не отстанутъ отъ вашихъ устъ и вашего сердца: вы сдѣлаете въ десять разъ болѣе того, что обѣщали пославшимъ васъ.

Та же св. Церковь, которая благословляла васъ, исходящихъ на

путь къ намъ, которая не разъ, какъ ангелъ-хранитель, являлась вамъ на пути, та же св. Церковь исходитъ теперь во срѣтеніе вамъ съ благословеніемъ при окончаніи вашего странствія, да вѣдаете, что путь вашъ не есть обыкновенный путь ратный, а весь—отъ начала до конца—путь священный и, можно сказать, крестный, коего конецъ не Одесса или Херсонъ, а Геѳсиманія и Елеонъ..

Срѣтая васъ нынѣ на такомъ пути, не можемъ не обратить къ вамъ евангельскаго привѣтствія: „Благословенни вы, грядущіе тако во имя Господне!“

Возбуждать васъ послѣ сего къ мужеству противу врага значило бы забыть, что у васъ изъ дѣтства предъ очами были Бородино, Тарутино, Малоярославецъ. О, такіе люди не дрогнутъ ни предъ какимъ врагомъ!.. Напоминать вамъ въ настоящія минуты о терпѣніи и самоотверженіи воинскомъ значило бы не помнить о священномъ пеплѣ Москвы, которую ваши отцы собственными руками принесли въ жертву всесожженія за отечество. О, такіе люди скорѣе положатъ жизнь свою, нежели уступятъ врагу въ собственность хотя одну пядень земли русской...

Лучше остановимъ вниманіе ваше на томъ, что не такъ извѣстно. Оставляя первопрестольную столицу и удаляясь отъ Кремля священнаго, вы, безъ сомнѣнія, думали, что вмѣстѣ съ симъ вы удаляетесь отъ сердца отечества. Такъ, оно—въ Кремлѣ... Но думали-ль вы, приближаясь къ намъ и въ то же время къ послѣднимъ предѣламъ Россіи,—что вы приближаетесь только къ колыбели нашего православія? Вѣдь она у насъ, возлюбленные,—въ нашемъ священномъ Херсонесѣ, гдѣ принялъ вѣру христіанскую и св. крещеніе великій князь Владиміръ, а въ лицѣ его и вся земля русская!..

Итакъ, вотъ за что вы будете сражаться! Не за Гаджибей или Бахчисарай, а за Херсонесъ и Инкерманъ священные! Если при исходѣ вашемъ изъ Кремля васъ невидимо благословляли на путь святители московскіе и св. Сергій Радонежскій, то теперь, при окончаніи сего пути, васъ незримо срѣтаютъ здѣсь благословеніемъ своимъ наши священномученики херсонскіе и съ ними равноапостольный князь Владиміръ. При такихъ споборникахъ духовныхъ, подъ такимъ вождемъ—какъ вамъ не совершить своего подвига, какъ должно?

Ратники московскіе! Мы смотримъ на васъ съ особеннымъ уваженіемъ; и, срѣтая дружину вашу не первую уже по времени, срѣтаемъ ее, какъ первую по тому мѣсту, откуда пришла она къ намъ. Отнынѣ между Москвою и Одессою не одинъ союзъ купли и продажи, а и духовный неразрывный союзъ крестнаго братства по оружію, на защиту отечества. Да подастъ Господь намъ возможность скорѣе воздать вамъ достойно за ваше къ намъ усердіе—только не подобною ратною помощію, въ коей да не будетъ никогда для васъ нужды! Аминь.

Архіепископъ херсонскій Иннокентій.

4. Слово въ Великій пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! Итакъ, есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2)! Есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! Есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ!.. Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго вознесенія со креста? Есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? Есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? Есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческіе видѣти, аще есть вразумѣваяй или взыскаяй Бога*—и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, сраспинаяйся Ему въ духѣ. Что же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе ли, лучше ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: „*Радуйся, царю Іудейскій*!“ Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгоѳы многіе возвращались, *біюще перси своя* (Лук. 23, 48), и, несмотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12, 31), — судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ пророка, *пріидите и истяжимся* (Ис. 1, 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! у Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста— не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы

сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся*!

Можемъ ли, братія, уклониться отъ сего призванія? Итакъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь ли имъ пути живота? предходишь ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1, 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ, лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6. 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если очи твои блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица, побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцомъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда

и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями, заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), пріиде въ міръ и *далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5, 20). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина? Увѣрился ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, Кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4, 21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2, 4.) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24)? Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1, 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь, какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины, лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба—святое *буйство* (1 Кор. 1, 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невин-

ность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступилъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества,—иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую службу!

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6, 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться къ гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго Тѣла? Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6, 68)? *Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь отъ Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія... Аминь.

Архіепископъ херсонскій Иннокентій.

---

5. Слово о любви къ ближнимъ, какъ новой заповѣди и великомъ благѣ.

(Сказано 1-го января 1860 г.).

„Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы“. Іоан. 13, 34.

Для новаго года, братіе мои, я не нахожу ничего лучше сказать вамъ, какъ повторить и изъяснить новую заповѣдь, данную намъ на-

шимъ Спасителемъ и заключающуюся въ Его словахъ: „Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы“. Кромѣ того, что это заповѣдь есть новая,—въ ней указывается такое благо, котораго весьма прилично нынѣ, въ день новолѣтія нашихъ взаимныхъ благожеланій, пастырю Церкви пожелать своимъ возлюбленнымъ духовнымъ чадамъ.

„Заповѣдь новую даю вамъ“... Отчего, спросите, Господь нашъ заповѣдь о любви къ ближнимъ назвалъ новою, когда она была и въ Ветхомъ Завѣтѣ? И тамъ ясно было сказано: „Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе“ (Лев. 19, 18),—и цѣлыя шесть заповѣдей изъ десяти посвящены были подробнѣйшему раскрытію именно этой одной. Но — замѣтьте, — въ Ветхомъ Завѣтѣ было сказано: „Люби ближняго, какъ любишь самого себя, а въ Новомъ Спаситель заповѣдуетъ намъ: „Любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“. Это значитъ: любите другъ друга болѣе, нежели любите самихъ себя. Ибо Спаситель возлюбилъ насъ до самопожертвованія: Онъ, будучи истиннымъ Богомъ, ради насъ, грѣшныхъ, „Себе умалилъ, зракъ раба пріялъ“, содѣлался человѣкомъ, ради насъ, грѣшныхъ, „смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя“ (Фил. 2, 7—8). Въ Ветхомъ Завѣтѣ, если не по буквѣ, то по духу было сказано: „Возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего“ (Матѳ. 5, 43). А въ Новомъ Завѣтѣ говоритъ намъ Спаситель: „Любите враги ваши, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы“ (Матѳ. 5, 44). И Самъ Онъ возлюбилъ насъ, когда мы еще были Его закоренѣлыми врагами по своимъ грѣхамъ, и положилъ за насъ душу Свою для прекращенія нашей вражды; Самъ Онъ возлюбилъ насъ „до конца“ (Іоан. 13, 1), несмотря на то, что мы доселѣ не престаемъ оскорблять Его своимъ противленіемъ Его волѣ, нарушеніемъ Его заповѣдей. Въ Ветхомъ Завѣтѣ было сказано: „Око за око и зубъ за зубъ“ (Матѳ. 5, 38). А въ Новомъ заповѣдуется намъ не только не противиться злу (—39), не воздавать зломъ за зло (Кол. 5, 15), но и побѣждать благимъ злое (Рим. 12, 21) и прощать ближнимъ всякія обиды даже до седьмидесяти кратъ седьмерицею (Матѳ. 18, 22). Понятно ли, въ какомъ смыслѣ заповѣдь о любви другъ къ другу, данная намъ Господомъ, есть заповѣдь новая? Она нова по высотѣ той любви, которую Онъ внушаетъ намъ и совершеннѣйшій образецъ которой представилъ Самъ. Истинноновою явилась она въ мірѣ, когда изрекъ ее Сынъ Божій: потому что прежде люди не знали и ни отъ кого не слышали такой высокой заповѣди.

Но всмотритесь, каждый, въ самихъ себя: не нова ли эта заповѣдь и для насъ, христіанъ, — хотя со времени изреченія ея протекло уже болѣе восемнадцати вѣковъ, и мы знаемъ ее, быть можетъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ только начали изучать евангельскій законъ? Не нова ли

она—не для нашего ума или памяти, а для нашего сердца? Извѣдали ли мы ея силу и значеніе собственнымъ опытомъ? Не нова ли она для нашей жизни и дѣятельности? О, если нова, то молю васъ о Господѣ,—позаботьтесь усвоить ее себѣ, по крайней мѣрѣ, съ новаго наступающаго лѣта.

Любовь къ ближнимъ и сама по себѣ есть великое благо для человѣка: это такое святое и вмѣстѣ сладостное чувство! Особенно же любовь въ томъ видѣ, въ какомъ предписывается она намъ новою заповѣдію Спасителя,—любовь, простирающаяся до самопожертвованія, до прощенія обидъ, до воздаянія добромъ за зло, сколько заключаетъ въ себѣ высокаго, благороднаго, героическаго! Какъ возвышаетъ она человѣка и въ собственныхъ глазахъ, и предъ очами ближнихъ!

Любовь къ ближнимъ, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для нашего быта житейскаго. Отчего происходитъ большая часть нашихъ бѣдствій и скорбей въ жизни? Отъ недостатка взаимной христіанской любви между нами. Мы завидуемъ другъ другу, злорадствуемъ, полагаемъ препятствія на пути, часто мстимъ, не желаемъ другъ другу уступить, помочь, оказать снисхожденіе, руководясь преимущественно самолюбіемъ и своекорыстіемъ,—и страдаемъ, страдаемъ много другъ отъ друга. А какъ все улучшилось бы вокругъ насъ, если бы мы всѣ начали водиться искреннимъ христіанскимъ братолюбіемъ! Сколько свѣта и радости пролилось бы въ нашу скорбную жизнь, при нашихъ взаимныхъ—благожелательствѣ, уступчивости, содѣйствіи и всякаго рода услугахъ и благодѣяніяхъ!

Любовь къ ближнимъ, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для жизни гражданской. Проникнутый этою любовію, съ какою ревностію каждый изъ насъ посвящалъ бы свои силы и труды на пользу общественную! Съ какимъ благодушіемъ и кротостію переносилъ бы всѣ неудачи, даже несправедливости и притѣсненія, встрѣчающіяся на служебномъ поприщѣ! Какихъ жертвъ не согласился бы принесть, въ случаѣ нужды, на алтарь отечества!

Но главное—любовь къ ближнему, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для жизни собственно христіанской. Безъ этой любви никакія духовныя дарованія и совершенства христіанина не могутъ имѣть цѣны. „Если бы я“, учитъ св. апостолъ, „говорилъ всѣми языками человѣческими и даже ангельскими, а не имѣлъ любви, я — не болѣе, какъ мѣдь звенящая или кимвалъ звящаяй“. Этого мало: „Если я имѣю даръ пророчества, проникаю всѣ тайны и знаю все, если имѣю даже всю вѣру, чтобы переставлять горы, но не имѣю любви, я—ничто“.

Еще болѣе: „Если я раздамъ всѣ имѣнія мои нищимъ, если предамъ тѣло мое на сожженіе, а не имѣю любви — мнѣ нѣтъ никакой пользы“ (I Кор., 13, 1—3). Самое высокое самоотверженіе и безкорыстіе, самое мученичество безъ христіанской любви ничего не значитъ. Въ

другихъ мѣстахъ тотъ же апостолъ называетъ любовь къ ближнимъ союзомъ совершенства (Кол. 3, 14), исполненіемъ закона (Рим. 13, 10). Отчего? Оттого, что она, по самымъ свойствамъ своимъ, способна удерживать насъ отъ всякаго зла и вести ко всякому добру. Вотъ какъ изображаетъ эти свойства св. учитель языковъ: „Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ, любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ“ (1 Кор. 13, 4—7). Кто не согласится, что такова дѣйствительно христіанская любовь, и что изъ нея, какъ изъ добраго сѣмени, могутъ произрастать всѣ добродѣтели христіанства.

Прибавьте ко всему сказанному еще то, что любовь христіанская къ ближнимъ, всегда неразлучная съ любовію къ Богу, есть благо, никогда не престающее, вѣчное. „Нынѣ“, т.-е. въ настоящей жизни, по ученію апостола, „пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія“ (1 Кор. 13, 13). Но вѣра наша прейдетъ, когда мы увидимъ Господа лицомъ къ лицу; надежда упразднится, когда мы дѣйствительно получимъ блага, которыхъ нынѣ надѣемся. А любовь останется всегда съ нами и въ жизни загробной и будетъ для насъ однимъ изъ неизсякаемыхъ источниковъ безконечнаго блаженства.

Братіе мои! Нѣтъ сомнѣнія, что и новое лѣто своей благости Господь даруетъ намъ для того же, для чего давалъ всѣ предшествовавшія, т.-е.,—„да тихое и безмолвное житіе поживемъ“ на землѣ и да подвизаемся болѣе и болѣе „во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ для приготовленія себя къ жизни небесной (I Тим. 2, 2). Но видите ли, что и то и другое для насъ возможно только тогда, если мы начнемъ жить и дѣйствовать по новой заповѣди Спасителя о взаимной христіанской любви? „Облецытеся убо“, заключу словами св. апостола,—„якоже избранніи Божіи святи и возлюбленни, во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе, пріемлюще другъ друга и прощающе себѣ, аще кто на кого имать пореченіе: якоже и Христосъ простилъ есть вамъ, тако и вы. Надъ всѣми же сими стяжите любовь, яже есть соузъ совершенства“ (Кол. 3, 12—14). Аминь.

Митрополитъ московскій Макарій.

---

6. Слово въ день столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина.

(Сказано въ церкви Императорскаго Харьковскаго университета 1-го декабря 1866-го года).

О славныхъ мужахъ древности сказалъ премудрый: „Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды; премудрость

ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь“ (Сир. 44, 13, 14). Такъ и нынѣ—Церковь предначинаетъ „похвалу“ одного изъ славныхъ мужей Россіи,—предначинаетъ своимъ торжественнымъ богослуженіемъ въ память его, по случаю совершившагося столѣтія со дня его рожденія; предначинаетъ своими теплыми молитвами о упокоеніи души его, которыя, безъ сомнѣнія, теперь для него дороже и сладостнѣе всякихъ земныхъ похвалъ. Да и можетъ ли быть иначе? Церковь отечественная—она духовная мать и нравственная воспитательница русскаго народа; она болѣе всего ревнуетъ о его высшихъ, благороднѣйшихъ потребностяхъ. А что сдѣлалъ Карамзинъ для этихъ потребностей?

Въ ряду высшихъ потребностей и вмѣстѣ главнѣйшихъ преимуществъ всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, стоятъ двѣ, одна отъ другой зависящія, одна другую восполняющія: это самосознаніе и слово.

Самосознаніемъ отличаетъ себя каждый человѣкъ отъ всѣхъ другихъ людей и каждый народъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ самосознаніи первое условіе для правильнаго хода жизни и дѣятельности, какъ у человѣка, такъ и у народа, первое условіе для устраненія и искорененія ихъ погрѣшностей и недостатковъ, для развитія и усовершенствованія ихъ способностей и силъ, для образованія и укрѣпленія ихъ личныхъ, своеобразныхъ характеровъ. Самосознаніе народа есть какъ бы его душа, его внутренняя сила, не только моральная, но и физическая, способная поддержать его въ самыя критическія минуты и подвигнуть къ самымъ героическимъ подвигамъ. Въ этомъ отношеніи заслуга Карамзина для Россіи чрезвычайная. И народъ, какъ человѣкъ, раскрываетъ въ себѣ самосознаніе медленно, постепенно, частію черезъ вниканіе въ самого себя и наблюденіе за самимъ собою, а преимущественно—черезъ изученіе своей прошедшей жизни и дѣятельности. Были у насъ и прежде Карамзина весьма многіе дѣписатели, пытавшіеся изобразить минувшую судьбу отечества; но ихъ сказанія оказывались то слишкомъ краткими и отрывочными, то мало достовѣрными и смѣшанными съ заблужденіями, то односторонними и далеко неполными, то лишенными единства, жизни и силы. Карамзинъ первый изучилъ отечественныя лѣтописи во всей ихъ полнотѣ, перечелъ тысячи актовъ и сочиненій, касавшихся исторіи Россіи, извлекъ изъ нихъ все нужное, и все это провѣрилъ здравою критикою, претворилъ, объединилъ, оживилъ въ своемъ геніальномъ умѣ—и начерталъ художественную картину, въ которой Русь впервые увидѣла себя, какъ въ зеркалѣ, ясно и отчетливо, увидѣла такъ, какъ никогда еще она не видѣла себя. Не говоримъ, будто исторія Карамзина—верхъ совершенства въ своемъ родѣ и чужда недостатковъ, даже многихъ. Но думаемъ, что онъ сдѣлалъ все лучшее, что можно было сдѣлать въ его время при его необыкновенныхъ способностяхъ; утверждаемъ, что онъ

своимъ твореніемъ содѣйствовалъ самосознанію русскаго народа столько, сколько не содѣйствовалъ никто прежде, что на его твореніи воспитались въ русскомъ духѣ цѣлыя поколѣнія Россіи; утверждаемъ, что Карамзинъ составилъ истинную эпоху въ развитіи русскаго самосознанія.

Слова народа—это то же самое его самосознаніе, только выражаемое вовнѣ, членораздѣльными звуками. Въ самосознаніи народъ отличаетъ лишь самъ себя отъ прочихъ народовъ, а по слову—отличаютъ, узнаютъ его и другіе. Родное слово — это главное средство, которое сближаетъ, соединяетъ, скрѣпляетъ всѣхъ людей извѣстной націи,—знамя, вокругъ котораго собираются они, какъ члены одной семьи, какъ родные братья. Родное слово—это то священное и безцѣнное орудіе, черезъ которое распространяются въ народѣ истины вѣры и нравственности, истины науки и искусства, чрезъ которое творится въ народѣ судъ и правда, совершаются всѣ семейныя и общественныя отношенія.

Кто же изъ насъ не знаетъ, что сдѣлалъ Карамзинъ для нашего родного слова? Кто не знаетъ, какъ говорила Русь въ древній періодъ своего существованія, судя по уцѣлѣвшимъ письменнымъ памятникамъ, какъ говорила она и въ новый періодъ даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ науки и искусства,—и какъ потомъ заговорилъ Карамзинъ, какъ умѣлъ онъ овладѣть этимъ могучимъ, гибкимъ, чрезвычайно богатымъ, но еще мало обработаннымъ языкомъ, и какъ очистилъ, возвысилъ, преобразовалъ его силою своего творческаго таланта и вкуса! Кто изъ насъ, особенно людей моего возраста и старше, не перечитывалъ литературныхъ произведеній Карамзина и не увлекался, не восхищался, не услаждался свѣжестію, легкостію, изяществомъ и благоуханіемъ его слова, а вмѣстѣ и этою свѣтлою душою, этимъ прекраснымъ сердцемъ и вообще этою высокою, симпатическою личностію Карамзина, который весь свѣтился въ своихъ твореніяхъ? Кому, наконецъ, не извѣстно, какое громадное вліяніе имѣлъ Карамзинъ на русское слово во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ отразилось это вліяніе и въ разговорной рѣчи нашего образованнаго общества, и въ литературной рѣчи нашихъ писателей, и въ языкѣ нашего законодательства и суда, и на каѳедрахъ нашихъ учебныхъ заведеній, и на самой церковной каѳедрѣ? Такъ Карамзинъ, поистинѣ, составилъ эпоху и въ развитіи русскаго слова.

Сыны Россіи! „Слава и честь всякому, дѣлающему благое“, учитъ насъ св. вѣра (Рим. 2, 10). Слава и честь нашему доблестному соотечественнику—Карамзину за все то „благое“, за все добро, какое онъ совершилъ для нашей родной земли! Слава и вамъ, что вы не забываете этого добра, что вы собрались нынѣ почтить память славнаго мужа своей страны и прежде всего помолиться о немъ со св. Церковію. Не за великіе таланты, которые зависѣли не отъ него, не за геніаль-

ныя способности мы прославляемъ его, а за то, что, сознавъ свои таланты, онъ посвятилъ ихъ всецѣло на пользу своихъ согражданъ, за то, что онъ любилъ свое отечество всѣмъ существомъ, трудился для него всю свою жизнь, трудился ревностно, неустанно, и что, воодушевляемый этою любовію, онъ оказалъ своими трудами величайшія заслуги русскому самосознанію и русскому слову.

Сыны Россіи! Предъ священною памятію нашего безсмертнаго Карамзина дадимъ нынѣ обѣтъ—такъ же пламенно любить землю отечественную, какъ любилъ онъ, такъ же посвящать ей всѣ свои способности и таланты, такъ же трудиться для нея всю жизнь, — и всегда, всегда сознавать себя истинно-русскими, всегда дорожить своимъ роднымъ словомъ: да цвѣтетъ она, наша безцѣнная родина, великая, единая и нераздѣльная, въ роды родовъ, цѣлые вѣки и тысящелѣтія! Аминь.

Митрополитъ московскій Макарій.

---

7. Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова.

(Сказано въ церкви Императорскаго Харьковскаго университета 2 февраля 1868 года).

«И глагола имъ притчами много».
Матѳ. 13, 3.

Это слова о Томъ, Кого назвалъ нынѣ св. старецъ Симеонъ „Свѣтомъ во откровеніе языкомъ“ (Лук. 2, 32), слова о Нашемъ Спасителѣ, Который, проповѣдуя Свое Божественное ученіе для просвѣщенія людей, часто-часто употреблялъ притчу.

Но эти же самыя слова невольно припоминаются намъ, сыны Россіи, и при имени человѣка, котораго собрались мы нынѣ помянуть торжественно въ своихъ молитвахъ къ Нашему Спасителю,—человѣка, который ровно сто лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ бытіемъ и разнообразными способностями, получилъ отъ Бога великій даръ говорить притчами,—и дѣйствительно говорилъ намъ „притчами много“, и завѣщалъ намъ въ своихъ притчахъ безцѣнное сокровище.

Какъ онъ говорилъ? Языкъ баснописца Крылова — чисто-русскій языкъ, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта. Это не рѣчь исключительно нашего простого народа, съ ея иногда грубыми словами, а еще чаще грубыми выраженіями; не рѣчь исключительно и нашего образованнаго общества, съ ея нерѣдко вовсе не русскими словами и оборотами, съ ея часто искусственнымъ строемъ, сложившимся подъ вліяніемъ иноземнаго слова. Нѣтъ, это такой языкъ, въ которомъ чудно слились и первая рѣчь и послѣдняя, и соединилось все, что только есть лучшаго въ той и

другой. Крыловъ взялъ нашъ простонародный говоръ во всей его первобытной простотѣ и естественности, но съ его силою, мѣткостію и выразительностію, очистилъ его отъ всего дикаго и грубаго и сдѣлалъ его изящнымъ, художественнымъ чрезъ искусное сочетаніе съ рѣчью образованнаго общества; взялъ и нашу образованную, литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искусственнаго и чужеземнаго, обрусилъ ее чрезъ сліяніе съ простонародною рѣчью и обогатилъ множествомъ коренныхъ русскихъ словъ и оборотовъ, подмѣченныхъ въ устахъ простого народа. И вышелъ языкъ—Крыловскій языкъ, какого прежде въ Руси не бывало; языкъ и глубоко-простонародный, и высоко-образованный. Вышла рѣчь—русская во всѣхъ отношеніяхъ, словно вылившаяся прямо изъ русской души и сердца; рѣчь, равно понятная и равно пріятная всѣмъ русскимъ, книжнымъ и некнижнымъ, взрослымъ и дѣтямъ, людямъ высшаго круга и самымъ послѣднимъ поселянамъ; рѣчь такая, что подчасъ ее читаешь—не начитаешься, слушаешь—не наслушаешься. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровища истинно-русскаго слова.

Что говорилъ онъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности, мудрецъ русскій. Не проводилъ онъ никогда какихъ-либо идей ложныхъ, вредныхъ, противныхъ нравственности, — хотя подъ покровомъ басни это было бы легко, по крайней мѣрѣ—не невозможно. Напротивъ, всегда провозглашалъ идеи истины, добра и порядка; нещадно преслѣдовалъ порокъ и неправду во всѣхъ ихъ видахъ и вообще стремился не разрушать, а созидать, не колебать, а утверждать. Онъ съ убѣжденіемъ отстаивалъ всѣ основы нашего отечественнаго быта: нашей св. вѣры, нашего государственнаго строя, нашихъ общественныхъ и семейныхъ отношеній. Глубоко всматривался въ русскую жизнь, чутко прислушивался къ ея потребностямъ и пользовался даже частными случаями, чтобы вѣрнѣе направлять свою рѣчь къ цѣли и приносить болѣе пользы своимъ согражданамъ. Любилъ онъ иногда брать у простого народа уроки мудрости, добытой вѣками и выразившейся въ его пословицахъ и поговоркахъ; а еще чаще изрекалъ самъ такіе же уроки, которые потомъ переходили въ жизнь и становились новыми пословицами и поговорками. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской народной мудрости.

Но самое главное отличительное свойство нашего мудреца-баснописца было именно то, что онъ говорилъ намъ баснями, и баснями русскими. Онѣ-то придавали его мыслямъ и словамъ особенную привлекательность и силу. Басня, мастерски составленная, какъ умѣлъ составлять ее Крыловъ, невольно возбуждаетъ наше вниманіе и равно влечетъ къ себѣ и дитя, и юношу, и старца,—и всѣхъ занимаетъ, всѣхъ услаждаетъ, всѣхъ учитъ—непримѣтно, но мѣтко и неотразимо. Мысли самыя возвышенныя, правила самыя мудрыя, наставленія самыя полезныя часто кажутся намъ безжизненными, скучными, и безслѣдно

проносятся мимо нашей души; но, будучи олицетворены въ искусной баснѣ, являются предъ нами живыми, чарующими, и производятъ въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. По самому характеру басни, Крыловъ выводилъ въ своихъ басняхъ и заставлялъ дѣйствовать людей, звѣрей, птицъ, домашнихъ животныхъ, растенія и разные неодушевленные предметы. Но эти люди — наши русскіе люди; эти звѣри, почти всѣ—наши звѣри; эти птицы—наши птицы; эти домашнія животныя, растенія и другіе предметы—все наши, наши и наши. Въ этомъ сказочномъ мірѣ мы чувствуемъ себя какъ бы у себя дома, вездѣ встрѣчаемъ знакомое, родное; вездѣ видимъ и осязаемъ русскую обстановку, русскіе обычаи, русскій духъ, русскую природу. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской жизни.

Братіе соотечественники! Договаривать ли, что еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть русскими вполнѣ, какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь—искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ кореннымъ началамъ нашей родной жизни. Безъ такой любви онъ могъ, конечно, сдѣлаться великимъ баснописцемъ по своему таланту; но никогда не сдѣлался бы баснописцемъ всецѣло русскимъ, никогда не собралъ бы для насъ, не оставилъ бы намъ такихъ сокровищъ, какія оставилъ... Да воодушевляетъ же эта святая любовь и всѣхъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ и трудахъ на жизненномъ пути, и да поможетъ она каждому изъ насъ принесть дорогой отчизнѣ ту долю пользы, какую мы въ состояніи принесть по роду и мѣрѣ силъ и талантовъ, дарованныхъ намъ отъ Бога!

Къ вамъ особенно, юное поколѣніе родного края, къ вамъ простирается завѣтъ человѣка, котораго вы не безъ основанія прозвали своимъ дѣдушкой. По его баснямъ вы начали изучать русское слово, въ его басняхъ встрѣтили первые уроки русской мудрости, изъ его басенъ незамѣтно начали напитываться русскимъ духомъ. О, не останавливайтесь же на этихъ первыхъ урокахъ, продолжайте утверждать и возращать въ себѣ болѣе и болѣе столь естественное всѣмъ чувство любви къ отечеству. Русскими создалъ насъ Богъ; въ Россіи, а не въ иной странѣ, судилъ намъ родиться и далъ намъ русское слово, русскую душу: нашъ долгъ исполнить эту волю о насъ Творца—не измѣнять нашей природѣ, нашему призванію. Развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя всякими разнородными познаніями, откуда бы они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ,—помните,—затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принесть въ жертву ей—вашей родной матери, Россіи. Аминь.

Митрополитъ московскій Макарій.

8. Слово при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину.

(6 іюня 1880 г.).

Нынѣ свѣтлый праздникъ русской поэзіи и русскаго слова. Россія чествуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ своихъ поэтовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная, освящая это торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣчномъ упокоеніи души чествуемаго поэта, возглашаетъ ему вѣчную память. Всѣ, кому дороги родное слово и родная поэзія, на всѣхъ пространствахъ Россіи,—безъ сомнѣнія, участвуютъ сердцемъ въ настоящемъ торжествѣ и какъ бы присутствуютъ здѣсь въ лицѣ васъ, достопочтенные представители и любители отечественной словесности, науки и искусства! А тебѣ, Москва, градъ первопрестольный, естественно ликовать нынѣ болѣе всѣхъ: ты была родиною нашего славнаго поэта; на одной изъ твоихъ возвышенностей воздвигнутъ въ честь его достойный памятникъ, и подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ совершается нынѣ сынами Россіи, стекшимися къ тебѣ со всѣхъ сторонъ, настоящее торжество.

Мы чествуемъ человѣка—избранника, котораго самъ Творецъ отличилъ и возвысилъ посреди насъ необыкновенными талантами и которому указалъ этими самыми талантами особенное призваніе въ области русской поэзіи. Чествуемъ нашего величайшаго поэта, который понялъ и вполнѣ сознялъ свое призваніе; не зарылъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, а употребилъ ихъ на то самое дѣло, на которое былъ избранъ и посланъ, и совершилъ для русской поэзіи столько, сколько не совершилъ никто. Онъ поставилъ ее на такую высоту, на которой она никогда не стояла и надъ которою не поднялась доселѣ. Онъ сообщилъ русскому слову въ своихъ твореніяхъ такую естественность, простоту и вмѣстѣ такую обаятельную художественность, какихъ мы напрасно стали бы искать у прежнихъ нашихъ писателей. Онъ создалъ для русскихъ такой стихъ, какого до того времени не слыхала Россія,—стихъ, въ высшей степени гармоническій, который поражалъ, изумлялъ, восхищалъ современниковъ и доставлялъ имъ невыразимое эстетическое наслажденіе и который надолго останется образцовымъ для русскихъ поэтовъ. Мы чествуемъ не только величайшаго нашего поэта, но и поэта нашего народнаго, какимъ явился онъ, если не во всѣхъ, то въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Онъ отозвался своею чуткою душою на всѣ преданія русской старины и русской исторіи, на всѣ своеобразныя проявленія русской жизни. Онъ глубоко проникся русскимъ духомъ и все воспринятое имъ отъ русскаго народа, претворивъ своимъ геніальнымъ умомъ, воплотилъ и передалъ тому же народу въ сладкозвучныхъ пѣсняхъ своей лиры, которыми и услаждалъ соотечественниковъ, и незамѣтно укрѣплялъ въ

чувствахъ патріотизма и любви ко всему родному. Мы воздвигли памятникъ нашему великому народному поэту потому, что еще прежде онъ самъ воздвигъ себѣ „памятникъ нерукотворный“ въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ,—и въ этомъ памятникѣ воздвигъ памятникъ и для насъ, для всей Россіи, который никогда не потеряетъ для нея своей цѣны, и къ которому потому „не зарастетъ народная тропа“. Къ нему будутъ приходить и отдаленные потомки, какъ приходимъ мы и какъ приходили современники.

Сыны Россіи! Посвящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ талантамъ и необыкновеннымъ твореніямъ, которыя онъ намъ оставилъ, можемъ ли удержаться, чтобы не вознести живѣйшей, всенародной благодарности къ Тому, Кто даровалъ намъ такого поэта, Кто надѣлилъ его такими талантами, Кто помогъ ему исполнить свое призваніе? А съ этою, столь естественною для насъ въ настоящія минуты, благодарностію, можемъ ли не соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли русской,—да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей, не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія! Да украсится она, наша родная, во всѣхъ краяхъ своихъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ своихъ! Аминь.

Митрополитъ московскій Макарій.

---

9. Поученіе въ новый годъ.

«Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга» (Іоан. 13, 34).

Для насъ, слушатели, заповѣдь о взаимной любви самая новая заповѣдь, потому что мы ее не знаемъ, забываемъ, не исполняемъ, оставляемъ. И потому, для новаго года, выслушайте эту новую заповѣдь: любите другъ друга, другъ друга любите.

Мы между собою самые близкіе люди, самые сходные другъ съ другомъ: мы всѣ сотворены по одному образу и подобію — по образу и подобію Божію; мы всѣ искуплены одною кровію—Кровію Господа нашего Іисуса Христа, мы всѣ члены одного тѣла, дѣти одного Отца и одной Матери.

Слышишь ли ты, который радъ отнять послѣднее у другого,—слышишь ли эту новую для тебя истину? Ты отнимаешь у самого близкаго тебѣ человѣка, самаго сходнаго съ тобою, самаго похожаго на тебя. Развѣ онъ какое безсловесное животное, что ты такъ жестоко съ нимъ поступаешь? Да и съ безсловесными развѣ хорошо жестоко по-

ступать? „Блаженъ и скоты милуяй“ (притч. 12, 10), а ты и человѣку не хочешь сдѣлать милости; и не только милости не дѣлаешь, но немилосердно поступаешь. Какой же ты человѣкъ? Жалкій ты человѣкъ, погибшій ты человѣкъ!

Слышишь ли ты, который не желаешь добра другому, не помогаешь ему въ нуждахъ, даже должнаго, законнаго не подаешь ему? Слышишь ли ты эту новую для тебя истину? Вѣдь Богъ Отецъ такъ его любитъ, что для его спасенія Сына Своего не пощадилъ, но на смерть отдалъ; а Сынъ Божій, помогая его спасенію, кровь Свою для него пролилъ.

Отъ тебя терпитъ другой, отъ тебя прискорбно ему, отъ тебя изнемогаетъ онъ. А ты не чувствуешь? А тебѣ не больно? Какой же ты человѣкъ! Ты не членъ тѣла человѣческаго, ты—не человѣкъ. Члены тѣла другъ другу сострадаютъ: когда рука болитъ, всему человѣку больно; а ты не болишь, не скорбишь, когда человѣкъ—членъ одного съ тобою тѣла человѣческаго—болитъ, скорбитъ? Спрашиваю: какой же ты человѣкъ? Нѣтъ, видно, ты не человѣкъ!

Итакъ, вотъ что, слушатели: если мы не будемъ любить другъ друга, если забудемъ, оставимъ эту заповѣдь,—то въ насъ не останется ничего не только христіанскаго, но и человѣческаго. Если не будемъ желать другъ другу добра, другъ другу помогать, снисходить, уступать, то мы—не христіане и даже не люди будемъ.

И потому, съ новаго года будемъ помнить и исполнять эту новую для насъ заповѣдь—любить другъ друга.

Помните эту истину: что мы дѣлаемъ или говоримъ другому во вредъ, то дѣлаемъ себѣ въ вѣчную погибель; обижать другого значитъ навѣкъ губить свою душу. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

10. Поученіе предъ св. Причастіемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорившій: „Моисѣе, Моисее! Не приближайся сѣмо, иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ“ (Исх. 3, 5).

Слушатели благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно была явленіе чудное и страшное, ибо горѣла и не сгорала, ибо изъ купины говорилъ Самъ Богъ... Не столь же-ли чудна и страшна святая чаша, которой вы предстоите, и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой святой чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное Тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина — истинная

Кровь Его. Здѣсь, въ этой святой чашѣ, огнь божественный, чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій, а недостойныхъ попаляющій и сожигающій. И потому, отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ святой чашѣ: „Не приближайся сѣмо; изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ, развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу. Время еще не ушло. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: этими вздохами душа освобождается отъ грѣховъ. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны духовныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ, на тебя теперь смотритъ твой ангелъ-хранитель, на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное.

Итакъ, скажи въ душѣ своей: „Я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ; но я впередъ ужъ не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія: только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ. „Вѣрую, Господи“,—только помози моему невѣрію,— „вѣрую, яко Ты воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую, — и еще молю Тебя, помози моему невѣрію,—еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое Тѣло Твое, и сія есть самая честная Кровь Твоя... Не даю Тебѣ лобзанія Іудина,—нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ“...

Съ такою вѣрою и такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей святой чашѣ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ Таинъ не въ судъ или въ осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай, Господи, такъ причаститься всѣмъ намъ. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

11. Поученіе въ день Благовѣщенія и въ Великую Субботу.

Не знаю, что сказать вамъ въ нынѣшній день, слушатели благочестивые! Сказать ли: плачьте! Но вы скажете: какъ же плакать намъ, когда нынѣ радость возвѣщена всей вселенной? Сказать ли: радуйтесь! Но другіе скажутъ: какъ же радоваться, когда Господь Іисусъ Христосъ, наша радость, нынѣ во гробѣ?..

При такомъ недоумѣніи вотъ что пришло мнѣ на мысль. Можно ли заставить того человѣка радоваться, который вовсе не расположенъ къ радости? Конечно, трудно. Можно ли заставить того человѣка плакать, который вовсе не расположенъ къ слезамъ? Тоже трудно. Такъ пусть нынѣ расположеніе каждаго остается такимъ, каково оно есть: надобно только дать этому расположенію должное направленіе.

Ты нынѣ расположенъ радоваться,—радуйся; ты нынѣ расположенъ плакать,—плачь: и плачъ, и радость нынѣшнему дню весьма приличны. Когда слышишь ангела, благовѣствующаго Дѣвѣ Маріи, что отъ Нея родится Сынъ Божій,—плачь; ибо твои грѣхи низвели Сына Божія на землю, гдѣ Онъ долженъ былъ за тебя претерпѣть разныя мученія: можно ли отъ этого не плакать? Когда ты видишь Спасителя міра, бездыханно лежащимъ во гробѣ, опять плачь; ибо за твои грѣхи Онъ умеръ такою смертію: можно ли при этой мысли удержаться отъ слезъ?.. Но ты не расположенъ къ слезамъ,—такъ радуйся. Радуйся, когда слышишь, что ангелъ благовѣствуетъ Дѣвѣ Маріи зачатіе Сына Божія: ибо Сынъ Божій пріемлетъ отъ Нея плоть человѣческую для тебя, для твоего спасенія, для избавленія тебя отъ грѣха, проклятія и смерти: какъ этому не радоваться? Радуйся, когда смотришь и на гробъ Спасителя; ибо во гробѣ погребены твои грѣхи, погребена твоя вѣчная смерть: можно ли при этой мысли не исполниться радостью?

Хотите, слушатели, на опытѣ видѣть, что радость и печаль равно Богу пріятны? Выслушайте слѣдующее происшествіе. Два инока, однажды вышедши изъ монастыря, впали въ тяжкій грѣхъ. И святые падаютъ; но они скоро возстаютъ. И сіи иноки скоро одумались, тотчасъ возвратились въ свою обитель и открыли грѣхъ настоятелю. Настоятель, по обыкновенію, положилъ имъ приличное наказаніе, именно такое: они нѣсколько времени должны были прожить въ разныхъ кельяхъ, никуда не выходя и питаясь хлѣбомъ и водою. Когда они такъ прожили положенное время, настоятелю монастыря было свыше открыто во снѣ, что согрѣшившимъ инокамъ все прощено. Настоятель на слѣдующій день велѣлъ освободить ихъ изъ заключенія. И вотъ, они явились къ нему; но какая чудная разность была между ними! Одинъ изъ нихъ былъ свѣжъ и полонъ лицомъ, какъ будто онъ питался самою вкусною пищею; другой, напротивъ, былъ сухъ и слабъ, какъ будто онъ цѣлый годъ ничего не ѣлъ. Удивляясь этому, настоятель спросилъ перваго: „Что ты дѣлалъ въ своемъ заключеніи?“—„Я“, отвѣчалъ онъ, „день и ночь радовался и благодарилъ Бога, что Онъ не далъ мнѣ погибнуть во грѣхѣ, а сподобилъ раскаяться“.—„А ты что дѣлалъ?“ спросилъ другого.—„А я“, отвѣчалъ тотъ, „непрестанно все плакалъ о своемъ грѣхѣ и просилъ у Бога прощенія“.

Итакъ, вотъ какъ: одинъ радовался, а другой плакалъ,—а оба получили равное отъ Бога прощеніе. Значитъ, и радость Богу пріятна,

когда человѣкъ радуется тому, чему должно, пріятна и печаль, когда человѣкъ печалится о томъ, о чемъ слѣдуетъ печалиться.

Такъ, слушатели, и въ нынѣшній день, и во всякое время, если хотите радоваться, радуйтесь; если плакать—плачьте: только и нынѣ, и всегда радуйтесь о Господѣ, а плачьте о своихъ грѣхахъ. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

12. Поученіе о любви.

«Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы». (Іоан. 10, 11).

„Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“: что это значитъ?—Заботясь о спасеніи другихъ, пастырь добрый трудится изо всѣхъ силъ и готовъ душу свою положить за нихъ, т. е. умереть готовъ.

Ужели есть люди такіе добрые, что умереть готовы за другихъ?—Св. апостолъ Павелъ больше готовъ былъ сдѣлать, чѣмъ умереть: онъ желалъ быть самъ отлученнымъ отъ Христа, если бы того потребовало спасеніе братьевъ его, сродниковъ по плоти (Рим. 9, 3). Св. пророкъ Моисей подобное апостолу Павлу готовъ былъ сдѣлать; моля Бога о прощеніи грѣха израильтянамъ, онъ говорилъ: „Нынѣ, аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея“ (Исх. 32, 32). Да, есть, бываютъ люди такіе добрые, что готовы положить свою душу, готовы умереть и умираютъ за другихъ, ради ихъ спасенія или ради ихъ спокойствія.

Что же заставляетъ этихъ людей умирать за другихъ, что ихъ побуждаетъ, что располагаетъ къ тому? Какъ назвать это чувство, которое доводитъ человѣка до того, что онъ ничего не щадитъ, ничѣмъ не тяготится, всѣмъ собою жертвуетъ для другихъ?—Любовь это чувство. Да, любовь доводитъ человѣка до того, что онъ ничѣмъ не тяготится, ничего не щадитъ, все отдаетъ, всѣмъ жертвуетъ для другихъ. Любовь въ человѣкѣ такое сильное и сладостное чувство, что при ней всѣ прочія чувства слабѣютъ, умолкаютъ, какъ бы не чувствуются. Оттого человѣку при любви и не жаль ничего, и не тяжело ничто; напротивъ, это его радуетъ, когда онъ отдаетъ, переноситъ, терпитъ для другихъ. Трудности и препятствія, скорбь, тягота, гоненіе, гладъ, нагота, огонь, мечъ, которые грозятъ, предстоятъ ему тогда, увеличивая его любовь, усиливая ея пламя, увеличиваютъ его радость, его блаженство. Оттого такъ весело люди идутъ на смерть изъ любви къ другимъ. Да, въ горькой смерти за другихъ, въ смертельныхъ мученіяхъ за ближнихъ есть какая-то сладость особенная, неизъяснимая,

неизглаголанная. Оттого-то и мы такія сладкія слезы проливаемъ, когда слышимъ или читаемъ о комъ-нибудь, что онъ пожертвовалъ собою для другихъ. Оттого-то мы такъ любимъ и чтимъ всѣхъ умирающихъ за ближнихъ.

О, будь, слушатель-христіанинъ, будь какъ можно добрѣе для другихъ; старайся дѣлать все для нихъ, для ихъ спасенія или спокойствія; будь готовъ, въ случаѣ нужды, и душу свою за нихъ положить: въ такой любви великое блаженство. Аминь.

Прот. Родіонъ П у т я т и н ъ.

---

13. Поученіе о помощи нуждающимся.

«Видѣвъ же ю Іисусъ, пригласи и рече ей: Жено, отпущена еси отъ недуга твоего». (Лук. 13, 12).

Въ одной изъ синагогъ іудейскихъ Іисусъ Христосъ училъ народъ въ субботу. Тутъ была одна женщина, восемнадцать лѣтъ одержимая недугомъ отъ нечистаго духа; она была скорчена и не могла стоять прямо. Іисусъ, увидѣвъ ее, подозвалъ и сказалъ ей: „Женщина! Ты освобождаешься отъ недуга своего“. И возложилъ на нее руки, и она тотчасъ выпрямилась и стала славить Бога.

Итакъ, Іисусъ Христосъ Самъ усмотрѣлъ женщину, одержимую недугомъ, Самъ отыскалъ ее, Самъ вызвался подать ей помощь. Такъ и мы, слушатели, всегда должны поступать; мало того, что должны помогать въ нуждѣ другимъ,—мы должны сами высматривать и отыскивать нуждающихся въ нашей помощи. Особенно же мы должны этимъ заниматься въ праздничные дни. Эти святые дни дѣлами милосердія и святятся. Ты для праздника сходишь въ церковь, принесешь даръ алтарю, а нуждающимся не окажешь помощи: у тебя еще не полный будетъ праздникъ. И потому, когда наступаетъ какой-либо праздникъ, то, приготовивъ нужное для себя и для своихъ домашнихъ, смотри, нѣтъ ли у тебя кого-нибудь нуждающихся изъ родныхъ: родные наши всѣхъ прежде имѣютъ право на нашу помощь. Если изъ родныхъ такого не найдешь, то смотри, не нуждается ли кто изъ живущихъ около тебя: Богъ для того и поселяетъ бѣдныхъ около насъ, чтобы мы имъ помогали. Если же около себя не найдешь никого, кому бы ты могъ оказать помощь, то выйди на улицу, на переулки, и посмотри тамъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь нищихъ, увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ. Если же ты будешь такъ несчастливъ, что и тутъ не встрѣтишь никого, то проси у Бога, чтобы Онъ послалъ тебѣ такого человѣка, которому бы ты могъ оказать помощь для праздника. Да, слушатели, нуждающихся въ нашей помощи посылаетъ намъ

Богъ. Милость къ намъ Божія, когда намъ открывается случай оказать милость другимъ. Нищій, бѣдный, просящій у насъ помощи, есть посолъ къ намъ отъ милующаго насъ Бога. Такимъ образомъ, убѣгать и скрываться отъ просящихъ у насъ значитъ убѣгать и скрываться отъ Божіей милости къ намъ.

Такъ будемъ всегда, особенно же въ праздники, стараться сами высматривать и отыскивать нуждающихся. Кто не дѣлаетъ другихъ съ праздникомъ, у того самого не можетъ быть праздника. Окажи пособіе для праздника хоть одному кому-нибудь, хоть малымъ чѣмъ-нибудь: и у тебя будетъ праздникъ. Если же бы тебя сподобилъ Господь помочь всѣмъ нуждающимся,—и своимъ, и чужимъ, и ближнимъ, и дальнимъ,—о, тогда у тебя былъ бы праздниковъ праздникъ, торжество изъ торжествъ! Счастливъ въ жизни тотъ, кто имѣетъ средства дѣлать другихъ счастливыми, кто можетъ помогать и дѣйствительно помогать всѣмъ, имѣющимъ нужду въ его помощи: у такого человѣка всякій день праздникъ и на всякомъ шагу торжество.

Знаю, слушатели благочестивые, что многіе изъ васъ рады бы подавать помощь въ нуждѣ другимъ, если бы имѣли къ тому средства. Да подастъ же вамъ Господь Богъ эту радость — помогать нуждающимся. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

14. Поученіе о жизни по совѣсти и закону Божію.

Какой-то іудейскій законникъ спросилъ однажды Іисуса Христа: „Учитель! Что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?“

Вопросъ, кажется, самый простой: но отвѣтить на него, слушатели, не легко. Въ самомъ дѣлѣ: какъ спастись, какъ наслѣдовать жизнь вѣчную? Что мы должны для этого дѣлать, какъ мы должны для этого вести себя? Примѣры святыхъ, конечно, всего лучше могли бы намъ помочь въ этомъ случаѣ; но эти примѣры такъ безчисленны и разнообразны, что не знаешь, которому послѣдовать: одинъ жилъ такъ, другой иначе; одинъ дѣлалъ то, другой совсѣмъ другое. Одинъ спасался въ пустынѣ, другой среди городского шума; одинъ въ храмѣ, другой на полѣ брани; одинъ проводилъ дни и ночи въ постѣ, другой пилъ и ѣлъ; одинъ принималъ всѣхъ къ себѣ, а другой никого не пускалъ. Словомъ сказать, жизнь святыхъ и разнообразна, и часто одна другой противоположна.

Итакъ, слушатели, что же мы должны дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Іисусъ Христосъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ. Онъ сказалъ законнику: „Люби Бога болѣе всего, а ближняго, какъ самого себя. Такъ поступай и будешь жить, т. е. спасешься“.

Но какъ можемъ мы исполнить этотъ законъ? Какъ можемъ доказать нашу любовь къ Богу и ближнимъ?

Разрѣшимъ, слушатели, этотъ вопросъ. Не съ тѣмъ, впрочемъ, чтобъ только узнать и забыть; но чтобы поступать такъ, какъ разрѣшимъ. Разрѣшимъ же его въ короткихъ словахъ, чтобъ было памятнѣе и понятнѣе.

Живите такъ, какъ велитъ совѣсть и законъ Божій. Что совѣсть запрещаетъ, и законъ Божій не велитъ,—того никогда не надобно дѣлать; напротивъ, что совѣсть одобряетъ, и законъ Божій повелѣваетъ, то непремѣнно надобно дѣлать. Слушайтесь своей совѣсти и закона Божія.

Кто слушается закона Божія и своей совѣсти, тотъ непремѣнно спасется, гдѣ бы онъ ни былъ, и какъ бы онъ ни жилъ. Ты въ мірѣ живешь,—живи; только живи такъ, какъ тебѣ велитъ законъ и совѣсть, и ты спасешь свою душу; ты отказался отъ міра—хорошо; живи по совѣсти и по закону: иначе и въ пустынѣ не спасешься. Ты пьешь и ѣшь—пей и ѣшь; только пей и ѣшь, что одобряетъ совѣсть и законъ; ты постишься—постись; только ничего не дѣлай противъ совѣсти и закона: иначе и постъ тебя не спасетъ. Ты занимаешься торговлею—торгуй; только торгуй такъ, какъ велитъ совѣсть и законъ Божій,—и ты не погубишь своей души; ты служишь и работаешь: знай свое дѣло, работай и служи такъ, какъ велитъ совѣсть и законъ,—ты спасешься. Вообще—дѣлайте и поступайте по вашему званію и состоянію; но дѣлайте, какъ велитъ совѣсть и законъ.

Оттого и происходитъ, слушатели, что жизнь святыхъ такъ разнообразна,—такъ, повидимому, одна другой противоположна: они находились въ различныхъ обстоятельствахъ, занимали различныя должности, были различныхъ званій, жили въ различныхъ мѣстахъ,—потому-то и дѣлали различное, поступали не одинаково; но поступали всегда и дѣлали все по своей совѣсти и по закону Божію. Оттого всѣ и наслѣдовали жизнь вѣчную.

Итакъ, слушатели, что бы вы ни дѣлали, какъ бы вы ни жили, гдѣ бы ни находились,—поступайте только по своей совѣсти и по закону Божію,—и вы спасетесь.

Что совѣсть и законъ одобряетъ, то всегда свято. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

15. Поученіе о любви къ врагамъ.

„Любите враги ваша“ (Лук. 6, 36).

Вотъ какую заповѣдь даетъ намъ, слушатели, небесный нашъ Учитель, Іисусъ Христосъ: велитъ намъ любить враговъ нашихъ; „любите враги ваша“. Ближній твой сдѣлалъ тебѣ зло, а ты, несмотря на

то, люби его, за зло плати ему добромъ. Почему же это Іисусъ Христосъ далъ намъ такую, повидимому, строгую и трудную заповѣдь?.. Потому и далъ, слушатели, что она для насъ очень необходима; необходима и для настоящей жизни, необходима и для будущей.

И въ самомъ дѣлѣ: что было бы на землѣ, если бы Богъ не велѣлъ любить враговъ, если бы позволилъ платить зломъ за зло? Тогда ссорамъ и смятеніямъ не было бы конца; тогда на землѣ жили бы, какъ въ аду. Зла зломъ остановить и пресѣчь невозможно; оно можетъ быть остановлено и пресѣчено только добромъ.

Да, слушатели, добромъ всего скорѣе можно усмирить злого человѣка: доброе дѣло, которое мы дѣлаемъ ему, какъ огонь, жжетъ его, жжетъ дотолѣ, доколѣ онъ не перестанетъ дѣлать зло. И потому, когда васъ кто обидитъ или оскорбитъ, — старайтесь поскорѣе сдѣлать ему какое-нибудь добро, и онъ перестанетъ на васъ злиться. Если же добромъ не преклоните, то старайтесь преклонить его къ себѣ другимъ, молитвою. Молитва о врагѣ—это ѳиміамъ, самый пріятный Богу и самый невыносимый для нашего врага; только развѣ каменный не тронется, не смягчится, когда мы будемъ молиться за него Богу. Если же при всѣхъ усиліяхъ вашей любви, вы не преклоните къ себѣ своего недоброжелателя, то оставьте его: Богъ съ нимъ! Нечего бояться тѣхъ враговъ, которымъ мы дѣлаемъ добро. Эти враги не сдѣлаютъ намъ вреда, ибо зло, которое они намъ дѣлаютъ или хотятъ сдѣлать, Богъ обратитъ намъ во благо. Опасны для насъ тѣ только враги, которыхъ мы сами не любимъ; зло отъ нихъ намъ, дѣйствительно, есть зло, ибо мы тогда и сами дѣлаемъ зло. Такимъ образомъ, дѣлая добро другъ другу и молясь другъ за друга, мы истребимъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшимъ на землѣ зло.

Но если любовь къ врагамъ необходима для настоящей жизни, тѣмъ болѣе необходима она для жизни будущей.

Настоящая жизнь дана намъ для того, чтобы мы приготовили себя къ жизни будущей. Но въ чемъ, вы думаете, преимущественно должно состоять это приготовленіе? Именно любить всѣхъ, даже враговъ. Жизнь на землѣ есть училище любви. Тому невозможно быть въ раю, кто здѣсь не пріучится любить всѣхъ. Вы скажете: есть такіе люди, которыхъ любить невозможно. Если есть у тебя такіе люди, которыхъ тебѣ невозможно любить, то будь увѣренъ, что тебѣ и въ раю быть невозможно. Враги твои тамъ не будутъ, если они злы; да и ты не будешь, если злишься на нихъ. Вѣдь не свойство людей, съ которыми мы живемъ, дѣлаетъ насъ блаженными или несчастными послѣ смерти, а то свойство, которое мы въ себѣ образуемъ, живя съ людьми. Іисусъ Христосъ, Который для того сходилъ на землю, чтобы приготовить людей къ вѣчному блаженству, училъ насъ жить въ любви не съ нѣкоторыми только, а со всѣми; это еще не любовь, когда мы любимъ тѣхъ, которые намъ нравятся или насъ любятъ: „Аще любите

любящія вы, кая вамъ благодать есть", говоритъ Спаситель, — „ибо и грѣшники любящія ихъ любятъ. Обаче любите враги ваша, и благотворите и взаимъ дайте, ничесоже чающе, и будетъ мзда ваша многа, и будете сынове Вышняго" (Лук. 6, 32, 35).

Итакъ, слушатели, будемъ любить другъ друга, будемъ любить всѣхъ, даже враговъ и недоброжелателей нашихъ; но любятъ ли они насъ или нѣтъ,—намъ объ этомъ нечего много безпокоиться; будемъ о томъ только заботиться, чтобы намъ ихъ полюбить. Не имѣть враговъ нельзя; нельзя, чтобы всѣ насъ любили, но намъ любить всѣхъ очень можно. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

16. Поученіе о гордости и смиреніи.

„Всякъ возносяйся смирится, смиряя же себе вознесется" (Лук. 18, 14).

Къ нѣкоторымъ людямъ, которые увѣрены были о себѣ, что они праведны, а другихъ унижали, Іисусъ Христосъ сказалъ слѣдующую притчу.

„Два человѣка вошли въ храмъ помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь. Фарисей, вставъ, молился самъ въ себѣ такъ: „Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе человѣки, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ сей мытарь. Пощусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть отъ всего, что пріобрѣтаю". Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже очей возвести на небо; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному!"

— „Я сказываю вамъ", прибавляетъ Іисусъ Христосъ, „что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе, нежели тотъ: ибо всякъ возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится".

Итакъ, вотъ что значитъ хвалиться собою, а про другихъ худое говорить, другихъ унижать!.. Посмотрите на этого фарисея, молящагося въ храмѣ Божіемъ. Онъ ни у кого ничего не отнималъ; никого ничѣмъ не обижалъ, велъ жизнь цѣломудренную; два раза въ недѣлю постился; десятую часть изъ имѣнія отдавалъ въ церковь и на бѣдныхъ. Кто не скажетъ, что фарисей этотъ — человѣкъ праведный? Однако же, не онъ пошелъ оправданъ въ домъ свой, а мытарь. Да, этотъ фарисей добродѣтельный потерялъ всѣ свои добродѣтели тѣмъ, что собою похвалился, а про мытаря сказалъ, что онъ худой человѣкъ.

Но посмотрите на этого мытаря, молящагося въ храмѣ Божіемъ. Посмотрите, какъ онъ поодаль отъ всѣхъ стоитъ, какъ онъ бьетъ себя въ грудь, какъ онъ потупилъ долу свои взоры; по всему видно, что

онъ великій грѣшникъ. Однакоже, этотъ великій грѣшникъ пошелъ оправданъ въ домъ свой. Да, этотъ великій грѣшникъ оправданъ, потому что осудилъ себя, созналъ себя грѣшникомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Не будемъ же, слушатели, и мы про другихъ худое говорить, а собою хвалиться. Хвалиться собою значитъ унижать себя. И Богъ и люди перестанутъ любить того, кто вздумаетъ собою хвалиться. Добрыя дѣла наши перестаютъ быть добрыми, когда мы похвалимся ими. Мы теряемъ должную награду за свои труды, когда съ самодовольствомъ разскажемъ о нихъ всѣмъ. Равно и унижать другихъ — значитъ унижать себя. Мы сами дѣлаемся низкими предъ Богомъ и людьми, когда низко отзываемся о ближнемъ; мы себя безчестимъ, когда чернимъ честь другихъ. Да и какъ мы можемъ говорить худое о другихъ? Развѣ долго худому человѣку сдѣлаться лучше насъ? Развѣ долго ему исправиться и получить оправданіе отъ Бога? Развѣ долго ему съ мытаремъ сказать: „Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному“? Мы видимъ и слышимъ, что этотъ человѣкъ обижаетъ, грабитъ, живетъ распутно; но видимъ ли, но слышимъ ли, какъ онъ бьетъ себя въ грѣшную свою грудь, какъ онъ плачетъ о своихъ грѣхахъ передъ Богомъ? Мы знаемъ, какъ онъ каждый день грѣшитъ, каждый часъ дѣлаетъ неправду; но знаемъ ли, что въ то самое время, какъ мы его осуждаемъ, онъ, можетъ быть, на колѣняхъ, весь въ слезахъ, стоитъ предъ милосердымъ Богомъ и молится изъ глубины души: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ Можетъ быть, въ ту самую минуту, когда мы говоримъ: „Этотъ человѣкъ сдѣлалъ то, другое, третье“, — въ ту самую минуту Богъ говоритъ ему: „Прощаю тебѣ и то, и другое, и третье, и все прощаю“... Такъ-то, слушатели! Мы, можетъ быть, осуждаемъ нашего ближняго въ то самое время, когда Богъ оправдываетъ его на праведномъ судѣ Своемъ. Будемъ помнить, что и самые низкіе грѣшники не далеки отъ глубокаго смиренія: а „всякъ смиряяй себе вознесется, возносяйся же смирится“. Аминь.

Прот. Родіонъ Путятинъ.

---

17. Изъ слова о царствіи Божіемъ.

„Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“ (Матѳ. VI, 33).

Кто имѣетъ не поверхностное вниманіе къ себѣ и къ своей жизни: тотъ, конечно, замѣчалъ, какъ нерѣдко дѣла земныя и мірскія становятся препятствіемъ дѣлу духовному и небесному, дѣлу благочестія и спасенія души. Напримѣръ, чувствуетъ человѣкъ внутреннее побужденіе—нескудною мѣрою посвятить свое время Богу, какъ жертву до-

бровольную: но времени требуютъ у него естественныя движенія и перемѣны земной жизни; труды для снисканія необходимаго пропитанія, одежды, жилища, дѣла званія и должности въ обществѣ человѣческомъ, попеченія о возвышеніи и поддержаніи земного благосостоянія, сношенія съ ближними по нуждѣ, по пріязни, по обычаю,—наконецъ, занятія пріятныя и увеселительныя; и время расхищается такъ, что человѣкъ не только не приноситъ изъ него добровольныхъ жертвъ Богу, но и похищаетъ у Бога время, которое Самъ Богъ Себѣ усвоилъ и освятилъ заповѣдію.

Что же дѣлать? Какъ достигнуть того, чтобы дѣла земныя и мірскія не препятствовали духовному и небесному? Болѣе общеупотребительное и для немощи нашей болѣе снисходительное разрѣшеніе сего вопроса можемъ найти въ изреченіи Господнемъ: „Ищите прежде царствія Божія и правды Его“.

Поставленіе одного дѣла *прежде* показываетъ, что допускается другое дѣло послѣ. Слѣдственно, въ изреченіи Господнемъ заключаются двѣ мысли: одна открытая, другая—сокрытая въ словѣ „прежде“. Мысль открытая: должно искать царствія Божія и правды Его прежде. Мысль сокрытая: не возбраняется искать и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ послѣ. Такимъ образомъ, изъ слова Христова открывается, что есть возможность съ успѣхомъ упражняться въ дѣлѣ небесномъ, въ исканіи царствія Божія и правды Его, и, безъ вреда для сего дѣла, заниматься и дѣлами земными, дѣлами необходимыми, какъ-то: снисканіемъ пропитанія, одежды, жилища;—дѣлами должными, какъ-то: исполненіемъ обязанностей званія и службы въ обществѣ человѣческомъ; — дѣлами полезными или хотя только невинными, какъ-то: пріобрѣтеніемъ и употребленіемъ разнообразныхъ познаній въ области природы и искусства. Тайна добраго и безпрепятственнаго успѣха заключается въ томъ, чего вы будете искать *прежде*, какое дѣло пойдетъ у васъ впередъ другихъ дѣлъ, будетъ первенствовать между всѣми дѣлами, господствовать въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, или, какъ изъяснялся одинъ изъ древнихъ отцовъ, что будетъ у васъ *дѣломъ*, и что *подъ-ліемъ*. Если вы будете *прежде всего искать царствія Божія и правды Его*; если дѣло спасенія души вашей благодатію и вѣрою, очищенія заповѣдями, усовершенія добродѣтелями будетъ у васъ первенствовать между прочими дѣлами, господствовать въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ; если сіе только и будете вы почитать *дѣломъ*, истиннымъ и важнымъ, а всѣ земныя дѣла только *подъ-ліемъ*, занятіемъ второстепеннымъ, маловажнымъ, которому нѣкоторая доля вниманія уступается послѣ главнаго дѣла: то земныя дѣла не будутъ у васъ препятствіемъ дѣлу небесному; вы можете надѣяться обрѣсти царствіе Божіе, паче всего искомое, и между тѣмъ не имѣть недостатка и въ томъ, о чемъ менѣе заботитесь,—въ потребномъ для земной жизни, по вѣрному обѣщанію Господню: „сія вся приложатся вамъ“. Напротивъ

того, если вы думаете, что надобно прежде обезпечить себя въ дѣлахъ земныхъ и мірскихъ, и потомъ уже пещись о небесномъ; если какое-нибудь земное занятіе наукою, искусствомъ, художествомъ, промысломъ, исканіемъ выгодъ, блеска и пріятностей жизни сдѣлалось у васъ первенствующею мыслію, господствующимъ желаніемъ, вашимъ *дѣломъ* по превосходству, а дѣло благочестія остается у васъ только *подъ̀ліемъ*, дѣломъ досуга отъ мірскихъ занятій: то вы превратили порядокъ, предписанный словомъ Господнимъ; вы не на пути къ обрѣтенію царствія Божія; да и для обезпеченія себя земными благами, не знаю, на чемъ можете утвердить свою надежду, потому что не къ вамъ относится обѣщаніе Господне: „сія вся приложатся вамъ“.

Митрополитъ московскій Ф и л а р е т ъ.

---

18. Изъ слова на текстъ: „Побѣждай благимъ злое“ (Римл. XII, 29).

„Побѣждай благимъ злое“... Всякій ли найдетъ исполненіе сего правила въ своихъ дѣлахъ? Всякій ли найдетъ сіе правило довольно раскрытымъ въ умѣ своемъ, довольно углубленнымъ въ сердцѣ своемъ?

Что есть зло въ мірѣ, и собственно въ человѣкахъ, о семъ опытъ всѣхъ и каждаго свидѣтельствуетъ такъ сильно, что, хотя бы разумъ и вздумалъ противъ сего спорить, не можетъ переспорить свидѣтельства ощущеній, которыя умствованіямъ не повинуются. А когда зло есть и дѣйствуетъ противъ насъ, то не употреблять противъ него никакихъ средствъ было бы противно и закону самосохраненія, и закону человѣколюбія, потому что не удерживаемое зло поглотило бы весь родъ человѣческій, — и закону вѣры въ Бога, потому что не препятствовать распространенію зла значило бы благопріятствовать враждѣ противъ Бога и хулѣ на Его творчество и управленіе міромъ. Итакъ, надобно противостоять злу, сражаться съ нимъ, побѣждать оное. „Побѣждай злое“.

Но какимъ оружіемъ? Положимъ, что вы рѣшились бы употреблять такое же оружіе, съ какимъ на васъ нападаютъ, и поступать по праву равнаго воздаянія. Обида за обиду, злословіе за злословіе, рана за рану. Будетъ ли симъ образомъ побѣждено зло? Не думаю. Напримѣръ, если воздано раною за рану,—то произошло двое раненыхъ вмѣсто одного; слѣдственно, зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчилъ тѣмъ своей. Обида, возданная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется онаго еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна

произойти цѣпь обидъ; и поелику каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣе и убійственнѣе предыдущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе апостола: „Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете“ (Гал. V, 15). Итакъ, побѣждать злое злымъ не надежно.

Спросятъ, можетъ быть: какъ же наказываютъ убійцу смертію? Какъ же ведутъ войну? Отвѣтствую: иное право частнаго человѣка, иное—суда, и еще иное—власти верховной. Власть верховная, поелику не имѣетъ надъ собою судіи на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимыя государству, и употреблять войну исполнителемъ государственнаго правосудія: но и сіе верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованіями, дѣлаетъ не для того, чтобы поразить злымъ злое, но чтобы защитить и охранить благое, т.-е. безопасность и благо собственнаго ея государства. Если власть судебная внутри государства сражается зломъ наказанія противу зла преступленія: и сіе такъ разнится отъ частнаго мщенія, какъ разсудокъ отъ страсти, какъ созиданіе отъ разрушенія. Судъ сражается противъ зла не за себя, но за невинно страждущаго: слѣдственно, водится не зломъ мщенія, но благомъ состраданія, человѣколюбія, справедливости; притомъ, въ благоустроенномъ государствѣ судъ только открываетъ виновнаго, а наказываетъ его законъ; но и законъ гражданскій, если онъ изреченъ духомъ христіанскаго правосудія не имѣетъ намѣренія мстить за зло, а пресѣкать и предупреждать зло; не имѣетъ намѣренія убивать убійцу, но смертію или другимъ образомъ—лишать его возможности убійства и охранять отъ него живущихъ. Въ семъ именно духѣ кроткій законъ благочестивѣйшихъ самодержцевъ нашихъ присуждаетъ и убійцѣ не смерть, а жизнь, хотя отлученную отъ жизни честныхъ гражданъ, однакоже жизнь и надежду умереть не смертію преступника, а смертію христіанина. Что касается до людей въ частности,—если бы каждый вздумалъ присвоить себѣ тѣ права, по коимъ дѣйствуетъ судъ противъ преступленія или власть верховная противъ враговъ государства, то явилось бы почти столько же воюющихъ сторонъ, сколько есть людей, имѣющихъ силу владѣть своими членами.

Итакъ, если побѣждать злымъ злое частію не позволительно, частію не надежно, даже и при помощи правосудія человѣческаго, которое, при всей бдительности своей, не можетъ поставить довольно щитовъ противу тонкихъ уязвленій злобы и коварства: то христіанское правило „побѣждать благимъ злое“ оказывается столько же необходимымъ, сколько оно привлекательно своею чистотою и возвышенностію.

Недальновидные могутъ подумать, что въ подвигѣ сего рода скорѣе побѣжденъ будешь, нежели побѣдишь: потому что зло дѣйствуетъ

наступательно, а благо, и особенно христіанское благо, и оборонительнаго противодѣйствованія не любитъ. Напрасно! Мы имѣемъ опытъ сей побѣды—столь великій, столь очевидный, что онъ долженъ ободрить всякую робость, разрѣшить всѣ недоумѣнія, если смотрять на оный, какъ должно. Какое огромное зло сражалось противъ первенствующаго христіанства! То было зло цѣлаго міра. Какъ, напротивъ, малымъ и немощнымъ казалось благое, заключенное въ христіанствѣ! „Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ и не сущая, да сущая упразднитъ“ (1 Кор. 27, 28). Какъ же побѣждено буіимъ премудрое, немощнымъ крѣпкое, ничтожнымъ сущее? — Побѣждено благимъ злое: невѣріе — вѣрою, порокъ и развратъ строгою добродѣтелію, гоненіе терпѣніемъ, несправедливость великодушіемъ, любостяжаніе и грабительство нестяжательностью и вольною нищетою, лукавство прямодушіемъ, вражда любовію, сила и ярость мучителей кровію мучениковъ. И всемірное зло язычества исчезло; и благо христіанства овладѣло міромъ. Неужели ты подумаешь, христіанинъ, будто труднѣе подвизаться нынѣ противу зла, прокравшагося въ міръ христіанскій, нежели, какъ было прежде,—противу зла, господствовавшаго въ мірѣ языческомъ?

Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы ты сдѣлалъ зло врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣлать истиннаго зла тебѣ; а сего никакой врагъ не сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ.

Митрополитъ московскій Ф и л а р е т ъ.

---

19. Религія—главное утѣшеніе въ несчастіи.

Какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастіяхъ никакія средства и пособія недостаточны безъ религіи. Одна религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Религія приноситъ полное утѣшеніе бѣдствующимъ. Религія подаетъ рѣшительныя врачевства противъ бѣдствій.

Не трудно встрѣчаться съ добромъ и благополучіемъ. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить противъ оныхъ. Но когда зло и бѣда у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ: одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце; а если среди сего пораженія возстаетъ размышляющій умъ, онъ мучитъ себя вопросами: зачѣмъ зло въ мірѣ Всеблагого Бога, безпорядокъ въ дѣлахъ Премудраго, разрушеніе въ твореніи Всемогущаго? Сколько вѣковъ боролся съ сими недоумѣніями естественный разумъ человѣческій—и не могъ одолѣть оныхъ! Въ какой мракъ, въ какія нелѣпости впадалъ

онъ, желая изъяснить происхожденіе зла! Онъ догадывался, не въ грубомъ ли веществѣ, или тѣлесности, заключается причина тьмы, зла и грѣха, и, дабы отъ сихъ недостойныхъ произведеній освободить Божество, представлялъ себѣ вещество вѣчнымъ и не сотвореннымъ отъ Бога. Вообразилъ себѣ злое начало, независимое и равносильное доброму началу, т.-е. Божеству; вымыслилъ неумолимый рокъ, или слѣпую судьбу, которая безъ разбора обрекаетъ существо на зло или добро, такъ что самое Божество не можетъ сему препятствовать... Какъ будто можетъ быть вѣчнымъ вещество, которое мы ежеминутно видимъ разрушающимся! Какъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ суть что-нибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притомъ такія выдумки, которыхъ нельзя принять безъ того, чтобы не отринуть важной и коренной истины,—именно, понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества! Какъ будто зло дѣлалось отъ того или понятнѣе, или сноснѣе, что переименовывали оное злою матеріей, злымъ началомъ, злымъ рокомъ! Такъ бился разумъ человѣческій въ темномъ и тѣсномъ чувственномъ мірѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, и не могъ пробить скорлупы. Въ такомъ состояніи были мудрецы и любители мудрости, — слѣдственно, и всѣ почти люди, доколѣ не ознакомились съ откровенною религіею, долго таившеюся въ небольшомъ уголкѣ земли, откуда совсѣмъ не ожидали свѣта, долженствующаго просвѣтить вселенную. Явилось христіанство: и нелѣпости оказались нелѣпостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально отъ злоупотребленія свободы существами сотворенными,—слѣдственно, не дѣлаетъ нареканія Творцу міра, Который въ дарѣ свободы былъ великъ и щедръ, а злоупотребленію ея непричастенъ; теперь узнали, что Богъ имѣетъ средства искупить человѣка отъ зла, коему сей добровольно себя продалъ за чувственное удовольствіе,—слѣдственно, зло не дѣлаетъ нареканія и Провидѣнію Божію о мірѣ; теперь получили вѣрную надежду, что зло и въ человѣкахъ, и въ природѣ будетъ рѣшительно побѣждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на вѣки Христомъ Спасителемъ,—слѣдственно, и при видѣ зла и бѣдствія можно благодушествовать, подобно какъ земледѣлецъ не отчаивается зимою, зная, что посѣвъ его не совсѣмъ убитъ холодомъ, а воскреснетъ весною; или—какъ садовникъ не сердится весною на горькіе и терпкіе плоды, зная, что будутъ мягки и вкусны лѣтомъ и осенью. Такъ одна религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его.

Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то, конечно, еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ, то надобно же какъ-нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданія, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ

разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностью бѣдствующаго, — иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, напримѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему?—„Будь великодушенъ: ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звеномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ“... Какъ вы думаете: будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ-ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ нельзя вырваться?.. Или положимъ, что философія, смотря на больного съ нравственной стороны, скажетъ: „Вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими-нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною“. Опять спрашиваю: достаточно-ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: „Ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически, и нравственно“? Что еще можетъ сказать страждущему философія?—„Терпи: если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія“. Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду.

Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, Премудрость Божія; помоги, Божественная религія! Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено Небеснымъ Отцомъ Милосердымъ; что, слѣдственно, бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе—по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: „Вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести“ (1 Кор. X, 13). Если болящій оттого боленъ, что грѣшенъ, и, слѣдственно, сугубо несчастенъ, ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно: для скорби душевной—надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и покаянію; для болѣзни тѣлесной—надежду исцѣленія, вслѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачъ душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь, какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачевство души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что, слѣдственно, надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лѣкарство, въ пользѣ котораго увѣрены.

Ты, безсмертная религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе, ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, — не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго,—не мрачную бездну, въ которую наудачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, религія Христова, можешь указать страдальцу на Великаго Мужа болѣзней, „Который язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша“, Который понесъ „наказаніе міра нашего“, Котораго „язвою мы исцѣлѣхомъ“ (Ис. LIII, 5). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже сладостно переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: „Хвалимся въ скорбѣхъ“ (Римл. V, 3); „радуюся во страданіяхъ моихъ“ (Кол. I, 24); „по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою“ (Пс. XCIII, 19); „якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. I, 5). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ религіи.

Митрополитъ московскій Филаретъ.

---

20. О самостоятельномъ жизненномъ пути.

(Рѣчь при выпускѣ XXI-го курса изъ Императорскаго Александровскаго Лицея, произнесенная на актѣ 6-го іюня 1856 г.).

Сегодня собраны здѣсь въ послѣдній разъ юноши, покидающіе Лицей для вступленія на разные пути жизни. Сколько въ нихъ соединено предъ нами надеждъ, сколько разнородныхъ свѣдѣній и способностей! Черезъ нѣсколько мгновеній они разойдутся для дѣятельности и судьбы, столь же различныхъ... Въ этотъ торжественный часъ послѣдняго ихъ соединенія между собою и прощанія съ заведеніемъ, ихъ воспитавшимъ, съ ихъ начальниками и наставниками, да будетъ мнѣ позволено занять на полчаса вниманіе достопочтенныхъ слушателей напутною рѣчью бывшимъ питомцамъ Лицея. Никакой предметъ изъ области науки не могъ бы имѣть прямого отношенія къ настоящему случаю. На порогѣ дѣйствительной жизни не всего ли приличнѣе встрѣ-

тить ихъ бесѣдою о жизни? Пусть послѣднее слово, которое они услышатъ отъ бывшаго своего наставника, устремитъ мысли ихъ къ будущему и западетъ имъ въ душу плодотворнымъ воспоминаніемъ.

Не думайте, господа, что вы уже кончили свое воспитаніе. Теперь начинается для васъ воспитаніе болѣе трудное и болѣе строгое. Не глядите на жизнь легкомысленно: не ждите отъ нея однихъ успѣховъ и радостей. Для многихъ въ ней кроются и обманутыя надежды и огорченія, для всѣхъ—испытанія. Съ этими строгими спутниками она отнынѣ становится вашею наставницею; но, чтобы ея важные уроки вполнѣ достигали цѣли, къ тому необходимо и собственное ваше содѣйствіе.

Итакъ, предъ вами теперь великая задача, заключающаяся въ многозначительномъ словѣ: самоусовершенствованіе, или, вѣрнѣе, самовоспитаніе. Задача эта лежитъ на всякомъ взрослomъ человѣкѣ; но сколь немногіе сознаютъ и выполняютъ ее! Вамъ, пріобрѣтшимъ многостороннія знанія, непростительно было бы принадлежать къ обширному разряду людей, безпечно предающихся потоку жизни, не помышляя объ ея значеніи.

Я сказалъ, что вы отсюда выносите *многостороннія свѣдѣнія*; я не рѣшился сказать: *многостороннее образованіе*. Не будемъ, увлекаясь общепринятымъ языкомъ, во зло употреблять это слово: смыслъ его слишкомъ важенъ! Вы приняли въ Лицеѣ сѣмена образованія—и сѣмена обильныя; но вамъ предлежитъ еще трудъ возрастить ихъ такъ, чтобы въ душѣ вашей созрѣлъ прекрасный плодъ образованія. Кого назовемъ мы истинно-образованнымъ? Того ли, кто знаетъ разныя науки, говоритъ на разныхъ языкахъ, умно и пріятно разсуждаетъ обо всемъ и, обладая привлекательными формами въ обращеніи, умѣетъ занять общество? Какъ часто подъ этимъ наружнымъ лоскомъ скрывается сердце порочное или низкое, умъ поверхностный, характеръ слабый! Какъ часто знатокъ наукъ и языковъ является въ своемъ семействѣ мелочнымъ и неуживчивымъ, а салонный ораторъ, побѣдитель сердецъ, при первой встрѣчѣ съ искушеніемъ, малодушно падаетъ, становится рабомъ своихъ страстей! Образованный въ глазахъ свѣта, онъ тогда передъ судомъ истины ничтожнѣе человѣка безъ всякаго воспитанія, но съ врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ и страхомъ Божіимъ въ сердцѣ. Знанія, ловкость обхожденія свѣтскаго составляютъ принадлежность ума и соображенія, а умъ только одна изъ способностей духа; и потому въ этихъ условіяхъ заключается одна лишь сторона образованности. Душу дополняютъ чувство и воля: такъ и для полноты образованія необходимы, сверхъ знаній, во-первыхъ, совершенное развитіе чувства нравственнаго и эстетическаго,—во-вторыхъ, развитіе характера, какъ представителя воли. Образованъ въ полномъ смыслѣ

тотъ, кто, обладая свѣдѣніями, болѣе основательными, нежели обширными, вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ имъ цѣну, понялъ всю ихъ недостаточность и, подкрѣпивъ ихъ другими силами духа, достигъ въ самомъ себѣ такой гармоніи, которая отражается во всѣхъ сторонахъ его жизни: каково бы ни было его званіе, каковъ бы ни былъ родъ его способностей и дѣятельности, онъ прежде всего *человѣкъ*,—во всѣхъ его помышленіяхъ и дѣлахъ отражается человѣкъ въ лучшемъ своемъ значеніи.

Такое образованіе не бываетъ удѣломъ ранней молодости, и самое превосходное училище, ни даже университетъ, не могутъ сообщить его: тому противится самый возрастъ воспитывающихся. Такъ и вамъ, которымъ выпалъ жребій получить воспитаніе въ одномъ изъ первыхъ учебныхъ заведеній нашихъ, но которые не прожили еще и двухъ десятилѣтій,—и вамъ остается еще много трудиться и многое испытать для довершенія своего образованія. Взглянемъ на поприще, которое вы должны пройти, чтобы достигнуть этой цѣли.

Изъ родительскаго дома, конечно, почти всякій приноситъ въ училище нѣкоторую мягкость чувства: прекрасный даръ юности, который должно хранить и лелѣять, какъ нѣжную почку дорогого цвѣтка, потому что этотъ первенецъ души бываетъ и опорою религіознаго настроенія, и источникомъ самыхъ благородныхъ побужденій. Онъ поддерживаетъ святую любовь сына къ родителямъ; онъ рождаетъ въ молодомъ сердцѣ высокую потребность дружбы истинной и безкорыстной. Но приходитъ возрастъ именно тотъ, въ которомъ вы теперь находитесь, когда эта благодарная чувствительность встрѣчаетъ опаснаго врага въ юношескомъ сознаніи собственной силы, въ развитіи умственныхъ способностей. Какъ часто въ этой порѣ чувство силы производитъ самонадѣянность и высокомѣріе, а они влекутъ за собою очерствѣніе сердца, отсутствіе всякой любви, а наконецъ—и безвѣріе. Вотъ чего, друзья мои, вы должны всего болѣе бояться! Какъ часто молодой человѣкъ, получившій блестящее воспитаніе, при возвращеніи подъ родимый кровъ, смотритъ съ пренебреженіемъ на все, что его тамъ окружаетъ, и, въ мечтѣ о превосходствѣ своего образованія, доходитъ даже до охлажденія своихъ сыновнихъ чувствъ. Скоро и храмъ Божій уже не влечетъ его къ себѣ, и призывный гулъ колоколовъ, сперва еще пробуждавшій въ немъ сладостныя воспоминанія дѣтства, уже ничего не говоритъ его сердцу. Но онъ поклоняется счастью и его любимцамъ, онъ втайнѣ мечтаетъ о власти и почестяхъ. И счастье награждаетъ своего искателя: его честолюбіе удовлетворено... Но гдѣ же, въ его отношеніяхъ къ людямъ, это теплое участіе, въ которомъ такъ нуждается всякій, прибѣгающій къ лицу, взысканному судьбою,—это человѣколюбіе, умѣющее понять положеніе каждаго и готовое подать руку помощи каждому, кто ищетъ его опоры? Гдѣ же уваженіе къ добру, независимо отъ внѣшней обстановки, уваженіе ко всему высокому и пре-

красному въ духовномъ мірѣ? Сердце этого счастливца когда-то билось лучшими побужденіями юности; но ему теперь некогда возвращаться къ прошлому; всѣ нѣжныя ощущенія заглохли въ пустынѣ сердечной, гдѣ имъ не было пищи, увяли, изсохли подъ холоднымъ дуновеніемъ тлетворной страсти любочестія.

Свѣтъ, въ который вы вступаете, исполненъ опасностей для сердца. Первымъ врагомъ чувства я представилъ вамъ юношескую самонадѣянность со всѣми ея послѣдствіями. Вторымъ назову чувственность; ея влеченія—неизбѣжный спутникъ молодости. Въ этомъ отношеніи особенно гибельнымъ можетъ сдѣлаться примѣръ: предостерегаю васъ противъ его могущественнаго вліянія. Но чѣмъ же предохранить себя отъ дѣйствія этихъ двухъ непріятныхъ силъ? Друзья мои, надо поддерживать въ сердцѣ своемъ любовь ко всему, что любви достойно. Какъ это повидимому легко, но какъ оно на самомъ дѣлѣ трудно,—трудно потому, что требуетъ теплоты душевной, а теплоту сохранять мудрено посреди мертвящаго холода свѣта. Любите Бога и родителей, имѣйте друга; любите то, что вы любили смолоду, когда душа ваша была чиста, любите науку и искусство, и все прекрасное, все дѣльное,—и вы устоите противъ искушеній охлаждающаго высокоумія, унижающей чувственности.

Такое спасительное настроеніи души относятъ къ тройному чувству: религіозному, нравственному и эстетическому. Неиспорченный юноша, какъ уже видно изъ предыдущаго, долженъ заботиться только о сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи въ себѣ этихъ духовныхъ сокровищъ. Послѣднее—чувство эстетическое—требуетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній. Стремленіе къ прекрасному составляетъ отличительное свойство пылкой молодости, но сознаніе истинно-прекраснаго принадлежитъ позднѣйшему возрасту и зависитъ отъ вѣрнаго вкуса, который долженъ быть напередъ воспитанъ и образованъ. Указать для этого правила невозможно; нужна только готовность наслаждаться прекраснымъ, нужно сердце, открытое для лучшихъ впечатлѣній; надобно не только не избѣгать случаевъ къ эстетическимъ удовольствіямъ, но искать ихъ, и тогда умѣнье постигать, цѣнить прекрасное, вкусъ тонкій и образованный мало-по-малу разовьются сами собою. Разумѣю здѣсь прекрасное въ природѣ и искусствѣ. Что касается красоты въ мірѣ нравственномъ, то ее молодая душа чуетъ безсознательно, инстинктивно. Здѣсь нужно только прислушиваться къ тайному голосу сердца и неуклонно повиноваться его откровеніямъ. Будьте только вѣрны самимъ себѣ, каковы были вы въ дни пламенныхъ стремленій къ идеалу, въ дни безотчетнаго воодушевленія къ благу, истинѣ и красотѣ,—въ тѣ дни, которые вы, конечно, знали и еще будете знать, и о которыхъ одно воспоминанье такъ спасительно для души: тогда все безобразное, гнусное въ области духовной будетъ внушать вамъ отвращеніе,—все чистое и высокое находитъ въ васъ живой отголосокъ, и въ душѣ вашей будетъ свѣтло, какъ на зарѣ ея бытія.

Вѣнцомъ духовнаго развитія человѣка бываетъ неизмѣнное направленіе воли,—то, что называютъ характеромъ. Начало ему полагается, конечно, еще въ юношескіе годы, и въ этомъ отношеніи справедливо отдаютъ преимущество общественному воспитанію передъ домашнимъ. Но развитіе и окончательное образованіе характера совершается послѣ, въ школѣ жизни и опыта; онъ обнаруживается не столько въ чувствахъ и помышленіяхъ, какъ *въ дѣлахъ*. Характеръ заключается въ постоянномъ, опредѣленномъ образѣ дѣйствій, основанномъ на неизмѣнныхъ правилахъ. Тотъ, въ дѣйствіяхъ котораго нѣтъ такого постоянства, называется безхарактернымъ, слабымъ; но о человѣкѣ съ характеромъ можно напередъ знать, что онъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ поступитъ такъ, а не иначе. Основаніе характера составляютъ твердыя убѣжденія—плодъ вполнѣ развитого религіозно-нравственнаго чувства, вѣрныхъ понятій и зрѣлыхъ познаній. Этому противится слабость человѣка, заставляющая его безпрестанно заботиться о видимыхъ благахъ вмѣсто истинныхъ, о своемъ внѣшнемъ благосостояніи, о своихъ наслажденіяхъ и удобствахъ, о своемъ положеніи въ свѣтѣ. Этимъ-то кумирамъ приносятся жертвы насчетъ сокровищъ болѣе существенныхъ; изъ-за матеріальныхъ пріобрѣтеній и выгодъ почти всѣ упускаютъ духовныя; изъ угожденія людямъ отказываются отъ человѣческаго достоинства; стремясь къ спокойствію и независимости въ отдаленномъ будущемъ, лишаютъ себя того и другого въ настоящемъ,—какъ скупецъ, алкая богатства, добровольно налагаетъ на себя оковы бѣдности и нужды. Знать многое и знать хорошо еще недостаточно для образованія характера. Корень, на которомъ онъ вырастаетъ, есть любовь къ Богу и къ нравственному совершенству. Достигнуть этой опредѣленности разумнаго существа способенъ только тотъ, кто за всѣми случайными и мгновенными цѣлями здѣшней жизни видитъ одну необходимую и вѣчную цѣль, для которой мы созданы—самоусовершенствованіе для жизни высшей. Стремленіе къ этой цѣли сопряжено съ безпрерывнымъ трудомъ, съ лишеніями и борьбою: надобно бороться и съ самимъ собою, съ своими наклонностями, съ искушеніями; надобно бороться и съ обстоятельствами, съ людьми, со свѣтомъ.

Но къ чему, можете вы сказать, столько усилій, напряженій, страданій? Не лучше ли беззаботно предаться игрѣ страстей, стремясь къ тому, что насъ влечетъ, падая иногда и снова поднимаясь? Удовлетворяться такою жизнію, лишенною всякой самостоятельности, можетъ только духъ мелкій и слабый, какихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много на свѣтѣ; но тотъ, кто при рожденіи получилъ благодать силы душевной, и въ комъ послѣ воспитанія утвердило благое направленіе, тотъ будетъ самъ чувствовать потребность къ этой борьбѣ, безъ которой нѣтъ не только величія и достоинства, но и одного самоуваженія, перваго условія счастія для души, сколько-нибудь возвышенной. Въ такой борьбѣ крѣпнетъ воля, и въ побѣдѣ надъ собою заключается

истинная сила мужа, которую иные ошибочно полагаютъ въ какой-то грубости формъ, въ нескромности, въ рѣшительномъ и поспѣшномъ или даже шумливомъ проявленіи своей воли. Сила мужа даже не существенно состоитъ въ перенесеніи страданій душевныхъ и тѣлесныхъ: въ этомъ отношеніи слабая женщина нерѣдко превосходитъ насъ; сила мужа, повторяю, всего болѣе оправдываетъ себя въ самообладаніи.

Показавъ, что предлежитъ вамъ въ отношеніи къ чувству и характеру, обращаюсь къ степени умственнаго развитія, на которой вы теперь находитесь. Юношескій умъ еще далекъ отъ зрѣлости; о многомъ онъ судитъ еще поверхностно и невѣрно; пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія, какъ бы ни были они разнообразны, еще не довольно тверды и глубоки, потому что не подкрѣпляются опытомъ. Въ настоящее время вы не можете вполнѣ оцѣнить справедливости этихъ словъ, но придетъ пора, когда вы сами убѣдитесь въ истинѣ ихъ. Вспомните, что вы еще въ томъ возрастѣ, когда многіе только что начинаютъ университетское образованіе и посвящаютъ ему нѣсколько лѣтъ; вспомните, что величайшій мудрецъ древняго міра въ томъ только ставилъ свое превосходство надъ другими философами, что онъ сознавалъ ничтожество своихъ свѣдѣній, говоря: „Я знаю только то, что ничего не знаю“. Каковы же, предъ судомъ такого ума, должны быть юношескія познанія! Но они не только слабы по своей незрѣлости: и самая мѣра ихъ недостаточна для жизни. Вы пріобрѣли значительный запасъ общихъ приготовительныхъ свѣдѣній: теперь надобно ихъ упрочить и разработать. Государство, въ довѣренности къ данному вамъ воспитанію, принимаетъ васъ въ составъ свой, какъ зрѣлыхъ гражданъ; но вамъ остается еще много трудиться надъ самими собой, чтобъ заслужить это довѣріе. Всякій, въ назначенномъ ему кругѣ дѣйствія, долженъ честно и добросовѣстно расширять и углублять потребныя преимущественно для этого круга свѣдѣнія. Ужели вы захотите уподобиться ученику, который, не помня себя отъ радости послѣ конченнаго экзамена, передъ отпускомъ къ родителямъ, рветъ и бросаетъ наскучившія ему книги и тетради, забывая, что черезъ нѣсколько недѣль онѣ ему опять понадобятся? Такъ же, хоть не столь ребячески, мыслятъ тѣ, которые, вступая въ свѣтъ, полагаютъ, что имъ уже не нужно учиться и дополнять познанія, сообщенныя имъ въ училищѣ. Они считаютъ достаточнымъ, внѣ часовъ, занятыхъ службою, питать свой умъ такъ называемымъ легкимъ чтеніемъ, современными романами и повѣстями, газетами и развѣ еще журнальною критикой, чтобы, какъ говорится, слѣдить за литературою. Но какая это скудная пища для ума серьезнаго и любознательнаго! Любознательность, конечно, всѣмъ вамъ болѣе или менѣе свойственна; она во всѣхъ васъ пробуждена наукою и чтеніемъ. Не давайте ей только ослабѣть и уснуть отъ примѣра людей, которые тьму предпочитаютъ свѣту отъ убійственной суетности и отъ вліянія нѣкоторыхъ предубѣжденій.

Одно изъ такихъ предубѣжденій есть распространенная въ обществѣ страсть къ новизнѣ. То, что не ново въ области литературы, считаютъ и нестоящимъ вниманія. Если вы мнимому любителю чтенія, жалующемуся на недостатокъ книгъ, предложите геніальное произведеніе прошлыхъ десятилѣтій — не говорю уже: столѣтій, — онъ вамъ презрительно отвѣтитъ: „Какое старье!“—а между тѣмъ это старье никогда не было въ его рукахъ! Оттого превосходнѣйшія творенія прошедшихъ вѣковъ остаются неизвѣстными большей части нашихъ современниковъ. О новости произведеній литературы должны мы судить по отношенію къ намъ самимъ, а не ко времени, въ которое живемъ. Все прекрасное, созданное геніемъ, есть достояніе человѣчества, и мы не должны добровольно лишать себя этихъ плодовъ образованія потому только, что они не принадлежатъ нашей эпохѣ. Какъ много между ними такихъ, которые несравненно выше всего, что пишется въ наше время, которыхъ дѣйствіе на умъ, сердце и вкусъ гораздо благотворнѣе, нежели прочтеніе цѣлыхъ десятковъ современныхъ разсказовъ или фельетонныхъ статей!

Другое предубѣжденіе нашего времени придаетъ слишкомъ много важности чтенію газетъ, которыя часто поглощаются совсѣмъ не изъ любознательности, а изъ суетнаго желанія щеголять знаніемъ всякой свѣжей новости и не дать другому упредить себя въ сообщеніи какого бы то ни было извѣстія. За явленіями политическаго и духовнаго міра, конечно, каждый образованный человѣкъ долженъ слѣдить въ извѣстной мѣрѣ: это для него одна изъ живыхъ потребностей. Но если такое занятіе наполняетъ слишкомъ большую долю его жизни, то онъ не успѣваетъ уже удовлетворять инымъ, столько же важнымъ интересамъ ума, и особенно для другого чтенія почти не остается свободныхъ минутъ. А между тѣмъ во сколько разъ занимательнѣе, напримѣръ, картина прошедшаго, изображаемая намъ строгою исторіею! Черты настоящаго, предлагаемыя намъ газетами, не только не образуютъ полной его картины, но заключаютъ въ себѣ одни отрывочные и очень часто загадочные матеріалы для составленія такой картины въ будущемъ. Это повѣсть безъ развязки, составляющаяся изъ недосказанныхъ словъ, заключающая въ себѣ много увлекательныхъ строкъ, но еще болѣе общихъ мѣстъ, многословныхъ тирадъ, скучныхъ повтореній,— гдѣ мы, къ сожалѣнію, сверхъ того нерѣдко встрѣчаемъ ложь, противорѣчія и сплетни. Итакъ, слишкомъ усердное чтеніе газетъ столько же гибельно для времени, сколько, съ другой стороны, совершенное незнакомство съ ними противно образованности.

Одно изъ благороднѣйшихъ наслажденій доставляется намъ, еще и въ зрѣломъ возрастѣ, созерцаніемъ, въ твореніяхъ лучшихъ писателей, разнообразныхъ явленій міра насъ окружающаго. Здѣсь обильную пищу душѣ приносятъ не одни труды мысли, но и плоды творческой фантазіи. Да не изсякнетъ въ васъ любовь къ поэзіи посреди житей-

скихъ заботъ, служебныхъ занятій, людскихъ страстей! Строгая, но и холодная дѣятельность чиновника или ученаго заставляетъ часто того и другого смотрѣть на поэзію, какъ на игрушку воображенія, годную только для юности или для праздности. Не увлекайтесь этимъ поверхностнымъ взглядомъ людей съ изсохшею душой. Дорожите всегда прекраснѣйшимъ искусствомъ, которое нѣкогда процвѣтало въ Лицеѣ и до сихъ поръ высоко въ немъ цѣнится. Не къ творчеству въ поэзіи приглашаю васъ—и мысль о немъ должна быть далеко отъ непризванныхъ; но пусть поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ, а особенно наши отечественные поэты продолжаютъ воспитывать ваше эстетическое чувство, согрѣваютъ вашу душу, доставляютъ вамъ отраду и утѣшеніе въ заботахъ, огорченіяхъ и разочарованіяхъ жизни. Вообще русской литературѣ законно принадлежитъ преимущественное право на ваши досуги. Пренебрежете ли вы ею за то, что она не такъ богата, какъ другія, болѣе счастливыя литературы Европы? Но она намъ родная и должна быть тѣмъ милѣе всякому русскому, что не только для будущаго ея, но и для изученія ея прошлаго еще такъ много остается сдѣлать; она нуждается не только въ дѣятеляхъ, но и въ любителяхъ.

Такимъ образомъ, часть вашихъ досуговъ наполнится благородными и плодотворными наслажденіями умственными, ими украсится вашъ домашній міръ...

Въ жизни каждаго изъ насъ можно отличить три отдѣльныя сферы: служебную, общественную и домашнюю. Разсмотрѣнію ихъ посвятимъ послѣднія минуты нашей бесѣды. Начнемъ съ дома, какъ съ поприща, которому мы прежде всего принадлежимъ.

Счастливы тѣ изъ васъ, которые при вступленіи въ свѣтъ возвращаются въ домъ родительскій или входятъ въ семейство родныхъ. Правда, имъ предстоитъ болѣе обязанностей, но зато и болѣе отрадъ. Жизнь домашняя слагается изъ множества элементовъ; но это по преимуществу сфера для дѣятельности сердца. Если мы поставимъ въ параллель три разсмотрѣнныя нами стороны духа съ тремя сейчасъ названными сторонами жизни, то найдемъ, что, хотя духъ нераздѣльно дѣйствуетъ въ каждой изъ послѣднихъ, однакожъ, дому предпочтительно соотвѣтствуетъ чувство, обществу—умъ, а службѣ—характеръ. Домъ есть въ собственномъ смыслѣ школа самоусовершенствованія: здѣсь отношенія къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, даже къ слугамъ безпрестанно заставляютъ насъ обнаруживать самыя тайныя побужденія, самые глубокіе изгибы сердца. Здѣсь—не такъ, какъ въ обществѣ — нельзя *казаться* однимъ, а *быть* другимъ, нельзя носить маску, нельзя улыбаться и быть веселымъ, когда въ сердцѣ мракъ и горечь. Домашній міръ, семейное счастье возможны только тогда, когда взаимными отношеніями управляютъ лучшія чувства сердца человѣческаго. Семья—начало государства; гдѣ два человѣка сойдутся для общежитія, тамъ одинъ изъ нихъ уже долженъ отказаться отъ нѣ-

которой доли своей свободы, своихъ личныхъ стремленій въ пользу другого; тѣмъ болѣе это необходимо въ семействѣ. Какое поприще для упражненія духа въ самоотверженіи, въ уступчивости, въ обладаніи надъ своими страстями! Только тотъ, кто умѣетъ управлять собою, въ комъ всѣ движенія сердца чисты и благородны, можетъ вполнѣ наслаждаться семейною жизнію. Зато сколько она доставитъ ему утѣшеній въ неудачахъ свѣта, сколько вознагражденій за всѣ внѣшнія тревоги и огорченія! Этого блага будутъ лишены тѣ ихъ васъ, которые въ домашнемъ мірѣ обречены на одиночество. Но тѣмъ болѣе будетъ у нихъ возможности продолжать образованіе своего ума усладительными и благотворными для души занятіями, и они должны тѣмъ усерднѣе пользоваться этою возможностью—для избѣжанія скуки и праздности и пагубныхъ развлеченій, которыхъ онѣ заставляютъ искать.

Жизнь семейная налагаетъ на насъ строгіе законы; но зато она исполняющему ихъ даритъ нравственное довольство и истинное счастье. Не таково общество: оно требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ, но вознаграждаетъ за нихъ скудно и обманчиво; оно беретъ много, а даетъ мало. Кто желаетъ играть въ немъ роль, кто ищетъ его благосклонности, кто дорожитъ его удовольствіями, тотъ долженъ часто измѣнять обязанностямъ семейной жизни или своего внѣшняго круга дѣйствія. И что-жъ? Благосклонность общества прихотлива и непрочна; на угожденіе его суетнымъ требованіямъ надо посвящать много времени, надо отказываться отъ наслажденій болѣе существенныхъ. Шумныя удовольствія, даруемыя свѣтомъ, не оставляютъ въ душѣ ничего, кромѣ пустоты, и имѣютъ только то благое дѣйствіе, что тѣмъ самымъ пробуждаютъ затаенную въ насъ потребность болѣе истинныхъ благъ. Но общество представляетъ и другую, болѣе утѣшительную сторону: оно открываетъ намъ возможность пріятнаго обмѣна мыслей, отраднаго участья сердца, благородныхъ привязанностей и чистыхъ удовольствій, доставляемыхъ созерцаніемъ добра въ другихъ, оцѣнкою чужого достоинства. Отсюда слѣдуетъ, что совершенно избѣгать общества было бы непростительною ошибкою, значило бы лишать себя прекрасной стороны жизни. Нельзя отвергать въ немъ важной образовательной силы, которою и должно пользоваться, ища въ общественной жизни освѣжительнаго развлеченія отъ трудовъ и заботъ, сопровождающихъ всякую дѣятельность. Но служить, поклоняться обществу, какъ кумиру—вотъ заблужденіе, столько же опасное для сердца, какъ и для счастья; для исключительныхъ жрецовъ своихъ оно становится гибельною школою суетности и тщеславія и неблагодарно казнитъ презрѣніемъ и клеветою тѣхъ, которые въ немъ искали единственной своей отрады и во вниманіи его, въ успѣхахъ предъ нимъ полагали главную цѣль свою.

Наконецъ, перейдемъ къ службѣ. Къ этому поприщу лицейское воспитаніе спеціально готовило васъ, и потому здѣсь вы должны преимущественно оправдать попеченія правительства и начальства о вашей

юности; здѣсь наиболѣе должны вы обнаружить любовь къ труду постоянному и полезному, пониманіе святости долга, составляющее существенное основаніе и условіе всякой доблести въ государствѣ; здѣсь обширное поле и для способностей, для знаній вашихъ—въ гражданской дѣятельности, и для характера—въ согласованіи ея съ вашими убѣжденіями, въ сохраненіи вашего нравственнаго достоинства; и для чувства—въ преданности и благодарности Царю, въ любви къ отечеству и къ согражданамъ, въ соблюденіи правды, въ доставленіи помощи и опоры вашей тѣмъ, которые будутъ въ ней нуждаться. Нашъ просвѣщенный и благодушный Монархъ неусыпно печется о возвышеніи благосостоянія Россіи, о распространеніи въ ней образованности и добрыхъ нравовъ, объ укорененіи во всѣхъ сословіяхъ уваженія къ обязанности и привычки къ совѣстливому ея выполненію. Пусть каждый изъ васъ, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ содѣйствовать достиженію цѣли мудрыхъ попеченій Государя. Да не будутъ въ службѣ главными предметами вашихъ усилій—успѣхъ ея для васъ самихъ, лестныя награды, такъ называемая *карьера*, наслажденіе обгонять другихъ въ чинахъ и титлахъ! Не будьте похожи на множество людей, которые въ жертву кумиру честолюбія приносятъ достоинство своего характера и изъ угожденія тѣмъ, отъ кого зависитъ судьба ихъ, упускаютъ изъ виду свои важнѣйшія и священнѣйшія обязанности. Нѣтъ: идите въ путь съ готовностью не быть узнанными, не быть оцѣненными,—даже съ увѣренностью, что истинная, но скромная заслуга рѣдко сознается и награждается по всей справедливости; имѣйте въ виду одно только: вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ, несмотря ни на какія внѣшнія выгоды, дѣйствовать благородно и добросовѣстно. Отечеству нужны безкорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на полѣ чести гражданской: становитесь же твердо въ ряды этихъ воиновъ, подъ свѣтлыя знамена этой прекрасной борьбы; вамъ даровано государствомъ образованіе для того, чтобы вы вѣрой и правдой служили государству: не могутъ между вами найтись измѣнники долгу: иначе былъ бы позоръ образованію, позоръ наукѣ. Идите же въ путь долгій и трудный, молодые новобранцы правды и пользы гражданской, боритесь орудіемъ чести со всякимъ врагомъ ихъ, явнымъ и тайнымъ, и не на устахъ только, но и въ сердцѣ носите многозначительный обѣтъ: служить по совѣсти Царю и отечеству.

Да благословитъ же васъ Провидѣніе и да удержитъ васъ на прямомъ, хотя и трудномъ пути, который я въ этой прощальной бесѣдѣ старался указать вамъ.

Я. К. Гротъ.

21. Рѣчь на юбилеѣ И. А. Крылова.

(2 февраля 1838 г.).

Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединило насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ! Мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы, отъ насъ немногихъ, услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ.

Мы благодаримъ васъ, во-первыхъ, *за самихъ себя*: за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ *за нашихъ юношей* прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ *за русскій народъ*, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и *за знаменитость вашего имени*: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы.

Но, выражая передъ вами тѣ чувства, которыя всѣ находящіеся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ недостаетъ *двухъ*, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ, и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ—знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя. Другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о *Дмитріевѣ* и *Пушкинѣ* само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ *Крылова*.

Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе,—чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь покойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ,—уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы, а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.

В. А. Жуковскій.

22. Застольная рѣчь,

произнесенная на торжественномъ обѣдѣ по случаю открытія въ Москвѣ памятника Пушкину 6 іюня 1880 г.

Почти наканунѣ нынѣшняго торжества открылось въ Петербургѣ Общество, которое поставило себѣ задачей изыскивать способы, какъ бы предотвратить злую необходимость войны и водворить миръ на землѣ. Отдадимъ справедливость по крайней мѣрѣ добрымъ намѣреніямъ. Пожелаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ подолѣе длилось то состояніе перемирія, въ которомъ державы находятся отъ войны до войны.

Это случайное совпаденіе да послужитъ добрымъ знаменіемъ на праздникѣ мира, который оживилъ нашу Москву и привлекъ въ нее столько гостей.

Если на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ заодно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества? Неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви и общаго чествованія?

На праздникѣ Пушкина, предъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній,—быть можетъ, несогласныхъ, быть можетъ, непріязненныхъ. Вѣрно однако то, что всѣ собрались добровольно,—стало быть, съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина и надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято въ добромъ смыслѣ всѣми, всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были, и откуда бы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ,—но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. И, кто знаетъ,—быть можетъ, это минутное сближеніе послужитъ для многихъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію,—по крайней мѣрѣ, къ смягченію вражды между враждующими.

Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ, люди, такъ же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникъ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серіозную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается человѣческими слабостями, и изъ нихъ есть одна, которая особенно плодитъ недоразумѣнія и вноситъ отраву во взаимныя отношенія людей.

Всякій любитъ хорошее. Всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное не любить въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землю, если бы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

Не будемъ предаваться и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что

сила свѣта возьметъ свое, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно....

Но на пиршествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшимся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ, на который никто не можетъ не откликнуться:

„Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума...
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

М. Н. Катковъ.

---

23. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго.

(Рѣчь, произнесенная 26 сентября 1892 г. на торжественномъ собраніи Моск. Дух. Академіи въ память преп. Сергія Радонежскаго).

Когда вмѣстѣ съ разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой Лавры, иногда думаешь, почему въ этой обители нѣтъ и не было особаго наблюдателя, подобнаго древнерусскому лѣтописцу, который спокойнымъ, неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ и ровной, безстрастной рукой записывалъ, „еже содѣяся въ русской землѣ“, и дѣлалъ это одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будто это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія. Такой безсмѣнный и неумирающій наблюдатель разсказалъ бы, какіе люди приходили въ теченіе 500 лѣтъ поклониться гробу преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы русской земли. Между прочимъ, онъ объяснилъ бы намъ, какъ это случилось, что составъ общества, непрерывною волной притекавшаго ко гробу преподобнаго, въ теченіе пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни преподобнаго, какъ разсказываетъ его жизнеописатель современникъ, многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ, и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селѣ живущіе“. И въ наши дни люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу преподобнаго съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя и радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не

измѣнялся въ теченіе вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества: старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключомъ, какъ били въ XIV вѣкѣ. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано передъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочемъ, если преп. Сергій доселѣ остается для приходящихъ къ нему тѣмъ же, чѣмъ былъ для нихъ при своей жизни, то и теперь на ихъ лицахъ можно прочитать то же, что прочиталъ бы монастырскій наблюдатель на лицахъ своихъ современниковъ 400 или 500 лѣтъ назадъ. Достаточно взглянуть на первыя встрѣчныя лица изъ многаго множества, въ эти дни здѣсь тѣснящагося, чтобы понять, во имя чего поднялись съ своихъ мѣстъ эти десятки тысячъ, а сотни другихъ мысленно слѣдовали за ними. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ уже пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящихся у этой гробницы, какъ солнечный лучъ впродолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтится въ каплѣ чистой воды. Спросите любого изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалека, какъ жилъ преп. Сергій и что сдѣлалъ для Руси XIV вѣка, чѣмъ онъ *былъ* для своего времени, и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ, что онъ *есть* для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно.

Есть имена, которыя носили историческіе люди, жившіе въ извѣстное время, дѣлавшіе исторически-извѣстное дѣло, но имена, которыя уже утратили хронологическое значеніе, выступили изъ границъ времени, когда жили ихъ носители. Это потому, что дѣло, сдѣланное такимъ человѣкомъ, по своему значенію такъ далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица, его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное, и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлые вѣка благоговѣйно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для

того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила, имъ завѣщаннаго. Таково имя преп. Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія.

Какой подвигъ такъ освятилъ это имя?

Надобно припомнить время, когда подвизался преподобный. Онъ родился, когда вымирали послѣдніе старики, увидѣвшіе свѣтъ около татарскаго погрома русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые бы этотъ разгромъ помнили. Но во всѣхъ русскихъ нервахъ еще до боли было живо впечатлѣніе ужаса, произведеннаго этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ и постоянно подновлявшагося многократными мѣстными нашествіями татаръ. Это было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносятъ не только матеріальное, но и нравственное разореніе, надолго повергая народъ въ мертвенное оцѣпенѣніе. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже—ужасомъ отцовъ, пережившихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татариномъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно бросались бѣжать, сами не зная куда. Внѣшняя случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хроническій недугъ; паническій ужасъ одного поколѣнія могъ развиться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человѣчества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола повело къ паденію великаго европейскаго народа.

Могла ли, однако, прибавиться такая страница? Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ—онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

Русскіе люди, сражавшіеся и уцѣлѣвшіе въ бою на Сити, сошли въ могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется-ли гдѣ заря освобожденія. За ними послѣдовали ихъ дѣти, тревожно наблюдавшія, какъ многочисленные русскіе князья холопствовали передъ татарами и дрались другъ съ другомъ. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться къ необычнымъ дѣламъ на русской землѣ.

Въ то время, какъ всѣ русскія окраины страдали отъ внѣшнихъ враговъ, маленькое срединное московское княжество оставалось безопаснымъ, и со всѣхъ краевъ русской земли потянулись туда бояре и простые люди. Въ то же время московскіе князьки, братья Юрій и этотъ

самый Иванъ Калита, смѣло, безъ оглядки и раздумья, пуская противъ враговъ всѣ доступныя средства, ставя въ игру все, что могли поставить, вступили въ борьбу со старшими и сильнѣйшими князьями за первенство, за старшее Владимірское княженіе, и при содѣйствіи самой Орды отбили его у соперниковъ. Тогда же устроилось такъ, что и русскій митрополитъ, жившій во Владимірѣ, сталъ жить въ Москвѣ, придавъ этому городку значеніе церковной столицы русской земли. И какъ только случилось все это, всѣ почувствовали, что татарскія опустошенія прекратились, и наступила давно неиспытанная тишина въ русской землѣ. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княженіе, когда ей впервые въ сто лѣтъ рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Такъ въ половинѣ XIV вѣка подросло поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніемъ этой тишины, начавшее отвыкать отъ страха ордынскаго, отъ нервной дрожи отцовъ при мысли о татаринѣ. Недаромъ представителю этого поколѣнія, сыну великаго князя Ивана Калиты Симеону, современники дали прозваніе Гордаго. Это поколѣніе и почувствовало, ободренное, что скоро забрезжетъ свѣтъ... Въ это именно время, въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV вѣка, совершились три знаменательныя событія: изъ московскаго Богоявленскаго монастыря вызванъ былъ на церковно-административное поприще скрывавшійся тамъ скромный 40-лѣтній инокъ Алексій; тогда же одинъ 20-лѣтній искатель пустыни, будущій преподобный Сергій, въ дремучемъ лѣсу—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—поставилъ маленькую деревянную келлію съ такой же церковью, а въ Устюгѣ, у бѣднаго соборнаго причетника родился сынъ, будущій просвѣтитель пермской земли св. Стефанъ. Ни одного изъ этихъ именъ нельзя произнести, не вспомнивъ двухъ остальныхъ. Эта присноблаженная тріада яркимъ созвѣздіемъ блещетъ въ нашемъ XIV вѣкѣ, дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія русской земли. Тѣсная дружба и взаимное уваженіе соединяли ихъ другъ съ другомъ. Митрополитъ Алексій навѣщалъ Сергія въ его обители и совѣтовался съ нимъ, желалъ имѣть его своимъ преемникомъ. Припомнимъ задушевный разсказъ въ житіи преподобнаго Сергія о проѣздѣ св. Стефана Пермскаго мимо Сергіева монастыря, когда оба друга на разстояніи 10 слишкомъ верстъ обмѣнялись братскими поклонами.

Всѣ три пастыря, подвизаясь каждый на своемъ поприщѣ, дѣлали одно общее дѣло, которое простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Это дѣло—укрѣпленіе русскаго государства, надъ созиданіемъ котораго трудились московскіе князья XIV вѣка. Это дѣло было исполненіемъ завѣта, даннаго русской церковной іерархіи величайшимъ святителемъ древней Руси—митрополитомъ Петромъ: еще въ мрачное время татарскаго ига, когда ниоткуда не проступалъ лучъ надежды, онъ, по пре-

данію, пророчески благословилъ бѣдный тогда городокъ Москву, какъ будущую церковную и государственную столицу русской земли. Духовными силами трехъ нашихъ пастырей XIV в., воспринявшихъ этотъ завѣтъ святителя, русская земля и пришла поработать надъ предвозвѣщенной судьбой этого города. Ни одинъ изъ нихъ не былъ кореннымъ москвичомъ; но въ ихъ лицѣ сошлись для общаго дѣла три основныя части русской земли: Алексій, сынъ черниговскаго боярина-переселенца, представлялъ старый кіевскій югъ, Стефанъ—новый финско-русскій сѣверъ, а Сергій, сынъ ростовскаго боярина-переселенца, велико-русскую средину. Они приложили къ дѣлу могущественныя духовныя силы. Это были образованнѣйшіе люди своего вѣка: о нихъ древніе жизнеописатели замѣчаютъ, что одинъ „всю грамоту добрѣ умѣя“, другой—„научися всей грамотичнѣй хитрости и книжной силѣ“, третій—„всякое писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде“. Потому вѣдь и удалось московскимъ князьямъ такъ успѣшно собрать въ своихъ рукахъ матеріальныя, политическія силы русскаго народа, что имъ дружно содѣйствовали добровольно соединившіяся духовныя его силы.

Но въ общемъ дѣлѣ каждый изъ трехъ святителей избралъ себѣ свою особую часть. Они не составляли общаго плана дѣйствій, не распредѣляли между собою призваній и подвиговъ и не могли этого сдѣлать, потому что были люди разныхъ поколѣній. Они хотѣли работать надъ самими собою, дѣлать дѣло собственнаго душевнаго спасенія. Дѣятельность каждаго текла своимъ особымъ русломъ, но текла въ одну сторону съ двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующій умъ прозрѣваетъ міродержавную десницу Провидѣнія. Личный долгъ каждаго своимъ путемъ велъ всѣхъ троихъ къ одной общей цѣли.

Происходя изъ родовитаго боярства, искони привыкшаго дѣлить съ князьями труды обороны и управленія страны, митрополитъ Алексій шелъ боевымъ политическимъ путемъ, былъ преемственно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярской думой, ѣздилъ въ Орду ублажать хановъ, отмаливая ихъ отъ злыхъ замысловъ противъ Руси, воинствовалъ съ недугами Москвы всѣми средствами своего сана, каралъ церковнымъ отлученіемъ русскихъ князей, непослушныхъ московскому государю, поддерживая его гегемонію, съ неослабной энергіей отстаивая значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго средоточія всей политически разбитой русской земли.

Уроженецъ города Устюга, въ краю котораго новгородская и ростовская колонизація, сливаясь и вовлекая въ свой потокъ туземную Чудь, создавала изъ нея новую Русь,—св. Стефанъ пошелъ съ христіанской проповѣдью въ пермскую землю — продолжать это дѣло обрусѣнія и просвѣщенія заволжскихъ инородцевъ.

Такъ церковная іерархія благословила своимъ починомъ двѣ на-

родныя цѣли, достиженіе которыхъ послужило основаніемъ самостоятельнаго политическаго существованія нашего народа: это — сосредоточеніе династически раздробленной государственной власти въ московскомъ княжескомъ домѣ и пріобщеніе восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ русской церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди.

Но, чтобы сбросить варварское иго, построить прочное, независимое государство и ввести дикихъ инородцевъ въ ограду христіанской церкви, — для этого самому русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ. Этому третьему дѣлу—нравственному воспитанію народа—и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій. То была внутренняя миссія, долженствовавшая служить подготовкой и обезпеченіемъ успѣховъ миссіи внѣшней, начатой пермскимъ просвѣтителемъ: преп. Сергій и вышелъ на свое дѣло значительно раньше св. Стефана. Разумѣется, онъ могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку; а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Жизнеописатель, самъ жившій въ братствѣ, воспитанномъ Сергіемъ, живыми чертами описываетъ, какъ оно воспитывалось, съ какой постепенностью и любовью къ человѣку, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ души человѣческой. Мы всѣ читали и перечитывали эти страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дровоколомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новика, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью дозоромъ ходилъ мимо келлій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, „тихой и кроткой рѣчью“ вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады. Читая эти разсказы, видишь передъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную, тер-

пѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ преп. Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго, какъ въ мозаической иконѣ различные по величинѣ и цвѣту камушки укладываются подъ рукой мастера въ гармоническое выразительное изображеніе. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали умѣнье тихо и кротко настраивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства, — то умѣнье, передъ которымъ не устоялъ самый упрямый русскій человѣкъ XIV вѣка—князь Олегъ Ивановичъ Рязанскій, когда по просьбѣ великаго князя московскаго Димитрія Ивановича, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, „старецъ чудный“ отговорилъ „суровѣйшаго“ рязанца отъ войны съ Москвой, умиливъ его тихими и кроткими рѣчами и благоувѣтливыми глаголами.

Такъ воспиталось дружное братство, производившее, по современнымъ свидѣтельствамъ, глубокое назидательное впечатлѣніе на мірянъ. Міръ приходилъ къ монастырю съ пытливымъ взглядомъ, какимъ онъ привыкъ смотрѣть на монашество, и если его не встрѣчали здѣсь словами *прійди и виждь*, то потому, что такой зазывъ былъ противенъ Сергіевой дисциплинѣ. Міръ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ преп. Сергія, и то, что онъ видѣлъ, бытъ и обстановка пустыннаго братства, поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко людское христіанское общежитіе. Въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичокъ, пришедшій въ обитель преп. Сергія повидать прославленнаго, величественнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско“; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ самыми кельями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни, и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ за недостаткомъ свѣчъ пахло лучиной; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатъ на сермяжной рясѣ игумена; чего ни хватись, всего нѣтъ, по выраженію жизнеописателя; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба. Но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой, и всѣ молятся послѣ работы, во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя

примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей. Намъ, страдающимъ избыткомъ нравственныхъ возбужденій и недостаткомъ нравственной воспріимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся изъ этихъ наблюденій настроеніе нравственной сосредоточенности и общественнаго братства, какое разносили по своимъ угламъ изъ этой пустыни побывавшіе въ ней люди XIV в. Такихъ людей была капля въ морѣ православнаго русскаго населенія; но вѣдь и въ тѣсто немного нужно вещества, вызывающаго въ немъ живительное броженіе. Нравственное вліяніе дѣйствуетъ не механически, а органически; на это указалъ самъ Христосъ, сказавъ: „Царство Божіе подобно закваскѣ". Украдкой западая въ массы, это вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, перестроивало весь нравственный строй души русскаго человѣка XIV в. Отъ вѣковыхъ бѣдствій этотъ человѣкъ такъ оскудѣлъ нравственно, что не могъ замѣчать въ своей жизни недостатка этихъ первыхъ основъ христіанскаго общежитія, но еще не настолько очерствѣлъ отъ этой скудости, чтобы не почувствовать потребности въ нихъ.

Пробужденіе этой потребности и было началомъ нравственнаго, а потомъ и политическаго возрожденія русскаго народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преп. Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились ими съ другими. Никто тогда не считалъ гостей пустынника и тѣхъ, кого они дѣлали причастниками приносимой имъ благодатной росы, — никто не думалъ считать этого, какъ человѣкъ, пробуждающійся съ ощущеніемъ здоровья, не думаетъ о своемъ пульсѣ. Но къ концу жизни Сергія едва-ли вырывался изъ какой-нибудь православной груди на Руси скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призывомъ имени св. старца. Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ преп. Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ—великое событіе, совершившееся при жизни Сергія, а другой—цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись,

какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Глазъ историческаго знанія уже не въ состояніи разглядѣть хода этой подготовки великихъ борцовъ 1380 года; знаемъ только, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: „Иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебанія, и побѣдишь“,—и этотъ молодой вождь былъ человѣкъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ преп. Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринималось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Въ бѣдственный первый вѣкъ ига это стремленіе было очень слабо: во сто лѣтъ (отъ 1240 — 1340 гг.) возникло всего какихъ-нибудь десятка три новыхъ монастырей; зато въ слѣдующее столѣтіе 1340 — 1440 гг., когда Русь начала отдыхать отъ внѣшнихъ бѣдствій и приходить въ себя, изъ куликовскаго поколѣнія и его ближайшихъ потомковъ вышли основатели до 150 новыхъ монастырей. Такимъ образомъ древнерусское монашество было точнымъ показателемъ нравственнаго состоянія своего мірского общества: стремленіе покидать міръ усиливалось не оттого, что въ міру скоплялись бѣдствія, а по мѣрѣ того, какъ въ немъ возвышались нравственныя силы. Это значитъ, что русское монашество было отреченіемъ отъ міра во имя идеаловъ, ему непосильныхъ, а не отрицаніемъ міра во имя началъ, ему враждебныхъ. Впрочемъ, историческіе факты здѣсь говорятъ не болѣе того, что подсказываетъ самая идея православнаго иночества. Эта связь русскаго монастыря съ міромъ обнаружилась и въ другомъ признакѣ перелома, въ перемѣнѣ самаго направленія монастырской жизни со времени преп. Сергія. До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникавшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи. Такъ къ основной цѣли монашества, къ борьбѣ съ недостатками духовной природы человѣка, присоединилась новая борьба съ неудобствами внѣшней природы; лучше сказать, эта вторая цѣль стала новымъ средствомъ для достиженія первой.

Преп. Сергій съ своею обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни. Колоніи Сергіевой обители, монастыри, основанные учениками преподобнаго или учениками его учениковъ, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новыхъ монастырей во второмъ вѣкѣ татарскаго ига, и почти всѣ эти колоніи были пустынные монастыри, подобно своей митрополіи. Но, убѣгая отъ соблазновъ міра, основатели этихъ монастырей служили его насущнымъ нуждамъ. До половины

XIV в. масса русскаго населенія, сбитая врагами въ междурѣчье Оки и верхней Волги, робко жалась здѣсь по немногимъ расчищеннымъ среди лѣса и болотъ полосамъ удобной земли. Татары и Литва запирали выходъ изъ этого треугольника на западъ, югъ и юговостокъ. Оставался открытымъ путь на сѣверъ и сѣверовостокъ, за Волгу; но то былъ глухой, непроходимый край, кой-гдѣ занятый дикарями-финнами; русскому крестьянину съ семьей и бѣднымъ инвентаремъ страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. „Много было тогда некрещеныхъ людей за Волгой“, т. е. мало крещеныхъ, говоритъ старая лѣтопись одного заволжскаго монастыря о временахъ Сергія. Монахъ-пустынникъ и пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV в. возникло среди лѣсовъ костромского, ярославскаго и вологодскаго Заволожья: этотъ волжко-двинскій водораздѣлъ сталъ сѣверной Ѳиваидой православнаго Востока. Старинные памятники исторіи русской церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго Заволжья для христіанской церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконецъ—пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преп. Сергій.

Напутствуемые благословеніемъ старца, шли борцы—одни на югъ, за Оку—на татаръ, другіе на сѣверъ, за Волгу—на борьбу съ лѣсомъ и болотомъ.

Время давно свѣяло эти дѣла съ народной памяти, какъ оно же глубоко заметало вѣковой пылью кости куликовскихъ бойцовъ. Но память святого пустынножителя доселѣ царитъ въ народномъ сознаніи, какъ гробъ съ его нетлѣющими останками невредимо стоитъ на поверхности земли. Чѣмъ дорога народу эта память, что она говоритъ ему, его уму и сердцу? Современнымъ, засохшимъ въ абстракціяхъ и схемахъ, языкомъ трудно изобразить живыя, глубоко сокрытыя движенія вѣрующей народной души. Въ эту душу глубоко запало какое-то сильное и свѣтлое впечатлѣніе, произведенное когда-то однимъ человѣкомъ и произведенное неуловимыми, безшумными нравственными средствами, про которыя не знаешь, что и разсказать, какъ не находишь словъ для передачи иного свѣтлаго и ободряющаго, хотя и молчаливаго взгляда. Виновникъ впечатлѣнія давно ушелъ, исчезла и

обстановка его дѣятельности, оставивъ скудные остатки въ монастырской ризницѣ да источникъ, изведенный его молитвою,—а впечатлѣніе все живетъ, переливаясь свѣжей струей изъ поколѣнія въ поколѣніе, и ни народныя бѣдствія, ни нравственные переломы въ обществѣ доселѣ не могли сгладить его. Первое смутное ощущеніе нравственнаго мужества, первый проблескъ духовнаго пробужденія—вотъ въ чемъ состояло это впечатлѣніе. Примѣромъ своей жизни, высотой своего духа преп. Сергій поднялъ упавшій духъ родного народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее. Онъ вышелъ изъ насъ, былъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ; а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь изъ нашихъ была доступна. Такъ думали тогда всѣ на Руси, и это мнѣніе раздѣлялъ православный Востокъ,—подобно тому цареградскому епископу, который, по разсказу Сергіева жизнеописателя, пріѣхавъ въ Москву и слыша всюду толки о великомъ русскомъ подвижникѣ, съ удивленіемъ восклицалъ: „Како можетъ въ сихъ странахъ таковъ свѣтильникъ явитися?“ Преп. Сергій своей жизнью, самой возможностью такой жизни далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло; своимъ появленіемъ среди соотечественниковъ, сидѣвшихъ „во тьмѣ и сѣни смертнѣй“, онъ открылъ имъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того дня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ. Русскіе люди XIV вѣка признали это дѣйствіе чудомъ, потому что оживить и привести въ движеніе нравственное чувство народа, поднять его духъ выше его привычнаго уровня—такое проявленіе духовнаго вліянія всегда признавалось чудеснымъ, творческимъ актомъ; таково оно и есть по своему существу и происхожденію, потому что его источникъ—вѣра. Человѣкъ, разъ вдохнувшій въ общество такую вѣру, давшій ему живо ощутить въ себѣ присутствіе нравственныхъ силъ, которыхъ оно въ себѣ не чаяло, становится для него носителемъ чудодѣйственной искры, способной зажечь и вызвать къ дѣйствію эти силы всегда, когда онѣ понадобятся, когда окажутся недостаточными наличныя обиходныя средства народной жизни. Впечатлѣніе людей XIV вѣка становилось вѣрованіемъ поколѣній, за ними слѣдовавшихъ. Отцы передавали воспринятое ими одушевленіе дѣтямъ, а они возводили его къ тому же источнику, изъ котораго впервые почерпнули его современники. Такъ духовное вліяніе преп. Сергія пережило его земное бытіе и перелилось въ его имя, которое изъ историческаго воспоминанія сдѣлалось вѣчно дѣятельнымъ нравственнымъ двигателемъ и вошло въ составъ духовнаго богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственнаго личнаго впечатлѣнія, какое производилъ преподобный на современниковъ; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнѣть историческое воспоминаніе, замѣняясь церковною *памятью*,

которая превращала это впечатлѣніе въ привычное, поднимающее духъ, настроеніе. Такъ теплота ощущается долго послѣ того, какъ погаснетъ ея источникъ. Этимъ настроеніемъ народъ жилъ цѣлые вѣка; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядокъ. При имени преп. Сергія народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе и это правило—самые драгоцѣнные вклады преп. Сергія, не архивные или теоретическіе, а положенные въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками дѣяній на общее благо, памятями дѣятелей, внесшихъ наибольшее количество добра въ свое общество. Съ этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они—его питательная почва; въ нихъ его корни; оторвите его отъ нихъ—оно завянетъ, какъ скошенная трава. Они питаютъ не народное самомнѣніе, а мысль объ отвѣтственности потомковъ передъ великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преп. Сергія, мы провѣряемъ самихъ себя, пересматриваемъ свой нравственный запасъ, завѣщанный намъ великими строителями нашего нравственнаго порядка, обновляемъ его, пополняя произведенныя въ немъ траты. Ворота лавры преп. Сергія затворятся, и лампады погаснутъ надъ его гробницей—только тогда, когда мы растратимъ этотъ запасъ безъ остатка, не пополняя его.

В. О. Ключевскій.

---

24. Заслуга Достоевскаго.

(Изъ рѣчи въ Юридическомъ Обществѣ).

Милостивые государи! Когда вы окинете умственнымъ взоромъ время перехода нашего суда отъ отжившихъ старыхъ формъ къ новымъ,—окинете его во всей широтѣ различныхъ его проявленій,—вы увидите, что на границахъ этого перехода, какъ выразитель его необходимости, какъ нравственный наставникъ, стоитъ Достоевскій... Заступникъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, другъ падшихъ и слабыхъ—онъ выдвигаетъ ихъ впередъ, онъ является борцомъ за *живого человѣка*, котораго такъ недоставало старому судебному порядку, и котораго онъ намъ изобразилъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ, подлежавшихъ изученію подготовлявшагося тогда новаго суда. И въ этомъ его великая заслуга предъ русскимъ судебнымъ дѣломъ, предъ русскими юристами!

Таковъ Достоевскій, какъ художникъ и мыслитель, относительно

преступленія. Еще больше, быть можетъ, его заслуга по отношенію къ *наказанію*. Онъ первый познакомилъ насъ съ русскою каторгою, съ *дѣйствительною* Сибирью и наполнилъ живымъ, пробуждающимъ мысль, берущимъ за сердце содержаніемъ клѣточки карательной схемы, которую чертила намъ теорія. Онъ повелъ читателя въ гробницу живыхъ людей, скученныхъ вмѣстѣ, но страдающихъ одиноко и разно, и на вратахъ ея написалъ свое lasciate ogni speranza *)—„человѣкъ есть существо, ко *всему* привыкающее“. Онъ показалъ это *все* безъ злобы, безъ иронiи, безъ идеализаціи и преувеличенія. Живою картиною встаютъ подъ его перомъ стѣны каторжнаго острога, а въ этихъ стѣнахъ каторжные порядки, а въ порядкахъ этихъ сдавленные, приниженные, надломленные люди. Надломленные—да, но не *обезличенные*. У каждаго сохранена и подмѣчена его личность, въ каждомъ указаны характеристическія черты и общія человѣческія чувства, пробивающіяся сквозь арестантскій зипунъ. Не сѣрой массою, надъ которою безучастно и точно продѣлываются карательныя предписанія, а живымъ организмомъ, съ тревогами и радостями, ненавистью и надеждами, съ разнообразными личными оттѣнками, является населеніе „Мертваго Дома“. Представители его длинною вереницею проходятъ предъ нами. Тутъ и настоящіе, мрачно молодечествующіе злодѣи, бредящіе по ночамъ о крови и о ножахъ, и незлобивые, простые люди, и угрюмые изувѣры, и дѣтски довѣрчивые Алей и Нурра—эти горные орлы, тоскующіе по своимъ роднымъ вершинамъ,—и всѣ они согрѣты любовью автора, всѣ облечены въ плоть и кровь, на всѣхъ брошенъ лучъ примиренія, всѣмъ сказано слово искренняго, христіанскаго участія. Вся жизнь каторжной тюрьмы постепенно развертывается предъ нами, и новый міръ, ужасный извнѣ, оригинальный изнутри, любопытный въ началѣ, трогательный въ концѣ, возникаетъ въ освѣщеніи трезвой правды. Арестантскія ссоры и похвальбы, работа и отдыхъ, арестантская поэзія и театръ,—все, до каторжныхъ животныхъ включительно, встаетъ, какъ живое...

Посмотрите, сколько среди этого разбросано глубокихъ мыслей объ организаціи наказанія, о его вліяніи. Достоевскій, въ самомъ началѣ, становится на новую точку зрѣнія, глубоко психологическую, относительно пребыванія въ общей тюрьмѣ, со всѣми. Не необходимость жить съ людьми другого развитія и быта страшитъ его при вступленіи въ мертвый домъ,—нѣтъ, онъ сумѣетъ найти въ своей душѣ общія съ ними точки соприкосновенія для мирнаго сожительства,—но страшна мысль, что никогда, никогда не придется быть *одному*! Въ этомъ принудительномъ сообществѣ заключается, по его опыту, особая тяжесть тюрьмы, и къ этой мысли онъ не разъ возвращается, доказывая, что у человѣка никогда не слѣдуетъ отнимать воз-

*) «Оставьте всякую надежду». Надпись на вратахъ ада у Данта.

можности быть хоть нѣкоторое время одному, — что ему это такъ же необходимо, какъ необходимо для каждаго человѣка имѣть хоть одно такое мѣсто, „куда можно пойти“, хоть одно существо, которое и „его рода человѣка любитъ“. Но онъ вовсе не склоняется къ другой крайности, къ столь сильному въ послѣднее время увлеченію одиночною системою заключенія. Эта система полна, по его мнѣнію, ложныхъ и обманчивыхъ достоинствъ. „Она высасываетъ сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее—и потомъ, нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ, какъ образецъ исправленія и раскаянія“...

Пусть тюрьма не усугубляетъ наказанія человѣка, отнимая у него возможность *уединенія*, но пусть она и не разрушаетъ его нравственно и физически, навязывая ему *одиночество*: таковъ выводъ, который невольно вытекаетъ изъ взглядовъ Достоевскаго на внутреннюю организацію тюрьмы. „Нельзя живого человѣка сдѣлать трупомъ“,—восклицаетъ онъ — и постоянно, настойчиво, не словами только, а цѣлыми образами протестуетъ противъ ненужнаго униженія, противъ обезличенія арестанта, рисуя во многихъ мѣстахъ яркія картины вспышекъ придавленной личности, не могущей не заявлять о своихъ человѣческихъ, не отнятыхъ наказаніемъ правахъ. Говоритъ ли онъ о необходимости индивидуализировать наказаніе, чтобы избѣжать его жестокой неравномѣрности,—указываетъ ли онъ на тягость каторжныхъ работъ, состоящую не въ ихъ трудности, а въ ихъ безплодности въ глазахъ арестанта, оскорбляющей его и отнимающей у него энергію, — высказываетъ ли онъ предположеніе, что совершенная *безсмысленность* принудительной работы могла бы вызвать рядъ самоубійствъ, — дѣлаетъ ли увлекательный очеркъ вліянія первыхъ признаковъ весны на зарожденіе у каторжныхъ тоски по „волѣ“ и мысли о побѣгѣ,—во всемъ звучитъ гуманный призывъ видѣть въ обитателѣ мертваго дома прежде всего живую личность и уважать ея человѣческое достоинство, ни въ комъ совершенно не заглохшее. Въ этомъ призывѣ — величайшее достоинство „Записокъ изъ мертваго дома“!...

Мнѣ хочется сказать еще объ одной особенности Достоевскаго. Онъ былъ вѣчный заступникъ, вѣчный защитникъ слабыхъ. Онъ отдалъ поэтому свое сердце, со всѣми звуками и слезами, которые таились въ немъ,—дѣтямъ. На страницахъ его сочиненій всегда звучитъ призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящій въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его, общая съ великимъ англійскимъ романистомъ, съ Диккенсомъ, всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Только художникъ съ нѣжно-любящею, отзывчивою душою могъ такъ просто, правдиво и задушевно описать, какъ „входитъ горькая правда жизни“ въ ребенка, какъ негодуетъ, страдаетъ и плачетъ сердце его при несправедливости или жестокости. Онъ безгранично любилъ дѣтей и ста-

рался своимъ словомъ и нерѣдко дѣломъ отражать ихъ и отъ насилія, и отъ дурного примѣра. „Дневникъ писателя“ переполненъ самыми сердечными страницами о дѣтяхъ. Но съ дѣтьми—для юриста связанъ, помимо святой задачи ихъ защиты отъ насилія и нравственной порчи, еще одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ тюрьмовѣдѣнія—вопросъ о примѣненіи къ нимъ уголовной кары. Для уясненія, для правильной постановки этого вопроса, Достоевскій сдѣлалъ не мало, и всякій, кто захочетъ вдумчиво подвергать дѣтей карательному исправленію, не разъ долженъ будетъ искать совѣта, разъясненія, поученія на страницахъ, написанныхъ ихъ усопшимъ другомъ и заступникомъ. Онъ зналъ ихъ. Они вѣрили ему, шли къ нему съ любовью, слушали его съ серьезнымъ, искреннимъ вниманіемъ. Надо было видѣть его, окруженнаго дѣтьми,—какъ видѣлъ его я,—въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и въ камерахъ Литовскаго замка,—слышать его безыскусственный разговоръ безъ чуждо-звучащаго для дѣтей „вы“ и ихъ горячія просьбы „поговорить еще“ или „пріѣхать опять“, чтобы понять, какая сила внутренняго сродства съ душою „малыхъ сихъ“ жила въ его многолюбящей душѣ... Не въ тюремной дисциплинѣ, не въ правильно организованномъ трудѣ даже — видѣлъ онъ *главное* средство исправленія малолѣтнихъ преступниковъ: „Эти дѣтскія души видѣли мрачныя картины и привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ“,—говорилъ онъ,—„эти картины и впечатлѣнія останутся при нихъ навѣки и будутъ сниться имъ всю жизнь въ страшныхъ снахъ. Съ *этими ужасными впечатлѣніями* надобно войти въ борьбу исправителямъ и воспитателямъ дѣтей, искоренить ихъ и насадить новыя“... Таковъ его завѣтъ. Онъ труденъ, онъ не укладывается въ ординарныя рамки—но вѣдь и цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, не ординарна по своей высотѣ.

Милостивые государи! Далеко не все успѣлъ я сказать вамъ о Достоевскомъ, желая помянуть благодарнымъ словомъ его память. Но и сказаннаго, мнѣ думается, достаточно...

На широкомъ поприщѣ творческой дѣятельности онъ дѣлалъ то же, къ чему стремимся мы въ нашей узкой, спеціальной сферѣ. Онъ стоялъ всегда за нарушенное, за попранное право, ибо стоялъ за личность человѣка, за его достоинство, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этомъ правѣ. Изъ явленій матеріальной и духовной жизни, проходящихъ предъ нашими глазами отрывками, представляющихъ какъ бы кусочки мозаики,—онъ, силою своего великаго таланта, создалъ цѣлую картину, скрѣпивъ ея части одною внутреннею связью. На вратахъ дорогого намъ зданія, называемаго „судебными уставами“, написаны слова, которыя никогда не утратятъ своего глубокаго смысла. Ими должна опредѣляться наша дѣятельность. Но не онъ ли такъ жадно искалъ *правды* всю свою жизнь и такъ ревностно служилъ ей?.. Не у него ли, чрезъ все, что творилъ онъ, какъ красная нить, политая сле-

зами, проходитъ идея *милости*, призывъ къ снисхожденію, къ пониманію падшихъ и несчастныхъ?.. Изъ тяжелыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Сибири онъ вынесъ любящее и прощающее сердце и озарилъ свѣтомъ, исходящимъ изъ него, „темныя пропасти земли“... Почтимъ же память того, кто старался освѣтить намъ вѣрный путь и въ темной сферѣ уголовнаго изслѣдованія,—гдѣ, по невѣдѣнію, такъ легко отойти въ сторону отъ правды и, по невниманію, не увидать иногда основанія для милости! Почтимъ память того, кто высоко держалъ предъ нами свой свѣточъ и, указывая, гдѣ правда и какъ находить ее, настойчиво указывалъ на необходимость милости!

А. Ѳ. Кони.

---

25. Прощальное слово.

Въ отвѣтъ на благодарственное привѣтствіе, съ которымъ выдержавшіе окончательное испытаніе въ юридической комиссіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ обратились 24-го ноября 1890 г. къ предсѣдателю комиссіи, было сказано слѣдующее:

„Отъ имени коммиссіи сердечно благодарю васъ за выраженныя вами добрыя чувства. Они тѣмъ болѣе пріятны и дороги намъ, что, стало быть, наше посильное отношеніе къ возложенному на насъ нелегкому дѣлу нашло себѣ отголосокъ въ вашемъ чуткомъ пониманіи и молодой воспріимчивости. А отношеніе это было въ сущности лишь простымъ исполненіемъ *долга*, по совѣсти и крайнему разумѣнію, съ принятіемъ въ соображеніе всего того, что въ кругѣ вашихъ интересовъ и нуждъ мы находили дѣйствительно серьезнаго и разумнаго. Позвольте же мнѣ, господа, именно отсюда вытекающимъ душевнымъ и искреннимъ пожеланіемъ проводить васъ на открывающійся передъ вами широкій путь самостоятельной дѣятельности.

Не даромъ вы, потрудившись такъ долго и много, выдержали теперь *государственное* юридическое испытаніе. За порогомъ его начинается *вашъ* собственный *долгъ предъ государствомъ*, которому вы только ревностнымъ исполненіемъ этого долга можете отплатить за полученное образованіе и связанныя съ нимъ права. Сложенъ и труденъ, но зато святъ и великъ нравственный и общественный долгъ окончившаго курсъ русскаго юриста, кѣмъ бы ни сталъ онъ впослѣдствіи: служителемъ ли чистой науки, судебнымъ ли дѣятелемъ или работникомъ на какомъ-либо иномъ практическомъ поприщѣ. Исполнять этотъ долгъ значитъ: быть вѣрнымъ подданнымъ своего Государя, крѣпко любить свою родину, дѣятельно служить ей по мѣрѣ силъ и способностей, бережно чтить и хранить ея законы и основныя великія учрежденія, твердо стоять за правду и справедливость, смѣло бороться съ неправдой и зломъ. Скажу и еще: для исполненія этого долга нужно работать безъ устали и, работая, влагать въ дѣло, какъ говорится,

всю душу свою, нужно помнить великія задачи этого дѣла, не увлекаться легковѣсною фразой, не размѣниваться на житейскія мелочи, не замыкаться въ узкомъ личномъ эгоизмѣ, при которомъ возможна, конечно, внѣшняя практическая удача, но никогда не будетъ ни истиннаго уваженія окружающихъ, ни собственнаго внутренняго, высшаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго удовлетворенія. И если ко всему этому прибавить еще пожеланіе, чтобы вы, господа, въ предстоящей вамъ „битвѣ жизни“ сохранили въ неприкосновенной цѣлости все хорошее, пріобрѣтенное вами въ стѣнахъ университета, и не забывали лучшихъ стародавнихъ завѣтовъ московскаго студенчества, то дорога ваша намѣчена, и, каковы бы ни были ея трудности и невзгоды, повѣрьте мнѣ, рано ли, поздно ли, на ней васъ ждетъ честный и заслуженный успѣхъ!

Н. В. Муравьевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. В. ДУМНОВА

ПОДЪ ФИРМОЮ:

„Наслѣдники Бр. САЛАЕВЫХЪ“

(въ МОСКВѢ: на Мясницкой, д. Обидиной, и въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Невскаго проспекта и Екатерининскаго Канала, № 19)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Т. Н. Грановскій. Избранныя сочиненія. XXVI + 147 стр. 1905 г. Цѣна 75 к.

В. Соколовъ. *„Родная Рѣчь“*. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе 10-е. XIV + 462 стр. 1905 г. Цѣна 1 р.

В. Соколовъ. *„Родная Рѣчь“*. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе 7-е. VIII + 583 стр. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. Соколовъ. *„Родная Рѣчь“*. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть III (для старшихъ классовъ). **Проза**. VIII + 490 стр. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. Соколовъ и **В. Хитровъ.** *„Старина русской земли“*. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. VIII + 270 стр. 1903 г. Цѣна 85 к.

С. Радецкій и **В. Соколовъ.** *Латинская хрестоматія* съ русскими упражненіями для трехъ низшихъ классовъ. Изданіе 4-ое. 1899 г. Цѣна 1 р.

С. Радецкій и **В. Соколовъ.** *Римскіе писатели* въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Изданіе 2-ое. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

В. Соколовъ. *„Родная Рѣчь“*. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть III (для старшихъ классовъ). **Поэзія**.

...КНИГА
Ц. 15 К.
1101/21